

Валерий ШАМБАРОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

АНТИ- СОВЕТЧИНА

Сталин и Троцкий: Большой террор
или изгнание нечести?

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Сканировал и создал книгу - vtakhanov

Валерий ШАМБАРОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

АНТИ- СОВЕТЧИНА

МОСКВА

ЭКСМО

«АЛГОРИТМ»

2 0 1 1

Шамбаров В. Е.

Ш 19 Антисоветчина / Валерий Шамбаров. — М. : Эксмо :
Алгоритм, 2011. — 592 с. — (Политический бестселлер).

ISBN 978-5-699-48317-4

Политику в белых перчатках не делают – это становится ясно после прочтения данной книги. Скрытые механизмы Октября, феномен Сталина, Большой террор, а главное – кто, как и зачем боролся против СССР – вот ее основные темы. Автор, вскрывая хитросплетения мировой политики, показывает читателю, что какую бы форму ни принимала антисоветчина: вредителей, троцкистов, уклонистов или диссидентов, — нити от этих марионеток всегда ведут на Запад.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-699-48317-4

© Шамбаров В. Е., 2011
© ООО «Алгоритм-Издатель», 2011
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2011

На российских календарях было 2 марта 1917 г. от Рождества Христова. На западных календарях — 15 марта... Государь император поставил свою подпись и отложил перо. Перед ним лежал Акт об отречении.

«Божьею милостью Мы, Николай II, император Всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и пр., и пр., и пр. объявляем всем Нашим верноподданным. В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу было угодно ниспослать на Россию новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны... В эти решающие дни в жизни России, почли Мы долгом своим облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего облегчения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном Нашим, Мы передаем наследие наше брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского... Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ней — повиновения Царю в тяжелую минуту всенародного испытания, и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай».

Рядом скорбно застыли приближенные. Прибывшие из столицы во Псков Гучков и Шульгин с трудом скрывали радость и нетерпение, желание тут же выхватить подписанную бумагу. А государю хотелось, чтобы они поскорее взяли ее и ушли. Исчезли с глаз долой... Он просто очень устал. Он отрекался только за себя и за горячо любимого сына, не желая ему тех треволнений и грязи, через которые пришлось пройти самому. И его подпись не предполагала никаких потрясений Российской державы. Николай Александрович верил, что вполне легитимно передает власть брату, передает рычаги управления вполне легитимному, популярному у народа и общественности правительству «в согласии с Государственной Думой»...

Ну а Гучков и Шульгин радовались, что настолько легко обманули царя, выманив подпись и узаконив правительство, не обсуждавшееся и не предлагавшееся никакой Думой, а составленное в узком кругу масонов-заговорщиков. И теперь это правительство сможет рулить вовсе не так, как видится императору. Изменит сами основы государственности, прекроит их по образцу респектабельной и солидной Англии и сделает Россию такой же респектабельной конституционной державой...

Царь не знал и не мог предположить, что его столь нагло обманули. И двое заговорщиков, примчавшихся из столицы, не знали, что они тоже обмануты своими собратьями. Что все будет совершенно иначе. Не так, как грезили они. Не так, как уверяли их послы союзных держав. Никто из присутствующих не знал и не мог знать, к чему ведет только что совершившееся действие, в какие кошмары обрушивает оно страну и народ... И народ не знал, на какие кошмары он обрекает и себя, и данного ему от Бога царя, не поднявшись в его защиту...

И уж подавно никто, ни усталый царь, ни посланцы заговорщиков, ни подыгравший им генерал Рузский, ни траурно нахохлившиеся царедворцы, ни солдаты-часовые, равнодушно шагающие по снежным станционным путям, не знали другого. Что заговор против империи, реализовавшийся в их присутствии, вызрел вовсе не в Петрограде. И вовсе не в России.

Даже не в Европе, а за океаном. И свержение русского царя было отнюдь не самоцелью, а всего лишь одним из звеньев куда более широкого и глобального заговора.

Усиливался ветер, подхватывая снежинки по бескрайним полям, нес их поземкой, закручивал змейками и вихрями. Над Россией начиналась метель. Заметающая дороги, ослепляющая людей, засыпая им глаза, путая ориентиры, сбивая с пути и заставляя кружиться в своих студеных хаотичных потоках. Долгая, суровая метель...

ЧТО ТАКОЕ «ПЛАН ХАУСА»?

Доказательства того, что русская революция стала результатом операций отнюдь не внутренней оппозиции, а внешних сил, начали всплывать еще во время гражданской войны, хотя хода им не давалось, следы тщательно заматались, а компрометирующие документы прятались подальше. Тем не менее они существуют. Например, подборка материалов на данную тему содержится и в десятичном файле (861.00/5339) госдепартамента США и свидетельствует об антироссийском сговоре американских банкиров. Центральный документ данной подборки — доклад «Большевизм и иудаизм», датированный 13 ноября 1918 г. В нем указано, что «революция в России была задумана в феврале 1916 г.» «Было установлено, что нижепоименованные лица и предприятия принимали участие в этом разрушительном деле». Перечисляются видный банкир из фирмы «Кун и Лоеб» Яков Шифф, другие руководители той же фирмы — Феликс Варбург, Отто Кан, Мортимер Шифф, Джером Ханауэр, а также крупные американские финансовые тузы Гугенгейм, Макс Брейтунг, Исаак Зелигман.

Но нет, в деле были замешаны не только банкиры, не только «большевизм и иудаизм», и сговор был не только антироссийским. Он преследовал куда более грандиозные цели. В указанное время, в начале 1916 г. в кругах политической и деловой «закулисы» США вызрел план, который можно условно назвать «планом Хауса». Вам незнакомо это имя? Ничего удивительного, многим из современников оно тоже не

было знакомо. Тем не менее полковник Хаус являлся одним из самых влиятельных людей планеты.

В 1912 г. крупнейшие банкиры США провели на пост президента Вудро Вильсона. Известного историка, увлекающегося профессором и ярого протестанта, убежденного чуть ли не в своей «мессианской» роли спасения Америки, а то и всего мира. Впрочем, воображать он мог все что угодно. Главным спонсором выборной кампании являлся видный нью-йоркский финансист Бернард Барух. Он отличался от многих других собратьев тем, что не создавал крупных фирм, его называли «одиноким волком Уолл-стрита». Имел Барух и еще одну отличительную черту — он умел и любил делать бизнес на политике и на политиках. Но в выдвижении Вильсона он был отнюдь не одинок, его поддержали Дж. Морган, Шифф, Варбург и др. А режиссерами и сценаристами, блестяще разыгравшими ход предвыборной борьбы, были Барух и финансист из Техаса Мандел Хаус.

И Хаус стал не только советником, но и ближайшим другом Вильсона. Разумеется, вовсе не простым другом. Хаус фактически направлял и регулировал политику президента. И как раз он ради этого поддерживал Вильсона в «мессианских» убеждениях. Этот «серый кардинал» подмывал под себя госдепартамент, аппарат Белого дома и без лишней скромности именовал себя «я — власть позади трона»[6]. Ну а через Хауса действовала команда банковских олигархов, сделавших ставку на Вильсона. И в результате проводилась такая политика, что этого президента стали называть за глаза «марионеткой Ротшильдов» (и их ставленников в США — Моргана, Шиффа, Баруха и пр.)

Хаус формально оставался всего лишь «советником», скромно назывался «полковником», причем не армейским, а «техасским полковником» (в южных и западных штатах США подобное звание, принадлежавшее кому-то из предков, передается по наследству, превращаясь в титул) — но стоит ли удивляться, что его принимали на равных и радушно обхаживали ведущие политики Англии Асквит, Грей, Бальфур, Ллойд Джордж, французские лидеры Пуанкаре и Клемансо, итальянские и австрийские дипломаты, перед ним широко

открывались двери в кабинеты канцлера Германии и кайзера Вильгельма II?

Россию Хаус ненавидел, считая главной конкуренткой США. И когда началась Мировая война, был крайне озабочен получившимся раскладом сил. Еще летом 1914 г. он внушал Вильсону, что победа Антанты «будет означать европейское господство России». Однако и победу Германии он считал крайне нежелательной для США[6]. Откуда следовал вывод — победить должна Антанта, но без России.

Однако в 1914 г. о победе говорить было еще рановато. Антанта и Центральные Державы ослабляли и разоряли друг друга в затяжной войне, а нейтральная Америка быстро и невиданно богатели на поставках обеим сторонам, превращаясь из «мирового должника» в «мирового кредитора». Перед войной внешний долг США достигал 3 млрд. долл., в конце войны страны Антанты оказались должны США 2 млрд. долл. (тогдашних — для оценки по курсу 2007 г. надо умножить примерно на 20)[66]. Промышленный потенциал европейских держав был подорван, а в Америке военные заказы привели к настоящему буму — строились новые заводы, фабрики, находили сбыт сырье и сельскохозяйственная продукция. Население росло за счет бегущих от ужасов войны квалифицированных рабочих, трудолюбивых фермеров, образованных интеллектуалов.

И такое возвышение США подталкивало к дальнейшим претензиям, уже политическим и геополитическим. Именно это и предусматривалось «планом Хауса». Правда, повторюсь, данное название чисто условно. Во-первых, автором плана наверняка был не он один. А во-вторых, неизвестно, существовал ли подобный план в виде единого документа. Но сохранились дневники, письма полковника Хауса[6], исследуя которые, можно утверждать вполне определенно — такой план был (хотя некоторые исследователи избегают термина «план» — скажем, видный американист А.И. Уткин пишет не о «плане», а о «стратегии Хауса», в чем автор не видит принципиальной разницы). Можно выделить и основные звенья этого плана. А целью его являлось не более не менее как *установление мирового господства США*. Но достижение этой

цели предполагалось не военными средствами, а политическими, экономическими, финансовыми и пропагандистскими. Для чего, по замыслам Хауса, следовало:

- После того, как Америка пожала все плоды нейтралитета, требовалось пожать и плоды победы. А для этого США должны были вступить в войну. Но вступить только после свержения русского царя — чтобы сама война приобрела характер борьбы «мировой демократии» против «мирового абсолютизма». Об этом Хаус писал Вильсону еще летом 1916 г.! А ведь срок вступления США в войну оговаривался с державами Антанты заранее. И определялся на весну 1917 г.
- Но и крушением русской монархии ограничиваться не следовало. Россия должна была пасть окончательно и выйти из войны. В этом случае Центральные Державы навалятся всеми силами на Запад. А французам, англичанам, итальянцам останется надеяться на спасение уже не со стороны русских, а только на американцев. А значит, США получали возможность диктовать им любые условия.
- Победу над Германией и ее союзницами предполагалось обеспечить не столько военными, сколько пропагандистскими средствами. Президенту США следовало объявить, что война ведется не против народов этих стран, а только против агрессивных монархических режимов, искать опору в «демократических» кругах противостоящих государств, всячески поощрять их, заигрывать с ними — и тем самым инициировать революционные процессы. Пусть «демократы» валят своих монархов, веря, что Америка таким исходом вполне удовлетворится и готова будет заключить почетный мир.
- После победы выдвигался проект «фактического пересмотра системы международных отношений». США до начала XX в. традиционно придерживались политики «изоляционизма»: согласно доктрине Монро, не допускали европейского вмешательства на Американском континенте, но и сами в дела Старого Света не лезли. В результате европейские державы без них переплелись сложными сис-

темами взаимных договоров, трактатов, соглашений. Вписываться и вписываться в эту систему, по «плану Хауса», было бесперспективно и вредно. Ее предстояло смести напроочь, для чего выдвигался лозунг «отмены тайной дипломатии». Объявить старую дипломатию «плохой», осудить и отбросить, а на чистом месте строить новую.

- Главной стратегической партнершей в достижении этих целей для США должна была стать Англия. Хаус указывал: «Если не обсуждать условий мира с другими союзными державами, то наша страна и Англия окажутся в состоянии диктовать условия». Но альянс предполагался заведомо нечестным. Он требовался, чтобы вместе подорвать силы России, ограничить интересы Франции, Италии, Японии. Однако при этом американцы готовились исподтишка подложить свинью и англичанам.

- Ну а в итоге всех усилий виделось — «надо построить новую мировую систему». С образованием «мирового правительства», где будет лидировать Америка. Сделать это предполагалось пропагандой «демократических ценностей». Поставить их во главу угла, провозгласить самодовлеющей величиной, приоритетом всей международной политики. Благоприятные условия для подобной пропаганды создавала катастрофа мировой войны, колоссальные жертвы. Эти бедствия объяснялись агрессивностью «абсолютизма», недостаточной «демократией» европейских держав. И утверждение «подлинной демократии» объявлялось единственным средством предотвратить подобные катастрофы в будущем. А США в таком случае выдвигались на роль мирового учителя демократии — и мирового арбитра. Они получили бы право влезать во внутренние дела других государств, оценивать и определять, какое из них в достаточной степени «демократично», а какое недостаточно. Читай — опасно для мирового сообщества со всеми вытекающими последствиями (еще раз напомним — эти проекты разрабатывались не в 1990-х, а в годы Первой мировой войны). И Хаус убеждал Вильсона: «Мы должны употребить все влияние нашей страны для выполнения этого плана».

- Что же касается России, то она, выйдя из войны, бывала и из числа победителей. И ее саму можно было пустить в раздел вместе с побежденными. Задолго до небызвестного Збигнева Бжезинского Хаус писал: «Остальной мир будет жить более спокойно, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна — Сибирь, а остальные — поделенная Европейская часть страны»[6]. При этом на осколки России следовало «распространять нашу финансовую, промышленную и моральную поддержку по всем мыслимым направлениям», и они превращались в сырьевые придатки и рынки сбыта США.

Кстати, Манделу Хаусу очень не нравилось и русское Православие. А поскольку Вильсон, как отмечалось выше, был фанатичным протестантом, «серый кардинал» вполне находил у него понимание, убеждая президента, что эта вера «слишком ортодоксальна», поэтому русские вообще не являются «настоящими христианами». В общем, для интеграции России в «новую мировую систему» Православие считалось желательным тоже разрушить и заменить религией «наподобие протестантских»[6].

Нетрудно увидеть, что с 1917 г. события начали развиваться как раз по тому сценарию, который получил отражение в архивах всемогущего президентского советника. Ясное дело, реализовывал проекты не он один. Участвовали в выполнении «плана Хауса» американские и европейские политики, участвовали западные дипломаты и спецслужбы. Участвовали и русские революционеры, общественные деятели — хотя из них только считанные единицы знали, на кого они, в конечном счете, работают и чей заказ исполняют. Но были и такие, кто это знал.

МИР И «МИРОВАЯ ЗАКУЛИСА»

Понятие «мировой закулисы» ввел в обиход великий русский философ И.А. Ильин. А сложилась эта «закулиса» во второй половине XIX в. благодаря традиционной практике,

когда доступ тех или иных лиц в среду крупных банкиров и промышленников осуществлялся, как правило, через систему браков. Практика, в общем-то, понятная. Семейные связи были удобны для поддержания кредита доверия, для более успешных операций, концентрации капиталов, охвата новых сфер деятельности.

Так, в Австро-Венгрии, Франции, Англии заворачивали делами три ветви Ротшильдов. Они были в родстве с германскими банкирами Варбургами, британскими Мильнерами, российскими Бродскими, Варбурги породнились с российскими Гинзбургами. Представителем Ротшильдов в США стал Дж. Морган, быстро выдвинувшийся на роль ведущего банкира Америки. Еще один сотрудник Ротшильдов, Яков Шифф из семьи франкфуртских банкиров, тоже переехал в США, женился на дочери некоего Куна и поступил в его фирму «Кун и Лоеб». Путем браков в компанию «Кун и Лоеб» вошли братья гамбургского банкира Макса Варбурга Пол и Феликс, представитель семейства финансистов из Мангейма Отто Кан. Благодаря этому «Кун и Лоеб» стал вторым по значению банком США после компании Моргана. Шифф был также связан с Гарриманами, Гульдами, Рокфеллерами, Оппенгеймерами, Гольденбергами, Магнусами, ведущим британским производителем оружия Виккерсом. А была и швейцарская ветвь Варбургов, двоюродных братьев Макса. В родстве с Варбургами были датские банкиры Дель Банко. С ними были связаны также британские и германские Шредеры...

Таким образом, возник своеобразный «финансовый интернационал». Но банкирские круги через подконтрольную им прессу определяли и «общественное мнение» различных стран. И имели значительное влияние на правительства. В демократических державах такое влияние было абсолютным, поскольку победа на выборах определялась финансовыми возможностями сторон. Связи между политическими и деловыми кругами тут даже и не скрывались, и сама политика направлялась в зависимости от интересов американских, британских, французских банков и промышленных корпораций. В государствах монархических, особенно в России, это влияние было значительно слабее, но оно все равно существова-

ло, проводилось через «покровителей» крупных компаний в правительстве, окружении царя.

А кроме родственных связей деловые и политические круги различных государств переплетались другими — масонскими. Это тоже было полезно с практической точки зрения. Обеспечивало поддержку, взаимопомощь, нужные знакомства, координацию действий. Так, упомянутый Яков Шифф добился успехов не только благодаря своим качествам гениального финансиста, но и из-за того, что являлся членом иудейской ложи «Бнайт брит», став в ней одним из высших иерархов. Высокопоставленным масоном был и полковник Хаус — несомненно, это сыграло определяющую роль в его карьере. Впрочем, без принадлежности к «вольным каменщикам» с некоторых пор карьера была практически невозможной в британской, французской политике, в армиях и спецслужбах западных держав.

Причем масонские связи, как и родственные, были наднациональными, позволяя взаимодействовать структурам в различных государствах, объединять усилия с выгодой для себя. И еще в начале XX в. стала впервые выдвигаться идея «нового мирового порядка». Она была изложена в так называемом «Плане Марбург», в разработке и финансировании которого принял участие американский мультимиллионер Эндрю Карнеги. Указывалось, что правительства различных стран должны быть «социализированы», а реальная власть будет принадлежать финансистам. Идею подхватили Макс Варбург, Отто Кан, Барух, Гувер, президент лондонского банка «Джойнт Сток» (и глава «Великой ложи Англии») лорд Мильнер[158].

И к этому же времени, к рубежу XIX—XX вв., «мировая закулиса» определила Россию своей главной противницей. Сразу по нескольким параметрам. Во-первых, после отмены крепостного права наша страна совершила гигантский промышленный рывок. Вышла на одно из ведущих мест в мире по показателям экономического развития, а по темпам роста производства обогнала всех, лидировала в науке и культуре, ее население, сильное и здоровое, динамично увеличивалось, и, по прогнозам Менделеева, должно было достичь в XX в. 600 млн. человек... Словом, Россия становилась слишком

сильной конкуренткой стран Запада. Во-вторых, наша страна осталась при этом самодержавной монархией, то есть, оказалась препятствием для планов «нового мирового порядка». Наконец, Россия являлась мировым оплотом Православия. И, соответственно, врагом для масонства с его богоборческими установками.

Подрывная работа против нашей страны велась очень давно. Так, зарубежные масонские круги исподтишка инициировали восстание масонов-декабристов. Брались под покровительство оппозиционеры типа Герцена. Финансировались и снабжались оружием кавказские горцы, польские сепаратисты. Использовалось и другое оружие, идеологическое. С начала XIX в. в Россию внедрялись разрушительные либеральные теории. Ну а потом стали внедряться социалистические. Это облегчалось тем, что и международные социалистические структуры были связаны с «мировой закулисой». Те же банкиры финансировали социалистические газеты, выборные кампании, партии — и через их лидеров получали возможность держать под контролем рабочее движение, проводить нужные решения в парламентах. Многие видные социалисты принадлежали и к масонским кругам. А против России социалисты для правительственных и теневых сил Запада являлись естественными союзниками — еще Маркс и Энгельс называли нашу страну главным врагом революционеров из-за той стабилизирующей роли, которую она играла в Европе.

Слабые и разрозненные социалистические кружки в России, группы политэмигрантов сами по себе не представляли для государства ни малейшей опасности. Влияние их было ничтожным, революционеров легко отслеживала и вылавливала полиция. Но в начале XX в. они вдруг начали получать весомую поддержку от зарубежных «коллег» из II Интернационала. Да и западные разведки никак не могли оставить без внимания столь полезных людей. И можно отметить, что революционерам в данное время стала оказываться не только денежная, но и прямая организационная помощь. В 1902—1903 гг. *кто-то* (отнюдь не сами революционеры) создает эффективную и разветвленную систему побегов из сибирских ссылок, снабжения фальшивыми документами. *Кто-то* орга-

низует систему «окон» для нелегальных переходов границы, переправки литературы (и вот тут без содействия иностранных спецслужб обойтись никак не могло).

Важную роль в этих операциях играл видный австрийский социалист Виктор Адлер, связанный, с одной стороны, с Ротшильдами, а с другой, со спецслужбами Австро-Венгрии. Он выполнял функции «отдела кадров», выискивая среди российских революционеров «перспективные» кандидатуры. Другой ключевой фигурой стал Александр Парвус (Израиль Гельфанд), связанный со спецслужбами Германии и Англии. Он привлек под свое «крыло» Ульянова-Ленина, Мартова и др., наладил выпуск «Искры», начав вокруг нее формирование нового, боееспособного ядра российской социал-демократической партии. Весьма показательной выглядит и карьера Троцкого. В 1898 г. за участие в создании революционной организации он был арестован и угодил в Сибирь. В тюрьме написал трактат о масонстве, в ссылке подрабатывал газетными публикациями. И его литературные таланты (а возможно, и интерес к масонству) были замечены. В 1902 г. для него, никому еще не известного и ничем не зарекомендовавшего себя, устроили побег, по цепочке конспиративных явок благополучно передали от Иркутской губернии до Австрии. В Вене он явился не к кому иному, как к Адлеру, был оценен, обласкан, снабжен деньгами и документами и направлен в Лондон к Ульянову. Потом Льва Давидовича берет под покровительство Парвус, даже поселяет в своем мюнхенском особняке, где учит «уму-разуму»[182, 198].

Причина подобной активизации революционеров открылась в 1904 г., когда против России была начата первая глобальная диверсия. Когда ее сравнили с Японией, а одновременно взорвали ее тыл революцией. То и другое осуществлялось одними и теми же теневыми крутами. Американские банкиры во главе с Шиффом обеспечили для Токио займы, позволившие японцам вести войну[158, 177]. Великобритания обеспечила дипломатическую поддержку — как только на Дальнем Востоке зазвучали выстрелы, русские очутились в международной изоляции, против них сплотились США, Англия, Франция, Турция. Германский кайзер, вроде бы, принял

сторону царя, но за это навязал кабальный торговый договор, а немецкая и австрийская разведки вовсю подыгрывали японцам[129].

Часть из тех же займов, не менее 10 млн. долл., была пущена на диверсионную работу, т.е. на подпитку революции. За рубежом буквально накануне войны, в январе 1904 г., были созданы нелегальные организации русских либералов, будущие партии кадетов и октябристов, начавшие раскачку страны. Французские и британские банкиры постарались обвалить российские ценные бумаги, чтобы политический и военный кризис дополнился финансовым. При поддержке германских, австрийских и турецких спецслужб через границу поехали десанты подготовленных революционеров, пошли транспорты с оружием для боевиков (в частности, этим занимался Красин, связанный с немецкой разведкой). А масоны в царском правительстве во главе с премьером Витте подтолкнули Николая II издать Манифест о даровании аминтии, политических свобод и введении парламентского правления. Никакого успокоения он не принес, наоборот, революционеры получили возможность действовать открыто, и ситуация вообще вышла из-под контроля.

Однако революция обернулась «фальстартом». Воспользовавшись ослаблением России, сразу же стала бряцать оружием Германия, что встревожило французов и англичан. А чрезмерное усиление Японии не устраивало американцев. Поэтому при посредничестве США между Россией и Страной Восходящего Солнца был быстро заключен компромиссный Портсмутский мир, а финансовые потоки, питавшие революцию, вдруг пресеклись.

И как только она лишилась зарубежной поддержки, справиться с ней оказалось не так уж сложно. В России нашлось вполне достаточно здоровых сил — верные правительству воинские части, казачество, массовые патриотические организации вроде «Союза Русского народа», успешно противостоявшие революционерам. А чрезвычайные меры и военно-полевые суды, введенные Столыпиным, заставили поджечь хвосты разгуливавшихся террористов. И революция захлебнулась. О том, насколько мало значили российские социалисты сами по себе,

можно судить по их состоянию в 1907—1912 гг. В своем отечестве практически всех революционеров пересажали. Тех, кто бежал из ссылки и пытался реанимировать нелегальную работу, быстро арестовывали и возвращали в места не столь отдаленные. А их коллеги, нахлынувшие в эмиграцию, бедствовали без денег и перессорились, разбившись на массу течений и группировок, враждовавших между собой[89].

Но после некоторого перерыва началась подготовка новой атаки на Россию. Старт был дан за океаном. Американская пресса раздула очередную кампанию по обвинению нашей страны в «антисемитизме». В конце 1911 г. правительство США под давлением банкиров из группы Шиффа денонсировало русско-американский торговый договор 1832 г. А в 1912 г. в Нью-Йорке состоялся международный сионистский съезд. Отнюдь не тайный, он проходил открыто и торжественно. Ход его широко освещался прессой — в частности, газета «Нью-Йорк сан» оповестила о том, что выступивший на съезде Герман Лоеб провозгласил задачу «поставить Россию на колени»[136, 158]. Для этого был создан специальный фонд, в деле приняли участие Шифф со своими компаньонами, Ротшильды, Варбурги, Барух, Мильнер и др. И, кстати, тогда же, в 1912 г. банкиры протолкнули на пост президента США свою креатуру Вудро Вильсона.

Разумеется, не по случайному совпадению сразу же обозначился очередной подъем активности российских революционеров. В Петербурге в 1912 г. сформировалась и развернула бурную работу большевистская фракция Думы, при ней начала выходить газета «Правда». Ленину после прошлой революции, несмотря на обращения к Адлеру, австрийские власти запрещали обосноваться на их территории. В 1912 г. все неожиданно переменилось, разрешили поселиться в Кракове возле самой границы. И австрийская полиция старательно закрывала глаза на то, как к нему из России и от него в Россию хлынули косяками нелегальные гости[89]. Проходит Пражская конференция большевиков, создается свой, отдельный от меньшевиков ЦК — и Русское бюро ЦК для работы внутри страны. Делается попытка сплотить расколовшуюся социал-демократию вокруг фигуры Троцкого, не принадлежавше-

го ни к большевикам, ни к меньшевикам — для этого созывается Венская конференция, которая провозглашает создание Августовского блока (хотя на деле никакого объединения не получилось, эмигрантские группировки уже успели слишком сильно разругаться друг с другом).

О заблаговременной подготовке операций против России свидетельствует и феномен образования своеобразных «пар». Яков Свердлов — большевик, «полевой командир» в России, а его брат Вениамин едет в США и как-то очень уж быстро создает там собственный банк. Приехал скромный юноша, сынишка гравера из Нижнего Новгорода, а через пару лет уже банкир, имеет офис в фешенебельном небоскребе в центре Нью-Йорка, на Бродвее[173]. Правдоподобно, как вы считаете? Но учтем, что его банк занимался переводами денег от еврейских эмигрантов «бедным родственникам» в России. А там проверь, сколько, кому, от кого и на какие нужды... Но одновременно и Якова Свердлова кто-то настойчиво продвигает в большевистской иерархии. Он сидит себе в ссылке, ничем себя еще не проявил, кроме создания террористических организаций на Урале, а его заочно вводят в ЦК, в Русское бюро ЦК.

Еще одна «пара» — братья В.Р. и А. Р. Менжинские. Один — большевик, другой — крупный банкир, член правления Московского Соединенного банка[177]. Наконец, Лев Троцкий — революционер в эмиграции. А в России действует его дядя — Абрам Животовский, который за 12 лет из помощника провизора становится купцом первой гильдии, банкиром и мультимиллионером. Родственные отношения дядюшка и племянник между собой поддерживали, не прерывали. Их родственниками были также Каменев (Розенфельд), женатый на сестре Троцкого, Мартов (Цедербаум) — его сестра вышла замуж за племянника Троцкого. Отметим, что Животовский, как водилось, вошел в мир финансистов не без помощи масонских связей (в 1909 г. по делу Бебутова он возглавлял список из 385 видных масонов России). И не без установления брачных связей. В частности, породнился с крупнейшими киевскими тузами Бродскими, которые, в свою очередь, были в родстве с Ротшильдами, Каганами, Грегорами, Горовица-

ми[58]. Животовский стал родственником и для Варбургов, Гинзбургов. Но таким образом и Троцкий, Каменев, Мартов стали не просто революционными вожаками, а членами международной банкирской «семьи».

Об этом свидетельствует и некое особое отношение к Льву Давидовичу со стороны теневых международных сил. В 1905 г. сам Адлер обеспечивает ему переход границы, в России его опекают столь высокопоставленные эмиссары «закулисы», как Парвус и Красин, проталкивают молодого, впервые вышедшего на «политическую арену» революционера сразу же в руководство Петербургского Совета. После ареста ему опять организуют побег за границу, раскручивают до уровня бестселлера его мемуары. Австрийские спецслужбы «дарят» ему газету «Правда», прежде принадлежавшую украинским националистам. Троцкого финансирует видный деятель германской социал-демократии Хильфердинг, выплачивая по 3 тыс. крон в месяц. А Адлер вводит его в политический «бомонд» Вены, Лев Давидович запросто общается с австрийскими социал-демократическими тузами, запросто играет в шахматы с самим бароном Ротшильдом.

Имеются данные, что он был связан не только с политиками. В архивах сохранились документы, свидетельствующие, что Троцкий в данное время работал на австрийскую политическую полицию и разведотдел генштаба Австро-Венгрии, где состоял под началом полковника Таковского[35, 174]. Когда началась Балканская война, он едет на фронт в качестве корреспондента газеты «Киевская мысль» (финансируемой Бродскими и Животовским). Очевидно, передал немало ценных материалов своим австрийским покровителям. Да и не только австрийским — Лев Давидович по-прежнему поддерживал регулярные связи с Парвусом, который к этому времени устроился в Стамбуле, стал советником турецкого правительства, имел собственную разведывательную сеть (Радек, Раковский и др.) и поставлял информацию в несколько адресов: туркам, спецслужбам Германии и Бэзилу Захарову, руководителю британской разведки на Балканах.

Упрочение контактов революционеров и иностранных спецслужб в 1912—1914 гг. было, конечно же, не случайным,

а целенаправленным. Ведь опыт 1905 г. показал, что в случае крушения России лидирующее место в Европе неизбежно займет Германия. А это «мировую закулису» совершенно не устраивало. Решение проблемы было однозначным — столкнуть русских и немцев друг с другом. В общем-то, войны желали многие государства. Немцы рвались к мировому лидерству, завидовали более «старым» колониальным державам и мечтали переделить земной шар. Австрийцы желали господствовать на Балканах. Для англичан Германия с ее колониальными аппетитами и быстрым наращиванием флота становилась главной соперницей. Французы жаждали рассчитаться за поражение в 1871 г. и вернуть утраченные Эльзас с Лотарингией.

Но у России территориальных претензий к соседям не было. Делить с немцами ей было абсолютно нечего. Дальнейшего расширения территории ей не требовалось, а мирное строительство сулило гораздо большие выгоды, чем война. Существовало родство (и определенные симпатии) между монархами двух стран. И они неоднократно предпринимали попытки к сближению и нормализации отношений. В 1905 г. на встрече в Бьерке, в 1910 г. на встрече в Потсдаме. Однако в окружении обоих монархов имелись «советники», каждый раз блокировавшие такие попытки и сводившие их на нет. Нашу страну усиленно втягивали в антигерманский лагерь. Англия, еще недавно величавшая Россию «страной кнута, погромов и казненных революционеров», называвшая царя за смертные приговоры террористам «обыкновенным убийцей», руки которого «обогреты кровью тысяч лучших его подданных», сменила вдруг гнев на милость, согласилась видеть в русских не исконных соперников, а друзей и союзников, пошла на разграничение сфер влияния в Иране, Тибете, начались визиты на высшем уровне. Французские банкиры, забыв об аналогичной антироссийской истерии, не скупилась на военные займы Петербургу.

Зато истерия раздувалась теперь в Германии. Возникали и пропагандировались грандиозные планы «Великой Германии», включая значительную часть Европы, а также и Прибалтику, Польшу, Украину, Кавказ, Крым — которые следова-

ло отобрать у России. Насаждалась идеология пангерманизма, уже тогда появились теории «превосходства германской расы»[51, 196]. Начальник генштаба Мольтке писал: «Европейская война разразится рано или поздно, и это будет война между тевтонами и славянами». Германский идеолог Бернгарди поучал: «Мы организуем великое насильственное выселение низших народов». Ему вторил другой официальный идеолог, Рорбах: «Русское колоссальное государство со 170 миллионами населения должно вообще подвергнуться разделу в интересах европейской безопасности». Подобные идеи увлекали и самого Вильгельма, неуравновешенного и обуянного комплексами.

Что ж, для кайзера, для его воинственных генералов, для милитаризованных и возбужденных лозунгами «места под солнцем» и «крови и железа» германских обывателей это и впрямь было заманчиво. Победить, завоевать, создать мировую сверхдержаву. Но финансировали подобную пропаганду, ясное дело, не обыватели. Финансировали банкиры и промышленники, которым война сулила не «кровь и железо», а сверхприбыли. Банкиры, связанные со своими британскими, французскими, американскими собратьями. На их деньги функционировали и раскручивали военную агитацию многочисленные соответствующие организации: «Пангерманский союз», «Военный союз», «Немецкое колониальное товарищество», «Флотское товарищество», «Морская лига», «Союз обороны», «Югендвер», «Юнгдойчланд бунд» и т.п. Банкиры и промышленники обеспечивали бешеное наращивание вооружений — оно осуществлялось в таких масштабах, что Германия к 1914 г. оказалась загнана в настоящий «финансовый тупик». Она уже не могла не воевать! Иначе она обрушилась бы в грандиозный финансовый кризис[51].

К войне готовились не только армия и флот, готовились к ней и германские спецслужбы. И интересен факт, что одним из их руководителей стал крупнейший из немецких финансистов, гамбургский банкир Макс Варбург. Он курировал деятельность «Комми-ферейна», профессионального объединения немецких приказчиков и коммивояжеров в разных странах. Для них специалистами военного министерства была

разработана форма отчетов, которые они обязаны были регулярно посылать в правление союза. И отчеты превратились в полноценные разведдонесения. Циркулярами генштаба № 2348 от 7 апреля 1908 г. и № 2348-бис от 22 июня 1913 г. в представительства разведки были превращены филиалы немецких фирм в России, в состав их сотрудников направлялись профессиональные шпионы [129]. Заранее создавались и каналы будущего финансирования подрывной работы. Для этого в 1912 г. под эгидой Макса Варбурга в Стокгольме был образован «Ниа-банк» Олафа Ашберга.

По-своему готовились к войне и в США. В этой стране из-за постоянной нехватки финансов для развития национальной промышленности действовал закон, запрещавший вывоз американских капиталов за рубеж. В 1913 г. Вильсон и Хаус добились его отмены. И сумели провести закон о создании Федеральной Резервной Системы (ФРС) — по функциям соответствующей нашему Центробанку, имеющей право печатать доллары, но она является не государственной структурой, а «кольцом» частных банков и независима в своих решениях от правительства. Что ни говори, а факт многозначительный. Генштабисты Германии, Австро-Венгрии, России, Франции, Англии, каждые по-своему, планировали короткую победонсную войну, в одну кампанию. А воротилы США, выходит, уже предвидели, что война будет тяжелой, затяжной. Предвидели и готовились наживаться на займах и поставках сражающимся сторонам. Не менее важным представляется и другой факт. Вице-президентом ФРС стал Пол Варбург. Компаньон Шиффа из фирмы «Кун и Лоеб» и родной брат германского Макса Варбурга.

ТАЙНА САРАЕВСКИХ ВЫСТРЕЛОВ

На российских календарях было 15 июня 1914 г. от Рождества Христова. На западных календарях — 28 июня... По запруженным людьми улицам боснийского города Сараево двигался кортеж из нескольких открытых машин. Первая из них свернула с набережной Аппель в узкую улочку Франца

Иосифа, за ней свернула вторая. На сиденье подскочил генерал Поттиорек и начал ругать шофера, что тот поехал не туда. Шофер затормозил и попытался разворачиваться. Но это оказалось сложно. В сжатом пространстве улочки пришлось выезжать на тротуар, который был заполнен множеством публики. Шофер крутил баранку, Поттиорек злился. А из толпы шагнул бледный, напряженный юноша, очутившись совсем рядом с бортом машины, и поднял револьвер. Бил тупо, как автомат, трясущейся рукой, ничего не видя. В упор, но все равно промазал — две пули рванули белое платье молодой красивой женщины, сидевшей в автомобиле. Мужчина в великолепном мундире, ее сосед, подхватил и обнял ее, прикрывая собой, крикнул: «Софи, не умирай, ты обязана жить ради наших детей» — и в это время третья пуля попала в него. Толпа скрутила стрелявшего, а он изворачивался, сунув в рот ампулу с ядом...

И весь мир закувыркался в пропасть. Впрочем, три выстрела, даже и сразившие наследника австрийского престола Франца Фердинанда вместе с женой, никак не могли привести к такому катастрофическому результату. Сами по себе — не смогли бы. Но они были всего лишь стартовыми выстрелами. Война могла разразиться гораздо раньше. Было два Марокканских кризиса, два Балканских. Германия откровенно угрожала, Австро-Венгрия несколько раз объявляла мобилизации. Но Россия каждый раз занимала сдерживающую позицию. К ней примыкала Англия, твердо давая понять, что не останется в стороне. И Центральные Державы шли на попятную. Созывались международные конференции, утрясали конфликты мирным путем.

Хотя на самом деле действовал и другой фактор. Мировлюбие России, ее готовность искать компромиссы и идти на уступки воспринимались в Берлине как доказательство ее слабости, страха перед войной. И от кризиса к кризису Германия и ее союзники все больше нагнали, вели себя все более высокомерно. Другой вопрос, что кайзер считал еще не готовыми к войне свои вооруженные силы, особенно флот. Что толку одолеть Францию, если ее колонии хапнут англичане? Что толку одолеть даже и Англию, если на ее владения нало-

жат лапу американцы и японцы? А в победе Германия была уверена. Еще в 1905 г. был разработан план Шлиффена, учитывающий разницу сроков мобилизации в Германии и России. Пока русские будут собирать свои армии и сосредотачивать на западных границах, немцы бросают все силы на Францию и молниеносно громят ее. А потом высвободившиеся контингенты перебрасываются на Восток и вместе с австрийскими армиями наносят впечатляющее поражение русским, окружая и уничтожая их войска...

Учитывая готовность германской армии и флота, срок начала войны, лето 1914 г., намечался заранее. Он прозвучал на совещании Вильгельма II со своими военачальниками 8 декабря 1912 г. (тема совещания так и формулировалась — «Наилучшее время и метод развертывания войны»)[189, 196]. Этот же срок, лето 1914 г., указывался в 1912—1913 гг. в донесениях русских военных агентов в Германии и Швейцарии, Базарова и Гурко. Германские военные программы, изначально рассчитанные до 1916 г., были пересмотрены — с завершением к весне 1914 г. А в мае 1914 г. на совещании в Карлсбаде начальник германского генштаба Мольтке указывал своему австрийскому коллеге Конраду фон Гетцендорфу «Всякое промедление ослабляет шансы на успех».

Значительное внимание в планах Центральных Держав уделялось и Балканам. Им предстояло стать главным «призом» для союзницы-Австрии. Но не только. В 1913 г., когда германский канцлер Бетман-Гольвег представил кайзеру доклад о ситуации в Балканском регионе, Вильгельм II на полях написал, что требуется «хорошая провокация», дабы иметь повод нанести удар. «При нашей более или менее ловкой дипломатии и ловко направляемой прессе таковую (провокацию) можно сконструировать... и ее надо постоянно иметь под рукой».

Действительно, повод для войны легче всего было найти здесь. Еще в 1879 г., после русско-турецкой войны, вмешавшиеся западные державы навязали свои условия мира, постарались лишить Россию плодов ее побед и перекроить границы возникших балканских государств. В 1908 г., воспользовавшись революцией в Турции, Австро-Венгрия аннек-

сировала Боснию и Герцеговину, находившиеся под ее мандатом, но формально считавшиеся турецкими. Однако на эти земли претендовала и Сербия, что вызвало первый Балканский кризис. В 1912—1913 гг. прогремели две Балканские войны. И опять австрийцы потребовали ограничить интересы сербов, Вену поддержал Берлин, Россия пошла на уступки, а Англия взялась посредничать и перекраивать границы.

В результате всех разделов и переделов Балканы превратились в клубок противоречий. Все остались недовольны — сербы, болгары, греки, македонцы, черногорцы, турки. А за ними стояли великие державы. Этот регион стал осиным гнездом игрищ спецслужб, бандитизма и терроризма. Одна за другой возникали тайные организации «Черная рука», «Народна одбрана», «Млада Босна», «Свобода» и пр. Но если Германия нацеливалась «сконструировать» провокацию на Балканах, то заниматься этим немецким агентам и дипломатам не пришлось. Вместо них провокацию «сконструировала» организация «Черная рука», возглавляемая начальником военной разведки Сербии Драгутином Дмитриевичем (псевдоним «Апис»). Который был, несомненно, патриотом Сербии, ярким врагом Германии и Австро-Венгрии... Парадокс? Пожалуй, нет.

Дело в том, что Дмитриевич, Танкосич и другие руководители организации были не только сербскими офицерами. Они были еще и масонами. И если Дмитриевич-Апис осуществлял непосредственное планирование и командование операциями, то существовали и другие руководители, остававшиеся в тени. В частности, сербский министр Л. Чупа, видный иерарх «вольных каменщиков», связанный с масонскими кругами Бельгии и Франции. Именно он стоял у истоков «Черной руки», помогал создавать ее и регулировал ее деятельность. Велась она сугубо под патриотическими и панславянскими лозунгами, пропагандировалась идея «Великой Сербии» в границах XIII—XIV вв. А достижение этой цели было возможно только путем войны — чтобы в нее обязательно вмешалась Россия. Тогда Австро-Венгрия наверняка будет разгромлена, и «Великая Сербия» станет реальностью. Используя возможности военной разведки и ее бюджет, заговорщики создавали террористические структуры в Боснии, Македонии, Болгарии.

пропагандировали воинственные настроения в самой Сербии. Одна из газет, контролируемых Дмитриевичем, писала: «Война между Сербией и Австро-Венгрией неизбежна. Если Сербия желает жить по чести, она может сделать это только через войну...»

Король Сербии Петр Карагеоргиевич, премьер-министр Пашич подобных взглядов отнюдь не разделяли. «Военную партию» не раз одергивали и русские дипломаты — посол в Белграде Гартвиг, военный атташе Артамонов. Но «Черная рука» имела большое влияние среди офицерства, у нее были свои люди при дворе, в правительстве, скупшине (да ведь и масонские связи играли свою роль) — и власти ничего не могли с ней поделать.

Жертва теракта в Сараево была выбрана не случайно. Франц Фердинанд, наследник престола и главнокомандующий австро-венгерской армии, был в правящих кругах Вены одним из главных противников конфликта с Россией. Его устраниение развязывало руки сторонникам войны. Кроме того, он был сторонником предоставления славянским народам империи равных прав с австрийцами и венграми — что могло выбить карты у сербских «великодержавников», чешских и прочих сепаратистов. А для непосредственного участия в теракте была подобрана группа несовершеннолетних мальчишек — по австрийским законам они не подлежали смертной казни, а гипотетическая победа в войне давала им надежду освободиться из тюрьмы. Все были подданными Австро-Венгрии. Вроде бы, чтобы скрыть подлинных руководителей...

Но вот дальше начинаются странности. Перед покушением юных террористов привозят в Белград. Тренируют в стрельбе — и не где-нибудь, а в тире королевского парка Топчидер. Они получают револьверы и бомбы (сербского производства) не тайно, из рук наставников, а из государственного арсенала в Крагуеваце. Словом, будто нарочно создаются доказательства, что теракт организован Сербией (или правильнее без «будто»?) 2 июля мальчишек нелегально переправляют через границу. А 15 июля в Белграде происходит дворцовый переворот. Военная клика вынуждает короля Петра отречься от престола в пользу его сына Александра — мо-

лодого, неопытного, и отчасти находившегося под влиянием заговорщиков.

Проявляются странности и другого рода. Премьер-министр Пашич и посол России Гартвиг имели собственную агентуру и о подготовке к покушению узнали. Оба постарались предотвратить его. Пашич через сербского посланника в Вене предупредил австрийского министра Билинского, что в Сараево эрцгерцогу может угрожать опасность. Гартвиг успел сообщить в Петербург, и министр иностранных дел Сазонов передал предупреждение через румын. Но правительство Австро-Венгрии визит Франца Фердинанда в Сараево не отменило, и должных мер по обеспечению его безопасности почему-то не приняло.

Пацаны из организации «Млада Босна» были вовсе не профессиональными убийцами, ничего толком сделать не умели. Первое покушение предпринял Н. Габринович, кинув бомбу в машину эрцгерцога. Но взрыв искалечил другой автомобиль, переранил часть свиты и зевак, Франц Фердинанд не пострадал. Габринович прыгнул в реку, однако его догнали и поймали. Опасность, вроде бы, осталась позади. Франц Фердинанд был смелым человеком, он не стал прерывать визит. Посетил ратушу, затем решил заехать в госпиталь навестить пострадавших от взрыва. Однако первая машина в кортеже свернула не в ту улицу, за ней автоматически последовала вторая. Выявилась ошибка, произошла остановка. Прямо возле того места, где стоял еще один террорист, Гаврила Принцип...

Кайзер Вильгельм, едва лишь получив сообщение об убийстве, начертал на полях телеграммы «Jetzt oder niemals» — «Теперь или никогда». И приказал Мольтке начать подготовку операции против... Франции. Хотя, казалось бы, при чем тут Франция? А мировая пресса, не только германская и австрийская, но и западная, сразу же принялась нагнетать вокруг теракта международную напряженность. Хотя, казалось бы, еще ничего не было известно, мало ли аналогичных политических убийств случалось, скажем, в России?

Но австрийским властям очень быстро стало известно многое. Молодые люди в Белграде получили не только оружие, а еще и ампулы с цианистым калием. Да только яд «поче-

му-то» оказался некондиционным. Принцип проглотил его, и его всего лишь вырвало. Террористы были захвачены живыми. Смогли назвать членов своей организации, кто их готовил, где и как готовили... 23 июля Австро-Венгрия предъявила Белграду ультиматум. От Сербии требовали чистки офицеров и чиновников, замеченных в антиавстрийской пропаганде, ареста подозреваемых в содействии терроризму. Один из пунктов содержал требование допуска австрийцев к расследованию на сербской территории и к наказанию виновных.

Принять этот пункт Сербия никак не могла. Официально — он нарушал суверенитет страны. Но премьер Пашич знал и другое: если даже дать согласие, австрийцы виновных *найдут*. И это станет отличным предлогом для нового ультиматума. Повод к войне все равно будет, но Сербия окажется в еще более невыгодных условиях. Король Александр воззвал к Николаю II, прося защиты. И царь обратился к европейским державам, предлагая меры по урегулированию конфликта. Но Вена такого урегулирования заведомо не желала, об этом свидетельствует и неоправданно короткий срок, который давался для ответа на ультиматум — 48 часов. Чтобы нельзя было ничего предпринять. Пашич проявил чудеса дипломатического искусства, составляя ответ. Он принял все пункты, кроме одного. Вместо разрешения австрийцам вести расследование в Сербии предлагал передать вопрос Гаагскому международному трибуналу, заранее обещая подчиниться его решениям.

Но для Австрии было достаточно хоть какого-нибудь формального несогласия. 26 июля она разорвала отношения с Сербией, а 28-го объявила войну и открыла бомбардировку Белграда из тяжелых орудий. Царь пересылался телеграммами с Вильгельмом II, упрашивал добиться от Вены согласия на переговоры. Но все дипломатические шаги Петербурга игнорировались. И когда загрохотали пушки, Николай II решил оказать военное давление. Была объявлена частичная мобилизация Киевского, Одесского, Казанского и Московского округов, а 31 июля — полная мобилизация. При этом российский МИД разослал разъяснения, что мобилизация будет сразу остановлена в случае прекращения боевых действий и созыва конференции.

Однако кайзер использовал именно мобилизацию в качестве повод к конфликту. Объявил об угрозе со стороны России и 1 августа объявил ей войну. Правда, при этом начались такие «нестыковки», которые не лезли ни в какие дипломатические рамки. И вообще в рамки обычной логики не вписывались. Манифест кайзера и вся германская пропаганда кричали об угрозе союзной Австро-Венгрии со стороны русских. Но лавина германских армий ринулась вовсе не на восток, а на запад! И в тот же день, 1 августа, захлестнула нейтральный Люксембург, не способный ни для кого представлять ни малейшей угрозы. Немецкие части ворвались и в нейтральную Бельгию. А 3 августа Германия объявила войну Франции. Ну а Австро-Венгрия, в защиту которой от русских якобы выступили немцы, объявила войну России только 6 августа! На западе гремели бои, а на русско-австрийской границе еще несколько дней царил мир!

В развитии мирового кризиса могла сыграть решающую роль твердая позиция Англии — так же, как это случилось в нескольких предшествующих кризисах. Но в 1914 г. Лондон с какой-то стати проявил просто удивительную нерешительность. Дипломатические демарши предпринимала Россия, подавала голос Франция, а Британия держалась уклончиво и обособленно. Немцев не осаживала, поддержки союзникам не обещала. В кабинете министров и парламенте начались нескончаемые дебаты. Мало того, правительство Великобритании затеяло консультации с США. А полковник Хаус в данном случае как-то очень уж затянул с ответом на запросы Лондона. И в результате кайзер пребывал в полной уверенности, что Англия решила остаться в стороне от схватки. Германский посол в Лондоне Лихневский встретился с министром иностранных дел Греем и подтвердил эти предположения — Англия вмешиваться не будет[189].

Но она все же вмешалась. Только сделала это с серьезным запозданием, 5 августа, когда немцы всю громили бельгийскую армию и предотвратить бойню стало уже невозможно. Для Берлина вступление в войну Британии стало неожиданностью, как и присоединение к Антанте Японии. Если б знали заранее, глядишь, призадумались бы — но, опять же, что либо менять было поздно. Со своей стороны и Германия при-

влекала союзников, 2 августа заключила тайный договор с Турцией. Болгария, Италия, Румыния принялись выбирать, к кому выгоднее примкнуть... Вот так началась Мировая война, унесшая 10 млн. жизней, переброившая политические карты планеты, перевернувшая даже и человеческое сознание, все прежние системы ценностей.

Кому же были выгодны сараевские выстрелы? Очень многим. Но только не Сербии, подвергшейся оккупации и понесшей колоссальные жертвы. И не России. В конечном итоге и не Германской, не Австро-Венгерской империям, желавшим войны, но надорвавшимся и погибшим. Провокация оказалась выгодна победителям — Англии, Франции, США. Оказалась выгодна «финансовому интернационалу», наварившему на войне колоссальные прибыли. Но она была выгодна и российским революционерам. Потому что без войны у них не было никаких шансов захватить власть. И выясняется, что сербские террористы действительно были связаны с некоторыми лицами в российской социал-демократии. Так, исследователи обратили внимание на фигуру Владимира Гачиновича. Он состоял сразу в трех тайных организациях, «Черная рука», «Млада Босна», «Свобода», и именно он являлся идейным руководителем сараевской группы мальчишек-боевиков. Известно, что Гачинович вращался в социалистических кругах, встречался с Троцким, Луначарским, Радеком, Мартовым. Имеются данные, что о подготовке теракта знали и Зиновьев (Радомысльский), Раковский (Раковер, Станчев).

Ну а что касается конкретных людей, чьими руками был создан предлог для войны, то все они плохо кончили. Захваченные австрийскими властями террористы из организации «Млада Босна» предстали перед судом. На Сараевском процессе неопровержимо были доказаны их связи с заговорщиками из сербских спецслужб. Попутно вскрылась и принадлежность некоторых подсудимых к масонству, как и принадлежность к «вольным каменщикам» организаторов теракта из «Черной руки» (доказательства этого, стенограммы допросов приводятся в работах исследователя сараевского убийства д-ра Вихля, директора исследовательского фонда «Национальный разведывательный центр» Е. Павлова и др.). Совершеннолетние обвиняемые Илич, Кубрилович, Иованович были при-

говорены к смертной казни и повешены. Остальные получили различные сроки тюрьмы, от 3 лет до пожизненного.

Но из всех лиц, задействованных в операции, до окончания войны и победы Антанты не дожил никто. Майор Танкосич и некоторые другие офицеры из «Черной руки» погибли на фронтах. А 16 человек во главе с Драгутином Дмитриевичем были арестованы сербским правительством в декабре 1916 г. К этому времени Сербия была полностью разгромлена и захвачена австрийцами. Остатки ее войск были эвакуированы на Салоникский фронт. Распоряжалось на этом фронте французское командование, сербов содержали на положении солдат «второго сорта», пушечного мяса. И сербскому правительству воли не давали, союзные генералы помыкали им как хотели. Но в данном случае снова происходили явления довольно загадочного свойства. Руководство «Черной руки» обвинили в заговоре и намерении открыть фронт австрийцам — что было совершенно нелепо, австрийцев Дмитриевич и его товарищи смертельно ненавидели. А французское командование в кои-то веки вдруг не стало вмешиваться в действия сербского правительства и закрыло глаза на явную надуманность обвинений. В начале 1917 г. все арестованные были осуждены и расстреляны.

Юные террористы Принцип, Габринович и Грабеч содержались в одиночных камерах в австрийской крепости Терезиенштадт. И в том же самом 1917 г. они умерли со странной синхронностью, с интервалом в несколько недель друг после друга. Предполагают, что их уморили голодом.

Ну а их руководитель Владимир Гачинович после убийства эрцгерцога сумел скрыться и избежать ареста. В конце 1914 г. он объявился в Париже. В кафе «Ротонда» встретился с Троцким, даже дал ему интервью для «Киевской мысли». Потом Гачинович тайно проживал в Швейцарии, попал в больницу и в августе 1917 г. ушел в мир иной. Почти одновременно со своими соратниками. Все данные говорили о том, что он был отравлен. По одной версии, его устранили австрийские спецслужбы, по другой — французские. И вот что любопытно. К этому времени в среде революционеров про Гачиновича давно забыли, его делишки совершенно заслонили глобальные события войны, падение русского царя. Но один

деятель, как оказалось, помнил. Троцкий. Он уже находился в России, сидел в тюрьме после неудачного июльского путча. Но откуда-то узнал о смерти Гачиновича и счел нужным написать некролог. Единственный некролог, опубликованный по поводу кончины этого человека...

Осенью 1918 г., сразу после крушения Австро-Венгрии, при таинственных обстоятельствах исчезли протоколы Сараевского процесса. А в 1919 г., после подписания Версальского договора, австрийцы согласились вернуть сербам их архивы, захваченные в оккупированном Белграде. Но катер, на котором их перевозили по Дунаю, тоже исчез вместе со всеми архивами и командой. Просто не пришел к месту назначения, вот и все. В общем, «концы в воду»...

Стоит отметить еще одну особенность преступления в Сараево. После войны стала усиленно внедряться версия, будто за организацией теракта стоял российский военный атташе полковник генштаба В.А. Артамонов (а стало быть, и сам теракт был инспирирован русскими). Секретные документы из архивов царского военного и дипломатического ведомств, открывшиеся и опубликованные при советской власти, опровергли эту версию. Мало того, они убедительно показали, что Артамонов был решительным противником заговорщиков. И, тем не менее, несмотря ни на какие очевидные опровержения, «артамоновский след» широко утверждался в исторической и политической литературе. О нем писали за рубежом, его перемывал советский историк-троцкист М.Н. Покровский. Данную версию кто-то постарался подсказать и В. Пикулю, она отразилась в романе «Честь имею». Обратите внимание на этот прием. С подобными вещами мы еще встретимся. Тут мы имеем дело с типичной «версией прикрытия», призванной отвлечь внимание историков и широкой публики от истины.

РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ УДАР В СПИНУ?

В западной литературе считается общепризнанным, будто «слабая» и «отсталая» Россия оказалась не готовой к войне, терпела поражения, надорвалась, что и привело в революции.

Это не более чем пропагандистская ложь. Русская армия была вооружена и оснащена гораздо лучше французской или британской, а в тактике и обучении солдат превосходила немцев. Война началась блестящими успехами нашей страны. Россия сорвала германский план Шлиффена, разбила Австро-Венгрию, отобрав у нее Галицию, выиграла два сражения с немцами в Польше, разгромила под Сарыкамышем турок[196].

Но первый катастрофический удар Россия получила вовсе не от противников, а от союзников-англичан. Накопленные запасы вооружения и боеприпасов во всех воюющих государствах оказались недостаточными, и наше военное министерство разместило заказ на 5 млн. снарядов, 1 млн. винтовок, 1 млрд. патронов, 8 млн. гранат, 27 тыс. пулеметов, и другие виды оружия на британских заводах «Армстронг и Виккерс». Этого должно было хватить на летнюю кампанию. И заказ был принят с отгрузкой в марте 1915 г., но не выполнен вообще, причем русских даже не сочли нужным предупредить об этом заранее[189]. Результатом стал жестокий «снарядный голод», «винтовочный голод» — и «великое отступление», врагу пришлось оставить Польшу, часть Прибалтики, Белоруссии, Украины.

Тем не менее, Россия и с этим справилась. Причем без помощи союзников, собственными силами. В годы войны она совершила гигантский промышленный рывок, по масштабам своего времени сопоставимый с рывком 1941—1945 гг. Производство снарядов удалось увеличить в 20 раз, винтовок в 11 раз, орудий — в 10 раз, по их выпуску наша страна обогнала и Англию, и Францию[164, 189]. Уже в 1916 г. положение с оружием и боеприпасами нормализовалось, и поражения на фронтах снова сменились победами. Но война облегчила и ускорила раскачку России изнутри.

Страна оказалась буквально насквозь пропитана nepřательской агентурой. Как уже отмечалось, германские спецслужбы использовали в качестве «крыш» немецкие фирмы в России. А таковых только в Москве насчитывалось свыше 500! Перед войной некоторые из них переоформились на фиктивных российских владельцев, в других руководители-немцы выехали на родину, оставив вместо себя русских управляющих,

продолжавших получать указания от германских владельцев (например, в компании «Симменс Шуккерт» управляющим стал большевик Красин). Немцами контролировались несколько крупных банков, все ведущие страховые компании, ряд газет[129]. Кроме того, Центральные Державы делали ставку на сепаратистов. Австро-Венгрия подкармливала украинских националистов, Германия — польских, прибалтийских, финских, грузинских, создала «Комитет освобождения евреев России», из Турции распространялся пантюркизм.

Весной 1915 г. Парвус представил правительству Германии план по координации и централизации всех сил, способных подрывать устои нашей державы. План был одобрен, началось щедрое финансирование. Центры, через которые осуществлялась эта работа, были созданы в Копенгагене и Стокгольме. Через «отмывочный» «Ниа-Банк» Олафа Ашберга деньги переводились в Россию в Сибирский банк. Компаниями Ашберга стали большевики и германские агенты Ганецкий (Фюрстенберг), Красин. Запасной канал, через Норвегию, курировала Коллонтай. В России получением и распределением финансов занимался ее любовник Шляпников. И по нарастающей покатились волны забастовок, демонстраций... Через других агентов — Платтена, Моора, Радека, Парвус поддерживал Ленина и прочих эмигрантов в Швейцарии. Через резидента в Румынии Раковского переводил деньги Троцкому, издававшему в Париже газету «Наше слово».

Однако в России действовали агенты не только противника, но и «дружественных» держав. Впрочем, многие из них отнюдь не осознавали себя чьими-то агентами. Либералы, думская оппозиция в разгар войны развернули борьбу за «демократию», за реформы по западным образцам — в чем получали неприкрытую поддержку правительств и дипломатов Англии и Франции. Ничего удивительного в этом не было. Точно так же, как сербские масоны, искренне считая себя патриотами, стали инструментом «мировой закулисы» для развязывания войны (и обрушили на свой народ неисчислимые бедствия), так и российские либералы в самозабвенном ослеплении были уверены, что действуют на пользу России, что демократические «свободы» откроют ей еще более благопри-

ятные возможности для развития и вознесут к еще большому могуществу. С лета 1915 г. Дума и либеральная печать развернули ожесточенные атаки на власть.

Облегчалась подрывная работа вовсе не «тиранией», а, наоборот, слабостью царской власти. Россия была единственной воюющей державой, чей тыл жил по законам мирного времени. Рабочие могли бастовать сколько влезет, думцы — говорить с трибун что угодно, газеты — печатать все, что им оплатят. Русская контразведка прекрасно знала все банки и фирмы, превращенные в гнезда германской агентуры, но ничего не могла с ними поделать в рамках существующего законодательства. И образовался некий замкнутый круг. Мобилизовать тыл, ввести законы военного времени ни за что не позволила бы Дума. А разогнать Думу царь не мог, поскольку за нее горой стояли союзники. Откровенно брали ее под покровительство, поощряли оппозиционные выходки, лезли во внутренние дела нашей страны, шантажируя прекращением кредитов и поставок. И царь не хотел ссориться с иностранцами, не хотел ссориться со своей «общественностью», шел ей на уступки, снимая неугодных ей министров — но и новые министры оказывались неугодными. Началась настоящая чехарда, когда за год сменились 4 премьера, 4 министра внутренних дел, 3 министра иностранных дел, 3 военных министра...

Во Франции и Англии малейших доказательств шпионажа было достаточно для смертной казни. Но в России подходили гораздо мягче. Думскую фракцию большевиков, пропагандировавшую идеи поражения своего Отечества, всего лишь сослали в Сибирь (причем Дума устроила бурные протесты). После бунта на линкоре «Гангут» была раскрыта обширная подпольная организация на Балтфлоте. Лишь двоих руководителей приговорили к смерти, да и то помиловали, заменив каторгой. Другие отделались разными сроками заключения и даже ссылки (в мирный и безопасный тыл!) А большинство арестованных, в том числе будущего кровавого вожака Дыбенко, вообще не судили, создали матросский батальон и отправили искупать вину на фронт, под Ригу. Батальон отказался воевать, не выполнял приказов и принял-

ся разлагать солдат соседних частей. И... как думаете, наказали их? Нет. Просто расформировали батальон, а матросов... вернули на свои корабли. В 1916 г. Дыбенко снова поймали на подрывной агитации. Приговорили к... 2 месяцам заключения и оставили на флоте. Вот и судите, может ли выиграть войну государство, действующее подобным образом?

Положение попытался изменить начальник штаба Ставки генерал М.В. Алексеев. Летом 1916 г. он разработал проект диктатуры тыла. Куда там! Думские лидеры во главе с М.В. Родзянко узнали об этом, насели на царя и провалили проект[150, 151]. Алексеев сумел добиться учреждения особой следственной комиссии по борьбе с саботажем и экономическими диверсиями под началом генерала Н.С. Батюшина. Улик у контразведчиков уже накопилось хоть отбавляй, и как только им развязали руки, в короткий срок были арестованы банкир Рубинштейн, родственники Троцкого Животовские, промышленники Шапиро, Раухенберг, Шполянский, сахарозаводчики Бабушкин, Гепнер, Добрый. Контрразведка произвела обыски в фирме Нобеля, Внешторгбанке, Международном банке. При этом нашли циркуляры германского генштаба № 2348 и 2348-бис, хранившиеся наряду с деловыми бумагами, инструкции Макса Варбурга[129].

Но против комиссии Батюшина дружно выступила вся «общественность», ее обвинили в мыслимых и немыслимых грехах, смешали с грязью. Российские банкиры и промышленники обратились к царю, прозрачно намекая, что не время ссориться с их кастой. Возмутился и Запад, квалифицировав аресты как ... «еврейский погром»[158]. И Николай II повелел закрыть дела. Хотя даже это было использовано против него! Представлялось как доказательство, что царь с царицей покрывают изменников и шпионов.

Словом, получалось, что противники России и ее «друзья» играют в одни ворота. И это было действительно так! Например, история с «германским золотом» для большевиков, которое поступало от Макса Варбурга через «Ниа-банк» Олафа Ашберга, в наше время уже хорошо известна. Однако почему-то никто не задается элементарным и вполне логичным вопросом — да откуда же у Германии могло быть в та-

ких количествах «лишнее» золото? Она ведь еще до 1914 г. израсходовала колоссальные средства на свое вооружение, она вела тяжелейшую войну на нескольких фронтах, при этом закупала за рубежом сырье, продовольствие, помогала деньгами и снабжением своим союзникам Турции, Болгарии, Австро-Венгрии. А революции — дело дорогое. На это были затрачены сотни миллионов.

И лишь в недавнее время ряд исследователей обратил внимание, что к 1917 г. огромные избыточные наличные средства имелись только в одной стране. В США, которые непрерывным потоком получали прибыли в оплату за поставки воюющим государствам. По особенностям германской финансовой системы правительство давало поручение частным банкам (с обязательством потом расплатиться) — и если они принимали поручение, кайзера и его министров не волновало, где они возьмут средства. Ну а братом Макса Варбурга, напомним, был Пол Варбург — вице-президент Федеральной резервной системы США и компаньон фирмы Шиффа. Еще одним компаньоном в банке «Кун и Лоеб» был третий брат, Феликс Варбург, женатый на дочери Шиффа. А четвертый, Фриц Варбург, работал в Стокгольме при Ашберге[158]. Удобно разместились, правда? А представитель боковой ветви того же семейства, Отто Варбург, известный ученый-ботаник, имел большой вес в МИД Германии. И являлся президентом Всемирной сионистской организации...

«Вклад» Якова Шиффа в российскую революцию его внук позже оценивал в 20 млн. долл. (тогдашних — около 400 млн. долл. нынешних)[158]. Британский банкир Мильнер вложил в нее 10,5 млн. долл.[110]. Видный историк Э. Саттон, сумевший получить доступ ко многим любопытным документам американских архивов, приводит доказательства, что в финансировании революции принимали также участие Морган и ряд других банкиров. Иногда деятельность Шиффа, Пола Варбурга, Ашберга и пр. историки расценивают в качестве «прогерманской». Но это неверно. Прогерманской в прямом смысле не была даже работа Макса Варбурга, Парвуса, австрийских Ротшильдов и иже с ними. Это была политика «мировой закулисы», согласно которой монархиям Германии, Австро-Венгрии, Турции тоже предстояло пасть, но позже — после Рос-

сии. И именно в рамках этой политики в США к началу 1916 г. вызрел и начал проводиться в жизнь «план Хауса».

Задействованы в нем были не только американские политики и спецслужбы. Одним из ближайших сподвижников Хауса стал резидент британской разведки МИ-6 в США Вильям Вайсман. Нет, он был не простым шпионом типа Джеймса Бонда. До войны Вайсман был банкиром, и в 1916 г. его направили в Америку с особой миссией и очень большими полномочиями. Официально ему ставилась задача по втягиванию Соединенных Штатов в войну на стороне Антанты. Но за океаном он близко сошелся с американскими финансовыми кругами, особенно с Отто Каном из компании «Кун и Лоеб». А из политиков Вайсман сразу же нашел общий язык с полковником Хаусом. Оказалось, что взгляды по всем ключевым вопросам у них совпадают, и они спелись душа в душу. Через Вайсмана политика Хауса согласовывалась с правящими кругами Англии. (Хотя на кого в большей степени стал работать британский резидент, неизвестно. Во всяком случае, после войны против него были выдвинуты серьезные обвинения, и он предпочел на родину не возвращаться. Остался в Америке, где был принят все в ту же фирму — «Кун и Лоеб»[173]).

В период войны в Америке начинает формироваться «своя» группировка российских революционеров, независимая от швейцарской. Теоретически попасть сюда было для эмигрантов не так-то просто. Проезд за океан стоил недорого, не каждому по карману, а в связи с наплывом беженцев из Старого Света получить визу и вид на жительство тоже было проблемой, не говоря уж о возможности найти работу. Но революционеры в США попадали. Даже можно отметить, что сюда специально отбирали тех, кого считали нужными. Так, по заданию германских спецслужб в Штатах побывала Коллонтай, выступала на рабочих вечерах и митингах с русофобскими речами. И кому-то понравилось, ее пригласили в Нью-Йорк. Очутился здесь и Ларин (Лурье), один из ближайших сотрудников Парвуса. Как-то очень уж легко перемахнул из Швейцарии в Америку, через несколько границ, Бухарин. Молодой, еще малоизвестный партийный теоретик — но обладавший одним особым качеством. Он был масоном.

Показательна и история с Троцким. В 1916 г. случился бунт среди солдат русского экспедиционного корпуса во Франции. Выяснилось, что среди них распространялась газета Троцкого «Наше слово» (выходившая, подчеркнем, без всяких препятствий со стороны французских властей). Разразился скандал, царское правительство потребовало выдачи Льва Давидовича как российского подданного. Однако у него в Париже нашлись влиятельные покровители вплоть до депутатов и министров, и его решают выслать в Швейцарию. Но вместо Швейцарии высылают почему-то в Испанию, причем на границе, как пишет сам Троцкий, сопровождающие жандармы обменялись масонскими знаками[182]. Из Испании он готовится ехать в Швейцарию, сообщает об этом оставшейся во Франции жене. Однако из Парижа на него вдруг поступает донос, испанские власти его снова арестовывают и... приговаривают к высылке в США. Правда, у Троцкого нет денег, но и они неожиданно находятся, он с супругой и детьми отплывают пассажирами первого класса[173]. А в Нью-Йорке их встречает некий Артур Конкорс. Один из руководителей «Общества по предоставлению убежища евреям и поддержке иммигрантов» — учредителем и патроном этой организации являлся Яков Шифф...

Порой тайные связи обнаруживают такие хитросплетения, что остается только руками развести. Допустим, дядя Троцкого Абрам Животовский был компаньоном Сибирского банка (который, по данным русской контразведки, контролировался немцами), а также крупным акционером «Русско-Азиатского банка» Путилова. И при этом находился в тесных контактах с владельцем «Ниа-банка» Олафом Ашбергом, создал с ним совместную «Шведско-Русско-Азиатскую компанию»[177]. Животовский направил своего делового представителя и в США. И этим представителем был не кто иной как Соломон Розенблюм, более известный под псевдонимом Сидней Рейли. Бизнесмен и одновременно супершпион, работавший на резидента МИ-6 Вильяма Вайсмана и ставший у него главным консультантом по русским делам[173].

Офис, где Рейли вел деловые операции, находился в Нью-Йорке по адресу Бродвей-120. На верхнем этаже этого дома

располагался фешенебельный банкирский клуб, где собирались Шифф, Морган, Кан, Варбурги, Барух, Маршалл, Гугенгейм и прочая подобная публика. А в одном кабинете с Рейли работал его компаньон Александр Вайнштейн. Тоже приехавший из России, тоже связанный с британской разведкой — и устраивавший в Нью-Йорке сборища российских революционеров. Ну а брат Александра, Григорий Вайнштейн, был владельцем газеты «Новый мир» — где сотрудничали Бухарин, Коллонтай, Урицкий, Володарский, Чудновский. А редактором газеты по приезду в Америку стал Троцкий. Мало того, по указанному адресу, Бродвей-120, располагалась банковская контора Вениамина Свердлова, и они с Рейли были закадычными друзьями[173]. Не слишком ли много «совпадений», как вы считаете?

Уж конечно, имея стольких «общих знакомых», британский резидент Вайсман попросту не мог пройти мимо фигуры Троцкого. Известно, что им был разработан особый план «Управление штормом», согласно коему следовало влиять на события в России через «своих» людей. Позже Вайсман напишет труд «Разведывательная и пропагандистская работа в России», где уклончиво упомянет, что «один из наших американских агентов, очень известный интернациональный социалист,... был сразу же принят большевиками и допущен на их собрания»[173]. По всем признакам под характеристики этого «интернационального социалиста» подходит только один человек. Лев Давидович Троцкий.

Словом, в заговоре против России были задействованы самые различные силы и структуры, зачастую не знавшие друг о друге или считавшие друг друга противниками. И можно отметить одну многозначительную особенность Февральской революции — она стала полной неожиданностью и для большевиков, и для немцев, и для думской оппозиции[100, 150]. Потому что и те, и другие, и третьи способствовали раскачке страны и подрыву устоев власти, но саму революцию не делали ни большевики, ни немцы, ни либералы-думцы. Зато в ней активно поучаствовали дипломаты и спецслужбы Англии и Франции. Заговорщики, готовившие переворот, были тесно связаны с послами этих держав Бьюкененом и Палеологом.

Определяющим фактором стало и то, что у антироссийской «закулисы» имелись агенты и эмиссары не только в Думе, не только в оппозиционных политических партиях. «Оборотни» действовали и в окружении Николая II. Но отнюдь не царица, не Распутин, не «заговор генералов» во главе с Алексеевым. Все это — «версии прикрытия». Сплетни о «немке-царице», о влиянии на царя Распутина широко распространялись заговорщиками, оппозиционерами и иностранцами, чтобы подорвать авторитет императора и монархии. И точно так же, как после теракта в Сараево была запущена версия про полковника Артамонова, так после Февраля была сфабрикована история о «военной ложе» и Алексееве. Характерно, что озвучили ее сами масоны-заговорщики, Львов и Гучков, опорочив таким способом память Алексеева, отомстив ему за попытки противодействовать им, за комиссию Батюшина и т.д. Ну и, разумеется, отвлекая внимание от истинных теневых участников операции.

А они были. Например, министр финансов Петр Барк. «Финансовый гений», с 1914 г. ухитрявшийся заключать с союзниками договоры о кредитах, но на странных и крайне невыгодных условиях. Займы требовалось «обеспечивать» отправками в Англию русского золота. По этим договорам за время войны было вывезено золота на 640 млн. руб. — и поневоле напрашивается мысль, не это ли золото после «отмывок» в Британии, США, Германии и Швеции шло под маркой «германского» на финансирование революции? Кстати, когда Троцкий очутился в Испании в тюрьме и с пустыми карманами, хлопотал за него (по донесениям французской разведки) и передал деньги на проезд в Америку Эрнест Барк, племянник российского министра.

По протекции Петра Барка 2 января 1917 г., буквально накануне революции, впервые в России было открыто петроградское отделение американского «Нэшнл Сити-банка». А первым клиентом стал один из главных заговорщиков, Терещенко, получивший кредит в 100 тыс. долл. Исследователь русско-американских финансовых отношений С.Л. Ткаченко с удивлением отмечает, что кредит в истории банковского дела был совершенно уникальным: без предварительных

переговоров, без указания цели займа, обеспечения, условий погашения. Просто дали крупную сумму наличной валюты, и все[177].

Другим теневым участником являлся министр внутренних дел Протопопов, клавший под сукно доклады полиции о заговоре, на несколько дней задержавший информацию в Ставку царю о беспорядках в столице, а в критический момент инициировавший «самороспуск» правительства, что вызвало в Петрограде паралич безвластия. «Оборотнем» был и товарищ¹ министра путей сообщения Ломоносов, загнавший поезд Николая II вместо Царского Села к заговорщикам в Псков. Был и еще кто-то среди ближайших советников царя — обеспечив, скажем, удивительную «непотопляемость» Барка — при правительственной чехарде, когда один за другим слетали премьеры и переформировывались кабинеты, Барк оказался единственным из министров, сохранившим свой пост в течение всей войны!

«Откровениями» о «военной ложе» и пр. требовалось замаскировать и участие в русской революции внешних сил. А оно было очень значительным. Вряд ли можно считать случайностью, что в конце 1916 г. произошли вдруг значительные изменения в британском правительстве. Ушли в отставку Асквит, Грей и другие политики. Те самые политики, которые в свое время налаживали союзнические отношения с Россией, связали себя определенными соглашениями с ней, обещаниями, договоренностями. Премьер-министром стал ярый русофоб Ллойд Ллордж, а пост военного министра занял уже «знакомый» нам банкир и глава «Великой ложи Англии» лорд Мильнер.

Известно, что в начале 1917 г. Россию посетил по неким «делам» Сидней Рейли. А на межсоюзническую военную конференцию, состоявшуюся в Петрограде в январе-феврале, прибыл и сам Мильнер. Имеются сведения, что он привез с собой весьма крупные суммы денег. В свиту Мильнера входили разведчики, которым вскоре придется действовать в революционной России — Локкарт, Кроми. И отель «Франция», где расположилась британская делегация, стал настоя-

¹ Заместитель.

щим «штабом», где готовилась и заваривалась крутая каша. Здесь неоднократно видели заговорщиков Львова, Терещенко. А.А. Гулевич приводит доказательства, что как раз агенты английского посла Бьюкенена всего через три дня после отъезда из России Мильнера спровоцировали в Петрограде «хлебные» беспорядки[158].

Приложили свою руку и американцы. Посол США в Германии Додд впоследствии сообщил, что в событиях Февраля важную роль сыграл представитель Вильсона в России Крейн, директор компании «Вестингауз Электрик». И когда революция свершилась, Хаус писал Вильсону: «Нынешние события в России произошли во многом благодаря Вашему влиянию»[6].

Да уж, влияние было несомненным. После того, как Николая II обманом вынудили отречься и обманом же подsunули ему на подпись список правительства, «легитимность» новой власти обеспечила отнюдь не всенародная поддержка. Ее не было, всенародной. Нет, «легитимность» Временного правительства обеспечило мгновенное признание со стороны Запада. США признали его уже 22 марта, известный американист А.И. Уткин отмечает: «Это был абсолютный временной рекорд для кабельной связи и для работы американского механизма внешних сношений»[189]. 24 марта последовало признание со стороны Англии, Франции, Италии. Так как же русским можно было сомневаться, если «весь мир» признал новое правительство вполне законным?

СКРЫТЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОКТЯБРЯ

Нет, конечно же, никакие иностранные агенты и заговорщики не смогли бы так запросто сокрушить могучее государство и взбаламутить многомиллионный народ. Но дело в том, что к началу трагических переломных событий страна и народ оказались уже тяжело больны. Бациллы этой болезни тоже внедрялись извне, с Запада. Поражали они русских далеко не сразу. Но зараза распространялась постепенно, несколько столетий. Модные теории, «свободные» нравы, идеи либер-

рализма... Заболевание охватывало Россию «с головы», сверху. Аристократия, дворянство, так называемые культурные слои общества привыкали ориентироваться на Европу, зарубежные взгляды и оценки становились образцами для подражания, воспринимались как «общепризнанные» аксиомы.

Основным прикрытием для идеологических диверсий стало «просвещение» (а «просвещению» в масонстве отводилась очень важная роль, оно противопоставлялось религии). И готовым каналом для заражения России либерализмом стала утвердившаяся в нашей стране западническая система образования. За основу брались все те же европейские стандарты и теории — и наряду с гуманитарными и техническими науками интеллигенция получала иные «добавки»: проникалась комплексами «национальной неполноценности», привыкала считать зарубежное «передовым», а свое — «отсталым». А отсюда виделась прописной истиной необходимость реформ по чужеземным образцам.

Вовсе не случайно очагом либерального духа становилась профессорско-преподавательская среда. Сеяла в душах молодежи семена вольнодумства, атеизма, сомнений. Эти семена соединялись с обычным юным фрондерством и давали обильные всходы. Соблазны «свобод» кружили головы поклеще вина, очернительство власти, законов, отечественных традиций становилось признаком хорошего тона. Внедрилось деление всех явлений общественной жизни на «прогрессивные» и «реакционные». Причем новое, революционное, разрушительное относилось к «прогрессивному», читай — хорошему. А все, что служило стабилизации российской действительности, оказывалось «реакционным».

Студенты, нахватавшись подобных идей, становились учителями — и несли их своим ученикам. В том числе рабочим, крестьянам. В 1870-х движение народников быстро захлоло, интеллигенты-агитаторы, сунувшиеся «будить народ», оказывались для русских людей чужеродными смутьянами. Их без долгих разговоров вязали и сдавали властям. Но в рабочие вечерние школы приходил не агитатор, а учитель — о котором заведомо знали, что он должен научить уму-разуму. И в сельскую земскую школу приезжал учитель, начитав-

шийся модных атеистических книг Ренана, восторгавшийся древнегреческой демократией и «великой французской революцией», выписывающий либеральные газеты. Этот учитель выглядел для детишек более эрудированным и знающим, чем родители, чем скромный деревенский священник.

Да, страна была больна. В катастрофическом 1906 г. была созвана Дума, началась эпоха «парламентаризма». Но первое, чего потребовали «народные избранники», — всеобщей политической амнистии! В России лилась кровь, террористы нагло убивали слуг государства и невинных граждан, а депутаты с пеной у рта голосовали за освобождение тех преступников, которых удалось поймать. И гимназисты, студенты, интеллигенция восхищались такими «избранниками». Зачитывались оппозиционными газетами. Восхищались и революционерами, на заседаниях судов устраивали им овации. Прятали их, снабжали документами. С гневом обрушивались на «черносотенцев», объявляли обструкции патриотам, обливали презрением полицейских и казаков...

Поветрие либерализма охватило и высшую аристократию, чиновничество. Министры и губернаторы заигрывали с «общественностью», во всем шли ей навстречу, стыдась прослыть «реакционерами». Патриотические организации вроде Союза Русского народа всячески притеснялись, их деятельность перечеркивалась препонами властей. Либерализм проник даже в Церковь. Пастыри старались согласовывать свои проповеди с «прогрессом». Синод и высшие иерархи утверждали терпимость к антироссийским (и явно антиправославным) учениям. А священники, проявляющие принципиальность, обвинялись в «черносотенстве» и подвергались гонениям[58].

Устои Православия расшатывались и слабели. Красноречивый пример — весной 1914 г. из 16 выпускников Иркутской духовной семинарии принять священнический сан решили лишь 2, а из 15 выпускников Красноярской семинарии — ни одного![24] Остальные предпочли пойти по гражданской части — учителями, чиновниками, земскими деятелями. Интеллигенция стала считать Веру в лучшем случае «красивой народной традицией», благодаря которой можно поумилаться

на Вербное воскресенье, весело похристосоваться на Пасху, поздравить друг друга с Рождеством. В худшем случае относились к «пережиткам», тормозящим «прогресс». Такое отношение начало проникать и в простонародье: Сергей Есенин хвастался в своих автобиографиях, как пропускал службы в церкви, выданные на это деньги присваивал и научился так же, как священник, вырезать серединки из просфор, чтобы обмануть бабушку.

Принято восхищаться «Серебряным веком русской культуры» — но и культура была больной. Она погрязла в декадентстве, эротике, темных душевных надломах. Кумирами молодежи становились сатанист Брюсов, отвергший Бога и взывавший к нечистому Соллогуб, теософ и антропософ Андрей Белый, член ложи розенкрейцеров Блок — они владели умами, над их фотографиями рыдали, их стихи переписывали друг у друга...

А среди рабочих и крестьян плевелы чужеземной заразы проявлялись ростом эгоизма и эгоцентризма. Они считали себя патриотами — и еще готовы были растерзать любого, кто осмелился бы поднять голос против России. Но ничуть не считали зазорным бастовать во время войны, требуя повысить зарплату. Хотя зарплата у них была самой высокой по сравнению с другими воюющими государствами — а день забастовки на одном лишь Металлическом заводе в Питере недодавал фронту 15 тыс. снарядов. Уже не считали зазорным прикидывать — а хорошо бы и впрямь переделить собственность как-нибудь «посправедливее». И люди оказались уже доступными для соблазнительных идей «земного рая».

Все это вместе обеспечило успех Февральского переворота. Церковь промолчала. Народ в большинстве промолчал. Ошарашенный, сбитый с толку — но кто знает, может, и впрямь так получится лучше, богаче, «свободнее»? А интеллигенция, учащиеся, значительная часть офицеров (офицеры военного времени были той же интеллигенцией, призванной из запаса) бурно приветствовали Февраль, цепляли красные банты, поздравляли друг друга — наконец-то «прогресс» восторжествовал над «реакцией», наконец-то «свобода», наконец-то в России будет так же, как на Западе...

Впрочем, и это было обманом. «Прогрессивная общественность» приветствовала победу «демократии» — и до сих пор в исторической литературе утверждается, будто Февральская революция принесла России демократию. Но подобные утверждения выдают лишь полную некомпетентность авторов (или бездумное переписывание из одного источника в другой). Потому что в действительности Временное правительство было куда более диктаторским, чем царское. Оно сделало то, на что не решался Николай II — распустило Думу. Кучка заговорщиков, дорвавшихся до руля государства, сосредоточила в своих руках и законодательную, и исполнительную, и верховную власть. И сама в узком кругу решала, кого допустить в свою среду, кого отправить в отставки. Однако русская интеллигенция, загипнотизированная лозунгами «свобод», этого не замечала. Правда, ей-то простительно — но и западные правительства, дипломаты, «общественность» стоя вопиющих фактов почему-то не замечали, признавали правление масонов-временщиков вполне «демократическим».

Революция освободила из тюрем и ссылок всех заключенных — скопом, политических и уголовников. Открыла пути на родину и для эмигрантов из-за рубежа. Но у них возникли немалые формальные трудности — война-то не закончилась, Европа была перечеркнута фронтами. И при возвращении революционеров в Россию мы опять видим явные черты хорошо спланированной операции. Агенты Парвуса Платтен, Моор, Радек (а с ними и Крупская) уговаривают Ленина ехать через Германию. А у Троцкого возникает другая проблема. Его путь из Америки лежал через зоны морского контроля Англии и Франции, а в досье их контрразведок Лев Давидович значился немецким агентом. Но решилось все очень легко. Троцкий тут же получил американское гражданство и паспорт США! Мгновенно! Это могло быть сделано только на самом высоком уровне, и имеются свидетельства, что паспорт был выдан по указанию президента Вильсона[158] — очевидно, не без участия Хауса и Вайсмана.

Ленин и Троцкий отъезжают в Россию одновременно 27 марта. Но сразу вслед за этим происходит странная история. Британские власти без всяких вопросов, весьма любезно

но выдают Льву Давидовичу транзитную визу — и, тем не менее, в первом же канадском порту, Галифаксе, его и пятерых спутников (Чудновского, Мухина, Фишелева, Романченко, Мельничанского) арестовывают как агентов Германии. А через месяц Госдепартамент США вдруг вступает за своего гражданина, вмешивается и посольство Великобритании в Вашингтоне, и, к удивлению контрразведчиков, Троцкого с компанией освобождают.

Зачем нужны были подобные игры? Чтобы понять это, целесообразно привести сравнение с ситуацией 1905 г. Как уже отмечалось, Льва Давидовича тогда лично опекали Адлер, Парвус, Красин, со всеми удобствами доставили в Россию, протолкнули в Петросовет. А вот Ленину такого внимания оказано не было. Он дольше чем нужно задержался за границей, потом его заставили безрезультатно торчать в Стокгольме, ждать курьера с документами. И в Россию он попал к «шапочному разбору», когда все руководящие посты были заняты, и он оказался не у дел. Ясное дело, что на роль лидера революции продвигался не он, а Троцкий.

В 1917 г. было наоборот. Так же, как в 1905 г. «тормознули» Ленина, так в 1917 г. предпочли «тормознуть» Льва Давидовича. На этот раз первым должен был приехать и стать вождем революции Ленин — именно проследовавший через Германию! «Запачканный» этим шагом, маркированный в качестве «германского ставленника». Западные теневые круги готовились сокрушить Россию, но свалить вину требовалось сугубо на немцев. И Троцкого арестовали, чтобы его тоже представить немецким ставленником, выпятить «германский след» и скрыть англо-американский.

Владимир Ильич на родине получает действительную помощь. По сути, из различных группировок социал-демократии ему требовалось создать совершенно новую партию. Опой становятся его сторонники типа Сталина, Дзержинского, но этого оказывается недостаточно. В России все бурлит, местные и прибывшие из-за рубежа революционеры действуют кто во что горазд, не желая признавать друг друга. Но для поддержки Ленина Парвус создает в Стокгольме штаб из Ганецкого, Семашко, Воровского, Радека, в Петроград заранее

направляется Александра Коллонтай, готовит почву, агитирует матросиков Дыбенко и прочую вольницу. А на роль «правой руки» Владимиру Ильичу услужливо подсовывают Якова Свердлова. Настоящего гения организации, который проявляет подлинные чудеса, формируя «из ничего» партийные структуры, хитроумными ходами нейтрализует конкурентов и обеспечивает победы над ними.

Но и Троцкого покровители не забывают. И месячную «фору» ему вполне компенсируют. Для него готовит почву в Питере прибывший заранее Ларин-Лурье. Из Сан-Франциско во Владивосток целыми пароходами направляются тысячи «интернационалистов» — они становятся ядром группировки Троцкого, «межрайонцев». А сформировать дееспособную организацию ему помогают те же самые люди, которые обеспечили это для Ленина, — Свердлов, Коллонтай. Что ж тут удивительного, если заказчики были одни и те же? Правда, Владимир Ильич и Лев Давидович 14 лет были врагами. Но теперь заказчикам требовалось, чтобы они прекратили ссоры и действовали вместе. Наведением мостов занимаются Свердлов и «ленинец» Каменев — родственник Троцкого. А объединение большевиков с межрайонцами происходит на VI съезде партии, без обоих лидеров, когда Ленин после провала июльского путча прячется в Разливе, а Троцкий сидит в тюрьме.

В скатывании России от Февраля к Октябрю самое деятельное участие опять приняли иностранцы. Правда, нужно помнить, что далеко не все политики и дипломаты Антанты были причастны к этим делам. И степень их допуска к тайнам была различной. Даже когда мы говорим о влиянии «мировой закулисы», подобное обобщение не всегда справедливо. До определенного предела позиции и цели тех или иных зарубежных кругов совпадали. Но у этих же кругов имелись и собственные интересы, отличные друг от друга и даже противоречащие друг другу. Так, для французской и части британской «закулисы» цели подрывных акций оказались уже достигнуты в ходе Февральской революции. Россия была ослаблена. Во главе государства очутились правители, куда более послушные, чем царь и его министры — заглядывающие в рот зарубежным «наставникам», готовые заключать кабаль-

ные договоры, раздавать концессии. При дележке плодов победы восточную союзницу теперь можно было обойти. Следовательно, представлялось целесообразным стабилизировать положение в России, чтобы с ее помощью завершить войну.

Но высшие круги политической и финансовой элиты США и Англии продолжали выполнение «плана Хауса». Да, при таком развитии событий победа в войне откладывалась. На фронтах должны были пролиться дополнительные моря крови, пасть еще сотни тысяч французов, англичан, американцев. Но и выигрыш обещал быть колоссальным... Для дальнейшего обвала России была применена «ступенчатая» схема. Либералы-заговорщики по главе со Львовым наломали дров сколько смогли — после чего союзники надавили на них, вынудив уступить власть еще более радикальным «реформаторам» во главе с Керенским. А на смену им уже подталкивались большевики.

Интриги вокруг России летом и осенью 1917 г. представляются весьма красноречивыми. Когда Корнилов предпринял попытку навести в стране порядок, он сперва получил горячую поддержку в Лондоне и Париже, его сторону приняли британские и французские дипломаты в России. Но посол США в Петрограде Френсис блокировал их демарши. И в правительствах Антанты в последний момент что-то неожиданно изменилось, послам пошли новые инструкции, и они вдруг резко изменили позицию, вместо Корнилова поддержали Керенского. В дальнейшем дипломаты Антанты во главе с Бьюкененом старались нажать на Керенского, внушая ему необходимость действовать решительно и расправиться с большевиками. Однако и эти шаги неизменно срывал Френсис, а Бьюкенен жаловался в Лондон, что посол США саботирует выработку «общей политики Запада в отношении кабинета Керенского», что «американцы играют в собственную игру» [189].

А кроме официальных представителей иностранных держав, действовали неофициальные. Так, в Россию прибыла американская миссия Красного Креста. Дело вроде бы хорошее, благородное, правда? В войну — Красный Крест... Но состав миссии был, мягко говоря, странным. Из 24 ее членов лишь

7 имели какое-то отношение к медицине. Остальные — представители банков, крупных промышленных компаний и разведчики. Возглавлял миссию Уильям Бойс Томпсон, один из директоров Федеральной резервной системы США. Его заместителем был полковник Раймонд Робинс.

При миссии состояли и такие личности, как Джон Рид, не только журналист и автор панегирика Троцкому «10 дней, которые потрясли мир», но и матерый шпион. Он «оказывал услуги» американскому правительству еще в мексиканскую революцию, в 1915 г. арестовывался русской контрразведкой за связи с сепаратистами, но под давлением госдепартамента и посольства США пришлось отпустить. В 1917 г. в России он снова «оказывал услуги» правительству и по возвращении на родину передал в госдепартамент «свои заметки и информацию, полученные благодаря связи с Львом Троцким»[158]. При миссии Красного Креста состояло также трое секретарей-переводчиков. Капитан Иловайский — большевик, Борис Рейнштейн — позже стал секретарем Ленина, и Александр Гомберг — в период пребывания Троцкого в США был его «литературным агентом». Нужны ли комментарии?

Осенью 1917 г. полковник Робинс стал одним из ближайших советников Керенского. Британский атташе Нокс доносил, что его влияние на министра-председателя «чрезвычайно растет», и он внушает Керенскому «очень опасные идеи»[189]. Уильям Б. Томпсон в мемуарах отмечал, что миссия Красного Креста, кроме того, «осуществляла свою деятельность через доктора Соскиса» — секретаря и помощника Керенского (по «совпадению» открывшему в эти же месяцы весьма крупный счет в петроградском отделении «Нэшнл Сити банка»[177]). Ну а еще одним очень близким доверенным лицом Керенского стал Сомерсет Моэм — будущий великий писатель, а в то время секретный агент британской МИ-6, подчинявшийся резиденту в США Вайсману[189]. Стоит ли удивляться, что при таких советниках министр-председатель принимал худшие из решений и власть досталась большевикам почти без борьбы?

Да и вообще были ли попытки всерьез оказать сопротивление? Не «намекнули» ли покровители Керенскому, что он

должен уступить власть, как прежде ее уступил Львов? Удирая в дни Октября из Питера на машине американского посла, Александр Федорович зачем-то приказал всему остальному составу Временного правительства собраться вместе и находиться в Зимнем дворце. А руководить правительством и обороной Зимнего оставил очень уж характерную тройку. Доктора Кишкина, инженера Пальчинского и Пинхуса Рутенберга. Кишкин был полнейшим ничтожеством, неспособным что-либо организовать. Рутенберг, напротив, организовывать умел превосходно. Только раньше он организовывал дела довольно темного свойства — в январе 1905 г. он являлся главным эмиссаром зарубежных «бесов» в России, и как раз он через попа Гапона устроил провокацию «кровавого воскресенья». Помогал Рутенбергу в подготовке провокации директор заводов Нобеля Серебровский...

И надо же — какое «совпадение»! На квартире этого самого Серебровского по возвращении из эмиграции поселился Троцкий. И еще одно «совпадение»: третий член «триумvirата», оставленного Керенским, Пальчинский, был старым другом Григория Чудновского — одного из пяти революционеров, которые ехали из Нью-Йорка с Троцким и были арестованы с ним в Канаде. Причем дружба оказалась настолько закадычной, что Пальчинский неоднократно приглашал его к себе в гости в Зимний дворец. А потом Чудновский руководил штурмом Зимнего. И одним махом арестовал торчавшее во дворце без дела правительство... Словом, все разыгралось «по-дружески». А то, что при этом гибли мальчишки-юнкера, были перенасилованы женщины-ударницы, в заведомо безнадежных боях под Гатчиной убивали друг друга казаки и матросы — стоило ли обращать внимание на подобные «мелочи»?

Кстати, если еще раз вспомнить о «германском золоте», то с июля по октябрь большевики не получали финансирования от немцев. После неудачного июльского мятежа эти каналы были вскрыты русской контрразведкой. А.Г. Латышев в своей работе «Рассекреченный Ленин» приводит документы, свидетельствующие, что Владимир Ильич оборвал даже запасные каналы, опасаясь окончательно дискредитировать партию[92, 93]. Но могли ли возникнуть проблемы с деньгами, если в Пет-

рограде находился столь своеобразный американский Красный Крест во главе с одним из директоров ФРС США? Справка Секретной службы Соединенных Штатов от 12 декабря 1918 г. отмечала, что крупные суммы для Ленина и Троцкого шли через вице-президента ФРС Пола Варбурга[198].

По воспоминаниям одного из помощников Сталина, С.С. Пестовского, в первые месяцы советской власти все структуры большевистского правительства занимали деньги под расписки у Троцкого, финансы имелись только у него[161]. А откуда они поступали, свидетельствует не только упомянутая справка американских спецслужб. Имеются и другие доказательства. Известно, например, что 30 ноября 1917 г. Уильям Б. Томпсон и полковник Робинс посетили Троцкого, и после конфиденциальной беседы с ним, 2 декабря, Томпсон направил запрос Моргану — перечислить 1 млн. долларов для советского правительства[158]. Этот факт стал достоянием газетчиков. «Вашингтон пост» от 2 февраля 1918 г. сообщала: «Уильям Б. Томпсон находился в Петрограде с июля по ноябрь прошлого года и сделал личный вклад в 1 млн. долларов в пользу большевиков».

Зачем предпринимались все усилия и расходы, истинные организаторы революции хорошо знали. Тот же Томпсон, покинув Россию, остановился в Лондоне. Здесь он вместе с помощником Хауса Ламотом провел переговоры с британским премьером Ллойд Джорджем и 10 декабря 1917 г. представил ему меморандум, где указывалось: «...Россия вскоре стала бы величайшим военным трофеем, который когда-либо знал мир».

НАШЕСТВИЕ ИНОПЛЕМЕННЫХ

Говорить о дружной «ленинской когорте», осуществившей революцию и отстоявшей ее от «сил империализма», нет никаких оснований. Сам Ленин был убежденным, идейным революционером, искренне считал построение социализма во всем мире сверхзадачей, ради которой допустимо платить любую цену и идти на любые жертвы. Полагал, что можно и

должно «играть на противоречиях» империалистических держав, пользуясь, допустим, германскими (или американскими) деньгами. Ленин был уверен, что это лишь временная хитрость — и она обернется против самих спонсоров, когда революция из России перехлестнет в другие страны. Верил он и в необходимость насильственно внедрять социалистические модели хозяйства, подавлять сопротивление «эксплуататорских классов», бороться с религией. Был убежден, что после победы социализма и перестройки страны по новым образцам народ сам осознает пользу реформ и все беды и страдания окупятся общим благом...

Однако подобные взгляды как нельзя лучше устраивали международные антироссийские силы! А чтобы корректировать политику Ленина и большевиков в нужную сторону, эти самые международные «бесы» внедряли в партию своих «оборотней» — еще загодя, в период эмиграции и подпольной борьбы. И Ленин мог планировать все что ему угодно. Но реально «рулить» советским государством начал отнюдь не он. Свердлов возглавил Секретариат ЦК и ВЦИК Советов. То есть как раз через него определялось выполнение как партийных решений, так и решений правительства — не имевшего никаких структур на местах, кроме Советов. В этих должностях Свердлов стал и главным распорядителем кадровой политики, расставляя «своих» людей в среднем звене руководства. Троцкий возглавил внешнеполитическое ведомство, Менжинский и Сокольников (Бриллиант) — финансовое.

Деньги, полученные от иностранных покровителей, требовалось отрабатывать. И первое, чем занялся Лев Давидович на посту наркома иностранных дел, стала публикация тайных договоров из архивов МИД России. Эта акция очень четко ложилась в струю «плана Хауса». Как уже отмечалось, для США настоятельно требовалось разрушить систему старой европейской дипломатии, чтобы строить свою. Хаус не раз писал об этом Вильсону весной и летом 1917 г. — но проблема заключалась в том, что Америка, вступив в войну под занавес, не могла инициировать этот процесс, навязывать свои условия странам, вынесшим на себе тяжесть нескольких лет сражений[6]. Диверсия Троцкого четко решила проблему. Публи-

кации договоров начались 23 ноября, и сразу же, 25 ноября, их взялась перепечатывать «Нью-Йорк таймс». Поднялся скандал, взорвавший весь фундамент дипломатии Европы. Тут-то и подключился Вильсон. Возмущенно объявил, что старая дипломатия никуда не годится, должна быть осуждена и похоронена. А взамен продиктовал собственные «Четырнадцать пунктов» послевоенного переустройства мира.

Следующим шагом Троцкого стали Брестские переговоры и объявленная им формула «ни мира, ни войны». Как трудно понять, это тоже отлично вписывалось в «план Хауса». С одной стороны, Россия вышла из войны, вычеркивалась из категорий победителей — и вместо надежд на нее странам Антанты пришлось умолять о помощи Америку. С другой — результатом политики Льва Давидовича стало германское наступление с отделением Украины, Крыма, Белоруссии, Прибалтики, Финляндии, Закавказья. Началось расчленение России. Ну а под предлогом германской угрозы и необходимости «играть на противоречиях» империалистических лагерей Троцкий открыл дорогу для оккупантов Антанты. 1 марта 1918 г. телеграммой № 252 он приказал Мурманскому совету: «Вы обязаны принять всякое содействие союзных миссий». Известная в советской литературе версия, будто интервенция осуществлялась ради свержения большевиков, очень далека от истины. Она началась с согласия Советского правительства, и Хаус писал в дневнике: «Троцкий просил о сотрудничестве в Мурманске и по другим вопросам»[6].

Причем после того, как одно направление деятельности оказалось «отработанным», Лев Давидович перебрасывается на другое. Он уходит в отставку с поста наркоминдела, а 14 марта 1918 г. его, неожиданно для многих, назначают наркомом по военным и морским делам. Настояла на этом питецкая часть ЦК во главе с Зиновьевым и Иоффе, обосновывая свое предложение «политическим значением... особенно в Англии и Франции». И действительно, главными помощниками и советниками Льва Давидовича при формировании новой армии становятся... иностранцы.

К этому делу подключается полковник Робинс из американского Красного Креста, французские представители Ла-

вернь и Садуть. Присылают свою неофициальную миссию англичане. Возглавляет ее Брюс Локкарт. Тот самый, который входил в свиту Мильнера во время его предреволюционного визита в Петроград. И сейчас для работы в России Локкарта выбрал и инструктировал лично Мильнер. Кроме него, с Троцким тесно сотрудничают британские разведчики Хилл и Кроми. В состав миссии Локкарта прибывает и Сидней Рейли, он быстро оказывается «своим» человеком в кабинете руководителя Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевича, устанавливает «дружбу» с управделами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевичем, не забывает и старого приятеля Вениамина Свердлова — он тоже вернулся в Россию и по протекции брата получил пост заместителя наркома путей сообщения.

При этом представители Антанты декларировали, будто помогают большевикам создавать армию против Германии — дескать, Советская Россия вооружится, окрепнет и сможет возобновить войну вместе с союзниками. Но костяк формируемых частей составили отнюдь не русские! В первую очередь использовались «интернационалисты» — латыши, эстонцы, китайцы. Мало того, в состав красных войск было влито 250 тыс. немецких и австрийских пленных, они составили 19% численности армии! И впоследствии генконсул США Харрис уличил полковника Робинса, что тот, помогая формировать и вооружать части из неприятельских подданных, прекрасно знал об этом[189]. Но против кого же предназначалась такая армия? Ясное дело, Антанта помогала создавать ее не против себя. Да ведь и против немцев она не годилась! Остается — против русского народа...

Да, против русского народа. Против него нацелились и акции другого рода, отразившиеся в хозяйственной политике большевиков. Важную роль в их подготовке и проведении сыграл Михаил Зальманович Ларин. Личность, кстати, весьма любопытная. Как уже отмечалось, он был одним из ближайших сотрудников Парвуса, в революцию 1905 г. выдвинулся на очень заметную роль, был председателем Киевского совета. Но затем он почему-то вдруг уходит в тень, превращается в теоретика-«экономиста». В годы Первой мировой переселяется в США, сотрудничает в здешних социал-демократи-

ческих изданиях. А после Февраля оказывается в Петрограде одним из первых, создает организацию «меньшевиков-интернационалистов», но целиком отдает ее Троцкому. При советской власти он тоже предпочитал оставаться «в тени», был тяжело болен. Но вошел в президиум ВСНХ, каким-то образом заслужил репутацию «экономического гения» и приобрел огромное влияние на Ленина. И даже такой ярый русофоб, как американский историк Р. Пайпс, отмечал, что «другу Ленина, парализованному инвалиду Ларину-Лурье принадлежит рекорд: за 30 месяцев он разрушил экономику сверхдержавы». Именно он разрабатывал и внедрял через Владимира Ильича схемы «военного коммунизма»: запрет торговли и замена ее «продуктообменом», продразверстка, всеобщая трудовая повинность с бесплатной работой за хлебную карточку, принудительная «коммунизация» крестьян... Все это привело к голоду, разрухе. И к масштабному разжиганию Гражданской войны.

Но и гражданская война, в свою очередь, становилась для иностранцев отличным предлогом для наращивания интервенции. Теперь уже как помощь антисоветским силам. Однако в этом позволительно усомниться. Хотя бы по той причине, что странам Антанты снова подыгрывали их эмиссары в руководстве большевиков. Так, по первоначальной договоренности с Советским правительством предполагалось вывезти через Владивосток во Францию Чехословацкий корпус, сформированный в России из пленных. Но 27 апреля 1918 г. по просьбе союзников Троцкий вдруг приказал приостановить отправку чехов на восток. Их эшелоны остановились в разных городах от Волги до Байкала.

11 мая в Лондоне в резиденции Ллойд Джорджа состоялось секретное заседание, где было решено «рекомендовать правительствам стран Антанты не вывозить чехов из России», а использовать «в качестве интервенционистских войск»[141]. И Троцкий опять помог! 25 мая по ничтожному поводу драки между чехами и венграми в Челябинске он издал приказ разоружить корпус: «Каждый чехословак, найденный вооруженным... должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором найден хотя бы один вооруженный солдат, должен

быть выгружен из вагонов и заключен в концлагерь». Приказ сыграл явно провокационную роль. Корпус, узнав о нем, взбунтовался. А «на выручку» чехам хлынули контингенты Антанты. И от России фактически отделилась Сибирь.

Так что «мировая закулиса» добила своего — расколола российское население и ставила между собой. Причем одни и те же западные державы поддерживали красных и белых! Если представители стран Антанты помогали создавать и вооружать Красную армию, переводили Советскому правительству деньги, то «другой рукой» направлялись денежные подачки Каледину, Деникину, белым правительствам Урала и Сибири. И запутанный, сбитый с толку народ шел брат на брата. Но свергать Советское правительство иностранцы вовсе не собирались. Зачем, если оно проводило политику, выгодную Западу? Мало того, через порты, оккупированные державами Антанты, в Россию продолжали прибывать эмигранты на службу к большевикам! Так, американский майор Шулер 9 июня 1919 г. докладывал из Владивостока, что с начала интервенции до этого дня через город проследовали «384 комиссара, включая 2 негров, 13 русских, 15 китайцев, 22 армянина и более 300 евреев», большая часть из которых приехали из Америки.

Нет, чужеземцы не намеревались спасти Россию, они лишь захватывали то, что «плохо лежит». Нашествие сопровождалось колоссальным разграблением. С Русского Севера, из Закавказья, Украины, Сибири вывозились огромные ценности. Русский «пирог» делили и тащили немцы, англичане, американцы, французы, японцы, турки. Однако сказывался и другой фактор — хищники вовсе не были едины между собой. Германия никак не намеревалась уступать добычу, считая, что богатства России и право ее эксплуатации принадлежат немцам, завоевано ими в ходе сражений и успешных тайных операций. Но и страны Антанты не желали уступать свой грандиозный «трофей» Германии. Причем эти противоречия проявились не только на международной арене. Они отразились и внутри советского руководства.

Когда стало ясно, что политика «балансирования» между двумя империалистическими лагерями обернулась полным

провалом, что она стала лишь удобной ширмой для оккупантов, Ленин ее решительно пресек. В сложившейся ситуации более опасными врагами он видел державы Антанты. Немцы удовлетворились тем, что успели захватить, не предъявляя претензий на другие территории. К тому же, как рассчитывал Владимир Ильич, в Мировой войне Германия должна была проиграть. Значит, и от обязательств перед ней можно будет отказаться. Если же на шею сядут англичане и американцы, избавиться от них окажется ох как нелегко. И в противовес им Ленин пошел на дальнейшее сближение с Берлином — вплоть до военного союза, что отразилось в тайном договоре, получившем у историков название «Брест-2».

Но это очень не понравилось правительствам и спецслужбам Запада. И летом 1918 г. прогремели выстрелы двух терактов. 6 июля в Москве был убит посол Германии Мирбах. Свалили на левых эсеров (но Яков Блюмкин, застреливший посла, никакого наказания не понес и позже стал начальником охраны поезда Троцкого). А 30 августа на заводе Михельсона три пули попали в Ленина. Многие данные говорят в пользу того, что за организацией этого покушения стоял Свердлов. Он же после теракта постарался скрыть и запутать все следы[198, 199]. Нельзя исключать, что такой шаг предусматривался изначально по схеме «ступенчатого» сноса России. За Львовым — Керенский — потом Ленин — а за ним, вероятно, Троцкий.

Однако карты заговорщикам спутал Дзержинский. Беспрепятственный разгул западных разведок ему вовсе не нравился, еще с июня 1918 г. агентов ВЧК удалось внедрить в сеть Локкарта, хорошо поработала и флотская контразведка[162, 173]. У чекистов было много данных, что западные шпионы готовят убийство Ленина и переворот. И сразу же после покушения, в ночь на 1 сентября, Дзержинский нанес удар по агентуре Антанты в Москве и Петрограде, произведя массовые аресты[190].

Впрочем, о том, кто реально «правил бал» в Советской России, можно судить по дальнейшим событиям. Свердлов, перехвативший после ранения Ленина рычаги руководства, отправляет Дзержинского в «отпуск», и Феликс Эдмундович

предпочитает месяц скрываться в Швейцарии, пока Владимир Ильич не вернулся к работе. Дзержинского заменяет Петерс, креатура Свердлова. Дела о выстрелах на заводе Михельсона и о заговоре Локкарта были разделены (хотя вел их один следователь, Кингисепп). Первое быстро замяли, поспешив уничтожить Каплан и оборвав все нити. А из многочисленных арестованных, связанных с разведками Антанты, не был расстрелян никто (это в разгар вакханалии «красного террора»!) Рейли и французский резидент Вертимон сумели улизнуть, были приговорены к смерти заочно. Британского и французского генконсулов Локкарта и Гренара отпустили на родину. Из обвиняемых, представших перед трибуналом, кого оправдали, кого приговорили к небольшим срокам заключения, кого вскоре помиловали[162]. Все вышли на свободу.

А вот начальник флотской контразведки лейтенант Абрамовича, который как раз и выследил Сиднея Рейли с его агентурой, был обвинен в «контреволюционном заговоре», осужден и казнен, несмотря на все прошения и апелляции[173]. Имена Робинса и других американских агентов на следствии и суде не прозвучали вообще, как и имена Троцкого, Бонч-Бруевичей и прочих советских деятелей, связанных с западными резидентурами. И с покушением на Ленина дело Локкарта увязано не было — хотя в показаниях обвиняемых и свидетелей неоднократно упоминалось о возможности такой связи.

ФЕНОМЕН СТАЛИНА

Советское руководство оказалось буквально нашпиговано эмиссарами «мировой закулисы». Но, конечно, не все видные большевики были связаны с нею. Многие пришли в революцию и выдвинулись к власти другими путями. Самым заметным из таких деятелей стал Сталин. Он и Троцкий родились в одном и том же 1879 году. Но в биографиях обоих лидеров очень много отличий. Лева Бронштейн появился на свет в семье очень богатого херсонского землевладельца и зерноторговца, Иосиф Джугашвили — в бедной семье грузинского крестьянина, занимавшегося сапожным ремес-

лом. Отец со временем стал сильно пить, и в 11 лет мальчик остался сиротой. Растила Иосифа мать-поденщица, отдавала все силы, чтобы воспитать его. Мечтала, чтобы сын стал православным священником. В 1888 г. Иосиф поступил в Горьское духовное училище, проявил себя очень талантливым, окончил с отличием и в 1894 г. был принят в Тифлисскую духовную семинарию.

Но для его бурной, увлекающейся натуры рамки учебного курса и распорядка оказались «тесными». Джугашвили начал писать стихи, публиковавшиеся в газете «Иверия» — подписывал их псевдонимами «Сосело» и «Коба» (по имени романтического благородного разбойника из книги писателя Казбеги). И стихи были неплохие. Дореволюционные составители, не зная автора, включили некоторые из них в грузинские учебники, хрестоматийные сборники[161]. Иосиф тайком от руководства семинарии стал ходить в литературные кружки. Но эти кружки служили прикрытием для собраний революционеров...

Причем грузинские социалисты, Чхеидзе, Жордания и др., были связаны с международным масонством, позже они сыграли видную роль в Февральской революции, в правительстве меньшевистской Грузии. Что, в общем-то, неудивительно, для зарубежных антироссийских сил соединение социалистических идей с сепаратизмом представляло особый интерес. Но как раз национализм этой группировки оттолкнул от нее Джугашвили. Он предпочитает действовать независимо от нее, создает социалистический кружок в семинарии, ходит пропагандистом к рабочим. Начальство начало догадываться о его увлечениях. Улик против него не было, но ему поставили в вину «дерзость», слишком острые вопросы. В 1899 г. при прочих отличных оценках поставили двойку по поведению и исключили из семинарии.

Он стал кочевать по друзьям, знакомым из тех же социалистических кружков и превратился в профессионального революционера. Возглавил работу в Батуме. В 1902 г. первый арест, ссылка, как и у Троцкого, в Иркутскую губернию. Ему побегов за границу никто не организовывал, но со второй попытки все же удрал, вернулся в родное Закавказье. На-

л писать и теоретические работы. И его привлекли статьи Ленина — у которого, в отличие от других теоретиков, все было предельно просто, понятно, четко разложено «по полкам». Именно такой марксизм энергичный Коба считает подходящим для себя, пригодным в качестве боевой программы. Он увлекается Лениным и заочно признает его «учителем».

Лично Джугашвили познакомился с Владимиром Ильичем в 1905 г. на Таммерфорской конференции и был в восторге от него. А на V съезде партии в Лондоне впервые увидел Троцкого. И оба друг друга не оценили. Иосиф Виссарионович назвал будущего врага всего лишь «красивой ненужностью», а Лев Давидович на него вообще не обратил внимания. Коба-Джугашвили был одним из руководителей революционных акций в Закавказье. Но на шумевшая в «разоблачительных» кампаниях история о том, что он организовывал ограбление Тифлисского казначейства, остается недоказанной. Это обвинение прозвучало из уст Мартова в пылу ругани с большевиками, и даже такой убежденный антисталинист, как Д. Волкогонов, признает, что оно ни в то время, ни позже ничем не подтверждалось[34].

Невольно обращает на себя внимание и первая женитьба Джугашвили. Потому что все революционеры были атеистами (или, по крайней мере, представляли себя таковыми). К религиозным обрядам прибегали вынужденно, когда это требовалось с формальной точки зрения. В том числе для регистрации браков, которые по законам Российской империи были только церковными. Ленин в Шушенском венчался с Крупской. Троцкий в тюрьме заключил брак по иудейскому обряду с Александрой Соколовской. Однако реального значения таким «формальностям» не придавалось. Тот же Троцкий, совершая побег из ссылки, бросил Соколовскую с детьми в Сибири, а в Париже сошелся с Натальей Седовой, не расторгая прошлого брака и не оформляя нового. Ленин предпочитал Крупской Инессу Арманд, и Надежду Константиновну это не смущало, так и жили втроем «дружной семьей». А Свердлов вопросами брака вообще не задавался, сходил и расходился с подчиненными девицами-подпольщицами, пока не нашел себе удобную постоянную подругу Новгородцеву.

Иосиф Джугашвили, в отличие от них, *сочетался тайным браком*. Его и Екатерину Сванидзе *тайно обвенчал* товарищ по духовной семинарии Христофор Тхинволели[34]. Для обычного среди революционеров сожительства этого не требовалось. И для юридических формальностей тоже, с точки зрения закона подобное венчание было недействительным. Но ведь зачем-то потребовалось Иосифу именно венчаться! Хотя брак, от которого родился сын Яков, оказался недолгим, Екатерина вскоре умерла от тифа. И ребенок воспитывался у родственников. А у Джугашвили продолжалась типичная жизнь революционера. Аресты, ссылки, побеги.

И в эмиграцию он, в противовес многим товарищам по партии, не стремился, оставался на родине. Побывал за рубежом лишь дважды на партийных съездах и в 1912 г. посетил Ленина в Кракове. Тут он впервые зарекомендовал себя как специалист по национальному вопросу. Современные исследователи нередко причисляют Ленина к русофобам, подкрепляя это подборками из его цитат. Но Владимир Ильич таковым не был, хотя не был и русофилом (что тоже порой подтверждают — подборками других его цитат). Нет, он вполне в духе марксизма верил, что нации должны со временем отмереть, и «пролетарии всех стран» сольются в некую новую общность. Поэтому национальный вопрос имел для него чисто практическое значение (отсюда и диаметральный разброс цитат). Когда было выгодно, Ленин союзничал с националистами. А в 1912 г. он как раз боролся с Бундом, требовавшим для себя «культурно-национальную автономию» внутри партии и в будущей России.

Тут-то и пригодились ему взгляды Джугашвили. Он по заданию Ленина пишет статью «Марксизм и национальный вопрос», где разнес оппонентов в пух и прах. Вообще опровергал существование еврейской нации, поскольку, мол, она не имеет собственной территории, живет в разных странах и разговаривает на разных языках. И Владимиру Ильичу такой «погром» очень понравился, это было вполне по-ленински, неважно, какими аргументами, но всыпать противникам, чтоб мало не показалось. Владимир Ильич лично проталкивает статью в журнал «Просвещение», несмотря на противодей-

тивные части редакции, и сообщает Каменеву: «Вопрос боевой, мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи». И именно эта статья впервые была подписана новым псевдонимом — Сталин...

После визита за границу Иосиф Виссарионович был направлен в Петроград курировать издание «Правды». Но по указке провокатора Малиновского его почти сразу арестовали, он попал в очередную ссылку, в Туруханский край. Как хронического беглеца, его определили за Полярный круг, в дальнее село Курейка. Здесь же с ним очутился другой член ЦК и хронический беглец, Яков Свердлов. Но не ужились. Сталин почему-то сторонился товарища по партии, чувствовал к нему то ли отвращение, то ли некое отторжение. Правда, вместе пробыли недолго. Свердлов симулировал болезнь, в его защиту подняла шум «общественность», и его перевели в более цивилизованные места, в большое село Монастырское, где он попытался организовать кооператив по скупке у населения пушнины — чтобы перепродавать а Америку[117]. За Сталина ходатаев не нашлось, и по здоровью он не «косил». Провел три года в Курейке. Близко сошелся с местными жителями. Охотился, ловил рыбу для пропитания.

В 1916 г. в связи с военными потерями начали призывать в армию ссыльных. Большевики типа Свердлова нашли способы уклониться, Сталин этого делать не стал. Был призван, но не прошел медицинскую комиссию из-за давней болезни руки. А тут грянул и Февраль с политической амнистией. Иосиф Виссарионович с Каменевым сразу выехали в Петроград. Однако там верховодили партийцы типа Шляпникова — те, кто устраивал забастовки, получая деньги из Швеции. Сталин им пришлось не ко двору. В Бюро ЦК, воссозданное этими деятелями, он был приглашен лишь с совещательным голосом.

Но в обстановке, когда требовалось бороться за влияние среди простых рабочих, солдат, обойтись без таких людей, как Сталин, было нельзя. Он был прекрасным организатором-практиком, умел завоевывать доверие. Сказалась и его близость с вернувшимся из эмиграции Лениным. Владимир Иль-

ич ценил его верность «ученика», доверял ему, и на VI съезде, в своем отсутствии, поручил ему сделать главный, политический доклад. На этом же съезде обозначилось еще одно расхождение Иосифа Виссарионовича с Троцким. Сталин в полемике с троцкистом Преображенским заявил, что хватит ориентироваться на Запад, и, может быть, «именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму». Когда об этом доложили Троцкому, он смеялся над столь вопиющим «невежеством» и как раз тогда прилепил Иосифу Виссарионовичу презрительное прозвище — «философ социализма в одной стране».

В Октябрьской революции Сталин поучаствовал весьма активно, был членом Военно-революционного комитета, и после победы большевиков вошел в правительство — Совнарком. Но «кто платил, тот заказывал музыку». Само собой разумеется, основные рычаги власти оказались в руках ставленников закулисных сил. Сталина же ввел в правительство Ленин, желая иметь «своего» человека и придумав для него пост «по специальности» — совершенно неопределенный и малопонятный, наркома по делам национальностей. Если мы взглянем на плакат тех времен, где изображен состав Совнаркома, то увидим рядом с Лениным фотографии Троцкого и Рыкова, а Иосифа Виссарионовича — в самом низу, в уголке[34]. И весь его «наркомат» представлял собой письменный стол в одной из комнат Смольного, штат состоял из двух помощников.

Но авторитет Сталина поддерживался не только его «министерскими» полномочиями, он был и членом ЦК. В вопросе о Брестском мире и прочих партийных разногласиях он твердо и однозначно поддерживал Ленина, однако имел и собственное мнение. Он был одним из немногих, кто, вопреки Троцкому, возражал против приглашения войск Антанты на Русский Север. Сталин доказывал: «Англичане никогда не помогают зря, как и французы». Но его голос не был услышан. Соглашаясь с необходимостью «балансировать» и «играть на противоречиях», Иосиф Виссарионович был противником и сближения с немцами. И еще 14 марта 1918 г. в статье «Украинский узел», рассказывая о борьбе партизан против германских оккупантов, Сталин назвал ее «*отечественной войной*»[161].

В национальном вопросе позиция Иосифа Виссарионовича также вошла в противоречие с линией «оборотней». Как атланта, так и Германия с ее союзниками нацеливаясь на разделение России, поддерживали националистов. И большевики с националистами до поры до времени выступали союзниками. Но провозглашенным «Правом наций на самоопределение» сразу воспользовались немцы, австрийцы, турки, захватывая возникшие «независимые республики» по «приглашению» марионеточных «правительств». Причем в это время и на остальной территории страны разгулялись националисты всех сортов. Даже там, где население было русским, местные власти возмечтали о самостоятельности, покачался настоящий «парад суверенитетов» — провозглашались Донецкая, Черноморская и прочие «республики». А троцкист Рейснер, бухаринец Покровский и «свердловец» Стеклов (Нахамкес) выдвинули модель «территориальной федерации» — дескать субъектами Российской Федерации должны быть самоуправляемые местные советы, коммуны, профсоюзы, заводские организации. По сути, пошел полный распад государственности.

Сталин решительно встал на пути этих процессов. Он подавляет мусульманских сепаратистов, претендующих на строительство социализма по собственному пониманию — и старается ввести в приемлемые рамки их «автономию». Он внушает региональным руководителям: «Достаточно играли в правительства и республики, кажется, хватит, пора бросать игру», ведет жаркие споры со сторонниками «территориальной федерации». Получает поддержку Ленина, благодаря чему удается одерживать верх.

Но в итоге его... удаляют из Москвы. Подобная практика была придумана Свердловым в его кадровой политике. Мелкая или неудобная фигура под предлогом особо важной задачи отправлялась в «почетную ссылку» — получала ответственное назначение где-нибудь подальше от столицы. Вот и Сталин в мае 1918 г. был вдруг откомандирован «руководителем продовольственного дела на юге России»[161]. Хотя по прибытии в Царицын ему довелось не собирать с крестьян податную разверстку, а воевать. Юг охватили восстания, полупар-

тизанские красные части столкновений с белыми не выдерживали и бежали. И Иосиф Виссарионович впервые выступил в роли командующего. Впрочем, для тех боевых действий, которые развернулись в России, особых военных знаний не требовалось, куда нужнее было умение организатора. И он воссоздавал из разрозненных отрядов развалившийся фронт, налаживал оборону. А попутно приобретал все больший вес среди большевиков...

Партия, сформировавшаяся в 1917—1918 гг., получилась очень неоднородной. Одно ее крыло составляли нахлынувшие из-за рубежа «интернационалисты», эмигранты, большинство профессиональных революционеров. Эта среда была опорой «оборотней», из нее свердловы и троцкие черпали свои кадры, расставляя их функционерами и комиссарами среднего звена. В партию влилось также изрядное количество грязной «пены» — что закономерно для любой смуты. Шпана, люмпены, отбросы общества, для которых главной приманкой стал лозунг «грабь награбленное». Однако к большевикам примкнули и тысячи рабочих, крестьян, солдат, соблазненных перспективами «земного рая», но оставшихся в душе патриотами. Этот патриотический приток шел как раз в период между Февралем и Октябрем, когда для простых людей становилась очевидной нечестность Временного правительства и его зависимость от иностранцев. Такой приток вызвала и интервенция — получалось, что если оккупанты приняли сторону белых, то для защиты Отечества надо идти к красным.

Но ведь Красной армией руководил Троцкий! Высокомерный, амбициозный, играющий в «бонапарта». Наводя дисциплину, устраивал «децимации», расстреливая в отступивших полках каждого десятого. Его помощниками и советниками были опять же иностранцы, его посланцами и представителями становились русофобы-«интернационалисты». Кроме того, для формирования армии Лев Давидович широко привлекал «военспецов» — бывших офицеров и генералов. Они целиком зависели от наркомвоена, в его власти было уничтожить или возвысить любого из них. Всем, что они получали, они были обязаны лично Троцкому — а значит, должны были хранить верность ему, стать его послушным орудием. Есте-

венно, не всех бывших офицеров удавалось привлечь воевать против вчерашних товарищей по оружию — опорой Льва Давидовича становились те, кого можно было купить высокими окладами, должностями, по сути готовые ради карьеры и личного благополучия превратиться в наемников. И, разумеется, ни сам Троцкий, ни его «интернационалисты» и военспецы не могли пользоваться авторитетом у патристически настроенных партийцев и красноармейцев.

Однако в Царицыне возник альтернативный центр. При чем Сталин, в отличие от других красных военачальников, занимал высокое положение в структуре партии и правительства, имел прямой выход на Ленина, поэтому мог себе позволить игнорировать приказы всесильного наркомвоенна, не соглашаться с ним, проводить собственную линию. Таким образом, в ходе гражданской войны внутри партии большевиков стала складываться еще одна группировка — патристическая. Складываться вокруг Сталина.

ПОЧЕМУ НЕ СОСТОЯЛОСЬ МИРОВОЕ ГОСПОДСТВО США?

Война корежила мир четыре с лишним года грохотом тяжелых орудий, надрывававшихся по несколько суток в артиподготовках, разрывами миллионов снарядов перепавших огромные пространства вдоль фронтов, ливнями пуль и осколков, косивших целые полки и дивизии, воплями дикой боли раненых, искалеченных, умирающих. Но окончилась она именно так, как планировалось в тиши кабинетов Хауса и Вильсона.

В апреле 1917 г., сразу после свержения Николая II Америки, как и планировал Хаус, вступила в войну. При этом, кстати, Вильсон заручился поддержкой финансовых магнатов, стоявших за ним, и в очередной раз щедро поощрил их. Бернард Барух был назначен министром военной индустрии, и не просто министром, а по сути экономическим диктатором — ему были подчинены все военные заводы США. Евгений Майер стал главой Военной Финансовой Корпорации,

заведуя всеми расходами. Новые должности и полномочия получили Пол Варбург и его компаньоны. А командовать войсками в Европе был назначен генерал Дж. Маршалл — родственник крупных бизнесменов (и сионистов) Маршаллов.

К 1918 г. в портах Англии и Франции пароход за паромом, конвой за конвоем, выгружались контингенты американских солдат, захлестывая «старушку» Европу. Впрочем, Америка еще очень отличалась от нынешней. Она уже разбогатела, но еще не ожирела, не обезумела и не извратилась. И американцы отличались от современных. Эти солдаты были простыми фермерами, работягами, пастухами, батраками. Наивными, безграмотными, но в общем-то простодушными, искренними, жизнерадостными. И совершенно не умеющими воевать. Их ставили во вторые эшелоны, на второстепенные участки, чтобы снять на главные направления хорошие, опытные части. Но американцы даже и на спокойных участках умудрились натворить бед. Попав в окопы под Сен-Миелем, сочли, что хлюпики-европейцы просто не умеют драться. Решили показать, как надо — и полезли в ненужные атаки на германские пулеметы, положив 70 тыс. человек...

Принести перелом в войне такие войска, конечно же, не смогли бы, разве что увеличить число жертв. Но они и не предназначались для победы. Они требовались, чтобы составить в Европе впечатляющую массу — козырь в грядущих политических комбинациях. А победа достигалась совсем другими средствами. Вильсон назвал это «сшибанием кайзера с его насеста». Еще 14 июня 1917 г. президент США сделал заявление, что в войне виноваты только властители Германии, поэтому борьба ведется не с немецким народом, а с «автократией». Дипломаты и спецслужбы Антанты принялись активизировать «демократические» силы в Центральных державах, их обнадеживали, заверяли в поддержке. Причем союзниками Вильсона и Хауса становились те же самые круги, которые прежде участвовали в операции по сокрушению России — германские и австрийские социалисты, банкиры, крупные промышленники.

А основным вклад в выполнение «плана Хауса» внесли... большевики. Если до Октября революционная пропаганда вы-

вернулась из Германии в Россию, то теперь она хлынула в обратном направлении. Заражались большевизмом сотни тысяч пленных, которых возвращали на родину. Советские агенты обрабатывали солдат оккупационных частей на Украине, в Белоруссии, Прибалтике. По инициативе Свердлова была создана Федерация иностранных групп РКП (б) во главе с Белой Еленой. А под эгидой Троцкого действовало пресс-бюро Радека, в его состав входило Бюро международной революционной пропаганды, которым руководил уже известный нам Рейнштейн — бывший секретарь американской миссии Красного Креста в России. Оперативными работниками числились другие сотрудники той же миссии — Джон Рид, его жена Луиза Брайант, Альберт Рис Вильямс, Роберт Майнор, Филип Прайс, французский шпион Жак Садуль[158]. Эти организации готовили и направляли за границу тысячи агитаторов.

Революции в Центральных Державах, в отличие от российской, даже не требовали от заказчиков никаких вложений, они готовились за русский счет! На это неограниченно выделялись средства в золоте, драгоценностях, валюте, награбленных в ходе конфискации и репрессий. И покати́лась цепная реакция. В сентябре 1918 г. грянула революция в Болгарии, она вышла из войны. В октябре — в Турции, 3 ноября — в Австро-Венгрии, за ней забурлила Германия. Кайзер отрекся от престола и бежал в Голландию, а пришедшие к власти демократы обратились к Антанте с просьбой о мире. 11 ноября в Компьене немецкая делегация подписала капитуляцию...

Ленин был в восторге, полагая, что реализуются его планы «мировой революции». Нет, не совсем. Планы-то реализовывались, но не его. А согласно планам «мировой закулисы» рухнуть в полный хаос должна была только Россия. Центральным Державам предназначалась более мягкая участь. Всего лишь поражение и «демократизация». Новые правительства этих стран получили немедленную и действенную помощь Антанты для подавления своих радикалов. И вспыхнувшие было восстания крайне-левых в Германии, Венгрии, Словакии были разгромлены быстро и жестко.

18 января 1919 г. в Версале открылась мирная конференция. Россия в ней не участвовала. В Париже сформировалась

«Всероссийская дипломатическая миссия», пытаясь представлять интересы белогвардейских правительств, сохранявших верность союзу с Антантой. Однако лидеры Запада эту миссию даже на порог конференции не пустили. Французский президент Клемансо заявил предельно откровенно: «России больше нет». Но, кстати, и многие другие страны, участвовавшие в войне, только присутствовали в Версале, скромно помалкивая. За них все решали «великие». И, в свою очередь, среди «великих» выделялись «самые великие». Формально был образован Совет Десяти стран-победительниц, но главные проблемы решались отнюдь не «десяткой», а «большой четверкой»: Вильсон — Ллойд Джордж — Клемансо — Орландо. А внутри «четверки» существовала «тройка», интригуя против Италии. А внутри «тройки» «двойка» из США и Англии, копавшая под Францию. А внутри «двойки» лидировал Вильсон. Он вообще чувствовал себя верховным арбитром и вершителем судеб, задавал тон, диктовал свои требования. И основой для переустройства мира стали его «Четырнадцать пунктов».

При этом демократы Центральных Держав, поверившие заявлениям, будто война ведется только против монархий, а не против народов, оказались обмануты. Отдаться пришлось народам. Болгарию территориально урезали, обложили репарациями, распустили ее армию. На Турцию наложили «режим капитуляций», фактически лишая ее суверенитета, делили на зоны оккупации, отчленили Ближний Восток, Ирак. Австро-Венгрию поделили на Австрию, Венгрию, Чехословакию, различные области отдали другим странам. Германия, объявленная главной виновницей войны, теряла все колонии и восьмую часть своей территории. Лишалась флота, а армию могла иметь не более 100 тыс. человек, притом наименьшую, чтобы не накопила обученных резервистов. Немцев обязывали выплатить гигантские репарации в 132 млрд. золотых марок, что толкало их в экономическую зависимость от держав Антанты.

Впрочем, связанные с этим бедствия и лишения свалились только на простых людей, а круги, связанные с «мировой закулисой», внакладе не остались. Масоны-социалисты получили власть — чего ж еще надо? Германским и австрий

Для банкиров крушение монархий открывало «свободы» для капитализма. «Демократизация», как водится, сопровождается «приватизациями», на которых хорошо погрели руки те же германские Варбурги, австрийские Ротшильды, Парвус и другие подобные. Наряду с побежденными государствами правили Антанты самозабвенно кроили и недавнюю союзницу — Россию, решали судьбы Средней Азии, Дальнего Востока, Севера, заявляли о поддержке прибалтийских и закавказских новообразований, Украины. Между прочим, именно в Версале по инициативе Вильсона было впервые принято предложение о передаче в состав Украины Крыма, никогда ранее украинцам не принадлежавшего.

Ну а среди победителей плоды выигрыша распределились крайне неравномерно. Сербию, сильно пострадавшую и понесшую большие потери, вознаградили чрезвычайно щедро. Ей передали области хоть и славянские, но совершенно разные по своим историческим судьбам, традициям, культуре, национальным особенностям — Хорватию, Словению, Боснию, Герцеговину, Македонию, объединили с союзной Черногорией. И возникло Королевство сербов-хорватов-словенцев, позже Югославия. А Бельгия тоже пострадала очень сильно и сражалась героически, но для нее ограничились лишь микроэкономическими территориальными прирезками. Румыния появилась себя полным нулем в военном отношении, проституировала, перекидываясь то на сторону Антанты, то Германии. Незвизрая на это, ее уважили (возможно, из-за того, что Румыния была неприкрытым оплотом масонства). Отдали ей и австро-венгерскую Трансильванию, и российскую Бессарабию, увеличив территорию страны втрое. Была воссоздана Польша, которую скомпоновали из германских, австро-венгерских, российских земель. Италия из того, что ей наобещали за вступление в войну, не получила почти ничего. Франция вернула ранее утраченные Эльзас и Лотарингию и получила в подмандатное управление Сирию с Ливаном. А вот Англия себя не обидела. Хапнула под свой мандат все германские колонии в Африке, Ирак, Трансиорданию, Палестину.

Что же касается Америки, то ее территориальные приобретения вообще не интересовали. Вильсон рассчитывал

на большее. С одной стороны, по инициативе американцев в мирный договор был внесен пункт о «свободе торговли» и «снятии таможенных барьеров». Государства, ослабленные войной, конкурировать с США не могли, и этот пункт означал экономическое и торговое господство американцев. Которое должно было дополниться политическим. Вильсон писал: «Америка призвана модернизировать политику Запада». «Экономическая мощь американцев столь велика, что союзники должны будут уступить американскому давлению и принять американскую программу мира. Англия и Франция не имеют тех же самых взглядов на мир, но мы сможем заставить их думать по-нашему»[6].

Для такой «модернизации» политики решением Версальской конференции было создано первое «мировое правительство» — Лига Наций. Через нее предстояло насаждать приоритет «демократических ценностей», главным гарантом которых как раз и станет Америка. Хаус, настраивая на это Вильсона, лгисто называл его «апостолом свободы» — и президенту нравилось, он уже входил в подобную роль. Но... вместо дальнейшей реализации плана грянула катастрофа для самого Вильсона.

Что же произошло? Чтобы понять это, надо учитывать — единство «мировой закулисы», «финансового интернационала» в начале XX в. оставалось еще непрочным. Теневые группировки в различных государствах могли иметь общие цели, но у них существовали и собственные интересы, далеко не всегда согласные между собой. Американская «закулиса» набрала огромную силу, но и европейская сохраняла значительное могущество. Она была старше, опытнее американской. А британские, французские, германские, итальянские, бельгийские, австрийские тузы политики и бизнеса вовсе не для того устранили соперницу-Россию, не для того свергли германскую и австрийскую монархии, чтобы получить диктат со стороны США. Вильсон, Хаус и их команда были уверены, что хитро переиграли всех. Однако на самом-то деле обставили их самих. Америку втянули в войну, использовали ее ресурсы и политический вес для решения задач европейской «закулисы» — а потом постарались снова удалить от европейских дел.

И под Вильсона подвели мину. Не в Европе, где он считал себя всесильным, а у него на родине, в США. Это было совсем нетрудно. Ведь в 1916 г. он победил на выборах, используя лозунг «Вильсон уберет Америку от войны» — а почти сразу после выборов вступил в нее. Сограждане его обманомнили. А условия мира давали новые поводы для обвинений. Получалось, что англичане, французы, сербы, румыны, поляки, чехи получили реальные и осязаемые приобретения, а США? Выигрыш от «свободы торговли» и создания Лиги Наций был для рядовых американцев непонятен (да этот выигрыш и не касался рядовых). Выходило — десятки тысяч парней погибли или были искалечены за чужие, ненужные американцам интересы...

В США против Вильсона стала разворачиваться мощная кампания. Ему ставили в вину отход от традиционной политики изоляционизма, военные издержки и потери. Обвиняли в поддержке большевиков в России. Предсказывали, что в случае продолжения политики Вильсона, Америке снова придется решать чьи-то чужие проблемы, а не собственные, тратить на это средства, усилия, нести жертвы. Положение усугубилось тем, что президент перестал нравиться многим крупным американским фигурам. Как уже отмечалось, он был фанатичным протестантом — и на самом деле поверил, будто ему предназначена «мессианская» роль, будто он творит «волю Божью». Ну а как же, представлялось, будто все «доминанства» налицо — быстрое возвышение, удача по всех задумках, возможность распоряжаться судьбами мира... Он стал выходить из-под контроля воротил Уолл-стрита.

Ну а в дополнение ко всему, произошло резкое охлаждение президента с Хаусом. В разгар кризиса, в ходе скандалов и разоблачений, которые посыпались на его голову, Вильсон вдруг прозрел. Понял, что им откровенно манипулировали. Он обиделся, порвал отношения со своим «серым кардиналом». А в результате окончательно утратил поддержку американских банковских кругов.

Завершилось это крахом всей его политики. Сенат США отказался ратифицировать Версальский договор, отчего вступление страны в Лигу Наций. От Вильсона отвер-

нулись обе ведущие американские партии, и республиканская, и демократическая, обе объявили ему войну. Однако президент все еще верил в свою «избранность» и пошел на беспрецедентный шаг. Решил напрямую обратиться к американскому народу через головы сената, политических партий, мигнувшие поливающие его грязью средства массовой информации. Стал на поезде ездить по США и произносить речи, доказывая правильность своей линии. За три недели он проехал от Вашингтона до Сиэтла, выступив в десятках городов. Но не выдержал такого напряжения. Вильсона хватил удар, разбит паралич, и до конца президентского срока он уже не вставал с постели[66]. Вот так в 1919 г. силам американской «закулисы» не удалось использовать очень благоприятную для нее ситуацию и захватить мировое лидерство. «План Хауса» пришлось отложить...

РОССИЯ В КРОВИ

На календарях было 17 июля 1918 г. На православных календарях — 4 июля... В мрачном подвале суетливый и бледный Янкель Юровский расставлял у стены 11 человек. Государя императора Николая Александровича, его жену, детей, приближенных. Принесли два стула, усадив на них Александру Федоровну и царевича Алексея... Вошли палачи, и Юровский поспешно, сбивчиво стал зачитывать приговор. Николай Александрович удивленно вскинулся: «Как, я не понял!» Но Юровский, не давая ему договорить, выстрелил. И наперебой забухали револьверы... А потом на стене подвала в екатеринбургском доме Ипатьева кто-то оставил каббалистические надписи[30, 52, 167]... Когда произошло ритуальное убийство русского царя, его семьи и ближайших слуг, мир не содрогнулся. Мир вообще не сразу узнал об этом. А, узнав, воспринял в качестве одной из многих второразрядных сенсаций. Поахали, покачали головами, а назавтра перешли к новым темам...

Курировал эту акцию Яков Свердлов. Исполнителями стали его подручные Юровский, Голощекин, Белобородов

Яков (Вайнер), Сафаров (Вольдин), спецотряд латышей Сивикке. В тайну были посвящены некоторые другие видные большевики — часть переписки при подготовке царевубийства шла через Зиновьева и Урицкого. А Троцкий в своих мемуарах почему-то солгал, будто находился на фронте, и вопрос был решен без него Лениным и Свердловым. Хотя он, согласно протоколам Совнаркома, был в Москве и присутствовал на том заседании, куда явился Яков Михайлович с сообщением о расстреле Николая II. Очевидно, имел причины сомневаться. Существуют свидетельства, что Свердлов для организации ритуала получал указания через американскую дипломатическую миссию в Вологде — а поступали эти указания из США, в том числе от Якова Шиффа[136]. Банкира и одного из иерархов ложи «Бнайт Брит».

Но здесь нам надо сделать отступление и более подробно коснуться вопроса о масонстве. Представления о нем бывают самые разные: от безобидного «братства взаимопомощи и товарищества» до могущественной секты, правящей миром. Оно не является ни тем, ни другим. Истоки его следует искать в гностических учениях, появившихся почти одновременно с христианством — и выступавших противовесом христианству. Главное отличие состояло в том, что христианство отдает приоритет вере, а гностицизм — познанию, человеческому разуму. Однако он не атеистичен. В ряде подобных теорий фигурирует библейская легенда о «плоде познания», но рассматривается она с позиций, противоположных библейским. Бог сводится до уровня «демиурга», ремесленника, к тому же жестокого, раз он не позволял людям трогать этот плод. А благим началом признается Змий. Важным источником «познания» стали и поиск тайной мудрости в оккультных учениях Древнего Востока, языческих мистериях.

Гностицизм взаимодействовал с различными религиями, возникали секты манихеев, павликиан, богумилов, вальденсов, альбигойцев, каббалистические теории. Этими учениями привлекался и рыцарский орден тамплиеров-храмовников, созданный для защиты Храма Господня в Иерусалиме, но скатившийся до дьяволопоклонства — и под «храмом» стали пониматься обретенные на Востоке сакральные знания. Орден был

уничтожен, но с его историей оказался связан термин «вольных каменщиков», как бы призванных трудиться над строительством нового «храма».

Идеи гностицизма проникали в европейскую мысль, порождая всевозможные ереси. Они сыграли важную роль в процессах Реформации, когда те или иные учителя отвергали догмат веры и начинали переиначивать религию на основе собственного разума. Ну а воспользовались Реформацией круги крупного капитала — для низвержения монархий и захвата власти в Голландии, Англии. Однако в ходе первых буржуазных революций выяснилось, что радикальные секты — слишком разрушительная сила, способная выйти из-под контроля и обернуться против своих хозяев. Поэтому в XVII в. в Англии возникла другая форма теневых группировок, масонские ложи.

Краеугольным камнем их учений стал либерализм. То есть республиканство, «гражданские свободы», ослабление и подрыв устоев христианства, подмена его «просвещением». А истинным фундаментом масонства стали интересы мирового олигархического капитала. С одной стороны, для подобных кругов всегда оказывались выгодными либеральные «ценности» и «свободы». С другой — сам капитал становился мощным средством для пропаганды и достижения подобных целей.

Нет, масонство — не единая секта. Известны масоны-католики, православные, протестанты, иудеи, мусульмане. Но всегда «умеренные». Исполняющие религиозные обряды, как принятую формальность. А в глубинных слоях посвящений оказываются темные оккультные и гностические учения. И если французские масоны-якобинцы пытались внедрить культ «Высшего существа», строить «храм Разума», то это «существо» отнюдь не являлось христианским Богом. И в жертву этому «Разуму» лилась человеческая кровь на гильотинах. Масонство — ни в коем случае не «братство». «Вольный каменщик» действительно получает помощь от своих коллег. Но лишь до той степени, пока это нужно высшим иерархам. А отыгранная фигура без всякого сожаления отбрасывается — как было с российскими либералами, совершавшими Февральскую революцию. Масонство не монолитно. Сущест-

от разные ложы, течения, весьма отличающиеся между собой по установкам, обрядам. Они могут даже враждовать между собой. Но вражда проявляется на нижних уровнях — а без высшие теневые круги структуры все равно остаются взаимосвязанными.

И особое внимание стоит обратить на орден иллюминатов. В переводе с латыни это значит — «просвещенные». Но не исключено и иное толкование: «люди света», «несущие свет», а «светоносный» — имя Люцифера. Орден был основан в Мюнхене в 1776 г. баварским евреем Адамом Вейсгауптом. Интересно, не случайно датой рождения ордена было выбрано 1 мая, магический «Мэй-дэй», Вальпургиева ночь. Орден ставил задачи уничтожения монархий, религий, институтов семьи и брака, слом всей традиционной морали. А также всеобщую глобализацию со стиранием государственных границ и национальностей. В отличие от других масонских организаций, иллюминаты широко привлекали женщин, считая их важным инструментом для осуществления своей деятельности. Все члены ордена обязаны были иметь клички. Вейсгаупт взял себе имя «Спартак» — отсюда и германские революционеры — «спартаковцы». А от праздника иллюминатов 1 мая пошел «День международной солидарности трудящихся».

После запрета ордена многие его члены эмигрировали в США, замаскировавшись под «протестантов», под «иудеев». Но и в Баварии он возродился. К нему принадлежал Парвус. Не случайно он начал издавать «Искру» именно в Мюнхене. Возможно, как раз на этой почве в 1902 г. произошел разрыв Парвуса с Лениным, который был принципиальным атеистом и отвергал все, что, по его мнению, напоминало «богоискательство». Однако если не удалось втянуть в орден Владимира Ильича, то это хорошо получилось с Троцким. К иллюминатам принадлежали также Ларин, Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин. Есть подозрения относительно Троцкой — подруги Люксембург и Цеткин. «Вольными каменщиками» различных лож являлись многие другие видные большевики — Бухарин, Зиновьев, Чичерин, Луначарский, Воларский, Середа, Ломоносов, Скворцов-Степанов, Петровский, Радек, Раковский, Рейснер, Горький. А Свердлов, напри-

мер, к масонству не относился, но был связан с ним через брата Залмана (Зиновия), усыновленного Горьким, а может быть, и через Вениамина. Кроме того, Яков Михайлович был убежденным оккультистом, тайным последователем черных магических учений[199]. И не он один...

В свете этого можно призадуматься — а случайно ли большевистской пропагандой так настойчиво внедрялось понятие «жертв на алтарь революции»? Данный термин можно воспринять в переносном смысле, но ведь можно и в самом прямом. За успехи некие потусторонние силы требуют жертвоприношений. Не хочешь сам ложиться «на алтарь» — клади других. И нетрудно заметить, что многие преступления времен гражданской войны оказывались, по сути, иррациональными. Они не вписывались даже в жестокую логику «революционной целесообразности».

Зверства творились уже при Временном правительстве. Солдаты, возбужденные агитаторами, поднимали на штыки командиров. Крестьяне убивали помещиков и «кулаков», чтобы разграбить их собственность. Но это были стихийные эксцессы. Повального озлобления еще не было. Когда поход Керенского — Краснова на Петроград провалился, казаки и матросы после боя мирно общались друг с другом и приходили к выводу, что делить-то им нечего. И в других местах власть досталась большевикам при самом незначительном сопротивлении. Защищать Временное правительство никто не хотел, большинство населения восприняло переворот если не одобрительно, то равнодушно. Не зря же утверждение большевиков по всей России было названо «триумфальным шествием Советской власти».

Но нет, подобный мирный сценарий эмиссаров зарубежных «бесов» не устраивал. Ожесточение стало насаждаться искусственно! На места рассылались всевозможные «интернационалисты», которые собирали себе отряды подручных из шпаны, уголовников, хулиганья, и «триумфальное шествие» сопровождалось волной погромов, грабежей, диких расправ над всеми неугодными. Разумеется, это вызывало ответную реакцию. Против насильников поднимались восстания, усиливался приток в ряды белогвардейцев. И разгоралась опустошительная гражданская война.

А она, в свою очередь, давала новые поводы для наращивания террора. Внедрялись поголовное истребление пленных, добивание раненых, экзекуции в захваченных населенных пунктах. Поводы к репрессиям дала и политика «военного коммунизма», попытки крестьян сопротивляться продразверстке. Ленин, находившийся в плену собственных иллюзий, силовые меры одобрял. Упрямо старался внедрить в жизнь новые модели, видя в противодействии им дело рук «эксплуаторских классов» или влияние «пережитков», которые нужно решительно подавить. Весь 50-й том его Полного собрания сочинений полон телеграммами с требованиями «массового террора», «беспощадных расправ», расстрелов, введения системы заложничества[96].

Но это были еще «цветочки». Подлинной вакханалии открыло дорогу постановление ВЦИК о «красном терроре», принятое 2 сентября 1918 г. по настоянию Свердлова под предлогом покушения на Ленина. И тут мы сталкиваемся с еще одной «легендой прикрытия». Главным творцом террора зарубежные, а вслед за ними отечественные демократические источники дружно объявили Дзержинского. Его изображали бездушной машиной убийства, настоящим монстром. Что Дзержинский был жесток к врагам революции. И никто не снимает с него ответственности за многие преступления ВЧК, которой он руководил.

Но стоит отметить и другое. Кошмарную мясорубку, залившую Россию потоками крови, создал и запустил в действие отнюдь не он. Еще раз напомню, в октябре 1918 г. Свердлов отправил Дзержинского в «отпуск». И именно в это время вместе с Петерсом провел реорганизацию органов ЧК. Они получили двойное подчинение — центральной ВЧК в Москве и региональным Советам, подконтрольным Свердлову и возглавляемым «интернационалистами». Местные ЧК формировались Советами и получали права отделов исполкомов. По сути, их вывели из-под контроля Москвы. В этот же период, без Дзержинского, произошли кадровые реформы. Часть сотрудников удалили из ЧК под разными предлогами. Но штаты были значительно увеличены, и в основном за счет инородцев. Центральный аппарат ВЧК на 75% составил из латы-

шей. Хватало и евреев, мадьяр, немцев, эстонцев. Для «укрепления» органов ЧК в них, согласно постановлению о «красном терроре», было переведено много «ответственных товарищей» из партийных и советских структур — а заведовал партийными и советскими кадрами все тот же Свердлов.

Ну а в дополнение к ЧК Троцкий приказом от 14 октября 1918 г. учредил свои собственные карательные органы, Реввентрибуналы. Только это были не трибуналы в прямом смысле слова, т.е. не судебные органы, а особые, хорошо вооруженные подразделения, специально предназначенные для массовых расправ. И Лев Давидович поучал: «Если до настоящего времени нами уничтожены сотни и тысячи, то теперь пришло время создать организацию, аппарат, который, если понадобится, сможет уничтожить десятки тысяч. У нас нет времени, нет возможности выяснять действительных, активных врагов. Мы должны встать на путь уничтожения...»[21]

Теоретики «красного террора» — Троцкий, Лацис и т.д. провозглашали, что он направлен против «эксплуататорских классов», «буржуазии». Однако никакой настоящей буржуазии в России уже не осталось! Крупные предприниматели, банкиры, промышленники, между прочим, не очень-то пострадали от революции. Большинство из них еще в 1917 г., когда стало ясно, что Временное правительство шатается, позаботилось перевести свои капиталы в заграничные банки и выехать за рубеж. Многие эмигрировали сразу после Октября через Финляндию. Уезжали в течение 1918 г. через оккупированную немцами Украину. Но террор носил вовсе не хаотичный, а очень даже определенный характер.

В первую очередь он ударил по Православию. Под разными предлогами арестовывались и отправлялись на убой епископы, священники, диаконы, монахи и монахини. А под маркой «буржуев» карательные органы принялись густо выкашивать русскую интеллигенцию. Хотя она-то противницей революции отнюдь не была. Напротив, к 1917 г. она составляла чуть ли не самую «революционную» часть народа, целиком проникшись идеями либерализма, социализма, атеизма, «свободы-равенства-братства»... Иррационально? Нет, с точки зрения организаторов и заказчиков террора как раз это было вполне «рационально».

Потому что, по планам «мировой закулисы», требовалось уничтожить не только Россию, но и русский народ. Изменить его, переделать, денационализировать. А интеллигенция, несмотря на свои политические взгляды, оставалась носителем культурных традиций, накопленного за века интеллектуального багажа. Вот и истребляли ее, «расчищая» место для совсем иной культуры, морали, традиций. У крестьян, рабочих уничтожению подлежала активная часть. Те, кто способен сопротивляться, окажется непокорным, не примет безропотно навязанную ему новую систему «ценностей». А вот казачество было решено уничтожить полностью. Тоже, конечно же, не случайно. Пояс казачьих областей по границам скреплял Россию, препятствовал ее распаду. Казаки всегда были патриотами — даже те, кто принял сторону красных. Они бережно и консервативно поддерживали свой уклад, традиции, «переделать» их было трудновато. Наконец, они всегда называли себя «воинами Христовыми». Вывод — их следовало просто физически истребить. Директивой Оргбюро ЦК за подписью Свердлова от 19 января 1919 г. открылась кампания геноцида казачества. Волны смерти и ужаса прокатились по Дону, Тереку, Уралу, Оренбуржью, Астраханскому краю...

Правда, жизнь Свердлова оборвалась. Возвращаясь с Украины, он был избит доведенными до голода железнодорожниками Орла, и 16 марта его не стало. Казалось, что и политика, внедрявшаяся через него, стала меняться. Уже в день смерти Якова Михайловича ЦК отменил антиказачью директиву. На VIII съезде партии многие делегаты высказывали возмущение зверствами террора, было также принято постановление о смягчении политики по отношению к крестьянству. Случалось и много резкой критики в адрес Троцкого, его метода руководства армией. В результате после съезда были назначены проверки, и вышло постановление ЦК о ставке Красной армии, где положение признавалось неудовлетворительным. Ленин писал: «Большинство Цека пришло к убеждению, что ставка «вертеп», что в ставке неладно...»[96]

И... ровным счетом ничего не изменилось! Откуда еще можно понять, насколько сильные позиции имели агенты «мировой закулисы» в советском руководстве. Не стало одно-

го — остались другие. Покрывали и поддерживали друг друга. А любые решения, идущие вразрез с линией теневых сил, блокировались и спускались на тормозах. ЦК признал ставку Троцкого «вертепом» — но Лев Давидович при этом не только сохранил командование вооруженными силами, а еще больше возвысился. После гибели Свердлова он выдвинулся на роль «вождя номер два». И кадры, отобранные и выпестованные Яковом Михайловичем, как-то автоматически, «по наследству», перешли в группировку троцкистов, усиливая ее — Петровский, Петерс, Аванесов, Лацис, Теодорович, Войков, Белобородов, Голощекин, Кингисепп, Стучка, Бела Кун, Уншлихт, Бокий, Крыленко, Сосновский, Кедров, Сафаров, Ягода и др.

Директиву Свердлова об уничтожении казаков была отменена — а геноцид все равно продолжился, теперь под предлогом подавления казачьих восстаний. VIII съезд партии принял постановление о «союзе» со средним крестьянством, Калинин, ставший вместо Свердлова председателем ВЦИК, давал указания не видеть в крестьянах врагов, налаживать дружные и взаимовыгодные отношения города и деревни. Куда там! На селе по-прежнему бесчинствовали продотряды. По-прежнему выбивали подразверстку насилиями, порками, расстрелами.

А борьбу против Православия никто и не думал сдерживать. Наоборот, она наращивалась. 1 мая 1919 г. за подписью Ленина вышло постановление правительства № 13666-2 «О борьбе с попами и религией»[56, 161]. Уж конечно, сотрудники аппарата Совнаркома, регистрировавшие постановления, не случайно дали ему такой номер. И день был выбран, понятное дело, не случайный — все тот же праздник иллюминатов, черный магический день. Последователей оккультных учений в советском руководстве хватало и без Свердлова.

И Россия превращалась в царство смерти. В каждом городе и городишке функционировало, по крайней мере, одно, а то и несколько карательных учреждений, и они не «простаивали». А в дополнение к ним колесили разъездные карательные поезда, экспедиции, трибуналы, оставляя за собой массы трупов. Но жертвами «красного террора» становились не только те, кого убивали. Жертвами становились и

те, кого привлекали к убийствам. А привлечь, повязать кровью старались как можно больше соучастников. Постановление о «красном терроре» требовало личного присутствия при расстрелах партийных, советских работников, чекистского руководства. Для акций против крестьян проводили мобилизации партячек.

Солдат и матросов направляли для массовых казней, соблазняя возможностью поживиться имуществом жертв, спиртом, кокаином. Или возможностью позабавиться перед казнью с приговоренными женщинами. Кого-то ставили перед выбором — расстреливай или сам пойдешь «в расход». Правда, это удавалось не всегда. Свидетельства очевидцев, доклады белой разведки показывают, что красноармейцы часто отказывались участвовать в экзекуциях[88]. Что ж, в таких случаях идеальными карателями были наемники — латыши, эстонцы, китайцы. Но ведь сколько было и согласившихся! Преступил «порог крови», и начиналась новая, совсем другая жизнь, жизнь убийцы... Что ж, это тоже было важной целью. Заставить людей погубить свои души, сломать их мораль — и заменить другой.

В системе смерти, раскинувшей сети по всей стране, получали преимущества садисты, маньяки, извращенцы. Они выдвигались своими «талантами», получали полную власть над людьми и возможность предаваться самым чудовищным фантазиям и наклонностям. И опять, конечно же, совсем не случайно среди палачей обнаруживаются последователи темных магических учений. И практиковались вещи, очень уж смахивающие на сатанинские ритуалы. Так, ставленник Свердлова культист Бокий, по свидетельству чекиста Агабекова, ввел в обиход палачей обычай пить человеческую кровь[2]. Этот обряд получил довольно широкое распространение, он был зафиксирован в Туркестане, Москве, Харькове[15, 105].

Священников часто убивали с особой жестокостью, применяли для них самые изощренные способы расправы. Закапывали заживо, сжигали, сажали на кол. Многократно отмечены случаи, когда православным приговоренным выжигали или вырезали кресты на груди, на лбу. Известны и случаи пытки людей. Исследователи-современники сообщали, что

типичные ритуальные убийства осуществляли «знаменитые» в те годы палачи Роза Шварц, «товарищ Вера», Дора Любарская, Кедров, Ревекка Майзель и др.[58].

А к концу 1919 г. сама процедура казней была унифицирована, по всей стране утвердился единообразный ритуал умерщвления. Приговоренных разбивали на партии, раздевали донага и убивали выстрелами в затылок. Для этого оборудовались специальные помещения с пулеулавливателями, электрическим освещением, канавками и проточной водой для смыва крови. Обреченных независимо от пола и возраста — мужчин, женщин, подростков, стариков, заводили в «предбанник», приказывая снимать все до нитки, отсчитывали по несколько человек, запуская в расстрельное помещение. И дежурная смена палачей делала свое дело. А следом уже шли другие вереницы голых людей, и их кровь лилась на «алтарь революции». Уничтожали одну партию, приводили новую. «Работа» шла непрерывно, каждую ночь — или несколько ночей в неделю, и функционировали настоящие конвейеры смерти.

Террор провозглашался «вынужденной» мерой самозащиты республики, однако такая мотивировка не выдерживает ни малейшей критики. Потому что по мере побед Красной армии истребление людей не только не сокращалось, а набирало все большие обороты. Шли зачистки в каждом «освобожденном» городе, каждой «освобожденной» области. Жуткую «славу» стяжали «чрезвычайки» Архангельска, Киева, Одессы, Омска, Ростова, Екатеринодара. И все это затмили зверства в Крыму. Причем эти зверства тоже напоминали некую чудовищную языческую гекатомбу.

На полуострове скопились сотни тысяч беженцев, осевших в течение всей гражданской войны, отступивших с Украины и Юга России с белыми частями. Казалось бы, если они эвакуируются за границу, для советской власти хлопот меньше. Путь едут куда хотят. Нет, была развернута мощная пропагандистская кампания, чтобы люди остались. Под руководством заместителя Троцкого Склянского составлялись и распространялись воззвания с ложными обещаниями амнистии. И многие солдаты, офицеры, гражданские беженцы все-таки, решались не уезжать на чужбину. Выходит, организатор

ры бойни заранее старались, чтобы в их распоряжении оставалось побольше жертв...

Командующий Южным фронтом М.В. Фрунзе был сторонником реальной амнистии, как раз такими методами, сочетанием военных побед и милости, он сумел завершить гражданскую войну на Урале, в Средней Азии. Но его после взятия Крыма отозвали, и вся власть на полуострове была отдана «особой тройке» в составе Белы Куна, Розалии Залкинд (Землячки) и Михельсона. От ЦК курировал акцию Ю.Л. Пятаков (Киевский). Еще один человек «любопытной» судьбы. До мировой войны совсем еще молоденький сын инженера, тусовался то с анархистами, то с социал-демократами, один раз арестовали, из ссылки бежал. А потом его вдруг женит на себе пожилая еврейка и увозит в Швейцарию. С кем уж он там общался, кроме Ленина, остается за кадром. Но после революции его назначают комиссаром Госбанка. То есть, он уже имел доступ к «святым святым», к финансовым потокам. Примыкал к группировке Бухарина, позже перешел к троцкистам...

Под руководством упомянутых деятелей крымские переделки перекрыли заслонами, не выпуская никого. И начались массовые аресты, облавы. Задержанных набивали в тюрьмы, бараки, склады. Но эти помещения служили лишь перевалочными пунктами, их тут же освобождали для других арестованных — по ночам местные жители наблюдали страшные картины, как колонны людей гнали в степь. Часто раздевали заранее и гнали обнаженных — женщин с детьми, отцов семейств, офицеров. Под студеным ветром, на снегу, выстраивали у рвов и оврагов, и по толпам человеческих тел хлестали дубины. Это продолжалось и зимой, и весной. М. Волошин свидетельствовал, что особенно массовые казни совершались в Пасху (в тот год — 23 апреля) — и вплоть до 1 мая. Всего же, по разным данным, в Крыму было уничтожено 80—120 тыс. человек [49, 58, 105].

Но на Россию обрушился не только террор. Промышленность, транспорт, коммунальное хозяйство были разрушены. Заводы и фабрики замерли, обрекая персонал на безработицу. Города остались без света, воды, тепла. Ларинские модели «реального коммунизма» привели к голоду. По «рабочим» кар-

точкам выдавались крохи, а карточки «детские», «иждивенческие» не отоваривались вообще. Люди умирали от истощения или становились жертвами болезней. А они гуляли вовсю — сыпной и брюшной тиф, испанка, холера, чума. Под тифозные бараки отводились целые кварталы, где тысячи заразившихся вымирали без ухода, без медицинского обеспечения. В сельской местности полностью вымирали деревни. Приходилось отряжать специальные команды, чтобы отстреливать расплодившихся собак, приохотившихся питаться человечиной. В общем, операция по обезлюживанию страны и сокращению биологического потенциала русских проходила успешно.

КТО РЕГУЛИРОВАЛ ХОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ?

На чьей стороне была правда в великом русском братоубийстве? А ведь получается, что ни на чьей. Не было ее ни у кого, правды-то. Красноармейцы шли в бой, совершали подвиги и погибали ради утопических (и порожденных отнюдь не в России) идей коммунизма. Ну а белогвардейцы были заражены теориями либерализма, тоже импортными. И не только либерализма, многие — социализма, в белом лагере очутились меньшевики, эсеры. При белых правительствах очутились те же самые масоны, которые еще недавно подвизались в Думе, Временном правительстве, в Советах, самозабвенно разрушая Российское государство. Не было правды и у «зеленых» — они, в общем-то, сражались не за Россию, а только за свои личные права. Не трожь меня и моих односельчан, не расстреливай, не грабь продразверсткой, а остальное меня не касается.

И все же Белое движение, несмотря на свою слабость и противоречивость, сыграло очень важную роль. Его вожди пытались консолидировать своих сторонников не по политическим, а по патриотическому признаку, провозгласив борьбу за «единую и неделимую». А тем самым Белое Движение спутало карты западных держав, сорвало их планы по расчленению России. Хотя тем самым оно и себе подписало приговор.

Нет, белогвардейцы не имели ни малейшего шанса на победу — потому что они слепо, до последнего, держались за союз с Антантой, считая его залогом успеха. А Антанта сделала все, чтобы они не смогли победить. Об этом недвусмысленно заявлял в британском парламенте Ллойд Джордж: «Целеобразность содействия адмиралу Колчаку и генералу Деникину является тем более спорным вопросом, что они борются за единую Россию. Не мне указывать, соответствует ли этот лозунг политике Великобритании». Поддержка белых по сравнению с реальными возможностями Запада была мизерной. И осуществлялась она только для затягивания войны, для нарастания ожесточения, чтобы катастрофа России стала более глубокой и необратимой.

Кстати, даже в ходе боевых действий можно отметить четкую координацию действий иностранцев и «оборотней» советских верхах. Летом 1918 г. чехословаки двинулись от Самары на Казань, куда удалось вывезти золотой запас России. Ползли еле-еле, два месяца. Но наркомвоен Троцкий за это время не сделал для обороны Казани ничего. Не прислал подкреплений, не подтянул дисциплину, и золото не удалось эвакуировать. И лишь когда город был взят без боя, Троцкий забил тревогу, перебросил сюда массу войск, приехал сам руководить и командовать. Правда, золотой запас захватили не чехи, а белогвардейцы Каппеля, и он достался на командование Антанты, а Колчаку, но тут уж «накладочка вышла». Ну а когда перешел в контрнаступление Лев Давидович, чехи отступили без боя, подставив белогвардейцев и бросив их на произвол судьбы.

Про поезд Троцкого вообще ходили легенды — там, где появлялся, коренным образом менялась обстановка на фронте, поражения сменялись победами. Обычно это объясняли тем, что с наркомвоенном разъезжал штаб из лучших военных специалистов, да и сам поезд являлся серьезной боевой единицей с запасами оружия, отрядом отборных латышских, дальнобойными морскими орудиями. На самом деле были и другие причины. Одна — крайне жестокие меры, которые Лев Давидович выправлял положение. Расстрелы даже окопоставленных командиров и комиссаров в отступив-

ших частях, массовые мобилизации в армию населения, которое гнали в атаки, поставив сзади пулеметы. Но, ко всему прочему, поезд Троцкого имел оружие более серьезное, чем пушки. Мощную радиостанцию, позволявшую связываться даже со станциями Франции и Англии. Осуществлялись ли через нее или иными путями контакты с западными державами? Судите сами.

В октябре 1919 г. армия Юденича чуть не берет Петроград. Туда мчится Троцкий, драконовскими мерами организуя оборону. Но наряду с этим загадочные вещи начинают твориться в белых тылах! Британский флот, который должен был прикрыть наступление со стороны моря, вдруг уходит в Ригу. Союзные Юденичу эстонские части неожиданно бросают фронт. А Лев Давидович по странной «прозорливости» нацеливает контрудары точнехонько на оголившиеся участки! Позже эстонское правительство проговорилось, что как раз с октября 1919 г. вступило с большевиками в тайные переговоры[109]. А в декабре, когда разбитые белогвардейцы и десятки тысяч беженцев откатились в Эстонию, началась вакханалия. Русских убивали на улицах, загоняли в концлагеря, женщин и детей заставляли сутками лежать на морозе на железнодорожном полотне. Множество людей умерло[67]. К какому террору отнести эти зверства — «красному», «белому», серо-буро-малиновому, история ответа не дает. История о них вообще «забывает». Но большевики за такую «помощь» расплатились с Эстонией очень щедро, заключив с ней 2 февраля 1920 г. Тартуский договор, признав ее независимость и в придачу к национальной территории отдав ей 1 тыс. кв. км. русской земли.

Аналогичным образом получала удары в спину армия Деникина. Еще более неприглядной была роль иностранцев в крушении Колчака. В период отступления его войск Чехословацкая армия, подчинявшаяся генералу Сыровому и командующему войсками Антанты в Сибири Жанену, вышла из повиновения Верховному Правителю России, захватила Транссибирскую магистраль. Тем самым дальнейшее сопротивление белогвардейцев было парализовано. Но и организованно отступить по железной дороге на восток чехи им не позволили.

на Транссибирскую магистраль не пустили, предоставив выдираться по морозам и снегам через тайгу. И принялись останавливать поезда, отцеплять паровозы. 121 эшелон — с ранеными, гражданскими беженцами, эвакуирующимися в тыл, остались на станциях, а часто и на глухих полустанках в тайге, обреченные на замерзание. Повсюду отступающие чехи грабили, обчистили даже иностранных консулов.

А в Иркутске при активном участии Жанена был организован заговор Политцентра. Колчак, у которого чехи также отцепили паровоз, застрял в Верхнеудинске, отрезанный от своих войск. «Союзники» вынудили его отречься от поста Верховного Правителя, взяли под «международную охрану» — и выдали на расправу. И за это большевики с ними также щедро расплатились. Поезда чехов пропустили во Владивосток со всем награбленным барахлом. В этом городе уже была установлена советская власть, но Троцкий направил начальнику таможни Ковалевскому приказ: «В награду за службу России чехам разрешается пройти границу без таможенного досмотра и взять с собой все имеющееся у них в наличии и безо всякого ограничения. Они имеют право взять с собой все, что они захотят». Для эвакуации чехов и всего, что они захотели, потребовалось 35 пароходов! На родине их встретили как национальных героев, и легионеры организовали собственный «Банк-хранилище» с персональными сейфами, куда поместили награбленные ценности. Начальный капитал банка составил 70 млн. золотых крон.

Куда охотнее, чем белогвардейцев, державы Антанты готовы были поддержать сепаратистов. Но большинство таких попыток оказались неудачными. Несмотря на искусственную пропаганду, национализм на территории рухнувшей Российской империи еще не имел массовой поддержки. Он остался достоянием узких кругов политиканов и заразившейся этими веяниями местной интеллигенции. А простонародье хорошо помнило прежнюю жизнь вместе с русскими и враждебно к ним не питало. Сепаратистские правительства получались слабенькими и беспомощными, а их вооруженные силы сложились красными куда легче, чем белые войска.

Впрочем, наложился еще один серьезный фактор. Протиречия внутри лагеря Антанты. Французы делали ставку на

польских и украинских националистов. Англичане и японцы под предлогом помощи сепаратистам и региональным «правительствам» стремились к прямой колонизации российских окраин. Но при этом они становились конкурентами для американцев. США не имели колоний, они уже разобрались, что такой способ установления своего господства далеко не самый лучший, он требует от государства слишком больших затрат, хлопот, содержания оккупационных войск. К началу XX в. американцы выработали более выгодную методику, неоколониализм. Государство остается независимым, но Америка приводит к власти и поддерживает приемлемое для нее правительство, через него берет под контроль экономику, транспорт, финансы и качает чистую прибыль. В России таким правительством было советское, опутанное «оборотнями».

Падения большевиков Запад отнюдь не желал. Ведь в этом случае власть в стране могли захватить патристические силы. И уже в период гражданской войны, когда Антанта формально покровительствовала белым, повсюду шло наведение мостов с красной Москвой. Президент США Вильсон обращался с дружественными посланиями к III и IV съездам Советов, заявлял, что Америка будет помогать «народу России навечно освободиться от самодержавного режима». 1 мая 1918 г. была создана «Американская лига помощи и сотрудничества с Россией». Президентом стал д-р Фрэнк Гуднау, вице-президентом — знакомый нам директор Федеральной резервной системы Уильям Б. Томпсон, в лигу вошли сенаторы, видные промышленники (Генри Форд, директор компании «Дженерал Электрик» Чарльз Коффин и др.)

В России громили Церковь и убивали священников, а американская Христианская ассоциация молодежи, как писал М.Д. Бонч-Бруевич, помогала «кормить на боевом фронте десять тысяч бойцов Красной армии»[177]. В России гулял «красный террор», а Госдепартамент США 18 октября 1918 г. принял план экономического сотрудничества с Советским правительством[139]. Москва тут же отреагировала, 19 октября Чичерин направил ноту президенту Вильсону. Текст ее составил Радек и, как доносила в Берлин германская агентура, в ней делались «предложения о предоставлении железно-

дорожных, сырьевых и т.д. концессий или об уступке территорий в Сибири, на Кавказе, в Мурманском крае».

В конце 1918 г. в Нью-Йорке было создано Советское бюро. Возглавил его Людвиг Мартенс, вице-президент фирмы «Вайнберг и Познер», управляющими стали Григорий Вайнштейн — бывший работодатель Троцкого, владелец газеты «Новый мир», Кеннет Дюран — бывший адъютант полковника Хауса, активным сотрудником стал Юрий Ломоносов — тот самый товарищ министра путей сообщения в царском правительстве, который загнал поезд Николая II в Псков. Совбюро получало финансовую поддержку от банка Моргана «Гаранти траст» и в 1919 г. заключило с американскими фирмами контрактов на 26 млн. долларов[158]. При Совбюро отирался еще один наш «знакомый», Александр Гомберг — бывший литагент Троцкого и секретарь миссии Красного Креста. Он стал доверенным лицом «Чейз Нэншл банка», периодически появлялся в Советской России, сотрудничал с Радеком, Зиновьевым, Бухариным.

Кроме того, в 1919 г. группа крупных американских промышленников и банкиров — Гугенгейм, Уайт, Синклер и др., создала фирму «Америкен-Рашен Синдикат Инкорпорейшн» для установления деловых контактов с Россией. Кстати, помните любопытный адрес, Бродвей, 120, по которому располагались конторы Сиднея Рейли, Вениамина Свердлова, элитный банкирский клуб? Оказывается, что большинство фирм, включившихся в операции с Советской Россией, базировались по тому же адресу. На Бродвее, 120 находились офисы Юффина из «Дженерал Электрик», фирма «Вайнберг и Познер», компании упомянутых Гугенгеймов, Уайта, Синклера, по тому же адресу находились кабинеты четверых из девяти директоров Федеральной резервной системы США.

Неофициальные контакты с большевиками поддерживали и другие державы Антанты. Для этого в Лондоне постоянно пребывал советский эмиссар Литвинов (Валлах) — друг Лафа Ашберга, а в Швейцарии — Залкинд, доверенный сотрудник, а по некоторым данным, и родственник Троцкого. Уже с 1920 г. Запад вступил в открытые связи с Советской Россией. В январе, с подачи Ллойд Джорджа, Верховный Со-

вет Антанты разрешил торговлю с большевиками. В Англию отправились для переговоров Красин, Каменев, в Италию — Воровский, подписывались торговые соглашения.

Между прочим, этими обстоятельствами и взаимными интригами в лагере Антанты объясняются многие «загадки» гражданской войны. Так, англичане утвердились в Закавказье, устраивались там по-хозяйски. Но советские войска шутя сокрушили закавказские республики, и британцам пришлось убраться вон. А концессии на здешние месторождения полезных ископаемых Советское правительство отдало... американцам[173].

Так же легко Красная армия могла покончить с республиками Прибалтики. Однако этого не произошло. Советские дивизии остановились на границах. Потому что Эстония и Латвия стали таможенными «окнами», через которые в Россию потекли западные товары, а из России — сырье и ценности, в первую очередь золото. В начале 1920 г. Троцкий вдруг назначается наркомом путей сообщения. При участии приехавшего из США Юрия Ломоносова он протаскивает заказ на изготовление паровозов в Германии, Эстонии и Швеции (где не было даже соответствующих заводов). И под маркой оплаты фиктивного заказа золото стали вывозить тоннами, из портов Таллина и Риги снаряжались специальные пароходы!

Очевидно, большевики расплачивались со своими тайными покровителями и кредиторами. «Отмывкой» в Стокгольме ведал все тот же Олаф Ашберг, через которого раньше шло финансирование революции. Теперь он предлагал всем желающим «неограниченное количество русского золота». В Швеции золото переплавлялось и уже за другими клеймами растекалось в другие страны. Львиная доля — в США. Поставки начались в августе 1920 г., три парохода повезли из Таллина 540 ящиков золота по 3 пуда в каждом. Дальше этот поток нарастал. Только за 8 месяцев 1921 г. в Америку было доставлено золота на 460 млн. долларов. Из них в сейфах банка «Кун и Лоеб» осело 102,9 млн., изрядно перепало и Моргану[110, 158]. А, например, Джон Рид был в марте 1920 г. задержан в Финляндии с чемоданом бриллиантов, но тут же вступился Госдепартамент США, и его отпустили[158].

При подобном раскладе судьба белогвардейцев Запад уже не интересовала. Они становились всего лишь помехой для налаживания столь выгодных связей с Советами. В апреле-мае 1920 г. последовали ультимативные ноты Великобритании, требующие от белых прекратить борьбу и вступить в переговоры с большевиками. Правда, помощь Врангелю взялась было оказывать Франция. Но объяснялось это тем, что в Париже беспокоились за Польшу. Она ввязалась в войну с Советской Россией, надеясь отхватить земли до Днепра и Западной Двины, но потерпела поражение, красные войска развернули на нее наступление. Вот и понадобились белогвардейцы. Они сражались героически, оттянули на себя 21-ю советскую дивизию. Но как только полякам удалось разгромить красных и заключить Рижский мир, отобрав Западную Украину и Западную Белоруссию, нужда в белых «союзниках» отпала. При подписании мира о них никто не вспомнил. В результате советское командование сосредоточило против них многократно превосходящие силы и сломало их оборону.

Караваны кораблей повезли остатки армии Врангеля на родину. Уезжали и гражданские беженцы, которым удалось сесть на суда, набитые до отказа. Иностранцы встретили их более чем холодно. Франция «за долги» отобрала корабли Черноморского флота. Надежды на то, что союзники по Антанте помогут возобновить борьбу, оказались тщетными. От Врангеля потребовали распустить и разоружить воинские части. Разместили их в отвратительных условиях, зимой в палаточных лагерях, на скудных пайках, подвергали всяческим унижениям.

Так же было в других местах. Гражданская война заканчивалась, и массы русских людей, спасаясь от репрессий, уходили за рубеж. Перебирались через западные границы, через южные, через китайскую. Эвакуировались из черноморских, азиатских, северных портов. Позже закончилась война на Дальнем Востоке — и отсюда тоже отчалили десятки судов с беженцами. Всего эмигрировало более 2 млн. человек. Многочисленные русские колонии возникли в Польше, Германии, Чехословакии, Балканских странах, Финляндии, Персии, Китае. Постепенно массы эмигрантов перераспределялись, часть

из них стала перетекать во Францию и Бельгию — эти страны восстанавливали свою промышленность, пострадавшую во время войны, но понесли большие потери, нуждались в рабочих руках. И вербовщики зазывали русских, которым можно было меньше платить. Вербовали и в Южную Америку на плантации. Некоторые русские стали перебираться в США, Австралию, но проезд туда стоил дорого, устроиться без знакомств и знания местных условий было трудно. Это прежние политэмигранты — большевики, меньшевики, эсеры, бундовцы, националисты, получали неизменную поддержку и помощь. Те политэмигранты, которые требовались против России. А эмигранты, которые пытались отстоять Россию, оказались Западу не нужны.

ВЫБРОШЕННЫЕ НА ЧУЖБИНУ

Любая попытка рассматривать катастрофу нашей страны с политических точек зрения оказывается слишком упрощенной. В одном варианте изображается отсталая и забитая Россия, где без революции было никак не обойтись. Истине это никак не соответствует. В другом варианте рисуется умирительная картина «хорошей» Российской империи, которую разрушили «плохие» большевики (или масоны). И при демонстрации старых фотографий порой можно слышать ностальгические вздохи: посмотрите, мол, на эти чистые, вдохновенные, глубокомысленные лица офицеров, инженеров, предпринимателей, которых сменили «хамы».

Хотя в древние времена русские люди, желая объяснить те или иные бедствия, всегда называли одну главную причину — *по грехам нашим*. И она оказывается куда более глубокой, куда более объективной, чем все исследования социологов, политологов и идеологов вместе взятые. Операции, разрушившие империю, были спланированы внешними силами, но как уже отмечалось, сама империя была насквозь больна, иначе эти операции не достигли бы цели. И те же старые фотографии запечатлели и донесли до нас благообразные, искренние лица, но они не отразили, что творилось в головах.

Допустим, существуют разные взгляды, несет ли на себе русский народ грех царевубийства — или русские к этому непричастны, поскольку убийство организовали и осуществили инородцы. Но в любом случае русский народ не поддерживал царя, не выступил в его защиту. И среди белогвардейцев монархистов было мало. Это уж позже, к концу гражданской войны, обжегшись с «учредилками», с демократическими и либеральными правительствами, белые офицеры стали опять обращаться к идее монархии. Да и то она оставалась достоянием меньшинства. Врангель в одном из воззваний указал — его армия борется за то, «чтобы Русский народ сам выбрал себе Хозяина». Но на него за слово «Хозяин» обрушилась с негодованием вся белая «общественность» Крыма. После этого стоит ли винить в падении империи только масонов с большевиками?

А с другой стороны, члены царствующего дома, великие князья, разве пытались они бороться с узурпаторами? Хоть один из них? Разве хотя бы попробовали поднять народ за монархию? Разве встали в ряды белых армий? Нет. Те, кто спасся, выжидали, как дело повернется. И лишь потом, в эмиграции, принялись выселять отношения, у кого больше прав на престол... Так кого же винить, что споры об этих правах остались для них лишь пустой казуистикой?

В кампаниях «красного террора» шло безжалостное уничтожение русской интеллигенции... Но ведь как раз интеллигенция была главной носительницей радикальных взглядов! Разве не она несла в народ идеи атеизма, бунтарства, социализма? И не она ли обучала этому не только крестьян, рабочих, но, главное, детей? Простых русских детишек, получавших первый заряд атеизма и «прогрессивных» взглядов именно в школах, и подраставших уже готовыми к восприятию революционной пропаганды. «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы ему повесили мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф, 18,6; Мр.9,42; Лк.17,2).

Разве не интеллигенция поносила патриотов, царя, клеймила «черносотенцев» и «реакционеров»? Устраивала овации революционерам, восхищалась террористами. Рукоплескала

думской оппозиции, расшатывающей державу. И бурно приветствовала Февраль, вполне одобряя аресты и убийства полицейских, офицеров, жандармов. Выходит, интеллигенция получила... свое. То, что сама же посеяла и чему радовалась. Кстати, многие так и не поумнели. И в подвалах чрезвычайек студенты, гимназисты, курсистки, желая погибнуть «красиво», выкрикивали: «Да здравствует революция!» Потому что ничуть не усомнились в пользе революции, но большевиков считали ее душителями, а настоящими революционерами — себя.

Принято сокрушаться по поводу судеб интеллигентов и дворян, оставшихся под советской властью. Они оказались затравленными, задавленными, их безнаказанно унижали безграмотные и наглые представители новой власти. Жалко их? Да, жалко. Но разве сами эти интеллигенты и дворяне не ратовали за «свободу, равенство, братство»? Кого же было винить, что «свободы» оказались не только для «прогрессивных» интеллектуалов — свободы крушить «реакционеров», царя, правительство, свободы издеваться над ними. Но пришли свободы и для «швондеров» с «шариковыми» — свободы оскорблять и притеснять вчерашних ниспровергателей. Оказывается — получили то, к чему стремились. Только представляли себе это иначе.

Принято сокрушаться и по поводу судеб эмиграции. Дескать, взбесившаяся Россия изгнала своих детей. Они и впрямь бедствовали, люди с высшими образованиями, военными заслугами, нередко знатного происхождения, вынуждены были зарабатывать на жизнь грузчиками, судомойками, чернорабочими, женщинам высшего света приходилось от голода торговать своим телом... Но, во-первых, название «белая эмиграция» не совсем корректно. Как уже отмечалось, за рубежом очутилось свыше 2 млн. человек, однако к белогвардейцам из них имела отношение едва ли двадцатая часть. А большинство в период гражданской войны предпочитало оставаться в стороне, и для защиты России от большевиков палец о палец не ударило. Считали себя выше, ценнее того, чтобы взять в руки винтовку и встать в строй. Зато всюю критиковали белых, возмущались их ошибками, ерничали над «солдафонством», усматривали в их «диктатуре» угрозу «свободам».

А во-вторых, подавляющая часть эмигрантов была из тех же «образованных» слоев общества. Которые *первыми* отреклись от России! Не *она от них*, а *они от нее*. Потому что «образованные» слои были напрочь заражены «западничеством», рвались к «прогрессу», мечтали жить, как в Европе. Опять выходит — получили то, чего хотели. Получили жизнь на Западе со всеми его «свободами», парламентаризмами, «прогрессом». Они себе это представляли по-другому? Но с какой стати? Только из-за того, что русские интеллигенты, предприниматели, космополитизированные аристократы до революции видели Европу из окон комфортабельных отелей, пансионатов, из аудиторий западных учебных заведений, через призму книг и газет? Но ведь и тогда в Европе были грузчики, судомойки, чернорабочие, проститутки, были нищие бесправные «гастарбайтеры», чьим трудом обеспечивался «блеск» западной цивилизации... Значит, мечтали как раз об этом, но только себя видели в иной роли

Крайняя политизация русских сказалась и за рубежом. Несмотря на огромное количество беженцев, рассеявшихся по всему свету, такого явления, как «русская диаспора», не возникло. Ведь на чужбину выплеснулся весь спектр партий и движений от монархистов до анархистов. А в эмиграции добавились споры по поводу причин поражения, дальнейших судеб России, персональное соперничество лидеров. И существующие политические группировки продолжали делиться и почковаться. Так, лишь во Франции оказалось зарегистрировано более 300 эмигрантских организаций.

Монархисты создали свой Высший Монархический Совет (ВМС), но тут же размежевались на «франкофилов» и «германофилов», на сторонников великого князя Кирилла Владимировича и великого князя Николая Николаевича. Партия кадетов раскололась на «левое» и «правое» крыло, эсеры — на семь или восемь группировок. Меньшевики сумели сохранить партийное единство, но продолжали исповедовать марксизм, а после ужасов гражданской войны это учение стало у русских очень непопулярным. Образовалась группировка «учредиловцев» — тех, кто был причастен к разогнанному большевиками Учредительному Собранию считая себя «за-

конной российской властью». Но и они разделились на «правых» и «левых».

Да что уж говорить о политических делениях, если размежевание произошло даже в церкви! За рубежом оказались два православных митрополита. Один, Евлогий, был поставлен в России патриархом Тихоном. Но само патриаршество возникло во время революции на Поместном Соборе 1917—1918 гг. И часть духовенства Московскую патриархию не признала, в 1922 г. в Сербии был созван Собор зарубежных архиереев, который избрал митрополитом Антония и поставил его во главе созданного на Соборе Архиерейского Синода. Этим было положено начало отдельной Русской православной церкви за границей, так называемой «Карловацкой».

Некоторые и в эмиграции устроились довольно неплохо. Например, тузы российских банков, промышленности, купечества, Рябушинский, Нобель, Гукасов, Терещенко и иже с ними, создавшие свою организацию — Торгпром. Они сохранили значительную часть капиталов, заблаговременно переведенных за рубеж, вкладывали их теперь в западный бизнес. Не бедствовали и великие князья. Бывшие дипломаты, в распоряжении коих остались весьма значительные суммы, объединились в Совет послов. В эмиграции возникло несколько русских масонских лож — «Северное сияние», «Северная звезда», «Северное братство», в них входили многие видные политические и общественные деятели: Чайковский, Керенский, Кускова, Амфитеатров и др.

Кроме политических структур, были еще и воинские. Самым крупным являлась Русская армия Врангеля, эвакуированная из Крыма в Турцию и на Эгейские острова. Другой центр белых отрядов существовал в Польше под руководством Савинкова и генерала Перемыкина. Особняком стояло «Братство русской правды» (БРП) П.Н. Краснова, С.Н. Палеолога и кн. Ливена, ориентирующихся на Германию. Два конкурирующих центра Белого движения возникли на дальнем Востоке: один в Харбине, под руководством генералов Хорвата и Дитерихса, пользующихся покровительством местного властителя Чжан Цзолина, второй в Нагасаки, где находился атаман Семенов, ориентирующийся на японцев. Все эти груп-

пировки, партии и течения спорили, ссорились, смешивались в самых разнообразных сочетаниях.

А кроме «общероссийских», существовали еще и казацки, украинские, армянские, азербайджанские, грузинские, северокавказские, среднеазиатские организации. И тоже во множественном числе! Одни готовы были держаться заодно с русскими, другие выступали под знаменами непримиримого сепаратизма. Но даже среди сепаратистов единства не было. Допустим, у украинцев существовали организации Петлюры, Коновальца, Скоропадского, Тютюнника, ориентировавшиеся на разные западные державы и не ладившие друг с другом.

Сперва все эмигранты верили, что их пребывание за границей будет недолгим, что положение в России скоро изменится. Только расходились во мнениях, как именно это произойдет. Одни полагали, что сам коммунизм переродится, как переродилась революционная Франция в империю Наполеона. Другие возлагали надежды на народное восстание, которое свергнет большевиков. Третьи — на иностранное военное вмешательство. Ну неужели Запад рано или поздно не разберется, что большевики — насильники и узурпаторы, что они опасны для других стран? Вот и двинет силы, разгромит их.

Не тут-то было. Западные державы предпочитали не воевать с большевиками, а торговать. Если в 1913 г. в Голландии даже существовал общественный Комитет помощи политзаключенным в России, который ставил перед собой задачу бороться «против тюрем и казней русского самодержавия», то теперь зарубежные правительственные и общественные круги на информацию о зверствах большевиков и призывы о помощи сухо отвечали, что их реакция «будет истолкована как вмешательство во внутренние русские дела» или даже, что официальный протест может быть истолкован как сочувствие контрреволюционным элементам».

Мало того, европейские власти принялись помогать большевикам разлагать эмиграцию. Советское правительство в это время развернуло масштабную агитацию за «возвращенчество», для этого по радио 7 апреля 1921 г. было передано обещание амнистии рядовым белогвардейцам, а 3 ноября 1921 г. вышло постановление ВЦИК по данному поводу. И для со-

юзной администрации это стало прекрасным поводом прекратить помощь эмигрантам. Дескать, теперь вам ничего не грозит, так что и содержать вас больше незачем. Советских агитаторов беспрепятственно допускали в беженские лагеря, французское командование тиражировало и распространяло призывы к возвращению на родину.

Правда, те, кто поверил им, дорого за это расплачивались. Многих расстреливали сразу же по прибытии в советские порты, отправляли в лагеря. Некоторым позволяли доехать до дома, но потом тоже подгребали за решетку. Всего в течение 20-х годов удалось заманить в Россию 181,5 тыс. эмигрантов. Основная часть, около 122 тыс., вернулась в страшном 1921 г., и для большинства из них путь «домой» стал всего лишь дорогой в могилу. Слухи об этих расправах вскоре стали проникать за рубеж — можно ли было утаить массовые казни в портовых городах: Одессе, Новороссийске? Некоторым из тех, кто побывал на родине и чудом спасся от гибели, удавалось вторично бежать за границу и рассказать о пережитом[105]. Нет, Запад ничего подобного «не слышал». Информацию об обмане и истреблении реэмигрантов не публиковали зарубежные газеты, она не всплывала ни в парламентах, ни в общественных организациях.

В 1921 г. Врангелю все же удалось спасти свою армию, договориться с правительствами Болгарии и Сербии, перевезти туда свои части, устроить их на дорожные и другие работы, на службу в пограничную стражу. Но подобные меры лишь продлили агонию Белой гвардии. В апреле 1922 г. открылась Генуэзская конференция, куда впервые была официально приглашена советская делегация. И по ее настоянию было принято решение о роспуске антисоветских военных формирований.

Становилось ясно, что изгнание затягивается дольше, чем предполагалось изначально. Тем не менее эмигранты были убеждены, что рано или поздно ситуация изменится. И основой их существования стала идея «сверхзадачи»: сберечь в своей среде «прежнюю Россию» и передать России новой, когда она будет возрождаться. Это признавалось главным смыслом жизни за рубежом, помогало переносить все трудности и

лишения. Ведь Русское зарубежье верило, что оно — лучшая часть народа, его «сливки», элита. Считало себя носителем духовных, культурных и государственных традиций. Вот и требовалось сберечь их — и донести...

Так, Врангель начал создавать Русский Общевоинский Союз (РОВС), где солдаты и офицеры состояли бы на учете — чтобы сохранить для будущего кадры и традиции старой российской армии. Для этого организовывались кружки и курсы, проводились сборы. В Париже были открыты Высшие военно-научные курсы под руководством профессора генерала Н.Н. Головина. Вокруг них собирались светила генштабистов, проводились конференции. Если удавалось достать денег, издавались учебные пособия, труды по военной теории.

Эмигранты стремились сберечь и научный, культурный потенциал прошлого. Чтобы не угасли традиции русского образования, организовывались гимназии, девичьи институты, кадетские корпуса. Появлялись научные общества. Впрочем, техническая интеллигенция быстро нашла себе иное применение. Российских физиков, химиков, инженеров, математиков охотно принимали в иностранные фирмы, хорошо платили — и они отдавали свои способности и знания уже не своей стране и народу, а чужим. Но гуманитарные науки имеют национальную специфику, и философы, историки, социологи, экономисты вращались в среде соотечественников, создавали академические организации в Белграде, Харбине, Праге, Париже, Берлине, проводили симпозиумы, семинары, издавали журналы. Делались попытки переосмыслить российскую трагедию, возникали новые теории «сменовеховцев», «евразийцев», «Новый град». Создавались богословские курсы.

В Праге и Харбине были образованы русские юридические факультеты, где маститые профессора старой школы продолжали углубленное изучение дореволюционного русского права, преподавали его молодежи, чтобы после освобождения родины от большевиков обеспечить ее квалифицированными юристами. Возникали русские организации литераторов, журналистов, художников, стремящиеся сохранить богатую культуру, утраченную и разрушаемую на советской территории... Да, это становилось сверхзадачей, сберечь

«прежнюю Россию» — и донести до времен, когда она окажется востребованной.

Хотя при этом эмигранты не задумывались, а нужна ли она, такая «прежняя Россия» для России будущей? Нужна ли ей выброшенная на чужбину дикая разноголосица политических партий и группировок? Нужны ли старые или обновленные философские и социологические мудрствования, умножающие эту разноголосицу? Нужна ли старая юриспруденция, во многом способствовавшая государственной и народной катастрофе? Нужно ли упорное сохранение традиций «классического образования», которое как раз и порождало «западников», либералов, революционеров? Нужно ли ностальгическое слепое копирование устаревших Уставов императорской армии? А если открыть труды эмигрантских «классиков» военной науки, можно только подивиться ее убожеству, она осталась на уровне даже не 1917-го, а 1914 г., повторяя старые французские военные доктрины, от которых давно отказались сами французы[32].

Но нет, сомнений в «сверхзадаче» не возникало. Не было сомнений в том, что на родине, у большевиков, ничего достойного нет и возникнуть не может. В том, что Россия, когда она опомнится от революционного угара, окажется беспомощной, будет нуждаться в том, чего нет у нее, но осталось в зарубежье. И когда она начнет возрождаться, то, конечно же, это будет происходить по старым образцам. По сути, эмиграция бережно сохраняла «для будущего» *больную* Россию. Ту, какой она стала к 1917 г., с идеологической мешаниной, думскими и учредилковскими взглядами, накопившимися пороками. Почитайте хотя бы Бунина с его «темными аллеями», где автор больше всего тоскует о романтическом помещичьем разврате. Это что, не больное? Или эмигрантские произведения Алексея Толстого, Набокова и пр.? А Вертинский, Северянин, Ремизов, Минский? Как она была больной, предреволюционная культура, так и перетекла за рубеж. И политика перетекла, еще глубже больная, чем была в России. И больная, искалеченная «западничеством», гуманитарная наука.

Патриотизм? Да, вот этого у эмигрантов первого поколения было не отнять. Россия осталась для них святыней, все

помыслы были направлены к ней. А сама идея «сверхзадачи» превращала существование на чужбине в служение покинутому Отечеству. Но в этом была и великая трагедия эмигрантов. «Настоящей» Россией они воспринимали только себя. Не замечая собственных недугов, готовили себя на роль врачей. Не понимая собственных ошибок, видели в себе грядущих учителей. Не осознав собственных проступков, претендовали быть судьями.

✻ ТЕМНАЯ НОЧЬ НАД СТРАНОЙ

На православных календарях было 25 марта 1925 г. от Рождества Христова. На остальных календарях — 7 апреля. В больничной палате умирал патриарх Московский и Всея Руси святитель Тихон. Спросил: «Который час?» Один из присутствующих, не замечая струящихся по щекам слез, ответил: «Без четверти двенадцать». Патриарх вздохнул: «Скоро наступит ночь, темная и длинная...» Поднял руку, дважды осенил себя крестным знамением. А когда хотел перекреститься в третий раз, рука упала...

Победа большевиков в гражданской войне отнюдь не ознаменовала собой конец бедствий, обрушившихся на Россию. Даже террор еще не сокращался, наоборот, его страшный пик приходится на «мирные» времена — с конца 1920 по начало 1922 г. Расстрелы по-прежнему гремели во всех «чрезвычайках». И систему лагерей, кстати, создавал вовсе не Сталин. Она возникла по инициативе Ленина и Свердлова еще в 1918 г. Согласно постановлению о «красном терроре» концлагеря предписывалось создавать в каждом районе. Они были придатками тюрем, где не хватало мест. А в 1920 г. возникла еще одна система — Северные Лагеря Особого Назначения. Впоследствии аббревиатура СЛОН «по наследству» перешла к Соловкам. Но изначально Северных лагерей было два, в Архангельске и Холмогорах. И для каторжного труда они вовсе не предназначались. «Особое назначение» означало лагерь смерти. Сюда присылали целевым назначением — на убий. Только за январь-февраль в Холмогорском лагере было

расстреляно 11 тыс. человек[75], его называли «усыпальницей русской молодежи».

Продолжались гонения на казачество. Формально геноцид не возобновился, но вместо этого был взят курс на «расказачивание». Казаков признали не народом, а «сослови-ем», причем «упраздненным», и они попали в разряд «лишенцев», т.е. категорий, лишенных значительной части гражданских прав — наряду с дворянством, духовенством, купечеством. А территории казачьих областей расчленились. Западную часть Войска Донского отдали Украине, остальное поделили между несколькими российскими губерниями. Киргизскую (Казахскую) автономную республику наделили чрезвычайно щедро. Отдали в ее состав территорию Уральского, Семиреченского, Оренбургского Войск, южную часть Сибирского, даже столицей республики стал Оренбург. Из Астраханского Войска вычленили Калмыцкую автономную область, из Забайкальского — Бурят-Монгольскую республику.

Особенно суровым репрессиям подверглись Кубань и Терек, которые в 1919 г. находились под властью белых и избежали свердловского геноцида. Тысячи казаков были арестованы и отправлены в Северные лагеря, откуда не возвращались. На Северном Кавказе большевистская политика сделала ставку на «революционные» народы — чеченцев, ингушей, дагестанцев и др. Поэтому здесь были созданы Горская и Дагестанская автономные республики, которым отдали значительную часть казачьих земель. От Кубани южную часть отчленили в Горскую республику, восточную часть — в Ставропольскую губернию. А вновь образованная Терская губерния сохранила лишь 19% земель Терского Войска — узкую полосу по северному берегу Терека от Минвод до Кизляра и Каспия. Многие станицы было решено отдать горцам, а казаков из них депортировать. И с выселяемыми часто предпочитали не возиться — не проще ли перебить? В ходе депортации было уничтожено 35 тыс. казаков, казачек, детей. Перестреляли, вырезали — и никто как бы и «не заметил». Между делом...

Вопреки утверждениям советских учебников, не закончилась вместе с войной и политика «военного коммунизма».

Напротив, как раз после разгрома белогвардейцев ее стали внедрять в полном масштабе. С запретом не только торговли, но и «продуктообмена», принудительным изъятием у населения всех ценностей и золота, возможностью получения продовольственных и промышленных товаров только по карточкам. Крестьян переводили на положение «рабочих», лишая всякой собственности и объединяя в коммуны или совхозы. А для окончательного перехода к системе всеобщего принудительного труда под эгидой Троцкого стали создаваться «трудовые армии». В марте 1921 г. на X съезде РКП(б) он заявлял: «С бродячей Русью мы должны покончить. Мы будем создавать трудовые армии, легко мобилизуемые, легко перебрасываемые с места на место. Труд будет поощряться куском хлеба, неподчинение и недисциплинированность караться тюрьмой и смертью». На эти задачи Лев Давидович перенацелил свои Реввоентрибуналы, в инструкции им указывалось, что «трудовое дезертирство при данной обстановке является таким же актом контрреволюции, как и вооруженное восстание против рабочих и крестьян».

Но в это же время в советскую экономику вовсю внедрялись иностранные бизнесмены, большей частью американские! Они легко получали в концессии заводы, фабрики, богатейшие месторождения полезных ископаемых. И тот же Троцкий указывал: «Что нам здесь нужно, так это организатор наподобие Бернарда Баруха». Американский предприниматель Вандерлип умудрился получить в концессию даже всю Камчатку «для экономической утилизации» [66, 173]! (Осуществить проект помешали только японцы — им подобные аппетиты США совсем не понравились, и они поддержали на Камчатке антисоветское восстание). Ну а в целом из данных фактов хорошо видно, во что должна была превратиться наша страна по проектам «мировой закулисы». В один огромный концлагерь с бесплатным рабским трудом за пайку хлеба. Те, кто проявляет непокорство, уничтожаются, а сверхприбыли будут грести угнездившиеся в России иностранцы.

Однако Ленину и Троцкому пришлось отказаться от продолжения данной политики. Народу удавалось дурить головы необходимостью борьбы с «эксплуататорами», но когда

с белогвардейцами покончили, а гайки по-прежнему закручивались, люди стали возмущаться. Покатились восстания, охватившие почти всю Россию. Их жесточайше подавляли. Опять лились потоки крови, опять людей косили расстрелы и эшелоны везли обреченных в Северные лагеря. Но движение «зеленых» было сильно своей массовостью. Уничтожали одних — за винтовки и обрезы брались другие. Мятежи усмиряли, а они вспыхивали снова. И большевики вынуждены были пойти на уступки. В марте 1921 г. X съезд партии провозгласил нэп, в сентябре были приняты дальнейшие меры по смягчению экономической политики. Хотя сам Ленин считал это «отступлением» на пути строительства социализма, тяжело переживал и писал Троцкому, что подобное «отступление» может быть только временным, для «перегруппировки сил»[7, 96].

Но ларинские методики «военного коммунизма» принесли еще одну катастрофу. Продовольствие выгребалось у крестьян подчистую, запасов у них не оставалось. И когда 1921 г. выдался неурожайным, грянул голод, охвативший Поволжье, Дон, Крым, ряд южных губерний России и Украины. Люди умирали, доходили до каннибализма. Однако даже столь колоссальное бедствие большевистские лидеры ухитрились использовать с «выгодой» для себя. Голод оказался хорошим поводом нанести массированный удар по Православной Церкви.

Большевики пытались ослабить и сокрушить ее с самого начала своего владычества. Еще в 1917 г. вышло постановление Совнаркома «Об отделении школы от церкви и церкви от государства», которым Церковь лишалась статуса юридического лица, у нее стали отбирать собственность. Как уже отмечалось, в 1919 г. вышло еще одно постановление, «О борьбе с попами и религией». Кампания «красного террора» началась с расстрелов многих видных церковных иерархов и священнослужителей[5, 140]. И во всех «чистках» городов и местностей, занятых красными, жертвами в первую очередь становились священники и монахи[58]. По распоряжениям Ленина и других лидеров устраивались кощунственные акции «разоблачительных» вскрытий святых мощей. Был создан «Союз воинствующих безбожников».

И все-таки до сих пор в антицерковных атаках большевики были вынуждены себя сдерживать. То наступали белогвардейцы, то полыхали крестьянские восстания, и приходилось проявлять осторожность, чтобы не подлить масла в огонь. Теперь новые властители России сочли, что наступил подходящий момент разгромить Церковь совсем. С одной стороны, голод подорвал силы крестьянства, ослабил возможности стихийного сопротивления. С другой, появился предлог для удара — изъятие церковных ценностей якобы для помощи голодающим. Таким образом, возник шанс не только избежать народного возмущения, но и сделать часть населения своими союзниками.

Инициатором кампании выступил Троцкий. 17 марта 1922 г. он представил в Политбюро разработанный им план. И в данном вопросе Ленин стал полным его единомышленником. С ходу подхватил предложение и 19 марта писал членам Политбюро: «Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена нам полностью». «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать» [92, 93].

Была создана комиссия во главе с Троцким. Но комиссия строго секретная — наряду с ней, для прикрытия, действовала «официальная», только из русских, под председательством Калинина. На самом-то деле Церковь выражала готовность добровольно передать ценности на нужды голодающих — за исключением священных сосудов, используемых в богослужении. Нет, это большевиков не устраивало. Начались обыски храмов с погромами, богохульными выходками, глумлениями. В Шуе это вызвало столкновение с верующими, каратели открыли огонь по безоружной толпе, перебив много народу. Аналогичные эксцессы произошли в ряде других городов. Но именно это требовалось организаторам провокаций! Советская пропаганда принялась трубить, что священники жалуют свои богатства, отказывают умирающим от голода в куске хлеба. Развернулось повальное закрытие и разграбление хра-

мов, монастырей. Показательные процессы над священнослужителями прошли в Питере, Москве, Смоленске, Чернигове, Полтаве, Архангельске, Новочеркасске... В 1922 г. только по суду было расстреляно священников — 2691, монахов — 1962, монахинь и послушниц — 3447. А всего было истреблено не менее 15 тыс. представителей духовенства, монахов, послушников, православных мирян.

И одновременно предпринимались усилия по расколу Православной Церкви. Что, между прочим, соответствовало одному из пунктов «плана Хауса», который для втягивания России в «новый мировой порядок» полагал необходимым внедрение в нашей стране других течений, наподобие протестантских[6]. Это направление деятельности курировал тоже Троцкий. Святейший патриарх Тихон (Белавин) был арестован. А большевики выявляли и обрабатывали «лояльных» священнослужителей, готовых к сотрудничеству. Лев Давидович секретной почто-телеграммой от 14 мая 1922 г. требовал всячески поддерживать эту группу духовенства. Указывал, что «внутренняя борьба церкви... разрыхлит почву для семян атеизма и материализма».

И возникла ересь «обновленчества» во главе с епископом Антонином. Провозглашалось создание «Живой церкви», благословлявшей революцию, отрекавшейся от связи с «царизмом», с «эксплуататорами», с «реакционной» частью духовенства[5]. Некоторые лидеры живоцерковников, как Александр Введенский, увлеклись ересью искренне, считая, что таким образом спасают христианскую веру. Другие примыкали из страха перед репрессиями, третьи были сбиты с толку. По инициативе группы украинских интеллигентов-националистов возник и другой раскол, так называемая Украинская церковь. В ней было введено богослужение на национальном языке, миряне коллективно избирали и «рукополагали» иерархов, зачастую из светских лиц. Священники ходили и служили в штатской одежде, само богослужение упрощалось. Этот раскол власти тоже поддержали. Киевского митрополита Алексия арестовали, а сектантам позволили захватить Софийский собор и ряд других храмов[58].

Ударам подверглась не только Православная Церковь. Были гонения и на католическую, разоряли костелы, кое-где

преставляли или расстреливали ксендзов. Но вот ведь что интересно — невзирая на эти гонения, на казни своих служителей, католичество восприняло антицерковную кампанию в России... с воодушевлением! Да-да, с воодушевлением. Вроде как все эти напасти можно перетерпеть — главное, что Православие гибнет. Католический еженедельник «Lud Bozu», издающийся в Луцке, на польской территории, писал: «Из этой невероятной беды, вытечет, кажется, благое дело Божие — соединение церквей. Ах, как льнут к нам! Лучшие представители православного духовенства публично выражают свое восхищение и преклонение перед католической церковью», «богослужение в церквях посещают только старики, а наш костел переполнен тысячами людей, из которых половина православных. Большевики... убедились, что с нашим костелом труднее им воевать, чем с церковью. Великая жатва открывается теперь для Католической церкви. Дайте только сюда самоотверженных, благочестивых священников и миссионеров, и Христа овчарня умножится...»[58].

Что ж, с католицизмом большевикам и впрямь было труднее бороться, чем с Православием. Католические и униатские священники получали поддержку из-за рубежа. У них существовала легальная связь со своими центрами в Польше, а через них с Ватиканом. Они знали, что о них помнят, что их деятельность ценят, что они всегда смогут получить на Западе пристанище. Знали, что если с конкретным костелом и приходом случится беда, то в целом для католической церкви это неощутимо, она существовала и будет существовать. В отличие от православных — у которых уничтожалась сама Церковь. Католики и протестанты западных держав без зазрения совести поучаствовали в святотатстве, скупая по дешевке православные святыни и ценности, разграбленные большевиками. Многие предметы церковной утвари, иконы попали в Рим и другие католические центры.

К тому же борьба большевиков с католицизмом, иудаизмом, исламом не была такой бескомпромиссной и последовательной, как с Православием. Она велась в порядке общей антирелигиозной политики. Но наряду с богоборческими шло и благое указание: внимательно относиться к «национальным

особенностям», в том числе к «пережиткам» — которые можно ликвидировать только со временем, постепенно. В отношении русских таких ограничений не существовало. Православные церкви громились, а в 1925 г. в Москве было открыто две синагоги (хотя формально иудаизм тоже осуждался).

А протестанты и сектанты в данный период вообще не подвергались преследованиям! Наоборот, им даже передавали отобранные у православных храмы. В нашей стране вполне официально действовали представительства международных баптистских и иных организаций. Под их эгидой даже возник «Бапсомол» — баптистский союз молодежи, и открыто вел свою работу. В условиях нэпа было создано более 400 сектантских кооперативов, объединенных в «Братство взаимопомощи», в Москве открывались протестантские столовые, возникали многочисленные сельскохозяйственные сектантские «коммуны», и это не только не возбранялось властями, а всячески приветствовалось. И в результате численность пастырей «протестантских конфессий» (включая баптистов, иеговистов, адвентистов, пятидесятников и т.п.) за 1920-е годы возросла в 5 раз! За счет православных. Испытывая потребность молиться Богу, люди тянулись в секты.

Но задумка Троцкого с обновленчеством провалилась. В апреле-мае 1923 г. живоцерковники провели свой «собор», где объявили о низложении патриарха Тихона и лишении его священнического сана, принялись вносить изменения в уставы Церкви, в порядок богослужения[5]. Все это вызвало взрыв негодования верующих, и они отвернулись от реформаторов. От обновленцев стала отходить значительная часть иерархов и священнослужителей — тех, кто соблазнился по ошибке, по слабости, кто был обманут. А патриарх Тихон решений лже-собора не признал и вступил в решительную борьбу с ересью. Правда, для этого и ему пришлось пойти на компромисс с большевиками. Он подписал «покаянное письмо», объявляя, что не является врагом советской власти. Патриарх говорил: «Пусть погибнет мое имя в истории, только бы Церкви была польза». Этой ценой он сумел выйти из заключения, восстановить каноническое управление Церковью. И смог открыто обличать живоцерковников. Вел службы в разных храмах

Москвы, и, несмотря на противодействие властей, всюду его встречали массы верующих. Стекалось столько прихожан, что храмы не могли вместить желающих. На эти службы приходили и священники, епископы, вернувшиеся от раскола, принесли свое покаяние[5].

Многим христианским общинам еще удавалось держаться — провинциальные чиновники закрывали на них глаза за взятки или просто не желали конфликтов в своих «владениях». Нередко низовые партийцы и сами втайне сохраняли веру в Бога. Монастыри закрывались большевиками, а монахи поселялись в миру и все равно держались общинами. Закрывались церкви, но в частных домах оборудовались алтари, проводились службы. Но и сами по себе религиозные преследования вызывали новые расколы, порождали новые течения. Появилась «катакомбная» церковь, приравнявшая условия своего существования к временам римских гонений, когда верующие тайно собирались в катакомбах. Священники переезжали с места на место, окормляя паству в разных городах. Возникла категория тайных иноков в миру — человек принимал постриг, по-прежнему жил и трудился, как светское лицо, но соблюдал иноческие обеты и выполнял те или иные формы послушания. Появилась и секта «истинно-православных». Она считала большевистское государство уже наступившим царством антихриста. Соответственно, осуждались любые компромиссы с ним, и поступок свт. Тихона, освободившегося ценой признания советской власти, объявлялся «ересью».

Патриарха враги Православия арестовывать больше не решались из-за его огромной популярности. Но на него было совершено покушение, при котором был убит келейник патриарха, послушник Яков Полозов. А труды, огромное перенапряжение, подорвали здоровье свт. Тихона. Он стал часто болеть, и в январе 1925 г. вынужден был лечь в больницу. К весне начал поправляться, снова выезжать на службы, однако 25 марта (7 апреля) 1925 г., в праздник Благовещения, внезапно почувствовал себя хуже. Многие данные указывают на то, что он был отравлен. Незадолго до полуночи патриарх отошел в мир иной.

Его последние слова оказались верными. Для России и Церкви наступила ночь. Темная и длинная. План «мировой закулисы» в отношении нашей страны был выполнен. Она лежала в руинах, потеряла огромные территории. Первоклассные до революции промышленность и транспорт были разрушены. За годы гражданской войны в боях, от эпидемий, голода, террора погибло 14—15 млн. человек. Еще 5—6 млн. человек унес голод в 1921—1922 гг. Только погибшими Россия потеряла 12—13% своего населения. Не считая подорвавших здоровье, раненых, искалеченных. И морально искалеченных. А вместо православного монарха на российской земле распоряжались эмиссары чужеземных «бесов». Созвать Собор и избрать нового патриарха вместо свт. Тихона власти не позволили.

ВОРЫ И ГОСУДАРСТВЕННИКИ

Операция по разрушению России была для западных воротил выгодной не только с политической или геополитической, но и с чисто коммерческой точки зрения. Американцы в начале XX в. уже хорошо научились делать бизнес на революциях. Так, вице-президент банка Моргана «Гаранти траст» М.П. Мэрфи являлся организатором сепаратистского путча в Панаме в 1903 г[177]. Через синдикат «Хант, Хилл энд Беттс» осуществлялась поддержка китайской революции в 1912 г. Компания Моргана активно поучаствовала в мексиканской революции. В подобном бизнесе всегда оказывалась тут как тут мощная компания «Америкен Интернешнл Корпорейшен», специально созданная для эксплуатации отстающих стран. Главным ее акционером был банк «Кун и Лоеб», а директором — компаньон Шиффа Отто Кан, чье имя нам не раз уже встречалось[158].

В России «гешефт» оказался куда более весомым, чем в Панаме или Мексике. Пароходами с золотом по «паровозному заказу» он отнюдь не ограничилось. И можно отметить, что все бедствия нашей страны несли зарубежным бизнесменам чистую прибыль. Разруха? Прекрасно. Советскому государст-

ну в тридорога продавались недостающие товары, бездействующие предприятия и рудники брались задарма в концессии.

Голод тоже стал предметом грязных махинаций. В ЦК РКП(б) работу по линии помощи голодающим возглавил Троцкий[157]. Через него были заключены соглашения с АРА — ассоциацией нескольких сектантских и филантропических организаций под руководством министра торговли США Г. Гувера, с рядом бизнесменов — например, Армандом Хаммером (сыном Джулиуса Хаммера, одного из покровителей Льва Давидовича в период его пребывания в Нью-Йорке). И через них стало закупаться за границей продовольствие, главным образом зерно... Но в том-то и дело, что зерно в России было! Ведь не во всех регионах случился неурожай. Хлеб в 1921—1922 гг. собирали в виде продразверстки, потом продналога. И... отправляли на экспорт! А в Россию, получается, везли из-за рубежа. Поневоле закрадывается подозрение, что «прокручивалось» одно и то же зерно. Скупали по дешевке в России, потом где-нибудь в Таллине переписывали сопроводительные документы и продавали той же России.

Небезынтересно отметить и такой факт: кампания по разгрому Церкви началась в марте 1922 г., но гораздо раньше, в октябре 1921 г. Хаммер подписал соглашение с Советским правительством на поставку зерна — и среди товаров, которыми Россия должна была расплачиваться, на первом месте значились «церковные ценности»! Впрочем, можно сопоставить удар по Церкви с некоторыми другими событиями. В январе 1922 г. Гувер представил в Госдепартамент США программу экономических связей с Москвой. В том же январе для финансовых операций с западными державами Советское правительство создает Роскомбанк (прообраз Внешторгбанка). Возглавил его... не кто иной, как Олаф Ашберг[158]. В том же январе 1922 г. проходит Каннская конференция стран Антанты, фактически признавшая правительство большевиков, а в марте была созвана Генуэзская конференция, открывшая дорогу для расширения торговых связей с Россией. Случайное совпадение по времени? Вот уж вряд ли. Потому что сразу после конференции колоссальный поток награбленных церковных ценностей выплеснулся все туда же, на Запад.

Американский историк Р. Спенс приходит к выводу: «Мы можем сказать, что русская революция сопровождалась самым грандиозным хищением в истории. Миллионы и миллионы долларов в золоте и других ценностях исчезли. Другие деньги и средства были тайно перемещены из одних мест в другие». В махинациях по разворовыванию страны участвовали те же самые эмиссары «закулисы», которые потрудились над разрушением России. Для Троцкого, например, это стало поистине «семейным» делом. Он ведал распределением концессий. Он же возглавлял кампанию по изъятию церковных ценностей. Он же руководил работой «по реализации ценностей Гохрана». Его жена Наталья Седова, выпускница Сорбонны, дипломированный искусствовед, могла быть квалифицированным семейным экспертом. Она получила пост заведующей Главмузея. И сбывались на Запад драгоценные иконы XV, XVI, XVII вв. по символическим ценам 50, 100, 150 рублей.

Дядюшка Троцкого Абрам Животовский уютно обосновался в Стокгольме, где вместе с Ашбергом занимался реализацией награбленного. А сестра Льва Давидовича Ольга, жена Каменева, председатель специально для нее созданного Международного отдела ВЦИК устраивала за границей выставки ценностей и товаров, которые большевики предлагали иностранным партнерам. Ее компаньоном стал директор фирмы «Вестингауз Электрик» Ричард Крейн. Тот самый Крейн, который в качестве представителя Вильсона принял участие в организации Февральской революции. После операций, которые он провернул с Ольгой, этот бизнесмен сделал широкий «благотворительный» жест — подарил Гарвардскому университету колокола московского Свято-Даниловского монастыря. Чего ж не расщедриться за счет краденого? (Кстати, еще одно «совпадение» — и офис Крейна, и упомянутая компания Отто Кана «Америкэн Интернешнл Корпорейшен» для эксплуатации отсталых стран располагались по уже известному нам адресу — Бродвей-120[158]).

В делах по разворовыванию российских богатств встречаются другие «знакомые» лица. Возглавлял Гохран, помогая Льву Давидовичу расхищать хранившиеся там ценности, выдвигенец Свердловца царевубийца Юровский. В комиссию по

разграблению Церкви вошел другой царевич, Белобородов. У Александра Гомберга, бывшего «литературного агента» Троцкого, в Советской России неплохо пристроились братья. Сергей Гомберг (Зорин) стал референтом у Зиновьева, возвысился до члена ЦК. А Вениамин Гомберг возглавил Русско-Германскую торговую компанию и Всесоюзный химический синдикат. Бывший директор заводов Нобеля Серебровский, на квартире коего Лев Давидович жил в 1917 г., сперва занялся поставками для Красной армии, потом получил под начало Главнефть и Союззолото. Ну а Вениамин Свердлов, заняв пост начальника отдела ВСНХ, по-прежнему поддерживал отношения со своим старым партнером Сиднеем Рейли — и через него перепродавал за границу пушнину, нефть, антиквариат...

Знал ли об этих безобразиях Ленин? Да, знал. Но по какой-то причине вынужден был терпеть их. Летом 1921 г. он попытался было бороться с Троцким. 16 июня по предложению Ленина Политбюро приняло постановление об освобождении Льва Давидовича от обязанностей наркома по военным и морским делам и направлении его наркомом продовольствия на Украину — в «почетную ссылку»[157]. Однако Троцкий постановление просто напроосто проигнорировал. 27 июля он встретился с Владимиром Ильичем с глазу на глаз, и сразу после беседы Ленин идет на попятную, рассылает членам Политбюро записку об отмене прежнего решения. Какой уж у них произошел разговор, остается тайной. Но ясно, что у Троцкого имелись определенные рычаги для давления на Ленина. Один из биографов Льва Давидовича, Нагловский, упоминает, будто между ним и Лениным существовало какое-то «джентльменское соглашение».

После упомянутой встречи Владимир Ильич не только отменяет опалу, но почему-то считает нужным дополнительно ублажить Троцкого! Отдает в его ведение ряд промышленных и сельскохозяйственных предприятий в окрестностях Москвы, получивших название «Москуста». В марте 1922 г. инспекция Рабкрин выявляет в «Москусте» вопиющие злоупотребления. Нормально работавшие предприятия оказались за полгода развалены, превратились в обычную «отмы-

вочную» кормушку для перекачивания на нэповский рынок государственных средств[157]. Но и это сходит Троцкому с рук. Никаких мер в отношении него не предпринимается. Что еще раз подтверждает — Ленин успел попасть в некую очень даже заметную зависимость от Льва Давидовича.

«Вождь номер два» находился в пике своего могущества. Жил по-царски, заняв дворец Юсупова в Архангельском. Держал штат лучших поваров, прислуги. Проводил собственные приемы, переговоры, совещания, о которых не считал нужным информировать правительство. Очень тщательно следил за своим здоровьем, его опекали персональные врачи, даже в самые тяжелые моменты гражданской войны Троцкий не забывал брать отпуска, ездил на курорты, на охоты и рыбалки[35]. И все же Ленин вел собственную линию. Точно так же, как Брестский мир он считал вынужденной, временной мерой, пока не получится разжечь революцию в Германии, так и в начале 1920-х считал «временной» необходимость ублажать иностранных хищников. Был уверен, что экономические связи позволят «революционизировать» страны Запада. Так что издержки в его глазах получались оправданными. Ну а против Троцкого Владимир Ильич начал использовать Сталина.

Иосиф Виссарионович и впрямь во многом выглядел противоположностью Льва Давидовича. В махинациях с зарубежными кругами он замешан не был. Не был и позером, не играл на публику. Жил очень скромно, аскетично, занимал трехкомнатную квартиру в одном из флигелей Кремля, причем не один, а поселил в ней семью старого товарища Аллилуева, женившись на его дочери Надежде. Никакими дополнительными благами, не положенными ему по должности, не пользовался. Был постоянно в работе, не гнушаясь кропотливой неблагодарной «текучки».

Хорошо проявил себя в годы войны. После успешной обороны Царицына его стали направлять на разные угрожаемые участки. В декабре 1918 г. в Пермь — при прорыве колчаковцев, в мае 1919 г. в Петроград — при прорыве армии генерала А.П. Родзянко. Он умел организовать, навести порядок, разобраться в причинах неудач. Но при этом, как ни парадоксально может прозвучать, проявил себя менее жестоким, чем Троцкий или

Ленин. Свой первый приказ о расстреле он подписал 18 августа 1918 г., и относился приказ не к пленным, не к заложникам или мирным жителям, а к предателям. Иосиф Виссарионович распорядился казнить участников раскрытого в Царицыне заговора во главе с военспецом Носовичем и инженером Алексеевым, готовивших мятеж — причем заговор был связан с иностранцами, с американским и французским консулами.

Но вот что особенно любопытно — после этого расстрела на Сталина обрушились обвинения в жестокости со стороны... Троцкого. Который в это же самое время буквально залил кровью Свияжск и Казань. Постарались оговорить Иосифа Виссарионовича и какие-то лица в окружении Ленина. Несмотря на то, что Владимир Ильич сам рассылал направо и налево «расстрельные» телеграммы, но тут почему-то прислушался к обвинениям, осерчал и далеко не сразу признал свою неправоту. Словом, уже в те времена «оборотни» в советском руководстве считали Сталина помехой и использовали любой повод, чтобы «копнуть» под него.

В ходе войны с Польшей в 1920 г. Юго-Западный фронт, который курировал Иосиф Виссарионович, внес решающий вклад в победу. Но он еще раз проявил себя противником «мировой революции». Настаивал на том, чтобы довольствоваться изгнанием интервентов с российской территории. Его мнение не приняли в расчет, перспективы победного марша на Варшаву и Берлин слишком увлекли Ленина, что обернулось тяжелым поражением. Впрочем, такие разногласия проявлялись только в рабочих вопросах. Сталин никогда не заострял их, оставаясь одним из самых верных последователей Владимира Ильича, ни разу не оказываясь в лагере тех или иных оппозиций. Иногда позволял себе спорить с Лениным, но в уважительных тонах, как младший со старшим, а если нужды настаивал на своем мнении, всегда уступал.

И Владимир Ильич ценил такую верность. При собственной перегруженности он делает Сталина ближайшим практическим помощником, надежным и безотказным проводником своих идей. В дополнение к посту наркома по делам национальностей Иосиф Виссарионович становится наркомом контроля, а потом наркомом Рабоче-крестьянской инспек-

ции (Рабкрина), призванной наводить порядок в стране, налаживать контроль во всех сферах. И те же самые качества: преданность вождю, организаторские способности, авторитет среди партийцев — плюс неприязнь к Троцкому, делали его идеальным противовесом Льву Давидовичу. При этом Ленин мог оставаться вроде бы ни при чем, в стороне, не нарушая «джентльменских соглашений».

В сентябре 1921 г. с подачи Владимира Ильича Политбюро учредило комиссию по военным вопросам под председательством Сталина. Его, таким образом, запустили в ведомство, где ранее распоряжался только Троцкий. И Иосиф Виссарионович столкнулся с вещами просто умопомрачительными. Например, с огромнейшими заказами на винтовки, пулеметы и прочее вооружение, которые делались за границей на сотни миллионов золотых рублей. Хотя в России после Мировой и гражданской войн оружия было в избытке, его дарили туркам. Имелись и мощные отечественные оружейные заводы. То есть, после «паровозного заказа» готовились новые прикрытия для утечки за рубеж русского золота. Но едва Сталин принялся разбираться с этими делами, как он немедленно приобрел нового врага в лице... Крупской.

Кстати, эта личность в исторической литературе до сих пор не получила надлежащего освещения. Ее изображают сугубо «при» Ленине — тихой, незаметной бабушкой, вечно несчастной. В действительности Надежда Константиновна была особой далеко не простой. Есть версия, что в период эмиграции в Мюнхене она была близка к Парвусу, не исключена ее связь с орденом иллюминатов, который, напомним, нередко использовал женщин. А для оказания влияния на Ленина жена была идеальной фигурой. Мемуары Крупской выделяют откровенно русофобские взгляды. После революции она проявила себя совсем не тихоней, а деятельницей весьма активной и энергичной, помогая в Наркомпросе Луначарскому крушить русскую культуру и систему образования. Ну а как только Сталин оказался на пути Троцкого и стоявших за ним сил, последовали выпады против него.

Молоденькая жена Иосифа Виссарионовича работала одной из секретарш Ленина — и парторганизация Управделами

Совнаркома вдруг исключила ее из партии за «пассивность». Случай был неслыханным, «вычистили» супругу лидера столь высокого ранга! Те, кто организовал это, должны были чувствовать за собой очень мощную поддержку. А на других секретарей, проголосовавших за исключение, имела определяющее влияние Крупская. Но за Аллилуеву заступился Ленин и она осталась в рядах РКП(б) и в секретариате [96, т. 51]. Последовали и жалобы самой Крупской мужу. Она принялась критиковать методы работы Сталина в Агитпропе и, судя по всему, обрабатывать Владимира Ильича жена умела. Он завелся, рассердился, хотел вынести вопрос на Оргбюро. Но Иосиф Виссарионович разъяснил в письме, что «мы имеем дело либо с недоразумением, либо с легкомыслием... Т. Крупская поторопилась. Она опять поторопилась...» И Ленин, разобрался, остыл [157].

Несмотря на все интриги, доверия вождя Иосиф Виссарионович не утратил. Напротив, Ленин решает усилить его позиции. Здоровье Владимира Ильича ухудшалось, врачи рекомендовали ему отпуска, лечение. Он не мог не понимать, что ослабление его власти может привести к перехвату реального управления Троцким. Средством, чтобы противостоять этому, был выбран Секретариат ЦК — еще по опыту Свердлов Ленин знал, какие возможности дает обладание канцелярскими рычагами партии. В марте 1922 г., на XI съезде Сталина вводят в Секретариат и даже придумывают для него особый пост, которого ранее не существовало — генеральный секретарь ЦК. Документы съезда сохранились и однозначно показывают, что сделано это было при участии и личной поддержке Ленина [86, 96]. Хотя сама эта должность еще вовсе не означала правителя страны и партии. Сталин получил только часть руководителя партийной канцелярией.

ОТ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК — К СССР

В мае 1922 г. у Ленина случился первый инсульт. Его болезнь связывают с разными причинами. Указывают на склероз сосудов мозга. Некоторые источники сообщают об опу-

холи, разрушавшей мозг. Гуляет в литературе и версия сифилиса — впрочем, она опровергнута. Некоторые медицинские авторитеты предполагают, что ход болезни ускорила операция по извлечению пули, проведенная профессором Борхардтом. Но почему-то никто не увязывает случившиеся с последним делом, которое успел сотворить Ленин. С ударом по Церкви. Человеку свойственно ошибаться, заблуждаться, даже и грешить о «светлом будущем». Но ведь на Господа вождь занес руку вполне сознательно и целенаправленно.

Антирелигиозная кампания заведомо планировалась Лениным погромной и кровавой [92, 93, 158]. Она была неспровоцированной. И не оправдывалась даже с точки зрения планов построения социализма. Потому что Церковь, хоть и не благословила красных, но не благословила и белых, она выступала против братоубийства и кровопролития как таковых. В обычном, политическом плане, ее деятельность не мешала большевикам! Погром не требовался и для помощи голодающим — в распоряжении советской власти имелась изрядная часть золотого запаса, отбитого у Колчака, были ценности, награбленные в конфискациях. Нет, главная цель акции была именно богоборческой. Новым властителям требовалось переделать не только экономические и политические механизмы, но и переиначить души людей. И разве не закономерно, что в ответ на этот удар случился удар у Ленина? Что Господь воочию показал, насколько ничтожен человек, как бы высоко он ни вознесся?

И это сознание своей ничтожности и беспомощности раздавило Владимира Ильича. Правда, он был слишком «просвещенным» человеком, слишком убежденным атеистом, можно даже сказать «верующим» в собственный атеизм, поэтому он обратился, конечно же, не к Господу, а наоборот, к мыслям о самоубийстве. Еще в молодости ему понравился пример супругов Лафарг, зятя и дочери Маркса: когда они сочли, что по возрасту не могут служить делу революции, то вместе, по-семейному, приняли яд. Но от такого варианта Ленин сумел отговорить Сталин. Он в данный период постоянно навещал больного, из всех лидеров партии оказался самым близким человеком для Владимира Ильича. И когда тот

обратился с просьбой достать яд, убедил подождать результатов лечения, спустил дело на тормозах.

А в советском руководстве первый инсульт не вызвал серьезных потрясений. Временно замещать болеющего Ленина уже привыкли. Вот и теперь временно подменяли. На заседаниях Совнаркома и Политбюро председательствовал Зиновьев. Работу в ЦК партии возглавил Сталин. Троцкий, кроме руководства армией, активно занимался делами экономики, фактически подмял под себя Всероссийский совет народного хозяйства (ВСНХ). Хотя возникли и противоречия. Троцкий стал требовать придать законодательные функции Госплану, а при этом Госплан и ВСНХ должен был возглавить он же. Таким образом, «хозяин» вооруженных сил одновременно стал бы экономическим диктатором. По сути — получил бы полную власть над Россией. Естественно, Сталин выступил резко против, найдя союзников среди других руководителей, опасавшихся усиления Троцкого.

Разногласия были и по другому вопросу. Бухарин и Зиновьев выступали за ослабление монополии внешней торговли — да уж какая монополия, когда в стране вовсю паслись иностранные фирмы. Троцкий возражал, поскольку существующая монополия оборачивалась его персональной. А Сталин в данном отношении колебался, занимал «центристскую» позицию, соглашаясь, что на деле ослабление монополии, наоборот, неизбежно.

Но главные споры развернулись вокруг создания Советского государства. Национальный вопрос под властью большевиков оказался чрезвычайно запутанным. Ведал им не только нарком по делам национальностей, но и национальный отдел ВЦИК. И законодательные прерогативы, права определения территориальных границ принадлежали ВЦИК. Весной 1918 г. была принята структура, при которой различные народы получали автономию в составе Российской Федерации. Как уже отмечалось, принципы этой автономии вырабатывались Сталиным. Но поскольку он всю войну разъезжал по фронтам, деятели из ВЦИК повели другую линию. Фактически поощрялся национализм в ущерб интересам русского народа. Шли интрижки с кавказскими, крымскими, башкирскими, татар-

скими, казахскими националистами. Пантюркисты признавались союзниками против белогвардейцев и «империалистов». Им, как и «революционным» горцам, отдавались значительные территории, населенные русскими людьми.

Сталину пришлось приложить значительные усилия, окорачивая «автономистов». В 1920 г. была пресечена попытка создать отдельную «мусульманскую компартию», некоторых лидеров националистов посадили. А понятие автономии было ограничено внутренним самоуправлением, административными и культурными вопросами. Но для тех республик, которые в 1917—1918 гг. успели провозгласить себя независимыми, после изгнания интервентов и белогвардейцев была из политических соображений сохранена «независимость». Причем степень их самостоятельности оказалась различной. На Украине существовали собственные наркоматы иностранных дел, военный — а в Белоруссии нет. Грузии была оставлена значительная экономическая самостоятельность, там ходили свои деньги, даже функционировали иностранные банки[157]. Была проявлена гораздо большая, чем в России, лояльность к политическим противникам, сохранялись структуры грузинских меньшевиков.

Но восстановление разрушенной экономики требовало централизации и воссоединения хозяйственного комплекса дореволюционной империи. Работа в данном направлении началась с весны 1922 г. Ленин еще до первого приступа болезни высказался за принцип федерации, и Сталин дисциплинированно действовал в этом направлении. Для начала Закавказье, где образовался настоящий клубок противоречий, шли межнациональные конфликты и межреспубликанские споры, было объединено в одну Закавказскую федеративную республику. Армения и Азербайджан согласились с таким решением, Грузия восприняла в штыки.

Руководство грузинской компартии — Мдивани, Махарадзе, Сванидзе и др. вообще противилось процессам воссоединения, претендовало на то, чтобы строить «свой», особый социализм. Другим центром сопротивления стало руководство Украины — Раковский, Петровский, Антонов-Овсеенко. Но тут в основе лежал не национализм (какой уж

национализм, если Раковский был румынским евреем). Просто местные лидеры желали властвовать сами, в свое удовольствие. В августе в Москве собралась комиссия по выработке проекта союзного государства. Сталин внес предложения об «автономизации» — республики войдут в РСФСР на правах автономных: так же, как Татария, Башкирия, Дагестан и т.д. Что было, в общем-то, справедливо по отношению ко всем народам, уравнивая их. Белоруссия, Армения, Азербайджан поддержали проект. Грузия и Украина выступили резко против. И настаивали на принципах не федерации, а конфедерации — пусть общими будут только вопросы обороны и охраны границ (то есть, пусть Россия охраняет и обороняет их), а в остальном сохранится самостоятельность.

Но в это время смог вернуться к делам Ленин, вмешавшись в разногласия. Претензии Троцкого на руководство экономикой он отверг. Однако и предложения об ослаблении монополии внешней торговли осудил. И идея «автономизации» ему не понравилась. Он писал, что ее породили «торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма»[96]. Логические доводы о необходимости восстановления единого хозяйства, о равноправии всех народов в составе государства он отменил. Для Владимира Ильича важнее было другое — планы «мировой революции». Он по-прежнему придерживался марксистского догмата, что социализм не может окончательно победить в одной стране, только в мировом масштабе. А значит, предстояло инициировать революции в других государствах. Перспектива войти в состав Российской Федерации им вряд ли понравилась бы, а в «союз равных» — почему бы и нет? Сталин в спорах, как это бывало и раньше, уступил. И победила ленинская формула — «формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии». Противоречивая, непоследовательная, но она-то и была принята на пленуме ЦК 6 октября 1922 г.

Хотя даже и этим споры не кончились. В Тифлисе решение ЦК вызвало бурные протесты. Председатель Кавбюро РКП (б) Серго Орджоникидзе за неподчинение партийной дисциплине стал снимать нарушителей с постов. Москву

засыпали жалобами на него. Добавился скандал с неким Кабахидзе, который обвинил Орджникидзе в коррупции и заработал за это по физиономии, что также было использовано для кляуз. В Тифлис была направлена комиссия под председательством Дзержинского. Никакого особого криминала не нашла, в бурную эпоху первых лет советской власти и не такое случалось. Кого там могли удивить отстранения от должности или пощечина?

Но внезапно коренным образом изменилась обстановка в советских верхах. В ночь на 16 декабря 1922 г. у Ленина грянул второй инсульт. И вот тут-то стало ясно, что восстановления здоровья не произошло, полноценным вождем ему больше не бывать. А фигур «первой величины» в большевистской верхушке на этот момент было четыре. Зиновьев — председатель Исполкома Коминтерна, председатель Северной Коммуны (Петрограда), член Политбюро. Каменев — председатель Совета труда и обороны (СТО), лидер Московской парторганизации, член Политбюро. Сталин — нарком двух наркоматов, генеральный секретарь ЦК, член Политбюро и Оргбюро. И Троцкий — наркомвоен, член президиума ВСНХ и Политбюро. Были и фигуры второго, третьего ранга: Томский, Рыков, Бухарин, Молотов, Калинин, Дзержинский, Пятаков... Но реальных кандидатов на власть оказалось двое — Сталин и Троцкий, представлявшие абсолютно разные силы, разные группировки внутри партии.

И между ними пошла борьба. Причем в первом раунде была сделана попытка использовать авторитет отсутствующего, но еще живого Ленина, формально еще числившегося вождем. Проявилось это в виде пресловутого «политического завещания». Любой врач, любой человек, сталкивавшийся со случаями тяжелого инсульта, знает его особенности. Он очень сильно влияет на психику, меняет личность. Больной легко впадает в злость и истерики, становится неадекватным, раздражительным, склонным заикливаться на каких-то «пунктиках» — и легко внушаемым. Все это мы видим и в работах так называемого «завещания». А внушать, влиять на Ленина мог только один человек — Крупская, постоянно находившаяся при нем. И квартира больного превратилась в эпицентр

жестоких интриг, в которых Владимиру Ильичу отводилась всего лишь роль инструмента в чужих руках.

18 декабря 1922 г. пленум ЦК по настоянию врачей принимает решение о строгом соблюдении режима для больного — главной нарушительницей выступала как раз Крупская [84, 157]. Персональная ответственность за выполнение этого решения пленума была возложена на Сталина. На кого же еще, как не на генерального секретаря, если требовалось контролировать высокопоставленных коммунистов? Но Надежда Константиновна постановление игнорирует, 21 декабря принимает диктовку письма для Троцкого. Сталин, узнав об этом, по телефону делает ей внушение, напоминает о партийной дисциплине. Она жалуется мужу, устраивает сцены. И с 22-го на 23-е происходит ухудшение здоровья Ленина, паралич руки и ноги.

Тем не менее не кто иной, как Крупская, настаивает перед врачами, что Ленину надо разрешить понемножку работать. Пескать, он тогда будет чувствовать себя менее ущемленным. И доктора позволяют диктовать по 10 минут в день. А следующим шагом в подковерной борьбе становится отстранение от исполнения обязанностей одной из секретарш Владимира Ильича. Отстраняется Аллилуева, жена Сталина! Она остается в составе секретариата, но для диктовок ее больше не привлекают. Отныне в квартире вождя появляются только секретарши из «команды» Крупской — Гляссер, Володичева, Фотиева и др. После чего и рождаются работы, ставшие «завещанием».

Кстати, когда именно они диктовались, в точности неизвестно. В «Журнале дежурных врачей» и «Журнале дежурных секретарей» обнаружено множество разночтений и нестыковок [157]. Не исключено, что работы кем-то редактировались — они представляют собой машинописные копии, ни-ни не заверенные, нигде не зарегистрированные, без каких-либо пометок, без подлинников стенограмм. 23—24 декабря диктована диктовка, которая позже была названа «Письмом к съезду». Тут всем досталось, Троцкому, Каменеву, Зиновьеву, Бухарину, Пятакову. А особенно Сталину.

30 декабря открывается I съезд Советов СССР, принимается Декларация об образовании СССР, подписывается союз-

ный договор. Сталин провозглашает: «Сегодняшний день является днем торжества новой России... превратившей красный флаг из знамени партийного в знамя государственное...». Но в этот же день Ленин диктует работу «К вопросу о национальностях и «автономизации». Проект «автономизации» был похоронен три месяца назад! Союз создавался на ленинских принципах, принятых в октябре 1922 г. при его участии. Однако в статье мы вдруг находим: «...Вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик!» То есть, кто-то (и ясно, кто) напел Ленину, будто в его отсутствие Сталин протащил свой старый проект! Снова всплывает и «грузинское дело», причем наряду с Орджоникидзе неизвестно почему оказываются виноватыми Сталин и Дзержинский. Статья вообще откровенно русофобская. Употребляются выражения типа «шовинистическая великорусская шваль», «грубый великорусский держиморда». Логикой и не пахнет. Ленин, прежде боровшийся с националистами, начинает с какой-то стати отстаивать национализм «малых наций» в противовес национализму «больших наций».

4 января 1923 г. следует еще одна диктовка — которую впоследствии объявят дополнением к «Письму к съезду». В ней уже прямо указывается, что Сталина надо удалить с поста генсека, потому что он «груб». Хотя и сам Ленин деликатностью никогда не отличался — можно взять даже процитированные выше фразы о «держимордах» и «швали». Насчет «грубости» Владимир Ильич просто цитирует свою супругу. А она, судя по всему, продолжала подзуживать. Ленин заикливается на «грузинском деле», раз за разом вспоминает о нем в январе, в феврале, требует материалы[96]. В квартире Ленина из секретарей и секретарш создается «комиссия», которая начинает свое расследование, невзирая на то, что вопрос был рассмотрен Политбюро. Крупская не устает напоминать мужу и о старой, декабрьской обиде на Сталина. Как вспоминала М.И. Ульянова, Надежда Константиновна устраивала дикое сцену «была не похожа на себя, рыдала, каталась по полу»[84].

Она добивается своего. 5 марта Ленин диктует две записки. Троцкому, предлагая ему взять на себя защиту «грузин-

ского дела». И Сталину, где указывает на обиду своей жены, требует извиниться и угрожает порвать отношения. Причем эту записку Крупская задерживает на два дня. Чтобы Иосиф Виссарионович не мог извиниться. Хотя Троцкому записку даже не пересылают, диктуют ее сразу же по телефону[157]. На кого работала Надежда Константиновна, очевидно — на Льва Давидовича. Понятно и то, кто должен был подыграть ей — в выпадах против Сталина она постоянно апеллирует к Каменеву и Зиновьеву. Но она перестаралась. Ленин переволновался, и 7 марта случился третий инсульт. Вождь утратил дар речи и окончательно выбыл из игры.

КОМУ ПРАВИТЬ НА РУСИ?

На календарях было 21 января 1924 г. В сумрачном, пропахшем лекарствами особняке в Горках кто-то вскрикнул. Кто-то сдавленно зарыдал. А кто-то уже накручивал рукоять телефона. И понеслась по проводам траурная весть — умер Ленин... Страна замерла в неясном тревожном ожидании. По городам и станциям люди вчитывались в страницы газет. По деревням обсуждали новости, привезенные односельчанами. На заводах, фабриках, в воинских частях и учебных заведениях собирались митинги. В Москве, несмотря на лютые морозы, десятки тысяч людей выстаивали по несколько суток для прощания с телом вождя. Обмораживались, грелись возле костров, разожженных на улицах. Кто-то втайне злорадствовал. Кто-то искренне переживал утрату. И все невольно задали — а как оно будет дальше? Раньше цари умирали, оставляя наследников. Потом были перевороты и революции. Сейчас впервые в русской истории вопрос о власти должен был решиться как-то иначе. Как?

Впрочем, к тому моменту, когда сердце Ленина перестало биться, этот вопрос в значительной мере был уже решен. Сталина Троцкий явно недооценил, оказался в плену собственного самомнения и гордыни. Мог ли с ним конкурировать какой-то серенький «ремесленник», ленинская марионетка? И чего, казалось бы, опасаться Льву Давидовичу? За ним

стояли могущественные силы «мировой закулисы». Ее эмиссары действовали в самых высших эшелонах советской власти. Получат команду, где уж удержаться Сталину?

И такая команда прошла. Весной 1923 г., накануне XII съезда партии, в «Правде» вышла статья Радека «Лев Троцкий — организатор победы». Характеристики — «великий умственный авторитет», «великий представитель русской революции... труд и дело которого будет предметом не только любви, но и науки новых поколений рабочего класса, готовящихся к завоеванию всего мира»[208]. Подобная публикация в центральном органе партии не могла выйти без благословения Бухарина. Партийцам откровенно подсказывали, чью сторону принимать. Петроград еще не стал Ленинградом, а Гатчина в 1923 г. превращается в Троцк. Ясное дело, не по инициативе Сталина. Один этот факт показывает, насколько сильны были «оборотни» в советских верхах.

В преддверии XII съезда произошел и вброс первой порции «завещания». Но не «Письма к съезду», как иногда считают, а статьи «К вопросу о национальностях и «автономизации», бичующей Сталина, Орджоникидзе, Дзержинского. Через Фотиеву она попала в Политбюро. И все же сторонники Троцкого просчитались. Впоследствии Лев Давидович утверждал, будто съезд стал его триумфом, и он со своим экономическим докладом (который считался третьим по рангу) затмил первый, политический — Зиновьева, и второй, организационный — Сталина. Документы съезда говорят обратное. Масса «серых» делегатов из вчерашних военных, рабочих, крестьян в экономических выкладках не разбиралась. Для них вопрос стоял иначе — за кем идти? А Сталин был ближе, предпочтительнее. «Бомба» со статьей тоже не сработала. Партийцы ее восприняли как анахронизм, дело прошлого. Ну а что касается обвинений в «великорусском шовинизме», то они могли придать Сталину только дополнительную популярность. Ведь на словах партийные низы были, конечно, за «интернационализм» — но неужели им на деле нравилось засилье «интернационалистов» и инородцев? XII съезд стал триумфом отнюдь не Троцкого, а Сталина.

Но если на съезде свалить его не удалось, тут же последовали новые атаки — уже иными методами, кулуарными. Внут-

ри ЦК, внутри Политбюро. Крупская неожиданно «вспомнила», что у нее имеется еще одна важная работа Ленина. Та, что потом была названа «Письмом к съезду» — хотя ее вбросили в политический обиход после съезда[157]. А в июле-августе 1923 г. был нанесен следующий удар. В период отпусков Зиновьев, его помощник Евдокимов, Бухарин, троцкист Лашевич — командующий Сибирским военным округом, собрались под видом пикника в пещере под Кисловодском. В «пещерном совещании» участвовал также Ворошилов, но открестился от решений, которые там принимались. Были приглашены, но не приехали Фрунзе и Орджоникидзе. В это время на Кавказе находился и Троцкий. На совещании его не было, но нетрудно заметить, что собравшиеся действовали в его пользу.

Были выработаны требования реорганизовать партийное руководство. Либо отобрать у Секретариата ЦК функции управления, сделать его чисто служебным органом по пересылке бумаг, либо ввести в Секретариат Троцкого и Зиновьева — нейтрализуя Сталина. Иосифу Виссарионовичу послали письмо, фактически ультиматум. И в нем впервые упоминалось «письмо о секретаре» — ленинская диктовка от 4 января, та самая, где Владимир Ильич требовал сместить Сталина с поста генсека. Теперь Иосифа Виссарионовича шантажировали этим документом. Кроме Зиновьева, Бухарина и Троцкого в заговоре наверняка участвовала Крупская — письмо могло попасть к участникам «пещерного совещания» только через нее. А Каменев в данный период оставался в Москве со Сталиным, вроде бы принял его сторону, отыскивая компромиссы. Но, учитывая его связи с Троцким и Крупской, смело можно предположить, что и он играл в заговоре свою роль. Советчик Сталина, который в нужный момент подведет...

Это был один из самых опасных моментов для власти Иосифа Виссарионовича. Он лавировал, выражал готовность идти на уступки. И схитрил. Договорились ввести Зиновьева, Троцкого, Бухарина не в Секретариат, а в Оргбюро. Формально Сталин «поделится» властью, но Оргбюро ведало не ключевыми вопросами, а всевозможной «текучкой».

Однако интриги верхушечной борьбы заслонили собой международные события. В Германии разразился жесточай-

ший экономический и политический кризис. Курс марки обвалился в тысячу раз, промышленность была парализована, заводы останавливались. Налицо была «революционная ситуация», которую ждали большевики. И Троцкий загорелся. На заседаниях Политбюро доказывал, что наступил момент «поставить на карту все» — то бишь само существование советского государства[7]. Строил планы, что нужно раздуть революцию у немцев, Англия и Франция, конечно, не будут сидеть сложа руки, двинут на Германию войска. СССР поддержит революцию, тут-то и произойдет решающее сражение.

А при этом сам Троцкий автоматически выдвигался на роль даже не российского, а уже общеевропейского вождя! Тут уж все интриги вокруг реорганизации партийных органов просто теряли смысл. Но и спорить с идеей «мировой революции» было нельзя, она оставалась краеугольным камнем марксизма-ленинизма. Политбюро проголосовало «за». В Германию направлялись колоссальные средства, поехали десятки тысяч активистов Коминтерна, агентов, инструкторов. Представители Наркомата иностранных дел вели секретные переговоры с Польшей о пропуске красных войск через ее территорию — за что ей обещали отдать Восточную Пруссию[15]. Впрочем, большевики держали «камень за пазухой». Тайно было решено, что и Польшу надо «революционизировать». В ней началась полоса терактов, стачек, забастовок. Коминтерну была дана команда начинать революцию и в Болгарии[145]. Троцкий уже видел себя новым Бонапартом. Подчиненные ему дивизии выдвигались к западным границам.

Но Сталин рисковать Советским Союзом ради призрачных «мировых» целей вовсе не желал. И тем более не желал ввязываться в европейскую драку ради амбиций и возвышения Троцкого. Однако в данном случае противником Льва Давидовича стал не только Сталин. Его действия противоречили и планам... «мировой закулисы»! Революция в Германии требовалась ей в 1918 г., чтобы выиграть войну, но не в 1923 г. Западные финансовые магнаты уже получили свое, они хотели спокойно «переваривать» плоды достигнутых успехов и грести прибыли.

Троцкий перешел дорожку своим хозяевам. И стоит ли удивляться, что в бурной деятельности по подготовке ев-

ропейского пожара вдруг пошли сплошные сбои, накладки? А Каменев, Зиновьев, Бухарин переметнулись теперь на сторону Сталина, и в решающий момент Политбюро приняло постановление, что подготовку закончить не успели, революционную ситуацию в Германии переоценили, поэтому шансов на успех нет[7]. Восстание было отменено.

Троцкого срыв таких блестящих перспектив привел в бешенство. Он обвинял Сталина и других членов Политбюро в трусости, в политических ошибках. Злость подтолкнула его к активным действиям, и он ринулся в схватку. Идейным знаменем кампании стало противопоставление «бюрократов» и «революционеров». Утверждалось, что «бюрократы» оторвались от партии, предают революцию и ведут ее к «термидору» (большевики часто употребляли сравнения с Французской революцией, а «термидор» — это ее перерождение, переворот, когда буржуазная Директория свергла и уничтожила якобинцев). И чтобы избежать этого, Троцкий требовал расширения партийной демократии. Правда, в устах Льва Давидовича, всегда проявлявшего себя крутым диктатором, призыв к «демократии» звучал абсурдно, но какая разница?

Атака развернулась в Москве и Питере, где сосредоточилось значительное количество «интернационалистов», а антибюрократические лозунги позволяли привлечь на свою сторону часть мелких партийцев, недовольных своим положением, молодежь. Троцкисты вели агитацию мощно, горлопанисто. Использовали ленинское «завещание», ходившее в списках. В общем-то натиск имел все шансы на успех, если бы... расклад в «верхах» оставался таким же, как в августе. Однако после германской авантюры те же самые эмиссары зарубежной «акулисы», которые прежде действовали против Сталина, изменили свою позицию на 180 градусов — против Троцкого. Те же Зиновьев, Каменев, Бухарин выступили против него единым фронтом со сталинистами.

И подловили Льва Давидовича очень просто. Сделали вид, будто соглашаются с его требованиями. Демократии ждете? Пожалуйста. Была объявлена общепартийная дискуссия. Троцкий вдохновился, выпустил брошюру «Новый курс». Попался. Из его брошюры можно было дергать цитаты и

бить его же. Даже название «новый курс» можно было трактовать как иной, не ленинский. Льву Давидовичу припомнили прежние разногласия с Владимиром Ильичем, на него обрушилась вся пресса. А раз дискуссию объявили общепартийную, значит, участвовали в ней не только столицы, а провинция, где позиции Троцкого были чрезвычайно слабыми. Итоги дискуссии должна была подвести XIII партконференция, открывшаяся 16 января 1924 г. Но задолго до ее начала стало ясно, что Лев Давидович проиграл. И на конференцию он предпочел не явиться, сослался на болезнь. А его сторонников разгромили подчистую, заклеив троецкизм как «ревизионизм» и «антиленинский уклонизм».

Ну а дальше происходит весьма загадочная история. 18 января, в день закрытия конференции, Троцкий неожиданно срывается с места и уезжает в Абхазию, якобы лечиться и отдыхать. А 21 января умирает Ленин.... Отметим, что о состоянии здоровья Владимира Ильича Троцкий не мог не знать. Его личный врач Федор Гетье входил в число докторов, обслуживающих больного вождя. 18 января, в день отъезда, Гетье дважды посетил Троцкого. А о смерти Ленина Лев Давидович узнает, доехав до Тифлиса. Однако на похороны он не возвращается, отправляет по телеграфу некролог и продолжает путь в Сухум...

Позже в своих воспоминаниях он напишет, что против него составилс^я «заговор», причем в качестве «предателей» и «заговорщиков» будет клеймить не столько Сталина, сколько... Каменева и Зиновьева (что само по себе интересно). Троцкий будет утверждать, что «заговорщики» его преднамеренно обманули, сообщили ему: «Похороны в субботу, все равно не успеете, советуем продолжать лечение». А на самом деле похороны были в воскресенье, мог бы и успеть[182]. Это откровенная ложь. Обратите внимание, Троцкий оперирует не числами, а днями недели. Потому что если взять числа, сразу видна нестыковка. От Москвы до Тифлиса он ехал с 18 до 21 января — три дня. А похороны Ленина состоялись 27-го. Даже если ему солгали и назвали 26-е, до них оставалось 5 суток! Он успевал в любом случае. Выходит, сам не захотел.

Уже в 1940 г. Троцкий выдвинул новые обвинения, опубликовал в американской газете «Либерти» статью «Сверхборд-

жиа в Кремле». Ссылаясь на Федора Гетье, писал, что Ленин быстро поправлялся, вскоре мог вернуться к делам, и тогда туго пришлось бы Сталину. Но Владимир Ильич был отравлен. А его, Троцкого, обманули насчет срока похорон, чтобы он не сумел провести расследование. Конечно, все это тоже ложь. Об улучшении здоровья Ленина нам известно лишь из одного источника, от самого Троцкого. И озвучил он свои обвинения лишь тогда, когда не было в живых Гетье, Крупской, и никого из тех лиц, на кого он ссылается, кто будто бы мог подтвердить его слова. Все данные биографической хроники Ленина, журнала врачей, воспоминания профессоров, лечивших его, показывают, что «улучшение» было весьма относительным. Ленин даже не научился говорить, мог лишь повторять слова, вспоминать их по надписям и картинкам. А с октября 1923 г. снова пошло ухудшение.

В таком состоянии Владимир Ильич не мог представлять угрозы ни для Сталина, ни для кого бы то ни было. А вот на обвинениях в насильственной смерти можно было сыграть. И такая попытка действительно имела место! Как уже отмечалось, после первого инсульта у Ленина возникла мысль о самоубийстве. Возвращался он к этой идее и в декабре, после второго приступа, просил Фотиеву достать яд. А 17 марта, после третьего инсульта, Крупская неожиданно обратилась к Сталину. Дескать, Ленин требует дать ему яд, и сделать это должен именно Иосиф Виссарионович[180]. Между прочим, по «Журналу дежурных врачей» видно, что никаких просьб 17 марта Ленин высказать не мог! Он в этот день только мычал. Значит, инициатива исходила не от него, а от самой Крупской. Но Сталин на удочку не попался. В тот же день, 17 марта, он направил записку Каменеву и Зиновьеву, а 21 марта еще одну, всему Политбюро, извещая о случившемся. Сообщал, что Крупская настаивала на том, чтобы дать Ленину яд, но он, Сталин, отказался выполнять подобное желание. И Политбюро (в том числе Троцкий) одобрило его действия[84, 180].

Могли ли Ленину «поспособствовать» уйти из жизни? Полностью исключать подобную вероятность нельзя. Но в январе 1924 г. отравление было для этого совсем не обязатель-

ным. Достаточно было очередной нервной встряски. И она, скорее всего, имела место. Почему-то исследователи не обращают внимания на еще один известный факт. 19—20 января Крупская читала мужу решения XIII партконференции[208]. Конференции, разгромившей троцкизм — а читала женщина, горячо симпатизировавшая Троцкому. Ну как тут было не выплеснуться эмоциям? Не прокомментировать по-своему?

Когда же вождя не стало, у Льва Давидовича открылись возможности для очень крупной игры. У него имелся такой козырь, как «политическое завещание». У него была армия. И действительно, она могла стать орудием переворота. Начальник политуправления Красной армии Антонов-Овсеенко развернул троцкистскую агитацию в частях, назначил на февраль партконференции в военных училищах. Прозрочно намекал, что «армия может стать гарантом единства партии» и «призовет к порядку зарвавшихся вождей». Сторону Троцкого твердо держал командующий войсками Московского округа Муралов. И доклады ГПУ свидетельствовали о брожении в училищах, частях Московского гарнизона, о разговорах насчет выступления в поддержку своего наркома. Из Смоленска прикатил в Москву командующий Западным фронтом Тухачевский. Он вел переговоры с обеими сторонами — и с противниками Льва Давидовича, и с троцкистами Антоновым-Овсеенко, Пятаковым, Радеком. Зондировал, кого выгоднее поддержать, кто больше посулит[208].

Но сам Троцкий так и не появился, оставался на Кавказе. Почему? Напрашивается версия, что он хотел остаться в стороне от переворота. Как бы ни при чем. Ведь и раньше при кровительстве зарубежных хозяев все преподносилось ему готовым, «на блюдечке». Кто-то без него даст команду. Сработают нужные пружины, а он выждет развития событий — и его «призовут на царство». Однако на этот раз никто никакой команды не дал, и даже попытки переворота не последовало.

А отсутствие Троцкого обеспечило свободу рук Сталину. Он мог действовать без помех. Прошли пышные похороны Ленина. На II съезде Советов СССР Иосиф Виссарионович принес торжественную «Клятву ученика учителю» — тем самым уже принимая на себя верховную власть. Ну а Троцко-

го Сталин и его временные союзники обезвредили очень просто. Учили, что сам он никогда не занимался вопросами практического руководства — только блистал, позировал, раздавал указания. А конкретную работу за него везли серенькие, неприметные подручные. В частности, управление войсками замыкалось на заместителя наркома Склянского. Фигура Троцкого была слишком крупной, попытка низвергнуть ее грозила серьезными проблемами. Но Сталин и не стал этого делать — сместили Склянского. Простым рабочим решением Политбюро перевели его в ВСНХ, а на его место назначили Фрунзе, популярного в армии и давно враждовавшего с Троцким. И все. Лев Давидович, сохранив пост наркома, стал «Бонапартом без армии». Сняли с должности и Антонова-Овсеенко. А Западный фронт Тухачевского расформировали — войны-то не было, и во фронтовой структуре отпала нужда.

Но во всех этих событиях прослеживается участие не только российских сил. Троцкий пал из-за того, что от него отвернулись его прежние покровители. Он слишком занесся, стал неуправляемым и опасным. Что же касается Сталина, то зарубежные могущественные «бесы» сочли его деятелем недалеким, недостаточно опытным. Был послушным орудием Ленина — а без Ленина его станет «подправлять» и регулировать окружение. В данный период «закулису» вполне устраивало и то, что Сталин был сторонником построения социализма в одной стране. Пусть строит! Пусть Россия, не угрожая спокойствию Запада, сама себя доламывает социальными экспериментами. А выгоды от этого все равно достанутся иностранцам.

ЗАПАД И АНТИСОВЕТЧИНА

В Западной Европе в 1920-е гг. жизнь бурлила. Она переживала промышленный бум. Восстанавливалось хозяйство, подорванное войной. Местные воротилы реализовывали прибыли, полученные на армейских поставках и спекуляциях. Открывались новые фирмы, банки, строились предприятия. Военные заводы перешли на выпуск мирной продукции

и заваливали рынок самыми современными по тому времени товарами — телефонами, радиоприемниками, холодильниками, автомобилями. Бум, как это бывает, порождал и кружил всевозможную «пену»: маклеров, деляг, жулье. Увеличивалось население городов. Война оторвала миллионы людей от привычных занятий, и далеко не все могли, да и хотели, возвращаться к прежним профессиям. В центры «цивилизации», где жизнь казалась богаче и ярче, текли эмигранты — русские, итальянцы, поляки, болгары, сербы.

Европейская «закулиса», оказавшаяся главной победительницей в войне, всю перестраивала жизнь на свой вкус, для своего удобства. Менялись моды, вкусы, нравы. И не только в России, но и на Западе крушилась христианская мораль. Разве что не силовыми методами. Широко пропагандировалось, что надо вознаградить себя за перенесенные лишения, страхи, «затягивание поясов». Что если уж уцелели в войне, надо пользоваться всеми доступными благами. Веселись, пока живется. Европа расцвела огнями реклам, увеселительных заведений и злачных мест на любой вкус и достаток. А средства массовой информации поддерживали соответствующий настрой, возводили удовольствия в главный смысл существования.

Если раньше «свободная любовь» процветала, но все же считалась делом неприличным, солидные обыватели смотрели на нее косо — то теперь она становилась нормой. Тем более, что миллионы мужчин погибли или были покалечены, женщин хватало в «избытке». Раньше только во Франции канканировали полутолые девицы, и это считалось очень «смелым», необычным, местной достопримечательностью. Теперь эротические клубы, театрики, варьете открывались в разных городах и странах, тешили публику косяками обнаженных тел, а в закрытых заведениях любители могли получить самые острые «изыски». Остатки христианской нравственности захлестывали и растворяли фрейдизм, экзистенциализм, неоязычество, антропософия и прочие «модные» теории. Классическую музыку забивал гром новых ритмов. На живопись и скульптуру обрушилась волна абстракции. Литература полезла в темные «глубины подсознания».

Сместились и прежние политические ориентиры. Франция все еще цеплялась за роль мирового «культурного» центра, европейского политического лидера. Хотя позиции ее значительно ослабли, ей все чаще приходилось пристраиваться в фарватере Англии. До войны основой французских международных игр был альянс с Россией. Теперь столь мощного партнера не было. И чтобы компенсировать это, Париж стал создавать «Малую Антанту» — взял под покровительство Польшу, Чехословакию, Румынию, которых, как считалось, можно использовать и против Советского Союза, и против Германии.

Разбогатели и расцвели страны, сохранявшие в войне нейтралитет: Голландия, Дания, Швеция, Швейцария. А Италия надорвалась. Коррупция власти, злоупотребления, экономические кризисы, разгул криминальных группировок привели к фашистской революции Муссолини, и он на первых порах довольно деятельно взялся наводить порядок. Англия в начале XX в. была главной конкуренткой и соперницей России — сейчас наша страна для нее опасности не представляла, и Британия громче всех выступала за расширение экономических и торговых связей с СССР. Потенциальной соперницей в Лондоне видели Францию — она по-прежнему считалась стратегической союзницей, но ее усиления англичане не желали и втайне играли против нее. Пусть и дальше остается «в хвосте» британской политики.

Ну а для Советского Союза главным стратегическим партнером стала Германия. Для немцев налаживание отношений с русскими было выходом из политической и экономической изоляции, в которой они очутились после поражения. Победители держали Германию на положении государства «второго сорта», стремились унижить на каждой международной конференции. Франция, понесшая наибольшие потери, насаждала и давила на Берлин, выжимая огромные репарации. Когда кризис 1923 г. помешал немцам платить их, французы попытались в счет долга отобрать Саар и Рур, оккупировав их своими войсками. Аннексировать их помешали только англичане. Чувствуя заступничество Парижа, нагнали на немцев слухи, предъявляя к Германии претензии.

И немцы опасались, что западные державы могут в один прекрасный момент попросту разделить их страну, как позже разделили Чехословакию. А демилитаризация Германии, сокращение ее вооруженных сил делали ее беззащитной даже против Польши. Советский Союз в подобной ситуации выглядел естественным союзником. Но и для пребывающей в разлуке России сотрудничество с Берлином выглядело выгодным. Контакты установились и экономические, и торговые, и военные. В 1922 г. был заключен Раппальский договор, восстановивший в полном объеме дипломатические связи. Причем нелишне отметить, что германским послом в Москве стал граф Брокдорф-Ранцау, который во время войны являлся послом в Дании — и курировал созданный в Копенгагене главный штаб Парвуса по подрывной работе против России, распределял финансы для революционеров, в том числе большевиков.

СССР помогал немцам обойти ограничения Версала. В Москве открылось неофициальное представительство германского рейхсвера, фирма ВИКО («Виртшафсконтор» — «Экономическая контора»). На советской территории были созданы совместные центры по обучению личного состава и испытаниям боевой техники — авиационный в Липецке, для танковых войск под Казанью, для химических войск под Саратовом. Германских офицеров принимали в советские училища и академии, проводились консультации командования Красной армии и рейхсвера, русские и немцы приглашали друг друга на маневры, учения.

С фирмой «Юнкерс» было заключено соглашение о создании авиазаводов в Филях и Харькове, они должны были стать совместными, в них участвовало и правительство Германии, вложившее 600 млн. марок. Велись переговоры о создании в России других военных предприятий — с германской фирмой «Альбатрос», промышленниками Бломом и Фоссом и др. С Круппом договаривались о совместном строительстве завода боеприпасов[57].

Впрочем, столь тесная «дружба» объяснялась не только совпадением интересов Германии и Советского Союза. Она совпадала и с интересами американской «закулисы». Бизнесмены США всячески внедрялись с советскую экономику и

рынок, не желая проникновения в эти сферы британских и французских конкурентов. Помогли Москве выгнать и японцев — в 1922 г. на Вашингтонской конференции США, привлекая в союзники англичан, надели на Токио, добившись решения о выводе японских войск с Дальнего Востока. Но униженную и разгромленную Германию американцы не считали серьезной соперницей. Наоборот, она представлялась хорошим противовесом Британии и Франции. Вот и пусть Москва лучше сближается не с ними, а с Берлином.

Что же касается русских эмигрантов, то их положение в «веселой» Европе оставалось совсем не веселым. Бедствовали, устраивались на черных работах. Тем не менее противники большевиков не сложили оружия. Пытались продолжать борьбу хотя бы партизанскими, подпольными, террористическими методами. Но реальные ее успехи были практически нулевыми. Врангелевцы, Братство русской правды и другие организации засылали в Советский Союз группы офицеров, однако их сразу же вылавливали чекисты, уничтожали красноармейцы. А на большее возможностей у белогвардейцев не хватало.

В мае 1923 г. в Швейцарии сотрудниками Российского Красного Креста Конради и Полуниным был убит дипломат В.В. Воровский. Террористы выступали как одиночки, хотя на самом деле за ними стояли группировка А.И. Гучкова. Главной целью было устроить сенсационный судебный процесс, к делу подключили прекрасных адвокатов во главе с Т. Обером. И защита превратилась в обвинение большевиков. В ходе заседаний были представлены многочисленные свидетельства и документальные доказательства зверств и преступлений во время гражданской войны. (На основе этих доказательств появилась знаменитая работа С.П. Мельгунова «Красный террор в России» [105], книга Н.Д. Жевахова [58], ряд публикаций в прессе). Обвиняемые были с триумфом оправданы. Но толку было немного. Процесс Конради и Полунина стал не более чем однодневной сенсацией. После чего зарубежная пресса постаралась «затереть» информацию, переключив внимание читателей на другие темы. А западные правительства предпочли «не обращать внимания» на материалы процесса.

И все же у антисоветских эмигрантских организаций находились спонсоры, покровители. Но здесь можно выделить четкую закономерность. Всевозможные «левые» и «демократические» группировки получали помощь гораздо легче (а финансирование щедрее), чем монархисты и патриоты, а сепаратисты и националисты — чем сторонники «единой и неделимой». И причина в общем-то понятна. Запад оставался врагом России. Не «красной», не «белой», а России как таковой. Он признал Советское правительство, торговал с ним, однако вовсе не стал другом большевиков. Их всего лишь использовали для разрушения нашей державы, для откатки ее богатств. А если при этом возникала возможность добавить Советскому правительству дополнительные трудности, внести дестабилизацию, почему бы и нет? Но без масштабной гражданской войны, в которой большевики могут пасть, без образования фронтов, которые помешают иностранным державам торговать и получать концессии — а в «тлеющем» режиме.

И если Врангелю ставили палки в колеса, а монархические организации владели жалким существованием, то Керенские, Милюковы, Гучковы и прочие деятели, поучаствовавшие в развале Российской империи, подобных трудностей избегали. Их приглашали на преподавательскую работу, давали хорошо оплачиваемые должности в зарубежных общественных организациях. Их газеты и журналы выходили более солидными тиражами, чем монархические и белогвардейские, могли платить авторам гонорары, сотрудники редакций получали оклады, вполне достаточные для жизни.

Действенную помощь получил масон Б.В. Савинков. При чем главным его покровителем стал Сидней Рейли. Этот шпион и бизнесмен «одной рукой» проворачивал тайные сделки с Москвой, служил для Троцкого и Вениамина Свердлова маклером по перепродаже русских ценностей, а «другой рукой» взялся организовывать подрывную работу против Советской России. Рейли вел переговоры в Англии и Америке, доставая деньги, обеспечил Савинкову связи с военным министерством Польши, с советником президента Чехословакии Масарика доктором Крамаржем, установил контакты с Черчиллем, Муссолини. «Народный Союз Защиты Родины и Свободы»

(НСЗРиС), созданный Савинковым, по своим программным установкам вполне устраивал западные державы, поскольку провозглашал борьбу за «третью, новую Россию» и заведомо ориентировался на «инострannую помощь».

Поддержку получил и масон Н.В. Чайковский, организовавший свой «Центр действия». А еще один масон, Гучков, после процесса над Конради и Полунинным создал вместе с адвокатом Обером «Лигу борьбы с Третьим Интернационалом» (или «Лигу Обера»). В нее вошли многие политические деятели, секции «Лиги» образовались в 17 странах, проводились международные конференции. Очень активную деятельность вели меньшевики и отколовшаяся от эсеров группировка «Крестьянская Россия», позже провозгласившая себя Трудовой крестьянской партией (ТКП). И, опять же, лидеры этих организаций оказывались связаны с масонством. Эмигрируя из Советской России, они оставили там свои подпольные центры, имели большое влияние на «спецов» — интеллигенцию, пошедшую на службу большевикам.

Естественно, такая работа была невозможной без содействия иностранных спецслужб. Неужели польские, румынские или финские жандармы могли не заметить курьеров, связных, пересекающих границу? Неужели трудно было обнаружить базы, через которые поддерживалась связь? Но никакого противодействия не оказывалось. И ясное дело, за подобное сотрудничество требовалось расплачиваться добытыми разведданными или иными способами... С территории Польши и Румынии действовали и украинские сепаратисты Тютюнника, Коновальца. А покровительницей Польши и Румынии была Франция. Стоило ей нажать на правительства этих стран, и они спорить не стали бы и антисоветскую деятельность пресекли бы. Но нет, Франция не нажимала.

Участвовала в этой деятельности и Англия. Она не оставила без внимания Среднюю Азию, «подкармливая» деньгами оружием басмачей. Британцы взяли под покровительство и армянских дашнаков, азербайджанских мусаватистов. Дашнаки также поддерживались из Америки через армянскую диаспору. Отметим, что и Польша приняла горячее «участие» в делах кавказских националистов — хотя ее столь отдален-

ный и не связанный с ней регион, казалось бы, ну никак не мог интересоваться. Поляки финансировали грузинских меньшевиков, дашнаков, мусаватистов, северокавказский «горский комитет». Создали течение «прометеизма» — некоего обобщенного антироссийского сепаратизма, получившего название по журналу «Прометей». Он выходил в Польше, на польские деньги, а сотрудничали в нем украинцы, азербайджанцы, татары. Впрочем, о «польских деньгах» здесь можно говорить только условно. Так же, как о «германском золоте» для большевиков. Понятное дело, что поляки выступали лишь прикрытием для операций более могущественных держав.

И вторгались через границу отряды савинковцев, тютюниковцев, кавказцев, басмачей. Засылалась в Советский Союз литература, агентура, создававшая обширные подпольные структуры в разных городах. Результаты такой борьбы были сомнительными. Антисоветским отрядам приходилось избегать столкновений с крупными силами красных. Рейдировали по деревням — там убьют несколько красноармейцев или милиционеров, там разгромят сельсовет. Массовой народной поддержки эти налеты не получали. Народ устал от бесконечной войны, желал жить спокойно. «Гостям» из-за рубежа требовалось самим снабжать себя, что выливалось в грабежи...

Ну а подпольные антисоветские организации оказались недолговечными. В распоряжении большевиков имела огромная карательная машина, широкие сети осведомителей. А бывшие офицеры, чиновники, интеллигенты, вовлеченные в эту деятельность, были неопытными и никудышными конспираторами. К ней подключались и всякого рода авантюристы, сомнительные и случайные элементы, которые изменяли, перекупались, перевербовывались под угрозой смерти. В 1921—1925 гг. чекистами были раскрыты многочисленные отделения НСЗРиС в России, Белоруссии, на Украине, подполье анархистов, эсеров, «Центра действия», «Всеукраинского повстанческого комитета» Тютюнника и Петлюры[42]. Тысячи арестованных подпольщиков, их родственников, знакомых, захваченных под гребенку случайных лиц отправлялись на расстрелы, в тюрьмы, лагеря. А после налетов антисоветских отрядов из-за рубежа следовали карательные экспеди-

ции красных — с казнями, обысками, выявлением «сочувствующих» и «пособников».

Но какое дело было до этого зарубежным кругам, подпавшим антисоветскую борьбу? Ведь кровь лилась русская. И лилась она руками русских. Поддерживался раскол народа, провоцировался террор, нагнеталось озлобление, дополнялись взаимные счеты. В общем, точно так же, как на Российскую империю нацеливалась с Запада «советчина», так на Советскую Россию пошла «антисоветчина». Опять с Запада! И инициировалась она теми же самыми силами «мировой закулисы», которые прежде делали ставку на «советчину». Идеологический знак сменился на противоположный, но дело-то было совершенно не в этом. Главная цель осталась прежней. Расшатывание и ослабление России.

«ВЕСЕЛЫЙ» НЭП

В 1920-х «весело» выглядела не только Европа. Расцвет нэпа в России тоже принято изображать бурным, сочным, радужным. В городах открывались рестораны, кафе. Зазывали публику смелыми постановками театры. С посвистом мчались извозчики-лихачи, развозя «с ветерком» респектабельную публику. Важно фырчали моторами автомобили, перемещающая по улицам публику еще более значимую. Гремели оркестрики и модные джазы. Томно дымили папиросками в длинных мундштуках и закатывали глаза женщины-вамп в мехах и немыслимых шляпках. А вокруг них увивались бойкие мужчины в канотье... И труды демократических авторов изображают «благословенный» нэп золотым периодом советской истории. Дескать, стоило только допустить свободу предпринимательства, как в народе сразу выдвинулись деловые люди — нэпманы, которые накормили страну, вывели ее из разлухи, подняли общее благосостояние.

К действительности подобные утверждения никакого отношения не имеют. Промышленность восстанавливалась не нэпманами, а государством, и дело шло очень туго. К 1924 г. уровень производства достиг только 39% по отношению к

уровню 1913 г. (а в 1916 г. он был еще выше, чем в 1913 г.). Да и эти цифры, вероятно, подтасовывались для отчетности. Оборудование заводов и фабрик морально устарело, было изношено и запущено. Восстанавливалось то, что можно было запустить побыстрее и с минимальными затратами. Или отрапортовать побыстрее. Ради выпуска хоть какой-то продукции упрощались технологии, и производились товары низкого качества. Но и их не хватало. Чекист Агабеков в своих мемуарах пишет о традиции, существовавшей в *центральной аппарате ОГПУ* — сотрудники, направляемые за границу, раздаривали или продавали сослуживцам часы, костюмы, ручки и т.п., поскольку за рубежом могли купить все это за просто, а в СССР достать было нигде[2].

Чтобы предприятия приносили хоть какую-то прибыль, зарплата рабочих оставалась крайне низкой, жили впроголодь. Но и это почиталось за счастье, поскольку в стране царила безработица. Подавляющее большинство городского населения обитало в трущобах коммуналок. Нелегко доводилось и крестьянам. Сельхозналог, заменивший продразверстку, был весьма высоким. А то, что оставалось после его сдачи, — куда было девать? Самому везти на базар и продавать? Это могли не все. Купить сельскохозяйственную технику было нигде. Да и кто мог бы себе это позволить? Деревенская община начала разрушаться еще при Столыпине, революция довершила данный процесс. Крестьяне в поте лица ковырялись на клочках поделенной земли с лошадежкой, с примитивной сохой.

Ну а нэпманы богатели вовсе не на производстве, а на посредничестве. Скупали и перепродавали продукцию промышленных предприятий — что вело к бешеному росту цен. Скупали и перепродавали сельхозпродукцию. И в лавках, магазинах было все. Но не всем по карману. В деревне выделились «кулаки». Не прежние, а новые «кулаки», прежних разорила и извела революция. Это тоже был сорт нэпманов, скупавших по дешевке у односельчан «излишки» их продукции и сбывавших городским нэпманам. И крестьяне, даже трудясь на своей земле, попадали в зависимость от местных «предпринимателей».

Еще одним источником обогащения являлись всевозможные махинации. Например, мелкие предприятия слава-

лись в аренду частникам якобы для возрождения промышленности. Но какой частник стал бы арендовать убыточные предприятия? Брали то, что и без них хорошо работало. Или брали для того, чтобы получить кредиты под восстановление и реконструкцию. И нэп знаменовался разгулом жулья и коррупции. Или арендованные предприятия становились «крышами», чтобы под их прикрытием спекулировать сырьем, продукцией государственных предприятий. Нарождающееся законодательство было донельзя запутанным, ушлый человек мог отыскать нужные ему лазейки. Советские чиновники легко покупались взятками. Регистрировались фиктивные предприятия, брались и исчезали в неизвестных направлениях авансы и кредиты.

Сверкающие огнями рестораны обслуживали вовсе не большинство населения, а нуворишей. При тех же нуворишах могла сытно жить обслуживающая их интеллигенция — квалифицированные врачи, юристы. При них кормилась и «бюгма» — поэты, артисты, дорогие шлюхи. Вот эта мутная нация как раз и создавала иллюзию яркой и веселой жизни. Хотя за ней, как за мишурным занавесом, лежали нищета и отсталость. Отсталость, которой не было в России царской, но в которую страна была отброшена гражданской войной, разрушительными социальными и экономическими экспериментами.

По сути, нэп вел к закабалению Советского Союза зарубежным капиталом. Ленин писал: «Иностранцы уже теперь взятками скупают наших чиновников...» [96]. США, в отличие от европейских держав, не признали большевиков. Но чем требовалось какое-то формальное признание? Благодаря своим эмиссарам в советском руководстве, американцы «паслись» в России открыто и беспрепятственно. Действовали те же самые круги, те же самые лица, которые подготавливали заговор по сокрушению Российской империи. Правда, Карл Шифф умер, но связи с Москвой поддерживали его компаньоны Отто Кан, Пол и Феликс Варбурги.

Кан в 1922 г. доказывал, что коммунизм больше не угрожает Восточной и Центральной Европе. Ради расширения контактов с большевиками он выступил спонсором гастро-

лей по Америке Московского художественного театра и лично защищал артистов от обвинений газетчиков, будто они являются «агентами ГПУ». Пол Варбург стал членом Американо-Российской торговой палаты. Те же Кан и Пол Варбург подталкивали к сотрудничеству с большевиками политиков и бизнесменов других стран, убеждали их, что «закрома России будут способствовать восстановлению Европы». Ну а Феликс Варбург приезжал в Москву, установил весьма плодотворные связи с председателем Совнаркома Рыковым, лично беседовал с ним, вел переговоры даже о том, чтобы Советский Союз оплатил долги правительства Керенского. То бишь, в дополнение к золоту и ценностям, которыми большевики рассчитались за собственные долги, хотелось получить добавку.

И получали. Разворовывание страны продолжалось. Имеются сведения, что в середине 1920-х большая партия золота была вывезена для банка Моргана «Гаранти Траст». Еще одна партия ушла через банкира из Сан-Франциско Роберта Доллара и Олафа Ашберга — на 20 млн. долларов[158]. Своим приятелям Хаммерам Троцкий подарил 30-комнатный особняк в Москве, богатейшие асбестовые месторождения на Урале, обеспечивал выгоднейшие подряды. Арманд Хаммер заключил с Советским правительством 123 экономических соглашения! Впоследствии журналисты спростили у него: как стать миллиардером? Хаммер в ответ пошутил: «Надо просто дожждаться революции в России». В связях с Советским Союзом оказались задействованы и другие господа, поработавшие на силы «мировой закулисы» в период революции. Бывший адъютант полковника Хауса Кеннет Дюран возглавил представительство ТАСС в Нью-Йорке. Парвус-Гельфанд остался в Германии, но его детки пристроились в советском дипломатическом ведомстве. Как уже отмечалось, в нашу экономику внедрялись не только американцы, но и немцы. Крупну готовы были отдать в концессию крупнейшие оборонные заводы Петрограда — Путиловский и Охтинский

Само Советское государство, возникшее в 1920-е гг. на месте России, уже не было Россией. Преемственность с прежней империей перечеркивалась. Луначарский еще в сентябре 1918 г. ставил задачи перед Наркомпросом: «Преподавание

истории в направлении создания народной гордости, национального чувства и т.д. должно быть отброшено; преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для подражания, должно быть отброшено»[161]. На этом поприще подвизались партийный теоретик Н.И. Бухарин и «красный академик» М.Н. Покровский, подменяя историческую науку грязной клеветой на отечественное прошлое, выплевывая и изображая в карикатурном виде великих князей, царей, полководцев, государственных деятелей. И однозначно подразумевалось, что все это погибло, а в 1917 г. возникло нечто совершенно новое, уже не российское. Даже термины «Отечество», «патриотизм» воспринимались как ругательства и изгонялись из обихода.

Крушилась и вся российская культура. Появились РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) и прочие организации, внедрявшие вместо нее уродливый «пролеткульт». Председателем РАППа стал Леопольд Авербах, по воспоминаниям современников, «очень бойкий и нахальный юноша»[7]. Ему еще бы ему не быть нахальным, если он являлся племянником Свердлова, а помогала ему громить русскую культуру сестренка, Ида Авербах — вышедшая замуж за Ягоду. Конфликтовать с такими деятелями категорически не рекомендовалось. Например, в 1925 г. поэт Алексей Ганин с шестью товарищами были арестованы и расстреляны — у Ганина нашли рукопись, где говорилось, что неповская Россия «ныне по милости пройдох и авантюристов превратилась в колонию всех паразитов и жуликов, тайно и явно распродающих наше великое достояние...»[161]

Исключались из учебных программ и запрещались произведения Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Льва Толстого. Здесь активной помощницей Луначарского выступала Н.К. Крупская, руководившая кампаниями по изъятию из библиотек и уничтожению неугодных книг. Под началом заведующего отделом Наркомпроса Штернберга ниспровергалось русское изобразительное искусство, еще один заведомо, Мейнхольд, крушил театр, призывая «отречься от России»[53]. Иксифобия вообще становилась негласной, но, по сути, непреодолимой установкой. Даже и Есенин, написавший кощунст-

венную «Инонию», восторженно приветствовавший революцию, оказывался не ко двору. Сам Бухарин клеймил его, обвиняя в «великорусском шовинизме» — да, ностальгическое воспевание русской деревни, русской природы приравнивалось к «шовинизму». Вместо авторов и произведений, признанных ненужными и «реакционными», получали признание новые «классики». Апологет «новой живописи» Малевич, оккультист Коненков, штампуемый глупые агитки Демьян Бедный, воспевающий насилие и жестокость писатель Зазубрин, теоретики «новой литературы» Шкловский, Брик, Бабель (успевший поработать в жуткой одесской «чрезвычайке»).

А вместо отвергнутого Православия внедрялась государственная псевдорелигия, ленинизм. Конечно, официально никто не возводил Ленина в ранг божества, но по сути его учение превращалось не только в идеологию, а в разновидность неоязычества — с поклонением культу умершего предводителя. Вместо икон на стенах повисли портреты коммунистических вождей, вместо богослужений собирались митинги, вместо Священного Писания штудировались работы Ленина и Маркса. Вокруг Владимира Ильича создавался ореол непогрешимости, утверждалось, что он не ошибался никогда — даже когда ошибалась «партия». И многие простые люди, рядовые коммунисты, действительно восприняли ленинизм на уровне религии. Ведь человеку, а тем более русскому человеку, свойственно верить в Господа. Это духовная потребность, она передавалась веками из поколения в поколение. А когда по убеждению или принуждению приходилось отрекаться от Бога, та же потребность перенацеливалась на суррогаты в виде бюстов и «пророчеств» классиков марксизма-ленинизма.

И советские руководители поощряли такое восприятие. В рамках новой псевдорелигии вводились новые праздники, обряды массовых шествий, театрализованных действий, мистерий с чучелами, портретами, «красного рождества» — которое согласно инструкциям Наркомпроса, должно было сводиться «к соблюдению древних языческих обычаев и обрядов»[58]. «октябрин» вместо крестин, делались попытки заменить даже христианские имена «революционными» — появились Мараты, Гильотины, Революции, нелепые аббревиатуры из коммунистических лозунгов.

В этом патологическом государстве даже и среди руководителей высоких рангов оказывались убийцы, садисты, извращенцы. Полководцы Антонов-Овсеенко, Тухачевский, не выигравшие ни одного сражения, но «отличившиеся» массовыми казнями мирных жителей на Тамбовщине. Палач Урала и Украины Петровский, палач Дона Якир. Видных большевичек Евгению Бош, Конкордию Громову врачи признали половыми психопатками, пришлось лечить. В психушках побывали и руководитель крымской бойни Бела Кун, садист-педофил Кедров. Но оставались другие. Чекист Яковлев, расстрелявший собственного отца, дослужился до заместителя наркома иностранных дел Украины. Высокие посты занимали нимфоманка и бисексуалка Коллонтай, ее подружка Рейснер, гомосексуалист Чичерин. Впрочем, ему-то патология, возможно, помогала в дипломатической работе, ведь среди западного высшего света «голубизна» была в моде. Известно, допустим, что советский нарком иностранных дел любил по вечерам уединяться с германским послом графом Брокдорфом-Ранцау, вроде бы «поиграть на фортепиано в четыре руки»...

Разрушались мораль, институты семьи — вполне в духе теорий иллюминатов. Правда, идеи Коллонтай, что сексуальный акт должен восприниматься как «стакан воды», удовлетворял жажду и дальше пошел, все же были осуждены. Не получили развития и попытки Троцкого проводить «социализацию» женщин (имевшие место, например, на Кубани[58]). Такие вещи подрывали дисциплину и вели к откровенным безобразиям. Но пропагандировались установки Маркса и Энгельса, что семья — временное явление, при социализме оно должно «отмереть». И сама семья сводилась к формальности. «Расписаться» можно было чрезвычайно легко. Шли мимо ЗАГСа, местного Совета или другого органа власти, заглянули туда на минутку, тут же и стали мужем и женой. Однако столь же легко осуществлялись разводы. Брак расторгался в любой момент, сразу же, по заявлению хотя бы одного из супругов.

Пропагандировались аборты. Советский Союз стал первым в мире государством, легализовавшим их. Впрочем, не совсем. Аборты разрешили во Франции, но лишь в корот-

кий промежуток времени, во время «великой французской революции». За этим небольшим исключением во всех странах они влекли уголовное наказание. Но в 1920 г. большевики сняли запрет. И практика абортов распространялась все шире. Это хорошо сочеталось с внедрением идей о «свободе» женщины, о ее «равноправии» с мужчинами не только в гражданской области, но и фактически. Она должна быть «личностью», полноценным строителем социализма, должна идейно развиваться. А деторождение, получалось, мешает подобным задачам, низводит женщину до «животных» функций. Нередко к подобному решению подталкивали подчиненных женщин начальники, партийные и комсомольские руководители — дескать, дело важнее, не время из строя выбывать. Аборты становились «естественным выходом» в отвлеченных бытовых условиях бараков и коммуналок. А советские больницы широко распахивали двери для всех желающих. Избавиться от ребенка? Пожалуйста! Медицинская пропаганда разъясняла, что это весьма просто, доступно, быстро, почти безопасно.

Ширился и самый вульгарный разврат, чему способствовала сама обстановка нэпа. Разгул жуликов и скороспелых «бизнесменов», их ресторанные пиршества, кутежи с доступными певичками и танцовщицами соблазняли партийных и советских функционеров. Они-то были выше, «главнее» нэпманов. Почему было им не жить так же «красиво»? И вступали в махинации с делягами, пользовались своей властью, получая аналогичные удовольствия — за закрытыми дверями отдельных кабинетов ресторанов, превращая в тайные притоны те или иные подведомственные помещения. Такие начальники на местах чувствовали себя всемогущими. «Рука руку мыла», функционеры покрывали друг друга, с ними были связаны карательные органы. И человека, проявившего недовольство, личного врага, автора жалобы могли устранить физически. Отправить в чрезвычайку, оклеветать, и попробуй найди правду.

Вступало в жизнь и следующее поколение, молодежь. Сохранились свидетельства о жизни комсомольских организаций 1920-х, где юноши и девушки свободно «сходились» друг

с другом, вечеринки превращались в оргии — забавлялись кто с кем, секретарши комсомольских руководителей плясали го- тышом на столах. Нет, разумеется, это творилось не во всех комсомольских ячейках. Где-нибудь на заводе или в деревне молодежи было не до безобразий. Да и на какие шиши безобразничать? Требовалось вкалывать в поте лица, абы только прожить, кое-как пропитаться. «Весело» жили дети элиты, попадавшие в московские и питерские высшие учебные заведения, продвигавшиеся в системе комсомольской «номенклатуры», чтобы потом перейти в партийную. И, например, одна из современниц вспоминала, что обучение в коммунистическом университете им. Свердлова стоило ей трех абортот.

Таким образом нэп стал временной передышкой между периодами крутых «встрясок», но он не принес стране ни сытости, ни благосостояния. Не принес он и никаких «свобод». Любое инакомыслие преследовалось, даже внутри партии. Еще X съезд в 1921 г. по инициативе Ленина принял постановление «Единство партии» о недопустимости фракций. Отныне за отклонение от центральной линии, за попытку сорганизоваться, чтобы сообща отстаивать свое мнение, грозили строгие меры вплоть до исключения из РКП(б). После чего мог последовать и арест, как посадили лидеров «рабочей оппозиции» во главе со Шляпниковым. Курс государства пролаживался только узкой группой партийной верхушки, основным дозволялось лишь повиноваться.

Нэп не принес и социальной стабильности. По-своему страдали все слои населения. Даже рядовые коммунисты чувствовали себя обманутыми. Они прошли горнило войны, они победили — и теперь не имели ничего, кроме рваных шинелей и разбитых сапог. А вокруг них бесились с жиру нэпманы. И так же, как нэпманы, барствовало начальство. Невольно спрашивался вопрос: «За что боролись?» Но и в руководстве партии взгляды на нэп были неоднозначными. Основным критерием стратегии признавался ленинизм, верховным арбитром во всех спорах становился мертвый Ленин — точнее, его статьи. А они имелись в самом широком диапазоне. Допуская, желая успокоить народ, Владимир Ильич публично заявлял, что нэп «всерьез и надолго». Но он же в марте 1922 г., на

XI съезде партии, прямо указывал, что «отступление», длившееся год, закончено, и на повестку для ставилась задача — «перегруппировка сил»[96]. Соответственно, после перегруппировки предполагалась новая атака.

Выход из катастрофической экономической ситуации был один — индустриализация. Но взгляды на нее разделились. Одно крыло руководства во главе с Бухариным и Рыковым стояло за то, чтобы продолжать и углублять нэп, а индустриализацию вести плавно, постепенно. Другое — Троцкий, Зиновьев, Каменев, считало, что нэп пора сворачивать, возобновить наступление на крестьянство и штурмовать развитие индустрии. Но вдобавок увязывало данные процессы с теорией «мировой революции». Доказывалось, что технологии и оборудование для тяжелой промышленности можно получить только на Западе. За это надо платить зерном, сырьем. Но цены на мировом рынке диктует капиталистическое окружение. Стало быть, от него зависят валютные поступления, необходимые для индустриализации. И получался замкнутый круг, из которого без «мировой революции» все равно не выйти.

Хотя в этих аргументах присутствовало несколько ложных предпосылок. Во-первых, сугубая ориентация на Запад в плане получения технологий — возможность разработки их отечественными силами заведомо отбрасывалась. Во-вторых, если уж на то пошло, рыночную конъюнктуру никогда не определяет одна сторона. Владелец товара тоже вправе решать, согласен ли он отдать его по данной цене. И на самом деле «капиталистическое окружение» было очень заинтересовано в поставках советского зерна, нефти, леса и пр. Без них странам Запада в условиях промышленного бума пришлось бы туго.

Но получалось так, что игра шла «в одни ворота!» Иностранные контрагенты называли низкие цены, а советские партнеры безоговорочно их принимали. Чему удивляться, в общем-то, не стоит, если учесть, что в дипломатических и внешнеторговых ведомствах засели эмиссары тех же зарубежных транснациональных корпораций. И торговля становилась еще одной формой разграбления нашей страны, из нее делали

всего лишь сырьевой придаток Запада. Еще раз напомним уверенные слова Пола Варбурга: «Закрома России будут способствовать восстановлению Европы». Европы, но не России.

Наконец, в расчетах «левых» о возможностях добыть валюту для индустриализации не учитывались золото и другие ценности, которые продолжали широко утекать за границу под теми или иными фиктивными прикрытиями. Причем занимались этими махинациями тот же самый Троцкий со товарищи. Те же самые руководители, которые обвиняли «мировой капитал» в невыгодной для СССР конъюнктуре цен и сетовали на нехватку средств! И вот тут уж получался действительно «замкнутый круг». Но на все эти разногласия наложилась дальнейшая борьба за власть.

«ПОХОРОНИТЬ ТРОЦКИЗМ!»

В исторической литературе принято говорить о «триумvirате» Сталина — Зиновьева — Каменева, выступившем против Троцкого. С легкой руки Льва Давидовича внедрилась и версия, будто генеральный секретарь одолевал своих соперников силой бюрократического аппарата. Это не совсем правильно. В верности самого аппарата Сталину позволительно усомниться, ведь партийные кадры в свое время «наковал» Свердлов, среди них хватало выдвиженцев Троцкого, те же Зиновьев, Каменев, Бухарин. Аппараты ВСНХ, Госплана, многих наркоматов контролировали троцкисты. И «триумvirат» был понятием чисто условным. Сталин не мог не помнить, как летом 1923 г. высшие партийные лидеры сообща выступали против него. Они являлись для Иосифа Виссарионовича вовсе не соратниками, а лишь временными союзниками.

Поэтому верхушечная борьба была очень непростой. Разумеется, Сталин использовал и рычаги власти, не использовать их было бы просто глупо. Сторонников Льва Давидовича переводили «на другую работу», разбрасывали куда-нибудь в провинцию. Но применялись и другие методы. Сталин поставился увеличить число своих сторонников в партии, объявив «ленинский набор». Кстати, засевшие в советском руководстве

«интернационалисты» тоже пользовались аналогичными методами, устроив в 1921 г. «чистку» партии от «попутчиков». Объявлялось — для исключения «примазавшихся» случайных лиц, бывших меньшевиков, эсеров. Но экс-меньшевики и эсеры, такие, как Ларин, Стеклов, Блюмкин и пр., благополучно сохранили партбилеты, а повыгоняли рядовых красноармейцев, рабочих, крестьян. Теперь Сталин сделал обратный ход, в партию одним махом влилось 200 тыс. новых членов — и как раз за счет «серой» низовой массы. Нетрудно понять, что эта добавка усилила патриотическое крыло.

Наконец, Сталин применял и обычное лавирование, интриги, раскалывая соперников и не позволяя им снова сомкнуться вместе. Впрочем, такие же интриги прежде практиковал Ленин. Например, летом 1924 г. Иосиф Виссарионович устроил кулуарный «заговор» внутри большевистского руководства, образовав «руководящий коллектив», куда вошли все члены Политбюро и ряд других лидеров — кроме Троцкого. Согласовывали в своем кругу решения, после чего выносили их на рассмотрение, а Лев Давидович ставился перед фактом, оказывался в меньшинстве.

Троцкий, конечно, вскоре понял, что против него действуют сообща. Разозлился. И очередной раз подставился. Он выступил на том поприще, на котором обладал бесспорными преимуществами, — на литературном. Понадеялся на талант публициста и осенью 1924 г. выпустил книгу «Уроки Октября». В запальчивости его занесло. Хвастался напропалую своими заслугами, ставил себя в один ряд с Лениным, а то и выше. А конкурентов постарался облить грязью. Досталось и Сталину, но особенно — Зиновьеву и Каменеву. Троцкий снова ткнул их носом в «октябрьский эпизод», когда они в 1917 г. выступили против вооруженного восстания, разгласив планы большевиков в печати. Словом, оказались трусами и предателями, а уж хлесткое перо Льва Давидовича сумело сделать обвинения особенно большими и обидными.

Но Сталину только это и требовалось! Если сам он с нарочитой скромностью всегда и везде изображал себя лишь «учеником» Владимира Ильича, то претензии Троцкого вознестись выше «божества» нетрудно было преподнести чуть

ли не кошуномством[84]. И не Лев Давидович, а его противники развернули по стране дискуссию по его книге. Сыграл свою роль недавно созданный Институт марксизма-ленинизма, перелопатил труды и письма вождя, и на голову Троцкого вывернули все эпитеты, которыми награждал его Ленин в периоды партийных ссор — «иудушка», «Балалайкин» и пр. Дискуссия вылилась в кампанию под лозунгом «Похоронить троцкизм». Взгляды Льва Давидовича объявлялись антиленинскими, его предложения о сворачивании нэпа расценивались как отклонения от «линии партии».

Оскорбленные Каменев и Зиновьев рвали и метали, требовали исключить его из Политбюро, из ЦК, и вообще из партии. Однако Сталин неожиданно выступил куда более миролюбиво. Почему? Да потому что и Каменев с Зиновьевым были для него не друзьями. От них тоже предстояло избавиться, а для этого Троцкий еще мог пригодиться. И ограничились снятием Льва Давидовича с должностей председателя РВС и наркомвоенна.

И новая партийная схватка не заставила себя ждать. Она началась весной 1925 г. — в ходе дискуссий о судьбах нэпа. Ведь в данном вопросе Зиновьев и Каменев являлись фактически единомышленниками Троцкого, настаивая, что нэп пора сворачивать. Однако Сталин во всех подобных спорах выработал очень мудрую линию поведения. Предоставлял противоборствующим сторонам сцепляться друг с другом, сперва не примыкая ни к кому. И оказывался «над схваткой», в роли третейского судьи. Тем самым возвышался сам, да и партийная масса привыкала, что позиция Сталина взвешенная, выверенная, то есть самая верная. В данном вопросе он принял сторону Бухарина и Рыкова, ратовавших за углубление нэпа.

Искренне ли? Или только из желания избавиться от «соправителей»? Думается, что в этот раз то и другое совпало. Точки зрения благополучия и благосостояния народа программа Бухарина выглядела предпочтительнее — богатеют и множатся крестьянские хозяйства, увеличивается количество их продукции, развивается легкая промышленность, а все это даст средства для развития тяжелой. Вроде бы, получа-

лось достичь социализма без новых катастроф, погромных кампаний, лишений. Есть данные о том, что Иосиф Виссарионович в этот период высоко оценивал Бухарина как партийного теоретика. Сотрудник сталинского секретариата А. Балашов рассказывал Д. Волкогонову, что мнение Николая Ивановича было важно для генерального секретаря при выборе собственной позиции и часто, когда ему приносили бланки с результатами голосования членов Политбюро путем опроса, он первым делом интересовался, как проголосовал Бухарин[208].

Апрельский пленум ЦК 1925 г. принял именно эту программу. Снижались налоги с крестьян, увеличивались кредиты, разрешались аренда и использование наемного труда. Задачей партии объявлялись «подъем и восстановление всей массы крестьянских хозяйств на основе дальнейшего развертывания товарного оборота страны». Ну а «против кулачества, связанного с деревенским ростовщичеством и кабальной эксплуатацией», предполагалось использовать экономические меры борьбы. Однако данные проекты сразу же начали давать сбои.

В 1925 г., казалось, и урожай собрали богатый. В расчете на это было заложено 111 новых предприятий. Но финансовые поступления оказались гораздо ниже запланированных. Крестьянам оставляли больше продукции, но наживались на этом те же кулаки и перекупщики-нэпманы, 83% торговли в стране захватил частный сектор. Снижение налогов и хороший урожай обернулись «голодом» на промышленные товары, инфляцией. А рабочие и служащие, как бы сейчас сказали, «бюджетных» предприятий бедствовали. Попытки решить проблемы за счет экономии и повышения производительности труда, то бишь «затягивания поясов» и нажима на рабочих, вызвали целую волну забастовок. В результате все планы провалились. Начатое строительство новых предприятий пришлось замораживать, увеличивать косвенные налоги, тратить золотовалютные резервы.

И Зиновьев с Каменевым и своими сторонниками попытались воспользоваться ситуацией для атаки на власть, возникла так называемая «новая оппозиция». Но только стоит

иметь в виду, что экономическая политика являлась лишь подходящим предлогом для нападок. Через несколько лет, когда сворачивание нэпа и ускоренную индустриализацию начнет Сталин, то Троцкий и другие оппозиционеры «забудут», что и они ратовали за то же самое. Перейдут на противоположную точку зрения, абы только выступить в пику Сталину. Ну а в 1925 г. истинной подоплекой атаки были вовсе не экономические споры, а тайная идея «слабого генсека» [208]. Сталин проявил себя куда менее управляемым, чем сперва виделось бывшим «союзникам», поэтому его, обвинив в ошибках, требовалось сместить и заменить другим, который станет послушным орудием в их руках. На эту должность планировалось поставить Яна Рудзутака, Зиновьев вел с ним переговоры.

Силы оппозиции выглядели внушительными. За Зиновьевым стояла мощная Ленинградская парторганизация, точнее, ее руководство, превратившееся в настоящий «клан» из его ставленников. Каменев мутит воду в Москве, в СТО. К оппозиции примкнули нарком финансов Сокольников, зампреда РВС Лашевич. Настраивали подчиненных коммунистов против центрального руководства. Доходило до того, что на заводские собрания не пускали представителей ЦК. Самостоятельную роль в оппозиции решила вдруг играть и Крупская, выставляя себя ни больше ни меньше как «наследницей» мужа, лучше других знающей истинный смысл его работ. Действовала неумело, но весьма нахраписто и энергично. Впрочем, откровенными попытками поучать партийцев только возмутила их. После ее выступления на XIV съезде М.И. Ульяновой пришлось даже извиняться за родственницу: «Товарищи, я взяла слово не потому, что я сестра Ленина и претендую поэтому на лучшее понимание и толкование ленинизма, чем все другие члены партии, я думаю, что такой монополии на лучшее понимание ленинизма родственниками Ленина не существует и не должно существовать...» [84]

Но Рудзутака Сталин легко перекупил — постами члена политбюро и заместителя председателя Совнаркома. А Троцкий был все еще обижен на Зиновьева с Каменевым и их не поддержал (не без расчета — он надеялся, что его тоже за-

хотят перекупить, и он потребует пост председателя ВСНХ). Ну а деятельность оппозиции четко попала под обвинение во «фракционности», нарушали постановление XI съезда «Единство партии». Зиновьевцы оперировали антикрестьянскими цитатами Ленина — им ответили массой других цитат, где Владимир Ильича выступал за союз рабочего класса и крестьянства. И в декабре 1925 г. на XIV съезде партии «новую оппозицию» разгромили, осудив как «левый уклон» и обвинив в «раскольничестве». Правда, наказания и в этом случае были мягкими. Каменева понизили из членов Политбюро в кандидаты. Зиновьева переизбрали с поста руководителя питерской парторганизации, заменили Кировым.

Нет, Сталин был еще не настолько силен, чтобы одним махом избавиться от своих противников. Несмотря на поражения, они оставались видными партийными и государственными лидерами, сохраняли значительное влияние. Они контролировали многие важнейшие структуры управления, и партийный раскол грозил очень серьезными потрясениями. Поэтому Иосиф Виссарионович действовал осторожно. Предоставлял оппозиционерам возможность самим дискредитировать себя. После каждого раунда борьбы они скатывались всего лишь на какую-нибудь одну ступенечку в советской иерархии. Но скатывались неуклонно, все ниже. И при этом постепенно теряли авторитет, утрачивали сторонников. От них отходили те, кто ошибся, отходили карьеристы, перекидываясь на сторону победителей.

После разгрома на XIV съезде «левые» отнюдь не успокоились. Тем более что экономическая ситуация в стране оставалась тупиковой, в народе усиливалось недовольство. Например, в 1926 г. количество забастовок возросло до 337 (против 196 в 1925 г.) Причем теперь к зиновьевцам примкнул и Троцкий. Он наконец-то понял, что остался с носом, что поражение «новой оппозиции» вовсе не обернулось выигрышем для него. Начались переговоры между обеими группировками, лидеры признали взаимные «ошибки» — когда хаяли друг друга. И возникла «объединенная оппозиция». Заключались союзы с любыми инакомыслящими — с остатками «рабочей оппозиции» Медведева, с группой «демократического центра-

лизма» Сапронова и Смирнова, которая проповедовала вообще возврат к анархии 1917 г. — чтобы рабочие сами избирали и контролировали директоров и прочих начальников.

И оппозиция взялась действовать уже по сути «дооктябрьскими» методами. Устраивались самочинные митинги на заводах. Для выступления Лашевича московских партийцев пригласили на сходку в лесу. Велось размножение и рассылка оппозиционных материалов — их появление отслеживалось в Брянске, Саратове, Владимире, Пятигорске, Гомеле, Одессе, Омске, Харькове. Зиновьев вовсю пользовался аппаратом Коминтерна — его сотрудники разъезжали по стране, организуя сторонников. Троцкий на митингах подогревал недовольство рабочих, соблазняя их своей «хозяйственной программой»: «На полмиллиарда сократить расходы за счет бюрократизма. Взять за ребра кулака, нэпмана — получим еще полмиллиарда. Один миллиард выиграем, поделим между промышленностью и зарплатой».

Это была чистейшей воды демагогия. Бюрократический аппарат в СССР и впрямь был огромным, в 10 раз больше, чем в царской России. Но он и не мог быть меньше. До революции он дополнялся земскими структурами, частными управлениями предприятий. И к тому же сказывался слом православной и патриотической морали — в советские времена над каждым чиновником требовалось ставить контролеров, и контролеров над контролерами. Сокращение аппарата грозило экономике не выигрышем, а хаосом. Да и сам Лев Давидович «забывал», что живет вовсе не так, как рабочие, которых он провоцировал, — ни в чем себе не отказывая, в роскоши, по несколько раз в год выезжая отдохнуть в Крым, на Кавказ, за границу. Но какая разница? Главное было — раздуть бучу.

Троцкисты раз за разом пытались сыграть и на «политическом завещании» Ленина. Этот вопрос поднимался еще в 1924 г. на XIII съезде партии. А летом 1926 г. на пленуме ЦК о нем вспомнили снова, потребовали от Сталина зачитать его. Что ж, Иосиф Виссарионович соглашался. Вопреки легендам, он «завещания» не скрывал. Но использовал его против своих же противников. Обвинения в «грубости» не выглядели таки-

ми уж серьезными для партийных работников времен гражданской войны. А вот определение в адрес Троцкого, «меньшевизм», звучало убийственно. Ленин, правда, отмечал, что его нельзя ставить в вину Льву Давидовичу, но Сталин делал на нем акцент — и попробуй-ка, оправдайся! [157]

Иосиф Виссарионович снова сумел внести раскол среди своих противников. Зиновьева заставили присоединиться к осуждению «рабочей оппозиции» — поскольку ее еще при Ленине заклеили как «меньшевистский уклон». Удалось вывести из игры и Крупскую. Известно, что Сталин напомнил ей: «Мы еще посмотрим, какая вы жена Ленина». Правда, трактуют его слова по-разному. Автор исследований на данную тему Ю.М. Лопухин предположил, что Иосиф Виссарионович намекнул «на старую дружбу с И.Ф. Арманд» [84]. А в дальнейшем тиражировании скандальных версий эта фраза была еще и искажена: «Мы еще посмотрим, кого сделать женой Ленина». С выводом, что Сталин шантажировал несчастную старушку, грозя переиначить истину и «сделать» супругой Владимира Ильича его любовницу.

Однако с такой интерпретацией согласиться нельзя. Сталин еще не был настолько всемогущим, чтобы переписывать историю. Какое там, если он не был в состоянии даже заткнуть рот оппонентам? И если внимательно прочесть эту фразу, можно отметить — слово «какая» предполагает качества *жены*, а не измены мужа. С куда большей вероятностью Сталин намекнул на ту роль, которую играла Крупская в период болезни Ленина — обеспечивая влияние троцкистов, игнорируя предписания врачей и постановления ЦК, усугубляя его состояние истериками. И на попытку отравить мужа в марте 1923 г. Это, разумеется, только предположение, но в любом случае, намек оказался для Крупской предельно ясен. Она знала, что имеет в виду Сталин, и это было настолько серьезно, что она испугалась. Так испугалась, что публично отреклась от соратников.

Еще одним методом борьбы стали удары по «пешкам». Мелких сторонников оппозиции стали снимать с должностей, выгонять из партии. Тут же забеспокоились другие функционеры, поддержавшие было Зиновьева и Троцкого. Свое благо-

получие было дороже — и они начали перетекать на сторону власти. А главным стало то, что рабочая масса противников Сталина не поддержала. Да, она не прочь была посвистеть на митингах, пофрондировать, излить собственное недовольство. Но лидеры оппозиции ни малейшей симпатии у нее не вызывали. Все помнили, сколько крови пролил Троцкий, насаждая дисциплину расстрелами красноармейцев, железнодорожников, рабочих. Зиновьева, устроившего из Питера персональную вотчину, заняв все «теплые» места собственными родственниками, земляками, приятелями, в «северной столице» ненавидели.

Оппозиция «повисла в воздухе», не имея реальной опоры, в октябре 1926 г. на пленуме ЦК и в ноябре на XV партконференции ее разнесли в пух и прах. Опять были выдвинуты обвинения в нарушении партийной дисциплины, фракционности. Зиновьев, Каменев и их сторонники вынуждены были униженно каяться, признавать свои грехи перед партией. Наказания очередной раз были умеренными. Троцкого и Каменева вывели из Политбюро, Зиновьева сняли с поста председателя исполкома Коминтерна. В общем, каждого — еще на ступенечку. Но их политический вес был подорван. Отныне они превратились в «битые» фигуры.

КАК РОДИЛСЯ ГУЛАГ

Нэп вовсе не означал прекращения террора. Расстреливали участников подпольных антисоветских структур. Расстреливали зачинщиков забастовок — а в связи с плохими условиями жизни волнения случались довольно часто. Но все же масштабы репрессий начали снижаться. Хотя сперва причина была не политической, а, можно сказать, «экономической». Проект «трудовых армий», которые работали бы задарма, поставляя дешевые товары для перепродажи иностранцам, провалился. Зато имелись контингенты заключенных. С 1921 г. Госплан и ВСНХ стали требовать перевода мест лишения свободы на «самоокупаемость», использовать труд осужденных. Но и это оказалось проблематично. Где ж его было

использовать при развале хозяйства и безработице? Исключение составили только Северные лагеря особого назначения. Тут был лес, валютный товар. А рядом — Архангельский порт. И с мая 1922 г. поголовные расстрелы в этих лагерях прекратились, заключенных было велено нацелить на лесозаготовки. В том же году было принято постановление о ликвидации концлагерей, существовавших во всех губерниях. Тех, кто в них содержался, отправляли в Северные лагеря.

Впрочем, для большинства из них это означало дорогу на тот свет. Команды палачей, подобранные на Севере, продолжали относиться к заключенным, как к смертникам, — только сперва требовалось выжать из них силы, чтоб «добро не пропадало». Работа устанавливалась по 14 часов в сутки, с потолка задавались «уроки», за невыполнение наказывали. Свиристествовали эпидемии. Заключенные прибывали без теплой одежды, навыков в лесоповале не имели. Обмораживались, погибали. Ослабевших, покалеченных без всякого сожаления пристреливали. Людей разделяли на десятки, за провинность одного наказывали всех. Для штрафников применялись суровые кары — порки, «темный карцер», «холодная башня», замораживание. В Архангельском лагере забивали насмерть палками, в Холмогорах ставили «на комар» — обнаженного человека привязывали к столбу и оставляли на расправу кровососущим насекомым. Третий лагерь, в Пертоминске, даже по отношению к двум другим считался «штрафным». Тут заключенных держали в кельях старого монастыря, которые не отапливались и нар не имели. Кормили лишь сухой рыбой, предоставляя пользоваться снегом вместо воды. И те, кто попадал сюда, быстро вымирали...

Следующие изменения в репрессивной системе начались в 1923 г., когда к власти, пока еще во «временном» качестве, пришел Сталин. Взявшись наводить порядок в разболтавшихся и действующих кто во что горазд советских структурах, он обратил внимание и на органы ГПУ. Причем его деятельным помощником стал Дзержинский, который тоже был очень даже не против навести порядок в своем ведомстве — разросшаяся карательная машина, находившаяся в двойном и тройном подчинении Москвы, республиканских пра-

вительств, Советов, исполкомов, на деле стала бесконтрольной. Чекистские начальники различного ранга распоясались, вошли во вкус безнаказанности.

И когда для проверки «органов» была создана комиссия ВЦИК, она выявила 826 только «самочинных» расстрелов — то есть вообще ничем не оправданных, не подкрепленных даже подобием вины. Обнаружились многочисленные злоупотребления, коррупция. Хотя, конечно, никакая комиссия не смогла бы вскрыть всех преступлений, но даже то, что удалось копнуть, производило жуткое впечатление. Ревизия пожаловала и в Северные лагеря, где были вскрыты вопиющие безобразия. Персонал лагерей в здешней глуши вообще обнаглед. Устраивал пьянки в трактирах с пальбой, битьем стекол, изнасилованиями. Надзиратели имели целые гаремы из осужденных женщин — ими менялись, разыгрывали в карты, использовали в оргиях и садистских забавах. Процветали хищения, спекуляция.

Последовали перетряски руководства, многие загремели под суд. А сами лагеря было решено закрыть и перенести в более подходящее место. Для этого выбрали Соловецкий архипелаг, где имелись готовые монастырские помещения, остатки прежнего хозяйства, а природные условия затрудняли возможности побега. В июле 1923 г. в Северных лагерях оказалось в наличии около 2 тысяч человек. Всего 2 тысячи уцелело из потоков заключенных, свозившихся сюда три года со всей страны... Их и переправили на Соловки.

В 1923—1924 гг. последовали новые чистки в ОГПУ. Связаны они были с развернувшейся борьбой между Сталиным и Троцким. Для Иосифа Виссарионовича засилье сторонников конкурента в спецслужбах было никак не желательно, а большинство палачей эпохи «красного террора» оказалось убежденными троцкистами. Ведь именно Лев Давидович и его присные, громя Россию, дали им власть над людьми, подарили возможность убивать, унижать, грабить, удовлетворять самые дикие наклонности. Именно себя они считали подлинными «революционерами» — а «бюрократы» были только помехой, угрозой для продолжения уже привычной жизни. За троцкизм еще не снимали с должностей и не сажали. Но это

го и не требовалось. По чекистским структурам покатались новые ревизии. А у швали, заполонившей эти структуры, всегда можно было найти преступления или злоупотребления.

Прошла целая серия судебных процессов над сотрудниками ОГПУ и трибуналов, кое-кого расстреляли, многих увольняли. И, по общим впечатлениям современников, где-то с 1924 г. «традиционный» образ чекиста значительно изменился. Вместо грубых «мясников», садистов и пьяных разухабистых убийц структуры ОГПУ стали пополнять «интеллектуалы» из недоучившихся студентов, бывших юристов, партийных чиновников, армейских комиссаров[105]. Но, тем не менее, кардинального перерождения спецслужб не произошло. Этого не смогли осуществить ни Сталин, ни Дзержинский. Генеральный секретарь ЦК, давая распоряжения о чистках, удовлетворялся достигнутыми результатами — столько-то преступников, окопавшихся в «органах» уличено, уволено, отдано под суд. Значит, должно стать получше. А Дзержинскому было просто не под силу самому все контролировать, он в дополнение к руководству ОГПУ занимал еще целый ряд должностей. В обстановке внутрипартийной борьбы Сталин делал ставку на «верных», на кого он смог бы положиться, и в 1924 г. он протолкнул «железного Феликса» на пост председателя ВСНХ, чтобы вывести этот важный орган из-под влияния Троцкого.

Ну а карательные структуры целенаправленно создавались против русского народа. И целенаправленно формировались из соответствующих кадров, они имели высоких покровителей. Поэтому за решетку или к стенке попадала только мелкая сошка, разошедшаяся совсем уж до беспредела. Выполнили свою роль, ну и шут с ними, не жалко. Более крупные фигуры, даже удаленные из «органов», неплохо пристраивались в других местах. Допустим, ставленник Свердлова Петерс, патологический тип, одновременно сожительствовавший с 2—3 секретаршами, любивший собственноручно расстреливать людей и приохотивший к участию в казнях малолетнего сына, переместился на партийную и хозяйственную работу. Еще один выдвиженец Якова Михайловича, Уншлихт, устраивавший зверские расправы в Вильно, а в начале 1920-х фак-

тически руководивший репрессиями по всей стране, стал заместителем наркома по военным и морским делам, возглавил разведку. Лацис (Судрабс) был «теоретиком» террора, в свое время «исследовал» в Киеве различные виды умерщвления людей, писал «научные» работы с графиками и диаграммами количества жертв, анализируя их по полу, возрасту, классовому составу — после увольнения из «органов» он стал ректором Института народного хозяйства им. Плеханова, получил возможность реализовать свою тягу к науке.

Но и среди тех, кто проявил полную лояльность к Сталину, деятельно помогал в ревизиях и чистках троцкистов, остались руководители, мягко говоря, сомнительного свойства. При загруженности Дзержинского на партийных и хозяйственных постах фактически возглавили ОГПУ Вячеслав Менжинский и Генрих Ягода (Иегуди). Менжинский — бывший литератор, автор эротических романов и брат крупного банкира. Судя по всему, был связан с «мировой закулисой», поскольку после Октября занял в Совнаркоме пост наркома финансов, потом был генконсулом в Берлине. А Ягода был родственником Свердлова, который и пристроил «своего человека» в коллегию ВЧК. Как раз под их руководством проводилась реорганизация.

И очень многие темные личности сохранили в ОГПУ свои позиции. Например, палачи Вуль и Фридман — «прославившиеся» в гражданскую применением страшных пыток в Московской ЧК, относительно них имелись подозрения в ритуальном характере этих пыток и убийств. Или садист Фриновский, в свое время зверствовавший на Кубани. Он арестовывал красивых молодых женщин и после изнасилований замучивал их, терзая тело щипцами, плоскогубцами, полосую бритвой или шашкой. По подобным делам неоднократно сыпались жалобы пострадавших или их родственников, материалы о «художествах» Вуля и Фридмана попадали даже в советские газеты. Поднялся и скандал вокруг Фриновского, когда он после надругательств умертвил ни в чем не повинную учительницу Домбровскую[105]. Но эти сотрудники почему-то пользовались покровительством Менжинского, обвинения против них заминались, и они не только оставались на службе, но и получали повышения.

Продолжал служить и председатель украинского ГПУ Балицкий, известный тем, что возил дружков в тюрьмы и устраивал оргии с заключенными женщинами. Важное положение занял Нафталий Френкель, выходец из Турции, до революции — крупный лесоторговец, миллионер, в Первую мировую занимавшийся спекуляциями оружия и других товаров, уплывавших из России за рубеж. В общем, участвовал в тех делах, которые проворачивали российские банкиры и промышленники, обеспечивая искусственные дефициты и готовя Февраль. Наверняка был связан с иностранными спецслужбами, (и, очевидно, с масонством). Переведя в 1917 г. капиталы за границу, он наживался на спекуляциях гражданской войны, а потом устроился делать «гешефт» в ГПУ, стал крупной фигурой в системе лагерей. Возглавил эту систему Мозес Берман, он, как и его помощники Яков Раппопорт, Лазарь Коган тоже отметились кровавыми делами в гражданской. И ужасы террора не исчезли, они лишь стали осуществляться подальше от посторонних глаз.

Описание Соловков лучше всего известно из «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына. Но Александр Исаевич допустил ряд серьезных ошибок. В его произведении Соловки — некий «фантастический мир», в котором сосуществуют рядом и жесточайшие наказания, и почти опереточная фантазмагория — спектакли драматической труппы, изображения слона с буквой «У» на попоне, то есть У-СЛОН (управление Соловецких лагерей особого назначения), свои печатные издания, археологическая комиссия, дендрологический питомник. Заключенные не чувствуют обреченности, поскольку и сроки-то у всех короткие — 3 года, 5 лет... И Солженицын делает вывод, что система лагерей была еще «молодой», еще не устоялась.

Это неверно. И искажение, возможно, объясняется тем, что память о Соловках передавалась через людей, сумевших там уцелеть. А уцелели, главным образом, социалисты, которые, в отличие от «контрреволюционеров», содержались в льготных условиях, пристраивались при управлении лагерей и могли себе позволить баловаться этими самыми драматическими спектаклями или археологическими экспериментами. Но если мы обратимся к воспоминаниям А. Клингера,

Ю. Бессонова и др., которым чудом удалось бежать, то увидим, что основная масса заключенных содержалась без малейших послаблений, впроголодь, и сплошь погибала на общих работах. На прокладке железной дороги, лесоповале, или, что считалось еще хуже — торфоразработках. Там находили смерть почти все, и никаких иллюзий относительно своей участи у людей не было. При трехгодичных сроках заключения с первых же дней понимали, что выжить эти три года вряд ли получится. Продолжались и систематические казни, хотя в меньших масштабах, чем в Холмогорах. В 1923—1925 гг. тут расстреливали в среднем около 15 человек в неделю.

Еще одна ошибка Солженицына, которую он объяснял «парадоксом времени» — что в Соловецких лагерях было всего 20—40 чекистов, а внутренняя администрация состояла будто бы из белогвардейцев. Но в воспоминаниях тех, кто сам сидел на Соловках, указывается совершенно другое: административная часть состояла из чекистов, осужденных за те или иные преступления. Об этом пишет тот же Клиnger, коему довелось некоторое время поработать в лагерной канцелярии и ознакомиться с личными делами заключенных. Эмигрантская «Революционная Россия» в № 31 за 1923 г. тоже сообщала: «Администрация, надзор, конвойные команды состоят из чекистов, осужденных за воровство, истязания и т.д.» [105] Ну кто из читавших «Архипелаг» не вспомнит красочной фигуры ротмистра Курилко, матюгающего карантинную роту в Кеми? И Солженицын даже пробовал проследить варианты его «офицерской» родословной. Но все это оказывается чистой «туфтой». Современники называют подлинное имя этого человека. Он был никаким не ротмистром, а драгунским унтер-офицером Кириловским, питерским чекистом [75].

В общем, как раз на Соловки схлынуло поколение садистов и убийц, сформировавшееся в период «красного террора» и разгромленное ревизиями 1923—1924 гг. Они здесь становились верными псами руководства. И в полную меру могли давать волю своим патологическим инстинктам, зверствуя, как и прежде. И расстреливали, и насмерть забивали, и штрафников в «голодный карцер» запирали, доводя их до подоедания, и замораживали заживо, и по пенькам за скачу-

щей лошастью таскали, и, привязав человека к бревну, скатывали по ступенькам с горы... Нередко в литературе указывается на «совпадения». На то, что для подобных кошмаров были выбраны Соловецкие острова — место, прежде считавшееся одним из самых священных и чистых на Руси. На то, что самые страшные расправы творились в местах, имевших характерные названия — Секирная гора с храмом Усекновения главы св. Иоанна Предтечи, Голгофско-Распятский скит. Особенно много здесь было истреблено священнослужителей и монахов... А ведь эти названия давались за века до основания лагерей. И еще в 1718 г. иеромонаху Иову явилась Божья Матерь, сказав: «Сия гора отныне будет называться Голгофою, и на ней устроится церковь и Распятский скит, и убедится она страданиями неисчислимыми...»[140]

Но есть все основания полагать, что «совпадения» были совсем не случайными. И те, кто обеспечил их, меньше всего думал об исполнении слов Божьей Матери. Как ранее отмечалось, в советском руководстве хватало последователей черных оккультных учений. Достаточно вспомнить, что после смерти Ленина был осуществлен типичный обряд некромантии с мумифицированием и сохранением трупа. По магическим представлениям, это «привязывает» к земному миру дух покойного и позволяет использовать его в неких целях. Даже гробница-мавзолей была выстроена по подобию древних языческих пирамид. Ну а главным организатором и шефом Соловков стал уже упоминавшийся Глеб Бокий. Один из любимцев оккультиста Свердлова и ревностный сторонник тех же учений, тот самый Бокий, который в гражданскую войну внедрял среди палачей традицию пить человеческую кровь.

Он оказался среди тех, кого покровительство Менжинского и Ягоды оградило от чисток, в 1921—1925 гг. возглавлял Особый отдел ГПУ. Кстати, при этом организовал в Кучино своеобразную «дачную коммуну», втянул в нее многих подчиненных. Туда приезжали на выходные вместе с женами. Лица обоего пола обязаны были ходить там голыми или полуголыми, что называлось «культом приближения к природе». В натуральном виде члены «коммуны» работали на огороде, вместе ходили в баню, пьянствовали, устраивали груп-

повухи — причем Бокий привлекал к жизни и развлечениям в «коммуне» и своих несовершеннолетних дочерей. Проводились и какие-то ритуалы с символическими похоронами и т.п., эти факты вскрылись на следствии в 1930-х гг., но в материалах дела о них упоминается неясно и обтекаемо, как об актах пьяного хулиганства[16]. А во второй половине 1920-х, когда умершего Дзержинского сменил Менжинский, Бокий возглавил сверхсекретный отдел ОГПУ, занимавшийся изысканиями в области оккультизма и магии. Организовывал экспедицию на Тибет для поисков легендарной Шамбалы, и руководить ею должен был не кто иной, как Яков Блюмкин, убийца германского посла Мирбаха и бывший начальник охраны поезда Троцкого.

Конечно же, такой человек, как Бокий, при создании Соловецких лагерей учитывал не только «практические», но и магические соображения. Сделать святое и чистое место проклятым. Испохабить его, надругаться над ним. И могли ли пройти мимо внимания Бокия такие названия, как гора Голгофа и Голгофско-Распятский скит? Тут казни и зверства приобретали уже не только репрессивный, но и ритуальный характер.

Однако те, чьими руками они творились, плохо кончили. Внутрилагерная администрация и надзиратели из осужденных чекистов свирепствовали, желая «реабилитироваться». Выслуживались, надеясь, что их садистские «подвиги» оценят, восстановят в прежних рангах, возвысят. Но просчитались. Информация о бесчинствах в лагерях с уцелевшими заключенными просачивалась наружу. Было прислано несколько комиссий. Формулировку подобрали такую, чтобы не дискредитировать партию и «органы» — возникло дело о широком «белогвардейском заговоре». Дескать, его участники своими зверствами преднамеренно порочили советскую власть. Да они же и сами объявляли заключенным: «Здесь вам власть не советская, а соловецкая». В октябре-ноябре 1929 г. около 600 человек было расстреляно. Так и сошел в братские могилы под маркой «белогвардейцев» цвет палачей красного террора. (Вероятно, отсюда и пошла легенда, переданная Солженицыным, что на Соловках внутренняя администрация состояла из белогвардейцев.)

Но сама система лагерей в условиях экономических трудностей и постоянной нехватки финансов оказывалась «выгодной». В экономических «штурмах» она получалась заменой все тех же «трудовых армий». И со следующими волнами репрессий она стала разрастаться, нацеливаясь на строительство железных дорог, каналов, добычу древесины, полезных ископаемых...

В ОДНОЙ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СТРАНЕ

Одновременно с тем, как Сталин утверждался у власти, происходили некоторые изменения во внутренней и внешней политике советского руководства. Так, в 1924 г., когда наносились удары по Троцкому, был смещен с поста директора «Роскомбанка» его партнер и протеже Олаф Ашберг. Хотя сняли его не за участие в разграблении России, а формально всего лишь за «злоупотребления». Потому что, не довольствуясь получаемыми сверхприбылями, он еще и элементарно воровал. Имея доступ к суммам, выделенным для оплаты зарубежных товаров, прикарманивал часть денег. Сам «Роскомбанк», главный канал утечки российских ценностей за рубеж, был ликвидирован, его слили с Наркоматом внешней торговли[158].

Перемены коснулись и области национальной политики. В феврале 1924 г. была принята первая конституция СССР — и в ее рамках Сталин ввел все же большую государственную централизацию, чем желал Ленин. Например, через установление двух уровней управления экономикой и социальной сферой с подчинением республиканских органов общесоюзным. Централизация достигалась и через структуру партии. Компартии союзных республик сохраняли внутреннюю «автономию», но входили в Российскую коммунистическую партию.

Противники этой линии из украинского и грузинского руководства — Раковский, Петровский, Мдивани, Махарадзе и прочие были смещены со своих постов и переведены на другую работу — подальше от своих республик, чтобы не могли больше воду мутить. Тем не менее Грузия оставалась серьезной «головной болью». Как уже отмечалось, ей были сохранены мно-

гие «особые» права, как экономические, так и политические. Тут легально жили многие грузинские меньшевики, еще недавно бывшие правящей партией. Беспрепятственно могли собираться, имели связи с зарубежьем. Да и среди местных коммунистов хватало сторонников «национального» социализма. Действовали иностранные фирмы и банки. Похоже, что Грузии наряду с Эстонией и Латвией предстояло стать еще одним «окном» для откачки советских богатств за рубеж. Но после принятия конституции СССР Москва стала брать под контроль республиканские органы, «особый» экономический статус был свернут. И националистам это явно не понравилось. В 1924 г. они подняли восстание. Его быстро подавили, после чего Грузия была лишена своих «политических свобод».

К немалым бедам привела и прежняя ставка на «революционных горцев» на Северном Кавказе. Они совершенно распоясались. В Москву шли жалобы: «Русское население обезоружено и к физическому отпору и самосохранению бессильно. Аулы, наоборот, переполнены оружием, каждый житель, даже подростки 12—13 лет вооружены с ног до головы, имея револьверы и винтовки. Таким образом, получается, что в Советской России две части населения поставлены в разные условия в ущерб одна другой, что явно несправедливо»[197]. Постоянная поддержка горцев со стороны властей, использование их против казаков обернулись полным беспределом. Они нападали и угоняли скот у казаков, крестьян, грабили и советское хозяйство. Но и друг с другом сводили счеты, шли межнациональные склоки.

И правительство стало наводить порядок. Горскую республику упразднили, выделив из нее Кабардино-Балкарскую, Чеченскую, Карачаево-Черкесскую, Северо-Осетинскую, Ингушскую автономные области. Но и другим народам давалась автономия. В составе Чечни был создан Сунженский автономный казачий округ, три казачьих национальных района в составе Карачаево-Черкесии и Северной Осетии, права автономных округов получили города Владикавказ и Грозный, где преобладали русские.

Сталин пересмотрел и некоторые другие решения, принимавшиеся при Ленине, когда слишком щедро одаривали

«националов». Например, Донецкий, Таганрогский и Шахтинский округа, прежде принадлежавшие Войску Донскому, были отданы Украине. В ходе административной реформы 1924 г. их отобрали назад и включили во вновь создаваемый Северо-Кавказский край, объединивший Дон, Кубань, Ставрополье, Терскую губернию и северокавказские национальные области. А из состава Киргизской (Казахской) АССР была изъята Оренбургская область, казахскую столицу перенесли из Оренбурга в Кызыл-Орду.

Попытки выправить национальную политику, отказ от безоглядного потакания инородцам тоже понравившись не всем. В 1925 г. вспыхнуло восстание в Чечне, в 1926 г. в Дагестане. Резали русских, создавали вооруженные отряды. Причем и в этих случаях, так же, как в Грузии, выявилась связь с заграничными центрами. Обнаружилось, что местное руководство заражено национализмом, шариатизмом, пантюркизмом. Восстания разгромили войсками, заигрываниям с горцами пришел конец. Их начали приводить к равному положению с русскими.

Обозначилось еще одно серьезное расхождение Сталина с линией Ленина — отношение к «мировой революции». Как указывалось в прошлых главах, Иосиф Виссарионович еще в 1917 г. получил от Троцкого прозвище «философа построения социализма в одной стране». Хотя идея о том, что революция может победить только в мировом масштабе или в нескольких развитых капиталистических странах, оставалась фундаментальной догмой марксизма-ленинизма. Даже высшая государственная награда, Орден Красного Знамени, по официальному статусу значился «символом мировой социалистической революции», а первоначальное название СССР предполагалось — «Союз советских республик Европы и Азии»[157].

Попытка опровергнуть данный догмат была такой «ересью», что могла стать для любого деятеля политическим самоубийством. И Сталин поначалу даже не пытался его оспаривать. Неизменность курса на «мировую революцию» он подтверждал в своих выступлениях в 1922, 1923 гг., подтвердил и в 1924 г. в «Клятве ученика учителю». Но в конце того же года, в дискуссии по книге Троцкого «Уроки Октября» Иосиф

Виссарионович уже осмелился оспаривать утверждение, будто успех русской революции однозначно зависит от победы социализма за рубежом.

Для защиты своих взглядов Сталин получил и идеологическую «подпорку» — в ходе антитроцкистских кампаний была найдена малоизвестная до того времени статейка Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы». В 1915 г. Лев Давидович озвучил одну из глобалистских идей ордена иллюминатов: что Мировая война должна закончиться революцией, и возникнут Соединенные Штаты Европы. А Ленину захотелось поспорить — причем даже не по сути, а лишний раз укусь оппонента, уличить в частных ошибках. Он указал, что говорить о Соединенных Штатах Европы неверно, надо брать курс на создание Соединенных Штатов Мира. Но рассуждал и о другом: что из-за «неравномерности развития капитализма» революция может победить не одновременно, а сперва в нескольких странах или в одной стране.

Вот на эту единственную цитату и смог опереться Сталин. Хотя такое обоснование было явно слабоватым. Другие члены Политбюро были иного мнения, и Зиновьев заявлял: «Наша марксистская партия при отсутствии мировой революции держится на честном слове». И деятельность в данном направлении велась колоссальная. На подготовку «мировой революции» работали Коминтерн, Разведуправление Красной армии, иностранный отдел ОГПУ, Наркомат иностранных дел. Шло финансирование иностранных компартий. При Коминтерне действовала Военная комиссия, имевшая собственные диверсионные и командные школы, штат военных инструкторов, которых направляли за границу для подготовки боевиков.

Неудачная попытка раздуть революцию в Германии, Польше и Болгарии в 1923 г. стала отнюдь не последней. В ноябре 1924 г. Коминтерн спровоцировал восстание в Эстонии. В 1925 г. Разведупр и Коминтерн решили инициировать революцию в Болгарии и Югославии — а с Балкан она, глядишь, перекинется на Австрию, Венгрию, Италию, Германию. В Балканские страны засылались инструкторы, деньги, оружие, готовились боевые дружины, обстановка накалялась терактами. При попытке убить болгарского царя прогремел мощный

взрыв в Софийском соборе, пострадали сотни людей. В 1925 г. Разведупр готовил восстание и в Польше. Здесь на руку большевикам играли жестокая дискриминация украинцев и белорусов, попавших под власть поляков, усиленная политика «полонизации», закрытие национальных школ, православных церквей, притеснения. Используя недовольство населения, советские спецслужбы создали на Волыни подпольную «боевую организацию», насчитывавшую до 10 тыс. человек, на советской территории формировались партизанские отряды, направляемые за границу.

Однако все эти планы проваливались. Восстания подавлялись, подпольщики и террористы вылавливались. Каждый раз дело кончалось арестами и казнями активистов, грандиозными дипломатическими скандалами. Но вот что особенно любопытно — в первой половине 1920-х гг. Советский Союз превратился в опаснейший эпицентр международного терроризма, и никаких протестов «международной общественности», никаких демаршей западных правительств это не вызывало! Никто не порывал дипломатических отношений, не нарушались торговые связи. Скандалы сами собой гасли. Всплывающие документы о подрывной деятельности большевиков Москва объявляла фальшивками. Объясняла с невинным видом, что Коминтерн — самостоятельная организация, за ее дела Советское правительство не отвечает. И прожженные западные политики с какой-то стати «верили» этой чепухе. Почему?

Да потому что подобная советская политика оказывалась выгодной для «мировой закулисы»! Нет, она не желала европейского пожара. Но некоторая нестабильность, созданная в разных странах усилиями Коминтерна, была на руку кругам американского, британского, французского бизнеса, которые пользовались этим, подчиняя местную экономику и финансы. Она была выгодна и политикам — те же поляки, болгары, эстонцы, опасаясь русских, теснее привязывались к западным державам. Ну и наконец, «мировая революция» оказывалась еще одним каналом для откачки за рубеж русских богатств. Только в одном 1922 г. по бюджету Коминтерна было распределено 5 536 400 золотых рублей. Но этого не хватило, потом

дополнительно выделялось 600 тыс. золотых рублей на революцию в Корее, 48 тыс. золотых рублей компартиям прибалтов... В 1923—1925 гг. расходы нарастали. Утекали те самые золото и валюта, которых не хватало на нужды индустриализации, Советская Россия ослаблялась. А средства расходовались на печатание литературы, оплату активистам, оружие — но, в конце-то концов, оседали в сейфах западных банков.

Сталин это понимал и постепенно менял курс. В марте 1925 г. на V расширенном пленуме исполкома Коминтерна и в апреле на заседании Политбюро он уже более определенно заговорил о «построении социализма в одной стране». А провалы операций в Болгарии и Польше дали повод предпринять практические меры. В 1925 г. была ликвидирована Военная комиссия Коминтерна со своими боевиками и школами. А Коминтерн, по сути, превращался в придаток советских спецслужб, его стали перенацеливать на сбор военной и экономической информации. В этом же году было принято постановление Политбюро «Об активной разведке» — таким термином обозначались диверсии, терроризм, действия боевых организаций. Дальнейшая «активная разведка» прекращалась.

Было проведено очередное масштабное сокращение армии. По окончании гражданской войны она значительно уменьшилась, но все еще оставалась очень большой и дорогостоящей, и именно ради нужд «мировой революции» — а вдруг завтра потребуются поддержать «братьев по классу» в Германии или на Балканах? Новый наркомвоен Фрунзе при поддержке Сталина провел кардинальную реформу, перевел армию на территориальную систему комплектования. Всеобщая воинская обязанность отменялась. На постоянной службе оставлялись немногие кадровые соединения, а в большинстве частей личный состав призывался только на краткосрочные сборы. На данный момент подобное решение было оптимальным — после двух войн в Советском Союзе было сколько угодно обученных солдат, которые при нападении врага быстро могли занять место в строю. Но для внешней экспансии такая армия уже не годилась.

Правда, в это же время активизировались советские тайные операции в странах Востока — Иране, Афганистане, Ки-

тае. Но нетрудно увидеть, что они имели не столько идеологическую, сколько геополитическую подоплеку. Советский Союз фактически включился в борьбу за сферы влияния в мире. Причем те же сферы влияния, которые прежде отстаивала Российская империя. Да и формы советского проникновения — финансирование, помощь своим ставленникам, направление военных и политических советников и т.д., ничем теперь не отличались от методов западных держав. Когда в 1925 г. началась революция в Китае, Сталин настоял на поддержке не коммунистов, а Гоминьдана, что возмутило троцкистов — с их точки зрения, это было равнозначно поддержке Временного правительства в 1917 г. Но с точки зрения приоритета державных, а не идеологических интересов, все получалось логично. Какая разница, кто будет в Китае у власти, если они станут проводить политику, выгодную СССР?

И все же Сталин оставался далеко не всесильным, поэтому предпринимаемые им действия получались недостаточными и непоследовательными. Удавалось одолеть одних чужеземных эмиссаров в советском руководстве — другие оставались. Исправлялись «перегибы» в национальном вопросе, но при этом по-прежнему насаждалась русофобия. Декларировалось равноправие, но по-прежнему притесняли казаков, и в ходе военной реформы с подачи Микояна были ликвидированы казачьи части в Красной армии. От Ашберга и Роскомбанка избавились, но сохранялись иные каналы хищений. Троцкого сняли с военного ведомства, но назначили не куда-нибудь, а председателем Главконцесскома, т.е. главного комитета по концессиям, где он благополучно продолжил раздавать Россию иностранцам. Каменева сняли с поста председателя СТО, но сделали наркомом внешней и внутренней торговли.

Борьба шла жестокая. И велась она не только «партийными» методами. 31 октября 1925 г. в больнице неожиданно умер Фрунзе во время ненужной, но навязанной ему операции аппендицита. Уж ясное дело, в его смерти был заинтересован не Сталин. Кто должен был занять место Михаила Васильевича? По рангу — один из лидеров оппозиции, заместитель председателя РВС Лашевич. Но Сталин этого не допустил, добил-

ся отправки Лашевича далеко на восток, на КВЖД, а на пост наркомвоенна провел безусловно верного себе Ворошилова.

Особое внимание стоит обратить и на схватку, случившуюся на пленуме ЦК в июле 1926 г. Когда против зиновьевцев и троцкистов выступил Дзержинский, ему стали затыкать рот, перебивать выкриками с мест, Каменев обвинил его, что он «45 миллионов рублей напрасно засадил в металлопромышленность». И взбешенный Дзержинский впервые произнес, что лидеров оппозиции нужно просто расстрелять. Ему в ответ крикнули: «Это вас нужно расстрелять!» На что он прямо подтвердил: «Я вам докажу, что добьемся своего...»

Стоп! За что — расстрелять? За несогласие с линией большинства? Для 1926 г. такая вина была явно недостаточной. Но заметим, что Дзержинский отреагировал на обвинение в бесполезном расходовании огромных сумм. Отметим и его убежденное «докажу». Ответ напрашивается. По своей должности председателя ОГПУ он знал, что его противники участвовали в разворовывании и переправке за рубеж куда больших ценностей. Соответственно, знал об этом и Сталин. Но о таких вещах приходилось умалчивать, правда могла подорвать авторитет всей партии. Впрочем, Дзержинскому расстреливать высокопоставленных преступников было не суждено. На этом же заседании он переволновался и, придя домой, скоропостижно скончался от сердечного приступа. Или... не от приступа? Кто знает?

Но по мере побед над оппозицией Сталин проводил свой курс все более определенно. Ставил задачу: «Мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну экономически самостоятельной, независимой, базирующейся на внутреннем рынке». В январе 1926 г. в работе «Об основах ленинизма» он уже прямо доказывал, что СССР обладает всеми необходимыми ресурсами для построения социализма в одиночку. А в ноябре 1926 г. на той самой XV конференции, которая разгромила троцкистов и зиновьевцев, тезисы о «построении социализма в одной стране» были приняты официально, в качестве линии партии.

И эта же конференция приняла программу ускоренной индустриализации страны. В ее решениях указывалось: «Надо

стремиться к тому, чтобы в минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран». Такая программа отличалась от «плавной» бухаринской (впрочем, после кризиса 1925—1926 гг. Бухарин вполне согласился с ней). Но она имела и существенные отличия от троцкистской. Индустриализация предполагалась не за счет поставок из-за рубежа, а за счет собственных ресурсов государства.

А иностранных концессионеров начали прижимать — неофициально, без шума, но вполне однозначно. Переговоры с Крупном и другими промышленниками о сдаче в аренду советских предприятий были свернуты. Строительство заводов «Юнкерса» в Филях и Харькове подверглось ревизиям. Накопали массу претензий, и в 1927 г. СССР расторг договор с выплатой германской стороне 3,5 млн. руб., а недостроенные заводы взял под свое управление. Пришла пора и для бизнесменов, нахавших концессии на добычу полезных ископаемых, леса, пушнины и т.п. На словах их по-прежнему обхаживали. Они завозили оборудование, налаживали производство, раскатывая губы на крутые прибыли. Но теперь у них вдруг начались сплошные «неприятности». Принимались бастовать рабочие, требуя огромную зарплату. Возникали перебои с транспортом или другие помехи. А советские чиновники выискивали в концессионных договорах пункты, которые не выполнялись. Или специально создавались условия, чтобы они не могли быть выполнены — из-за тех же забастовок, транспортных проблем. И, придираясь к этому, советская сторона требовала расторжения договора. В результате зарубежным любителям наживы оставалось только убираться домой, теряя оборудование и вложенные средства...

ХИМЕРЫ «ХАЗАРИИ»

В спорах вокруг крушения России еще в период гражданской войны получила распространение версия, что катастрофа нашей страны планировалась и осуществлялась «мировым иудаизмом» или «мировым еврейством». Это утверждение до-

вольно некорректно. К данной нации действительно принадлежит значительная часть «мировой закулисы», но отнюдь не вся она. Допустим, Моргань, Хаус, Вильсон были чистокровными англосаксами. Ну а такие финансовые воротилы как Шифф, Кан, Варбурги, Мильнер, Барух и т.д. отошли от классического иудаизма, примыкая к тем или иным радикальным сектам. Порвал с иудаизмом и Маркс, в юности он состоял в сатанистской организации[131], писал стихи, соответствующие этим увлечениям. Многие представители «закулисы» или их эмиссары еврейского происхождения принимали протестантское крещение — как, например, некоторые из Варбургов, цареубийца Юровский и др. Троцкий, проживая в Австрии, дозволил детям принять лютеранство, а когда находился у власти, запретил хоронить своего отца по иудейскому обряду.

Но разыгрывать «еврейскую карту» оказалось удобно во многих отношениях. Иудаизм можно противопоставить христианству, исламу. Против Российской империи очень выигрышными были обвинения в «антисемитизме», в ущемлении прав евреев. Хотя они носили чисто пропагандистский характер. Вряд ли можно было считать хоть в чем-нибудь ущемленными Бродских, Цейтлинов, Животовских, Гинзбургов, Слиозбергов, Мануса, Рубинштейна, Винавера, Гессена, Браудо, Фрумкина, Грузенберга, Френкеля и иже с ними. Евреями была значительная часть российских банкиров, промышленников, общественных деятелей. Где же тут дискриминация? А если перечитать огромную подборку документов об «антисемитизме», собранную думскими еврейскими деятелями для зарубежной пропаганды, то оказывается, что она не содержит ни одного факта действительных преследования или репрессий[55].

Но для тузов «мировой закулисы» было выигрышно, да и выглядело вполне естественным брать под покровительство своих якобы ущемленных соплеменников. И при этом проводить через них свои решения — внушая, будто это нужно им самим. Подобные методы помогали вовлекать в революционную деятельность еврейскую молодежь, разжигать в ней русофобию. По сути, евреев натравили на русских. Так же,

как натравливали латышей, эстонцев, финнов, поляков, кавказцев, украинцев. Евреев использовали и после революции, они становились идеальными проводниками антирусских акций, террора. Для этого их всячески поощряли, выделяли их «особый статус».

Причем можно отметить, что механизмы подобного влияния в советском руководстве нередко оставались скрытыми. Лидеры декларировали одно, а на деле осуществлялось другое. Так, ранее приводился пример, что Ленин и Сталин в 1912 г. решительно выступали против претензий Бунда на «культурно-национальную автономию» внутри партии. Но почему-то подобная «автономия» все равно возникла. Весной 1918 г. под эгидой Свердлова образовалась особая «еврейская секция РКП (б)», издавала газету на идиш. А в июле 1918 г. был издан декрет о суровых наказаниях за антисемитизм — хотя за русофобию не наказывали никого. Напротив, она внедрялась целенаправленно.

Но то, что должно было получиться в России, определял вовсе не еврейский народ. И не он остался в выигрыше. Ведь в ходе гражданской войны пострадали не только казачьи станицы, русские и украинские села, еврейским местечкам тоже ох как круто досталось. А после войны большинство евреев оказалось в гораздо худших условиях, чем они жили под властью царя. Их, если разобраться, всего лишь использовали в качестве ударной силы, «рабочего материала». Использовали в чужих интересах. Когда после российской революции начали просачиваться сведения об участии в ней еврейских банкиров, и в Америке заговорили о «еврейском заговоре», Отто Кан, цинично констатировал: «Не будет вреда, если поднимется немного антисемитизма» — подразумевая, что это поможет консолидации евреев вокруг тех кругов, к которым принадлежал он сам. Хорошо известны и высказывания о «пользе» антисемитизма ряда сионистских руководителей, поскольку антисемитизм обеспечивал среди евреев чувство обособленности, отчужденности от других народов — и тем легче ими было руководить, использовать для тех или иных целей.

Использовали их и в планах «закулисы» по переустройству мира. В начале XX в. в высших кругах сионистов суще-

ствовали два проекта. Один — о воссоздании национально-го государства на исторической родине. Апологетом другого являлся киевский мультимиллионер Лазарь Бродский. «Палестинский проект» он считал дорогим и трудным, порожденным идеалистами. А новая «земля обетованная», по мысли Бродского, должна была возникнуть там, где уже живет много евреев, где они привыкли жить, хорошо устроились — на юге России[58].

После Мировой войны стали воплощаться оба плана. 24 октября 1917 г. в МИД Англии был разработан доклад, что в русской революции важную роль играют евреи. Откуда делался вывод, что надо заручиться поддержкой сионистов, пообещать исполнение их чаяний, чтобы они были заинтересованы в победе Антанты. Пусть они воздействуют на соплеменников, пусть помогут удержать ситуацию в России под контролем, дабы она осталась в лагере союзников. Логика, прямо скажем, выглядит притянутой за уши. Но доклад почему-то вызвал горячую поддержку в британском правительстве. Утверждалось, что если сделать сионистов своими союзниками, это поможет «сбору патриотических сил в России». И лордом Хардинджем при участии члена Верховного Суда США Брандейса была разработана так называемая «декларация Бальфура» — о том, что Британия будет поддерживать создание «национального очага еврейского народа в Палестине»[189].

Логика дальнейших событий тоже выглядела странноватой. Во-первых, мобилизацией «патриотических сил в России» сионисты обременять себя не стали, революцию и выход нашей страны из войны предотвращать и не думали. Во-вторых, сама по себе «декларация Бальфура» представляла собой лишь частное письмо министра иностранных дел Бальфура лорду Ротшильду. Но, невзирая на все это, Англия с какой-то стати сочла себя обязанной выполнить обещание. И еще во время войны сняла значительные контингенты солдат с других фронтов, перебросила их в Палестину, дабы изгнать оттуда турок. А как только Палестина вместе с другими территориями Османской империи перешла под британский мандат, Лондон объявил о создании в Палестине «национального очага».

Этим делом сразу же активно занялись многие видные представители «финансового интернационала». Например,

Феликс Варбург, ставший к этому времени одной из центральных фигур еврейской «общественности» в США. Он помогал созданию еврейских поселений в Эрец-Израэль, оказывал значительную поддержку Палестинской экономической корпорации, Иерусалимскому университету. Подключилась и жена Феликса, Фрида Варбург — дочь Якова Шиффа. Она играла важную роль в американских общественных и благотворительных организациях, взялась обеспечивать работу Хадассы, Еврейского университета в Иерусалиме. Само собой, не остался в стороне и Отто Варбург, президент Всемирной сионистской организации, он посвятил себя развитию научных учреждений ишува¹, создавал в Палестине сельскохозяйственные станции. Значительную поддержку «национальному очагу» оказали и Луи Маршалл, Ротшильды. Их эмиссаром в Палестине стал выходец из Белоруссии, талантливый и энергичный Хаим Вейцман.

Обо всем этом, наверное, можно было бы и не упоминать. Но непосредственно возглавил еврейские поселения, стал председателем «Национального комитета», как бы еще неофициального «правительства», Пинхус Рутенберг. Тот самый, который в 1905 г. организовывал «кровавого воскресенья», а в 1917 г. по поручению Керенского «защищал» Зимний дворец. В общем, «тесен мир»... Впрочем, провокации в России получались у Рутенберга лучше. А вот с созданием «национального очага» дело пошло не так гладко. Несмотря на широкую пропаганду, на солидные денежные вливания, возникли серьезные препятствия. Евреи разных стран вовсе не стремились бросать обжитые дома, заработки и переселяться за тридевять земель.

А создание первых поселений сразу же вызвало межнациональные конфликты, в 1920 г. произошли столкновения с арабами. Мировая «общественность» раздула шум, квалифицируя их как «еврейский погром». И британская администрация приняла вовсе не арабскую сторону. Арестовав было Жаботинского, руководившего еврейскими отрядами, тут же

¹ Ишув (ишшув; букв.: «заселенное место», «население», также «заселение») — собирательное название еврейского населения Палестины. Использовалось, главным образом, до создания государства Израиль. — *Ред.*

его и выпустила. Но известия о конфликтах и подавно отбили охоту к переселению, в Палестину ехали только отдельные энтузиасты.

Однако в это же время, в 1923 г. стал осуществляться другой проект. Создание «национального очага» на территории СССР. Причем инициатива исходила от американской общественной организации «Объединенный комитет распределения», председателем которой являлся все тот же Феликс Варбург. Он повел переговоры с Советским правительством об образовании еврейских колоний в Крыму. Формально это обосновывалось заботой о представителях бывшей буржуазии. Дескать, они потеряли свои капиталы и предприятия, вот и надо превратить их в «тружеников» — дать землю, и пусть хозяйствуют. Как свидетельствует биограф банкиров из дома «Кун и Лоеб» Присцилла Робертс, для начала речь шла о количестве около 500 человек.

Но дальше эта идея каким-то образом оказалась до неузнаваемости расширена. А разработкой проекта занялся Ларин-Лурье. Вчерашний «незаметный» экономический советник Ленина, автор программ «военного коммунизма». Теперь он выдвинул план создания в Крыму национальной автономии — для чего следовало переселить туда 280 тыс. евреев. А в ноябре 1923 г. появился еще более грандиозный проект, его автором являлся А. Брагин, председатель свердловской «еврейской секции РКП (б)». По его идеям, новая автономная республика должна была охватить не только Крым, но и южную степную полосу Украины, Приазовье, Кубань и Черноморское побережье вплоть до Абхазии.

В правительстве горячими сторонниками плана выступили Каменев, Троцкий, Бухарин, Цюрупа. Как сообщало Еврейское телеграфное агентство, 20 февраля 1924 г. проект был одобрен большинством членов Политбюро. А 29 августа 1924 г. проект рассмотрел Президиум ЦИК СССР, приняв довольно любопытное решение. Указывалось, что среди советских евреев лишь 300 тыс. являются членами профсоюза (т.е. относятся к рабочим и служащим), если считать вместе с членами семей — 850 тыс. А 130 тыс. являются земледельцами. «Остальная часть в 1 750 000 человек падает на кустарей, мелких торговцев и лиц без определенных занятий».

Делался вывод: «Совершенно ясно, что такая экономическая структура еврейского населения совершенно непригодна к советскому строю с его курсом на госторговлю, кооперацию и концентрацию промышленности и что если не будет принято экстренных мер по переводу еврейского населения на производственный труд, то значительная часть его будет поставлена перед перспективой вымирания и вырождения». Откуда уж взялась угроза «вымирания и вырождения», остается непонятным, но Президиум ВЦИК постановил осуществить массовое переселение в Крым евреев из западных местечек, для чего были образованы два органа, «Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся» (КомЗЕТ) во главе со Смидовичем и «Общественный комитет по земельному устройству еврейских трудящихся» (ОЗЕТ) во главе с Лариным.

Но... органы-то учредили советские, обосновывали переселение требованиями «советского строя», а главными двигателями проекта стали американцы! «Объединенный комитет распределения» Феликса Варбурга в 1924 г. заключил с Москвой первый из нескольких договоров о создании еврейских поселений в Крыму. За рубежом план получил название «Агроджойнт». Кроме Феликса Варбурга в нем приняли участие Пол Варбург, фонд Рокфеллера, глава компании «Сирс и Ребек» Джулиус Розенвальд, благотворительная организация «Джойнт». Подключилось «Французское еврейское общество», было создано «Американское общество помощи еврейской колонизации в Советской России». Американцы брали на себя 80% финансирования — 10 млн. долларов

И, ко всему прочему, Ларину с Брагиным (и проекту «Агроджойнт») немедленно подыграло правительство США! В Советском Союзе в начале 1920-х, в условиях общей разрухи и разорения, большинству евреев жилось очень даже не сладко. По большому счету, не лучше, чем русским. Но у них издавна имелась отдушина — эмиграция. Они еще при царе уезжали в Америку, у многих там обосновались родственники. И туда же, по проторенной дороге, потекли их советские соплеменники. Однако в 1924 г. вдруг был принят закон Рида — Джонсона, значительно ограничивший имми-

грацию евреев из России в США. И если всевозможная «общественность» яро протестовала против «антисемитизма» царского правительства, то «антисемитизм» нового американского закона никаких возмущений не вызвал.

Евреям прикрывали возможность сбежать в США, подталкивая тем самым к переселению в Крым (или в Палестину). И, подчеркнем, ни о какой реальной заботе об их благосостоянии, даже о сохранении национальных традиций, речи не было! Например, в ходе антирелигиозных кампаний гонениям подверглись и иудейские раввины. Не в такой степени, как православное духовенство, но и их арестовывали, запрещали богослужения. Информация об этом просачивалась за рубеж. Однако когда журналисты попросили Феликса Варбурга прокомментировать данные сообщения, он и не подумал осуждать большевиков! Заявил, что преследования раввинов, конечно, вызывают сожаление, но нужно помнить, что через «Агроджойнт» Советское правительство «помогает русским евреям оберести экономическую независимость».

Впрочем, какое дело было Варбургу до раввинов? Повторюсь, высшие фигуры «мировой закулисы», как и их «оборотни» в СССР, не являлись последователями ортодоксального иудаизма. Они были адептами различных сект и темных магических учений. И на советской территории предполагалось создание вовсе не иудейского общества, а некоего иного. В свете этого еще раз можно вспомнить жуткую бойню, которую учинили в Крыму Пятаков, Бела Кун, Землячка, Михельсон, Склянский, когда были расстреляны десятки тысяч мужчин, женщин, детей. И не только белогвардейцев. По обвинениям в «контрреволюционности» прокатились массовые казни караимов, под предлогом борьбы с «зелеными» репрессировали местных татар. Не напоминало ли это... чудовищное жертвоприношение, «омывшее» кровью землю полуострова? Тогда же, зимой 1920/21 г. продовольствие из Крыма было вывезено продотрядами, а заслоны на перешейках перекрыли подвоз продуктов, и случился голод, косивший русское и татарское население. А потом был голод лета 1921—1922 гг., охвативший не только Поволжье, но и Крым... «Случайными» ли были эти бедствия? Ведь получалось, что крымские поля, сады, виноградники, дома «освобождались» для новых хозяев...

Стоит отметить еще один факт. В официальных документах еврейские поселения в Крыму получили неопределенный статус, но возникло еще одно название, неофициальное. «Хазарская республика». Оно не использовалось в постановлениях и переписке, не звучало в публичных выступлениях, но оно существовало. Название древней погибшей державы. Казалось бы, откуда оно всплыло, причем здесь оно? Чтобы понять это, целесообразно сделать историческое отступление.

Хазарский каганат возник в VII в., когда тюркская военная верхушка объединила под своей властью племена хазар, ясов, касогов, барсилов. Государство было многонациональным и веротерпимым. В нем мирно соседствовали христиане, мусульмане, язычники, иудеи. Каганат располагался на очень выгодном месте. Его столица Итиль стояла на пересечении Великого Шелкового пути из Китая и Средней Азии в Европу, Великого Янтарного пути — от Балтики в страны Востока. А по Волге дорога вела в северные страны драгоценных мехов. И в Хазарии пристраивались крупные еврейские купцы. Люди грамотные, энергичные, они становились у хазарских правителей чиновниками, советниками, дипломатами. И охотно отдавали своих девушек в жены тюркским аристократам. А сыновья наследовали высокое положение отцов, но, по иудейским законам, считались евреями, получали соответствующее образование и воспитание.

И в 808 г. один из сановников, Обадия, произвел переворот. Власть захватила еврейская купеческая верхушка. Тюркскую аристократию уничтожили и изгнали. Существовавшую Хазарско-Хорезмийскую православную митрополию упразднили, ислам запретили. Каганат превратился в торговую державу, главной целью которой стало получение прибыли [46, 47]. Простым хазарам, ясам, касогам отныне предназначалась участь работников, налогоплательщиков и воинов за чужие интересы. А товарами, за счет которых получалась прибыль, стали меха и рабы. Каганат развернул экспансию во всех направлениях. В его состав вошли часть Крыма, Кубань, Северный Кавказ. Были покорены и обложены данью поволжские народы, часть славянских племен. Но серьезным противником каганата стали русские князья из династии Рюрикови-

чей. Долгое время борьба протекала с переменным успехом, пока Святослав Игоревич в 965 г. не нанес решающий удар. Разгромил врага в битве, стер с лица земли Итиль, разорил города Семендер, Беленджер, Саркел. А его сын св. равноап. великий князь Владимир добил последний осколок каганата на Тамани.

Вроде бы, ну кто на земле еще помнил об этой самой Хазарии? Ее историю не преподавали ни в одной школе. Даже среди крупных ученых ею интересовались единицы. Это только в середине и второй половине XX в. на основе археологических раскопок, фрагментарных упоминаний и малоизвестных источников история каганата стала воссоздаваться в работах М.И. Артамонова, Л.Н. Гумилева, С.А. Плетневой и др. В 1920-х гг. этих работ еще и в помине не было! Но, выходит, были те, кто помнил. Были такие, кто знал. И, уж наверное, не случайно обозначили «преемственность».

Даже как-то символично получалось: уничтожил св. Владимир Хазарию — и ввел на Руси Православие, а теперь было разгромлено Православие — и возрождалась «Хазария». Возрождалась людьми, отошедшими от иудаизма. Но факты свидетельствуют о том, что и в Хазарии верховодили не ортодоксальные иудеи, а какие-то сектанты. Так, Ибн-Фадлан описывал обычаи, явно пришедшие из каких-то темных сакральных культов. Сообщал, что великий каган являлся чисто ритуальной фигурой, ему поклонялись, как живому божеству, но если состарился, потерял магическую силу, или в случае каких-либо бедствий, его убивали и заменяли другим. А властью каган не обладал никакой, всем заправляли олигархи.

Теперь проект «Хазарии» тоже реализовывали могущественные теневые силы. И пусть в Москве кипели страсти, громились оппозиции, низвергались вчерашние лидеры, менялась советская политика, однако планов «Агроджойнта» это как бы и не касалось! После первых переселений последовали другие. И масштабы росли. Ларин теперь объявлял: чтобы составить компактную национальную общность, требуется переселить 500—600 тыс. человек. Но проскочила и цифра совершенно иного порядка.

7 апреля 1926 г. в Симферополе открылась Всекрымская еврейская конференция. На ней выступил прибывший из Мо-

сквы представитель Отдела национальностей ЦИК И.М. Рашкес. Человек очень информированный, регулярно бывавший на заседаниях КомЗЕТа и ОЗЕТа, общавшийся с Лариным. На конференции он говорил на идиш, и газета «Красный Крым» от 11 апреля опубликовала текст его речи: «Мы стремимся создать сплошную земельную площадь с автономией в перспективе не для концентрации всемирного еврейства, а в целях устройства на земле трех миллионов евреев СССР». Однако публикация вдруг вызвала скандал. Рашкес направил в газету гневное письмо, опровергая собственные слова и называя их «явно нелепой мыслью». И редакции пришлось печатать извинения перед высоким гостем, ссылаясь на плохое знание своими сотрудниками еврейского языка. Видать, сболтнул информацию, не предназначенную для широкого распространения. А в мае 1926 г. по предложению КомЗЕТа ЦИК СССР принял перспективный план переселения евреев на 10 лет. Общая цифра составляла 100 000 семей (примерно полмиллиона человек), из них в ближайшие три года подлежало переселению 18 000 семей.

Было ли это благом для самих евреев? Да никоим образом! В местечках Украины и Белоруссии они давно прижились, имели свои маленькие дела, заработок. Приторговывали, «починяли примусы», часы, портняжничали, сапожничали, держали парикмахерские, при нэпе создавали мелкие предприятия. В приграничной полосе подрабатывали контрабандой — и неплохо подрабатывали при дефиците промтоваров в СССР. А тут их отрывали от родных мест, синагог, везли в чуждые и непривычные условия. Вот выдержки из писем (орфография сохранена). Гирш Лившиц сообщал: «Прибыв в Крым... мои средства так исчезли что я кое как жил сам занимаясь мелким торговцем по деревням. После засева вернулся да дому собрал свои монетки и приехал с семьей который состоит из 5 душ 2 мужчин и 3 женщин все взрослые. После вся наша страдание из 15 февраля 1927 г. до жнивы т.е. до 1 августа которые самая первая блюда хлеб с водой...» Владимир Гринбад писал: «Уже четыре месяца семья на участке буквально голодает, я ежедневно с ломом рыл камни и на своих плечах переносил на усадьбу, работал впроголодь, другие между собой не уладились, перегрызлись и разбежались...»

Мало того, переселение, как и в Палестине, вызвало межнациональные конфликты. Ведь в Крыму уже существовала автономия — татарская. Ее коммунистическая организация была сильно заражена национализмом, пантюркизмом, но, как уже отмечалось, сперва советская власть это поощряла. Татары на полуострове были в меньшинстве, русских жило больше. И местное руководство решило «упрочить» свою автономию, переселить в Крым татар-эмигрантов, в разное время выехавших в Турцию и Добруджу. I Всекрымский съезд Советов постановил привлечь 200 тыс. таких реэмигрантов, забронировать для этого 111 тыс. га земли, изыскать 2 млн. рублей. Кроме того, за счет конфискованных поместий, за счет «освободившихся» участков вымерших и убитых хозяев, Крымский обком и КрымЦИК решили улучшить положение татарских крестьян, наделить землей 9,5 тыс. семей.

Но полуостров-то не был резиновым! Его площадь составляет 2,5 млн. га, однако из них значительная часть приходится на горы, болота, солончаки. А изрядная доля земель, теоретически пригодных для пашни, — сухая безводная степь, которую никто раньше не возделывал, ее использовали только под пастбища. И планы местных коммунистов оказались перечеркнуты планами «Хазарии» — 132 тыс. га в Крыму было выделено не для татарских, а для еврейских поселенцев. Татарское руководство сопротивлялось, главным выразителем протестов стал председатель ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимов. Он писал в газете «Ени-Дунья»: «От нас требуют земли на переселение в Крым... еврейских хозяйств, однако... наши излишки не удовлетворяют даже своих внутренних нужд, и поэтому крымское правительство сочло невозможным удовлетворение данного требования. Недавно этот вопрос мы поставили в Москве и надеемся, что он будет решен в нашу пользу».

Нет. Москва во всех спорных ситуациях принимала сторону «Хазарии». 26 сентября 1927 г. Ларин внес предложения о дополнительном подспорье переселенцам — отдать им монополию на производство и поставки виноградного спирта для крымских винзаводов. А Наркомату внутренних дел Крымской АССР было направлено требование «разрабо-

тать... план разделения на сельсоветы отводимых для еврейского земледелия площадей с учреждением... сельсоветов по мере фактического заселения и с признанием в них языками делопроизводства русского и еврейского на равных правах». Сам по себе факт очень интересный. Лица из каких-то КомЗЕТа и ОЗЕТа, не имеющие никаких юридических прав, диктуют указания республиканским наркоматам. И их указания безоговорочно выполняются!

Да еще бы не выполняться — когда Ибраимов опять пытался противодействовать, он был вызван в Москву, и ОГПУ его арестовало, обвинив в «сокрытии бандитов». Арестовали и его ближайших сторонников в Крыму. За «националистические настроения» и «контрреволюционный заговор» 132 человека во главе с Ибраимовым были расстреляны. А через несколько дней после этого, 14 февраля 1928 г. Ларин выступил на заседании КомЗЕТа с предложением о создании в Крыму Еврейской республики.

«Хазарию» не оставляли без внимания и иностранцы. За первые четыре года переселенческой деятельности, 1924—1928, «Агроджойнт» внес 3,8 млн. рублей. (Советская сторона гораздо меньше: КомЗЕТ — 242 тыс., ОЗЕТ — 800 тыс.) Руководитель организации «Джойнт» Джеймс Н. Розенберг приезжал в СССР, вел переговоры с рядом руководителей государства. 31 января 1926 г. «Агроджойнт» заключил новый договор с СССР, по которому эта организация дополнительно выделяла на создание еврейских поселений 20 млн. руб., а Советское правительство — 5 млн. Наведывался в Москву и Феликс Варбург. Встречался с Рыковым, Бухариным, и настолько нашел с ними «общий язык», что по возвращении за океан открыто выступал в печати за признание большевиков правительством США.

Благодаря мощному иностранному финансированию, никаких материальных затруднений проекты «Хазарии» не встречали. Это в российском сельском хозяйстве царили развал и отсталость. А для еврейских колоний Америка готова была дать все. «Агроджойнт» поставлял сельхозмашины, удобрения, сортовое посевное зерно, присылал квалифицированных агрономов (и, наверное, они были не только агро-

номами). Колонисты, селясь «на землю», получали ощутимые денежные пособия, ссуды. Такое различное отношение к ним и к коренным жителям соседних деревень вызывало дополнительное озлобление. А в Крыму еврейских новоселов и без того не жаловали. В апреле 1928 г. на колонистов 75-го переселенческого участка напали татары деревни Айбары, с криками «бей жидов, спасай экономию» отлупили, закидали окна камнями. Произошел и ряд других столкновений.

Но, несмотря ни на что, реализация планов продолжалась. К ноябрю 1928 г. было переселено 26 269 человек. Проект поддерживался государством, его обеспечивали карательные структуры, во всех конфликтах принимая сторону новоселов и подавляя недовольство татар. И все же замысел «Хазарии» стал с самого начала... расплываться по швам. По одной простой причине: переселенцы были совсем не приспособлены к сельскохозяйственному труду. Они никогда не занимались этим, не имели для обработки земли ни малейшего опыта. Но и желания тоже не имели! И, доставленные в Крым, евреи быстро разбежались по городам, где снова могли заниматься привычной деятельностью: торговать, портняжничать, устраивать часовые мастерские и парикмахерские. Или уезжали назад в родные местечки. По переписи 1926 г. в Крыму было 39 921 евреев, но из них в сельской местности проживало лишь 4083. На 1 января 1930 г. их количество возросло до 49 100. А на селе обитало лишь 10 140. Да и то далеко не все из них стали крестьянами — многие пристраивались счетоводами, бухгалтерами, заготовителями, учителями, продавцами сельских магазинчиков. Нет, она была абсолютно не нужна массе простых евреев, эта самая «Хазария».

УДАРЫ ИЗВНЕ И ИЗНУТРИ

Антисоветская деятельность раскиданных по разным странам и разобщенных эмигрантских организаций оказалась совершенно неэффективной. А ОГПУ умело организовывало противодействие. Разношерстный состав эмигрантов, политический разброд, ностальгия по родине, нищета

предоставляли отличные возможности вербовать агентов в ее среде. Кого покупали, кого переубеждали в правоте большевиков, манили перспективой «загладить вину» и вернуться на родину. Постепенно антисоветские организации оказались наспигованы советскими агентами. В числе завербованных были многие видные фигуры: председатель Торгпрома Третьяков, один из руководителей БРП Кольберг, в РОВС — генерал Скоблин и др.

Осуществлялись и операции по обезглавливанию эмигрантских структур. В китайском городе Суйдун чекистами был убит атаман Дутов. Позже, во время гражданской войны в Китае, похитили и расстреляли атамана Анненкова и его начальника штаба Денисова. В Париже еврей Шварцбард застрелил Петлюру — якобы в отместку за антисемитские погромы на Украине. И французский суд Шварцбарда оправдал, хотя Петлюра к погромам никак не был причастен, запрещал их своими приказами. Некоторых участников антисоветского подполья в Советском Союзе и посланцев из-за рубежа, захваченных ОГПУ, перевербовывали, пообещав жизнь и свободу, и создавались фиктивные антисоветские организации. На одну из них, «Верховна вийськова рада», чекисты в 1923 г. заманили в СССР и взяли генерала Тютюнника. Из него сделали рекламную фигуру, чтобы разлагать украинских националистов.

В рамках операции «Синдикат-2» была придумана подпольная организация «Либерально-демократическая группа», на которую клюнул, в 1924 г. перешел границу и был арестован Савинков[143]. На суде он признал советскую власть, написал письма к соратникам, а за это ему заменили растрел 10-летним заключением. После чего он, по официальной версии, покончил с собой, по неофициальной его сбросили в лестничный пролет на Лубянке. Кому понадобилась его смерть? Нет, конечно, не советскому руководству. Масон Савинков обладал важной информацией о тайных контактах и делах Временного правительства, был связан с теневыми кругами европейской политики. Очевидно, из-за этого его и прикончили.

Уничтожение Савинкова не только ознаменовало конец созданных им антисоветских структур. Оно стало болез-

сенным ударом для Сиднея Рейли. НСЗРиС был его личным «козырем», благодаря которому он вознесся до ранга «супершпиона». Мало того, на финансировании савинковцев и перепродаже добытой через них разведывательной информации Рейли, судя по всему, неплохо грел руки. (Современники, знавшие его, сходились во мнении, что любые операции были для него неотделимы от материальной выгоды[173]). А тут, получалось, чекисты так ловко «супершпиона» обставили. Впрочем, у него имелся запасной вариант для подобных игр. Наряду с савинковцами, он влез в дела РОВС. Установил тесные контакты с генералом Кутеповым, который возглавлял у Врангеля разведку и контразведку. С Савинковым РОВС враждовал, но для Рейли оказалось вполне возможным «дружить» с обоими. Почему бы и нет, если он обеспечивал тем и другим содействие западных спецслужб?

Но ОГПУ параллельно с «Синдикатом-2» вело еще одну операцию, «Трест», для нее тоже было придумано фиктивное подполье, «Монархическое объединение Центральной России». Чекисты, изображая участников подполья, завоевали доверие РОВС и других эмигрантских организаций, встречались за границей с их руководителями, получали сведения о их деятельности. А осенью 1925 г. сумели заманить в СССР самого Сиднея Рейли. В 1960-х эта история была частично рассекречена, послужила основой для романа Л. Никулина «Мертвая зыбь»[119] и сериала «Операция «Трест», но некоторые весьма важные и любопытные детали остались неизвестными широкой публике.

В частности, толчком, побудившим Рейли сунуться в ловушку, стало переданное ему письмо... Троцкого! И даже уже не первое. В первом вроде бы Лев Давидович предлагал союз Савинкову. А через некоего Дерибаса Рейли было передано еще одно. В нем Троцкий просил помощи, чтобы отобрать власть у Сталина. Гражданам тех стран, чьи правительства способствуют этому, обещались широкие концессии. Выражалась также готовность объявить широкую амнистию для эмигрантов. Современные западные исследователи выражают сомнение, действительно ли Троцкий был автором этого письма — хотя бы из соображений элементарной осторож-

ности[173]. Ведь подобное послание, будучи перехваченным, могло слишком круто скомпрометировать его.

Но факт тот, что «супершпион» Рейли почему-то поверил! Настолько поверил, что, отбросив всякую осторожность, забыв даже об участии Савинкова, ринулся восстанавливать контакты со старым знакомым. Такая доверчивость объяснялась тем, что в деле были замешаны и другие его старые знакомые. Имеются данные, что подставил Рейли и фактически сдал чекистам не кто иной как... дядя Троцкого, Абрам Животовский[173]. И тут уж причины вполне понятны. Во-первых, Рейли, его бывший служащий, довольно много знал о тайной деятельности самого Животовского (да и вообще многовато знал о подоплеке революции). А во-вторых, Рейли, проворачивая свой бизнес с Вениамином Свердловым, был конкурентом «фирмы» Животовского и Ашберга. В ОГПУ его дело курировал сам Ягода. И обращает внимание тот факт, что Рейли слишком уж поспешно уничтожили. 25 сентября арестовали, а 5 ноября расстреляли. Без всякого суда, воспользовавшись заочным приговором, вынесенным ему еще в 1918 г. по делу Локкарта.

В целом же эмигрантские попытки бороться с Советской властью постепенно глохли. Западные правительства особой заинтересованности в данном направлении не проявляли. Но в 1927 г. совершенно неожиданно ситуация изменилось. В феврале полиция Франции нанесла удар по советским представительствам. По обвинениям в шпионаже и подрывной агитации было арестовано более 100 человек. В это же время, 23 февраля, МИД Англии предъявил СССР ноту с требованием прекратить коммунистическую пропаганду в британских владениях под угрозой разрыва дипломатических отношений. 12 мая английская полиция произвела обыск в советско-британской фирме «Аркус», через которую осуществлялся основной объем торговли между двумя странами (и которая служила в Лондоне «крышей» для ОГПУ, Разведупра и Коминтерна). Существенных улик найти не удалось, но Британия все равно разорвала отношения с Москвой.

Это совершенно противоречило видимой логике! На откровенные безобразия, которые Коминтерн и советские спец-

службы выделяли за границей в 1923—1925 гг., Запад старательно закрывал глаза. А к 1927 г. Сталин подобные дела прекратил, курс на «мировую революцию» свернул — и теперь-то иностранные державы ополчились на Советский Союз! Но на самом деле действовала другая логика. Достаточно сопоставить — политика Запада кардинально изменилась сразу после XV партконференции. Когда была разгромлена оппозиция, принята программа индустриализации, и СССР стал избавляться от иностранных концессионеров. Проекты «мирного» подчинения российской экономики и рынка потерпели фиаско. И возникла угроза, что рухнувшая Россия снова воскреснет и усилится. Уже не Российская империя, а Советский Союз, но какая была разница силам «мировой закулисы»?

Последовали удары и по геополитическим сферам влияния, которые пыталась создать Москва. В Северном Китае, находившемся под властью местного диктатора Чжан Цзолина, произошли налеты на советское полпредство и консульства, был захвачен советский пароход, курсировавший по Сунгари. Но резко изменились и отношения с Чан Кайши. Сталин, как уже отмечалось, настаивал на поддержке партии Гоминьдан, требовал от китайских коммунистов войти в нее. Однако дипломатические, коминтерновские, разведывательные структуры в Китае контролировал отнюдь не он. Троцкисты Иоффе и Ломинадзе гнули другую линию, принялись сколачивать заговор против Чан Кайши. Среди китайских революционеров произошел раскол, сопровождавшийся кровавыми столкновениями и массовыми избиениями коммунистов, альянс Москвы и Гоминьдана распался.

Кто остался в выигрыше? Американцы! Ранее уже говорилось, что их банкиры с 1912 г. делали бизнес на китайской революции [158]. Вдова Сунь Ятсена, на которой женился Чан Кайши, была не просто «боевой подружкой» основателя Гоминьдана, она являлась одним из самых богатых людей Китая, как раз через нее поддерживались связи с финансовыми кругами США. И в целом операция получилась блестящей. Революция Чан Кайши провозглашалась «антиимпериалистической», Гоминьдан воевал против англо-французских и японских ставленников. В 1925—1927 гг. эту борьбу против

конкурентов США финансировал СССР. После чего русских выкинули вон. Словом, троцкисты очередной раз сработали «как по заказу».

С антисоветским поворотом в политике западных держав оказалась востребованной и русская эмиграция. Тут-то пригодилась «Лига Обера» с собранными ею материалами о происках Коминтерна. Зарубежные спецслужбы активизировали сотрудничество с РОВС, БРП и прочими белыми организациями. А Гучков, Струве и ряд других эмигрантских деятелей (близких к масонским кругам), обратились к Кутепову с предложением, что для антисоветской борьбы надо искать «новые пути», и пришла пора «конструировать террористическую организацию». Генерал, разозленный тем, как его водили за нос с «Трестом», и сам был не прочь перейти к «настоящей» войне с коммунистами. И покатилося...

В мае 1927 г. группа Захарченко и Опперпута неудачно попыталась подложить бомбу в общежитие ОГПУ в Москве. В июне последовали сразу три теракта. В Белоруссии был убит видный чекист Опанский. В Ленинграде группа Ларионова устроила взрыв на собрании в партклубе — 1 человек погиб, около 30 ранило. А в Варшаве 17-летний Борис Коверда застрелил полпреда Войкова (Вайнера), одного из главных участников цареубийства. Кстати, на дипломатической работе он проявил себя не лучшим образом. Кутил, волочил за женщинами, брал взятки, развалил торговлю с Польшей и был уличен в пропаже крупных сумм. В Наркоминделе говорили: «Если бы не Коверда, быть бы Войкову в советской тюрьме, а не в кремлевской стене»[15]. Вскоре в Варшаве чуть не совершился еще один теракт, в советском полпредстве нашли взрывное устройство в дымоходе. А в июне 1928 г. члены РОВС Мономахов и Радкевич кинули бомбу в бюро пропусков на Лубянке...

Конечно, такие действия не могли нанести мало-мальски ощутимого ущерба советской власти. Пробравшись в СССР, белогвардейцы были просто не в состоянии совершить что-либо серьезное, разве что вот такие мелкие диверсии, а потом чаще всего погибали. А многие вообще ничего не успевали сделать, их срезали пули в перестрелках с пограничниками,

крестовывали где-нибудь на советской территории. Погибали ни за грош... Но ведь кому-то это было нужно. Нужно, чтобы нагнетать обстановку в Советском Союзе, провоцировать страх, подозрительность, репрессии.

И обращает на себя внимание четкая синхронность анти-советского поворота в политике Запада и активизации коммунистической оппозиции. Причем перед этим Троцкий успел съездить в Берлин, якобы для лечения. С кем уж он там встречался, с кем беседовал, остается неизвестным. Но летом 1927 г. «левые» развернули новые атаки на власть. В вину Сталину ставился провал советской политики в Китае (хотя это было неправдой — пока проводилась сталинская линия на союз с Гоминьданом, дела шли успешно). А британский разрыв отношений с СССР и теракты представлялись доказательствами близкой войны. Это также ставилось в вину Сталину — вот, мол, к чему привел отказ от «мировой революции» и курс на строительство социализма в одной стране, которого западный империализм ни за что не допустит.

Между прочим, эти акции принесли Западу и чисто коммерческую выгоду. Франция вознамерилась было поддержать антисоветский дипломатический демарш Англии — или сделала вид, что хочет поддержать. Но Советский Союз согласился продавать ей нефть по таким низким ценам, что французское правительство «смилось» и 17 сентября 1927 г. приняло решение: «В настоящее время ничто не оправдывает разрыва дипломатических отношений с СССР». По аналогичным причинам британскую инициативу отказались поддержать Германия, Италия, скандинавские и прибалтийские страны. Но ведь для нашей страны низкие цены оборачивались скупкой валюты, необходимой для индустриализации.

А в советском руководстве нагнетались страсти. Троцкий пошел до того, что в письме к Орджоникидзе от 11 июля саму необходимость обороны государства поставил в зависимость от его правительства. Дескать, поскольку ВКП(б) «переродилась» и наступил «термидор», то защищать правительство Сталина нельзя. Он провел аналогию с Францией, когда при наступлении немцев на Париж власть была отдана Клемансо. Сталин, зачитав на пленуме ЦК это письмо, комментировал:

«Мелкобуржуазная дряблость и нерешительность — это, оказывается, большинство нашей партии, большинство нашего ЦК, большинство правительства. Клемансо — это Троцкий с его группой. Если враг подойдет к стенам Кремля километров на восемьдесят, то этот новоявленный Клемансо, этот опереточный Клемансо постарается, оказывается, свергнуть нынешнее большинство... а потом взяться за оборону».

Пропаганда подобных взглядов была очень опасна. Большевики помнили, как сами аналогичными методами разлагали армию при царе и Временном правительстве. И за оппозицию взялись серьезно. Последовали аресты мелких активистов. Еще не за взгляды, а за то, что по советским законам являлось преступлением. Например, нелегальное размножение и распространение литературы. ОГПУ накрыло такие центры, где использовались гектографы, стеклографы, ротаторы. Троцкистов Щербакова, Третьякова и Мрачковского поймали на контактах с «врангелевским офицером». Говорили с ним о покупке типографского оборудования, обсуждали возможности военного переворота — а «офицер» оказался агентом ОГПУ. Оппозиция напрочь открещивалась от этих фактов, утверждала, будто ей нарочно приклеивают «политическую уголовщину». Хотя ничего нереального в этом не было. Напомню, что даже Рейли поверил в готовность Троцкого к сотрудничеству с белогвардейцами. А Щербаков, Третьяков, Мрачковский, конечно, не ведали, что общаются с провокатором, но в ОГПУ созались в разговорах, которые вели[161, 208].

Во время арестов оказались задеты и какие-то важные связи «оборотней». Например, в руки ОГПУ попал Лейба Фишелев, доверенный человек Троцкого в период его пребывания в США (один из пятерки, сопровождавшей его на пароходе при возвращении в Россию в 1917 г.). А горячо заступаться за Фишелева взялся вдруг член ЦК и бывший референт Зиновьева Сергей Зорин (Гомберг) — уже упоминавшийся брат Александра Гомберга, американского «литературного агента» Троцкого. Кстати, в описываемое время и Александр Гомберг околачивался в СССР, он в качестве представителя «Чейз Нэншил банка» заключал через Льва Давидовича контракт на закупку оборудования для Днепрогэса. А Зорин принялся ходатайство-

вать за Фишелева не перед кем-нибудь, а перед Бухариным, который, вроде бы, не имел к «органам» никакого отношения.

Аресты вообще возмутили оппозиционеров до крайности. В троцкистских листовках писалось: «В советских тюрьмах уже сидят коммунисты». Не-коммунисты, это было нормально, в порядке вещей, а вот коммунисты — воспринималось как нечто чудовищное. Снова пробовали возмущать народ. Троцкий и Зиновьев выступали на митинге в Ленинграде, и их «подсадные утки» в толпе рабочих выкрикивали: «Да здравствуют истинные вождя революции». Каменев собрал около 2 тыс. человек в Высшем техническом училище в Москве. Но реальное влияние оппозиции оказалось ничтожным. Большинству коммунистов они со своими дразгами уже просто надоели. По воспоминаниям секретаря Троцкого В. Кибальчича, в последних баталиях число их сторонников в столицах оценивалось в 400—600 человек[163]. Какая уж тут сила? Наивернейший помощник Троцкого, Адольф Иоффе, смог выразить преданность кумиру только тем, что покончил с собой.

Выходки оппозиции дали повод для очередного удара по ней, в октябре 1927 г. Троцкого и Зиновьева выгнали из ЦК. Но они не утомились, 7 ноября, в 10-ю годовщину революции, попытались устроить альтернативные демонстрации. Свои лозунги и портреты «вождей» оппозиция повешивала на стенах домов, где жили сами «вожди». Так, на углу Воздвиженки и Моховой красовались портреты Троцкого и Зиновьева. Как вспоминал троцкист И. Павлов, с крыши сталинисты пытались сорвать их баграми. «Активную оборону своих портретов вели оригиналы. Вооружившись половой щеткой с длинным черенком, Троцкий энергично отбивал атаки»[132]. Да, это, наверное, выглядело весьма символично. Еще недавно всемогущий Троцкий, машущий шваброй, защищая не что-нибудь значимое, а собственный портрет...

Были эксцессы. Преображенский с группой троцкистов на Манежной площади стал с балкона толкать речи проходящим мимо демонстрантам. Возмущенная толпа партийцев отмутушила их и сдала в милицию. Но в другом месте, когда милиция задержала троих смутьянов, их товарищи по дороге в участок

отбили арестованных, угрожая револьверами. В Харькове дошло до столкновения со стрельбой. Ну уж на такое хулиганство власть отреагировала быстро. 90 видных оппозиционеров, в том числе Троцкого и Зиновьева, исключили из партии, сняли со всех постов. В декабре, на XV съезде ВКП(б) Каменев, Раковский, Радек и другие «левые» униженно каялись во всех грехах. Но им не верили, сослали кого куда. Правда, не на Соловки, не в тюрьмы. Троцкого отправили в Алма-Ату, остальных — в иные провинциальные города.

«ВТОРЫЕ ЭШЕЛОНЫ»

Представлять дело так, будто с упрочением власти Сталина и с разгромом троцкистской оппозиции в СССР победил сутобо патриотический курс, нет никаких оснований. Исследователи, причем как сторонники, так и противники Иосифа Виссарионовича, с какой-то стати изображают его натуру и взгляды неизменными во времени. Хотя это вообще неправомочно. Разве может человек оставаться неизменным на протяжении своей жизни? И тем более не мог не меняться человек, вознесенный в бурях революции из самых социальных «низов» на вершину государственной власти. Человек, никогда к этому не готовившийся. Да и государство оказалось совершенно разваленным, его предстояло ремонтировать и строить заново. На протяжении своего правления Сталин неизбежно должен был что-то переосмысливать, делать для себя те или иные поправки, выводы.

И все факты говорят о том, что в 1920-е гг. он все еще оставался твердым и убежденным учеником Ленина. Он не хотел и не собирался пересматривать теорий покойного учителя, искренне верил в его непогрешимость. Он лишь корректировал ленинизм в тех пунктах, где, по мысли Сталина, конкретное воплощение оказалось искаженным. Так, проповедовался «пролетарский интернационализм», но на деле иностранцы получали преимущества перед русскими. И Сталин это положение старался выправить. В 1926 г. полетел со своего поста нарком просвещения Украины Шумский за «националисти-

ческий уклон». Его обвинили в чрезмерной «украинизации» педагогических кадров, в сопротивлении «русской культуре». В том же году крепко влетело М. Хвиевскому, требовавшему «немедленной дерусификации пролетариата» на Украине. В 1928 г. Сталин спас от расправы выдающегося музыканта Н.С. Голованова, которого «интернационалисты» вознамерились уничтожить, развернув его травлю по обвинению в «антисемитизме». В 1930 г. Секретариат ЦК учинил крутой разнос Демьяну Бедному за «огульное охаивание России и русско-го», а также «Правде» и «Известиям», печатавшим эту русофобскую пакость.

Не отказывался Сталин и от идеи «мировой революции». Но внес поправку, «теорию гири». Дескать, схватки между империалистическими державами неизбежны — и тогда-то СССР станет «решающей гирей», брошенной на весы. Выступит последним и окажется победителем. Согласитесь, по сравнению с идеей Троцкого, что Россия должна стать «охапкой хвороста» для разжигания мирового пожара, разница очень существенная. Ну а в ожидании грядущей схватки выдвигалась теория «осажденной крепости». Не разбазаривание сил и ресурсов в безумных атаках ради «пролетариев всех стран», а укрепление обороны в капиталистическом окружении. А из иностранных коммунистов настоящим революционером признавался только тот, кто безоговорочно поддерживает СССР, мировой оплот коммунизма[27].

Совершенно неправильным было бы изображать Сталина в данный период всемогущим диктатором. Он таким еще вовсе не был, по-прежнему зависел от окружения, от аппарата. Это удел любого главы государства: получать информацию, отфильтрованную и обработанную помощниками, принимать решения, разделяемые ближайшими сотрудниками, и передавать на исполнение опять через помощников. А ведомств было много, громоздкий государственный аппарат насчитывал 2,5 млн. «совслужащих». Попробуй-ка такое хозяйство проконтролировать! Разные ведомства подчинялись тем или иным лидерам, превращаясь в настоящие «феодалы», действовали по указаниям своих начальников.

Красноречивым примером «всесилия» генерального секретаря является уже упомянутая история с Н.С. Головановым.

Не только указаний Сталина оказалось недостаточно, но даже и Политбюро в течение 1928—1929 гг. пришлось возвращаться к этому вопросу четырежды! Четырежды принимались решения, требующие от редакций центральных газет — «Правды», «Известий», «Комсомольской правды» и других прекратить гонения на музыканта. И уже после всех этих четырех решений, 5 января 1930 г. Секретариат ЦК очередной раз постановил: «Констатировать, что постановление правительства о прекращении травли и бойкота Голованова не выполнено...» Причем газеты еще и тянули с публикацией этого постановления, лишь под нажимом оно появилось в печати 20 января. Вот вам и «всесилие»!

Наконец, победа над оппозицией вовсе не избавила советское руководство от «оборотней» и их ставленников. Сталин оставался очень умеренным в партийных наказаниях. Только Троцкого он считал настоящим врагом. Впрочем, и Лев Давидович не скрывал истинного отношения к сталинистам. Когда его исключали из партии, он не постеснялся заявить, что если победят они, то не удовлетворятся взятием власти, а расстреляют «эту тупую банду безмозглых бюрократов, предавших революцию. Вы тоже хотели бы расстрелять нас, но не смеее. А мы посмеем, так как это будет совершенно необходимым условием победы»[7]. Но ведь ни его, ни его сторонников никто еще расстреливать не стал. А Каменева и Зиновьева уже в июне 1928 г. вернули из ссылок, восстановили в партии. Каменев стал начальником научно-технического отдела ВСНХ, Зиновьев — ректором Казанского университета, членом редакции журнала «Большевик». Начали принимать обратно в партию и признавших свои ошибки зиновьевцев, троцкистов.

Однако кроме «битых фигур» в государственной верхушке оставались и другие эмиссары «закулисы». Так сказать, «второй эшелон». Деятели, сохранявшие видимую лояльность Сталину, даже активно помогавшие ему громить «левых». Как уже отмечалось, такие «оборотни» возглавляли ОГПУ — Менжинский и Ягода. При этом Менжинского Иосиф Виссарионович считал честным и добросовестным работником. А вот Ягоду очень не любил и не доверял ему. Сохранились ста-

минские записки и резолюции для Менжинского, где он просил не показывать Ягоде те или иные дела и документы[208]. Но, несмотря на такое недоверие якобы «всесильного» генсека, первый заместитель председателя ОГПУ почему-то оставался на своем посту. Хотя Менжинский часто болел, и Ягода фактически замещал его.

Кстати, точно так же, как Яков и Вениамин Свердловы, их родственник имел «фамильную черту»: не забывать собственный карман. Через своих подручных Ягода организовал целую систему вымогательства — если имелись данные, что у арестованных или их родных есть чем поживиться, предлагалось облегчение участи за золото, драгоценности, валюту. Стекающиеся к нему богатства Ягода с помощью сообщников пересылал за границу, в иностранные банки. Эти махинации впоследствии были раскрыты в Германии, стали достоянием гласности и использовались нацистской пропагандой (в частности, Розенберг рассказал о них на съезде НСДАП в Нюрнберге 3 сентября 1937 г.)

Масона и гомосексуалиста Чичерина в 1927 г. «по болезни» все же спровадили в отставку. Но заменил его на посту наркома иностранных дел другой высокопоставленный «оборотень» — Максим Литвинов (Макс Валлах), который всю гражданскую войну провел в Лондоне, где служил главным связующим звеном между Ллойд Джорджами и Мильнерами и их ставленниками в Москве. И наркомат остался пристанищем для аналогичных типов, связанных с теневыми махинациями. Так, масон Раковский, снятый с руководства компартией Украины, стал полпредом в Париже и Лондоне, удобно общаясь с французскими, британскими, американскими масонами. Были «оборотни» и в ближайшем окружении Сталина, среди самых «верных» ему лиц. Доказательств нет, но значительные подозрения в данном отношении вызывают фигуры Кагановича, Микояна.

А на роль «вождя номер два», второго по рангу советского деятеля, в ходе борьбы с «левыми» выдвинулся Николай Иванович Бухарин. Член Политбюро, главный идеолог и редактор «Правды». После поражения зиновьевцев и троцкистов он дополнительно усилился, в его ведение перешел

Коминтерн, он через «своих» людей контролировал ВСНХ, Госплан, Московскую парторганизацию. В демократической литературе Бухарин превознесен до небес. Из него сделали грамотнейшего теоретика, защитника интересов русского крестьянства, поборника нэпа, идеалиста, желавшего строить «цивилизованный» социализм без жертв и катастроф.

Вот таким Бухарин не был никогда. Между прочим, не был он и «любимцем партии». Исследователи ленинизма до сих пор гадают, откуда же такая характеристика попала в «политическое завещание»: то ли она является плодом болезни Ленина, то ли влияния Крупской, то ли подразумевалась ирония, но при диктовке забыли поставить кавычки[157]. Бухарин и впрямь отличался от Троцкого более демократичными манерами, но все равно оставался человеком «элиты». Он был одним из тех большевиков, чья принадлежность к масонству однозначно доказана. И, чисто русский по крови, проявил себя ярким русофобом. Порой даже как бы стеснялся происхождения и в эмиграции подписывал статьи еврейскими псевдонимами. В Нью-Йорке работал в редакции газеты «Новый мир», владелец которой Григорий Вайнштейн был связан с британской разведкой. А в России Бухарин стал одним из главных погромщиков Православия, русской истории и культуры. Был также одним из главных идеологов и пропагандистов «красного террора». Например, поучал: «В революции побеждает тот, кто другому череп проломит». А потом стал одним из главных проводников проекта «Хазарии».

Что касается его «цивилизованных» экономических взглядов, то Бухарин менял свои мнения, как перчатки. В 1918—1919 гг. возглавил группировку «левых коммунистов», требующую изгнать с предприятий инженеров, мастеров, чтобы руководили сами рабочие (и подобная практика немало способствовала развалу российской промышленности). Потом Николай Иванович поддерживал систему «военного коммунизма». Заявлял: «Принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». Потом обратил взгляды к нэпу, ратовал за его углубление, Сталину даже пришлось его осаживать, когда Бухарин выдвинул лозунг: «Обогащайтесь!»

Жаркие экономические споры между Троцким, Бухариным и их сторонниками действительно имели место. Но что было их истинной подоплекой, нам остается только догадываться. Индустриализация в начале 1920-х по планам Льва Давидовича (и под его руководством) вела к доламыванию России — а при этом страна раздавалась иностранным концессионерам. Углубление нэпа, по планам Николая Ивановича, вело к отставанию от Запада, постепенному перерождению государства в буржуазное. Но в него, опять же, внедрялись концессионеры, и страна превращалась в типичную «банановую республику». Возможно, каждый из лидеров предпочитал одну из этих моделей. Или, может быть, поединок был разыгран стоящими за ними силами «закулисы». Или просто имело место персональное соперничество — кому «рулить» государством, кому пожинать плоды. Но говорить о «вражде», об идейном противостоянии Троцкого и Бухарина абсолютно не приходится. О том, насколько были связаны между собой «оборотни», насколько согласованно они действовали, весьма наглядно свидетельствует история с высылкой Троцкого за границу.

В Алма-Ате он жил в общем-то неплохо. Даже куда лучше, чем жили революционеры в мягких условиях царских ссылок. Поселился с семьей в лучшей городской гостинице, еду ему доставляли из ресторана, хотя Лев Давидович постоянно жаловался на бытовые условия и качество кухни. Ну да понятно, теперь при нем не было штата личных поваров, прислуги. Спальный вождь свободно вел переписку, в том числе с заграничными корреспондентами. Ему по заказам присылали книги, статьи и журналы, нужные для работы. Основным минусом в положении Троцкого стало лишение возможности вести активную политическую деятельность. Да и бежать из советской ссылки было потруднее, чем из царской. Впрочем, не так уж трудно. В Алма-Ате вполне можно было разыскать и подкупить проводника, чтобы махнуть в Китай. Разве сам Троцкий не описывал, как в 1907 г. удирал из ссылки по тундре на оленях? Но теперь рисковать собой ему явно не хотелось.

И подручные Троцкого развернули кампанию за его вышлоение. Распространяли слухи о его страданиях, писали,

что он поставлен «в заведомо тяжелые, непереносимые условия». Была придумана версия, будто он заболел малярией (чего в помине не было), требовали перевести его в места «с более здоровым климатом» (т.е. поближе к центру государства). Троцкист Л. Сосновский пугал: «Всякая оттяжка перевода будет означать, что люди сознательно идут на создание нового дела «Сакко и Ванцетти» (американские анархисты, казнённые на электрическом стуле). Только уже на советской земле». Однако сам Лев Давидович уже понял, что развернуться в СССР ему больше не позволят. А каяться и получить второсортную должность, как Каменев и Зиновьев, его не устраивало. Поэтому он стал подумывать о других местах с «более здоровым климатом».

В 1928 г. ему пришло письмо из Нью-Йорка, подписанное «Абрам». Оно было перлюстрировано ОГПУ, фотокопия письма сохранилась в архивах ФСБ и была продемонстрирована в 2007 г. по телевидению в фильме Е.Н. Чавчавадзе и Г.А. Огурной «Лев Троцкий. Тайны мировой революции». Рассказывалось о безобидных бытовых деталях и сообщалось, что материалы, заказанные Троцким из Нью-Йоркской библиотеки, будут ему высланы, не найдены только номера из списка — и следовал длинный перечень цифр. ОГПУ смогло расшифровать эту тайнопись. И в ней речь шла уже не о бытовых вещах.

Сообщалось: «Правительство названной вами страны гарантирует вам визу и неприкосновенность лишь в случае добровольной передачи захваченной вами власти в известные вам руки. Материальная сторона проекта обеспечена. Переписка признана недопустимой. Указанный вами проект вашего возглавления активной борьбы с Кинто будет, конечно, принят, хотя пока встречает сомнения, не переоцениваете ли вы своей популярности и его бездарности». Кинто — разносчик на тифлисском рынке, Троцкий этой кличкой презрительно именовал Сталина.

Уже одно это письмо вызывает целый ряд вопросов — и оно же приводит к очень важным выводам. Во-первых, оно свидетельствует, что Троцкий поддерживал с Америкой не только личные связи. Во-вторых, желание вырваться из СССР

...ило именно его, а не навязано ему властями. В-третьих, удалось установить, кто скрывался под подписью «Абрам» — член коммунистической лиги Америки Мартин Аберн (Марк Абрамович). Из текста видно, что он явно связан с некими очень могущественными силами, которые вправе выдвигать требования Троцкому, давать ему указания — и способны устроить его дела в советском руководстве, в правительствах других государств. В-четвертых, уж такое письмо ОГПУ, разумеется, обязано было доложить Сталину. Но ведь не доложило! Иначе разве состоялась бы заказанная Троцким высылка? Да и вообще зарубежный корреспондент Льва Давидовича наверняка знал, что его почта просматривается. Но недопустимой признали лишь дальнейшую переписку. А эту шифровку все же отправили — то есть, были уверены, кто-то прикроет.

Наконец — о каком же poste, захваченном Троцким, шла речь? Он уже не занимал в Советском Союзе никаких постов, был исключен из партии! Ответ на этот вопрос автору довелось услышать только от неофициального, хотя и весьма компетентного источника. Последним постом, который сохранил за собой Лев Давидович, был «председатель Хазарской республики»! Пост негласный, но, судя по письму, очень важный, к нему придавалось такое значение. Кому уступил его Троцкий? Это осталось тайной. Но ведь кому-то уступил. И тут же работали «пружинки», тут же все разыгралось именно таким образом, как пообещал «Абрам».

Кто-то провел тонкую игру, кто-то в нужном свете доложил Сталину, посоветовал. И последовало решение — выслать за пределы страны. Решение уникальное. Ни до, ни после оно не применялось ни к одному видному коммунистическому оппозиционеру. Только к Троцкому, что преподносилось как добрый позор. А он подыгрывал: сопротивлялся, протестовал. Требовал, что если уж высылают, то пусть отправят в Германию. Но «пружинки» действовали и на международном уровне. Германия его принять отказалась, согласилась только Турция. А в итоге оказалось, что как раз туда Льву Давидовичу требовалось попасть, там его ждали.

Его не просто изгнали, доставив в порт под конвоем и таким посадив на пароход. Ему обеспечили выезд со всеми

удобствами. Мало того, ему удалось вывезти с собой значительные ценности и огромный архив. Не отдельные дневники и письма, а пару вагонов, сотни тысяч единиц хранения, среди которых были письма Ленина и других советских и зарубежных деятелей, государственные, партийные, международные документы! И сразу новые вопросы... В январе 1928 г. Троцкого отправляло в Алма-Ату ОГПУ. С применением силы, он отказывался, в машину его тащили на руках. Но почему же за год никто не поинтересовался его архивом? Не перелопатил, не искал в бумагах улики, что при арестах делается в первую очередь.

А деятель, обеспечивший вывоз архива за границу, известен. Николай Иванович Бухарин. Но были и другие. Таможенники и пограничники почему-то закрыли глаза на тюки вывозимых документов. Значит, последовали могущественные указания руководства ОГПУ... Что же касается Троцкого, то в Турции ему была предоставлена вилла на Принцевых островах. Он не нуждался в деньгах, завел штат прислуги, сильную охрану. И занялся новым делом, начал организовывать антисталинское «сопротивление» в эмиграции. Точно так же, как было до 1917 г.: центр революционеров за рубежом, а через него осуществляется руководство подрывными структурами внутри России.

ПОСЛЕ «ЛЕВЫХ» — «ПРАВЫЕ»

Партийные съезды и конференции занимались не только разборками с оппозицией. В СССР они традиционно принимали стратегические решения по экономическим, политическим вопросам. И в 1927 г. XV съезд, добивший «левых», постановил ускорить темпы индустриализации, перенести центр тяжести с легкой промышленности на тяжелую, на производство средств производства, чтобы обеспечить эту самую индустриализацию не покупным, а отечественным оборудованием. Брался курс и на коллективизацию в деревне...

Но уже тогда, когда принимались постановления, их выполнение оказалось более чем проблематичным. Потому что

планы хлебозаготовок на 1927 г. провалились. Причем провалились совершенно неожиданно! Урожай был отменный. По предложению Бухарина и Рыкова закупочные цены на сельхозпродукты не повышались — они указывали, что в условиях монополии государства крестьяне все равно никуда не денутся, продадут хлеб. Но осенью выяснилось, что зерна сдали в половину меньше, чем в 1926 г.! И другой продукции тоже. Бе не хватало даже потребителям внутри страны. Очевидец писал: «Зимой 1927/28 года в городах очереди за хлебом стали обычным делом, масло, сыр и молоко — редкостью. Государственные запасы зерна истощились» [208]. Разумеется, это вызывало недовольство граждан. Но ведь, кроме того, экспорт сельхозпродукции оставался важнейшим источником валютных поступлений для индустриализации...

Что же произошло? В Советском Союзе объясняли, что хлеб «гноили кулаки». Демократические авторы рассуждают иначе — что крестьяне не имели возможности купить промышленные товары, поэтому и не продавали излишки хлеба, предпочитали оставить их у себя. Обе эти версии не выдерживают критики. О том, что крестьяне оставляли всю продукцию у себя дома, могут рассуждать разве что «бумажные» теоретики, не задумывающиеся о специфике сельского хозяйства. Зерно — вовсе не такая вещь, которая может храниться сколь угодно долго, а уж тем более масло, сыр, молоко. Холодильников-то у крестьян не было. Не было и оборудованных элеваторов, перерабатывающих предприятий. Неужели крестьяне были такими дураками, что обрекали плоды своего труда на порчу и гниение, вместо того, чтобы сбывать, хотя бы и по низким ценам? А кулаки образца 1920-х были вовсе не крупными производителями, а в первую очередь перекупщиками продукции односельчан. И что же, они потратились, приобретая ее, а потом оставили в погребах, пускай пропадает?

Отчасти на срыв заготовок оказали влияние как раз наметавшиеся слухи о близкой войне, теракты белогвардейцев. Если заполыхает, то неизвестно что будет в стране, что будет с советскими деньгами — все же вернее придержать часть зерна. Но это была лишь одна из причин. И, опять же, на ка-

кое-то время можно сохранить зерно, но не молоко или сыр. Ответ на вопрос дает нам директива замнаркома юстиции РСФСР подчиненным органам от 16 июля 1928 г., она была издана перед следующей заготовительной кампанией: «в случае новой попытки... срыва хлебозаготовок» быть готовыми «к массовому применению ст. 107 Уголовного кодекса» (спекуляция) против скупщиков хлеба. Сельскохозяйственную продукцию *кто-то скупал!*

Кто? Городские эпманы, желая погреть руки? Но желание получить барыш у них было всегда. Только в прежние годы оно почему-то не создавало особых проблем. А теперь дружно бросились скупать? Хотя можно вспомнить и другое. Подобная методика создания искусственных дефицитов была в отношении России уже отработана, она применялась в 1916—1917 гг. для создания кризиса и привела к Февральской революции. Почему было не повторить удачные действия?.. Зимой 1927/28 гг. уже не царская, а Советская Россия очутилась в условиях кризиса. Возникла реальная опасность социального взрыва. И планы индустриализации казались обреченными на провал.

Стройки, которые уже были начаты, пришлось бы очередной раз «замораживать», сворачивать работы. Вложенные в них огромные средства пошли бы насмарку. Вложенный труд пропал бы зря. Котлованы и фундаменты намеченных предприятий засыпало бы снегом, заливало дождями. Купленное за границей оборудование ржавело бы на складах... И ведь такое произошло бы уже не в первый раз! Аналогичные вещи случились и в 1925, и 1926 гг. В общем, выходило — задумывайте, планируйте свою индустриализацию, тратьте на нее деньги. А потом по каким-то причинам все сползет на нет. И снова будете планировать, тратить, кормить иностранных поставщиков. Россия получалась обреченной на такие безрезультатные дергания на одном месте, разбазаривая свои национальные богатства...

Но на этот раз Сталин решил вырваться из «заколдованного круга». Вырваться методами «военного коммунизма». В январе 1928 г. Политбюро приняло постановление о насильственном изъятии излишков хлеба. Для этого созда-

вались специальные отряды из коммунистов, привлекалась деревенская беднота, возглавить кампанию должны были высшие руководители — сам Сталин выехал руководить заготовками в Сибири. И зерно, конечно же, собрали. Но точно так же, как в гражданскую войну, «чрезвычайные меры» сопровождались колоссальными злоупотреблениями. Партийцы и активисты из голодных городов ринулись трясти «сытую» деревню. Хлебозаготовки нередко выливались в грабежи, сопровождались насилиями. Хватало и охотников отличиться, перевыполнить показатели, для чего выметали амбары не только кулаков, а середняков, бедняков.

В ответ вспыхнули крестьянские восстания. Их жестоко подавляли, но не помогало, количество бунтов росло. В апреле их зафиксировано 36, в мае 185, в июне 225. Надо сказать, что советское руководство погромов деревни не предпринимало и не приветствовало. В апреле объединенный пленум ЦК и ЦКК хотя и отметил общий успех кампании, но вместе с тем осудил «извращения и перегибы, допущенные местами со стороны советских и партийных органов», которые «фактически являются сползаниями на рельсы подразверстки». Но постановление ничего не изменило. Соблазны всевластия, возможности пограбить оказывались слишком сильными. 16 июля 1928 г. вышла директива замнаркома юстиции РСФСР Крыленко, запретившая такие меры, как обходы дворов в поисках хлеба, незаконные обыски и аресты, закрытие базаров. Приказывалось прекратить все уголовные дела по статье о спекуляции, которые ретивые исполнители завели против середняков и бедняков. А 19 июля правительство постановило отменить «чрезвычайные меры» при хлебозаготовках. Лишь после этого восстания пошли на убыль (в июле их случилось 93).

Но в ходе кампании подтвердилось, что скупка сельхозпродукции шла через кулаков. И Сталин приходил к выводу, что «пока существуют кулаки, будет существовать и саботаж хлебозаготовок... Поставить нашу индустрию в зависимость от кулацких капризов мы не можем». 16 мая 1928 г. ЦК принял постановление «За социалистическое переустройство деревни», впервые допустившее «раскулачивание» — конфискацию

и раздел кулацких хозяйств с выселением владельцев. В отношении других категорий крестьян ситуация, вроде, обещала вернуться в нормальное русло. По предложениям Бухарина и Рыкова были повышены закупочные цены — и производители сами должны были сдавать продукцию государству.

Однако деревня была взбудоражена погромами. Правительству не верили, ходили упорные слухи о возврате продразверстки. А раскулачивания вылились в новую волну безобразий. Из-за тех же соблазнов пограбить, воспользоваться чужим имуществом, под кампанию попадали не кулаки, а просто зажиточные хозяева, попадали персональные враги местных активистов. В такой обстановке крестьяне сокращали засеваемые площади. В некоторых местах не хватило посевного зерна — выгребли вместе с «излишками». И если пошли на убыль крестьянские бунты, то стало расти количество терактов против «раскулачивателей». В январе 1928 г. в сельской местности был отмечен 21 теракт — в сентябре уже 103, в ноябре 216.

И положение с продовольствием ничуть не улучшилось, оно становилось все хуже. Опять, несмотря на объявленную отмену, пришлось в ряде местностей вводить «чрезвычайные меры». А окончательное решение проблемы Сталин увидел в коллективизации. Указывал: «Нужно добиваться того, чтобы в течение ближайших трех-четырех лет колхозы и совхозы... смогли дать государству хотя бы третью часть потребного хлеба»... Кризис обострил и проблемы иного рода. Снова активизировалась оппозиция. Радек писал одному из товарищей: «В Москве нет хлеба. Недовольство масс... Мы накануне крестьянских восстаний». Считали, что можно будет воспользоваться ситуацией для перехвата власти, реанимировали свои структуры, распространяли троцкистские листовки.

Но наряду с «левым уклоном» в партии заговорили и о «правом». Только сперва это не имело никакого отношения к Бухарину и его группировке. Как уже отмечалось, в условиях нэпа многие местные руководители вошли во вкус «красивой жизни». Вели дела с нэпманами, покрывали их махинации, «барствовали» в своих владениях, погрязнув в кутежах и сексуальных удовольствиях. Когда начали раскручиваться

дела о спекуляциях с продовольствием, такие факты всплыли наружу. В мае 1928 г. ЦК принял постановление о «бюрократах, сращивающихся с нэпманами» в Смоленской, Сочинской, Артемовской, Ряжской и Сталинской парторганизациях. Указывалось, например, что на Смоленщине «губернские партконференции были сплошной большой пьянкой», «старые революционеры превратились в пьяниц и развратников». Было снято со своих постов и исключено из партии более тысячи руководителей, многие попали под суд. К «правому уклону» как раз и отнесли подобных «перерожденцев», а потом добавили еще нескольких деятелей вроде заместителя наркома финансов М. Фрумкина, выступившего против раскулачивания.

Но возникло и охлаждение между Сталиным и группой Бухарина, Рыкова и Томского. Началось оно вовсе не по вопросам экономической стратегии. Сталин понимал, что ошибаться может каждый, и не склонен был драматизировать разногласия. Напротив, пытался сглаживать их. Когда в марте 1928 г. Рыков вспылил по поводу «чрезвычайных мер» по хлебозаготовкам и швырнул на стол заявление об отставке, Сталин написал на нем «резолюцию»: «Дело надо сделать так: надо собраться нам, выпить маленько и поговорить по душам. Там и решим все недоразумения». Бухарин и его сторонники полностью поддерживали курс на ускоренную индустриализацию, коллективизацию. Николай Иванович всюду клеймил «правых уклонистов», на XV съезде требовал «форсированного наступления на кулака».

Конфликт обозначился, когда Сталин начал прижимать «феодалы княжества». Выполнение указаний правительства шло вразброд, в парторганизациях вскрывались все новые злоупотребления. Вот и обратили наконец-то внимание, что различные партийные и государственные структуры живут и действуют сами по себе, подчиняясь лишь собственному руководству. Взять хотя бы приведенный выше пример, когда Политбюро принимало решения, а редакции газет действовали вопреки ему. (Кстати, как нетрудно понять, именно такая бесконтрольность облегчала регулировку советской жизни со стороны зарубежных сил). И Сталин решил покончить с этим.

Во второй половине 1928 г. он начал брать различные ведомства под контроль. Представителей из аппарата ЦК стали вводить в Исполком Коминтерна, в редакцию «Правды», в профсоюзы, хозяйственные органы, провели перевыборы в пытавшейся самостийничать московской парторганизации.

Вот эта борьба за централизацию как раз и вызвала резкую оппозицию Бухарина. Он снова поднял лозунги «партийной демократии», подразумевая, что контроль со стороны ЦК ее нарушает. Использовал и экономические аргументы — но они были не самоцелью, а только средством. Как ранее указывалось, Николай Иванович многократно менял свои взгляды, и со сталинским курсом вполне соглашался. Но в условиях кризиса, когда горожане возмущались очередями за хлебом, а крестьяне — изъятиями хлеба, критика экономической политики оказывалась выгодной. Позволяла завоевывать популярность, а в случае социального взрыва — даже и прийти к власти. В январе 1929 г. Бухарин выступил со статьей «Политическое завещание Ленина». О работах «завещания» прямо речь не шла, но намек был более чем понятен партийцам, и название звучало открытым вызовом.

При этом Бухарин и его сторонники действовали более умно, чем «левые». Они не созывали отдельных совещаний, не вырабатывали общих платформ, чтобы не подставиться под обвинение во «фракционности». Не пытались раздувать смуту на митингах, распространять воззвания. Николай Иванович предпочитал кулуарные интриги в партийном руководстве. Распространял слухи, сеял сомнения. Вел работу через хозяйственные, культурные и прочие органы. Его опорой становилась отнюдь не масса. С одной стороны, этой опорой были партийные функционеры среднего звена, втайне желавшие продолжения «нэповской» жизни и недовольные закручиванием гаек. С другой — «спецы» из дореволюционной интеллигенции: инженеры, экономисты, управленцы, финансисты и т.д. Они хорошо оплачивались, пользовались протекциями советских руководителей, занимали важные посты в наркоматах, Госплане, ВСНХ и других органах. И были вовсе не против того, чтобы коммунистическое государство постепенно превратилось в обычную буржуазную демократию.

Опорой Бухарина становилась и молодежь. Но, естественно, не вся молодежь. Он завоевывал симпатии среди комсомольских работников, учащихся столичных вузов — а это были в основном дети элиты. Те самые «дети Арбата», которых впоследствии воспел Рыбаков. Арбата, а не провинциальных городков и сел. Своими лозунгами «демократии», семенами критики Бухарин приобретал авторитет, например, в Академии красной профессуры (откуда потом вышли многие антисталинисты наподобие Авторханова), в коммунистическом университете им. Свердлова, в литературном институте.

Открыто обвинять Сталина в экономических ошибках Николай Иванович тоже не рисковал. В своих статьях и выступлениях он как бы атаковал Троцкого, предостерегал от «сползания к троцкизму», хотя бил по тем пунктам троцкистских программ, которые совпадали со сталинскими. И, кстати, в искренности его нападок на Троцкого и «левых» позволительно усомниться. Ведь Льву Давидовичу он помогал вывезти за рубеж архивы в это же самое время. Да и с «левыми» подспудно наводил контакты. 11 июля 1928 г., когда еще никаких конфликтов между Сталиным и Бухариным не произошло (они начались в конце лета и осенью), Николай Иванович тайно встретился с Каменевым, предложив ему действовать сообща. Говорил: «Разногласия между нами и Сталиным во много раз серьезнее всех бывших разногласий с вами». Высказывал грязные характеристики в адрес Сталина и других членов Политбюро, выражал уверенность, что «линия Сталина будет бита».

Однако Бухарин «перехитрил сам себя». Каменев записал текст разговора и послал Зиновьеву. Но секретарь Каменева Швальбе снял копию и передал троцкистам. Они обиделись на нападки в свой адрес и опубликовали текст в листовке. Разразился скандал. Члены Политбюро были ошеломлены теми словами, которыми Бухарин обзывал их за глаза, да еще и перед оппозиционером. Николай Иванович пробовал отвергаться, называл публикацию «гнусной клеветой», но Каменев подтвердил подлинность беседы, и Бухарину тоже пришлось признать ее. Тут уж против него ополчились все. Резолюция ЦК осудила переговоры с Каменевым как «фракционный акт».

Был однозначно сформулирован и ответ на бухаринские требования «демократии» — резолюция констатировала, что отсутствие контроля со стороны ЦК ведет к превращению государства «в бесформенный конгломерат, состоящий из феодальных княжеств, в числе которых мы имели бы княжество «Правды», княжество ВЦСПС, княжество ИККИ, княжество НКПС, княжество ВСНХ....»

Бухарин, Рыков и Томский не смирились с поражением, попробовали отстаивать свою точку зрения. И в апреле 1929 г. были осуждены пленумом ЦК. Впрочем, прошли по ним куда мягче, чем раньше громили «левых». Сперва их даже «уклонистами» не называли, указывали, что их взгляды «совпадают в основном с позицией правого уклона». И лишь в ноябре 1929 г., после новых выступлений Бухарина объявили «застрельщиком и руководителя правых уклонистов». Теперь и этих оппозиционеров принялись снижать по «ступенечкам». После каждой взбучки они послушно каялись, но продолжали исподволь гнуть критическую линию. И Орджоникидзе писал о Бухарине: «Он, совершенно неожиданно для нас, оказался человеком довольно неприличным. Он будет делать все от него зависящее, чтобы создать впечатление, что его обижают и угнетают, и в то же время сам всех будет мазать г.....».

Но все равно «правых» били не так сильно, как Троцкого и Зиновьева. То выводили из Политбюро, то обратно вводили. Бухарина сняли с руководства «Правдой» и Коминтерном, но поставили начальником отдела ВСНХ и редактором второй по рангу газеты, «Известий». Их не ссылали, они оставались в составе советской элиты, сохраняя кремлевские привилегии и значительное влияние. Бухарин даже каяться приучился весело, как бы с вызовом. Он, очевидно, чувствовал за собой какую-то силу, был почему-то уверен в своей безнаказанности. Порой позволял себе даже откровенно наглые выходки. Так, в 1932 г. он вместе со Сталиным был на встрече с молодыми литераторами. Перебрал лишку, и когда участники встречи попросили рассказать о Ленине, Бухарин дернул Сталина за нос и засмеялся: «Ну, соври им про Ленина» [62]. Иосиф Виссарионович очень разозлился. Но смолчал. И обошлось без последствий.

Необходимость кардинальных перемен в экономике диктовалась не только ситуацией внутри страны, но и внешней угрозой. Нет, англичане, французы, американцы воевать с СССР не собирались. Британия даже восстановила с Москвой дипломатические отношения. Зачем от торговых выгод отказываться? Но одно другому не мешает, разве некого было на русских натравить? Поддерживаемая Западом, бряцала оружием Польша. Враждебно вели себя Румыния, Финляндия. А первыми попробовать Советский Союз на прочность подтолкнули китайцев. Китайская Восточная железная дорога (КВЖД) строилась Российской империей, а по соглашению 1924 г. СССР и Китай владели ею на паритетных правах. Но не без влияния западных дипломатов и спецслужб северо-китайское правительство Чжан Сюэяна в 1929 г. решило изменить положение. Момент выглядел благоприятным, в Советском Союзе нехватка продуктов, общее недовольство, оживилась оппозиция. В случае войны, глядишь, дело дойдет до беспорядков, как в русско-японскую.

Китайская полиция и войска захватили КВЖД, советских служащих арестовывали, выгоняли на родину, многих убивали. Или они просто исчезали, а потом в Сунгари вылавливали трупы со сделами истязаний. Дипломатические протесты Москвы были проигнорированы. Железной дорогой правительство Чжан Сюэяна ограничиваться не собиралось. Стали сосредотачиваться группировки для вторжения в Приморье и Забайкалье. На границах начались сплошные провокации. Под эгидой китайских властей стали формироваться отряды белогвардейцев. Возникали даже проекты отхватить всю Сибирь. (Хотя нетрудно понять, что выигрыш достался бы вовсе не китайцам. При собственном феодальном хозяйстве, куда уж им было осваивать такие пространства? Тут погнали бы руки японцы или западные концессионеры).

Но в ноябре небольшая по численности Особая Дальневосточная армия нанесла удар, за несколько дней вдребезги разгромила китайские войска, продвинувшись до Хинганских

гор. Победа была впечатляющей. Горячие головы в советском руководстве, в военном командовании воодушевились наступать в глубь Китая, противостоять нашим войскам было некому. Вот она, «мировая революция»! Однако Сталин пресек эти настроения. Освободить «пролетариев всех стран» ценой русской крови он не желал. И хорошо понимал, что эскалация конфликта может привести к вмешательству уже более серьезных противников. Как только перепуганные китайцы запросили о мире, наше правительство согласилось, удовлетворившись всего лишь восстановлением на КВЖД прежнего статус-кво.

В связи с внешней опасностью в 1929 г. была воссоздана Военная комиссия Коминтерна, ликвидированная в 1925-м, усилилось финансирование зарубежных компартий. Для разных стран снова разрабатывались планы революционных выступлений, диверсий. Хотя в данном отношении определяющими были уже задачи не «мировой революции», а обороны государства — в случае войны разрушать тыл вероятных противников. Но при этом СССР оставался отсталой страной, его уровень промышленного производства даже не дотягивал до 1914 г. — в то время как Запад в 1920-х переживал бурный промышленный рост. Индустриализацию требовалось вести во что бы ни стало. А непрекращающиеся продовольственные кризисы 1927, 1928, 1929 гг. убедили Сталина, что ее надо вести вместе с коллективизацией.

Кстати, коллективизация была изобретением не сталинским. Ее в разных формах с благословения Ленина пробовали проводить в 1918—1919 гг. И при нэпе попытки не прекращались, необходимость ее признавали как «левые», так и «правые». Ее старались осуществлять в форме кооперативов, но результаты были плачевными. Кулаки и нэпманы подминали под себя кооперативы точно так же, как в 1990-х гг. деятели будут подминать сельские «акционерные общества». И Сталин взял для коллективизации ленинскую форму. Ту самую, которая была описана в одной из последних статей Владимира Ильича, «О кооперации».

Между прочим, как ни парадоксально, М.С. Горбачев тоже будет использовать ее, подкрепляя цитатами перестро-

тные «реформы». Но если не дергать отдельные цитаты, а внимательно прочитать всю работу, то станет ясно, что речь идет именно о коллективизации сельского хозяйства. По Ленину, должно осуществиться тотальное «кооперирование в достаточной степени широко и глубоко русского населения». И «кооперативы», которые он имел в виду, должны организовываться «на государственной земле при средствах производства, принадлежащих государству», при «обеспечении руководства за пролетариатом по отношению к крестьянству» [96].

Сталин все это выполнил буквально. Только вместо названия «кооперация», которое дискредитировало себя в период нэпа, он использовал слово «коллективизация». Вот и строились планы «широко и глубоко». И указания насчет средств производства, принадлежащих государству, пришлось очень кстати. Тракторов-то было мало, на все колхозы их не могло хватить. И задача решалась путем создания государственных машинно-тракторных станций (МТС), способных обслуживать по несколько колхозов.

Но, кроме Ленина, у Сталина в это время появляется еще один пример для подражания. Петр I. Конечно, не реальный Петр, больше наломавший, чем создавший, а тот идеализированный образ, который культивировался среди русского дворянства и интеллигенции: великий реформатор, «вздыбивший» Русь, сумевший вывести ее из гипотетической «отсталости» на уровень европейских держав. Реформатор, преодолевавший сопротивление оппозиции (что Сталину было близко). И не считавшийся ради достижения цели ни с какими трудностями подданных — иначе погибнет государство...

Сам ли Сталин обратился к этой фигуре? Или подсказали? В любом случае, для большевистского государства 1920-х гг. обращение к образу царя, каким бы он ни был, являлось очень смелым. Впервые имя Петра прозвучало на пленуме ЦК в ноябре 1928 г. Сталин назвал его в одном ряду с Лениным и, ссылаясь на них, указывал — надо «догнать и перегнать передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении», лишь в этом случае Советский Союз выйдет из экономической зависимости от них и сможет построить социализм. Летом 1929 г. нэп стал сворачиваться. Прикрывались

частные предприятия и торговля, была узаконена принудительная продажа крестьянами «излишков» продукции, вводилась карточная система.

Первые результаты, вроде бы, обнадеживали. Успешно возводились промышленные объекты. И относительно сельского хозяйства ЦК констатировал, что темп коллективизации «превзошел самые смелые ожидания». Поэтому планы индустриализации и коллективизации корректировались в сторону повышения. 7 ноября Сталин выступил со статьей «Год великого перелома». По-«петровски». Перелом подразумевался «в развитии земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию». В декабре было установлено: к весне 1930 г. вовлечь в колхозы 34% крестьянских хозяйств. А 5 января постановление ЦК определило: «Коллективизация зерновых районов может быть в основном закончена осенью 1931 г. или, во всяком случае, весной 1932 г.» Ставилась и задача «ликвидации кулачества как класса». В деревню были направлены 25 тыс. рабочих для организации колхозов.

Но вылилось это в катастрофу. Низовое партийное руководство рьяно бросилось перевыполнять директивы. А «двадцатипятидесятники» оказались не лучшего сорта. Хороший рабочий не пойми куда не поедет. Заводские парторганизации отряжали таких, кто самим был не нужен. Бездельников, горлопанов, сомнительные личности. Получив власть над крестьянами, они развернулись вовсю. Отбирали скотину, птицу, имущество. И крестьяне, загоняемые в колхозы, сами резали скот, чтобы хоть попользоваться мясом. А та живность, которую удавалось «обобществить», подыхала без кормов и присмотра, потому что новоиспеченные председатели из «двадцатипяти-тысячников», из мелких партийных функционеров, даже из сельских активистов руководить большими хозяйствами не умели. Инвентарь ломался, ценности разворовывались — и нередко самими председателями или их подручными.

А параллельно шло раскулачивание. Сплошь и рядом к кулакам причисляли любых зажиточных крестьян, середняков. В некоторых районах придумывали собственные критерии: допустим, если в семье нет коровы, это бедняки, если

есть — середняки, а если две коровы — уже кулаки. У таких конфисковывали нажитое добро и отправляли в ссылки. Ну а для бедняков или середняков, протестующих против коллективизации, ввели термин «подкулачник». Эта вакханалия вызвала бунты. Секретарь Центрально-Черноземного обкома Варейкис писал: «В отдельных местах толпы выступающих достигали двух и более тысяч человек... Масса вооружалась вилами, топорами, кольями, в отдельных случаях обрезками и охотничьими ружьями».

В 1930 г. зафиксировано 1300 крестьянских восстаний и волнений, охвативших 2,5 млн. человек. Основная часть мятежей пришлось на январь — февраль. Были столкновения, вызывались войска. Но и красноармейцы были выходцами из крестьян, повиновались плохо. И Сталин запретил бросать на подавление воинские части, разослав органам ОГПУ секретную телеграмму: «Сопrotивление крестьян перерастает в повстанческое движение, обстановка грозит гибелью, употреблять Красную армию для подавления повстанцев — значит идти на разложение ее ввиду подавляющего крестьянского состава и оголеть границы СССР». Чаще обходились иначе. Выжидали, когда бунтующие толпы «выпустят пар» и разойдутся, а потом в деревню наезжали команды ОГПУ и арестовывали самых активных.

Был ли виноват в этих бедствиях Сталин? Без сомнения, как руководитель партии и государства. Но все же говорить о «сталинской политике» в данном случае было бы некорректно. Указания, которые давал ЦК, разительнo отличались от того, что происходило на практике. Еще раз обратимся к процитированным выше документам. Январское постановление ЦК говорило о коллективизации «зерновых районов», о том, что она *может* быть завершена «в основном» к осени 1931 или весне 1932 г. Но нигде и никогда не требовалось завершения к весне 1930 г.! К этому сроку предусматривалось вовлечение в колхозы 34% хозяйств — но не 56%, как оно случилось уже к марту.

Значит, на промежуточных уровнях между ЦК и исполнителями кто-то подправлял, корректировал, настраивал на «перевыполнение». Случайно ли? Ох, что-то не верится в эда-

кие случайности. Тем более что кампания развернулась как-то очень уж быстро, всего за два месяца — по всему Советскому Союзу. Другие-то дела долго приходилось «раскачивать», повторные указания давать, нажимать, а тут мгновенно... И Сталин вовсе не форсировал процесс. Наоборот. 30 января 1930 г. за его подписью вышла директива ЦК, пытавшаяся сдерживать увлечение раскулачиванием: «... ЦК разъясняет, что политика партии состоит не в голом раскулачивании, а в развитии колхозного движения... ЦК требует, чтобы раскулачивание не проводилось вне связи с ростом колхозного движения, чтобы центр тяжести был перенесен на *строительство* новых колхозов...»

А 2 марта 1930 г. вышла статья Сталина «Головокружение от успехов», резко осуждавшая допущенные безобразия. В тот же день был опубликован примерный устав сельскохозяйственной артели, в разработке которого участвовал Сталин. В уставе предусматривалось оставлять крестьянам приусадебные участки, не обобществлять мелкий скот, птицу и т.п. (Другой вопрос, что о таком уставе надо было подумать раньше — но это входило в обязанности не партийного руководства, а наркомата земледелия, хозяйственных органов). 14 марта ЦК принял суровое постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении»: «ЦК считает, что эти искривления являются теперь основным тормозом дальнейшего роста колхозного движения и прямой помощью нашим классовым врагам». А 3 апреля в «Правде» была опубликована еще одна статья Сталина «Ответ товарищам колхозникам», где разъяснялась политика партии в данном вопросе.

Кстати, на эти статьи и постановление ЦК больше всего обиделись... троцкисты. Оказалось, что как раз они особенно усердно громили деревню, полагая, что партия приняла их курс наступления на крестьянство. А когда за «искривления» стали наказывать, троцкисты даже в открытых газетных публикациях выражали возмущение: дескать, нашими руками сделано дело, и нас же объявили «крайними». Ну а крестьяне после разъяснений, что колхозы должны создаваться на добровольной основе, начали массами выходить из них. Если к марту в колхозы удалось поверстать 56% хозяйств, то через два месяца осталось 26%.

Но возможности индивидуального труда оказались уже подорванными. Хозяйства понесли колоссальный ущерб, скотина погибла (ее поголовье не восстановилось даже к 1941 г.) Распоряжаться «излишками» своей продукции крестьяне все равно больше не могли. А процесс коллективизации возобновился к концу 1930 г., но уже более планомерно, организовано. Лишь к середине 1931 г. число крестьянских хозяйств, вошедших в колхозы, достигло 53%.

С легкой руки Солженицына и других авторов коллективизацию и раскулачивание принято изображать «мужичьей чумой». Называются цифры — 10 млн., 15 млн. сосланных. Причем все они почему-то подразумеваются погибшими. Да, бедствие и впрямь было колоссальным. Но и лжи в данном вопросе намешано сколько угодно. Сразу отметим, что точных цифр до сих пор нет. В ходе антисталинских разоблачительных кампаний они так и не опубликованы. Почему? Что же касается версии о 15 миллионах, вымерших в сибирских тундрах, то впервые она была озвучена в мемуарах У. Черчилля, изданных в период «холодной войны»[193]. Заслуживает ли такой источник безусловного доверия? Вот уж вряд ли. Но в дальнейшем западные и наши прозападные исследователи переписывали друг у друга эту версию без всяких проверок.

Отметим и другой немаловажный аспект. Д. Волкогоновым и С. Семановым были опубликованы документы, свидетельствующие — разнарядки на количество кулаков и «подкулачников», подлежащих депортации, спускались на места централизованно. Но не по линии партийных органов, а по линии ОГПУ. До недавних времен действия Сталина и его спецслужб отождествлялись. Но на самом-то деле для подобного отождествления оснований нет. И рассылались в республики, края, области порожденные не пойми кем обязательные цифры! Так, на Средней Волге предписывалось раскулачить и направить в концлагерь 3—4 тыс. человек, просто выслать 8—10 тыс. На Украине в концлагерь отправить 15 тыс., выслать — 30—35 тыс.[161]. Данные цифры касались только глав семей, а высылали обычно семьи целиком.

Но и эти «планы», присланные из центрального аппарата ОГПУ, карательными органами на местах перевыполнялись.

Скажем, директива для Северо-Кавказского края (включавшего Дон, Кубань, Терскую губернию, северокавказские национальные автономии, кроме Дагестана) предусматривала заключение в лагеря 6—8 тыс. человек, и высылку 20 тыс. Реально только с Кубани и Терека в 1930 г. было депортировано в «отдаленные северные районы СССР» 50 тыс. человек. А в 1931—1932 гг. из Северо-Кавказского края выселили еще 38 тыс. семей (172 тыс. человек). Из них 26 тыс. семей направили на Урал, 12 тыс. переселили внутри региона[21].

И все же, как можно увидеть по приведенным цифрам, число жертв раскулачивания было намного меньше, чем указывается в демократических источниках. С. Семанов оценивает, что всего депортациям подверглись 3,5—4 млн. крестьян. Кто-то был расстрелян, многие погибли в лагерях и на местах поселений. Но и целиком списывать всех раскулаченных на тот свет совершенно неправомерно. А чьими же руками возводились Днепрогэс, Магнитка, Турксиб? Раскулаченных направляли в основном на стройки первой пятилетки. И, например, в Магнитогорске 40% строителей были такими «спецпереселенцами». Нет, я ничуть не оправдываю разгром деревни и крестьянства. Просто хочу лишний раз обратить внимание, что в историю сталинской эпохи внедрено слишком уж много искажений. Опять же — почему? И зачем?

КТО ПРИВЕЛ К ВЛАСТИ ГИТЛЕРА?

На календарях было 20 ноября 1922 г. Помощник американского военного атташе в Германии капитан Трумен Смит, приехавший из Берлина в Мюнхен, нашел адрес — Георгенштрассе, 42. Его уже ждали. После долгой беседы капитан составил подробный меморандум о том, что он услышал: «... Парламент и парламентаризм должны быть ликвидированы. Он не может управлять Германией. Только диктатура может поставить Германию на ноги... Будет лучше для Америки и Англии, если решающая борьба между нашей цивилизацией и марксизмом произойдет на немецкой земле, а не на американской или английской...»[10]. Человека, с которым встречал-

Трумен Смит, звали Адольф Гитлер. Хотя в 1922 г. он был еще практически «никем». Один из лидеров крохотной партии в несколько тысяч человек. Такие партии в послевоенной Германии плодились сотнями. Возникали, пытались заявить свои программы и так же легко распадались. Но все же американский офицер получил чей-то приказ, ехал из Берлина в Баварию, тратил время, деньги, составлял отчет! То есть, Гитлера заметили. Обратили на него внимание. Кто?..

Как отмечалось в предшествующих главах, после Мировой войны одержали верх не сторонники «нового мирового порядка», а те силы, которые считали, что и «старый порядок» вполне хорош. Подобные деятели были не только в Европе, их хватало и в США. Зачем тратить силы и средства, чтобы лезть к мировому господству, если можно просто наживаться и хищничать в свое удовольствие? И когда политика Вильсона провалилась, к власти в Америке дорвался кабинет Гардинга, самое скандальное правительство в истории США. За президентом стояла «банда Догерти» — группа воротил из штата Огайо[66]. Первыми же актами нового правительства были отменены все антимонопольные ограничения, существовавшие в американском законодательстве. И деятели навалились выжимать «навар» еще не за счет других государств, не за счет чужих народов, а за счет собственного.

Те, кто протаскил к власти Гардинга, подавали пример. «Серый кардинал» при президенте, Гарри Догерти, занял пост министра юстиции, расставлял на «теплые места» своих друзей. Провел «сухой закон», ставший благодеянием для мафии — как раз тогда она развернулась в США в полную силу, получая огромные прибыли от нелегальной продажи спиртного. А министр юстиции греб прибыли, установив плодотворные контакты с мафией. При участии ставленников Догерти Фолла, Форбса, Миллера были разворованы нефтяные резервы военно-морского флота США, фонд помощи ветеранам, фонд имущества иностранцев[66].

Безобразия были слишком уж крутыми даже для американского общества. Росло возмущение. Но правление Гардинга продолжалось всего два года, 2 августа 1923 г. он скоропостижно скончался. По официальной версии — от пищевого

отравления. Этому никто не верил, тем более что вскоре, и тоже по неясным причинам, приказали долго жить оба свидетеля его смерти, жена и врач. Но скандалы настолько всех достали, что о президенте не жалели. Его биограф С.Г. Адамс писал: «Кончина Гардинга не была безвременной трагедией. Он умер вовремя». Новый президент Кулидж удалил из правительства самые одиозные фигуры. Они попали под суд, но отделались легко — штрафами, небольшими сроками заключения или оправдались по недостатку улик. Что объяснялось очень просто: среди их сообщников и главных свидетелей разразилась настоящая «эпидемия» самоубийств и несчастных случаев. В общем, те, кто знал лишнее, тоже «умерли вовремя».

Усилиями Кулиджа и его преемника Гувера власть вернула себе более-менее приличное лицо. Но крупные корпорации по-прежнему действовали фактически бесконтрольно. Как констатировали американские историки А. Невис и Г. Коммаджер, «правительство удалилось из бизнеса, но бизнес вторгся в большинство направлений политики и формулировал их». Однако верхушку американского бизнеса возможности «рулить» собственным правительством и качать прибыли из собственных сограждан уже не удовлетворяли. Эта верхушка уже вошла во вкус участия в международных делах. И не только в делах Азии или Латинской Америки, она настойчиво лезла в Европу.

Причем «закулису» США интересовали те государства, которые могли служить противовесом старым центрам мирового бизнеса и политики, Англии и Франции. Так, наш «знакомый» Отто Кан, всюю наводивший «дружбу» с СССР, взялся финансировать фашистский режим Муссолини, убеждал других банкиров, что «американский капитал, инвестированный в Италии, найдет безопасность, поощрение, возможности и вознаграждение»[158].

В демократических «разоблачениях» получила распространение версия, будто военному возрождению Германии помог Советский Союз[57]. Версия это чисто пропагандистская. Ранее говорилось, что сотрудничество между рейхсвером и Красной армией действительно существовало — нем-

дам оказывали помощь в подготовке военных кадров, предоставляли им полигоны для совместных испытаний техники. Но помочь вооружить Германию Советский Союз никак не мог, его промышленность и научный потенциал были еще слишком хилыми. Дело обстояло наоборот, германские фирмы Круппа, «Рейнметалл» и другие выполняли советские военные заказы, продавали патенты, технологии (и неплохо на этом зарабатывали).

А вот американцы очень даже поспособствовали, чтобы немецкая промышленность не развалилась в послевоенных кризисах, сохранила и повысила свой потенциал. В августе 1924 г. вопрос о положении Германии был рассмотрен на Лондонской конференции стран Антанты. Представители США и Англии настояли, что огромные репарации, которые немцы платят Франции, мешают восстановить экономику Германии, а это ведет к нарастанию революционной опасности. Был принят американский план Дауэса, смягчивший схемы погашения репараций и предусматривающий выделение для Германии крупных кредитов.

В реализации плана приняли участие финансовые столпы США — Морган, Барух, Кан, Мельхиор, Рокфеллеры, Диллон. Для этих операций был специально создан «Интернэшнл Аксепатнс банк», председателем его правления стал еще один наш «знакомый» — Пол Варбург. А главным его партнером в Германии выступил, как нетрудно догадаться, Макс Варбург. Он как раз в это время, в 1924 г., вошел в генеральный совет Рейхсбанка (т.е. германского Центробанка). И значительная часть займов потекла через его гамбургские банки.

Для американских банкиров и предпринимателей выгода этих операций состояла не только в получении процентов. Они успешно внедрялись в немецкую экономику. Компании «Дженерал электрик», «Истмен-кодак», «Дженерал моторс», «Стандарт ойл», «Форд», «Интернэшнл телефон энд телеграф корпорейшн» и др. становились совладельцами германских предприятий, создавали с немцами совместные фирмы. Поэтому дела с Германией ширились и развивались. Когда программа плана Дауэса была исчерпана, был принят новый план Юнга...

Но в 1929 г. в самой Америке разразился кризис. Причиной его был анархический разгул финансово-промышленных олигархий. В условиях промышленного бума (во многом оплаченного ворованным русским золотом) воротилы бизнеса не стеснялись изобретать любые способы увеличения прибылей. И была развернута мощная пропаганда «общества равных возможностей» — рядовым гражданам внушалось, что путь ко всеобщему обогащению лежит через покупку акций. Таким образом, любой американец станет совладельцем предприятий, банков, железных дорог, шахт, со временем акции будут расти в цене, увеличивая капитал хозяина... Реклама акций захлестнула страну. Их скупкой заразился весь народ, в них вкладывались все свободные средства.

Чтобы набрать побольше акций, люди закладывали дома и имущество, влезали в долги под жалавание за несколько лет вперед. И биржевые спекуляции приняли такой размах, что даже акции вполне респектабельных фирм перестали, по сути, отличаться от «финансовых пирамид» — в ходе спекуляций и перепродаж накручивалась стоимость, намного превышающая реальное обеспечение. А в целом на массе акций, оседающих во владении граждан и организаций, по мере вздувания их биржевой стоимости накапливался гигантский фиктивный капитал, не обеспеченный ничем. Что и привело к «черному вторнику» 23 октября 1929 г., когда система дала первую трещину, и мыльный пузырь этого фиктивного капитала сразу лопнул.

Правительство США еще и усугубило катастрофу, отказавшись от какой бы то ни было федеральной помощи населению — как объяснил президент Гувер, «чтобы не оскорбить духовные чувства американского народа». Видимо, оскорбить духовные чувства олигархов он не опасался, так как казенные средства вовсю использовались для дотаций, чтобы поддерживать их компании[66]. А в это время сотни тысяч семей разорялись, оставались не только без работы, а вообще без жилья и средств к существованию. Ночевали в скверах, в поисках заработка кочевали по стране, впрягаясь в тележки, нагруженные пожитками. Километровые очереди выстраивались в местах раздачи благотворительной похлебки... Из США кри-

дас перекинулся и на другие государства. Началась общемировая Великая депрессия. И особенно болезненной она стала как раз для Германии, слишком тесно связанной с американским капиталом. Лопались банки, закрывались предприятия, количество безработных в 1931 г. достигло 3 млн., а к весне 1932 г. подскочило до 6,5 млн.

Но Великая депрессия принесла огромные выгоды американской «закулисе» — той самой группировке крупнейших банкиров, которая выступала сторонниками «нового мирового порядка». Мало того, современными американскими исследователями доказано, что эта же группировка организовала кризис! В 1985 г. в США вышла книга известного политолога и историка Р. Эппернона «Невидимая рука, или Введение во взгляд на историю как на заговор» — которая для понимания процессов XX в. оказывается такой же важной, как исследование Саттона о финансировании тузами Уолл-стрита революции в России.

Эппернон приводит многочисленные факты, свидетельствующие об истинной подоплеке Великой депрессии. Выясняется, что ряд олигархов — Барух, Диллон, Варбург и др. позаботились своевременно избавиться от акций, вкладывая капиталы в недвижимость, золото и т.п. И в самый день «черного вторника» Бернард Барух привел на Нью-Йоркскую биржу Уинстона Черчилля. Похоже, чтобы продемонстрировать собственное всемогущество — начало катастрофы мирового значения.

В США эта катастрофа помогла сторонникам «нового мирового порядка» привести к власти своего ставленника — Франклина Делано Рузвельта. Он был одним из выдвиженцев Вильсона. Причем главными режиссерами его предвыборной кампании в 1933 г. снова стали Барух и полковник Хаус. Организовали ее опять безупречно. Рузвельта, как в свое время и Вильсона, представили защитником прав «маленького человека» — в противовес олигархам. Хотя все было наоборот. В окружении нового президента оказались все те же «старые лица». Правда, Хаус при Рузвельте прежнего всемогущества не достиг, он вскоре умер. Но Барух стал его главным экономическим советником. Пол Варбург успел отойти в мир

иной — но вместо него в «мозговой трест» Рузвельта вошел его сын Джеймс Пол Варбург. А главным советником по военным вопросам стал генерал Дж. Маршалл — который и при Вильсоне командовал американскими контингентами в Европе. В «команду Рузвельта» вошли и другие деятели из «команды Вильсона» — Уильям Буллит, Уильям Липпман, Джон Грю, Гарри Гопкинс, Джон Форстер Даллес, Аллен Даллес.

Рузвельт назвал свою программу «Новый курс», переключаясь с вильсоновской «Новой свободой». И под флагом антикризисных мер начал радикальные реформы — причем в значительной мере использовался опыт большевиков в России. Были вдруг закрыты «на каникулы» все банки. Значительно расширились полномочия Федеральной резервной системы. У населения в принудительном порядке скупалось золото и серебро — за обесценившиеся бумажные доллары. Вводилось планирование и подобие экономической диктатуры, этим занялся Барух. А дальше пошла манипуляции с денежной массой, с ценными бумагами.

И в итоге получилось, что «Новый курс» разорил американцев не менее капитально, чем Великая депрессия! Группировка финансовой «бесовщины» попросту ограбила Америку! Но и установила в ней собственный диктат. Эта группировка разорила сторонников анархического «старого мирового порядка». Скупила обесценившиеся акции различных компаний. Отныне 14 из 14 100 американских банков контролировали 25% капиталов...

Немногие понимали, что произошло. Понял, например, конгрессмен Луис Мак Федден, заявивший: «В Соединенных Штатах устанавливается *мировая* банковская система». Он приходил к выводу, что «денежные и кредитные ресурсы США отныне полностью контролируются банковскими группами — группой Фёст Нэшнл банк Дж.П. Моргана и Нэшнл сити банк Куна-Лоеба...» Мак Федден пытался выдвинуть обвинения против выигравшей группировки олигархов — оценивал, что только из государственных средств она грабнула 80 млрд. долл. Но... тут же и приказал долго жить. Два покушения на него были неудачными, а потом он скоропостижно скончался после банкета. Судя по всему, был отрав-

ден. Да, крупнейшие транснациональные корпорации начали устанавливать свой «новый мировой порядок». Начали пока что с Соединенных Штатов...

Одной из первых внешнеполитических инициатив Рузвельта, как и Вильсона, стало улучшение отношений с большевиками. Правда, американские банкиры и без того сохраняли с ними прекрасные отношения. Бывшие партнеры Шиффа из «Кун и Лоеб» Отто Кан, Варбурги, контактов с Москвой не прерывали, продолжали финансировать проект «Хазарии», предоставляли займы для первых пятилеток. Это было очень выгодно, надежно — Советский Союз расплачивался всегда, независимо от своих внутренних трудностей. А сразу после избрания Рузвельта в Вашингтон пожаловал советский нарком иностранных дел Литвинов, и после переговоров последовало официальное признание СССР американским правительством. Теперь те же банкиры могли получать свои выгоды открыто, не утруждаясь поисками обходных путей.

Однако Великая депрессия имела еще один важнейший результат. В Германии кризис, безработица и нарастание недовольства помогли привести к власти Гитлера. Впрочем, это осуществилось не сразу. Продвижение будущего фюрера велось исподволь, постепенно. Вернемся хотя бы к описанной в начале главы встрече ефрейтора Гитлера с капитаном Труменом Смитом. Конечно, капитан, помощник военного атташе — невелика шишка. Но стоит учесть, что по «дипломатической традиции» помощники атташе всегда занимались делами разведки. И явно «антидемократические» идеи Гитлера о ликвидации парламентаризма офицера державы, провозглашавшей себя «оплотом демократии», почему-то не отпугнули.

Известным американским исследователем Дж. Халльгартеном был обнаружен и опубликован документ о еще одной любопытной встрече. В сентябре 1923 г. посла США в Германии Хьютона посетил немецкий угольный и металлургический «король» Стайнесс. В частности, он говорил: «... Надо найти диктатора и дать ему необходимую власть. Этот человек должен говорить понятным народу языком, и такой человек уже есть. В Баварии началось большое движение...» Описывался и путь привода к власти: «Президент назначит

диктатора, который покончит с парламентским режимом. С коммунистами безжалостно расправятся, и в Германии воцарится порядок. Тогда США смогут без опаски вкладывать капиталы в немецкую промышленность»[10]. Спустя десять лет реализуется именно этот механизм.

Бывший канцлер Германии Брюнинг в своих мемуарах, которые он разрешил опубликовать только после своей смерти, сообщал: «Одним из главных факторов в восхождении Гитлера... было то обстоятельство, что он начиная с 1923 г. получал крупные суммы из-за границы». От кого? И через кого? Один из исследователей, М. Голд, в своей работе «Евреи без денег», вышедшей в 1945 г. в Нью-Йорке, указывал, что и здесь был замешан Макс Варбург, обеспечивая связи с американскими банками и нефтяными компаниями.

Но в непосредственных контактах с нацистами Варбурги и другие прежние спонсоры большевиков не «светились». Зачем повторяться? И трудно ли было найти другие связующие звенья? Одним из них стал Ялмар Горацио Грили Шахт. Отец его был гражданином США, крупным предпринимателем. Кстати, в этой книге уже неоднократно упоминался адрес — Бродвей-120. 35-этажный небоскреб в Нью-Йорке, где располагался банкирский клуб, где, по странному «совпадению», находились офисы Вениамина Свердлова, Сиднея Рейли, Вайнштейна, размещались компания Отто Кана и другие фирмы, замешанные в делах русской революции. По еще одному «совпадению» Вильям Шахт, папаша Ялмара, компаньон фирмы «Энкуитабл Лайф Ашшуренс», участвовал в строительстве этого самого здания и являлся его совладельцем[158]. Ох, тесен мир!

В США у Ялмара Шахта жило много родственников, три дяди, братья. Сам он стал банкиром в Дрездене, потом перешел на государственную службу, имперским комиссаром по валюте, вместе с американскими и германскими банкирами участвовал в разработке плана Дауэса. В 1920-х гг. Шахт каким-то образом оказывается рядом с Гитлером, становится одним из главных его финансовых опекунов. Другим его опекуном выступил Вильгельм Кепплер. Владелец 50% акций заводов фотопленки «Один-верке». А вторая половина акций принадлежала американской фирме «Истмен-кодак». С 1931 г. Кепплер стал главным экономическим советником Гитлера.

Наконец, рядом с будущим фюрером нарисовалась фигура Курта фон Шредера. Представителя еще одной мощной международной финансовой семьи. Шредеры (или Шрёдеры) происходили из гамбургских банкиров. Естественно, были связаны с Варбургами — которые считались «королями» Габмурга, без связей с ними в этом городе действовать было проблематично. В XIX в. Шредеры открыли банк «Scroders» в Лондоне — и он быстро стал одним из солиднейших и преуспевающих банков в Англии. А затем и в США был открыт банк «J. Henry Scroder Bank & Trust Co». Шредеры были в родстве с банкирскими кланами Маллинкродтов, Бишофов, Кляйнвортов, связаны и с Морганами, Рокфеллерами. Ну а упомянутый Курт фон Шредер, владелец кельнского банка «Штайн» и член правления ряда крупных фирм, являлся вдобавок зятем Рихарда Шницлера, основателя и хозяина знаменитого химического концерна «ИГ Фарбениндустри». Который состоял в картельной связи с рокфеллеровской компанией «Стандарт ойл». Словом, куда ни кинь, мы всюду натываемся на «американский след»!

Между прочим, если уж говорить о «совпадениях», то можно назвать еще несколько. Один из компаньонов Ялмара Шахта, Эмиль Виттенберг, тесно сотрудничал с Олафом Ашбергом, вместе с ним входил в совет директоров «Роскомбанка», через который шла утечка ценностей из России. А с концерном «ИГ Фарбениндустри» вовсю вел дела Вениамин Гомберг — братец многократно нам встречавшихся «литагента» Александра Гомберга и Сергея Гомберга (Зорина). Но это уж так, к слову пришлось. Пути «закулисы» неисповедимы...

Если же мы вернемся к борьбе Гитлера за власть, то стоит обратить внимание — нацистская партия сперва отвоевывала свои позиции на демократических выборах. Упорно, шаг за шагом. Хотя каждый искусленный человек знает, что выборы в любых демократических государствах — штука очень и очень недешевая. Но усилиями теневых «друзей» к финансированию нацистов были подключены многие германские фирмы. В 1926 г. Гитлер дважды встречался и выступал перед тузами немецкой промышленности, в Эссене и Кенигсвинтере, в 1927 г. по просьбе угольного «короля» Кирдорфа напи-

сал брошюру «Пути к возрождению», где изложил свою программу для делового мира. Она была издана, но, в отличие от «Майн кампф», распространялась в узком кругу, именно для делового мира.

А «отмывочной» структурой, через которую прокачивались деньги нацистам, стала партийная «касса взаимопомощи». Ведали ею Гесс и Борман, теоретически она предназначалась для выплат штурмовикам, пострадавшим в драках или арестованным, но касса имела «юридическое лицо», официальные банковские счета, и принимала частные «пожертвования» — ну мало ли кто захочет помочь покалеченным? И суммы переводились такие, что на предвыборные кампании всегда хватало.

Среди спонсоров были не только немцы. Американский историк Л. Лохнер называет британского нефтяного магната Детердинга, чьи субсидии Гитлеру достигли 10 млн. марок, английского «газетного короля» лорда Ротермира. Рурские промышленники, поддерживая нацистов, тесно контактировали с «Экономической лигой Англии» (организацией ряда солидных предпринимателей). Р. Геснер указывает, что щедрую помощь нацистам оказали австрийские Ротшильды, Фриц Мандель. А посольство США в Берлине 23 сентября 1930 г. доносило в Госдепартамент: «Нет сомнения в том, что Гитлер получает значительную финансовую поддержку от крупных промышленников... В последнее время складывается впечатление, что влиятельные финансовые круги оказывали и оказывают на канцлера давление, чтобы предпринять эксперимент и допустить нацистов к власти... Как раз сегодня получены сведения из обычно хорошо информированных источников, что представленные здесь различные американские финансовые круги проявляют большую активность именно в этом направлении» [10].

Бесценное свидетельство, причем исходящее от самих же американцев. Да, как раз с 1930 г. наряду с парламентскими методами стала внедряться другая тактика. Давление на президента Гинденбурга и на канцлера, в то время Брюнинга, чтобы отдали власть нацистам. И, как видим, занимались этим не только немецкие, но и представленные в Германии

американские финансовые круги». Брюнинг тоже сообщает об этом в своих мемуарах. Пишет, что к нему и президенту обращалась «группа крупных предпринимателей». Имен он не называет, но упоминает, что эта группа посещала посла США в Берлине М. Секетта.

А в 1931 г. Гитлер поручил своему экономическому советнику Кепплеру организовать кружок видных предпринимателей, которые будут консультировать партию по всем экономическим и финансовым вопросам. Германских, только германских предпринимателей! Но ведь и Кепплер был связан с американцами, а кроме него, в кружок по инициативе самого Гитлера вводятся Шахт, Шредер, входит Хельферих, представляющий немецко-американскую фирму «Эссо», Бингель — глава связанного с американцами концерна «Сименс-Шуккерт» и др. Ну а 19 ноября 1932 г. крупнейшие немецкие промышленники и банкиры уже начинают не просить, не предлагать, а решительно требовать, они подают коллективную петицию Гинденбургу, настаивая, чтобы передать власть Гитлеру. Среди подписавших — те же Шредер, Кепплер и т.д.

И 4 января 1933 г. не где нибудь, а на вилле Шредера происходит секретная встреча Гитлера с недавним рейхсканцлером (и личным другом Шредера) фон Папеном. На ней оба политических деятеля и банкир все обсудили, обговорили. И как раз здесь было заключено соглашение о конкретных условиях передачи власти. 28 января престарелый и впадающий в маразм Гинденбург по уговорам Папена отправил в отставку правительство Шлейхера и назначил рейхсканцлером Гитлера...

На 5 марта были назначены выборы в рейхстаг, и уж с деньгами для предвыборной кампании у Гитлера никаких проблем не возникло. В конце февраля Шахт созвал совещание финансистов и промышленников, и за несколько минут было собрано 3 млн. марок. Нацисты одерживают победу, а сам Шахт становится президентом Рейхсбанка.

По сути, хозяйство-то ему досталось ох какое незавидное! Долги Германии иностранцам составляли около 19 млрд. марок, а вместе с зарубежными вложениями в немецкую промышленность — 23,3 млрд. Каждый год Германия должна была

выплачивать только по процентам 1 млрд. То есть, захомутали ее крепко. Но Шахт в мае отправляется в США. Встречается с президентом, его советниками, министрами, тузами Уолл-стрита. Произносит речи, убеждая их, что «нет в мире более демократического правительства, чем правительство Гитлера»[139]. В Германии уже сгорел рейхстаг, царит террор, громят не только коммунистов, но и другие партии, штурмовики убивают политических противников, создают концлагеря. Однако американские правители и банкиры с какой-то стати «верят» Шахту, выделяют дополнительные займы.

А в июне тот же Шахт приезжает на международную экономическую конференцию в Лондоне. Встречается с директором английского банка Норманом, и от британцев тоже получает заем, почти миллиард фунтов. Его называют «финансовым чародеем», и он действительно творит «чудеса». Ну подлинные «чудеса»! Шахт добивается сокращения, а потом вообще прекращения платежей по старым займам! Раз — и все. Уж кто-кто, а западные банкиры всегда очень скрупулезно относились к долгам (например, о долгах царского правительства почти сто лет помнили). Теперь же не пойми с какой стати вдруг соглашаются простить немцам миллиарды...

А в августе 1933 г. на прием к Гитлеру прибывает первая делегация крупных дельцов США. Глава фирмы «Интернэшнл телефон энд телеграф корпорейшн» Состенес Бенн и уполномоченный этой компании в Германии Генри Манн. Фирма уже вела дела с немцами, совместно с «Сименс-Шуккерт» основала свои филиалы «Лоренц» и «Стандарт электрик». Протокол встречи исчез бесследно. Но известно, что по рекомендации советника Гитлера Кепплера Бенн ввел в правление своих германских филиалов все того же банкира фон Шредера и доктора Вестрика. После чего концерн «Стандарт электрик» получил выгодные военные заказы, а «Лоренц» приобрел 28% акций заводов «Фокке-Вульф», которые вскоре начнут штамповать боевые самолеты...

Спрашивается, ради чего Запад предпринимал такие усилия и затраты? Из ненависти к коммунизму, как сообщают советские источники? Впрочем, не только советские. На лозунгах «опасности большевизма» играли и нацисты. Шахт, Розенберг, Гугенберг разработали и представили в Лондоне

меморандум, доказывая, что спасти Европу от этой опасности может лишь Германия, если позволить ей вооружиться. Но в том, что Гитлеру отводилась роль орудия только против коммунизма, позволительно усомниться. В 1920-х правительство Веймарской республики доказывало то же самое, что и Шахт с Гутенбергом — просило смягчить версальские условия, чтобы противостоять «красной угрозе». Но не добились ничегошеньки, а Гитлеру сразу давались любые поблажки...

Причина была другой. Американская «закулиса», делая ставку на Рузвельта, устанавливала «новый порядок» в США — а дальше его требовалось распространить на весь мир. Но для этого требовалось сокрушить сторонников «старого порядка», европейскую «закулису». Сделать это было можно руками Гитлера.

Разумеется, чрезмерное усиление Германии было для заокеанских теневых кругов тоже нежелательно. Но против этого существовало надежное, уже испытанное средство. Столкнуть немцев с Россией. Потом, после того, как погромят Европу.

БЫЛО ЛИ ВРЕДИТЕЛЬСТВО?

Когда коллективизация и раскулачивание вызвали массовые крестьянские восстания, среди белых эмигрантов опять всколыхнулись надежды на возможность свержения советской власти. РОВС, БРП и другие организации направляли свои отряды, сиюсь организовать партизанское движение в Белоруссии, Сибири, Приморье. Но у них снова ничего не получилось. Результаты ограничивались налетами на колхозы, убийствами мелких активистов, милиционеров. Крестьяне отнюдь не воспринимали пришельцев из-за рубежа «своими». Они выступали только за собственные права, но не против советской власти. Вооруженные группы и банды повстанцев, прятавшиеся по лесам, продержались недолго. Одних вылавливали, другие спасались поодиночке, разъезжаясь в отдаленные края, на большие стройки, где была надежда скрыть свое происхождение. А белогвардейцы, которым удалось уцелеть, пробирались обратно за кордон.

В данный период в СССР были обнаружены и подпольные структуры, связанные с зарубежными организациями меньшевиков, эсеров, «Торгпромом». В 1928 г. прошел громкий процесс по Шахтинскому делу, в 1930 г. — по делу Промпартии, в 1931 г. — над «Союзным бюро меньшевиков», был раскрыт подпольный центр Трудовой крестьянской партии. В «демократической» литературе все эти дела были объявлены сфальсифицированными, основанными на «выбитых» признаниях. При этом факты, отраженные на следствии и судах, заведомо отменялись. Но, например, современный историк А.В. Шубин, причем ярый антисталинист, изучив эти факты, пришел к совершенно иным выводам[208]. Возможно, следствие что-то «приплело» для большей убедительности, но подпольные группировки действительно существовали.

По Шахтинскому делу «спецов-вредителей» обвинили в том, что они поддерживали связь с эмигрировавшими бывшими хозяевами, получали от них деньги, информировали о положении дел на предприятиях, старались сдерживать разработку полезных ископаемых, чтобы не исчерпать хозяйские запасы, выполняли и другие заказы прежних владельцев... Но эта методика уже была отработана! В 1914—1917 гг., когда уехали за границу хозяева-немцы, а русские управляющие продолжали выполнять их указания. Бывшие российские банкиры и промышленники Гукасов, Денисов, Нобель и т.д. сохранили в эмиграции капиталы, влияние. Многие даже вели дела с СССР — как Животовский, Шлезингер, Калашкин, Терновский и др. Да что уж говорить о возможностях бывших хозяев влиять на свой персонал, если их представители остались и в советском руководстве! Трестами Главнефть и Союззолото руководил бывший управляющий Нобеля Серебровский, в экономическом управлении ВСНХ занимал высокую должность представитель банковской семьи Гинзбургов...

Словом, ничего фантастического в обвинениях не было. Тем более что для «вредительства» не требовалось никаких диверсий, достаточно было выполнять спустя рукава свои обязанности. Недосмотреть за ворующими рабочими, согласиться на неправильную прокладку шурфа. «Выбивание» признаний не применялось — и 23 из 53 подсудимых вовсе не

признали свою вину. Правительство процесс не инициировало. Наоборот, проверяло, Ворошилов запрашивал у побывавшего в Донбассе Томского — нет ли «перегибов» со стороны ОГПУ. И тот отвечал, что нет, все правильно. В результате пятерых расстреляли, большинство посадили, а четверых оправдали — доносы рабочих суд не счел достаточными доказательствами.

О том, что подпольные структуры в СССР существовали реально, нам известно не только из следственных дел, но и из других источников, в том числе антисоветских. Так, Союзное бюро меньшевиков (оно же «Московское бюро РСДРП») было оставлено в России товарищами по партии, подавшимися за рубеж. В конце 1920-х его возглавлял и осуществлял связи с эмиграцией В. Иков. Но на следствии и суде он в этом не сознался, об этом стало известно значительно позже[208]. Точно так же и Трудовая крестьянская партия оставляла свое подполье. Оно было разгромлено в 1925 г., но сохранилась группа Кондратьева — Чаянова. И тоже имела все возможности для поддержания связей с заграницей.

Эмигрировавший на Запад меньшевик Н. Валентинов, написавший впоследствии воспоминания, рассказывал о подпольной «Лиге объективных наблюдателей», куда входили «спецы», занимавшие высокие посты в советской экономике. Один из руководителей Госплана В. Громан, важные начальники в аппарате ВСНХ — А.М. Гинзбург, А.Л. Соколовский, А.Б. Штерн, Л.Б. Кафенгауз и др. Правда, Валентинов утверждал, что «Лига» прекратила существование в 1927 г., но с чего бы это? Ему, очевидно, просто не хотелось топить товарищей, оставшихся в СССР. А те же самые личности оказались в списках обвиняемых по делам Промпартии, Союзного бюро меньшевиков и т.д.

На квартире у видного меньшевика Н. Суханова (Гиммера) вполне реально существовал «политический салон» — как раз на этом подсудимые и погорели. Воскресными вечерами у него собирались высокопоставленные «спецы», оппозиционно относящиеся к советской власти. Все те же Громан, Гинзбург, Кондратьев и пр. Обсуждались возможности эволюционных реформ через «правых» коммунистов. А более глубокие пре-

образования считались возможными, если в стране настанет «кровавая каша». Причем в условиях народного недовольства подобная «каша» казалась неизбежной. Говорили о списках «теневого кабинета». Рассматривались возможности создания коалиционного правительства из меньшевиков, ТКП, промпартийцев и правой оппозиции большевиков. Хотя единства во взглядах не было, по пунктам своих программ эти господа грызлись не меньше, чем их коллеги в эмиграции.

Среди тех, кто был арестован по делам этих подпольных организаций, взаимосвязанных между собой, подобались во все не наивные идеалисты, не новички в политике. Трое заместителей министров в масонском Временном правительстве, заметные общественные и политические деятели дооктябрьской России. Но вдобавок оказывается, что эти деятели пользовались очень высоким покровительством в советском руководстве! Так, Кондратьева за эсеровскую деятельность хотели выслать за пределы страны, но за него горой выступили Наркомат финансов, троцкисты Сокольников, Пятаков, и его как «ценного специалиста» назначили руководить Конъюнктурным институтом при Наркомфине. А когда Союзному бюро меньшевиков ОГПУ село на пятки, то, как признался подсудимый И. Рубин, он отдал чемодан с архивом своей организации директору Института Маркса и Энгельса Давиду Рязанову (Гольдентаху). Рязанов это отрицал и архив, очевидно, уничтожил.

Принято утверждать, будто основой обвинения были выдуманные показания «provокаторов», а следствием и процессами дирижировал Сталин[168]. Но документы показывают, что это не так. Например, из переписки Сталина и Менжинского видно, что Иосиф Виссарионович сам очень интересовался сведениями, полученными от тех же «provокаторов» — поступившими к ним из «Торгпрома» и других эмигрантских структур. Отсюда А.В. Шубин пришел к справедливому заключению: Сталин был уверен, что эти люди — носители реальной информации, и вряд ли ОГПУ решилось бы до такой степени мистифицировать генсека. А в августе 1930 г. Иосиф Виссарионович писал Молотову: «Не сомневаюсь, что вскрыется прямая связь (через Сокольников и Теодоровича) между

этими господами и правыми (Бухарин, Рыков, Томский). Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев надо обязательно расстрелять». Однако таковые связи не вскрылись, Кондратьева и Громана не расстреляли. То есть, ход дела определялся вовсе не указаниями и пожеланиями Сталина.

И вообще суд учел, что каких-либо конкретных диверсий участники подпольных кружков не совершали. Поэтому приговоры они получили относительно мягкие, на смерть не осудили никого. Но некоторые контакты подсудимых с Бухариным все же обнаружились. Суханов показал, что встречался с ним, возлагал на него надежды: «Но правые не выступили и уклонились от борьбы. Я высказал по этому поводу Бухарину свою досаду и мнение, что правые выпустили из рук собственную победу. Я сравнивал при этом правых с декабристами... Бухарин отвечал мне, что я ничего не разумею... События развиваются в направлении, им указанном... В будущем предстоит перевес отрицательных сторон проводимого курса над положительными, только тогда можно говорить о победе его принципов». Показания против Бухарина дал и профессор Рамзин. Но когда Сталин сообщил об этом Николаю Ивановичу, тот ответил оскорбленным письмом, назвал обвинения «гнусной и низкой провокацией, которой ты веришь». Среди знакомых распустил даже слух, что помышляет о самоубийстве. И вопрос был замят.

Но здесь следует выделить один немаловажный момент. Сталин уже понял, что в руководстве государства творится неладное. Однако он еще не соотнес этих явлений с фигурами видных большевиков. Счел, что советских лидеров окрутили и регулировали советники и помощники. Он писал Молотову: «Теперь ясно даже для слепых, что мероприятиями Наркомфина руководил Юровский (а не Брюханов), а «политикой» Госбанка — вредительские элементы из аппарата Госбанка (а не Пятаков), вдохновляемые «правительством» Кондратьева-Громана... Что касается Пятакова, то он по всем данным остался таким, каким он был всегда, плохим комиссаром при не менее плохом спеце (или спецах). Он в плену в своего аппарата...» «Насчет привлечения к ответу коммунистов, помогавшим громанам-кондратьевым. Согласен, но как быть то-

гда с Рыковым (который бесспорно помогал им) и Калинин (которого явно впутал в это «дело» подлец Теодорович)? Надо подумать об этом».

А от гражданских «спецов» нити потянулись к военным. Среди них тоже выявились оппозиционные кружки, связанные с активистами Промпартии, меньшевиками, ТКП, троцкистами. Правда, и они активных действий не предпринимали, а лишь собирались, совещались: какую позицию занять в случае «кровавой каши», переворота, интервенции. Но ведь для военных, принесших присягу, даже обсуждения подобных тем — это уже измена. И приговоры для них были гораздо более суровыми. Из участников «военного академического кружка» расстреляли 6, из участников «военного заговора» — 31. Другие получили разные сроки заключения.

Но в делах военной оппозиции оказались замешаны и видные коммунистические деятели. Из уст бывшего полковника Н. Какурина прозвучала фамилия Тухачевского. И прозвучала вовсе не под давлением следствия. Какурин, друг Тухачевского, сперва проболтался своей родственнице, оказавшейся осведомительницей ОГПУ. Экс-полковник сообщил: «В Москве временами собирались у Тухачевского, временами у Гая... Лидером всех этих собраний являлся Тухачевский». Было решено «выжидать, организуясь в кадрах», а целью признавалась «военная диктатура, приходящая к власти через правый уклон». Показания Какурина подтвердил проходивший по тому же делу И. Троицкий.

24 сентября 1930 г. Сталин писал Орджоникидзе: «Стало быть, Тухачевский оказался в плену у антисоветских элементов и был сугубо обработан тоже антисоветскими элементами из рядов правых. Так выходит по материалам... Видимо, правые готовы идти даже на военную диктатуру, лишь бы избавиться от ЦК, от колхозов и совхозов, от большевистских темпов развития индустрии... Кондратьевско-сухановско-бухаринская партия — таков баланс. Ну и дела». Письмо было сугубо личное, для обмана Орджоникидзе у Сталина не было никаких оснований. Но Тухачевский, как и Бухарин, сумел «отмазаться». На очных ставках все отрицал, иначе толковал смысл разговоров. И Сталин поверил ему (кстати, это

опровергает утверждения о «болезненной подозрительности» Керенского в данный период). Он писал Молотову: «Что касается дела Тухачевского, то последний оказался чист на все 100%. Это очень хорошо».

Но «оборотни» в советских структурах оставались и действовали. И очередной пример этому дает то же самое дело Промпартии. На скамье подсудимых не оказалось человека, который проходил по делу как ее руководитель, горного инженера П.А. Пальчинского. А ведь он был далеко не простым инженером. В годы Первой мировой являлся товарищем (заместителем) председателя военно-промышленного комитета — а председателем был масон Гучков, главный организатор и «двигатель» заговора против Николая II. Во Временном правительстве Пальчинский становится товарищем министра торговли, прокручивает контракты с американцами. Ранее уже рассказывалось, как в дни Октября Керенский, удирая из столицы, оставил Пальчинского генерал-губернатором Петрограда, поручил ему вместе с Рутенбергом защищать Зимний дворец. И Пальчинский сдал Зимний своему другу троцкисту Чудновскому.

Неудивительно, что победители арестовали его ненадолго, быстро отпустили. В 1918 г. ретивые чекисты снова хватают Пальчинского, однако за него неожиданно заступается Карл Моор — германский и австрийский агент (кличка «Байер»)[93], курировавший проезд Ленина через Германию, а потом обеспечивавший каналы финансирования большевиков и игравший роль агента влияния при заключении Брестского мира. Ну а потом Пальчинского берет под опеку Кржижановский. Еще один эмиссар «закулисы», в начале века работавший под началом Виктора Адлера и Парвуса (кстати, и Рязанов-Гольдентах, уничтоживший архивы Союзного бюро меньшевиков, тоже работал у Адлера, в 1914 г. исполнял у него обязанности личного секретаря[89]). По протекции Кржижановского Пальчинского назначают директором Горного института (который в начале 1920-х вел разработки не столько для Советской России, сколько для иностранных концессионеров).

На процессе Промпартии Пальчинский должен был стать главным обвиняемым. Но его не доводят до суда вообще! А.И.

Солженицын предполагал, что он держался слишком мужественно, отказался подписывать фальшивые материалы, за что и поплатился жизнью. Но почему? Некоторые другие обвиняемые тоже сперва упорствовали, ни в чем не признавались или давали уклончивые показания, лишь по ходу следствия и суда становились более откровенными — так вел себя, например, Суханов. И все получили довольно умеренные приговоры. А главного фигуранта, Пальчинского, расстреливают почти сразу после ареста, в мае 1929 г. Без суда, по приговору коллегии ОГПУ, то бишь по приказу Ягоды. И его следственное дело исчезло! [168] Учитывая очень уж «богатое» прошлое Пальчинского, не логичнее ли предположить, что он слишком много знал и слишком многое мог рассказать? Или неосторожно выразил готовность рассказать?

А при расследовании заговора военспецов в руки ОГПУ попал еще один «непростой» деятель, генерал М.Д. Бонч-Бруевич. В свое время также поучаствовавший в заговорах, помощник Троцкого, работавший в тесном контакте с Сиднеем Рейли, предоставляя ему все сводки и планы Красной Армии [173]. Но с ним обошлись совершенно иначе. Сработали некие «пружинки», и его участие в оппозиционных собраниях и разговорах замяли, быстро освободили без всяких последствий [208].

И вредительство шло вовсю. Но, конечно, не в форме мелких аварий на предприятиях. Оно осуществлялось куда более масштабно. Годы «большого скачка» во многих отношениях стали прямым продолжением революционной катастрофы. С 1929 г., в то же самое время, когда громилась деревня, развернулась вторая волна гонений на Церковь. Всю страну охватили антирелигиозные акции. В Ленинграде в рождественский сочельник учинили «ночь борьбы с религией» и взяли всех, кого застали в церквях. На Кубани под Рождество закрыли церкви, устроив в них молодежные вечеринки. В Оренбуржье в 1929 г. на Пасху комсомольцы закидывали камнями крестный ход, подожгли одну из станиц, чтобы сорвать праздничную службу [155]. И это творилось по всему Союзу. Для молодежи организовывались буйные антирелигиозные шашни с факелами, шествиями, плясками, кощунственными песнями и частушками.

Священнослужителей в первую очередь репрессировали в ходе раскулачиваний. Закрывались храмы, монастыри. Многие из них были взорваны. Другие передавали под использование колхозам. В ходе кампании было закрыто 90% храмов, которые еще оставались действующими после погрома 1922—1923 гг. А если прихожане пытались протестовать, это объявлялось «кулацкими восстаниями» и соответственно подавлялось. В данный период были ликвидированы монашеские общины, все еще существовавшие «в миру» (как, например, община Дивеевских сестер, изгнанных из монастыря, но обосновавшихся в Муроме). Были разгромлены братства катакомбной церкви. Такие общины теперь квалифицировались как «организации», причем подпольные и контрреволюционные. А за это наказания были суровые. Лагеря, ссылки на «спецпоселения» — и как раз для тех, кто проходил по церковным делам, места «спецпоселений» выбирались самые тяжелые и гиблые.

Прокатились и кампании казней. В 1932 г. в ростовской тюрьме были расстреляны митрополит Кавказский Серафим (Мещеряков), епископ Барнаульский Александр (Белозер) и 120 священников и монахов. Случайный свидетель-геолог поведал об убийстве 60 священников в июле 1933 г. на берегу Лены. Их ставили на край ямы и задавали вопрос, есть ли Бог. Каждый твердо отвечал: «Да, есть Бог!» — и звучал выстрел. Расстрелы и тайные убийства священнослужителей совершались и в других городах. Был казнен митрополит Евгений, епископа Краснодарского Памфилия (Мяковского) нашили повешенным в саду[140].

Причем в 1929 — начале 1930-х, в отличие от начала 1920-х, гонения развернулись против любых религиозных конфессий. Ликвидировались и громились протестантские и сектантские общины, до сих пор действовавшие совершенно свободно, «коммуны» толстовцев, баптистов, молокан. Преследовали буддистов, арестовывали и расстреливали лам. Все дацаны на территории СССР были закрыты. Под репрессии попало и исламское духовенство, закрывались мечети, медресе, была закрыта и часть синагог.

Но в этот же период был осуществлен и полный разгром отечественных гуманитарных наук. 12 января 1929 г. в Акаде-

мию наук СССР были введены Бухарин, Покровский, Кржижановский, Рязанов, месяцем позже Деборин, Лукин, Фриче. И бухаринцы во главе с Покровским развернули «чистку», из Академии было изгнано 648 сотрудников. А ОГПУ активно помогло гонителям. Подхватило обвинения, которые выдвигали бухаринцы против ученых, и раздуло дело об «академическом заговоре». За решетку попал весь цвет российских историков: Платонов, Тарле, Ольденбург, Любавский, Готье, Измайлов, Лихачев, Бахрушин, Греков, Веселовский, Приселков, Романов, Черепнин, Пигулевская, видные философы, мыслители, филологи — Лосев, Кожин и др. Многих ученых, как А.Ф. Лосева (перед арестом принявшего вместе с женой тайный постриг) явно тянули на «расстрельные» статьи. Некоторых, как академика Н.Н. Лихачева, пытались уничтожить уже в местах заключения.

Словом, брался курс на то, чтобы окончательно искоренить в народе веру в Бога, а одновременно с этим эмиссары чужеземной «бесовщины» пытались добить российскую историю, культуру, русскую мысль. Доломать все, чтобы на «пустом месте» насаждать и строить нечто совершенно иное...

Но и борьба с реальной «антисоветчиной» сплошь и рядом принимала такие формы, что наносила России вред полнее любых диверсий! Как-то даже получалось, что мелкие вылазки белогвардейцев и наличие антисоветского подполья становились лишь поводами для действительно масштабного вредительства. Например, когда раскрылись оппозиционные кружки среди военных, ОГПУ провело операцию «Весна» — в конце лета и осенью 1930 г. скопом принялось арестовывать *всех* бывших офицеров, служивших в Красной армии. Было репрессировано более 10 тыс. человек, получили разные сроки заключения, ссылки. Снимали и увольняли командиров коммунистов, якобы не проявивших бдительности, попавших под влияние «скрытых белогвардейцев». А поскольку в это же время изгоняли правых и левых «уклонистов», то за несколько лет командный состав армии обновился на 80%! И это в условиях, когда опасались близкой войны!

А Шахтинское дело, процессы Промпартии и меньшевиков дали старт гонениям на *всех* гражданских «спецов». Толь-

то в Донбассе в 1930—1931 гг. половина выходцев из дореволюционной интеллигенции была уволена или арестована. Всего же изгнали со службы около 300 тыс. человек, из них 23 тыс. причислили к «врагам советской власти» (с хорошо понятными последствиями). И это в разгар индустриализации! Причем размах «чисток», в свою очередь, вел к дальнейшим выводам — что индустриализация и коллективизация должны осуществляться одновременно с «культурной революцией».

И развернули эту самую «культурную революцию». С одной стороны, она подразумевала слом всей прежней морали и культуры. А с другой — формирование в кратчайшие сроки новой, «красной интеллигенции». Как раз для того, чтобы ее «сформировать», молодежь вовлекали в антирелигиозную вакханалию, в озлобленные демонстрации и собрания, требующие смерти «вредителям», пропагандировали доношительство. А чтобы заменить «буржуазных спецов», более 140 тыс. рабочих от станка были выдвинуты на руководящие посты, 660 тыс. рабочих переводились в категорию служащих или направлялись на учебу.

Последствия были ужасающими. В системе образования все пошло наперекосяк. Количество студентов, вузов, курсов, техникумов, рабфаков выросло так резко, что для них не хватало преподавателей. И производились ускоренные выпуски педагогов, вводились ускоренные курсы, недоучки начинали учить других недоучек. С другой стороны, промышленность лишилась хороших, умелых работников. На их места пришли неквалифицированные выходцы из деревни, зеленая молодежь. При этом более образованную молодежь, из семей интеллигенции, в вузы не принимали, она шла на заводы, чтобы приобрести статус «пролетариев» — и «пролетариями» становилась никудышными. Ну а вчерашние хорошие рабочие превращались в никуда не годных руководителей и служащих, запутывая и разваливая деятельность своих предприятий и учреждений.

И в очередной раз пришлось вмешиваться лично Сталину. 23 июля 1931 г. он огласил свои «шесть условий» победы социализма. Осудил «спецеество», призвал к заботе о спе-

циалистах старой школы. Выдвижение руководящих кадров из «низов» было пресечено. 40 тыс. таких горе-начальников в ближайшие же недели были возвращены обратно на производство. Были пересмотрены правила приема в вузы, количество курсов и рабфаков сокращалось. Уволенных представителей интеллигенции стали брать обратно на работу. И в армию начали возвращать бывших офицеров, восстанавливать в прежних должностях.

Но и внутри коммунистической партии продолжалось вредительство. «Левых» и «правых» вроде бы разгромили, однако возникали новые группировки оппозиции. В 1930 г. — группа Сырцова — Ломинадзе. В 1932 г. был раскрыт «Союз марксистов-ленинцев» Рютина — в документах «Союза» признавалась правота Троцкого, требовалось «устранение Сталина». Затем обнаружилась группа Эйсмонта — Смирнова — Рыкова, которую Сталин назвал «пропитанной серией выпивок», «оппозиционной группой вокруг водки». Выносили взыскания, исключали, ссылали... Однако опальные посыпали головы пеплом, заявляли о прекращении раскольничьей деятельности, и их прощали. И все повторялось.

Троцкисты, многократно отрекшиеся от своего высланного лидера, создали конспиративные структуры, получали инструкции от Льва Давидовича. И. Смирнов во время заграникомандировки встречался с сыном Троцкого Львом Седовым, обсуждал взаимодействие. А потом пересылал Седову письма через Э. Гольцмана. В 1932 г. эти связи были обнаружены, ОГПУ арестовало 89 троцкистов. Но в 1933 г. после обычных покаяний их начали освобождать и восстанавливать в партии.

В конце 1932 — начале 1933 г. была раскрыта и арестована оппозиционная организация, куда входили выпускники Института красной профессуры и ряд теоретиков из «школы Бухарина». Но Бухарин опять сумел выйти сухим из воды. Он напрочь открестился от своих сторонников и убеждал Сталина: «Ты оказался прав, когда недавно несколько раз говорил мне, что они «вырвались из рук» и действуют на свой страх и риск...» В общем, одни оказывались ни при чем, другие давали обещания, что больше не будут. Хотя в это же время Лев Седов в Париже обмолвился, что он получил сообщение — в

СССР троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы и рютинцы ведут тайные переговоры об объединении своих сил.

Отнюдь не уgomонился и Тухачевский. Как стало известно позже, в 1932 г. он, находясь за границей, встречался с троцкистом Роммом, довольно откровенно беседовал на политические темы. В частности, Ромм информировал его, что Лев Давидович «надеется на приход к власти Гитлера, а также на то, что Гитлер поддержит его, Троцкого, в борьбе с советской властью» [208]. Историки признают данную информацию недостоверной только из-за того, что она «невероятна» — ну как же, еврей Троцкий рассчитывает на помощь антисемита Гитлера! Но на самом-то деле ничего невероятного в этом не было. Лев Давидович просто надеялся на повторение старого сценария. Если Германию опять стравят с Россией, вот и найдется дело Троцкому, как в прошлую войну. В конце концов, Гитлера вели к власти те же силы, которые в свое время продвигали Троцкого. Те же силы, которые стояли и за Бухариным, Зиновьевым, Ягодой...

КТО УЧИНИЛ ГОЛОДОМОР?

Пик советских трудностей и бедствий пришелся на конец 1932 — начало 1933 г. Индустриализация шла бурно, но с огромными издержками и перекосами. Ударным трудом строились промышленные гиганты, а для их функционирования еще не было инфраструктур, они еще не были обеспечены сырьем, смежными производствами, сбытом продукции. Для других начатых строек из-за перераспределения приоритетов не хватало ресурсов. Работа шла в штурмовом режиме, с нарушением норм охраны труда. Неумелые строители из вчерашних крестьян калечились. Скученность людей, отвратительные условия бараков и временок приводили к высокой заболеваемости и смертности. Особенно много человеческих жизней унесли те объекты, где использовались заключенные — Беломоро-Балтийский канал, Байкальская магистраль и т.д.

Пятилетка стоила и колоссальных материальных затрат. За рубежом покупались технологии, оборудование. На это

требовалась валюта. И тут уж Запад «доил» Советский Союз по полной программе. Правда, ситуация была иной, чем в начале 1920-х, теперь Москва приобретала необходимое, дабы вырваться в ряды развитых держав и преодолеть зависимость от иностранцев. Но покупала втридорога. А русские товары — зерно, нефть, лес, золото, зарубежные партнеры получали по чрезвычайно дешевым ценам, зачастую ниже себестоимости. В условиях Великой депрессии для западных фирм такие связи оказывались спасительными. Ну а Советскому Союзу ради нужной позарез валюты приходилось отдавать за бесценок то, чего не хватало самим. Снова шли на продажу и произведения искусства, антиквариат. Но в советских внешнеторговых представительствах засели те же самые деятели, которые и раньше участвовали в махинациях Троцкого и его компании. И сделки сопровождались новыми махинациями, подписывались контракты на грабительских для нашей страны условиях.

В сельском хозяйстве дело обстояло еще хуже, чем в промышленности. Созданные колхозы бедствовали, разваливались. Получая за труд мизерную оплату, крестьяне воровали, работали спустя рукава. А назначенные сверху председатели доламывали хозяйства, не умея их организовать, а нередко ворую куда больше рядовых колхозников. Добавлялись порождаемые неизвестно кем сумасбродные проекты наподобие вырубания на Кубани виноградников и выращивания хлопка. А 1932 г. выдался неурожайным, планы хлебозаготовок круто провалились. И вот тогда-то на южные области обрушился удар...

Готовился он заблаговременно, тщательно. Для фабрикации повода были использованы журналисты. Так, на Кубань осенью 1932 г. прибыл корреспондент «Правды» Ставский и «высветил» сплошную «контрреволюцию». Писал, что прежняя «белогвардейская Вандея» проводит «организованный саботаж», в станицах живут отсидевшие свой срок белогвардейцы, и «местные власти не предпринимают никаких мер». Вывод делался: «Стрелять надо контрреволюционеров-вредителей». В Ростове, центре Северо-Кавказского края, вопли Ставского подхватила газета «Молот»: «Предательство и измена в части сельских коммунистов позволили остаткам казачества, атаманищине и белогвардейщине нанести заметный удар».

И тут же начались репрессии. Ростовское ГПУ выслало на Кубань три отряда особого назначения, которые поехали по станицам. Все было так же, как в гражданскую. Отряды состояли из «интернационалистов» — латышей, мадьяр, кистайцев. Значит, заранее сформировали их, заранее разместили на юге в ожидании «сигнала» Ставского. О том, что операция была подготовлена и спланирована на высоком уровне, говорит и другой факт — для руководства ею в Ростов прибыли из Москвы Каганович и Ягода. И действовали каратели, как в гражданскую. Пошли массовые аресты и расстрелы. Часто они были публичными. Только в Тихорецкой было казнено 600 человек. Три дня подряд на главную площадь ровно в полдень выводили по 200 обреченных, независимо от пола и возраста приказывали раздеваться донага и косили из пулемета[95]. Расстрелы покатались и по другим станицам Кубани, по Ставрополью, Тереку.

А одновременно развернулась партийная «чистка» — из рядов ВКП(б) изгоняли за «попустительство саботажникам», непринятие мер. По Северо-Кавказскому краю было исключено из партии 26 тыс. человек, 45% сельских коммунистов. И со многими из них обращались, как с раскулаченными, конфисковывали имущество и отправляли в ссылки. Но даже не расправы, не ссылки оказались самой страшной мерой. 4 ноября 1932 г. Северо-Кавказский крайком принял постановление: за срыв хлебозаготовок занести на «черную доску» станицы Новорождественскую, Медведовскую, Темиргоевскую. «Позорно провалившимися хлебозаготовки» объявлялись и Невинномысский, Славянский, Усть-Лабинский, Куцевский, Брюховецкий, Павловский, Кропоткинский, Новоалександровский, Лабинский районы. Из них предписывалось вывезти все товары, закрыть лавки, «досрочно взыскать все долги»[95]. Но хотя «позорно провалившимися» признали часть районов — а те же самые меры были распространены и на все другие районы Кубани! И на Дон тоже!

Но Северо-Кавказским краем кампания не ограничилась. На Украине также появились журналисты, вскрывали «кулацкую контрреволюцию». На основе «выявленных» фактов якобы саботажа 14 декабря 1932 г. было принято совместное поста-

новление ЦК и правительства «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области», ставившее жесткие сроки завершения этих заготовок к 10—15 января. И украинские власти во главе с Постышевым, Косиором, Чубарем ввели меры, аналогичные Северо-Кавказскому краю.

Любая торговля прекращалась, развернулись полавальные обыски для «отобрания запасов хлеба у населения». Выгребали не только излишки, а все, подчистую. Забирали то, что было выдано колхозникам на «трудодни» — их заработок за прошлый год. Забирали овощи, картошку выращенные на приусадебных участках. Забирали другие продукты, которые нищие колхозники заготовили для себя на зиму, зная, что от колхоза им перепадет мало — сушеную рыбу, грибы, ягоды, фрукты. Отбирали и деньги, ценности в счет «долга». Когда начались эти обыски, многие пытались сберечь хоть что-нибудь. Но если спрятанное находили, налагали штрафы. Или объявляли найденные продукты краденными, за это давали 10 лет.

Ну а если ничего не находили, вымогали продовольствие и деньги угрозами, пытками. Людей избивали, запирали в холодных амбарах, держали под арестом без еды и воды. На Дону известны случаи, когда сажали на раскаленные печи, гоняли женщин голыми по снегу. За несдачу заготовок, за неплату наложенных штрафов конфисковывали дома, выгоняя семьи со стариками и младенцами на мороз[116]. На Кубани несколько станиц взбунтовалось. Но организаторам провокации именно это и требовалось для доказательства «контрреволюции»! На восставших бросили войска, они тоже оказались наготове. Расстреливали всех попавшихся под руку. Нередко красноармейцы и командиры отказывались участвовать в кровавых акциях — их казнили самих. Иногда перед строем расстреливали целыми подразделениями[7].

А ограбленные области стали вымирать от голода. Среди зимы продовольствие взять было негде. Оно исчезло с прилавков и в городах. Сразу, одним махом. Вчера было, а сегодня вдруг пропало. Районы бедствия оцеплялись чекистами и красноармейцами. Причем и эти заградотряды оказались наготове. Голод только начался — а заставы на всех дорогах уже встали тут как тут, не давая людям разбежаться. К тому

же, незадолго до катастрофы, в 1932 г., была введена паспортная система, затруднившая перемещения по стране, а сельскому населению паспортов вообще не полагалось.

И голодающие скапливались в городах, на станциях в тщетной надежде добыть пропитание или хоть куда-то уехать. Но продуктов и в городах не было. Рынки закрылись, снабжение осталось только по карточкам, и оно ухудшилось до крайности. Выстраивались длинные хвосты очередей, карточки отоваривались плохо и нерегулярно. Крестьяне и казаки, собравшиеся в крупных населенных пунктах, там же массами и умирали. Для сбора и закапывания тел отряжались специальные воинские команды. Очевидец в Екатеринодаре писал: «Смертность такая в каждом городе, что хоронят не только без гробов (досок нет), а просто вырыта огромная яма, куда свозят опухших от голодной смерти и зарывают; это в городе, а в станицах сплошной ужас: там трупы лежат в хатах, пока смердящий воздух не привлечет, наконец, чье-го-либо внимания»[21, 187, 197].

Люди поели собак, кошек, ловили ворон, сусликов, крыс, мышей. На Дону отрывали падаль из скотомогильников[116]. На Тамани мололи на «хлеб» рыбы кости[95]. Современница рассказывала, как под Харьковом дети бродили по заснеженным полям и выкапывали корешки от срезанной капусты. Доходили и до каннибализма. А по опустевшим деревням и хуторам, пропитавшимся вонью разлагающихся трупов, шастали представители ОГПУ и милиции, пристреливая на месте тех, кого уличили в людоедстве. Добавилась чума...

В исторической литературе принято объяснять голодомор тем, что коллективизация и раскулачивание разорили прежнее крестьянское хозяйство, когда новые механизмы еще не заработали. Нет, это не так. Все перечисленные факты говорят о том, что голод был организован искусственно. И, кстати, немалую роль в этом сыграли те особенности, которые сложились в отношениях СССР и Запада. Срыв хлебозаготовок угрожал выполнению обязательств перед зарубежными партнерами. Под вопросом оказывались новые кредиты, поставки заказанного оборудования... В общем все получилось очень уж взаимосвязано. Иностранцы навязывали свои

условия соглашений, советские представители принимали их. Отсюда вытекали требования сжатых сроков заготовок, чтобы расплатиться. А для карательных и партийных структур эти требования стали поводом выжимать «любой ценой».

Голодомор косил население Украины, Дона, Кубани. Но он грозил и дальнейшими последствиями. Ведь в голодающие районы по-прежнему спускали разнарядки на пахоту, сев! А еще выжившие ослабевшие колхозники были не в состоянии выполнить нормы. Их наказывали, сокращали пайки — и они еще больше слабели. Но и посевная кампания в южных, самых плодородных районах, срывалась! Что вело к нарастанию бедствия, к тому, что и в 1933 г. заготовки провалятся, без хлеба останется уже вся страна.

А внутреннее положение в Советском Союзе и без того ухудшалось. снабжение в городах давало пербои, народу приходилось все туже «затягивать пояса». Нарастало общее озлобление. Сохранилось множество донесений ОГПУ об антисталинских надписях на стенах. Среди студентов ходили и переписывались копии ленинского «завещания». В Высшей партийной школе были обнаружены листовки троцкистов, пользовавшиеся большой популярностью. В комсомольских организациях создавались нелегальные кружки, выступавшие за Бухарина — упорно распространялись слухи, будто он «за народ». Сбывались слова, которые сам Николай Иванович говорил Суханову: «В будущем предстоит перевес отрицательных сторон проводимого курса над положительными, только тогда можно говорить о победе его принципов»[208].

Словом, диверсия была колоссальной. А в том, что это была именно диверсия, лишний раз убеждает, например, переписка Шолохова и Сталина, опубликованная в 1997 г.[116]. Еще молодой в те годы писатель лично знал Иосифа Виссарионовича. Сталину понравились его произведения. Только непосредственным вмешательством генсека удалось опубликовать третью книгу «Тихого Дона», где речь идет о казачьем геноциде и Вешенском восстании — столпы тогдашней советской «культуры» объявляли роман контрреволюционным. Сталин распорядился о первой экранизации «Тихого Дона», высоко оценил вышедшую в 1932 г. первую книгу «Подня-

той целины». Когда начался голод, Шолохов, проживавший в Вешенской, стал бить тревогу. Обращался в районные, краевые инстанции, но его жалобы клались «под сукно». 22 марта он отправил телеграмму в «Правду» о творящихся безобразиях. Ее опубликовали, но преподнесли как частный «перегиб», снабдив заголовком «Результат непродуманной работы». А расследование передали тем же лицам, чьи действия обжаловал Шолохов, и бюро райкома пропесочило его самого.

Но 4 апреля писатель отправил письмо Сталину. Страшное письмо, рассказав, как обирали и пытали людей, как население умирает от голода, просил экстренной помощи. Иосиф Виссарионович откликнулся сразу же. 16 апреля от него пришла «молния»: «Ваше письмо получил пятнадцатого. Спасибо за сообщение. Сделаем все, что требуется. Сообщите о размерах требуемой помощи. Назовите цифру. Сталин». Михаил Александрович во втором письме от 16 апреля указал, сколько нужно хлеба. Сталин опять прислал «молнию», где попенял: «Надо было прислать ответ не письмом, а телеграммой, получилась потеря времени». Хлеб был направлен немедленно и даже много больше, чем просил писатель.

А 6 мая Сталин послал Шолохову свое письмо. Выговаривал, что и колхозники, по его мнению, были не без вины: «Уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили «итальянку» (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию — без хлеба... по сути дела вели «тихую» войну с Советской властью». Но, оговорился, — «конечно, это обстоятельство ни в коей мере не может оправдывать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками. И виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание»[116]. Для расследования на Дон была направлена комиссия во главе со Шкирятовым.

Почему-то принято считать, что Сталин просто заигрывал с Шолоховым, силился «расположить к себе писателя». Это чушь. Михаил Александрович был еще вовсе не «звездой» с мировым именем, а лишь талантливым «начинающим» автором, одним из многих. С чего, спрашивается, генеральный секретарь должен был с ним считаться и заигрывать? Мигни

он, и «начинающий» исчез бы без следа. Выходит, дело в другом. Сталина действительно убедили в саботаже, в том, что нужно применить «чрезвычайные меры», как уже делалось в 1928 г. Но на практике усугубили эти меры, повели операцию на полное истребление. Что, в свою очередь, уничтожало главную советскую «житницу», срывало любые планы индустриализаций. А в перспективе вело к голодным бунтам, полному хаосу в стране — и на волне восстаний к власти шла оппозиция. Неужели в этом был заинтересован Сталин? Он ни в коей мере не являлся гуманистом, но было бы адсурдным обвинять его в попытках разрушить собственное государство.

Так кто же проводил политику голодомора? В письмах Шолохова упоминаются руководители крайкома. Но можно обнаружить и другое — во всех кампаниях по заготовкам зерна, даже по севу и другим полевым работам на первом месте фигурируют имена полномочных представителей ОГПУ. И с ними местное начальство, конечно, не спорило[116]. Приказано — действуй, пока самого не объявили «пособником». Шолохов писал Сталину только о том, что видел сам, о своем и соседнем районах. Но тому же Северо-Кавказскому крайкому подчинялись Кубань, Ставрополье. Очевидно, Иосиф Виссарионович получил и другие сигналы, обратив на них внимание. И голодомор... прекратился.

Не постепенно, а «сразу». Так же резко и внезапно, как начался. Об этом свидетельствует, например, невозвращенец А. Бармин. Так же неожиданно, как исчезли продукты с прилавков и закрылись магазины, так же они открылись и продовольственные товары появились. Вчера не было — сегодня есть. Без объявлений, без объяснений[8]. Следовательно, были они, продукты-то! Было зерно, которое по распоряжению Сталина стало присылаться в пострадавшие места. Но и на местах, где-то на складах, лежало то продовольствие, которое потом «вдруг» вернулось на прилавки. Лежало, когда рядом люди умирали, пухли с голоду, глодали кору и падаль...

Однако расследование, проведенное Шкирятовым и другими посланниками Москвы, ничего не дало. Фактически преступление замяли. А Сталина оставляли в убеждении, что опять имели место всего лишь «перегибы», чрезмерное рве-

ние дураков. И он писал Шолохову о «болячке нашей партийно-советской работы» — «как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма». Чтобы такого не повторялось впредь, был создан централизованный Комитет по заготовкам, подчиняющийся напрямую правительству. А за случившееся ответили только мелкие сошки.

Лишь несколько лет спустя Иосиф Висарионович поймет другое. И тот же Шолохов в статье для «Правды» называет руководителей, учинивших беду, «врагами народа» — за то, «что под предлогом борьбы с саботажем... лишили колхозников хлеба». *Под предлогом борьбы!* Сказано предельно ясно. А опубликовать подобный вывод вопреки мнению Сталина «Правда» никак не могла. Но это будет значительно позже.

Всего же голодомор унес, по разным оценкам, от 4 до 7 миллионов человеческих жизней[95]. И вот еще одно совпадение... Планы хлебозаготовок в 1932 г. были сорваны практически по всему Советскому Союзу, но акции по полному изъятию продуктов, обрекающие людей на вымирание, обрушились только на несколько регионов. Юг Украины, Дон, Кубань. На те самые регионы, на которые по проектам Ларина и Брагина предполагалось в перспективе расширение «Хазарии». Случайным ли было это совпадение?

ПОД ПРИКРЫТИЕМ «КУЛЬТА»

Советские проекты оборачивались «перегибами», непременно корректировались, дополнялись, прекращались. И только один проект оставался неизменным и упорно проводился из года в год — создания еврейской автономии. С 1928 г. постановлениями президиума ЦИК СССР и ЦК партии были определены уже не одно, а два направления переселения — Крым и Приамурье. Здесь на землях, отобранных у амурских казаков, построили первые бараки, станицу Тихонькую переименовали в Биробиджан. Организацией новых поселений занялись те же самые КомЗЕТ и ОЗЕТ во главе с Лариным. Очень похоже, что дальневосточный вариант начали разрабатывать

из-за того, что отсюда было труднее сбежать, чем из Крыма, и поблизости не было больших городов, где евреи могли бы пристроиться к привычным для них занятиям.

Хотя и декларировалось, что поселения создаются для «перековки» торговцев в тружеников, первую партию в тысячу человек набрали из рабочих. Однако и здесь результаты были плачевными. Проверяющие докладывали, что за лето построено лишь 25 изб, вспахано 135 га земли, и ни один не засеян. «Среди барачных жителей некоторые умудряются получать переселенческий кредит и ссуды, сидя в бараке, и проедают их, даже не выехав на землю. Другие, менее изворотливые, нищенствуют». К февралю 1929 г. более половины евреев привезенных на Амур, правдами и неправдами уехали прочь...

Что ж, тогда в Биробиджан погнали еврейскую молодежь, комсомольцев. На энтузиазме, на пропагандистской шумихе. Отрывая напрочь от «корней», родных гнезд, прошлого воспитания. Ветераны освоения края потом со смехом вспоминали, как им из дома присылали к празднику мацу, а они не знали, что это такое, и ели ее со свиным салом. Но одной из главных целей данных проектов как раз и было «переделать» еврейский народ. Переломить его традиции, изменить психологию. Отучить приспосабливаться внутри других народов, сделать из евреев производителей, землепашцев. И военных. А уж где их впоследствии использовать, какую идеологию внушить, решат те, кому дано право решать.

Новый толчок проект «Хазарии» получил, когда стал сворачиваться нэп и началась кампания коллективизации. Ведь большинство евреев в местечках Украины и Белоруссии занималось мелким, но частным предпринимательством. Теперь подобная деятельность запрещалась, они оставались без заработков. Торговцы, владельцы кустарных предприятий попадали в разряд «нэпманов» с конфискациями имущества, лишением гражданских прав. И руководители «хазарских» разработок сочли, что уж сейчас-то получится переселить местечковых евреев в Крым. Никуда не денутся, поедут, чтобы из «лишенцев» превратиться в колхозников, зарабатывать свой кусок хлеба.

А, с другой стороны, из Крыма депортировали раскулаченных татарских, русских, украинских крестьян. За 1930—1931 гг. с полуострова выселили 4325 семей (25—30 тыс. человек). Из них 2772 семьи отправили на Урал, 1553 семьи — на Север. Отобрали у них 50 тыс. га земли. И основная часть «освободившихся» участков, конфискованного имущества предназначалась для еврейских поселенцев. Кстати, весьма любопытной представляется реакция иностранцев на подобную политику советской власти. Многим, даже в иудейских кругах, она очень не понравилась. Так, редактор американского журнала «Морнинг журнал» Фишман поднял вопрос: «Этично ли со стороны русского еврейства пользоваться для колонизации экспроприированной землей?» А еврейская газета «Джуиш кроникл» еще и расставила точки над «i», указав, что многие бывшие хозяева расстреляны, посажены в лагеря или сосланы. Но с ответом выступил председатель благотворительного общества «Джойнт» мультимиллионер Луи Маршалл, который заявил, что «признает благотворительное право революционных конфискаций».

Переселения вызвали новые конфликты с крымскими татарами. Выразителем их интересов пытался выступать председатель ЦИК Крымской АССР Мемет Исмаил Кубаев. Но его ждала судьба Вели Ибраимова — он был снят со своего поста, арестован ОГПУ, а впоследствии расстрелян. И переселение шло полным ходом. В 1930 г. был учрежден Фрайдорфский национальный район, 32 национальных сельсовета, стала издаваться газета «Ленин Вег» на идиш. Главный автор и двигатель проекта, Юрий Ларин-Лурье, в 1932 г. умер, удостоившись ниши в кремлевской стене. Но его дело жило. В его честь назвали еще один, Лариндорфский национальный район, возник и третий, Смидовический. А на дочери покойного Ларина женился Бухарин. Только ли за «красивые глазки»?

Иностранные банкиры продолжали оказывать проекту щедрую помощь. И в 1932 г. состоялся визит в Москву жены Отто Кана — которая, как и супруги других финансовых тузов, выступала «благотворительницей», «общественницей». Как с удивлением писала французская газета «Фигаро», госпоже Кан была устроена встреча, почти такая же пышная,

как королю Афганистана, посетившему Россию незадолго до этого! Даже не банкиру, а жене банкира! Встреча с оркестрами, построением войск, приемами на высшем уровне... А одной из главных целей приезда «благотворительницы» было финансирование и иная поддержка «национальных автономий» в Крыму.

Однако точно так же, как и раньше, переселенческие планы терпели неудачу. Потому что местечковые евреи, даже утратив возможность торговать и кустарничать, вовсе не желали превращаться в колхозников. Они разъезжались куда угодно, но не в Крым или Биробиджан. В основном — в большие города, где можно было как-то пристроиться с помощью родственников, знакомых. В одну лишь Москву их перебралось около 100 тыс. А в Крым многие приезжали только для того, чтобы избавиться от статуса «лишенцев», а потом отправиться в другое место. В 1932 г. текучесть по крымским колхозам оценивали в 60—70%. Но и это соотношение прибывших и убывших оказывалось заниженным. Потому что считали не по людям, а по количеству семей, зачисленных «на землю». А еврейские семьи были большими. Получали пособие на всех, выправляли какие-нибудь документы, потом оставались 1—2 человека, и в отчетах начальства они значились «семьей». Остальные же разъезжались, чтобы и самим устроиться, и материально поддерживать родичей, мыкающихся в колхозе.

Но, между прочим, если уж вести речь о «Хазарии», то можно отметить, что в советском руководстве национальное «размывание» велось точно такими же методами, как в древней Хазарии. Так же, как тюркским вельможам подсовывали в жены иудейских девушек, что привело к перерождению правящей верхушки [46, 47], так и в Советском Союзе все крупные государственные деятели русского происхождения оказывались женаты на еврейках: Калинин, Молотов, Рыков, Ворошилов, Андреев, Киров, Ежов и др. Исключение составлял Сталин. И в данном плане обращает на себя внимание трагедия с самоубийством его жены в 1932 г. Понятное дело, что глава партии и государства был просто не в состоянии уделять ей столько внимания, сколько «обычный» муж — а она

ращалась среди коммунистического «высшего света». Училась в Промакадемии на факультете искусственного волокна, подругами были Дора Хазан (жена Андреева), Мария Казанович, Полина Жемчужина (жена Молотова).

Но случайно ли у Надежды Аллилуевой возникли настроения, что брак с Иосифом Виссарионовичем подавляет ее личность, унижает ее? Ведь ее подруги жили так же, их мужья тоже были чрезвычайно загружены работой. Хорошо известен «друг», который «доверительно» информировал Аллилуеву о положении в стране, о действительных или мнимых ошибках Сталина, о его «несправедливости» к старым товарищам по партии. Этим «другом» был Бухарин[27]. Может быть и так, что он через жену пытался улучшить собственное положение, сделать из нее подобие собственного «агента влияния» при муже. Но, по сути, внушил ей неприязнь к Сталину, убеждая в его грубости, бездушности, коварстве. И был роковой банкет, когда алкоголь усугубил мелочную обиду, и в кремлевской квартире прозвучал выстрел...

Известно и то, что Сталин в какой-то мере повел себя по-православному. Скорбел, страдал, но на гражданской панихиде не поцеловал покойную. На похоронах не был и на могилу потом не ездил[161]. Самоубийц не поминают, за них не молятся... А в глазах Сталина поступок жены выглядел, возможно, еще и предательством. Ударом в спину, когда мужу и без того приходилось очень трудно.

Нет, идеализировать фигуру Сталина у нас нет никаких оснований. Он оставался жестким и убежденным революционером, переняв ленинские (и петровские) взгляды на насильственные методы крутых реформ. Вполне по-ленински он относился к крестьянству, предполагая «союз» с ним, но отнюдь не равноправный, под руководством «рабочего класса» и партии. Колхозники остались людьми «второго сорта» без паспортов, без пенсий.

Твердым «ленинцем» Сталин был и в антирелигиозных вопросах. Когда Троцкого сняли со всех постов, созданное им «Общество воинствующих безбожников» возглавил Емельян Ярославский (Миней Губельман) — в прошлом близкий к Свердлову и Льву Давидовичу, но вовремя переметнувшийся

к Сталину. И не кто иной, как Иосиф Виссарионович поставил Ярославского редактором «Правды» вместо Бухарина. Генеральный секретарь наверняка читал его статьи, направленные против Церкви, да и сам в выступлениях того времени неоднократно называл «попов» в одном ряду с «кулаками» и «контреволюционерами». Например, на съезде, под гром аплодисментов указывал: «Подавили ли мы реакционное духовенство? Да, подавили. Беда только в том, что оно не вполне ликвидировано».

Но в разгроме российской культуры Сталин участия не принимал. Мало того, его вмешательство спасло от расправ Михаила Булгакова, Алексей Толстого, Андрея Платонова. Как уже отмечалось, только благодаря Сталину открылась дорога в литературу для Шолохова. Имеются свидетельства, что Сталин спас и великого философа Алексея Лосева. Кто-то доложил о нем генеральному секретарю, и Сталин наложил резолюцию: «Этого не трогать». Лосева, загибавшегося на Беломорканале, выпустили. Но ходатаев за него не было, сам он о себе не напоминал, и остался в неопределенном положении, в духе резолюции. Его и впрямь больше не трогали, но и работ не публиковали.

Сталин оставался и твердым «государственником», державшим курс на укрепление Советской державы. Представляя дело так, будто он принимал катастрофические решения, а потом, спохватившись, давал обратный ход, было бы неверно. Хотя бы по той причине, что сами по себе эти решения еще не были катастрофическими. Допустим, «чрезвычайные меры» по хлебозаготовкам применялись и раньше, они были очень неприятными для крестьян, но не гибельными — а в 1932—1933 гг. их стали осуществлять именно так, чтобы сделать гибельными. «Поправки», приводившие к разрушительным результатам, вносились на каких-то других уровнях власти. Но не на уровнях непосредственных исполнителей, поскольку повторяющиеся бедствия сразу охватывали обширные регионы, а то и всю страну. Следовательно, они вносились где-то во вторых эшелонах руководства — где определялось, как *выполнять* директивы верховного руководства.

В 1933 г., после голодомора, Сталин вмешался и для исправления положения в другой области — прекратил героиче-

ский, но надрывный и болезненный штурм первой пятилетки. Просто объявил, что она уже выполнена досрочно, за четыре года и три месяца. Конечно, Сталин слукавил. Планы пятилетки сопровождались шапкозакидательскими лозунгами, несколько раз повышались — председатель Госплана Куйбышев страдал тяжелым пьянством, и подогреть его энтузиазм было нетрудно. А Сталин для выводов о перевыполнении допустил подтасовку. Он взял лишь первые, минимальные цифры планов, и не по объему производства, а по стоимости продукции — которая регулировалась государством.

На самом деле план выполнен не был. Но даже столь ярый антисоветист и русофоб, как Я. Грей, был вынужден признать, что «первый пятилетний план по масштабам и достижениям являлся величайшим планируемым экономическим предприятием за всю историю человечества»[41]. Сверхусилиями, энтузиазмом, огромным расходом средств и ресурсов Советский Союз совершил гигантский прорыв по созданию собственной промышленной базы. Россия после революционного крушения и разрухи снова начала производить собственную технику, оборудование, могла совершенствовать вооружение. А в обстановке внешней опасности было важно, что это удалось осуществить в предельно сжатые сроки. Главная цель и впрямь оказалась достигнута. Экономика могла теперь развиваться уже на собственной основе, эволюционно, а не революционно. Так что Сталин нашел очень даже умный ход, чтобы свернуть штурмовую кампанию.

Планы второй пятилетки составлялись куда более умеренные, взвешенные и реалистичные. Страшный урок голодомора заставил Сталина обратить более пристальное внимание и на безобразия в деревне. Был разработан новый устав сельскохозяйственной артели с увеличением приусадебных участков и прочими послаблениями. Часть раскулаченных вернули из ссылок. Пересматривали дела, освобождали и снимали судимости многим из тех, кто был осужден в ходе коллективизации, по обвинениям во «вредительстве» и т.п. А вот в партии прошли очень большие чистки — за двурушничество, карьеризм, шкурничество, моральное разложение, злоупотребления из нее повыгоняли 18% коммунистов[27].

XVII съезд партии в январе-феврале 1934 г. назвали «съездом победителей». Объявлялось, что материально-техническая база социализма построена, уклонов и оппозиций больше нет, восторжествовала единая линия. Да и жизнь в стране стала ощутимо улучшаться. Вступали в строй новые предприятия. На прилавках появлялись прежде дефицитные товары. О роскоши никакой речи не было и быть не могло, но после нищеты 20-х люди хотя бы смогли одеться и обуться (впрочем, зависимость от иностранцев еще сохранялась, от нее СССР смог избавиться лишь к 1937 г.). Заработали механизмы колхозов, в сельское хозяйство поступали трактора и другая техника. И это тоже каждый почувствовал на себе: были отменены продуктовые карточки, уходили в прошлое хвосты за хлебом и угроза голода.

Однако обозначилось и явление другого рода — культ личности Сталина. Внедряться он начал с 1929 г., с празднования его пятидесятилетия, а в 1930-х вылился в потоки славословий, плакатов, портретов. И, наверное, стоит отметить, что главный вклад в раздувание культа вносили... те же оппозиционеры! Так, на XVII съезде не кто иной как Бухарин величал Сталина «фельдмаршалом войск пролетариата», а Каменев заявлял: «Эра, в которой мы живем, войдет в историю как эра Сталина».

И вряд ли причина была только в желании подольститься. Насаждение культа личности позволяло связать персонально с фигурой Сталина все беды, жертвы, потрясения. Закулисные силы и их «оборотни», нанося удары по России, создавали еще одну «версию прикрытия»! Ведь, наверное, не случайно внедрение культа началось именно в 1929 г. — это год не только пятидесятилетия, но и год «великого перелома», когда надвигалась полоса катастроф.

Сам Сталин к такому «обожествлению» относился критически. В беседе с австрийским писателем Л. Фейхтвангером говорил: «Подхалимствующий дурак приносит больше вреда, чем сотни врагов». Даже допускал, «что тут действует умысел вредителей, пытающихся таким образом дискредитировать его». Однако Сталин и не пресекал явлений культа. Вероятно, втайне считал их полезными. Они вроде бы повышали

его авторитет, помогали проводить его политику. И в правительстве рос его персональный «вес».

И все же, несмотря ни на какое «обоожествление», Сталин даже и в начале 1930-х оставался далеко не единовластным и не свободным в принятии решений. Наглядным примером служит история с РАППом, где распоясавшиеся Леопольд Авербах и жена Ягоды Ида Авербах насаждали русофобию, уродовали отечественную литературу, отправляли «на свалку» российских классиков. За эту шарашку Сталин решил взяться в 1930 г. «Правда» начала атаки на РАПП. Подобная критика со стороны партийного официоза в любом случае означала строгий приказ! Но Леопольд Авербах нагло поставил вопрос «ребром»: «Или уймите «Правду» и дайте нам работать, или меняйте руководство РАППа». И... не сменили, терпели еще два года.

Только в 1932 г. постановлением ЦК от 29 апреля «О перестройке литературно-художественных организаций» РАПП был распушен. Как сказал Сталин одному из руководителей этой организации, Александру Фадееву, «вы просто еще маленькие люди, совсем небольшие люди, куда вам браться за руководство целой литературой»[62]. Но рапповцы даже постановление ЦК проигнорировали, не опубликовали в своих изданиях! Пытались опротестовать его, стали подавать заявления в Политбюро, устраивать дискуссии. Самому Сталину приходилось участвовать в них, спорить с активистами «пролеткульта»[161]. При этом Авербахи и их присные добивались простой смены вывесок, чтобы создаваемый Союз писателей возглавили они же, проводя прежнюю политику. И сопротивлялись столь упорно, что формирование новых писательских органов затянулось аж до 1934 г.

Уж наверное, не Сталин инициировал военные парады в честь супруги Отто Кана. Вероятно, его убедили, что от этого зависит финансирование планов индустриализации, что это имеет важное значение для торговых и дипломатических отношений с США.

Можно привести еще один красноречивый пример. В 1934 г. умер Менжинский, и было решено реорганизовать советские спецслужбы. ОГПУ упразднялось и вливалось в

состав Наркомата внутренних дел (НКВД). Как уже отмечалось, Ягоду Сталин не любил и не доверял ему. Однако возглавил НКВД все равно он, Енох Гершеневич Ягода. Значит, кто-то переубедил генерального секретаря, кто-то внушил, что на этот пост лучшей кандидатуры не найти. Кто? Конечно, не опальные Бухарин или Зиновьев. Но рядом со Сталиным были и другие.

КАК ГОТОВИЛИ ВТОРУЮ МИРОВУЮ

В сентябре 1931 г. японские войска начали вторжение в Маньчжурию. Правительство Чжан Сюэяня свергли, провозгласив марионеточную империю Маньчжоу-го. Комиссия Лиги Наций под председательством лорда Литтона, производя расследование, пришла к выводу, что акция являлась ничем не спровоцированной агрессией[166]. Тем не менее реакция мирового сообщества была нулевой. Никто не разорвал с Японией дипломатических и деловых отношений. Западные державы ничтоже сумняшеся признавали новое северокитайское «государство». И если в начале 1920-х США сделали все, чтобы вытурить японцев из той же Маньчжурии и с советского Дальнего Востока — потому что они были конкурентами, закупоривали дорогу к российским концессиям, то в 1930-х ни о каком нажиме на Токио даже речи не было. Мало того, Америка поставляла Японии военные товары, стратегическое сырье, главное — нефть, без которой остановились бы японские корабли, военные автомобили, танки, самолеты... Ситуация стала другой, Советский Союз стал другим. У китайцев в 1929 г. не получилось, так, глядишь, японцы с русскими сцепятся, как в 1904 г.

Впоследствии это назовут «политикой дальневосточного Мюнхена», но она началась гораздо раньше Мюнхена. А пока в Западной Европе разыгрывались еще другие игры. Она стала первым полигоном для внедрения теорий «пацифизма». Либеральная пропаганда вспоминала об огромных жертвах и затратах Первой мировой, о высшей ценности человеческой жизни, откуда следовало, что никакие цели не оправдывают

жорей пролитой крови, никакие репарации и территориальные приращения не окупают издержек. Значит, войн не должно быть вообще, конфликты надо решать только мирным путем. Что угодно, только не война. И пацифизм менял психологию людей. Пал престиж армии. Военная служба начинала восприниматься как нечто постыдное, лишнее, отвлекающее от более важных занятий. Зачем она, если надо обходиться без войн любой ценой? Любой. Пацифизм очень хорошо согласовывался с идеями эгоизма и гедонизма. Главное — самому жить и наслаждаться жизнью. А честь, национальные интересы, отечество становились, может быть, и нужными, но «абстрактными» понятиями...

Ну а Гитлер в это же время задумывал фактически повторение старого плана Шлиффена — сперва сокрушить Запад, а потом ударить на Восток. Только, в отличие от Шлиффена, этот план основывался не на сомнительных расчетах о сроках мобилизации и пропускной способности железных дорог, а на более надежных средствах, дипломатических. Этот сценарий предусматривался с самого начала, еще до прихода к власти. В беседах с Раушнингем Гитлер признавался: «Что до меня, то я, очевидно, не стану уклоняться от союза с Россией. Этот союз — главный козырь, который я приберегу до конца игры. Возможно, это будет самая решающая игра в моей жизни. Но нельзя начинать ее преждевременно, и ни в коем случае нельзя позволять всяким писакам болтать на эту тему. Однако если я достигну своих целей на Западе — я круто изменю свой курс и нападу на Россию. Никто не сможет удержать меня от этого. Что за святая простота — полагать, что мы будем двигаться все прямо и прямо, никуда не сворачивая!» [146]

Конечно, Гитлер не знал, какая роль отводилась ему в планах заокеанских теневых сил. Он действовал по своим замыслам. Но с планами американской «закулисы» эти замыслы очень хорошо совпадали. Сперва нацелить немцев на Запад, потом на Восток...

Однако для фюрера начинать подготовку к войне против западных держав было и впрямь преждевременно. Сперва Германии требовалось добиться отмены ограничений Вер-

сая, создать и вооружить большую армию. Сделать это можно было только при попустительстве Запада — следовательно требовалось налаживать «дружбу» с ним и демонстрировать вражду к СССР. Уже 2 марта 1933 г. фюрер открыто заявил: «Я ставлю себе срок в шесть-восемь лет, чтобы совершенно уничтожить марксизм. Тогда армия будет способна вести активную внешнюю политику, и цель экспансии немецкого народа будет достигнута вооруженной рукой. Этой целью будет, вероятно, Восток».

Геринг, Розенберг, Гутенберг, Шахт завели в Англии секретные переговоры о том, что из-за голода в СССР начнутся восстания, междоусобицы, и надо быть готовыми воспользоваться моментом. Об этих переговорах 4 июля 1933 г. советская военная разведка доложила Ворошилову: «Особый проект предусматривает раздел русского рынка. По мнению германских кругов, следует ожидать скорого изменения политического положения в России и, соответственно этому, желательно заблаговременно разделить эту громадную область сбыта». Развернулась антисоветская истерия в германской прессе. Подогрел ее Лейпцигский процесс над «поджигателями рейхстага». Нет, он требовался нацистам вовсе не для того, чтобы опорочить и добить германскую компартию — ее уже доби́ли. Просто перед лицом Запада лишний раз демонстрировали свое отношение к «руке Коминтерна» и «русской угрозе».

И прежнее партнерство СССР и Германии оборвалось. Военно-техническое сотрудничество сворачивалось, совместные учебные и испытательные базы были ликвидированы. Впрочем, торговля продолжалась. По прежним контрактам Крупп и прочие германские промышленники поставляли России необходимые ей технологии, оборудование, товары, в том числе и военные. Да и как было не поставлять, если Москва платила валютой и золотом, которые требовались для вооружения Третьего рейха? В Германию шла и львиная доля советского экспорта зерна, без чего немцам, едва начавшим вылезать из кризиса, обойтись было бы трудно.

Но внешнеполитические ориентиры СССР изменились. Наркому иностранных дел Литвинову была открыта «зеленая улица» на наведение мостов с англичанами и француза-

и он рьяно взялся за дело. Уже с осени 1933 г. в Москве стали появляться французские делегации. В 1934 г. Советский Союз вступил в Лигу Наций. С французами начались переговоры о создании системы коллективной безопасности в Европе. Хотя при подобной политике, по сути, получалось, что Россию втягивают в назревающую войну так же, как втянули в прошлую.

Мало того, перед Первой мировой ее вовлекали в «солидный» союз с великими державами. А теперь французы обсуждали с Литвиновым проект «Восточного пакта» СССР с Польшей, Эстонией, Латвией, Финляндией, при содействии Парижа были заключены пакты о ненападении с Польшей и Румынией[115]. Нетрудно понять, что такой пакт мог стать лишь «красной тряпкой» для немцев, не давая Москве никакого реального выигрыша. Сами же западные державы от участия в коллективной безопасности уклонялись. И явно двурушничали, поощряя политику Гитлера.

В 1933 г. Германия демонстративно вышла из Лиги Наций, создала министерство авиации — пока еще гражданской, но уже можно было начать разработки для воссоздания военной. В 1934 г. при поддержке тех же англичан и французов, не только СССР, но и Гитлер заключил пакт о ненападении с Польшей. Таким образом немцев подталкивали к альянсу с юляками, и ясное дело, против кого. А идея даже и рыхлого «Восточного пакта» повисала в воздухе.

В июне 1934 г. Гитлер упрочил свою власть, в «ночь длинных ножей» уничтожил руководство штурмовиков, которые стали играть в партии роль оппозиции, требовали углубления национальной революции». Да и вообще вносили «революционный» разброд, лихорадили страну погромами, манифестациями, пьяными бесчинствами. На призывы утомиться указания фюрера, что «революция» завершена, оппозиция не реагировала. Что ж, тогда командиров штурмовиков, более тысячи человек, попросту перебили. А заодно, до кучи, истребили и прочих неудобных политических деятелей.

Никого на Западе это не шокировало, не возмутило. Напротив, фюрера расхваливали. Британская газета «Дейли Дейл» в 1934 г. писала: «Выдающаяся личность нашего вре-

мени — Адольф Гитлер... стоит в ряду тех великих вождей человечества, которые редко появляются в истории». Видный американский политик С. Уоллес в книге «Время для решения» провозглашал: «Экономические круги в каждой отдельной западноевропейской стране и Новом Свете приветствуют гитлеризм»[139]. Нацистам прощалось все! Гестапо, казни, пытки, концлагеря. В Берлине было аккредитовано множество иностранных журналистов, но информация об этих преступлениях в мировую прессу почти не попадала. Западные политики без колебаний и безгливости пожимали руки представителям гитлеровского режима, приглашали на международные встречи, заключали соглашения.

По условиям Версаля Саарская область Германии с угольными копями на 15 лет была передана под управление Лиги Наций. Но срок международного контроля истек, нацисты провели плебисцит, и 1 марта 1935 г. Саар — «залог», удерживаемый победителями, воссоединился с Германией. И тут же Гитлер отбросил прочие версальские условия. 10 марта в Германии было провозглашено создание военно-воздушного флота, 16 марта подписан закон о всеобщей воинской обязанности — вместо 100-тысячного профессионального рейхсвера вводился обязательный призыв в армию. Пока это была лишь серия «пробных шаров», при энергичном противодействии Запада не поздно было пойти на попятную. Однако ни малейшего противодействия они не вызывали.

Кроме того, у германо-французских границ предусматривалось сохранение демилитаризованной Рейнской зоны. 7 марта 1936 г. Гитлер ввел в нее войска. Это также было «пробным шаром». Силенок у Германии было еще очень мало, в операции она смогла выставить всего 30—35 тыс. солдат без танков, без самолетов. Поэтому командирам частей строго настрого указывалось: если французы двинут на них хоть одну роту, боя ни в коем случае не предпринимать и отходить обратно на исходные рубежи[203]. Но французы и англичане пальцем о палец не ударили. А Лига Наций лишь спустя 13 дней после ввода войск приступила к голосованию — *нарушила ли Германия границы Рейнской зоны?* После долгих дебатов все же приняла резолюцию о нарушении статьи 34

Версальского договора и Локарнского соглашения. Но резолюцию, только констатирующую факт, даже без формального осуждения...

Уже функционировали Бухенвальд и Равенсбрюк, но это никого не отталкивало. В 1936 г. в Германии прошли Олимпийские игры — и ни одна страна не отказалась в них участвовать (в отличие, скажем, от игр 1980 г. в Москве). Французская делегация, выйдя на арену стадиона, изобразила перед трибунами «немецкое», т.е. нацистское приветствие. Публика ответила ревом восторга. А в 1937 г. Франция пригласила Германию принять участие во Всемирной выставке. Нацистское руководство приняло в Париже весьма радушно, никто не устраивал ему обструкций, не выражал отращения.

Уж казалось бы, сколько грязи вылили иностранцы на Николая II и Россию по обвинениям в «антисемитизме». Но нацистам и антисемитизм в вину не ставился! В 1935 г. были приняты расовые Нюрнбергские законы, ограничившие для евреев право поступления на государственную службу, право на ряд профессий, на занятия той или иной деятельностью. Кое-кого из евреев стали арестовывать, и они, в первую очередь интеллигенция, начали уезжать из Германии. Но когда истории о преследованиях евреев появились было в печати, Берлинские банкиры Оскар Вассерман и Ганс Привин телеграфировали на нью-йоркскую биржу, умоляя коллег сделать все возможное, чтобы «прекратить распространение вредных и абсолютно безосновательных слухов» — об этом сообщает американский историк О. Блэк в своем исследовании «Переаточное соглашение», вышедшем в Нью-Йорке в 1984 г.

И распространение «безосновательных слухов» очень даже эффективно пресекли. Сотрудничества ничто не омрачало. Британские и американские банкиры по-прежнему не отказывали Германии в кредитах. Компания «Стандарт ойл» начала строить в Гамбурге нефтеперегонный завод, позволяющий производить в год 15 тыс. тонн авиационного бензина, передала для «ИГ Фарбениндустри» особые свинцовые присадки, необходимые для производства авиатоплива. Концерн «Дженерал моторс» входил в единый картельный орга-

низм с фирмой «Оппель», вложил 30 млн. долларов в предприятия «ИГ Фарбениндустри». Морган финансировал строительство и расширение авиационных заводов. При этом все германские филиалы американских фирм исправно отчисляли положенную часть прибыли в «Фонд немецкой экономики имени Адольфа Гитлера» — средства из которого шли на вооружение[10]. И значительно позже, во время Нюрнбергского процесса, в разговоре с тюремным психиатром Джильбертом Ялмар Шахт будет смеяться: «Если вы, американцы, хотите предъявить обвинение промышленникам, которые помогали вооружить Германию, то вы должны предъявить обвинение самим себе»[139].

Развивать гитлеровскую индустрию помогали и англичане. Причем бизнесмены США проворачивали свои дела, не привлекая особого внимания, а английская дипломатия открыто поддерживала Гитлера на международной арене — как противовес «коммунистической опасности». Ну а Франция в своей политике совершенно запуталась. С одной стороны, вооружение Германии было для нее прямой угрозой. Но, с другой, французов пугали полным «кошмаром»: а что, если Германия станет коммунистической и вступит с союз с коммунистической Россией? А Гитлер от этого кошмара вроде бы избавил. Наконец, Франция цеплялась за стратегический союз с Англией, а Лондон навязывал ей свои решения.

Более чем «странную» политику Запада не могли не оценить в Москве. Лишний раз это показал визит в Москву британского лорда-хранителя печати Идена в 1935 г. При встрече в Кремле Сталин поставил вопрос прямо, как он оценивает международное положение, «если сравнить с 1913 г. — как оно сейчас, лучше или хуже?» Иден заявил, что лучше — дескать, он возлагает надежды на Лигу Наций, на пацифистское движение. Сталин отрезал: «Я думаю, что положение сейчас хуже, чем в 1913 г.». Потому что тогда был один очаг военной опасности — Германия, а сейчас два — Германия и Япония.

Иден повторил обычное на Западе объяснение: «Гитлер заявлял, что он очень озабочен могуществом вашей Красной Армии и угрозой нападения на него с востока». Но генеральный секретарь парировал — а знает ли Иден, что германское

правительство «согласилось поставлять нам такие продукты, о которых как-то даже неловко открыто говорить — вооружение, химию и т.д.» Англичанин предпочел сделать вид, что не знает: «Это поразительно! Такое поведение не свидетельствует об искренности Гитлера, когда он говорит другим о военной угрозе со стороны СССР». Далее гость попытался перевести разговор на отвлеченные темы — стал восхищаться русскими просторами, по сравнению с которыми Англия — «совсем маленький остров». Но советский лидер ткнул Идена носом в хорошо известные ему факты: «Вот если бы этот маленький остров сказал Германии: не дам тебе ни денег, ни сырья, ни металла — мир в Европе был бы обеспечен». Иден счел за лучшее промолчать[161]...

А 2 мая 1935 г. был заключен советско-французский договор о взаимопомощи в случае агрессии в Европе. Но составлен он был лишь в общих фразах, чисто декларативно и никакими военными обязательствами не подкреплялся. 13—15 мая Россию посетил министр иностранных дел Франции Лаваль. Но и он уклонился от ответа, когда Сталин заговорил о военном соглашении. А сам договор был ратифицирован Францией лишь 28 февраля 1936 г. Такая медлительность никак не свидетельствовала о желании эффективного сотрудничества. Причем французские политики этого и не скрывали, они даже после ратификации выражали сомнения в целесообразности договора[27].

Советское правительство не без оснований стало подозревать, что Россию просто-напросто подставляют. И начало предпринимать ответные меры — зондировать почву о возможности договориться с немцами. Контакты осуществлялись через полпреда СССР в Германии К.К. Юренева, через торгпреда в Германии и Швеции Д.В. Канделаки[13]. Но для Гитлера улучшение отношений с Москвой пока было «противопоказано». Ему все еще требовалось выпячивать и подчеркивать сугубо антисоветскую направленность.

По-своему готовились к грядущим событиям банкиры «финансового интернационала». Например, американский магнат Феликс Варбург, не прерывая своей помощи по организации еврейских поселений в Палестине и в Крыму, стал

проявлять интерес к Германии. Выдвинул проект создать там синдикат американских банков — объединив их с компаниями Макса Варбурга и «Хандельсгезельшафт». Феликс Варбург полагал, что «американское лицо» учреждения защитит его «от нападок и травли со стороны правительства Гитлера», привлечет многих еврейских и немецких клиентов. Словом, виделась такая же выгода, как от деятельности филиалов американского «Нэшнл сити банка» в России в 1917 г., когда состоятельные люди несли в иностранное учреждение свои сбережения (и далеко не все смогли потом получить вклады назад — кто погиб, кто остался на советской территории). А усилия нового синдиката Варбург предполагал сконцентрировать на деятельности в России.

Но проект не реализовался. Для американской «закулисы» было нежелательным столь открытое присутствие в Германии — которой вскоре суждено будет стать агрессором и «врагом человечества», в том числе и США. Кроме того, в данный момент требовалось не откачивать средства из Германии, а наоборот, вливать их. И Ялмар Шахт, чтобы добыть деньги на военную программу, использовал «аризацию» еврейской собственности. Конфисковывали дома, магазины у тех, кто потянулся за границу. Был введен и выкуп за право выезда евреев — если хочешь эмигрировать, плати круглую сумму. Или пусть платят зарубежные родственники, благотворители. И платили, казна рейха заработала на этом несколько миллиардов марок[139]. Кстати, попутно решалась еще одна проблема. Многих беженцев, «выкупленных» из Германии сионистами-«благотворителями», направляли в Палестину, куда ранее евреи ехали очень неохотно. А теперь — куда деваться?

Впрочем, германских банкиров, невзирая на происхождение, это до поры до времени не касалось. Их компании действовали весьма успешно, получали свои доли сверхприбылей от бурного роста промышленности и производства вооружений. Но ведь через несколько лет ситуация должна была измениться. И мировая «бесовщина» знала, что она переменится.

Чтобы увидеть это, достаточно сопоставить два факта. Гитлер, придя к власти, окончательно упрочил свое положение летом 1934 г. Раздавил оппозицию штурмовиков, а presta-

елый президент Гинденбург уже на ладан дышал, готовился отойти к своим прусским предкам. И 1 августа 1934 г. Гитлер издал закон о совмещении функций рейхсканцлера и президента. Стал единовластным хозяином Третьего рейха. Отныне он мог действовать так, как считает нужным. Как вы думаете, случайно ли в это самое время, 1 августа 1934 г., в Швейцарии был принят беспрецедентный закон о тайне банковских вкладов? Согласно которому эта тайна не может быть раскрыта никому, даже по решению суда, даже для следователей и правительственных чиновников. Отныне никто и никогда не мог узнать, какие средства потекут через швейцарские банки в соседнюю Германию. А потом потекут из Германии...

ГРЕНАДА, ГРЕНАДА...

Мировая Великая депрессия больно ударила по русским эмигрантам. Их в первую очередь увольняли при сокращениях, на них не распространялись меры социальной защиты. И многим стало вовсе не до политики — приходилось бороться за выживание. С другой стороны, СССР укреплялся, надежды на падение большевиков гасли. Поэтому антисоветские организации разочаровывались в борьбе, распадались. Разброд усугубляли продолжающиеся операции советских спецслужб по обезглавливанию эмиграции. В 1930 г. в Париже похитили и убили председателя РОВС Кутепова, в 1937 г. та же судьба постигла его преемника Миллера, а разведчик Павел Судоплатов, внедренный к украинским националистам, вручил коробку конфет с бомбой одному из лидеров самостийников Коновальцу.

Дополнительные расколы в эмиграции вызвали победа нацистов в Германии и японская оккупация Маньчжурии. Из Германии потекли кто куда меньшевики, эсеры, кадеты и прочие «левые», среди которых было много евреев. В условиях приближения войны русские изгнанники стали делиться на «оборонцев» и «пораженцев». Большинство, как Деникин, Милюков, Керенский, считало, что нельзя сотрудничать с врагами России, какой бы она ни была. То есть, в случае войны

надо поддерживать Советский Союз. «Пораженцы» — Семенов, фон Лампе, Туркул, Абрамов — видели в немцах и японцах союзников, которые помогут свергнуть советскую власть. Однозначную позицию поддержки нацистов заняли всевозможные сепаратисты — украинские, кавказские, мусульманские, часть казачьих. Стали возникать и русские фашистские организации, в Германии — Светозарова (Пильхау), в Маньчжурии — Родзаевского.

Однако нацисты к сотрудничеству были не склонны, русских фашистов разогнали. И для прочих эмигрантов любую самостоятельность пресекали, все организации, даже дружественные к Германии, были распущены, а вместо них в Берлине учредили официальное Управление делами русской эмиграции. Японцы действовали не менее круто. В Маньчжурии всех эмигрантов (как и китайцев) обложили очень высокими налогами. А все эмигрантские организации отдали под начало атамана А.Г. Семенова — которого, в свою очередь, курировал разведотдел штаба Квантунской армии. Ну а «Всероссийской Фашистской партией» Родзаевского заинтересовались не японские политики или командование, а мафия. Начала оказывать материальную помощь, а за это использовать русскую молодежь в своих целях.

Но если старые эмигрантские течения угасали или перерождались, то возникали новые. В 1930 г. на собрании русских молодежных организаций в Белграде было провозглашено создание Национального Союза Русской Молодежи (позже Народно-Трудовой Союз российских солидаристов — НТС). Он демонстративно отмежевался от прежних группировок, не признавал их авторитетов, принимал только молодых. Своей целью НТС ставил «национальную революцию», которая свергнет большевизм. А после этого, как утверждалось, в России должен будет возникнуть «народно-трудовой строй». Но не демократия, а сильное авторитарное правительство, которое действовало бы в интересах народа.

С 1932 г. группы активистов НТС одна за другой начали направляться в СССР. При сотрудничестве с иностранными спецслужбами НТС выдвигал ряд принципиальных условий — сохранение своей «политической независимости», отказ поставлять информацию разведывательного характе-

Но выполнялось ли это на практике — большой вопрос. И кто определял, какую информацию считать «разведывательного характера», а какую нет? Впрочем, в любом случае использование НТС представляло интерес для польской, румынской, японской разведок. Энтузиасты-мальчишки становились «подопытными кроликами», чтобы испытывать на них «юкна» на границе, разные способы ее перехода. Пройдут или не пройдут, можно ли пускать своих агентов?

Большинство погибало. Литература НТС пестрит десятками фамилий жертв [122]. Они были уверены, что гибнут за Россию — не давая себе труда задуматься, а нужно ли это России? Или кому-то другому? Лишь единицы, как Г. Околович, благополучно возвращались — они становились инструкторами, готовили следующие группы мальчишек. А те активисты, которые просочились в Советский Союз, теряли связь с зарубежьем. Но их задача была другой: они начинали «вторую жизнь» по поддельным документам, должны были внедрять в советском народе свои идеи, создавать зародыши будущих организаций. В общем, стать «семенами», из которых постепенно будет произрастать грядущая антисоветская революция.

Но в 1930-х эти «семена» и их заграничные «сеятели» еще не доставляли советскому руководству и спецслужбам особых работ. Куда больше вреда наносили троцкисты. Сам Лев Давидович, надо сказать, оказался не способен организовать сколь-нибудь весомую антисталинскую партию. Он оставался, как и в начале своей карьеры, всего лишь талантливым журналистом и литератором. Написал мемуары «Моя жизнь», еще ряд книг. Политики и военачальники, особенно битые, в воспоминаниях вообще любят приврать. Но для эмигрантских работ Троцкого характерна ложь совсем уж безоглядная, напропалую, порой даже без заботы о правдоподобии. Впрочем, это тоже один из литературных и политических приемов, которым Троцкий пользовался и раньше — не доказывая своей правоты, не опровергая противников, просто выливать на них побольше грязи.

Кроме того, Троцкий начал издавать «Бюллетень оппозиции». Хотя тем самым подставлял под удары многих сторон-

ников в СССР. В своем высокомерии он даже не задумывался о чужих судьбах, называл соратников, и ОГПУ-НКВД оставалось только брать их под белые ручки. Однако вполне может быть, что и это делалось преднамеренно. Пусть арестовывают, глядишь, и невиновных зацепят, что вызовет ответную реакцию, озлобление — и активизацию оппозиции. В статьях Троцкого любые действия сталинского правительства объявлялись «ересью» с точки зрения марксизма, катастрофическими ошибками. Опять же, ни на какую логику внимания не обращалось. Если в СССР Лев Давидович выступал сторонником сворачивания нэпа, жесткого наступления на крестьянство, быстрой индустриализации и коллективизации, то теперь все эти шаги объявлялись неверными и преступными.

Москва до поры до времени относилась к нападкам относительно терпимо. В 1932 г. Троцкого только лишили советского гражданства. Его книги, написанные до изгнания, все еще стояли на полках библиотек. Его родственников, оставшихся в СССР, еще не сажали, а дочь от первого брака Зинаиду выслали к отцу. Однако они не сошлись характеристиками с женой Льва Давидовича, Натальей Седовой. Последовали скандалы, Зинаида уехала в Германию, где в депрессии покончила с собой.

Но на самом деле Троцкий был лишь «знаменем» движения, которое создавалось от его имени. Одним из подлинных организаторов стал его сын, Лев Седов. Через него осуществлялись все связи с внутренней оппозицией в СССР. Американец Мартин Аберн (Абрамович), автор приведенной выше шифровки в Алма-Ату, где он передавал Троцкому указания неких закулисных сил, стал ведать в троцкистском движении финансами. И точно так же, как до революции, у Льва Давидовича всегда откуда-то находились деньги. Хватало и на жизнь, и на издание трудов и газет, и на формирование троцкистских структур в разных странах.

Главной питательной средой для них стало международное коммунистическое движение. Оно ведь и создавалось под эгидой Троцкого, Радека, Бухарина, и в нем хватало соответствующих кадров. Переманивались те, кто был недоволен изменениями в политике Коминтерна — теперь Москва финанси-

ровала иностранных коммунистов не так щедро, как раньше. А за это требовала безоговорочного выполнения своих указаний. К троцкистам примыкали и те коммунисты, анархисты, социалисты, кто грезил «мировой революцией». И в зарубежных компартиях пошел раскол.

В 1933 г. Троцкий покидает Турцию. Почему? Очевидно, из-за перемены обстановки в Европе. Отныне требовалось быть поближе к центрам мировой политики, и Лев Давидович поселяется во Франции. Устраивается опять со всеми удобствами, на вилле в Барбизоне. Но проживать приходится инкогнито, изменив внешность. Потому что советские спецслужбы начали уделять ему очень пристальное внимание. Да и белые эмигранты были вовсе не прочь свести с ним счеты. Но надолго обосноваться во Франции Троцкому не удалось. Париж как раз в это время взял курс на сближение с СССР, чему присутствие Льва Давидовича никак не способствовало. Скандальных политических убийств на своей территории французы тоже не хотели. И Троцкого «попросили», в 1935 г. ему пришлось переехать в Норвегию.

Но его сторонники успешно действовали и без своего лидера. Вели работу по созданию IV (так называемого «марксистского») интернационала. А заодно установили плодотворные контакты с германским абвером. Это, в общем-то, было вполне естественно. Гитлер в своих планах отводил важную роль использованию «пятых колонн». Как свидетельствует Раушнинг, «он и его генералы опирались на опыт взаимоотношений Людендорфа с Россией. Они изучали опыт германского генерального штаба, накопленный при засылке Ленина и Троцкого в Россию, и на основе этого выработали собственную систему и доктрину — стратегию экспансии»[146]. Предполагалось, что «в любой стране существуют силы, недовольные своим правительством», и надо их раскачать, активизировать. А в нужный момент они нанесут удар изнутри, подрывая способность к сопротивлению.

Ну а Троцкий еще в октябре 1933 г. заявил об отказе от мирного пути политической борьбы со Сталиным. В документах IV интернационала указывалось: «Для устранения правящей клики не осталось никаких конституционных путей.

Заставить бюрократов передать власть в руки пролетарского авангарда можно только силой». «Толчок к революционному движению советских рабочих дадут, вероятно, внешние события». Обратите внимание на время отказа от «мирного пути». Октябрь 1933 г. С одной стороны, Советскому Союзу удалось преодолеть кризисы и выползти из катастроф первой пятилетки. С другой — теперь у власти в Германии был Гитлер. И понятно, какие «внешние события» могли дать толчок «революционному движению».

Зарубежные троцкисты имели связи с советской оппозицией. И в последующих судебных делах зафиксирован разговор Радека и Бухарина в 1934 г. Радек сообщал, что устанавливаются контакты с Гитлером, и главная надежда совершить переворот возлагается «на поражение СССР в войне с Германией и Японией». Предполагается «Германии отдать Украину, а Японии — Дальний Восток», а «виновников поражения», т.е. сталинское правительство, можно будет предать суду, вот и осуществится перехват власти. Как видим, нацисты и троцкисты представляли друг для друга взаимный интерес.

Кстати, «дружба» с абвером облегчалась еще и тем, что адмирал Канарис наверняка... хорошо знал Троцкого. Потому что в Первую мировую войну он возглавлял германскую военную разведку в США. Нельзя даже исключать, что они когда-нибудь виделись лично. Допустим, у Людвиг Лоре, секретаря Немецкой федерации социалистической партии Америки — и резидента германской разведки в Нью-Йорке. Лев Давидович нередко бывал у него. Правда, Лоре работал и на Германию, и на резидентуру Вайсмана. Но ведь и Канарис еще в те годы, в Америке, установил плодотворные контакты с англичанами! Впрочем, никаких свидетельств, что эти два деятеля встречались, нет, а домысливать мы не будем. Но в любом случае германские спецслужбы в США отслеживали видных русских революционеров, и Канарис должен был многое знать про Троцкого.

Ну а в 1930-х структуры IV интернационала сыграли важную роль и в германских международных интригах, и в интригах «мировой закулисы». Крупнейшей провокацией, которую удалось осуществить с помощью троцкистов, стало

Протягивание Советского Союза в совершенно ненужную ему войну в Испании. Когда там произошел мятеж Франко, Сталин сперва отнесся к испанским делам довольно осторожно. СССР наряду с Англией и Францией занял позицию невмешательства. Но франкистам принялись всюю помогать Германия и Италия. А для войны на стороне республиканцев хлынули десятки тысяч интернационалистов из разных стран. Активнейшее участие в этом приняли троцкисты. Они вербовали и направляли в Испанию отряды своих сторонников, провозглашали события на Пиренеях началом «мировой революции», фактически взяли под контроль Каталонию, где верховодила Всемирная объединенная рабочая партия (ВОРП) — испанская секция IV интернационала[27].

А западная «левая» пресса, социалистическая, коммунистическая, демократическая, дружно подняла ажиотаж вокруг Испании, объявляя ее «передовым бастионом» борьбы с фашизмом. Вот и получалось, что эту самую борьбу на «передовом бастионе» ведут троцкисты, а Советский Союз ее «предает». Возникла опасность, что международное коммунистическое движение выйдет из-под контроля Москвы, переметнется на сторону IV интернационала. И Сталина этими аргументами склонили взять республиканцев под покровительство.

В Испанию было направлено свыше 3 тыс. военных специалистов, транспорты повезли советские танки и самолеты. Правда, на этот раз помощь вовсе не была «благотворительной». Сейчас Иосиф Виссарионович вел себя как рачительный хозяин, СССР получал за свою технику оплату золотом, и по очень неплохим ценам[27]. Генерального секретаря озаботило и то обстоятельство, чтобы советское вмешательство не выглядело «экспортом революции». В декабре 1936 г., когда начала оказываться помощь, Сталин, Молотов и Ворошилов направили премьер-министру Испании Л. Кабалерро письмо с требованием «предпринять все меры, чтобы враги Испании не смогли изобразить ее коммунистической республикой»[161].

Но на Пиренейском полуострове заварилась каша чрезвычайно крутая и сложная. Троцкисты изображали только себя «настоящими» революционерами, блокировались с анар-

хистами, анархо-синдикалистами и прочими ультралевыми. Как только республиканское правительство получило поддержку Москвы, его объявили «просоветским». Решения этого правительства и центрального командования саботировались. Отряды подобных «революционеров» и впрямь героически в боях, но результаты их подвигов перечеркивались отсутствием дисциплины. В 1937 г. троцкисты учинили мятеж в Барселоне — генерал П.А. Судоплатов приводит доказательства, что он был спланирован совместно с абвером. Советским военным и испанским правительственным силам пришлось действовать, по сути, на два фронта. 14 апреля 1937 г. президиум Коминтерна принял заявление, что «политика всех коммунистов должна быть направлена на полное и окончательное поражение троцкизма в Испании как непреложное условие победы над фашизмом».

На Пиренеи были направлены не только военные, но и представители советских спецслужб. После событий в Барселоне у них были развязаны руки, они смогли разгромить ВОРП и арестовать ее руководителей. Но большинство троцкистских функционеров уцелело, и последовали другие провокации. Испанских ультрареволюционеров и примкнувший к ним сброд нетрудно было нацелить на «экспроприации», т.е. грабежи, расстрелы «буржуев», на погромы католических храмов, казни священников. Такие акции внесли раскол в ряды республиканцев. От них отшатнулись «умеренные» из буржуазии, интеллигенции, офицерства. Отшатнулось и верующее крестьянство. И в итоге это обеспечило победу Франко.

Но у испанской войны были и другие итоги. В Советском Союзе она привела к новому всплеску «интернационализма». Ее популяризировали в печати, пионеры оделись в пилотки-«испанки». Молодежь декламировала и распевала стихи Светлова (Шенкмана): «Он хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать...» Мальчишки мечтали бежать в Испанию, драться за дело «пролетариев всех стран». Работяги, колхозники, красноармейцы вполне искренне, по-русски, воспринимали необходимость помогать «братьям по классу». И народ отравлялся «интернационализмом».

Во внешней политике «Гренада» обошлась еще дороже. Немцы и итальянцы направляли в Испанию куда больше

войск и техники, чем Советский Союз. Но Англия и Франция на это закрывали глаза. Зато вмешательством СССР сразу «озаботились». И, несмотря на усилия Сталина, чтобы советская помощь не выглядела попыткой коммунистической экспансии, мировая пресса подняла шумиху, изобразив вмешательство Москвы именно в таком ключе. В результате сама идея коллективной безопасности разрушалась, вместо угрозы нацизма на первый план выносилась угроза, исходящая от СССР. А Германия и Италия выступали борцами против «советской угрозы»!

Гитлер на этом играл ох как успешно. Например, заключил в 1936 г. Антикоминтерновский пакт с Японией. Секретные приложения к пакту, добытые через Зорге, показывали, что его направленность против СССР была чисто декларативной. На тот момент обе державы не готовы были предпринимать какие-либо действия против нашей страны. Но уж больно хорошее название было — «антикоминтерновский»! И в Испании Гитлер и Муссолини тоже воевали «антикоминтерновски», причем бескорыстно, по-рыцарски, не требуя за это ничего. На самом же деле никаким бескорытием, конечно, не пахло. Только выгоды исчислялись не в денежном эквиваленте. Фюрер и дуче получили возможность испытывать свою военную технику, обучать и обкатывать войска, чтобы приобретали боевой опыт — а «обстрелянный» солдат или офицер стоит десятка «необстрелянных». А что особенно важно, Германия приобрела ореол защитницы Европы от коммунизма! И уже ни у какой «общественности» не могло возникнуть вопросов, для чего немцы клепают танки и самолеты. Поэтому испанская война сыграла огромную роль в последующих событиях. Без нее был бы невозможен Мюнхен...

ОХОТА НА «ОБОРОТНЕЙ»

На календарях было 1 декабря 1934 г. По длинному сводчатому коридору шагал человек. Шагал властно, по-хозяйски. РазминулсЯ с другим, механически кивнув в приветствии. И тот вдруг остановился. Оглянулся. Увидел, что первый

заворачивает за угол, и, ускоряя шаг, двинулся следом, непослушной рукой вытаскивая из кармана револьвер. Бахнул выстрел. На полу Смольного бился в агонии Сергей Миронович Киров, а рядом корчился в истерике его убийца Николаев...

Киров был деятелем того же типа, что и Сталин. Убежденный коммунист, но патриот. Проявил прекрасные организаторские способности, верность генеральному секретарю, и тот продвигал его в качестве «своего» человека. Использовал для замены Зиновьева во главе ленинградской парторганизации. Причем по контрасту с Зиновьевым Сергей Миронович приобрел в Питере значительную популярность. Он и лично нравился Сталину, останавливался у него дома во время приездов в Москву. Иосиф Виссарионович приглашал его с собой париться в бане — единственного из партийных руководителей. Сталин привлекал Кирова для выполнения тех или иных ответственных поручений: организовывать единый Комитет по заготовкам после голодомора, расследовать «перегибы» в Казахстане и др.

По инициативе генерального секретаря Киров был введен во все руководящие органы партии — Политбюро, Оргбюро и Секретариат, выдвигаясь таким образом в фигуры высшего ранга. Планировался его перевод в Москву, а до этого времени ему был подобран помощник, А. Жданов, замещавший Кирова в Москве, пока тот находится в Ленинграде. Сталина убийство потрясло. Уже 1 декабря вышло постановление правительства, вводившее ускоренное следствие и судопроизводство по делам о терроризме, немедленное исполнение смертных приговоров по таким делам.

В действительности подоплека убийства была не совсем политической. У Кирова имелись некоторые «слабости». Он не пропускал смазливых дамочек, «пасса» среди балерин Большого и Мариинского театров, партийных секретарш. Хотя такое поведение в определенной мере было объяснимо. В свое время Кирова, как и многих других видных большевиков, каким-то образом окружили с еврейкой, Марией Маркус, которая была намного старше его, а с годами стала проявлять признаки психической ненормальности. Одной из любовниц Сергея Мироновича стала латышка Мильда Драуле, жена Ни-

колаева. Неуравновешенного коммуниста-неудачника, чьи заслуги, по его мнению, не оценили. В числе других зиновьевцев он был уволен, остался без работы. А тут еще и жена изменила с главным обидчиком, собиралась подать на развод. Николаева (возможно, не без участия жены) ждало назначение в провинциальную Лугу...

Но когда Сталин, приехавший в Питер, лично взял под контроль расследование, обнаружились подозрительные вещи. Николаева уже дважды задерживали сотрудники НКВД, один раз рядом с квартирой Кирова. Задерживали с револьвером — и отпускали. О том, что на Кирова готовится покушение, доносила осведомительница Волкова — оставили без внимания. В день убийства телохранитель Борисов далеко отстал от Кирова, заговорив на проходной с охранником. А когда его везли на допрос, случилась авария. Борисов погиб, разбив голову, а кроме него, никто не пострадал. Эти факты не получили однозначного объяснения до сих пор. Но Сталин получил все основания не верить в версию личной мести.

И не поверил. Приказал применить к Николаеву методы «кнута и пряника», писал: «Кормите его, чтобы он окреп, а потом расскажет, кто им руководил, а не будет говорить, засыпем ему — все расскажет и покажет». Причем чекисты еще и пытались противодействовать участию в следствии представителей, которых направлял к ним генеральный секретарь, не допускать к документам, допросам. Сталину пришлось звонить Ягоде и пригрозить: «Смотрите, морду набьем»[208]. Кстати, это опровергает клевету Троцкого и Хрущева о причастности Сталина к убийству. Все факты показывают, что он был заинтересован в выяснении истины, а не ее сокрытии.

Но «засыпать» Николаеву не потребовалось. Этот неврастеник вел дневник, накануне покушения писал «политическое завещание». В дневнике были найдены фамилии видного зиновьевца Котолынова, троцкиста Шатского. И открылось, что подпольные кружки зиновьевцев и троцкистов по-прежнему существуют, что в Ленинград приезжали эмиссары Зиновьева из Москвы — Гертик, Куклин, Гессен. В этих кружках обсуждалось, как будет развиваться политическая ситуация. Например, утверждалось: «В случае возникновения войны со-

временному руководству ВКП(б) не справиться с теми задачами, которые встанут, и неизбежен приход к руководству страной Каменева и Зиновьева». Разбирались грехи правительства, переминались кости Сталину и его соратникам, дескать, «все зло от них». И в этих же кружках вращался Николаев, подкрепляя личное озлобление «высокими идеями», писал в «политическом завещании»: «...Я веду подготовку подобно А. Желябову... Привет царю индустрии и войны Сталину...»[208]

Так возникли дела «ленинградского центра» и «московского центра». Выбивали ли признания из арестованных? Но ведь не выбили. В соучастии в теракте не сознался никто. Но подсудимые вовсе не отрицали и не думали отрицать, что несут «моральную ответственность» за убийство. Что разговоры в их среде могли подтолкнуть взяться за оружие любого. 29 декабря все 14 обвиняемых по делу «ленинградского центра» были осуждены к высшей мере и расстреляны. По делу «московского центра» было привлечено 19 человек, в том числе Зиновьев и Каменев. Их судили не за теракт, а за подпольную пропаганду с тяжелыми последствиями. И они также признали «идеологическую ответственность» за случившееся. Получили разные сроки заключения. Зиновьев — 10 лет тюрьмы, Каменев — 5 лет...

Судили и руководителей ленинградского НКВД. Но их коллеги постарались выгородить, дело свели к халатности и наказали лишь понижениями по службе. Зато НКВД постаралось реабилитироваться чрезмерным рвением. В марте расстреляли любовницу Кирова Мильду Драуле, ее сестре Ольгу и некоего Кулинера. За что — неизвестно. Из Ленинграда провели массовую депортацию «бывших» дворян, офицеров и т.п., хотя они-то уж никогда к зиновьевцам и троцкистам отношения не имели. Теперь их подчистую выселяли в Оренбуржье, Поволжье, Казахстан, Сибирь. По стране покатались аресты за «контрреволюционную агитацию». В основном по доносам: кто-то одобрил убийство Кирова, кто-то сказал «всех бы их так».

Нет, представлять дело таким образом, что теракт всего лишь усилил подозрительность Сталина и дал ему повод для физических расправ с противниками, было бы слишком упрощенно и неверно. Но убийство Кирова послужило толч-

ком, от которого начали раскручиваться новые нити. И стало обнаруживаться то, что раньше не замечали или удавалось прятать. Так, после выстрела в Смольном решили проверить охрану Кремля. А когда копнули, за голову хватились. Служба была поставлена отвратительно, в Кремль мог проникнуть любой, о перемещениях лидеров партии и государства знали все кому не лень.

Мало того, вскрылся целый клубок махинаций. Секретарь президиума ВЦИК Абель Енукидзе, заведовавший хозяйством Кремля, оказался замешан во множестве злоупотреблений, коррупции, его уличили и в «моральном разложении» — сексуальных извращениях. Сталину этот бывший друг и группа связанных с ним «старых большевиков» стали омерзительны. Он писал Кагановичу: «Енукидзе — чуждый нам человек. Странно, что Серго и Орахелашвили продолжают вести с ним дружбу»[208]. Также выяснилось, что охрана и обслуживающий персонал Кремля свободно обсуждали личную жизнь руководства, распускали по Москве сплетни. Некоторые признавались, что слышали в Кремле «антисоветские разговоры» и даже такие, которые попадали под обвинение в «террористических намерениях». Многих, как Енукидзе, снимали с постов, охрану перетрясли. Двоих расстреляли, три десятка посадили, Каменеву увеличили срок с 5 до 10 лет (по «кремлевскому делу» проходил его брат).

А проверки, начатые в парторганизациях для выявления замаскировавшихся групп троцкистов и зиновьевцев, обнаружили новые «феодальные княжества», которые образовались в областях, районах, различных ведомствах. Партийные боссы и чиновники вели себя, как местные «царьки», хищничали. И Сталин провел очередные кадровые перестановки, выдвигая «верных» (или тех, кого считал «верными» себе). В Политбюро ввел Микояна, во главе ленинградской парторганизации поставил Жданова, московской — Хрущева. 4 мая 1935 г. генеральный секретарь обратился напрямую к народу, осудив «неслыханно бесчеловечное отношение обюрократившихся кадров» к простым труженикам, «этому самому драгоценному капиталу». Призвал рабкоров (рабочих корреспондентов) широко освещать такие случаи в печати.

Но толку было мало. Разве рабкоры не зависели от местного начальства? А проверку коммунистов, начатую в рамках кампании обмена партбилетов, областные руководители фактически саботировали. Покрывали своих знакомых, подчиненных. Несмотря на троекратные указания ЦК, контроль со стороны Главного управления кадров во главе с Ежовым, проверка началась с запозданием на полгода, охватила лишь 81% коммунистов и, как констатировал ЦК, установка на изгнание троцкистов и зиновьевцев осталась не выполненной.

Однако на дальнейшее развитие событий наложился еще один важный фактор. После убийства Кирова представители сталинского аппарата впервые основательно влезли в работу самого мощного «удельного княжества», настоящего «государства в государстве» — НКВД. Его руководство уже не могло скрывать и заглаживать всю получаемую информацию. А структуры троцкистов и зиновьевцев все же зацепляли, их дела раскручивались, выявлялись все новые связи. В то же время от внешней разведки поступала информация о контактах Троцкого со своими сторонниками в СССР, о его связях с иностранными спецслужбами.

Попутно всплывали и открытия случайные, но многозначительные. Скажем, когда шли ревизии по «кремлевскому делу», в кладовой был обнаружен забытый сейф Якова Свердлова. Вскрыть его смогли далеко не сразу, только при помощи квалифицированного вора-«медвежатника». А в сейфе нашли золотые монеты на 108,5 тыс. рублей, 705 золотых изделий с драгоценными камнями, бумажные деньги на 750 тыс. рублей, бланки чистых и заполненных паспортов, в том числе иностранных....

И в сознании Сталина разрозненные кусочки «мозаики» начали складываться в единую картину. Темные дела Троцкого, Свердлова и их ставленников. «Загадки» в их деятельности. Существование в СССР широкого оппозиционного подполья, связанного с зарубежными центрами, а через них — с иностранцами. И странная повторяемость катастроф, в которые выливались буквально все крупные советские начинания. Получалась картина заговора. И вовсе не внутрипартийного, антисталинского, а международного. Направленного против Советского государства.

Когда пришло это понимание? Момент можно датировать хоть и приблизительно, но все же достаточно определенно. Конец 1935 — начало 1936 гг. Потому что в феврале 1936 г. начались массовые аресты троцкистов. Без всяких дополнительных поводов, но их стали брать всех, подчистую. А НКВД получил указание пересмотреть дело об убийстве Кирова. При чем имеются данные, что как раз в этот период Ягода начал «саботировать» следствие, вызвав недовольство Сталина и его подозрения, что шеф НКВД чего-то опасается[208].

Тем не менее, 19 августа 1936 г. в Москве начался первый открытый процесс над лидерами «троцкистско-зиновьевского блока». Перед судом предстали Каменев, Зиньвьев, Евдокимов, Бакаев, Мрачковский, Смирнов, Тер-Ваганян, Дрейтцер, Гольцман, Лурье, Ольберг, Фриц-Давид и др. И обвинения им предъявили уже не в создании подпольных кружков, а куда более суровые. В подготовке переворота, диверсий, военного поражения и расчленения СССР. С легкой руки Троцкого, чьи доводы подхватили западные историки, а потом и отечественных «перестройщиков», все процессы 1936—1938 гг. принято считать сфальсифицированными, а обвинения вымышленными. Но уже многие современные исследователи — А. Шубин, А. Колпакиди, О. Прудникова, А. Смирнов приводят доказательства, что это не так[78, 208].

Да, некоторые показания и впрямь оказываются недостоверными. Но отнюдь не все. А заведомо ложные признания могли быть вызваны не только «чрезмерным усердием» следователей, но и хитростью со стороны самих обвиняемых. Чтобы потом указать на легко проверяемую ложь и упростить свою реабилитацию. К примеру, когда СССР потерпит поражение в войне, сменится правительство. Ведь заговор-то действительно существовал. В прошлой главе приводились троцкистские установки об отказе от «конституционных путей» борьбы, о «революционном движении», связанном с внешним вторжением и т.п. Они взяты не из следственных или судебных материалов, а из «официальных» документов IV Интернационала.

Различные источники, и не только советские, подтверждают наличие в СССР оппозиционных структур, их связи с

Троцким. Допустим, опровергая материалы московского процесса, Лев Давидович отрицал свое знакомство со связным Райхом, о чем говорилось на суде. Но сейчас точно установлено, что Райх тесно сотрудничал с Троцким. Который, стало быть, солгал. А его сын Лев Седов уже после процесса проговорился, что поддерживал контакты с осужденными Гольцманом, Смирновым. Зачем бы он стал клеветать на них и противоречить отцу[208]? Мало того, заговор против Советской России был шире, чем изначально виделось Сталину. Он до сих пор по инерции делил оппозиционеров на «левых», «правых», поэтому не относил к врагам Бухарина.

И в 1936 г. уже сажали троцкистов, уже находились в тюрьмах Зиновьев с Каменевым, а Бухарин все еще почему-то считал себя неуязвимым! В этом же году он побывал за границей, в Париже встречался с видными меньшевиками Николаевским, Даном. Рассказал им о внутрипартийной борьбе в СССР, сообщил немало скандальных фактов, действительных или мнимых, которые впоследствии использовались в антисоветской пропаганде. Эта информация взята вовсе не из судебных показаний. Об этом позже написал его собеседник Б. Николаевский. Он вспоминал, что Бухарин выражал желание увидеться с Троцким, говорил: «Между нами были большие конфликты, но это не позволяет мне не относиться к нему с большим уважением». В разговорах упоминалось и о совпадении программ Троцкого и Бухарина по дальнейшему развитию страны: частичный возврат к нэпу, сокращение колхозов, в промышленности — госкапитализм и широкое использование иностранных концессий.

Во время той же поездки Бухарин выступил на собрании эмигрантов в Праге. И, по свидетельству Кусковой, сделал с трибуны масонский знак, «давая знать аудитории, что есть связь между ею и ним, и что прошлая близость не умерла». А когда Николай Иванович вернулся в Россию, в поезде, следовавшем в Ленинград, он имел секретную встречу с послом США У. Буллитом. Эти сведения взяты тоже не из следственных признаний. Они стали известны только недавно из записок секретаря посла[158]. В частности, Бухарин сообщил Буллиту, что Сталин ведет тайные переговоры с немцами. Если

разглашение иностранному дипломату ценнейшей стратегической информации называть не шпионажем, то... как еще это назвать?

Кстати, за рубежом существовали мощные структуры советских спецслужб. Неужели они не «вели» такую фигуру, как Бухарин, во время заграничной поездки? Если нет, то почему? А если да, то почему данные о его встречах в Париже и Праге не дошли до советского руководства, а стали известными только от эмигрантов? Даже в последующих обвинениях против Бухарина эти факты так и не прозвучали. Да и сам он, когда столь свободно вел себя за границей, очевидно, был уверен — его прикроют, он может себе позволить не осторожничать.

Но можно отметить и еще более загадочные факты. Оказывается, что связи с зарубежьем в советском руководстве поддерживали не только троцкисты и не только Бухарин. Скажем, 23—29 июня 1937 г. в Кремле прошел пленум ЦК ВКП(б), на котором решались вопросы репрессий против большой группы видных партийцев. Даже в архивах ЦК документы о нем оказались представлены в урезанном виде, а единственный экземпляр несокращенной стенограммы был потом найден в «особой папке» Сталина. Но в пражских архивах Трудовой крестьянской партии впоследствии обнаружили полные данные о пленуме, где были перечислены и выступающие, и содержание выступлений, даже кулуарные разговоры советских вождей! Каким образом, от кого секретнейшие сведения попали в Прагу? Ответа нет до сих пор.

Причем аналогичные материалы имелись и в РОВС (возможно, попавшие через ТКП). А в бумагах, найденных в архиве эмигранта-журналиста В.Л. Бурцева, был отражен даже ход следствия над некоторыми высокопоставленными большевиками, вплоть до того, кто ведет дело, кто на кого дал показания, ссылки на номера документов [145]. Ну неужели в Кремле и на Лубянке действовала агентура эсеров? Или РОВС? Или информаторы журналиста Бурцева? Вот в этом, пожалуй, можно усомниться. Остается предположить, что подобная утечка происходила от кого-то из советских руководителей по каналам старой дореволюционной «дружбы» — масонской.

Но, повторяюсь, эти факты стали известны лишь много лет спустя. А в августе 1936 г. все обвиняемые процесса сознались в своей преступной деятельности (хотя некоторые с оговорками, признавали, но не все). Процесс был показательным, он велся без всяких упрощений процедуры следствия и судопроизводства, подсудимым были предоставлены адвокаты. В ночь на 25 августа всем обвиняемым был вынесен смертный приговор, но при этом давалось 72 часа на апелляцию. Им раздали бумагу, ручки, каждый написал прошение о помиловании. После чего... всех сразу же расстреляли.

Это объясняют коварством Сталина. Но не слишком ли странное «коварство»? 72 часа в принципе ничего не решали, уничтожить приговоренных было никогда не поздно. Но они сообщили ценные сведения для дальнейшего следствия, дали показания против целого ряда других видных коммунистов — Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова, Пятакова, Радека, Сокольников, Серебрякова. Можно было провести очные ставки, вскрыть новые связи. Тут-то как раз и стал бы раскручиваться широкий заговор.

И, между прочим, Сталина в это время вообще не было в Москве. Он вместе со Ждановым находился в отпуске на Кавказе. Всем «оформлением» процесса занимался Ягода. И «усердие» с немедленным расстрелом проявил он[208]. Может быть, он запросил Сталина, и тот дал подтверждение на казнь? Сделать это было бы не трудно, но никаких следов подобного запроса в архивах не обнаружено. И как раз Сталин был заинтересован в продолжении расследования. А Ягода, пролущается, оборвал все нити, ведущие к другим подозреваемым. Отметим, что на следующих процессах было иначе. Кое-кто все же выторговывал себе жизнь. А в августе 1936 г. почему-то нет, прикончили сразу и всех. Вдобавок и всех прочих троцкистов, которых арестовывали в 1936 г., принялись осенью расстреливать в тюрьмах. Без судов, скопом. Опять же, обрывая возможности для дальнейшего расследования. Концы в воду.

Причем факты показывают — Сталину действия Ягоды очень не понравились. 25 сентября Иосиф Виссарионович и Жданов направили в Политбюро телеграмму об «абсолютно

необходимом и срочном» отстранении Ягоды от руководства НКВД и назначении Ежова[208]. 30 сентября такое решение было принято.

Понимал ли шеф карательных органов, что самовольное экстренное уничтожение осужденных и подследственных может навлечь на него подозрение и подставить его под удар? Не мог не понимать. Ведь Сталин уже в деле об убийстве Кирова имел очень серьезные претензии к НКВД. Тогда почему Ягода решился на такое? Из чувства самосохранения, чтобы не вскрылись некие его собственные дела? Позвольте усомниться. Какое же самосохранение, если сам по себе этот шаг мог стать для него (и стал) самоубийственным? Остается предположить, что он получил от *кого-то* приказ. Приказ от таких сил, чью волю он не мог не исполнить — независимо от последствий.

«БОЛЬШОЙ ТЕРРОР» ИЛИ «ИЗГНАНИЕ НЕЧИСТИ»?

Французский историк и публицист Н. Верт приходит к любопытному сравнению: «Широкие публичные процессы по выявлению врагов... являли собой настоящие ритуалы по изгнанию «нечистой силы»[27]. Верт говорит об этом скептически, осуждающе. Но если вдуматься, то сравнение оказывается верным. Это и была попытка избавиться от той нечисти, которая была запущена в нашу страну зарубежными теневыми кругами. От нечисти, успевшей пустить корни в русской земле, расплодиться, обрасти сторонниками.

Кстати, аналогичную терминологию употребил и... Бухарин. Этот деятель, даром что «опальный», все еще жил припеваючи. Побывав за границей, отправился отдыхать на Памир. После августовского процесса приехал в Москву — и выразил восторг по поводу казни своих давних товарищей Каменева и Зиновьева. Писал: «Это осиновый кол, самый настоящий, в могилу кровавого индюка, налитого спесью, которая привела его в фашистскую охранку». Под индюком имелся в виду Троцкий (коему незадолго до того, в Париже, Нико-

лай Иванович выражал «большое уважение»). Теперь же Бухарин требовал от Сталина «выискать и выловить и уничтожить всю нечисть».

Что касается показаний, прозвучавших против Николая Ивановича, то его главные обвинители оказались уже мертвы. А на очной ставке с арестованным Сокольниковым Бухарин и Рыков сумели полностью оправдаться. И Сталин даже сам взял их под защиту от нападок. Говорил: «Комиссия... считает, что нельзя валить в одну кучу Бухарина и Рыкова с троцкистами и зиновьевцами».

Но в январе 1937 г. открылся второй публичный процесс, так называемого «параллельного троцкистского центра»: Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков, Муралов, Дробнис... Снова выдвигались обвинения в шпионаже, подготовке переворота, вредительстве. Подсудимые снова признавались. Пятаков сообщал: «Что касается войны, то и об этом Троцкий сообщил весьма отчетливо... В этой войне неминуемо поражение сталинского государства... Поражение в войне означает крушение сталинского режима, и именно поэтому Троцкий настаивает на создании ячеек, на расширении связей среди командного состава». Как видим, это вполне соответствовало троцкистским источникам. И вот тут-то всплыл разговор Радека и Бухарина в 1934 г., когда обсуждались планы троцкистов, их ставка на поражение СССР в войне с Германией и Японией (и Бухарину пришлось подтвердить разговор, он лишь оговаривался, что не во всем был согласен с Радеком). А Сосновский и Куликов дали показания, как Николай Иванович в начале 1930-х признавал правомерность террора, и на очной ставке это также подтвердилось.

В то же время были получены показания против другого важного «оборотня». Томский, узнав об обвинениях в свой адрес, застрелился, но оставил записку Сталину — если, мол, он хочет знать, кто втянул его в дела оппозиции, «спроси мою жену лично, тогда она их назовет». Жена назвала Ягоду. А на февральско-мартовском пленуме член ЦК Г. Каминский рассказал о давнем случае, как в 1932 г. троцкисты Дерябин и Мрачковский агитировали коммуниста Лурье примкнуть к террористической организации, убеждали: «Убить Сталина

должен коммунист, иначе скажут, что убил кулак». Лурье тогда доложил о разговоре Каминскому, но дело было замято руководством НКВД во главе с Ягодой.

После этого пленум ЦК дал санкцию на арест Бухарина, Рыкова, Сталин нацелился на перетряску НКВД и партийных органов. Но... внезапно направление кампании резко меняется. На военачальников. А.В. Шубин, детально анализируя поведение Сталина, приходит к выводу: «События апреля-июня 1937 г. наводят на мысль, что Сталин наносил не превентивный удар, а парировал внезапно обнаруженную смертельную опасность»[208]. Доказательства заговора среди военных приводят также А. Колпакиди, О. Прудникова и др.[78]

Существуют многочисленные свидетельства, способные подтвердить, что готовился переворот. Л. Брик вспоминала, как в 1936 г. жила в Ленинграде и «чем дальше, тем больше, замечала, что по вечерам к Примакову приходили военные, запирались в его кабинете и сидели там допоздна». Невозвращенца Орлова еще в феврале 1937 г. посетил в Испании его родственник, нарком внутренних дел Украины Кацнельсон, сообщил, что военные намереваются арестовать Сталина[128]. И ряд деталей, переданных в этом разговоре, совпадают с последующими показаниями Тухачевского. О том, что раскрыт заговор в армии, заместитель Ежова Фриновский говорил уезжавшему за границу невозвращенцу Кривицкому. Сведения об этом просачивались за границу и другими путями. Так, получила известность история с «красной папкой».

Агент-двойник, белый генерал Скоблин, работавший и на НКВД, и на СД, доложил о заговоре Тухачевского немцам. В Берлине некоторые поверили, некоторые нет, но Гитлер распорядился использовать донесение для провокации. Германские спецслужбы за несколько дней состряпали так называемую «красную папку», подтасовав документы, способные подтвердить обвинение. После чего через президента Чехословакии Бенеша информация была доведена до советской стороны[195, 201]. Не исключено, что «заброс» через Скоблина был одной из игр НКВД, попыткой проверить, как отреагируют немцы. Но факт тот, что материалы «красной папки» в обвинениях против Тухачевского вообще не использова-

лись! Сталин знал, что это фальшивка, и не нуждался в ней. А Молотов уже после смерти Иосифа Виссарионовича, комментировал: «Не мог Сталин поверить письму буржуазного лидера, когда он не всегда своим доверял. Дело в том, что мы и без Бенеша знали о заговоре, нам даже была известна дата переворота»[175]. Анализ показывает, что самой удобной датой было время работы июньского пленума ЦК...

Как мы видели, Тухачевский еще в 1924 г. выражал готовность к вмешательству армии в политику, попадался на этом в 1930 г. А после ареста в 1937 г. он отнюдь не подписывает показания, подсунутые ему следствием. Нет, он сам пишет их — более 100 страниц, «написанных ровным спокойным почерком»[208]. Сообщает, что заговор существовал с 1932 г., перечисляет очередность вовлечения в него военачальников, не скрывает и разногласий между ними. Признает контакты с троцкистами. Указывает, что с 1935 г. единственно реальным представлялся «переворот, подготовляемый правыми совместно с работниками НКВД». А Корк оговаривался, что их организация смотрела «на связь с Троцким и правыми как на временное явление».

Факты показывают, что «физические методы» применялись не ко всем обвиняемым. Но военные раскалывались гораздо быстрее, чем штатские оппозиционеры. Как только им предъявляли показания других арестованных, следовали признания. В том, что они участвовали в заговоре, каялись все. Но вину признавали не любую. Якир отрицал обвинение в шпионаже, Уборевич — в шпионаже и вредительстве. 11—12 июня Тухачевский, Якир, Уборевич, Примаков, Корк, Эйдеман, Фельдман, Путна, Медведев были осуждены и расстреляны.

И тут встает еще один немаловажный вопрос. Оппозиционные военные год за годом встречались, высказывали свое недовольство Сталиным, но ничего не предпринимали. Очевидно, им не хотелось рисковать, ведь и при этом правительстве они имели чины, почести. Но почему весной 1937 г. дело вдруг сдвинулось с мертвой точки и наметилась попытка переворота? Из-за массовых репрессий партийцев? Весной их еще не было, они развернулись с лета. Не логичнее ли предположить, что причиной стало раскрытие эмиссаров «миро-

вой закулисы» в советском руководстве? Военные фронтеры, возможно, и не были связаны напрямую с «закулисой», но теньевые силы подтолкнули их к действию.

В ходе следствия над ними были получены новые данные на Бухарина: Тухачевский признал, что обсуждал с ним планы борьбы со Сталиным. Дополнились и обвинения против Ягоды. Выяснилось, что он был в курсе заговора военных, в 1936 г. перебрасывался с Тухачевским репликами: «Ну, как дела, главный из борцов?» «В случае надобности военные должны уметь подбросить силы к Москве». Клевета в угоду следствию? Такая клевета могла быть более конкретной и определенной. А фразы в показаниях построены именно округло, намеками — бывший шеф НКВД мог при желании трактовать их вполне безобидно для себя.

И в марте 1938 г. состоялся последний публичный процесс — над Бухариным, Рыковым, Раковским, Ягодой, Крестинским, Розенгольцем, Черновым, Икрамовым, Ходжаевым, Шарантовичем, Гринько, Зеленским. Причем Бухарин в ходе следствия и суда все еще на что-то надеялся! Кстати, письмо «будущим руководителям партии», написанное им перед арестом и заученное наизусть его женой, вполне может быть фальшивкой. Мало ли кто мог составить его, чтобы потом, когда понадобится, озвучить через дочь Ларина? Зато доподлинно известно другое, что Бухарин из тюрьмы неоднократно писал Сталину. Признавал свою вину, но предлагал его не уничтожать, а использовать — выслать за границу, чтобы сделать из него «анти-Троцкого». Наивно? Наивным Бухарин никогда не был. Выходит, не терял надежды, что «силы неведомые» все-таки защитят его. Знал, что у них остались «оборотни» в окружении Сталина — глядишь, повлияют, уговорят.

Нет, теньевые силы не вмешались. Для них Бухарин был уже отработанной фигурой. А на будущее он был полезен как раз в качестве «мученика». С разоблачительным письмом, заученным женой, и т.д. На мартовском процессе 1938 г. обвинения прозвучали даже более чудовищные, чем на прошлых процессах. Вредительство, организация «кулацких восстаний», голода... А Бухарину в числе прочего было вообще предъявлено обвинение в соучастии в покушении на Ленина в 1918 г.!

Фантастика? А почему — фантастика? Конечно, подсудимые не агитировали кулаков братья за обрезы. Однако те методы, которыми проводились коллективизация и раскулачивание, не они ли были причиной восстаний? А голод вызвали разве не акции по изъятию продуктов, проводившиеся по командам Ягоды и иных «оборотней»?

Ну а для расстрела Бухарина вполне хватало других обвинений, зачем бы понадобилось навешивать на него еще и причастность к выстрелам в Ленина? (Сам он этот пункт, в отличие от других обвинений, с возмущением отвергал.) Но, как уже отмечалось, за покушением на заводе Михельсона с большой долей вероятности стояли иностранные спецслужбы и связанные с ними деятели в советской верхушке. Не логично ли было для Сталина предположить, что и Бухарин, еще один эмиссар «закулисы», был замешан в этом деле?

А информацией о том, чьими ставленниками являлись Троцкий, Свердлов, Бухарин и иже с ними, Сталин к весне 1938 г. уже обладал. Во-первых, в декабре 1937 г. советской разведке за рубежом удалось выкрасть часть архива Троцкого. Того самого архива, которым ОГПУ в свое время «не поинтересовалось» и который при содействии Бухарина был вывезен из СССР. А во-вторых, троим высокопоставленным подсудимым удалось купить себе жизни. На январском процессе 1937 г. — Радеку и Сокольникову, на мартовском процессе 1938 г. — Раковскому. Чем они заплатили за это? Тем, что «сотрудничали» со следствием, давали нужные показания? Нет. Все остальные тоже давали. И сами признавались, и других вовсю топили. Например, Пятаков взялся обвинять даже собственную жену. Но это никого не спасло.

Радек, Сокольников и Раковский могли выторговать жизни только в обмен на другую информацию. Которая не отразилась в материалах следствия, не прозвучала на судебных заседаниях. А знали они очень много. Масоны Радек и Раковский являлись агентами сети Парвуса. Радек обеспечивал проезд Ленина через Германию, в Стокгольме занимался с Ашбергом прокачкой денег большевикам, потом вращался в Коминтерне вместе с американскими шпионами типа Джона Рида. Раковский ведал каналом финансирования революции через Румынию, переводил деньги в Париж Троцкому.

Сокольников тоже занимался финансами, подписывал Брестский мир, участвовал в махинациях Льва Давидовича с иностранными дельцами. Это были люди, причастные к делам высшей зарубежной «бесовщины», знавшие истинную подоплеку революции.

Кое-какой информацией Сталин по своему положению обладал и раньше. Уж наверное, он был в курсе, что Ленин пользовался «германскими» деньгами, что Троцкий при создании Красной армии контактировал с представителями Антанты. Но ведь все это считалось игрой на «империалистических противоречиях». Сталин должен был знать и о хищничестве начала 1920-х. Но только теперь картина открылась перед ним в полном объеме. Картина того, как подставили Россию, как ее сокрушили, разрывовывали — и продолжали против нее подрывные акции в советское время.

Что именно сообщили Радек и Сокольников, мы не знаем. Но о Раковском сохранилось свидетельство. По национальности румынский еврей, он до революции никогда не был в России. Когда его поставили во главе правительства Украины, люди отмечали, что он очень плохо знал русский и украинский (это, например, отражено в воспоминаниях киевлян, опубликованных И.В. Гессеном в «Архиве русской революции»). А с 1923 г. Раковского убрали на дипломатическую работу, он был полпредом в Англии и Франции. Поэтому и в 1938 г. этот «русский большевик» неважно владел русским, предпочитал французский. Переводчик НКВД И. Ландовский, присутствовавший при даче тайных показаний, был так поражен услышанным, что сделал для себя личную запись и перенес ее в дневник. В 1942 г. Ландовский погиб под Ленинградом, но его дневник волею судеб попал в Испанию, в 1950-х был издан на испанском языке в Барселоне под названием «Красная симфония», а в 1968 г. вышел на русском языке в Буэнос-Айресе. Сенсацией эта книга не стала, в 1950—1960-х гг. данный вопрос мало кого интересовал. Но материалы, изложенные в «Красной симфонии» до сих пор никем не опровергнуты и ни разу не объявлялись фальшивкой.

А Раковский рассказал, в частности, о подготовке кругами «мировой закулисы» Первой мировой, об организации те-

ракта в Сараево, об участии в этом деле масонских организаций. Описывался механизм того, как союзники обеспечивали поражения России, как привели к власти Временное правительство. И указывалось, что Керенский заведомо был «должен сдать государство коммунизму», «большевики взяли то, что «Они» им вручили».

Перечислялись и имена деятелей «мировой закулисы», обозначенных «Они»: Шифф, Варбург, Гугенгейм, Ханауэр, Брайтунг, Ашберг, Ратенау, Барух, Франкфуртер, Альтшулер, Кохен, Штраус, Штейнхарт, Блом, Розенжан, Липман, Леман, Дрейфус, Лямонт, Ротшильды, Лод, Мандель, Моргентау, Эзекиль, Лаский. (Отметим, что многие лица из перечня «Красной симфонии» совпадают с именами, которые были названы в работе американского историка Э. Саттона — хотя он пользовался совершенно другими источниками, документами из архивов США[158]). Раковский также указывал, что Троцкий, в отличие от Керенского и других масонов, через своего дядю Животовского являлся «членом семьи», и в советском правительстве получил «возможность неприметным образом оккупировать весь государственный аппарат»...

Есть и другие доказательства, способные косвенно подтвердить, что открылось Сталину очень многое. Ранее уже говорилось, что в финансировании масонов-заговорщиков, свергших царя, важную роль сыграло отделение американского «Нэшнл сити банка», открытое в Петрограде в январе 1917 г. В дальнейшем через него переводились деньги и для американской миссии Красного Креста, и для Троцкого. В 1918 г. отделение банка переехало вместе с иностранными миссиями в Вологду, а потом было ликвидировано. Но документы банка оставались в советских архивах. В 1938 г. Сталин вдруг затребовал их[177]. При этом некоторые бумаги, значащиеся в описи, исчезли. Еще один факт. В 1938 г., когда НКВД возглавил Берия, Сталин потребовал от него реорганизовать заграничную разведку. Причем особое внимание уделялось разработке и вербовке агентов влияния в зарубежных правительственных кругах. А диверсии против России осуществлялись именно с помощью агентов влияния...

Но те, кто развязал языки, отсрочили свою смерть ненадолго. Радек погиб в лагере в 1939 г. Официальная версия —

убит уголовниками. Может быть, Сталин все же решил избавиться от него. Хотя это маловероятно, для уничтожения заключенного не требовалось придумывать окольных путей, расстрелять его можно было в любой момент. Куда вероятнее предположить, что с Радеком свели счеты те силы, чьи секреты он выдал. Так же сгинул и Сокольников. А Раковского расстреляли в Орловской тюрьме в 1941 г., при отступлении. Рисковать, что источник такой информации попадет к немцам, не стали.

Да ведь и Сталин не мог обнародовать открывшуюся ему информацию! И не мог, и не хотел! Признать, что большевиков привели к власти зарубежные правительства, банкиры и спецслужбы — означало бы нанести сокрушительный удар по партии, по советской власти, по самому себе... Это было червато разбродом в умах и новыми смутами. Впрочем, Сталин наверняка не сомневался, что коммунистическая власть является справедливой и прогрессивной по сравнению с царской. Верил, что революция, кто бы за ней ни стоял, все равно в итоге пошла стране на благо. И информацию он «похоронил». Нельзя исключать, что как раз этим объясняются признания подсудимых в тех делах, которых они явно не совершали — в убийствах Кирова, Горького и т.п. Они знали за собой другую вину. И знали, что Сталин о ней знает. Но говорить о ней было невозможно, и вместо нее приходилось брать на себя мнимые преступления.

Однако сам генеральный секретарь уже знал, каким образом расшатывали и рушили Россию в годы Первой мировой, до какой степени она была пропитана иностранной агентурой, всевозможными заговорщиками. Для него эти данные были доступны, документы русской контразведки до сих пор сохранились в архивах ФСБ[129]. А надвигалась новая война. И Сталин хорошо представлял, что прежний сценарий может повториться. В партийных, советских, хозяйственных структурах было немало тех, кто вращивался под крылышком «оборотней». Осталась не сломленной и система «удельных княжеств», где бесконтрольно властвовали местные начальники, притесняя простых людей и вызывая недовольство — а это опять могло привести к «революционной ситуации». Вот эти

факторы как раз и побудили Сталина взяться за капитальную чистку. В этом и состояла разгадка массовых репрессий, которые покатались со второй половины 1937 г., обрушившись в основном на руководящих работников разных уровней.

Хотя оправдывать эту кампанию я, конечно же, не берусь и не собираюсь. Против врагов народа был направлен тот же самый карательный аппарат, который создавался ими против русского народа. В мясорубку попал Ягода, но остались другие. Ежов не относился к «оборотням», он был всего лишь бездушным и слишком ретивым исполнителем указаний. А в делах НКВД он не разбирался, их перехватили Фриновский и прочие подручные того же Ягоды. И в итоге террор показился нарастающей лавиной, захватывая не только действительных врагов, а множество невиновных.

Кто-то из работников НКВД принялся выслуживаться, чтобы загладить прошлые грешки. Кто-то снова пользовался случаем для сведения личных счетов, доносов, стукачества. Но действительно ли была кампания террора хаотичной? Или снова, как с голодомором, были те, кто направлял и корректировал ее? Ведь, по идее, репрессии нацеливались на уничтожение потенциальной «пятой колонны» перед войной — но случилось так, что сам их масштаб, по сути, подорвал готовность государства к войне! Под гребенку попали военачальники и офицеры, не имевшие отношения ни к каким заговорам. Оказалась парализованной и военная промышленность.

Наконец, в 1937—1938 гг. была полностью разгромлена советская разведка. Было уничтожено 40 одних только резидентов в разных странах, не считая рядовых агентов, связных, курьеров. Другие попали за решетку или были отстранены от работы. С сотнями агентов оборвались контакты. Разветвленная и великолепно отлаженная сеть советских спецслужб за рубежом практически перестала существовать. Было ли это одним из случайных «перегибов»? Вот уж вряд ли. Скорее, походило на умелую диверсию. И, пожалуй, не Сталин был заинтересован в том, чтобы накануне войны, в период самой интенсивной тайной дипломатии остаться без «глаз и ушей» за границей.

Выискивали «оборотней» — но при этом опять попадало под репрессии православное духовенство. В 1936 г. в крас-

ноярской тюрьме казнили епископа Филиппа (Гумилевского), архимандрита Полихрония (Запрудина), протоиерея Константина Ордынского, священника Николая Катасонова. Расправы над служителями Церкви шли и в лагерях. А летом 1938 г. более 300 священнослужителей расстреляли на Бутовском полигоне в Москве. Впрочем, террор прошелся и по мусульманскому духовенству. В 1936—1938 гг. были репрессированы почти все муллы Урала и Сибири. Очередной раз попали под удар и другие категории людей, которые традиционно относились в советском государстве к «группам риска». По деревням хватали «кулаков», по городам — бывших офицеров и дворян, шерстили интеллигенцию за неосторожные высказывания, арестовывали просто честных людей, насоливших начальству или чем-то мешавших...

В данном плане показательным может быть пример с М.А. Шолоховым. В конце 1936 — начале 1937 г. были арестованы руководители Вешенского района Логовой, Красюков и Логачев. Писатель хотел заступиться за них, но на прием к Сталину попасть не смог. Тогда он пошел на беспрецедентную в советское время форму протеста, отказался ехать на Международный антифашистский конгресс писателей в Испанию. Этого не заметить не могли, он был вызван в Москву, после беседы со Сталиным его подзащитных освободили и восстановили в партии. Узнав, что их избивали, Шолохов написал генеральному секретарю о методах следствия. Была создана комиссия во главе с тем же Шкирятовым, который в 1933 г. «проверял» сигналы писателя об организации голода. И эта комиссия опять спустила дело на тормозах, злоупотреблений не подтвердила, свела дело к «отдельным ошибкам», никто не был привлечен к ответственности. После чего «органы» состряпали дело на самого Шолохова.

Правда, у него и в НКВД нашлись почитатели, предупредили. Он тайком сбежал в Москву, прятался на квартире Фадеева, пока не сумел через Поскребышева передать Сталину записку: «Приехал к Вам с большой надеждой. Примите меня на несколько минут. Очень прошу». 23 и 31 октября 1938 г. состоялись две его встречи с генеральным секретарем, и только тогда писателя оставили в покое[116]. Как видим, многое

происходило без ведома Сталина. А ведь далеко не каждый, подобно Шолохову, мог обратиться к нему...

Конец разгулявшейся вакханалии, как и в прошлых громных кампаниях, положил Сталин. 22 августа 1938 г. первым заместителем Ежова был назначен Лаврентий Берия, которому Иосиф Виссарионович доверял лично. 15 ноября было запрещено рассмотрение дела «тройками». 17 ноября вышло постановление Совнаркома и ЦК «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Указывалось, что «массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов, проведенные... при упрощенной процедуре следствия и суда, не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений... Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительской работы и так вошли во вкус упрощенного порядка следствия, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых «лимитов» на массовые аресты...»

Постановление запрещало масштабные операции по арестам и депортациям, предписывалось проводить их строго в соответствии с Конституцией, по решению суда или с санкции прокурора. 27 ноября Ежов был снят со своего поста, а 1 февраля 1939 г. генеральный прокурор Вышинский доложил Сталину о разоблачении чекистов, которые «встали на путь подлога и фабрикаций фиктивных дел». Многие дела пересматривались, в 1939 г. было освобождено более 327 тыс. заключенных. А в тюрьмы и под расстрелы пошли те, кто был виноват в чрезмерном раздувании репрессий — Ежов, Фриновский, Блюхер, Постышев, Косиор и т.д.

Но общее число жертв «большого террора» не известно до сих пор. Зарубежные и отечественные «демократические» источники пользуются данными Р. Конквеста — 700 тыс. расстрелянных, 7—8 миллионов заключенных в лагеря[82]... Вот только непонятно, откуда же эти цифры выкопал Конквест? И в них вполне позволительно усомниться. Так, в печать попали официальные данные, что на 1 марта 1940 г. общий контингент заключенных ГУЛАГа составлял 1 668 200 человек. В пять раз меньше, чем у Конквеста. Причем лишь 29% были

осуждены по политическим статьям, остальные по уголовным[161]. На основе тех же официальных данных исследователями, получившими к ним доступ, сообщалось: «Число жертв политических репрессий в РККА во второй половине 30-х годов примерно в десять раз меньше, чем приводимые современными публицистами и историками» («Военно-исторический журнал», 1993, № 1, с. 59).

Однако большинство исследователей получить доступ к этим задокументированным данным почему-то до сих пор не могут. И по какой-то причине официальные данные о количестве жертв не были опубликованы ни хрущевскими, ни горбачевскими «разоблачителями». А отсутствие подобных публикаций само по себе представляется многозначительным фактом. Повторюсь, автор ни в коем случае не оправдывает террор против невиновных людей. И жонглировать цифрами оборванных и исковерканных жизней вовсе не собирается. Но зачем и кому требуется еще и искусственно преувеличивать их? И таким ли уж «большим» был террор 1936—1938 гг. по сравнению, допустим, с «красным террором», которого мировая общественность вообще «не заметила»?

КАК ВОЗРОЖДАЛАСЬ РОССИЯ

Имеет смысл еще раз сделать отступление и обратиться к древней формуле — по грехам нашим. И вспомним погром российской деревни: раскулачивание, коллективизацию... Но ведь в 1917—1918 гг. те же самые крестьяне с энтузиазмом громили и грабили помещичьи усадьбы, по собственной инициативе обрушивали гонения на тогдашних, еще дореволюционных кулаков. Захватывали и делили чужую землю, чужое имущество. Сохранилось множество свидетельств, как убивали тех же кулаков, помещиков, управляющих[22, 58, 67 и др.]. В гражданскую войну на Кубани и на Дону крестьяне-иногородние грабили казаков. На Украине крестьяне-махновцы громили города. Вовсю разошлись сибирские крестьяне, объявив себя партизанами. Профессор А. Левинсон писал: «Когда саранча эта спускалась с гор на города с обозами из тысячи

порожних подвод, с бабами — за добычей и кровью, распаленная самогонкой и алчностью — граждане молились о приходе красных войск, предпочитая расправу, которая поразит меньшинство, общей гибели среди партизанского погрома... Ужасна была судьба городов, подобных Кузнецку, куда Красная армия пришла слишком поздно».

В 1919 г. Калинин докладывал Ленину, что деревня «осереднячилась»: кулаков извели или «экспроприировали», а бедняки поправили дела за счет чужой земли, скота, имущества. Так разве не адекватным выглядит воздаяние в конце 1920-х — начале 1930-х? Отнимали у других — и было отнято. «Экспроприировали» — и были экспроприированы. «Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф, 7,2). А раскулачивали в основном тех, кто более толково и хозяйственно сумел распорядиться прихваченной чужой собственностью. Но впрок не пошло... В конце 1920-х конфисковывали и состояния нэпманов. Но разве они были нажиты праведными путями? Скороспелые дельцы богатели на махинациях с арендой, с кредитами, на спекуляциях, с помощью взяток советским чиновникам. Впрок не пошло...

Или возьмем гонения на Церковь. К 1917 г. она, как и дворянство, купечество, интеллигенция, оказалась заражена либерализмом. Пастырей, проявлявших принципиальность, призывавших к укреплению Веры и патриотических сил, сами же церковные иерархи обвиняли в реакционности, «черносотенстве» [58]. Высшие круги Церкви не выступили в поддержку царя, не вспомнили, что он — Помазанник Божий. И как раз эта либеральная зараза сделала возможными последующие расколы, ереси. В 1917—1918 гг. большевикам не удалось сокрушить Церковь, получив несколько раз отпор от верующих, они даже не рискнули развернуть полномасштабную кампанию. А в 1922 г. осмелились. Поняли, что устои веры в народе за годы советских реформ ослабли. Однако и в этот раз довести дело до конца Троцкому и его присным не удалось. «Живоцерковников» народ не принял. И значительную часть храмов большевики, ограбив, предпочли все-таки оставить в покое.

Зато в 1929—1931 гг. уничтожить Церковь почти получилось. Потому что подросла безбожная молодежь, способная

устраивать кощунственные акции, закладывать взрывчатку под фундаменты храмов. И потому, что остальной народ оказался уже не готов подняться в защиту Православия. Уже не воспринимал его как главное в жизни, по сравнению с которым все остальное — ничто, и имущество, и благосостояние, и сама жизнь... Одни люди успели для себя подменить веру Христову суррогатом ленинизма, другие втайне в Бога верили, но выбирали свое, земное. Священника арестовали? Храм осквернили? Но ведь тебя пока не трогают. Вот и не высывайся... Получается опять — по грехам *нашим*. И стоит ли после этого удивляться таким страшным карам, как голод?

А репрессии 1936—1939 гг. обрушились главным образом на тех, кто сам расстреливал, сажал, ссылал. Не было ли это адекватным воздаянием? Когда по приказанию Ежова к арестованному Ягоде зашел для «беседы» начальник ИНО НКВД Слуцкий, недавний шеф сказал ему: «Можешь написать в своем докладе Ежову, что я говорю: «Наверное, Бог все-таки существует!»... От Сталина я не заслужил ничего, кроме благодарности за верную службу; от Бога я должен был заслужить самое суровое наказание за то, что тысячу раз нарушал Его заповеди. Теперь погляди, где я нахожусь, и суди сам: есть Бог или нет...» Конечно, Ягода слукавил. Он отнюдь не был «верным» слугой Сталина, но ведь высказывание предназначалось для передачи. Однако в целом разве не верно сказано?

Карательная машина перемолола палачей гражданской войны и красного террора. Лацис, Петерс, Уншлихт, Бела Кун, Фриновский, Тухачевский, Якир, Блюхер, Уборевич, Агранов, Балицкий, Дыбенко, Жлоба, Ковтюх, Примаков... Их судили как «врагов народа». Но разве они не были врагами русского народа? Судили как шпионов. Конечно, они были не из тех шпионов, которые фотографируют и пересылают через тайники секретные документы. Но каменевы, зиновьевы, бухарины и впрямь являлись чужеземными агентами влияния. А другие оказывались их пособниками. Их судили за вредительство. Но те планы, которые они реализовывали в России, разве не были вредительством? По иронии судьбы их, творцов революции, объявили контрреволюционерами. Но и это выходит логичным. Они выступали агентами крупного ино-

странного капитала, стало быть, действовали против пролетариата и крестьянства, в пользу «контрреволюционных» сил.

Под репрессии попадали также партийцы и беспартийные, не причастные к делам троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев. Но разве многие из них не участвовали в преступлениях гражданской войны? Будучи красноармейцами, кого-то расстреливали. Или одобряли, приветствовали расстрелы. А позже поучаствовали в тех же раскулачиваниях, подавлениях восстаний, церковных погромах...

Но нелишне отметить и другое — очищение страны от «нечисти» и преступников сопровождалось важнейшими конструктивными процессами! Сталин стал круто менять политический курс: от «революционной» к государственно-патриотической системе координат. И в рамках Советского Союза начала возрождаться Российская держава. Нет, далеко не прежняя, она осталась коммунистической. Однако она была уже не непонятным новым образованием, возникшим на трупе России, а Советской Россией. Во многом изменившейся, во многом отличавшейся от Российской империи, но тоже великой и по-своему прекрасной.

Эти процессы шли далеко не одним махом, а последовательно. Во-первых, их правомерно соотнести с укреплением реальной (а не мнимой, как раньше) диктатуры Сталина. Он получал возможность все более уверенно проводить собственную линию, все меньше оглядываться на другие мнения, на опасность обвинений в антимарксистской «ереси». Но, во-вторых, и сам Сталин наверняка не сразу переосмысливал многие вещи. Изменение взглядов — это всегда очень не простое дело, не единовременное, а часто и болезненное. И как раз такую постепенность мы видим в переменах 1930-х гг.

Так, в 1931 г. Сталин вернул в обиход оплеванное понятие Отечества. Указывал: «В прошлом мы не имели и не могли иметь отечества. Но сейчас, когда мы сбросили капитализм, и власть принадлежит нам — сейчас у нас есть Отечество». Как видим, термин Отечества вводился осторожно, с оговорками, как бы и не споря с марксизмом, утверждавшим, что у пролетариев нет отечества, и с «интернационалистами», отвергавшими прежнюю Россию. Эти теории еще считались незыб-

лемыми. Комплексная программа Наркомпроса поучала, что «особой беды не будет, если дети не усвоят исторические факты и события, которые имели место до Октябрьской революции». В Советской энциклопедии 1931 г. даже Отечественная война 1812 г. опошлялась, а слово «Отечественная» давалось в оскорбительных кавычках: «Так называемая народная война 1812-го, из-за которой война получила пышное название «Отечественной», дело тут было не в подъеме патриотического «духа», но в защите крестьянами своего имущества»[161].

Лишь в 1934 г. Совнарком и ЦК приняли постановление, отвергшее прежние методы преподавания истории. Из лагерей и ссылок была возвращена вся плеяда российских историков, загремевших туда усилиями «красного академика» Покровского, Бухарина и иже с ними. Им ставилась задача разработки новых учебников. Сталин, Киров и Жданов изучили конспекты учебников, выдав массу замечаний. Но в этих конспектах и замечаниях еще хватало половинчатого, хватало дани положенному «интернационализму». И только в 1936 г. была официально осуждена линия Покровского. А в школах учебник Покровского сменил учебник Шестакова, где восстанавливалась преемственность между царской и советской Россией.

Впрочем, восстанавливалась в такой форме, которая согласовалась с коммунистической идеологией. Князья, цари, полководцы, государственные деятели, способствовавшие успехам России, представлялись «прогрессивными» — поскольку тем самым они создали основу обширного и сильного Советского Союза. Тем не менее для той эпохи сдвиг был колоссальным. Люди снова получали возможность гордиться, что они принадлежат к великому русскому народу, имеющему великое и славное прошлое. Эта слава стала популяризироваться и пропагандироваться. Начали выходить книги и сниматься фильмы о Петре I, Александре Невском, Суворове, Ломоносове и др.

Как уже отмечалось, в 1932 г. удалось распустить РАПП, в 1934 г. возник Союз писателей СССР. А одновременно в литературу возвращались «изгнанные» из нее Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский. Но книги Троцкого, Зиновьева, Камен-

нева и прочих «теоретиков», заражавшие умы советских людей, все еще считались полезными. Их изъяли из библиотек только в марте 1935 г.

В мае-июне 1935 г. были распущены Общество старых большевиков и Общество бывших политкаторжан[27]. Толчком, очевидно, послужило «кремлевское дело», активисты этих самых старых большевиков и политкаторжан были связаны с махинациями Енукидзе (и с его сексуальными извращениями). Но были и другие причины. Оба общества состояли из бывших «профессиональных революционеров», сохранявших дружеские контакты с зарубежными масонами. Оба общества ставили своей целью «культивировать дух революции», отнюдь не патриотический, а изначальный — интернационально-космополитический.

В том же 1935 г. Сталин прекращает финансирование через Коминтерн иностранных компартий. Прикрывает канал, по которому утекали за рубеж огромные суммы, причем в золоте и валюте. Прихлопывает сытную «кормушку» для зарубежных дармоедов. Вместо этого Сталин перенацеливает финансы на другие нужды. В 1935 г. принимается генеральный план реконструкции Москвы — грязный и запущенный город должен был стать красивой и величественной столицей державы. В 1935 г. в армии вводятся маршальские и офицерские звания. И комроты, комбаты, комполки превращаются в капитанов, майоров, полковников. Только слово «генерал» в советском обиходе все еще несло слишком негативный оттенок, поэтому генеральские звания были восстановлены позже, в 1940 г.

А весной 1936 г. последовала «реабилитация» казачества. Правда, вокруг этого вопроса накручено много домыслов. Так, указывают, что казаков вообще не брали в армию. Это неверно. Потому что с 1925 г. в СССР не было всеобщей воинской обязанности. В немногих оставшихся кадровых соединениях казаки служили — они, например, отличились на КВЖД в составе кубанской кавбригады Рокоссовского. Тем не менее ограничений для них было очень много. Казаков облагали повышенными налогами, не выдвигали на руководящие посты, не принимали в высшие учебные заведения, в воен-

ные училища. Само слово «казак» было изгнано из обихода. И затравленные, затерроризированные люди предпочитали «забыть», что они казаки. Будущий начальник Генштаба донской казак Штеменков для поступления в военное училище стал украинцем Штеменко. В 1926 г. прошла перепись населения — и на Северном Кавказе вдруг оказалось 44% украинцев! Потому что большинство казаков (даже и не украинского происхождения) обозначили себя «украинцами»[197]. Многие и без раскулачивания, сами уезжали на промышленные стройки, где никто не знает происхождения. Подделывали документы.

В 1936 г. ситуация вдруг изменилась. Официальная версия — 15 марта казаки Дона, Кубани и Терека обратились к Сталину с письмом о желании служить Советской власти, а уже 23 апреля приказом наркома Ворошилова ряд кавалерийских дивизий стали преобразовываться в казачьи. Конечно, никто бы не позволил казакам по своей инициативе собираться для составления письма. Существует легенда, будто французские генералы на маневрах высказались, что казачья конница была лучше советской, вот и отреагировало руководство. Но и это лишь домыслы.

Чтобы понять причину, достаточно сопоставить даты. Февраль 1936 г. — массовые аресты троцкистов. Март — письмо казаков. А о том, что в казачьем геноциде верховодили троцкисты, Сталин знал. Еще в 1931 г. в разговоре с Шолоховым он поинтересовался, откуда тот брал материалы для описания геноцида. Михаил Александрович ответил: «В архивах документов предостаточно... Троцкисты, вопреки всем указаниям Ленина о союзе с середняком, обрушили массовые репрессии против казаков, открывших фронт. Казаки, люди военные, поднялись против вероломства Троцкого, а затем скатились в лагерь контреволюции. В этом суть трагедии народа»[116]. Тогда же, после беседы с Шолоховым, Сталин сделал первые послабления казакам, их начали принимать в авиацию и другие «элитные» войска.

А 1936 г., когда вскрылась целенаправленная антироссийская деятельность троцкистов, генеральный секретарь решил выправить и то, что они натворили. Реабилитация казаков

проявилась не только в армии. На Дону, Кубани, Тереке вновь стали носить казачью одежду, в рамках колхозов восстановились некоторые черты станичного и хуторского самоуправления. Это дало прекрасные результаты. Ведь как раз для казаков сами по себе колхозы не были «злом», у них традиционно существовало не частное, а общественное землепользование. Стоило прекратить давление и дискриминацию, как казачьи колхозы расцвели, стали самыми хозяйственными и богатыми в Советском Союзе. Строили свои школы, больницы, электростанции, даже станичные театры! И это процветание было достигнуто в 1937—1938 гг., в самый разгар репрессий!

Пересматривались и другие «революционные» установки. Пропаганда разрушительных идей об «отмирании» семьи вела к разврату. К середине 1930-х в Москве число аборт дошло до 3 на 1 рождение ребенка, число разводов до 48 на 100 регистраций браков[27]. Но в 1936 г. была развернута кампания борьбы с «левацкой фразеологией». И под этим флагом партийный идеолог В. Вольфсон выдвинул тезис, что при социализме семья не только не отмирает, а наоборот, укрепляется. Конечно, подобное утверждение, отвергающее постулат самого Энгельса, второразрядный Вольфсон не мог сделать по собственной инициативе. Он сразу же получил поддержку в высшем партийном руководстве. И отныне семья признавалась не временным «пережитком», а ячейкой социалистического общества. Постановлением правительства от 27 июня 1936 г. под страхом уголовной ответственности запрещались аборт и их пропаганда, увеличивались государственные пособия матерям, усложнялась процедура развода (для этого требовалось присутствие обоих супругов, делались отметки в паспортах, вводился строгий контроль за выплатой алиментов).

А в ноябре 1936 г. была принята новая Конституция, отвергшая постулат Маркса и Энгельса об отмирании государства. Напротив, требовалось его укрепление. Эта же Конституция утвердила равноправие для всех граждан СССР. Таким образом, наряду с казачеством произошла и реабилитация выходцев из семей дворянства, купечества, духовенства. Категория «лишенцев» перестала существовать.

И, как это ни парадоксально, но даже такой убежденный антисоветист, как Н. Верт, вынужден был признать, что «мас-

совые репрессии — настоящая охота на «врагов народа», ... осуществлялись параллельно с утверждением социалистической законности» [27]. Да, было и это. Потому что простые граждане гораздо больше страдали не от указаний центральной власти, а от самоуправства и самодурства местных начальников. Теперь их всевластие кончилось. Они потеряли «иммунитет», попадали под наказания независимо от ранга, а кары оказывались суровыми. Украсть, взять «на лапу», барствовать за счет подчиненных оборачивалось себе дороже. И когда исследователи принялись анализировать, в какое время большинство граждан СССР достигло максимального благополучия, получилось — в 1937 г.!

Переосмыслению Сталиным его взглядов и оценок, конечно, должны были способствовать и информация из архива Троцкого, откровения Радека, Сокольников, Раковского, вскрывшие международный заговор против России. И Иосиф Виссарионович сделал выводы. Свернул советское участие в гражданской войне в Испании. Крепко был прочищен Коминтерн, куда со времен Троцкого набрались деятели весьма сомнительного свойства, под репрессии попали многочисленные «интернационалисты», отиравшиеся в СССР, — германские, польские, испанские, болгарские и пр. В апреле 1941 г. Иосиф Виссарионович высказал предложение вообще распустить Коминтерн (но исполнение этого плана отсрочилось из-за войны, Коминтерн еще понадобился для развертывания антифашистской работы за рубежом).

Пошли под расстрелы те, кто разворовывал Россию, как Вениамин Свердлов. И те, кто разрушал русскую культуру — Леопольд и Ида Авербахи, русофоб Мейерхольд, очень любивший вращаться среди палачей Бабель. Хотя подобные меры вовсе не означали какого-либо «зоологического антисемитизма». В руководстве партии сохраняли высокое положение Каганович, Мехлис. В сфере литературы и искусства продолжали трудиться такие таланты как, Эренбург, Эйзенштейн, Утесов, выдвигались молодые дарования вроде Полевого (Кампова). Но они развивали свое творчество не в деструктивном, а в общем патриотическом направлении. И советская культура создавалась на фундаменте русской культуры.

А вот деятельность по проекту «Хазарии» была прекращена. В данном отношении начали предприниматься шаги еще в 1934 г. Было объявлено, что следующий, 1935 г. — последний срок для переселения желающих в Крым. Прежний план Ларина истек, новые не составлялись. Но, несмотря на это, переселенческая работа все еще продолжалась, без шума, исподволь. И только в 1938 г. это решительно завершили, постановлением Политбюро от 4 мая деятельность организации «Джойнт» в России была запрещена (всего в Крыму на 1941 г. оказалось до 70 тыс. евреев, но из них в 86 еврейских колхозах проживало лишь 17 тыс.)

О том, насколько непростыми путями изменялось мировоззрение Сталина, говорит и история взаимоотношений Советского государства с Церковью. В начале 1930-х генеральный секретарь клеймил «попов», в 1931 г., как известно, был взорван храм Христа-Спасителя. В 1933 г. гонения на Православие продолжались, но за подписью генерального секретаря было издано указание, запретившее уничтожение храмов и монастырей, по крайней мере тех из них, которые признавались архитектурными и историческими памятниками (к этому времени 500 таких объектов были намечены к сносу только в Москве). Советским органам, милиции, ОГПУ предписывалось принять меры по их охране. Но попытки разрушения были и позже, и в 1935 г., Сталин вмешался, не позволив сносить храм Василия Блаженного.

Однако лишь через несколько лет, 11 ноября 1939 г. Политбюро приняло строго секретное постановление № 1697 /13 «Вопросы религии». Указывалось:

1) Признать нецелесообразно впредь практику органов НКВД СССР в части арестов служителей русской православной церкви, преследования верующих.

2) Указание тов. Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 г. № 13666-2 «О борьбе с попами и религией», адресованное пред. ВЧК Дзержинскому и все соответствующие инструкции ВЧК — ОГПУ — НКВД, касающиеся преследования служителей русской православной церкви и православноверующих — отменить.

3) НКВД СССР произвести ревизию осужденных и арестованных граждан по делам, связанным с богослужительной

деятельностью. Освободить из-под стражи и заменить наказание на не связанное с лишением свободы осужденным по указанным мотивам, если деятельность этих граждан не нанесла вреда советской власти.

4) Вопрос о судьбе верующих, находящихся под стражей и в тюрьмах, принадлежащих иным конфессиям, ЦК вынесет решение дополнительно» [56, 161].

Уже 22 декабря 1939 г. Берия подал на имя Сталина справку № 1227 «Б»:

«Во исполнение решения ПБ ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 г. за № 1697 /13 из лагерей ГУЛАГ НКВД СССР освобождено 12 860 человек, осужденных по приговорам судов в разное время. Из-под стражи освобождено 11 223 человека. Уголовные дела в их отношении прекращены. Продолжают отбывать наказание более 50 000 человек, деятельность которых принесла существенный вред советской власти. Личные дела этих граждан будут пересматриваться. Предполагается освободить еще около 15 000 человек» [161].

Да, освободили далеко не всех. Ведь многие священнослужители и верующие были осуждены не за богослужебную деятельность как таковую, а по статьям о «контрреволюционной агитации», «контрреволюционных организациях» и т.п. Многим освобожденным заменили лагеря на ссылку. Но погромное указание Ленина с омерзительным сатанистским номером было отменено. Дальнейшие гонения и истребления по «церковным делам» прекратились. И Церковь стала возрождаться — почти уже уничтоженная. Из 57 тыс. дореволюционных храмов осталось не закрытыми около 100, из 1025 монастырей — ни одного, из 57 духовных семинарий — ни одной... Теперь в Москве снова начала действовать Патриархия во главе с местоблюстителем престола митрополитом Сергием (Страгородским). Разрешение было еще негласным, но уже никто не чинил препятствий, не преследовал, и помещение нашлось, и аппарат сформировался [81, 140]. Так сбылись слова Писания о Церкви: «И врата ада не одолеют ее» (Мф. 16,18).

И вот еще знаменательный факт. Сталин к концу 1930-х гг. меняет свой «исторический идеал»! От Петра I обращается

к образу Ивана Грозного. Царь-реформатор, перекроивший страну на иноземный манер, становится Сталину не интересен. Впоследствии Иосиф Виссарионович говорил о нем даже с осуждением — поскольку от Петра пошло российское западничество[62, 165]. Куда более важным и значимым генеральный секретарь стал считать другого царя. Искоренившего боярскую измену, феодальную анархию, уничтожившего ересь «жидовствующих», утвердившего сильную централизованную власть и превратившего Русь в могучую державу на ее собственной, национальной основе. Может быть, как раз из-за этого обе фигуры, Ивана Грозного и Сталина, подверглись такому искажению и поруганию и в зарубежной, и в нашей либеральной истории?

ЗАКАТ ЕВРОПЫ

Небезынтересно отметить, что «большой террор» попытался остановить не кто иной, как нарком иностранных дел Литвинов. Предупреждал Сталина, что репрессии могут отпугнуть Запад, затруднить создание системы «коллективной безопасности». На что Сталин без лишней деликатности ответил: «Ничего, проглотят»[13]. Да и действительно, какая уж там «коллективная безопасность», если Запад всячески ублажал Гитлера, а соглашения с Москвой оставались чисто декларативными? Французы присылали в СССР делегации, поднимали тосты на банкетах — и не более того. Англичане вообще не желали идти на сближение, откровенно поощряя Германию[115].

Хотя ее агрессивные намерения не были секретом ни для кого. С 1936 г. Берлин оказывал неприкрытое давление на Австрию. Там формировались местные штурмовики, бесчинствовали, терроризируя страну. Посол США в Вене Мессершмит доносил: «Перспектива захвата власти нацистами не позволяет властям проводить по отношению к ним эффективные полицейские и судебные действия из боязни репрессий со стороны будущего нацистского правительства против тех, кто, пусть даже правомерно, принял бы против них меры». Но для защиты суверенитета Австрии ни Англия, ни Франция,

ни Америка даже пальцем о палец не ударили. 12 февраля 1938 г. Гитлер вызвал к себе «на ковер» австрийского канцлера Шушнига и под угрозой военного вторжения потребовал уступить власть нацистам. Вена колебалась, пробовала уклониться, но поддержки ей не оказал никто. 12 марта германские войска вступили в Австрию. Без боя. Она была присоединена к Германии. Гестапо сразу же арестовало 80 тыс. человек, создав для них новый концлагерь, Маутхаузен[50].

17 марта Советское правительство предложило созвать международную конференцию для рассмотрения «практических мер против развития агрессии и опасности новой мировой войны». Но Англия инициативу пресекла. Расценила предложение Москвы как «усиливающее тенденцию к образованию блоков и подрывающее перспективы установления мира в Европе»[94, 115]!

Действия Гитлера, видимо, перспектив установления мира не подрывали. Он уже готовился захватить Чехословакию. Хотя план «Грюн» нападения на эту страну германские генералы сочли катастрофической авантюрой. Впрочем, он и в самом деле был авантюрой. Той мощной армии, которая вскоре начнет громить поляков и французов, у немцев еще не существовало. Танковый корпус был только один, вооруженный слабо бронированными танками Т-I (с пулеметным вооружением) и Т-II (с малокалиберной пушкой). По сути, это были броневики, а не танки.

Все вооруженные силы Германии насчитывали 47 дивизий, из них 8 приходилось на всякий случай оставить на французской границе. А у Чехословакии было 45 дивизий. Лучше вооруженных и лучше обученных, чем германские[203]. Если заводы Круппа только наращивали производство вооружения, то огромные чешские заводы «Шкода» функционировали вовсю, поставляя оружие и военную технику в разные страны мира. А в Судетах в течение многих лет чехи создавали мощнейшую полосу укреплений с системами бетонных дотов, казематов, тяжелой артиллерией. Прорвать ее немцы не смогли бы вообще. Как признавались впоследствии германские военные, у них даже и снарядов было накоплено мало, их хватило бы лишь на две недели боев.

Но нет, фюрер настоял на своем. В сентябре 1938 г. под-
рывные организации, созданные из судетских немцев, начали
в Чехословакии вооруженные провокации. А Гитлер обвинил
чехов в притеснениях судетских немцев, выразил готовность
взять их «под защиту». Для Советского Союза ситуация была
тоже не безразличной, у него существовал договор о взаимо-
помощи с Чехословакией, вторжение гитлеровцев в эту стра-
ну нацеливало их экспансию на Восток. И Сталин отреагиро-
вал. Были приведены в боевую готовность несколько окру-
гов, выдвинуто к границе 30 дивизий, 3 танковых корпуса, 4
авиационных бригады. При такой поддержке немцам и подав-
но не приходилось думать об успехах. Но СССР не имел об-
щей границы с Чехословакией, Красную армию должны были
пропустить через свою территорию Польша и Румыния. А, со-
гласно договору о взаимопомощи, Советский Союз мог ока-
зать ее лишь в том случае, если Прага об этом официально
попросит и если в войну вступит Франция. Правда, Москва
дала понять президенту Бенешу, что готова обойтись и без
французов. И проблему с пропуском войск «как-нибудь» ре-
шить. Но только при условии, что сама Чехословакия будет
защищаться и призовет русских.

Однако кризис разрешился иначе. Оказалось, что еще с
марта в правительственных кругах Англии было решено —
когда немцы нацелятся на Чехословакию (а о том, что вско-
ре нацелятся, хорошо знали), отдать ее. Проводились закули-
сные встречи и консультации. И возник так называемый «план
Z» — вмешаться с посредничеством в самый последний мо-
мент. Чтобы щедрыми уступками «ошеломить Гитлера», по-
гасить готовую вспыхнуть войну и очутиться в роли «миро-
творцев» [10]. Такой «последний момент» настал 22 сентября,
к фюреру примчался британский премьер Чемберлен. И 29
сентября в Мюнхене открылась конференция, где Чемберлен
и французский президент Даладье с Гитлером и Муссолини
решили судьбу Чехословакии даже без участия ее представи-
телей. Просто поставили чехов перед фактом, что их страну
расчлениют и Судетскую область отдают немцам. А от Пра-
ги при этом потребовали разорвать договор о взаимопомо-
щи с СССР.

Конечно, чехи вполне могли обороняться и сами. Но они даже не попытались делать этого. Повели себя, как незаслуженно обиженные, но послушные детишки. Раз «старшие дяди», Англия и Франция, сказали — значит все, тут уж ничего не попишешь. Договор с Москвой дисциплинированно расторгли, мобилизацию отменили, войска получили приказ сниматься с позиций и оставить западные районы. Кстати, когда демократические авторы клеймят пакт Молотова-Риббентропа, без которого не смогла бы начаться Вторая мировая, то стоит вспомнить, что она не смогла бы начаться и без Мюнхена. И что Мюнхен был гораздо раньше, чем пакт Молотова — Риббентропа. Причем в этом случае Советский Союз был ни при чем, его на обсуждение судеб Чехословакии не пригласили. Зато будущая жертва нацистов, Польша, охотно поучаствовала в разделе соседнего государства. Ей отстегнули Тешинскую область с богатыми угольными копями и четверть-миллионным населением, и она не отказалась, взяла.

В ноябре 1938 г. случилось еще одно неординарное событие, «Хрустальная ночь». Началось с провокации. В Париже юный еврей Гриншпан, кем-то настроенный «отомстить» за гитлеровскую политику антисемитизма, убил сотрудника немецкого посольства. Уж кто спровоцировал Гриншпана выступить «мстителем», история умалчивает. Но для нацистов инцидент пришелся очень кстати. Он стал прекрасным поводом перейти от юридических и административных притеснений евреев к лишению их гражданских прав, а потом и уничтожению. Старт этой политике по инициативе Геринга, Геббельса и Гейдриха дала кампания погромов еврейских магазинов по всей Германии — из-за стекла разбитых витрин ночь и назвали «хрустальной».

Несколько десятков человек было убито, несколько тысяч покалечено и арестовано. Ущерб был нанесен колоссальный. И вот ведь что интересно: значительная часть погромленной собственности оказалась застрахованной в иностранных компаниях: британских, американских. Данные компании выплатили потерпевшим огромные страховки. И эти деньги были нацистами конфискованы вместе с прочей еврейской собственностью. Конфискованы и пущены на нужды дальнейше-

го вооружения[139]. Получилось так, что деньги через страховые компании фактически перекачали в германскую казну. Находились и другие скрытые пути финансирования. Например, иностранцы просто клали деньги в германский Рейхсбанк. И их тоже пускали на военные нужды. Шахт при этом похвалялся перед Гитлером: «Таким образом вооружение частично финансируется за счет наших политических противников». Но неужто «политические противники» были такими наивными, чтобы не понимать этого? Скорее, представлялись наивными.

Еще одним механизмом перекачки финансов стала система «МЕФО». Счета фирм, изготовлявших вооружение, акцептовались компанией с ограниченной ответственностью «Металлургиише Форшунггезельшафт», которая не располагала никакими капиталами, была, по сути, фиктивной организацией. Счета она оплачивала только долгосрочными МЕФО-векселями, но фальшивки принимались к оплате, так как гарантировались государством в лице Рейхсбанка. Система действовала до апреля 1938 г., выдав МЕФО-векселей на 12 млрд. марок. Если бы частные банки, в том числе иностранные, предъявили их к оплате, Рейхсбанк обанкротился бы. Но ведь не предъявили! Никто. Делали вид, будто верят в солидность «ценных бумаг».

Шахт поддерживал закадычные связи с американским послом Доддом, высказывал даже мечты при случае перебраться с США и стать американским банкиром. Заявлял: «Я был бы счастлив часто видеться с президентом Рузвельтом». И Додд Шахта высоко ценил, называл «самым способным финансистом Европы», писал: «В Германии, да пожалуй, и во всей Европе вряд ли найдется такой умный человек, как этот экономический диктатор». Хотя о дальнейших планах нацистов догадаться было не так уж сложно. Когда Германию посетил специальный представитель Рузвельта С. Фуллер, в беседе с Шахтом он закинул вопрос: «Вы не можете продолжать до бесконечности делать оружие, если оно не будет находить применение». Финансист ответил кратко, но определенно: «Совершенно верно».

А 21 декабря 1938 г., уже после Мюнхена и «Хрустальной ночи» Шахт снова встретился с послом Доддом и вы-

сказался еще более определенно: «Если Соединенные Штаты... предоставят Германии свободу рук в Европе, всеобщий мир будет обеспечен». И Додд после этой беседы записал в дневнике: «Большинство высокопоставленных немцев жаждет аннексий мирным путем или же посредством войны, но при условии, что Соединенные Штаты будут стоять в стороне»[139]. Еврейские погромы вовсе не нарушили и взаимоотношений Германии с Англией, Францией, никаких демаршей Лондона и Парижа по данному поводу не последовало. Мало того, 6 декабря 1938 г. Риббентроп и Боннэ подписали францужско-германский пакт о ненападении. Для Советского правительства это стало еще одной иллюстрацией «надежности» и «искренности» западных союзников. Тут уж дело явно пахло сговором иностранных держав. Направленным против СССР.

О том же свидетельствовали и дальнейшие события. Чемберлен и Даладье в Мюнхене пообещали Чехословакии, что урезанное государство будет принято под международную гарантию. Но 15 марта 1939 г. без всякого предупреждения на чешскую территорию вступили германские войска. Страна была оккупирована мгновенно. Чехию немцы объявили «протекторатом Богемии и Моравии», в Словакии образовали марионеточное государство. И никто ни о каких гарантиях не вспомнил! Одновременно нацисты заняли и присоединили к рейху Мемель (Клайпеду), получивший по Версальскому договору статус вольного города. И опять никто не считал нужным заикнуться о каких-то там договорах.

Все это походило на безумный «закат Европы». Лидеры ведущих держав тупо позволяли агрессору захватывать одно государство за другим, грабить их, усиливаться за их счет. А народы западных стран, зараженные пацифизмом, праздновали и ликовали! Радовались, что их политики в последний момент «спасли мир». Спасли мир не вообще, а только для них самих. Кто-то другой попадал под власть чужеземцев, кого-то унижали, арестовывали, казнили, на кого-то другого нацеливались германские войска, зато те, для кого «спасли мир», могли в свое удовольствие спокойно жить, вкусно кушать, пить, совокупляться, ходить в театры, читать газеты,

рассуждать о политике, чувствовать себя безопасно и уютно. И разве есть разница, какой ценой?

А малые государства — Румыния, Венгрия, Болгария, видя, как Англия и Франция предают своих подопечных, начали переориентироваться на Германию. И их народы тоже радовались, что приобрели такую сильную союзницу, которая обеспечит им безопасность. И не только безопасность, но и победы, славу, территориальные приобретения. Как вспоминал венгерский писатель Й. Дарваш, «чуть ли не всех охватила лихорадка расширения границ, у торжествующей страны в хмельном угаре кружились головы — и если бы кто-нибудь осмелился в тот момент испортить праздник, поставив вопрос о том, чем же придется за все это платить, он наверняка был бы смят и растерзан».

В общем, европейцы ликовали в бездумной эйфории, политики играли в свои игры, а закулисные силы — в свои. После захватов и Австрии, и Чехословакии в их столицах сразу же появлялся Ялмар Шахт, накладывая лапу на ценности банков. Однако когда на Нюрнбергском процессе ему пытаются вменить в вину действия в Праге, он искренне удивится: «Простите, пожалуйста, Гитлер же не взял эту страну силой. Союзники просто подарили ему эту страну»[139]. На заседаниях международного трибунала Шахт вообще будет держаться уверенно, напоминая судьям о поведении их собственных держав: «Когда к власти пришел Гитлер, все изменилось. Возьмите всю Австрию, ремилитаризируйте Рейнскую область, возьмите Судеты, возьмите полностью Чехословакию — мы не скажем ни слова... Почему они не оказали Веймарской республике хотя бы одну десятую такой поддержки?»

Тут Шахт, конечно, играл в простачка. Уж кто-кто, а он прекрасно знал, почему западные правительства подыгрывали фюреру. Силы «мировой закулисы» и масонские структуры в этом деле поработали крепко. Среди тех, кто был замешан в мюнхенских махинациях, всплыл и Брюс Локкарт — тот самый, который в 1918 г. через Троцкого проводил политику «закулисы» в России. Теперь же он утешал своего чешского друга масона Масарика — дескать, «Чехословакия сдастся Гитлеру лишь временно, скоро мы ее вернем»[158].

И в обстановке, когда на внешнеполитической арене нацисты захватывали соседние государства, а внутри страны перешли к открытым гонениям на евреев, тузы, принадлежащие к высшим теневым кругам, в общем-то не пострадали. Проследить это нетрудно хотя бы на судьбах клана Варбургов. Впрочем, можно было бы взять и другие кланы, Варбурги отнюдь не были исключением, таких «семеек» в Германии была далеко не одна. Но с этой семьей читатель уже успел «познакомиться», вот и давайте еще раз взглянем на нее.

Уж конечно же, Варбурги, как и прочие крупные банкиры, успели заблаговременно позаботиться о переводе основных капиталов за границу. Долго ли умеючи, если в США родственники, в Голландии, Англии, Швеции, Дании тоже родственники. Да и в Швейцарии закон о тайне вкладов был принят, наверное, не зря. Кстати, ведь и в Швейцарии действовала ветвь Варбургов, двоюродные братья Макса... Да и нацистские власти к подобным деятелям и их родственникам относились с почтением. Каких-то евреев могли убивать в ходе погромов, арестовывать. Но, допустим, президент Всемирной сионистской организации Отто Варбург спокойно жил в Германии и никто его не трогал. Умер от болезни в 1938 г. А лауреат Нобелевской премии ученый Отто Генрих Варбург был «аризирован» и оставался на родине все время гитлеровского правления, возглавлял Берлинский институт биохимии им. кайзера Вильгельма.

Другие все же предпочли уехать. Например, Макс Варбург за «заслуги перед рейхом» также был «аризирован». Но в 1938 г., как утверждают его биографы, «бежал» в США. Хотя зачем ему понадобилось бы «бежать»? Выехал со всеми удобствами к братьям. Он уже был в преклонных летах, от дел отошел и скончался «от естественных причин» в 1946 г. После его отъезда банк «М.М. Warburg» нацисты конфисковали и переименовали в «Brinckmann Wirtz», хотя сомнительно, чтобы они нашли в хранилищах банка сколь-нибудь значительные ценности. Разве что кипы МЕФО-векселей.

А Зигмунд Варбург, который реально заправлял делами в компании престарелого Макса, тоже «бежал». В Англию. И вместе с другим таким же беженцем, Генрихом Грюнфель-

дом, банкиром из Бреслау, они учредили банк «New Treading Company». Да, вот так. Два беженца, еле-еле удрали от гестапо — подразумевается, потеряв все, бросив все пожитки, самим бы спастись. И не где-нибудь, а в таком городе как Лондон, где и без них хватает финансовых воротил, они основывают банкирскую контору. За счет чего, любопытно? Британские банкиры пожалели, сбросились для гонимых по паре-тройке фунтов стерлингов? Или займы одолжили? Но дело в том, что «New Treading Company» очень быстро вышел в число крупнейших банков Сити! Варбург, как водится, стал Уорбергом, Грюнфельд — Гранфилдом, они получили дворянское достоинство, титулы «сэров». Но только в 1946 г., после войны, «New Treading Company» переименуют в «S.G. Warburg & Co». А потом эта компания возьмет под контроль и «родной» гамбургский банк, который получит название «M.M. Warburg Brinckmann Wirtz & Co».

Или взять такую историю. У Макса Варбурга был еще один брат Аби Мориц Варбург. Он являлся не банкиром, а известным ученым, историком и искусствоведом. Правда, можно предполагать, что его интересовали не только эти науки. Интересы Аби оказывались «на грани» и с вещами оккультными. Он, например, был основателем такой отрасли искусствоведения, как иконология. А это не только наука о сюжетах и образах картин, как сообщают нам справочники. Один из видных иконологов, Э. Гомбрих, пояснял, что она позволяет осознать, насколько «искусство в целом, а не только его религиозный спектр, служит цели выражения невидимого мира духовных сущностей». В частности, Аби Варбург занимался влиянием языческой культуры на современную цивилизацию. Издал фундаментальные труды по изучению «праформул языка жестов». Для оккультистов это имеет очень важное значение — ведь это и разработка методов влияния на людей через искусство. Воздействие этого самого «невидимого мира духовных сущностей».

Сам Аби ушел из жизни еще в 1929 г. Но о его наследии родственники позаботились. То есть, «беженцы» позаботились. Возбужденные нацистами обыватели и молодежь могли бесноваться, жечь на кострах книги Маркса или Гейне

Кстати, он тоже был из семьи гамбургских банкиров). Но в это же время из Гамбурга была вывезена огромная библиотека Аби Варбурга — 60 тыс. томов и 20 тыс. фотографий. Без всяких препятствий ее доставили в Лондон, где на ее основе был создан знаменитый Институт Варбурга...

Словом, гонения гонениями, антисемитизм антисемитизмом, а была более весомая причина менять места жительства. Деятели «закулисы» знали, что скоро начнется война. Надежнее было перебраться подальше. И ценности вроде библиотеки эвакуировать. И вообще пришла пора дистанцироваться от Германии. Наверное, не случайно как раз в это время лица в окружении Рузвельта (и одним из первых Джеймс Пол Варбург), начинают выступать за разрыв с Германией, заявляют, что рано или поздно Америке придется воевать с нацистами. И США под предлогом гонений на евреев в 1939 г. отзывают своего посла из Берлина. Хотя отношения с Гитлером отнюдь не прекращаются. Германию посещает официальная правительственная миссия США во главе с Самнером Уоллесом, ведет переговоры. А неофициальные эмиссары, бизнесмены, представители американских фирм никуда от немцев не уезжали. Зато формально Вашингтон «умыл руки», отстранившись от того, что должно произойти.

Ну а Фрида Варбург — дочка Якова Шиффа, и ее сын Пол Феликс Варбург в данный период широко занялись финансированием других операций. По вывозу из Германии, а потом и из оккупированных ею стран еврейских детей и подростков «для абсорбции их ищущим». То есть, для соответствующего их воспитания и заселения Израиля. Да, в основном детей и подростков. Конечно, из принципов гуманизма. Кого же в первую очередь спасать, как не детей? Тем более что престарелые, немощные были для дальнейших геополитических проектов бесполезны. И они исчезнут в гетто, в крематориях концлагерей...

О том, что с Германией лучше своевременно распрощаться, догадывались не только Варбурги. Так, в 1939 г. решил вдруг уехать в США и промышленник вполне «арийского» происхождения, «стальной король» Фриц Тиссен. А в 1942 г. с помощью американского писателя Эмери Ривса он публикует книгу: «Я оплачивал Гитлера»[10]. Так начнет создаваться

«легенда прикрытия» — версия, что нацистов финансировали исключительно германские промышленники и банкиры.

И в том же 1939 г. Ялмар Шахт неожиданно ушел в отставку с поста президента Рейхсбанка. Из-за несогласия с политикой Гитлера? Вот уж нет. Он остался в нацистском правительстве министром без портфеля, одобрял дальнейшие успехи Германии, получал награды от фюрера. Он ушел только от руководства Рейхсбанком. Почему? Да потому что своей финансовой политикой довел страну до грани банкротства! Срок оплаты упоминавшихся векселей МЕФО истекал в 1942 г. Но государство и до этого срока не дотянуло бы. Если в 1932 г. консолидированный государственный долг Германии составлял 12,5 млрд. марок, то к 30 июня 1938 г. он вырос до 35,8 млрд. марок. И в дополнение к этому Шахт в 1938 г. бросил еще 11 млрд. на программу вооружений.

6 апреля 1939 г. советник британского посольства в Берлине Форбс доносил: «Ни в коем случае нельзя исключать того, что Гитлер прибегнет к войне, чтобы положить конец тому несносному положению, в которое он поставил себя своей экономической политикой». А 6 мая посол Великобритании Гендерсон писал лорду Галифаксу: «Сможет ли она (Германия) пережить еще одну зиму без войны? А если нет, то не предпочтет ли Гитлер войну экономической катастрофе?[139]». «Финансовый гений» загнал Германию в тупик! Повторилось то же самое, что Макс Варбург и прочие германские банкиры проделали с правительством кайзера в 1914 г., поставив его на грань дефолта. В 1939 г. грозил разразиться кризис похлеще Великой депрессии. Грозил похоронить все планы нацистов, смести их самих.

А чтобы избежать этого, Гитлеру, как в свое время кайзеру, требовались уже не только территориальные приобретения. Ему требовалась война как таковая. Война, которая перечеркнет традиционные законы финансирования, спишет все долги. Даже «новый Мюнхен» за счет Польши фюрера уже не устраивал. Он обязан был воевать. Причем воевать в тот момент, когда Германия еще не имела общей границы с Советским Союзом. А стало быть, в войну неизбежно втягивались западные державы... Но как раз для этого американская «закулиса» вскармливала нацизм!

В Москве хорошо понимали, что демонстративный антикоммунизм Гитлера может иметь не только принципиальное, но и чисто практическое значение. Что без этого немцам просто не позволят вооружиться, а в какую сторону они повернут оружие, это еще вопрос. Ведь не русские, а французы отобрали у Германии спорные Эльзас и Лотарингию.

То, что события могут пойти вовсе не по однозначному сценарию, и каждая держава преследует собственные выгоды, подтвердили события в Китае. Запад очень любезно позволил японцам «скушать» Маньчжурию, но дальнейшую экспансию они развернули вовсе не на север, а начали в 1937 г. войну за покорение всего Китая. Причем на этом театре Германия и СССР оказались вдруг... союзниками. Ведь нацисты желали вернуть германские владения и сферы влияния в Китае, утраченные после Первой мировой — и прекрасно осознавали, что Япония захваченным делиться не станет. Поэтому поддерживали Чан Кайши. Слали ему военных инструкторов, оружие, технику. Однако и для Советского Союза было выгодно, чтобы японская агрессия увязла в Китае. Москва восстановила прерванные связи с Чан Кайши, добилась, чтобы и китайские коммунисты вступили с ним в «единый антияпонский фронт». И из России к китайцам тоже направлялись вооружение, техника, инструкторы. Словом ситуация получалась даже парадоксальной. Германия и Япония, союзницы по «Антикоминтерновскому пакту» боролись друг против друга, и при этом немцы действовали заодно с СССР.

В марте 1938 г., после захвата Австрии, Англия отвергла советские предложения о созыве международной конференции. Напомню, к этому времени Сталин из тайных показаний Раковского успел узнать и другое — как провоцировали прошлую войну и как втягивали в нее Россию. И он очередной раз попытался улучшить отношения с Германией. С ней были заключены новые торговые соглашения, через полпреда в Берлине Мерекалова передавались предложения о расширении контактов. Гитлер отнесся к этому благожелатель-

но, но дальше словесных реверансов не пошел. В то время ему еще требовалось попустительство Запада, чтобы прибрать к рукам Чехословакию.

И только весной 1939 г. ситуация изменилась. Покончив с чехами, Германия сразу предъявила территориальные претензии к Польше. Тут уж правительства Англии и Франции обеспокоились. Гитлер, которому надавали столько поблажек, явно выходил из-под контроля, а сами они со своей мюнхенской политикой «теряли лицо» перед собственными гражданами. 31 марта Великобритания, а за ней Франция предоставили гарантии военной помощи Польше, Румынии и Греции на случай агрессии. Фюреру давали понять, что больше дармовых кусков он не получит, авансы надо отрабатывать. А раз так, то ему требовалось переходить к другой игре — с русскими. И из предшествующих контактов он уже знал, что игра у него получится. Откуда это видно? Разработка плана «Вайс», нападения на Польшу, завершилась 3 апреля 1939 г. И данный план не предусматривал даже гипотетической возможности, что германские войска в ходе операции столкнутся с Красной армией!

Ну а положение Советского Союза было сложным. Политика Англии и Франции однозначно показывала, что они подталкивают Гитлера к войне на Востоке. А в это же время и японцы, утвердившись в Северном Китае, начали покушаться на нашу и монгольскую территорию. В 1938 г. произошли тяжелые бои на оз. Хасан. Вскоре развернулись и масштабные сражения на р. Халхин-Гол. СССР грозила война на два фронта...

И 17 апреля были предприняты шаги сразу в двух направлениях. В Москве Литвинов вручил британскому послу предложения о создании единого фронта с Англией и Францией. Но чтобы не повторилась та же история, как с Чехословакией, выдвигалось условие — государства, которым угрожает агрессия, должны принять гарантии о военной помощи не только от Запада, но и от СССР, т.е. чтобы русские смогли в случае войны ввести войска на их территорию. Но в этот же день в Берлине советский поверенный в делах Астахов посетил статс-секретаря МИДа Вайцзеккера, сделав заявление о возможности улучшения отношений. Формально «двери» еще

оставались открытыми для обеих сторон. Но реально Западу Сталин уже не верил.

И действительно, судьба двух обращений оказалось различной. Англичане и французы на советские предложения не ответили. А поляки и прибалты заявляли, что никакой помощи Москвы не примут и советские войска на свою территорию ни в какой ситуации не допустят. В Варшаве даже кричали, что для них лучше уж немцы, чем русские. Финляндия с Эстонией предупреждали Лигу Наций, что расценят советские гарантии как акт агрессии. А Гитлер расторг германо-польский пакт о ненападении, морское соглашение с Англией. Нацистская пресса мгновенно сменила тон, прекратив нападки на «большевизм» и обрушившись на «плутодемократию». А в партийных изданиях начали разъяснять, что геополитические установки фюрера иногда понимаются неправильно: мол, «лебенсraum» (жизненное пространство) на Востоке, о котором он говорил, на самом деле заканчивается на советских границах. И причин для конфликта с СССР у Германии совершенно нет.

Что ж, следующим шагом Сталина стала отставка Литвинова. И советские дипломаты в Берлине поясняли, что эта отставка, «вызванная его политикой альянса с Францией и Англией», может привести к «новой ситуации» в отношениях между СССР и Германией. Наркомом иностранных дел был назначен Молотов. Гитлер немедленно отреагировал. СССР получил предложения о выгодных товарных кредитах, а 30 мая послу в Москве была направлена инструкция: «В противоположность ранее намеченной политике мы теперь решили вступить в конкретные переговоры с Советским Союзом».

Падение Литвинова подтолкнуло к действиям и англичан, но вылилось это только в бесплодную говорильню. Британское правительство всего лишь «приветствовало инициативу» создания единого фронта. Вопрос о советских гарантиях странам Восточной Европы тем более обходился молчанием. Сами же эти страны в ответ на предложения нашей военной помощи раздували антисоветскую истерию, а Латвия с Эстонией вместо переговоров с Москвой 31 мая предпочли подписать пакты о ненападении с Германией (вот наивные-то!)

Несмотря на такое отношение, Сталин до поры до времени не прерывал контактов с державами Запада. Это позволяло сохранять свободу выбора, добиться для СССР более выигрышных условий. И англичане вроде бы согласились на переговоры, 12 июня прислали в Москву специального представителя Стрэнга. Но он был второстепенным чиновником, не имел никаких полномочий, норовя лишь «консультироваться». 15 июня советская сторона прервала бесцельное переливание из пустого в порожнее, предложив перевести переговоры на уровень военного командования. И опять Запад тянул резину... Прошел июнь, июль. Нет, это был не Мюнхен, когда к Гитлеру примчался на самолете Чемберлен, и вмиг все решилось. Эффективных военных соглашений с Москвой Лондон и Париж заключать и впрямь не желали, а делегатов слали только для того, чтобы успокоить собственную общественность.

Причем не только Советский Союз действовал «на две стороны». В это же самое время и в Лондоне шли переговоры... с нацистами. И что самое интересное, шли они по инициативе не Германии, а Англии! В Лондон приехал полномочный представитель Геринга тайный советник Вольтат. Официально — для участия в международной конференции по китобойному промыслу. А на самом деле — встречался и общался с Горацио Вильсоном, ближайшим советником и «серым кардиналом» Чемберлена. И Вильсон представил Вольтату план передела мира, согласно коему немцам предлагалась Восточная и Юго-Восточная Европа[10]. Тут уж не Мюнхеном, а «супермюнхеном» дело пахло — берите и владейте. И воюйте с русскими, а мы поможем. Активным сторонником дальнейших уступок Германии и антироссийского альянса с ней выступал и посол США в Лондоне Кеннеди.

1 августа советник германского посольства в Англии Кордт доносил в Берлин: «Великобритания изъявит готовность заключить с Германией соглашение о разграничении сферы интересов...» Сообщал, что англичане обещают свободу рук в Восточной и Юго-Восточной Европе и не исключают отказ от гарантий, предоставленных «некоторым государствам в германской сфере интересов»[203]. То есть, Польше.

Кроме того, Англия обещала нацистам прекратить переговоры с Москвой и надавить на Францию, чтобы та разорвала союз с СССР.

Что касается Гитлера, то для него переговоры в Лондоне были отвлекающим маневром. Он пудрил мозги Западу не только через Вольтата, но и лично, 11 августа встретился с верховным комиссаром Лиги Наций Буркхардтом и «доведительно» поведал ему: «Все, что я предпринимаю, направлено против России. Мне нужна Украина, чтобы нас не могли морить голодом, как в прошлую войну». Но англичане-то не знали, что фюрер их водит за нос, они всерьез планировали сговор с немцами. Так стоит ли удивляться, что инициативы СССР саботировались? А советская агентура в Англии работала хорошо, и Сталин о ведущихся там переговорах знал. Поэтому он, со своей стороны, стремился переиграть англичан в завязавшемся тройственном поединке.

И если германских представителей Запад обхаживал, не скупясь на обещания, то на продолжение диалога с Россией англичане и французы раскачались только 5 августа, направив в нашу страну миссию адмирала Дрэкса и генерала Думенка. Они настолько не торопились, что даже и поехали не на самолете или поезде, а на корабле. Прибыли в Москву 11 августа. И опять же, прибыли «для галочки», абы продемонстрировать готовность договариваться. Дрэкс и Думенк были начальниками невысокого ранга и полномочия имели очень расплывчатые (у Дрэкса вообще не оказалось письменных инструкций). Когда Ворошилов назвал количество дивизий, которые СССР готов выставить в состав союзных вооруженных сил, представители Англии и Франции промямлили неопределенные, чисто символические цифры.

Немцы были намного оперативнее и гораздо более заинтересованы в сотрудничестве. Да еще бы им не быть заинтересованными! Ведь у них сроки операции против Польши подпирали. Подготовка пакта начались 3 августа, когда англо-французская делегация еще не отправилась в путь-дорогу. Секретные переговоры шли одновременно в Москве и Берлине, их вели послы и представители внешнеполитических ведомств обеих стран[13]. Советскую сторону удовле-

творяли далеко не любые условия, она выдвинула ряд требований. 19 августа немцы их приняли, согласившись подписать выгодное для СССР торговое соглашение и поделить «сферы интересов» в Восточной Европе. А 22 августа в Москву прилетел Риббентроп, был подписан пакт о ненападении и секретные приложения к нему, оформившие советские «сферы интересов» в Западной Украине, Западной Белоруссии и Прибалтике.

А Гитлер тогда же, 22 августа 1939 г., провел в Оберзальцберге совещание с командующими видами вооруженных сил. Говорил о том, что наступило время войны с Польшей и с западными державами, что предстоит «сначала выступить против Запада, а потом уже против Востока. Нам нет нужды бояться блокады. Восток будет снабжать нас зерном, скотом, углем...» «С осени 1933 года ... я решил идти вместе со Сталиным... Несчастных червей — Даладые и Чемберлена, я узнал в Мюнхене. Они слишком трусливы, чтобы атаковать нас. Они не смогут осуществить блокаду. Наоборот, у нас есть наша автаркия и русское сырье... В общем, господа, с Россией случится то, что я сделаю с Польшей... Мы разобьем Советскую Россию. Тогда взойдет солнце немецкого мирового господства»[203].

ПОЧЕМУ ВОЙНА БЫЛА «СТРАННОЙ»?

Англия и Франция и впрямь были не против «второго Мюнхена» за счет Польши. Конечно, было бы лучше, если бы Гитлер заключил с поляками союз против СССР. Но если уж не получилось, то почему не пожертвовать младшей союзницей? Это вполне соответствовало как интересам «старой», европейской «закулисы», так и европейского обывателя, зараженного пацифизмом. Пусть война катится подальше, на Восток, не мешая маленьким житейским радостям и удобствам. И когда она уже началась, британский посол в Берлине Гендерсон несколько дней настаивал на очередном предательстве. Засыпал Лондон предложениями, что первым условием для «спасения мира» должно стать «объявление маршалом

Рыдз-Смиглы о его готовности немедленно прибыть в Берлин в качестве военного и полномочного представителя и обсудить все вопросы с фельдмаршалом Герингом». Гендерсон даже еще и жаловался, что «поляки саботируют мирное решение» — это когда их давили германские танки и на их города сыпались германские бомбы! [203]

Правда, откровенно предавать Польшу оказалось все же неудобным. Политика «умиротворения» провалилась настолько позорно, что поднялись скандалы в парламентах, правительства повисли на волоске. И ради поддержания престижа все же пришлосьотреагировать. Впрочем, не слишком уверенно. Начались обычные дебаты в кабинетах министров, между Парижем и Лондоном пошли споры — предъявлять ли ультиматум Германии, какой срок дать на исполнение? В результате Англия и Франция объявили Германии войну лишь 3 сентября, когда вооруженные силы Польши были основательно разгромлены. И тем не менее положение нацистов сразу стало чрезвычайно рискованным.

Их армия была уже сильнее, чем при оккупации Чехословакии, однако еще далека от будущего могущества. Чтобы сокрушить Польшу, Гитлер был вынужден сосредоточить против нее львиную долю войск. На Западе у него осталось всего 23 дивизии — против 110 французских и 5 британских. Как свидетельствовал Кейтель: «При наступлении французы наткнулись бы лишь на слабую завесу, а не на реальную немецкую оборону». Все могло кончиться одним решительным ударом. И Польшу спасли бы, и агрессора уничтожили. Да только удара не последовало. Началась «странная война». Франция даже потребовала, чтобы Англия не бомбила военные и промышленные объекты Германии (чего немцы тоже очень боялись — у них еще не было системы ПВО, не хватало истребителей). Но Англия послушалась, и от воздушных налетов воздержалась. Словом, война началась «ради приличия». А Польшей пожертвовали запросто — тем более, что за ней лежал Советский Союз. Так, может, все-таки сцепятся?

Нет, не сцепились. Это не входило в планы ни Гитлера, ни Сталина. И не входило в планы американской «закулисы». Юрер хорошо понимал, что углубляться в Россию, оставляя

за спиной 115 франко-британских дивизий, слишком опасно. Или ударят, или, по крайней мере, продиктуют свои условия. Поэтому нарушать мир с русскими было рано. А для Москвы альянс открывал возможность вернуть российские территории, утраченные в гражданскую войну. 17 сентября, когда разбитая Польша, по сути, перестала существовать, границу перешли советские дивизии. Западная Украина и Западная Белоруссия воссоединились с СССР.

27 сентября был заключен полномасштабный советско-германский договор о дружбе и границе, закрепивший и уточнивший раздел в Восточной Европе. И отношения между двумя державами установились, казалось бы, великолепные. Ведь и немцы помнили тесные связи с Советским Союзом во времена Веймарской республики, многие из них поворот в политике Гитлера восприняли как возврат к старому альянсу. Чему и фюрер подыгрывал. Он в беседах с приближенными называл свой курс «инсценировкой нового рапальского этапа»[27].

Такая инсценировка была ему необходимой, чтобы перебросить войска на противоположное направление. Уже 25 сентября 1939 г. начальник генштаба Гальдер записал в дневнике о «плане фюрера предпринять наступление на Западе». А 27 сентября, в день подписания договора с СССР, Гитлер поставил перед своими военачальниками задачу «наступить на Западе как можно скорее, поскольку франко-английская армия пока еще не подготовлена». Однако выяснилось, что германская армия еще менее подготовлена для такой масштабной операции. Вроде и война в Польше была скоротечной, но в наличии осталось лишь треть боекомплекта боеприпасов — требовалось заново копить их, копить горючее. Оказалось необходимым ремонтировать танки, машины, участвовавшие в польской кампании, поскольку запасной боевой техники у немцев не было. И запчастей тоже не хватало.

Поэтому состояние «странной войны» вполне устроило нацистов. Оно давало возможность не спеша, без помех изготавляться к сокрушительному удару. Чтобы не нарушить это состояние, фюрер даже запретил своим подводным лодкам топить британские корабли. И продолжал морочить головы

западным правительствам. Передавал предложения о мире через шведского бизнесмена Далеруса, итальянского министра иностранных дел Чиано, в выступлениях перед рейхстагом заявлял: «Если англичане действительно хотят мира, они могут обрести его через две недели, и без каких-либо унижений». Из-за чего ссориться-то? Неужели из-за какой-то «мертворжденной Польши»[203]?

Но Чемберлену и Даладье уже нельзя было клевать на такие дешевые приманки. Отвечали уклончиво — дескать, если Германия хочет мира, нужны «дела, а не только слова». Что ж, для фюрера это стало хорошим поводом обвинить европейские демократии в эскалации войны. Однако многие западные политики и военачальники (во Франции — большинство) были вовсе не против того, чтобы замириться. При условии, если Германия вновь станет «предсказуемой» и обратится против СССР. Об этом вел неофициальные переговоры посол Англии в Ватикане Осборн. Посредником в заключении мира готов был выступить и папа римский Пий XII. В это время нацисты всю репрессировали католическое духовенство в Польше, но понтифика, судя по всему, это не смущало. За примирение на Западе он готов был содействовать «урегулированию восточного вопроса в пользу Германии», то есть предоставлению нацистам свободы рук в Восточной Европе.

Советский Союз в начавшейся войне декларировал нейтралитет. Но Англия и Франция рассматривали Москву фактически в качестве германской союзницы. Составлялись планы бомбардировок бакинских нефтепромыслов и городов Закавказья британской авиацией, диверсий на советских промышленных объектах (Сталин и об этом знал от своей разведки, и подобные сведения, естественно, не способствовали симпатиям к западной коалиции). Лорд Горт и генерал Паунелл всерьез разрабатывали фантастический проект удара по Германии... с востока. Поскольку, мол, укрепления линии Зигфрида слишком сильны, и целесообразнее будет наступать из Ирана через Кавказ, попутно разгромить Советский Союз — и атаковать Германию с того направления, где она защищена слабее.

Но на реальных фронтах «странной войны» творились вещи еще более фантастические. Ряд германских высокопо-

ставленных военных являлись убежденными «западниками», осуждали изменение политики Гитлера, считая единственно верным альянс с Англией и Францией против СССР. А некоторые были не просто «западниками». Как уже отмечалось, адмирал Канарис еще в Первую мировую войну, работая в США, установил связи с британской разведкой. Теперь в абвере возникло гнездо заговорщиков, принявшихся работать на англичан. Им передавались все планы операций, замыслы германского командования. Сроки наступления фюрер переносил трижды, с ноября на январь, потом на март, потом на май. Времени для подготовки к отпору у союзников было более чем достаточно. Но ничего сделано не было.

В январе 1940 г., потеряв ориентацию, в Бельгии приземлился самолет с немецкими офицерами, везшими карты и планы. По ним однозначно было видно, что Германия готовит вторжение в нейтральные Бельгию и Голландию. Однако правительства обоих государств решили «не поддаваться на провокации», не стали заключать союз с Англией и Францией и приглашать их войска — вместо этого предпочли обратиться к Гитлеру с очередными мирными инициативами.

В апреле немцы предприняли частную операцию по захвату Дании и Норвегии. Об этом заговорщики из абвера также предупредили и союзников, и правительства стран, намеренных для агрессии. Но им «не поверили». Хотя о том же свидетельствовало много конкретных фактов. Караваны германских транспортов с десантами шли мимо датских и норвежских военных флотов, береговых батарей. Один из транспортов потопила британская подводная лодка, спасенные немцы подтвердили — следовали в Норвегию. Но все это было оставлено без внимания! Дания и Норвегия не объявили мобилизацию, не привели в готовность войска.

Генерал Химмер, командующий вторжением в Данию, и командир десантного батальона приехали в Копенгаген... поездом. Осмотревшись, встретили в порту судно «Ганзештадт Данциг», причалившее совершенно беспрепятственно, и единственный батальон захватил датскую столицу. Правительство отклонило предложение датского главнокомандующего генерала Приора о сопротивлении и капитулировало вообще без

боя. Словом, здесь пацифизм сказался в полной мере: избежать войны любой ценой — любой в самом прямом смысле слова. Гитлер, кстати, такое послушание оценил: в других странах за нарушения оккупационного режима расстреливали по 50—100 заложников, а в Дании — по 5[50].

Для захвата Норвегии предназначалось всего 5 дивизий. Вдесятеро меньше, чем было в норвежской армии. Но немцы нахрапом заняли 5 главных портов, в государстве пошла неразбериха. На помощь подоспели англичане и имели возможность не только выручить норвежцев, а даже и завершить войну. Разбили немецкие части в Нарвике, прогнали в горы — а через Нарвик шли поставки в Германию шведской руды, без которой встала бы военная промышленность. Однако в этот момент началось сражение во Франции. Англичане запаниковали и предали очередного союзника. Спешно эвакуировали свои контингенты на главный фронт. А норвежские войска, деморализованные бегством англичан, пали духом и сдались.

На французском фронте численного преимущества у немцев не было: каждая сторона сосредоточила здесь по 135—136 дивизий. А превосходство в технике было у англичан и французов: 3163 танка против 2445 германских, самолетов в 1,5 раза больше. Но наступление, несмотря на все предупреждения, стало для союзников неожиданным. Информацию от заговорщиков из абвера, что через Бельгию и Голландию будет нанесен отвлекающий удар, а основной — в Арденнах, англо-французское командование также почему-то не учло. Двинуло свои главные силы в Бельгию. То есть, в ловушку. 14 марта фронт был прорван, и 40 дивизий оказались прижаты к морю.

Это вовсе не означало непременно катастрофу. Окруженные обладали двойным превосходством над окружающими! Можно было контратаковать и отрезать прорвавшиеся германские соединения. Но никто и не подумал о такой возможности. Англичане и французы покатались к портам, позволяя безответно громить себя. От полного уничтожения их спасло лишь «чудо». 24 мая Гитлер вдруг остановил свои танки на подступах к Дюнкерку, что позволило погрузить часть

войск на корабли. Англичане сумели эвакуировать 340 тыс. своих и французских солдат, бросив на произвол судьбы еще 40 тыс. французов и всю технику. Разгром дополнился политическими кризисами. В Британии на посту премьера Чемберлена сменил Черчилль. 14 мая капитулировала Голландия, 27 мая — Бельгия.

А немцы, покончив с Дюнкерком, повернули на юг и 14 июня вступили в Париж. Оккупирован был только север страны, десятая часть ее территории. У французов еще оставались боеспособные армии, мощный флот. Были и африканские, азиатские, американские колонии. Но о дальнейшем сопротивлении никто уже не помышлял. Дух пацифизма сделал свое дело. Солдаты толпами бежали подальше от фронта. На юг катились и массы беженцев, среди которых тоже хватало мужчин призывного возраста.

А правительство Рейно, удрав из столицы, тут же ушло в отставку. И глава нового кабинета маршал Петэн поспешил капитулировать. Всю Францию немцам даже и оккупировать было трудновато. Но они разделили страну на две зоны. В северной установили свою администрацию, а южную, «свободную», оставили под управлением правительства Петэна-Лавалля. И ничего, оно вело себя вполне послушно. Само, руками своих полицейских и спецслужб, начало вылавливать и казнить патриотов, помогать немцам грабить Францию, отправлять своих граждан на работы в Германию, высылать в лагеря евреев.

Что ж, если исследовать «странности» этой войны, то каждая из них сама по себе имеет логические объяснения — не буду их повторять, они широко известны из исторической литературы[203]. Но если брать все «странности» вместе, то объяснить их, пожалуй, сложно. Не слишком ли много случайностей, ошибок, накладок? Причем получалось, что все они как-то слишком уж четко согласуются между собой и ведут к одному конечному результату?.. Такая картина невольно наводит на размышления — не без влияния ли «сил неведомых» в правительствах и военных кругах Западная Европа была так быстро и эффектно раздавлена? А «чудо» с остановкой немцев у Дюнкерка оказалось очень уж нужным, чтобы

Англия все же уцелела. Чтобы стала плацдармом, через который Америка сможет потом вмешаться в войну...

Кстати, после катастрофы у Дюнкерка США провернули неплохой «гешефт». Англичане там бросили все свое тяжелое вооружение, и начальник штаба американской армии Дж. Маршалл — даром что генерал, но ведь родственник бизнесменов и политиков Маршаллов — тут же сбавил Британии по очень хорошей цене все «излишки» оружия и техники со складов вооруженных сил США (можно предположить, что их к началу войны позаботились подкопить).

Успеху операций Гитлера на Западе немало способствовал и его альянс с Москвой. Благодаря этому альянсу Германия получала в огромных количествах столь необходимое ей продовольствие, горючее, стратегической сырье. Хотя обвинять в военных поставках только Россию было бы, мягко говоря, некорректно. Они широким потоком шли и из США. При этом американцы вежливо разводили руками перед «дружественной» Англией — объясняли, что при господстве британцев на морях немцы все равно не смогут получать заметное количество заокеанских грузов. А эти грузы завозились в нейтральный Владивосток и следовали в Германию по советским железным дорогам.

Благодаря нейтралитету Москвы Гитлер получил возможность сосредоточить для наступления на Францию все силы — в Польше осталось всего 5 дивизий. Однако советский нейтралитет и поставки были вовсе не бескорыстными. Германия поставляла взамен новейшие образцы самолетов, станки, морские орудия и другую технику. Оказывала заметную поддержку на внешнеполитической арене. И советское правительство добились в этот период ряда важных успехов.

В 1939 г. была наголову разгромлена японская армейская группировка на Халхин-Голе. Сокрушительное поражение, а вдобавок еще и альянс СССР с Германией, заставили Токио призадуматься. Больше попыток лезть на север японцы не повторяли, и в апреле 1941 г. заключили с Советским Союзом пакт о нейтралитете.

Кроме того, Россия потребовала у Финляндии уступить ряд районов, чтобы отодвинуть границу от Ленинграда. Вза-

мен предлагались вдвое большие территории в Карелии. Но финны ответили отказом, развернули бурную антисоветскую кампанию, и после ряда пограничных инцидентов началась война. Она была тяжелой, за 3 месяца Красная армия потеряла 50 тыс. убитых и 150 тыс. раненых — у финнов погибло 23 тыс. Правда, это соответствует обычному соотношению потерь наступательного боя (и неизвестно, как выглядела бы немецкая армия, если бы ей, еще не обстрелянной, пришлось штурмовать Судеты). Но мировая пресса подняла шум о полной «бездарности» советских военачальников и слабости вооруженных сил.

В это время на Западе шла «странный война» — но правительства и «общественность» Англии и Франции как будто вообще забыли о ней! Собственные боевые действия и угроза со стороны немцев отошли на второй план, а вместо этого Лондон и Париж с гневом обрушились на русских! СССР за «агрессию» исключили из Лиги Наций. В Шотландии был сформирован экспедиционный корпус в 57 тыс. человек для отправки к финнам. Западные державы подталкивали Хельсинки официально запросить у них помощь. Однако Маннергейм оказался умнее. Он на примере Чехословакии и Польши видел, как англичане и французы «помогают» союзникам, и усомнился, чтобы они очень уж рьяно заступились за Финляндию. И 8 марта, как только русские прорвали укрепления на Карельском перешейке, запросил о мире.

Кстати, в литературе распространены утверждения об агрессивности Сталина, о его планах мировой экспансии. Факты позволяют в этом усомниться. Как уже отмечалось, в 1929 г., после победы на КВЖД, он не воспользовался возможностью вторжения в Китай, удовлетворился восстановлением прежнего положения. В 1939 г. после победы на Халхин-Голе пути в глубь Китая снова оказались открытыми. Но Сталин отдал приказ границу Монголии не переходить. А после прорыва линии Маннергейма Финляндия осталась такой же беззащитной, как Чехословакия, потерявшая судетские укрепления, советские войска легко могли оккупировать ее. Нет, Сталин согласился на мир на очень мягких условиях. Финляндия лишь уступила Советскому Союзу полуострова Ры-

бачий и Средний на севере, часть Карельского перешейка и отдавала в аренду базу Ханко.

Одновременно реализовывались и советско-германские соглашения о разделе сфер влияния. Москва потребовала от Эстонии, Латвии и Литвы заключения договоров о взаимопомощи, размещения военных баз на их территориях. Прибалтам пришлось это выполнить — но, конечно, без всякого энтузиазма. Возникали претензии, которые советская сторона до поры до времени копила. А в июне, в разгар немецкого наступления во Франции, Москва обвинила балтийские республики в нарушении договоров. Настояла на создании в них коалиционных правительств с участием коммунистов. Эти правительства провели пере выборы парламентов — которые проголосовали за вступление в СССР.

Для Германии судьба трех республик с самого начала не была секретом, еще в сентябре 1939 г. об этом докладывали Шуленбург и Риббентроп[203]. Но немцы свои обязательства выполнили четко. Когда послы Эстонии, Латвии и Литвы в Берлине попытались жаловаться на русских германскому правительству, Риббентроп отказался их принять. В это же время Советский Союз направил ультиматум Румынии — вернуть отнятую во время гражданской войны Бессарабию и отдать Северную Буковину, где значительную часть населения составляли украинцы. Румыны тоже пытались обратиться за защитой к немцам, но в Берлине их не поддержали. Бухаресту осталось только уступить.

В целом можно отметить, что Сталин, пользуясь ситуацией, хотел восстановить прежние границы Российской империи. Причем не полностью. Он счел нецелесообразным принять восточные области Польши — хотя такой вариант немцами предлагался. Не позарился и на Финляндию. Пришел к выводу, что польский и финский национализм и его связи с западными державами доставят СССР больше проблем, чем выгод. И в случившемся международном раскладе Сталин имел все основания полагать, что он сделал правильный выбор. Наша страна без серьезных усилий и потерь (за исключением финской войны) присоединила обширные западные и юго-западные территории, ее население за год увеличилось на

23 млн. человек[27]. Германия, в отличие от Англии и Франции, относилась к Советскому Союзу как к равному партнеру. А крушение западной коалиции выводило Россию в число ведущих мировых держав — впервые с 1917 г.

НЕВОЗВРАЩЕНЦЫ И ТРОЦКИСТЫ

Во второй половине 1930-х спектр группировок зарубежной «антисоветчины» дополнился еще одной категорией — невозвращенцы. Переметнувшиеся к иностранцам представители торговых, дипломатических миссий, разведчики — Бажанов, Беседовский, Бармин, Раскольников, Кривицкий (Гинзбург), Рейсс (Порецкий), Орлов (Фельбинг), Крюков-Ангарский, Гельфанд и др. Одни объявляли, что разуверились в коммунизме, другие спасались от репрессий. Бежали и просто проворовавшиеся. Или такие, кто во время заграникомандировок соблазнился западным «изобилием», «свободами».

К идейным контрреволюционерам они никак не относились. Многие из них в свое время активно поучаствовали в «красном терроре» и прочих репрессивных кампаниях, другие были замешаны во внешнеторговых махинациях. В отличие от «старых» эмигрантов, они никакими высокими принципами не задавались, никакими моральными устоями не обладали. И становились обычными предателями. Так, Агабеков заложил всю советскую разведывательную сеть в Иране и на Ближнем Востоке. Кривицкий выдал англичанам более ста агентов в Европе и Америке. Многих сдал Орлов, засветил готовившуюся операцию по ликвидации Троцкого. Видимо, немало интересного поведал иностранцам и сын Парвуса, дипломат Гельфанд, удравший в США. Бажанов во время финской войны пытался помогать Маннергейму, агитировал русских пленных воевать против «коммунизма» на стороне Финляндии[7].

И характерно, что именно эта категория «антисоветчиков» оказалась востребованной западными разведками и правительствами. Их опекали, обеспечивали защиту, предостав-

ляли хорошо оплачиваемые должности «консультантов» по русским делам. Такие кадры оказывались для Запада более полезными и перспективными, чем белогвардейцы с их идеалами возрождения России. Но и советские спецслужбы, конечно же, не случайно выслеживали и уничтожали невозвращенцев особенно настойчиво. Для этого организовывали сложные операции, привлекали агентуру из русских эмигрантов. И отправлялись один за другим в мир иной те же Агабеков, Кривицкий, Рейсс...

Однако еще более важной целью оставался Троцкий. Он был опаснее многознающих изменников. В Советском Союзе большинство «оборотней» было уничтожено. Но Сталин хорошо знал, как легко революционные «авторитеты» могут возвращаться из эмиграции — в такие моменты, когда России приходится особенно тяжело.

В Норвегии, как и во Франции, Лев Давидович задержался ненадолго. Правительство этой страны разрешило ему въезд при условии не заниматься политической деятельностью. Хотя, конечно, лукавило. Кто же не знал, что Троцкий ею заниматься все равно будет? И чем же еще мог заниматься Троцкий? Негласно подразумевалось, что он будет проворачивать свои дела втихую, не привлекая внимания и не мешая норвежцам выгодно торговать с СССР. Зачем портить отношения? Но он не выдержал правил игры, начал «разоблачительные» публикации о сталинских репрессиях.

Мину под Троцкого помогла подвести его давняя соратница (и, вероятно, одна из любовниц) Александра Коллонтай. Когда-то она тоже занимала важное место среди эмиссаров «закулисы», состояла в сети Парвуса, вместе с Ганецким и Радеком обеспечивала каналы финансирования большевиков через Швецию и Норвегию. Но она еще в 1920-х сумела переметнуться на сторону Сталина и доказать лояльность тем же способом, который применяла и раньше — предательством. Раньше предавала мужа, Плеханова, Маслова, предала родину, сотрудничая с немцами. Теперь опять предала своих бывших товарищей, отдав Сталину документы из своих архивов, которые можно было использовать против оппозиции. Не исключено, что сообщила и другие важные сведения.

Поэтому чистки обошли ее стороной. Она была оставлена на дипломатической работе в странах Скандинавии, где ее старые связи можно было использовать с пользой для Советского Союза (и где «первая в мире женщина-посол» имела возможность, невзирая на возраст, удовлетворять свои страсти нимфоманки). После выходов Троцкого, взявшегося доказывать фальсификации московских процессов — на которых и сам он был заочно приговорен к смерти, Советское правительство, естественно, стало выражать неудовольствие приютившему его государству. И связи Коллонтай пригодились. Правительство Норвегии немедленно объявило о высылке Льва Давидовича.

Но получилось, что ему и ехать-то уже некуда! Хотел попасть в США — ему отказали (несмотря на то, что он с 1917 г. являлся американским гражданином). И другие государства его принимать не желали. Почему? Да потому что он для своих теневых покровителей стал уже ненужным. Уничтожение троцкистов в СССР обесценило его как потенциальный противовес Сталину. А создать сильную организацию за рубежом Лев Давидович так и не сумел. После испанской авантюры, в которую троцкисты вовлекли массу энтузиастов из разных стран, завершившейся полным поражением, престиж IV Интернационала упал. Его организации стали распадаться. Кое-как поддерживал их вовсе не Троцкий, заиклившийся на литературном творчестве. Этим занимались его помощники. И когда главный из них, Лев Седов, умер в парижской клинике при операции аппендицита, это стало для троцкистов очень серьезным ударом. Заменить сына отец оказался не в состоянии.

В конце концов, Троцкого согласилась принять только Мексика. В 1917 г. он с триумфом прибыл из-за океана, теперь поехал через Атлантику в обратную сторону. Поехал уже не в каюте первого класса, даже не на пассажирском лайнере, а вообще на танкере. Приютил его один из почитателей, знаменитый и весьма состоятельный художник Диего Ривера. А Троцкий «отблагодарил» гостеприимного хозяина тем, что наставил ему рога, отбил у него любимую женщину, Фриду Кало. Заодно «отблагодарил» таким способом и свою суп-

ругу, которая всюду сопровождала его в изгнании. Впрочем, и Фрида Кало была дамочкой еще той. К Ривере она больше не вернулась — титул «любовницы Троцкого» она стала использовать в качестве своего главного «капитала», принесшего ей популярность и открывшего дорогу к новым связям, новым авантюрам.

А Лев Давидович приобрел у Риверы виллу в пригороде Мехико, Койокане, превратив ее в подобие крепости. И на самом деле, ему приходилось опасаться не только Сталина. Потому что для своих теневых хозяев он был полностью отрабатанной фигурой. Учредительный съезд IV Интернационала прошел в Париже без Троцкого. Так зачем он был нужен вообще? Идейным знаменем мог быть и «мученик». Так даже «красивее» получалось. А живой Троцкий оказывался не только лишним, но опасным. Как уже отмечалось, его сторонники установили связи с абвером. А Лев Давидович знал слишком много о тайной стороне прошлой войны. Американским и британским тузам вовсе не улыбалось, чтобы его информация стала достоянием германской разведки.

Однако сами они не стали возиться, устраняя Троцкого. Они просто подставили его. Ему заказывались материалы определенного сорта, и его публикации против Сталина становились все более грязными, все более вызывающими. И носили все более персональный характер. Несомненно, подобные публикации Сталина злили, подталкивали к ответным шагам. А кроме того, в США в это время вышла книга дневников полковника Хауса, где весьма прозрачно раскрывалось — на кого работал Троцкий, какие задания он выполнял во время гражданской войны[6]. В 1939 г. книгу переиздали в СССР. А в 1939 г. такая книга могла выйти в нашей стране только с ведома (и по указанию) одного-единственного человека. Сталина. Следовательно, с дневниками Хауса он ознакомился. Троцкого «засветили» — а засвеченный агент, как известно, долго не живет.

Операция по ликвидации Льва Давидовича проводилась по прямому указанию генерального секретаря. В НКВД ее курировали сам Берия и его заместитель генерал Судоп-

латов. А непосредственное руководство осуществлял советский разведчик Эйтингон. И представляется любопытным «совпадение» — в марте 1940 г. Гарвардский университет купил у Троцкого оставшуюся часть его архивов, около 20 тыс. единиц хранения. Купил очень вовремя, чтоб документы не попали в нежелательные руки. Всего через два месяца после этой сделки группа боевиков художника-коммуниста Сикейроса совершила нападение на виллу Троцкого. Состояла она из горняков, рабочих, участников войны в Испании. Переодевшись полицейскими, они ворвались на виллу, изрешетили из автоматов стены и двери комнаты, где находился Троцкий. Но в операциях подобного рода боевики были неопытными и поспешили скрыться. А Лев Давидович и его жена, залегшие на полу, остались живы.

Тогда Эйтингон ввел в действие запасной вариант. В окружение Троцкого под видом богатого канадца Фрэнка Джексона уже был внедрен агент НКВД Рамон Меркадер. И 20 августа, якобы принеся Троцкому свою статью, он нанес удар по голове спрятанным под плащом ледорубом. На следующий день Лев Давидович скончался. Меркадера схватила охрана, он очутился в мексиканской тюрьме. Его содержали в отвратительных условиях, дважды в день избивали. Но он упорно, день за днем и год за годом называл себя Джексоном. Утверждал, что убил Троцкого из-за любви к его секретарше Сильвии и из-за того, что троцкисты пускали на личные нужды деньги, которые «Джексон» жертвовал их партии. Лишь в 1946 г. от испанского перебежчика мексиканским властям станет известно подлинное имя Меркадера, с ним начнут обращаться лучше. Но в тюрьме он проведет 20 лет. В 1960 г. он приедет в СССР, получит звание Героя Советского Союза и в 1978 г. будет похоронен на Кунцевском кладбище под именем Рамона Ивановича Лопеса.

А Троцкий почему-то мечтал, чтобы его похоронили в США, написал об этом в своем завещании. Но Америка, которую он так ценил, для которой сделал так много, обеспечив крушение ее конкурентки-России, отказалась принять даже его прах. И Троцкого в итоге закопали, как собаку, во дворе собственного дома...

Историки до сих пор ломают головы над странным поведением Сталина накануне войны. Почему он не внял предупреждениям западных держав? Почему до последнего держался за альянс с немцами, приказывал «не поддаваться на провокации»? Всплыла и «сенсационная» версия, будто Сталин сам готовил нападение на Германию, и Гитлер лишь упредил его.

Впрочем, немцы эксплуатировали версию «превентивного удара» много раз — и в Первой мировой, и при нападении на Польшу, и при нападении на СССР. И на Нюрнбергском процессе адвокаты нацистских преступников пытались строить защиту на том, что вторжение в Россию было «превентивным». Но доказательства, опровергавшие эту версию, были настолько очевидными и убедительными (интересующиеся сами могут ознакомиться с материалами процесса[139]), что даже в период холодной войны антисоветская пропаганда домыслы о «превентивном ударе» не использовала.

И лишь значительно позже, когда сменилось поколение, когда то, что раньше было очевидным, стало забываться, данная версия реанимировалась в бестселлерах Владимира Резуна. Бывшего разведчика КГБ, который в Швейцарии перебежал к американцам, сообщил им много «интересного», провалив ряд операций, а потом вдруг занялся исторической литературой, взяв псевдоним «В. Суворов». Этот автор доказывает, что Сталин готовил наступление, но держал это в чрезвычайном секрете, о котором знали лишь Жуков и Тимошенко. Тайна раскрылась бы только по окончании сосредоточения войск, когда они получили бы приказ атаковать, и Гитлер опередил русских всего на 1—2 недели[напр. 176].

Я здесь не буду повторять весьма основательных опровержений Д. Волкогонова, С. Семанова и других историков[34, 161]. Хочу лишь отметить — случается так, что авторы ошибаются, а бывает, когда они лгут сознательно. Надеюсь, читателю понятна разница. От ошибок не застрахован никто. И если бы автором версии был обычный некомпетентный журналист,

я согласился бы, что он ошибся. Журналисту позволительно не знать, что для наступления недостаточно приказать «Вперед!». Что операции такого масштаба должна предшествовать подготовка в течение нескольких месяцев, причем на разных уровнях, от генштаба до штабов армий, корпусов, дивизий. Иначе масса войск по команде «Вперед» превратится в неуправляемую толпу, которая не будет знать, что ей делать, и закупорит дороги многокилометровыми «пробками». Но человек с высшим военным образованием, да еще и профессиональный разведчик, не знать таких «мелочей» не мог. Следовательно, Резун-«Суворов» вводит читателя в заблуждение преднамеренно. А отсюда естественным выглядит и вывод о возможности доверять такому автору — «единожды солгав...» Впрочем, и вообще вопрос о возможности доверять предателю, которого за его книги проклял собственный отец, остается открытым.

Как уже отмечалось, Сталин отнюдь не был безрассудным авантюристом. И в войне с Польшей в 1920 г., и в конфликтах на КВЖД, Халхин-Голе, с финнами он предпочитал замирился на весьма умеренных условиях. Если же он хотел «ударить в спину» Германии, то самым удобным моментом для этого был май-июнь 1940 г. Предпринимая наступление на Запад, немцы оставили на Востоке, как уже говорилось, всего 5 дивизий! То есть, за свой тыл они были спокойны. Совершенно спокойны! Но уже 31 июля 1940 г., сразу после капитуляции французов, Гитлер поставил генштабу задачу по разработке нападения на СССР с целью «уничтожения жизненной силы России». В тексте директивы нет ни малейшего указания на «превентивный удар». Срок операции определялся — весна 1941 г. Согласитесь, упреждать «вторжение русских» почти за год выглядит нелепо.

Нет, просто продолжалась реализация все того же подвоя «плана Шлиффена» с двумя последовательными ударами. Франция была сокрушена — и наступила очередь России. 9 августа 1940 г. начальник оперативного управления ОКВ Варлимонт выпустил первую директиву по подготовке удара против СССР под кодовым названием «Строительство на Востоке». 14 августа Геринг проинструктировал заведующего экономическим отделом ОКВ Томаса, что поставки

в Россию должны рассматриваться только до весны следующего года. 26 августа начались переброски на Восток дивизий из Франции. Не только в Польшу, но и в Румынию, Финляндию, с которыми немцы договорились об этом.

Правда, оставалась еще Англия. И Гитлер начал разрабатывать против нее операцию «Зеелеве». Сокрушить ее в данный момент было более чем реально. Англия имела сильный флот, но при господстве германской авиации его вполне можно было нейтрализовать. А защищать огромную линию побережья оказалось бы просто некому. Деморализованные безоружные толпы солдат, эвакуированные из Дюнкерка были ни на что не годными. На континенте англичане бросили все свои танки, полевую и тяжелую артиллерию. Однако Гитлер убедился, что проводить десантную операцию слишком трудно и рискованно, а после победы над русскими Англия все равно никуда не денется. Убедился? Или... убедили?

Аргументы против высадки в Британии поставляли фюреру начальник абвера Канарис, прозападное крыло генералитета, дипломатов — и оккультисты-геополитики, собравшиеся под крылом Гесса и Бормана. А одновременно тот же Канарис поставлял Гитлеру разведданные о Советском Союзе, где оборонный потенциал нашей страны значительно снижался! Вдвое или втрое уменьшались цифры пропускной способности железных дорог, выпуска военной продукции, мобилизационные ресурсы[201]. К каким выводам подталкивало подобное искажение, понять нетрудно.

И историки уже подметили одну особенность: план «Зеелеве» разрабатывался, обсуждался, назначались сроки, однако делалось это как будто «понарошку», не всерьез[203]. Заранее зная, что операция осуществляться не будет. Тем более, что убедить Гитлера отказаться от нее было нетрудно. Он считал англосаксов германской, родственной нацией, помнил, как Британия покровительствовала нацистам. И войну с ней объяснял трагической ошибкой, в которой виноваты «плутократы». Фюрер полагал, что достаточно вразумил англичан и несколько раз предлагал мир на вроде бы выгодных условиях: им оставляют всю колониальную империю, господство на морях — если они признают господство немцев на континенте.

Но в Лондоне понимали, что при таком раскладе, понастроив подводные лодки и базы на побережье, Германия сможет со временем задуть Британию блокадой. И мирные инициативы фюрера Черчилль отвергал. Правда, и в Англии далеко не все были с ним согласны. Имелось сильное «античерчиллевское» крыло политиков, которое предпочло бы замирился с немцами. Пусть себе спокойно воюют с русскими, а дальше видно будет. Нацисты старались наладить закулисные связи с этим крылом, одной из таких попыток стал перелет Гесса перед нападением на СССР — перед перелетом были установлены контакты с высокопоставленными британскими деятелями, предполагались переговоры[10].

27 сентября 1940 г. между Германией, Японией и Италией был подписан «тройственный пакт», предусматривающий создание «нового порядка» в Европе и Азии. В литературе уделяется большое внимание переговорам с Советским Союзом о его возможности присоединиться к разделу мира. По данному вопросу велась переписка, 12 ноября состоялся визит Молотова в Берлин. Но в этих переговорах каждая из сторон проводила собственную линию. Япония после Халхин-Гола весьма уважительно относилась к мощи Красной армии. Считала, что для освоения «британского наследства» советские силы пришлось бы очень кстати — а заодно хотела обезопасить свои тылы для экспансии на юг. Поэтому в Токио предлагали привлечь Россию к союзу, выделив ей сферу интересов, которая не помешает планам немцев и японцев — отдать Индию. Германия видела в этом возможность убрать подальше, в Азию, советские армии и столкнуть их с англичанами. А Сталин и Молотов осторожничали. Требовали для начала вывести германские войска из Финляндии и Румынии, сферу влияния сдвигали не на Индию, а к Персидскому заливу, как в свое время действовала царская Россия. Закидывали удочки насчет советских интересов в Болгарии, военной базы на Босфоре.

На самом же деле предложения Москвы Гитлера вообще не интересовали. И переговоры играли ту же роль, как летом 1939 г. интриги Вольтата в Лондоне. Роль отвлекающего маневра. 12 ноября, в день приезда Молотова в Берлин, фюрер издал

секретную директиву, которой предписывалось продолжать подготовку операции против СССР независимо от результатов переговоров[203]. В ноябре генерал фон Паулюс завершил разработку плана вторжения в Россию, Геринг утвердил план развертывания ВВС для предстоящей войны. А фюрер 18 декабря 1940 г. подписал директиву № 21, план «Отто», позже переименованную в план «Барбаросса». 22 марта 1941 г. последовало секретное распоряжение Гитлера приостановить выполнение советских заказов на заводах Германии.

Так почему же Сталин на все это не реагировал? О предстоящем нападении шли донесения советской разведки — от Зорге, Ольги Чеховой, группы Шульце-Бойзена и др. Шли предупреждения от иностранных дипломатов, от Черчилля, Рузвельта, специально для этого в Москву приезжала делегация Стаффорда Криппса. Информации о подготовке германского вторжения было сколько угодно, слухи об этом носились по Европе и Америке, публиковались в прессе. Но все подобные предупреждения отвергались. Войска в боеготовность не приводились. Когда Германия прекратила поставки, советская сторона верила отговоркам о причинах задержек, и ответные грузы направляла немцам вплоть до 22 июня...

Разгадка состоит как раз в том, что Сталин к этому времени узнал правду о механизмах и силах, развязавших Первую мировую войну, втянувших в нее Россию. Поэтому его действия в 1939—1941 гг. были отнюдь не «непонятными» и бессистемными. Наоборот, в них прослеживается четкая закономерность. Чтобы избежать повторения прошлых бедствий, он во всем поступал противоположно Николаю II! Например, царь строго и честно держался союза с Францией и Англией — которые обманывали, подставляли Россию и в итоге привели ее к катастрофе. Сталин западных союзников, проявивших себя еще более ненадежными, чем в 1914 г., отверг, переориентировался на Германию.

В Первой мировой к столкновению привело соперничество на Балканах, а началась война, когда Николай II вступил за дружественную Сербию. В конце 1940 г. немцы и итальянцы двинули свои войска на Балканы, разместились в Болгарии, Албании, вторглись в Грецию. Несмотря на то, что

Советский Союз тоже имел интересы на Балканах, Сталин с этим смирился. 5 апреля 1941 г. СССР заключил с Югославией договор о дружбе и ненападении. Но всего через несколько дней Гитлер напал на эту страну. И Сталин безоговорочно уступил ее.

Имел ли он основания верить предупреждениям Англии, которая с 1933 г. подталкивала Гитлера к войне против русских? И Америки, чьи фирмы помогали вооружать нацистов? Все эти предупреждения Сталин воспринимал как попытки столкнуть немцев с СССР. Но они и были такими попытками! Разве начало войны между Россией и Германией не соответствовало британским интересам? А советская разведка сообщала и о продолжающихся закулисных контактах англичан с нацистами, даже и о том, что перелет Гесса был попыткой тайных переговоров[10].

Это лишний раз убеждало Иосифа Виссарионовича в правоте собственных выводов и неискренности западных держав. А раз так, то напрашивалось решение «от противного» — всеми силами избегать конфликта. Да и прочую массу сообщений и слухов — как раз из-за их слишком уж массового количества — Сталин считал плодом широкой кампании дезинформации, развернутой англичанами. О немаловажной подробности свидетельствует дипломат В. Бережков. Весной 1941 г., в преддверии войны, нацисты начали нагнетать атмосферу сообщениями о «советских военных приготовлениях». Но сперва подобные сообщения появлялись *в американских газетах*, а уж потом их перепечатывали немцы — со ссылкой на американцев[13].

Сталин хорошо знал и о том, что в германском руководстве существует сильное прозападное крыло, с самого начала стоявшее за союз с Англией и Францией против СССР. И имел все основания предполагать, что подобные деятели обрабатывают Гитлера — так же, как в свое время обрабатывали кайзера масонские эмиссары в его окружении. Поэтому Иосиф Виссарионович силился переиграть западные державы и германских «западников» в этой борьбе. И если не избежать войны, то хотя бы отсрочить ее. Отсрочить до 1942 г. — к данному времени предполагалось завершить перевооружение армии новой техникой, обучить 800 тыс. толь-

ко что призванных резервистов, коих пока можно было считать солдатами лишь условно.

С апреля 1941 г. советская дипломатия стала прорабатывать вопрос о личной встрече Сталина и Гитлера. Очевидно генеральный секретарь считал, что это позволит снять накопившиеся проблемы, развеять заблуждения и недоразумения. 7 мая 1941 г. он произвел перестановки в государственном руководстве — стал одновременно председателем Совнаркома. Многие политики расценили это как демонстрацию неизменности советского курса. Ведь при отставке другого главы кабинета могли сместиться и политические ориентиры, теперь же линия правительства и линия Сталина отождествлялись.

Николай II, стараясь предотвратить войну демонстрацией силы, объявил мобилизацию. Но как раз мобилизация стала для Германии поводом открыть боевые действия. Сталин и в этом отношении действовал противоположно. В мае Жуков выдвинул ту самую идею «превентивного удара», но генеральный секретарь ее не стал даже рассматривать. И не решил разработку плана наступательной операции — потому что такая разработка неизбежно затронула бы широкий круг людей, различные уровни штабов, а утечка информации могла дать повод, которым воспользуются в Германии сторонники войны.

14 июня Тимошенко и Жуков доложили о сосредоточении у границ немецких дивизий, о необходимости привести войска в боевую готовность. Сталин ответил: «Вы предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас все войска... Вы понимаете, что это означает войну?» — и сослался именно на опыт царской России в 1914 г.[59, 161]. Вместо мобилизации последовало заявление ТАСС: «В иностранной прессе муссируются слухи о близости войны между СССР и Германией. Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым заявить, что эти слухи являются неуклюжей пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны». Москва демонстрировала свою верность договорам, хотела вызвать ответные заверения со стороны Германии. Их не последовало.

Некоторые меры все же предпринимались. Не реагировать на столь явную угрозу было нельзя. Сталин тоже начал перебрасывать к границам войска из внутренних округов — 28 дивизий, 4 армейских управления. Но им ставились сугубо оборонительные задачи. И переброски начались с запозданием — эти соединения не успели даже разместиться и освоиться с новыми для себя районами действий. Слишком поздно, 19 июня, последовали распоряжения наркома обороны — с 21 июня вывести управления округов на полевые командные пункты, замаскировать аэродромы и другие важные объекты, рассредоточить авиацию, перекрасить машины и танки в защитный цвет[169]. Выполнить почти ничего не успели. И уж тем более поздно, 22 июня в 0 часов 30 минут в западные округа пошла директива: «В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев...» Впрочем, и в ней указывалось: «Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия».

Но Гитлеру провокации были не нужны. Вторжение было давно предreshено и началось без всякого выискивания поводов, без объявления войны. Сталин хотел избежать повторения прежнего сценария — а война началась по другому сценарию.

КТО ШЕЛ НА РОССИЮ?

На пряжках поясов германских солдат писалось: «Gott mit uns» — «С нами бог». Но какой бог?.. В этой книге уже хватало всякого рода «совпадений», но, думается, будет излишним отметить еще одно. Нацистская партия родилась в Баварии. Там же, где была раньше штаб-квартира Парвуса, где он начал выпускать «Искру» и воспитывал Троцкого, собирая зародыш будущей партии большевиков. Там же, где зарождался марксизм. Там же, где возник и начал распространять свои учения орден иллюминатов...

Нет, я далек от того, чтобы утверждать о причастности к ордену Гитлера. Он был непримиримым врагом масонских течений, не без оснований обвиняя их в крушении Германии в прошлой войне. Но ведь и Ленин не принадлежал к масон-

ским структурам, зато подходил им для выполнения определенных задач, и его деятельность умело подправлялась в нужном направлении. Впрочем, и Гитлер не скрывал, что многое перенимал у «предшественников», он говорил: «Я всегда учился у своих противников. Я изучал революционную технику Ленина, Троцкого, прочих марксистов. А у католической церкви, у масонов я приобрел идеи, которых не мог найти ни у кого другого»[146]. Очевидно, были и те, кто «помогал» найти эти идеи.

Сами по себе теории, взятые на вооружение Гитлером, были для Германии не новы. Еще в начале XX в. здесь вырабатывалась государственная идеология, которая базировалась на «трех китах»: пангерманизм, культ армии и культ кайзера. Фюрер не только перенял их, он завоевал популярность именно потому, что эти установки были привычны немцам. Пангерманизм проповедовал борьбу за «жизненное пространство», задолго до возникновения нацизма германская молодежь горланила песню «Германия, Германия превыше всего». И в рамках пангерманизма задолго до Гитлера внедрялись теории превосходства германской расы над «выродившимся» Западом и «варварским» Востоком, ее предназначении переделать мир и властвовать над ним[51, 189, 196].

В действительности все рассуждения о «нордической расе» являлись чистейшим мифом. Ни один народ не может существовать без смешения с другими, а немцы подверглись ему особенно сильно. Во-первых, население Померании, Восточной Пруссии, Силезии, Австрии составилось вовсе не из германцев, а из огерманившихся славян, обращенных в католицизм и постепенно утративших свой язык. Во-вторых, в 1618—1648 гг. по Германии гуляла страшная Тридцатилетняя война, разные немецкие земли потеряли тогда от трети до трех четвертей жителей. После этого опустошенную страну заселяли оседавшие в ней наемники из демобилизованных армий — испанцы, финны, шотландцы, итальянцы, швейцарцы и т.д. Добавились и евреи, которые как раз в 1648 г. массами бежали с Украины и Польши от повстанцев Богдана Хмельницкого. Многие из них селились в Германии, смешивались с ее жителями и превращались в «немцев».

В-третьих, Германия, до XIX в. разделенная на десятки мелких княжеств и «вольных городов», предоставляла наилучшие условия для деятельности иностранных банкиров, предпринимателей, торговцев. Князья и городские магистраты, нуждаясь в деньгах, привечали их, давали льготы. И сюда ехали евреи, итальянцы. А в последующие времена у блестящих германских аристократов и офицеров материальное положение часто оказывалось совсем не блестящим. И чтобы его поправить, женились на дочерях еврейских бизнесменов.

Могли ли всерьез воспринять расовые теории, например, Манштейн (Левинский) или Гейдрих, чья бабка была еврейкой? И какие уж «нордические» признаки можно было найти у Гитлера, Геббельса, Гимmlера? Но и германское руководство понимало, что «правила игры» в значительной мере условны. После прихода к власти Гитлера, когда расовую чистку проводили в армии и на флоте, было уволено всего 7 офицеров, 6 курсантов, 35 унтер-офицеров и солдат[203]. И никто, конечно, не придирался по таким пустякам к могущественному банкиру фон Шредеру, чье происхождение, несмотря на приставку «фон», было совсем не «арийским». Однако эти теории имели важнейшее прикладное значение, оправдывая порабощение других народов. Поэтому принимались как непререкаемая официальная догма. В данном отношении нацизм был близок иудаизму, только с заменой «богоизбранного» еврейского народа германским.

Культ кайзера заменился культом фюрера. И любопытно, что Гитлер, как и Троцкий, не готовил заранее речей, но умел магнетизировать толпу. Причем «заряжать» ее не содержанием выступлений, а только непосредственным воздействием. Многие очевидцы сходились на том, что чтение текстов речей Гитлера не производило никакого впечатления. А когда слушали речь, это захватывало, возбуждало, воздействие шло на каком-то подсознательном уровне. Троцкий аналогичное искусство приобрел тоже где-то в Баварии, впервые оно проявилось во время революции 1905 г.

Не новым для немцев был и культ армии, культ «война» — который подкреплялся культом силы Ницше. Кстати, в современных российских учебниках его начали упоминать

в числе выдающихся философов и мыслителей. И доказывать, будто в трудах Ницше не было ничего плохого и опасного, они, дескать, представляли лишь протест против существующей «ханжеской морали». Что ж, сам Ницше и впрямь был утонченным, слабым человеком, психически ненормальным и умершим довольно молодым — в психиатрической лечебнице он любил разглядывать цветы, а потом мять их и обрывать лепестки. А его работы были протестом не против «ханжеской», а против христианской морали. Они антихристианские. Воспевали жестокость, волю к власти. Добей упавшего. Отвергни мольбу о пощаде. «Война и смелость творит больше великих дел, чем любовь к ближнему». «Идя к женщине, возьми плетъ». Идеал — «белокурая бестия». Идеал антихристианский. Бестия — зверь. Антихрист.

Работы Ницше были весьма популярны в Германии еще в Первую мировую, книгу «Так говорил Заратустра» частенько находили в офицерских сумках и солдатских ранцах. И, наверное, закономерно, что немцы еще в ту войну отметились страшными жестокостями, массовыми расстрелами мирных жителей в Польше, Бельгии, Франции, сожжением городов... Культ силы был впитан и нацизмом. Причем для себя руководители государства, опять же, допускали исключения. Довольно трудно соотнести с «культом воина» наркоманию Геринга, алкоголизм Лея и Кальтенбруннера, гомосексуализм Функа и Шираха, пристрастия «бабельсбергского бычка» Геббельса, считавшего всех германских актрис своим «стадом». Но дело было не в этом, а в принципе.

В истоках официальной идеологии лежали и оккультные теории «Льда и пламени», «полой земли», «четырех лун» и пр.[137] Нацизм все эти учения сплавил воедино и довел до абсолюта. Он не являлся политическим или националистическим движением. Он претендовал на гораздо большее. Геринг указывал: «Неправда, что нацизм создает новую религию. Он и есть новая религия». Эта религия была неоязыческой. Отсюда и символика нацизма: свастика — древний арийский знак огня, а свастика в круге — жертвенник. Сам Гитлер верил, что его «ведет провидение», что он получает свои силы и идеи «из Валгаллы», из потустороннего мира[146].

Созданием новой «арийской церкви» занимался Гиммлер[81]. Основой для нее должны были стать силы СС. Они являлись не только вооруженными отрядами партии. В СС вступали чиновники, деятели науки, культуры, промышленники, финансисты, аристократы, которые никогда не входили в охранные, боевые и карательные структуры[50]. Детище Гиммлера подразумевалось неким рыцарским орденом, воинским и одновременно мистическим, наподобие тамплиеров. Для СС разрабатывались особые ритуалы, символы, внутренние законы. «Духовным центром» ордена был выбран старинный замок в Кведлинбурге, тут производились посвящения неофитов, магические обряды. Гиммлер верил, что он общается с духами мертвых, специально уединялся для этого в подвале замка.

Под эгидой Гиммлера было создано общество «Аненэрбе» («Наследие предков»), осуществлявшее как научные, так и оккультные изыскания. Разрабатывались соответствующие проекты вроде экспедиций по поискам Шабмалы — словом, занялись делами, которые не удалось довершить расстрелянному Бокию. Со временем система «Аненэрбе» размахнулась до 50 институтов и исследовательских центров. Ордену СС принадлежали и концлагеря. Для них, между прочим, выбирались вовсе не случайные, а особые «магические» места. Специалистами-оккультистами высчитывалось, где массированные выбросы энергии человеческих страданий не нанесут вреда рейху и германскому народу, а, напротив, пойдут на пользу. Современными исследователями установлено, что лагеря смерти, по сути, становились местами человеческих жертвоприношений[137]. Не случайным было лишение заключенных имен, замена их номерами. Не случайна процедура сжигания трупов — как положено при жертвоприношениях.

И тот же Гиммлер 7 октября 1939 г. декретом Гитлера, Геринга и Кейтеля был назначен «комиссаром рейха по утверждению германской расы». Ему предоставлялся выбор средств и полная свобода действий. Первая его директива на новом посту гласила: «Наш долг состоит не в том, чтобы германизировать Восток в старом значении этого слова, то есть преподавать тамошнему народу немецкий язык и германское право, а в том, чтобы обеспечить заселение Востока только чистокровными германскими народами»[50].

Разрабатывались проекты демографического переустройства Европы, которое предполагалось осуществить в три этапа — «Европа-1», «Европа-2», «Европа-3». Составной частью этих проектов являлся план «Ост» — колонизации восточных земель. Одни территории требовалось заселить немцами в первую очередь, другие — во вторую, третьи следовало пока оставить, чтобы черпать оттуда резерв рабов, но существовать они должны были под германским контролем. В целом же предусматривалось «выселить» поляков — 80—85%, литовцев, латышей и эстонцев — 50%, западных украинцев — 65%, белорусов — 75%. А куда их предстояло «выселять», видно из того, что евреи «подлежали выселению» на 100% [10].

Гиммлер писал разработчику плана доктору Майеру: «В район заселения на Востоке следует включить Литву, Латвию, Эстонию, Белоруссию и Ингерманландию, а также весь Крым и Таврию... Упомянутые области должны быть totally германизированы, то есть totally заселены...» Причем в понятие «Белоруссия» включались земли «вплоть до Орла и Твери». И реализация данных планов уже началась в Польше, где миллионы людей были депортированы из западных районов страны: одних просто выгоняли, других отправляли в концлагеря или расстреливали, третьих обращали в прислугу для германских переселенцев, детей отбирали у родителей для «германизации».

Ну а что касается России, то Гиммлер еще в начале 1941 г. провел совещание в Везельсбурге, поставив перед своими сотрудниками задачу «уменьшения биологического потенциала славянских народов». Для чего, по его оценкам, требовалось «сократить» численность русских, украинцев и белорусов на 30 миллионов. А Гитлер указывал: «Что касается смехотворной сотни миллионов славян, мы превратим большинство из них в таких, какие нужны нам, а остальных изолируем в их собственных свинарниках, и всякого, кто говорит о снисхождении к местным жителям и их приобщении к цивилизации, следует направлять прямо в концлагерь». Ему вторил и Борман, писавший Розенбергу, что славяне призваны работать на немцев, а если они не нужны, то могут умирать. Размножение он признавал нежелательным, а образование опасным — для

русских, мол, достаточно считать до 100, а «каждый образованный человек — это будущий враг»[203].

Перед нападением на нашу страну, 13 мая 1941 г., начальник штаба ОКВ Кейтель издал директиву, где указывалось, что расправы над непокорными в России должны осуществляться даже без военно-полевых судов, по приказу любого офицера, и военнослужащих за совершенные бесчинства запрещалось привлекать к ответственности. А сразу после нападения, 16 июля, на совещании с Герингом, Кейтелем, Борманом, Розенбергом, Ламмерсом Гитлер заявил: «Мы стоим сейчас перед необходимостью разрезать пирог в соответствии с нашими потребностями, чтобы иметь возможность во-первых, доминировать на этом жизненном пространстве, во-вторых, управлять им, а в-третьих, эксплуатировать его». Директива фюрера от 22 июля предписывала «распространение оккупационными войсками такого террора, какой потребуется для искоренения любых попыток сопротивления среди гражданского населения».

На Геринга возлагалась «эксплуатация страны и использование ее экономических возможностей». Нацистских комиссаров оккупированных территорий он поучал: «Я намерен грабить и грабить эффективно». А в беседе с итальянским министром иностранных дел Чиано хладнокровно прикидывал: «В этом году в России умрет от голода 20—30 миллионов человек. Пожалуй, хорошо, что так случится, ибо некоторые народы должны быть истреблены. Но даже если они не должны быть истреблены, тут ничего нельзя поделать»[139, 203].

Чтобы заселить завоеванные земли, считалось перспективным (вполне в духе теорий иллюминатов) разрушение семьи. Гиммлером была создана система заведений «Лебенсборн» («Источники жизни»), где отобранные по «нордическим признакам» девушки-энтузиастки занимались с эсэсовцами производством потомства без вступления в брак. Дети, рожденные в этих человеко-фермах, принадлежали государству и воспитывались в специальных приютах. (Кстати, после войны обнаружилась полная несостоятельность эксперимента, дети из «Лебенсборн» значительно отставали в физическом и умственном развитии от тех, кто был рожден и рос в семьях[50, 203]). Кроме того, в Освенциме осуществлялись

исследования над женщинами, родившими близнецов — чтобы побыстрее размножить германскую расу. Ну а доктор Покорны проводил обширные эксперименты другого рода — по стерилизации мужчин и женщин, чтобы сохранить рабочую силу побежденных народов, но не дать им размножаться.

Христианские конфессии в Германии формально не запрещались. Католические священники и протестантские пасторы подвергались гонениям только по политическим мотивам — если были связаны с оппозицией, сказали в проповедях «не то». Нацисты даже установили связи с православными, с Карловацкой, т.е. Зарубежной русской церковью, для нее в Берлине построили храм за государственный счет[140]. И поход на Восток провозглашался «крестовым», против «безбожников». Германские солдаты и офицеры имели возможность исповедовать католическую или протестантскую веру, под Рождество наряжать елочки и умиленно петь традиционные песни. Но верхушка государства от христианства подчеркнуто дистанцировалась. В армии и на флоте коллективные богослужения не вводились и не дозволялись. А для эсэсовцев не допускалось празднование Рождества, Пасхи и других христианских праздников. Они отправляли свои даты, магические. В общем, под маркой борьбы с «безбожием» на Русь шли темные сатанистские силы.

И вряд ли можно считать случайным, что для всех высших чинов СС были характерны жестокость, садизм, которые частенько сочетались с явными сексуальными отклонениями. Так, Гиммлер любил бывать на медосмотрах девиц, желающих вступить в брак с эсэсовцами или участвовать в системе «Ленденборн». Изображая «бесстрастность», наблюдал, как голых «ариек» обмеряют антропологи, заставляют делать физические упражнения. Посещал и казни. Правда, при массовом расстреле под Минском не выдержал, ему стало дурно. Но когда в концлагере Собибор ему показали умерщвление 300 специально отобранных девушек в газовой камере, остался очень доволен. Эти особенности проявлялись и в «научных» изысканиях — например, по его требованиям проводились эксперименты по возвращению к жизни замороженных мужчин обнаженным женским телом, с помощью полового акта[203].

Гейдриха в свое время выгнали с флота за сексуальную распущенность. Уже будучи начальником РСХА (Управления имперской безопасности), он в свободное время, прихватив в компанию начальника гестапо Мюллера, совершал турне по борделям и притонам. И в работе придумывал проекты вроде знаменитого «салона Китти», великосветского «дома свиданий»[201]. При этом славился и крайней жестокостью, регулярно инспектировал концлагеря, любил наблюдать за казнями. Однако и других стремился пропустить «через кровь». Сотрудников центрального аппарата РСХА, в том числе женщин, направлял на стажировки в айнзацкоманды, осуществлявшие массовые расстрелы в СССР. Будучи протектором Чехии, поочередно вызывал к себе батальоны СС для «обкатки» в экзекуциях. Гейдрих разрабатывал и детальные инструкции, как должны производиться расправы. Оговаривалось изъятие золота, ценностей, личных вещей. Требовалось, чтобы перед казнями жертвы раздевались донага. Их одежда и обувь отправлялись в административно-хозяйственную службу СС для передачи в финансовое управление рейха. Садистом был и преемник Гейдриха Кальтенбруннер — который, например, приезжал с товарищами «оттянуться» в Маутхаузен, после выпивки по его приказу отбирали 50 мужчин и женщин и демонстрировали разные способы их умерщвления.

Но представление о том, будто преступления творила только кучка эсэсовцев и гестаповцев, было бы совершенно неверным. Осуществлялся грандиозный эксперимент по «переделке» всего германского народа! Охрану концлагерей несли не только СС, но и армейские части. Они широко участвовали и в карательных акциях, иногда самостоятельно, иногда командование выделяло их в помощь эсэсовцам. Многие солдаты и офицеры становились палачами очень охотно, при этом чрезвычайно любили позировать перед фотообъективами и кинокамерами, собирая коллекции свидетельств о своих «подвигах». Из-за чего и сохранилось так много кадров, где «бравые немецкие парни» расстреливают, вешают, жгут. (Кстати, втягивались в такие дела не только немцы. До нас дошло немало свидетельств о зверствах их союзников — венгров, финнов, румын). Вовсе не СС, а армейское командование

группы «Центр» придумало операцию «Сенокос» — захват десятков тысяч подростков 10—14 лет и отправку их в рейх для сокращения «биологического потенциала» русских.

Германские промышленники всю использовали рабский труд. На одних лишь заводах Круппа трудились тысячи пленных, заключенных и «остарбайтеров», которые, по свидетельству заводского врача Эйгера «гибли, как мухи, от плохих условий проживания, низкого качества и недостаточного количества пищи, непосильной работы без отдыха». Был у Круппа и собственный концлагерь, где содержались 600 женщин. Аналогичное положение было на заводах других фирм, шахтах, рудниках. Концерн «И.Г. Фарбениндустри» специально построил цеха рядом с Освенцимом, чтобы иметь под рукой рабочую силу. Этот же концерн (с которым благополучно поддерживала картельные связи американская «Стандарт ойл») поставлял для концлагерей смертоносный газ «Циклон-В».

Другие германские фирмы с энтузиазмом боролись за контракты на строительство крематориев, газовых камер, дробилок для перемолки костей, и солидные добросовестные немецкие инженеры, техники, служащие составляли проектную документацию, участвовали в монтаже и отладке своих систем, присутствовали при испытаниях. Компания «Заурер» была рада получить заказ на изготовление «автомобилей 3» — «душегубок». Данцигский технологический институт занялся проблемами использования трупов. Составлял и опробовал методики обработки человеческой кожи, рецепты приготовления мыла из человеческого жира[138, 139].

Не только эсэсовские врачи, но и сотни других докторов (в том числе светила с мировыми именами), ассистентов, бригады младшего медперсонала участвовали в медицинских опытах над людьми — с заражением малярией, тифом, гепатитом, провоцированием гангрены, пересадкой костей, воздействием на организм низкого давления, заморозки. В Страсбургском университете собирали коллекцию черепов, скелетов и заспиртованных трупов мужчин и женщин, принадлежащих к разным народам. Эссовцы только любезно содействовали этой «важной научной задаче» — привозили заказанных заключенных, умерщвляли и передавали специалистам.

Имели свою «выгоду» и земледельцы. Некоторые концлагеря продавали пепел сожженных в качестве сельскохозяйственных удобрений — и его покупали! И отнюдь не одни только помещики, но и фермеры-бауэры получали в распоряжение невольников и невольниц. пороли их за невыполнение заданий, при побегах устраивали коллективные облавы с собаками и охотничьими ружьями[138]. Ну а если коснуться рядовых германских обывателей, то разве многие из них не радовались, получая от служивших на Востоке родных посылки с брусками сала, шмотками и прочим награбленным барахлом вплоть до детских игрушек? Неужто были недовольны те, кто получал ордера на промтовары и покупал по сниженным ценам пальто, костюмы, платья, очки, сумки... изъятые у расстрелянных и удушенных в концлагерях? Покупатели не знали об этом? Но ведь было видно, что вещи ношенные. Значит, в любом случае чьи-то чужие. Словом, результаты эксперимента по «переделке» нации были налицо.

Но обнаруживается еще один немаловажный факт. Деятельность СС финансировалась не только государством. В конце 1930-х гг. возник так называемый «кружок друзей рейхсфюрера СС». Организовал его Фриц Краннефус, правая рука уже упоминавшегося Кепплера, экономического советника Гитлера. И вошли в него виднейшие промышленники и финансисты Германии, многие из которых, как Кепплер и Шахт, были связаны с американцами и «мировой закулисой». Директора и президенты «ИГ Фарбениндустри», «Дойче банк», «Дрезденер банк» и пр. «Кружок друзей рейхсфюрера СС» превратился в закрытый клуб подобных тузов.

В «Дрезденер банк» был создан особый счет «R», на который «друзья» переводили взносы на нужды СС. Сохранились письма Гимmlера членам «кружка» — так, в 1938 г. он благодарил их за то, что они «дали ему возможность выполнить некоторые задачи, для которых не хватало средств». Существовали и какие-то другие счета и источники финансирования, поскольку выплаты со счета «R» превышали взносы «друзей»[10]. И собирався «кружок» вплоть до января 1945 г.!

Однако возник и обратный поток. В Рейхсбанк из СС хлынули в огромных количествах вещи казенных — золотые

часы, серьги, кольца, браслеты, зубные коронки. Банковских работников и руководителей это ничуть не смущало. Однажды, например, начальник административно-хозяйственного управления СС Поль и президент Рейхсбанка Функ устроили для служащих и германских финансистов банкет. В перерыве повели гостей к сейфам, где продемонстрировали им эти самые груды сережек и зубных коронок, после чего вернулись к столам и продолжили веселую трапезу[139].

Подобные ценности приходовались под шифром «Макс Хейлигер», но это было не ахти какой тайной. Потому что с 1942 г. Рейхсбанк стал закладывать эти «трофеи» в муниципальные ломбарды, дабы обратить их в наличные. И операции приняли такой размах, что к началу 1944 г. Берлинский ломбард оказался переполнен золотыми предметами. Извещал Рейхсбанк, что в дальнейшем он их принимать не в состоянии.

Но в дальнейшем это уже и не требовалось. Так сказать, потеряло свою актуальность. Ведь существовал еще один золотой поток, из германских банков в швейцарские. И по мере приближения развязки войны он стал стремительно нарастать. Там принимать не отказывались, там брали все... В каких именно банках? Так не зря же Швейцарией был принят закон о тайне вкладов. И какие-то другие законы могли нарушаться, обходиться, а этот соблюдался и соблюдается неукоснительно. В общем, точно так же, как в операции по разрушению Российской империи, черные оккультные дела оказались тесно связаны с финансовыми. Вторая мировая война сопровождалась очередным колоссальным ограблением нашей страны, а вдобавок и всех оккупированных государств Европы. А награбленное только временно попало в Германию — и утекло через нее. Утекло в совсем другие сейфы...

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

На календарях было 22 июня 1941 г. На православных календарях — 9 июня, День Всех Святых... Местоблюститель патриаршего престола митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) обращался к затаившим дыха-

ние прихожанам, священникам: «...Не в первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьей помощью он и на сей раз развеет в прах фашистскую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном долге перед Родиной и Верой и выходили победителями...». Говорил старый, изможденный недугами человек, но его слабый голос наполнялся какой-то иной, внутренней силой, раскатывался под сводами храма — и разносился дальше. Его слова звучали в других православных храмах России, неслись по телефонным и телеграфным проводам в разные страны. На весь мир... Церковь благословляла небесным благословением «предстоящий всенародный подвиг».

Да, предстоял всенародный подвиг. На западные границы обрушился удар страшной силы. Оборона на огромном протяжении была смята, и гитлеровские армии быстро продвигались в глубь государства... Впоследствии советские источники объясняли катастрофу внезапностью нападения, численным превосходством германских войск, колоссальным преимуществом в технике. Что ж, внезапность играла свою роль. И инициатива была у противника, позволила ему создать на направлении главных ударов двадцатикратный перевес. Однако в целом превосходства не было. Вооруженные силы Германии и ее сателлитов к июню 1941 г. насчитывали 8 млн. человек, но это все вместе: армии, флоты, жандармерия, тыловые части. А на Восточном фронте было 160 дивизий немцев и их союзников (4,1 млн. бойцов), 3600 танков, около 2 тыс. самолетов, 42 тыс. орудий и минометов. Вооруженные силы СССР достигали 5 млн. Это, опять же, общая цифра. В западных округах находилось 2,9 млн бойцов, 1800 средних и тяжелых танков — плюс 3—4 тыс. легких танков и броневики устарелых конструкций, до 40 тыс. орудий и минометов, 1540 новых самолетов и до 5 тыс. — старых образцов. (А всего Красная армия имела 10 тыс. танков, 17 тыс. самолетов, 67 тыс. стволов артиллерии).

Как видим, подавляющего преимущества Германия не имела, технического тоже. Потому что в составе ее танковых войск, кроме средних танков Т-III и Т-IV, было еще много

легких машин Т-II, использовались даже трофейные танки, французские и английские. Не было у немцев и безусловного авиационного превосходства, а артиллерия по качеству значительно уступала советской. Захватив инициативу, германское командование имело возможность сосредоточивать мощные бронированные «кулаки», проламывать оборону, и советские армии оказывались в «котлах». Но при существующем соотношении сил окружения были неплотными. Вполне можно было организовать контрудары по прорвавшемуся врагу с тыла. Наконец, можно было сражаться в «котле», приковав к себе противника, как позже дрались группировка Лукина под Смоленском или Паулюса в Сталинграде. Однако сказались другие факторы. В войну вступило то самое поколение, которое воспитывалось в духе «интернационализма», на оплевывании патриотических ценностей, отечественной истории и культуры. То поколение, которое было отравлено ядом безбожия, громило храмы, устраивало кощунственные атеистические карнавалы. Ему не за что было стоять насмерть.

Зачем драться и погибать, если немцы — «братья по классу»? И окруженные группировки рассыпались, солдаты массами сдавались в плен. Сталинский приказ № 0019 от 16 июля 1941 г. констатировал: «На всех фронтах имеются многочисленные элементы, которые даже бегут навстречу противнику и при первом соприкосновении с ним бросают оружие». И именно по этой причине родился печально известный приказ № 270 от 16 августа, объявлявший добровольную сдачу в плен предательством. Всего же в 1941 г. в плен сдалось 3,9 млн. советских солдат и офицеров! Причем можно сопоставить цифры — в первой половине 1942 г. попало в плен тоже немало, 650—900 тыс. человек. И за все остальные 3 года войны столько же, 650—900 тыс. Различие настроения войск очевидно.

А другие солдаты просто разбежались. В полосе одного лишь Юго-Западного фронта за неполный месяц с 22 июня по 20 июля 1941 г., согласно докладу Мехлиса, был задержан 75 771 дезертир. И никакого партизанского движения в первый период войны не возникло. Сотни тысяч окруженцев и дезертиров считали для себя войну оконченной, оседая в «примаках» у белорусских и украинских вдов и сол-

датов. Серьезное сопротивление немцы встречали только на отдельных участках. Но они обходили такие участки, громя менее стойкие соединения. А те, которые стойко оборонялись, попадали в ловушку. Когда Гальдер 3 июля записал, что война практически выиграна в течение двух недель, он в какой-то мере был близок к истине: армий, прикрывавших фронт в Белоруссии и Прибалтике, больше не существовало. Если солдаты и выходили из окружений, шитых на живую нитку, в котлах приходилось бросать технику, вооружение, склады горючего, боеприпасов, имущества.

И вот тогда-то, после разгрома приграничных группировок, немцы и впрямь добились численного и технического превосходства. Когда к середине июля советское командование смогло воссоздать новый фронт по Западной Двине и Днепру, он уступал противостоящим силам врага по людям в 2 раза, по артиллерии — в 2,4 раза, по самолетам в 4 раза, хотя по танкам советская сторона все еще превосходила в 1,3 раза[24]. Ну а после того, как немцы взломали и этот фронт, соотношение вооружения и техники стало совсем катастрофическим для наших войск. А эвакуация заводов на восток не позволяла его восполнить. В Германии же, напротив, военная промышленность как раз к этому времени достигла полной мощности, и в 1941 г. немецкие войска получили 5,5 тыс. новых танков — больше, чем они имели к началу войны.

Красная армия потеряла и свои обученные кадры. Их были вынуждены заменять ополченцами, новобранцами, зелеными досрочными выпускниками училищ. А инициатива оставалась в руках противника. То там, то здесь следовали новые прорывы. Фронт состоял из сплошных «дыр». И затыкать их приходилось не оптимальными силами и средствами, а тем, что есть под рукой. Тем, что можно побыстрее перебросить на критический участок. Курсантами, ополченцами, бросать на танки конницу. Не из-за неумения русских воевать, а по суровой необходимости, просто ничего другого не оставалось.

И на все это наложился еще один катастрофический фактор. Многие в Советском Союзе помнили «красный террор», бедствия раскулачиваний, коллективизации, голодомора, репрессий — и восприняли оккупантов в качестве избавите-

дей. В селах нередко встречали немцев колокольным звоном и хлебом-солью. Во Львове произошло восстание, взбунтовавшиеся горожане напали на тюрьму и выпустили заключенных. Командир 436-го полка майор Иван Кононов перешел на сторону немцев и начал формировать из пленных «казачью» часть «Kosaken Abteilung 102». Студент Мартыновский под Лугой и лейтенант Рутченко под Порховом создавали антисоветские партизанские отряды. В г. Локте Брянской области еще до прихода немцев население сбросило советскую власть и создало самоуправляемую «республику», которую возглавил инженер К.П. Воскобойников. Возникла даже собственная «Русская Освободительная Народная Армия» (РОНА) под командованием Б. Каминского.

В Белоруссии для поддержания порядка стала создаваться антисоветская «народная милиция», а в поселке Осинторф под Оршей из пленных формировалась «Русская народная национальная армия» (РННА). Она насчитывала 7 тыс. человек. Желавших было гораздо больше, но немцы поставили ограничения. Полковник ВВС В.И. Мальцев, успевший посидеть в 1938 г., создал в Ялте 6 добровольческих отрядов, потом был принят в люфтваффе и организовал русскую эскадрилью. Командующий 19-й армией Михаил Федорович Лукин, герой Смоленского сражения, попавший в плен тяжелораненым и перенесший ампутацию ноги, направил германскому командованию предложение создать альтернативное русское правительство. Он писал: «Народ окажется перед лицом необычной ситуации: русские встали на сторону так называемого врага, значит перейти к ним — не измена родине, а только отход от системы... Даже видные советские деятели наверняка задумаются над этим...» В немецком лагере военнопленных под Тильзитом распространялось заявление, что надо превратить Отечественную войну в гражданскую...

К концу 1941 г. добровольцев из перебежчиков и пленных стали принимать в части вермахта. Их называли «хиви» («хильфсвиллиге» — «добровольные помощники»). Сперва их использовали на тыловых, санитарных должностях, потом стали доверять оружие. И порой таких «хиви» насчитывалось до 10—12 на германскую роту. Активизировались и национа-

листы. На службу к немцам охотно поступали латыши, эстонцы. Бандеровцы пытались провозгласить украинское «правительство». Крымские татары не забыли, как преследовали их лидеров, как отбирали земли для еврейских поселений — и как раз по этой причине активно поддерживали гитлеровцев, создавали вооруженные формирования, достигавшие 20 тыс. человек. Произошел ряд восстаний на Северном Кавказе. Карачаевцы вырезали советские госпитали в Нальчике. А чеченцы и ингуши, решив, что советская власть вот-вот падет, принялись просто разбойничать — грабили, убивали милиционеров, работников военкоматов.

На крушение Советского правительства рассчитывали и нацисты. Фельдмаршал фон Клейст впоследствии признавал: «Надежды на победу в основном опирались на мнение, что вторжение вызовет политический переворот в России... Очень большие надежды возлагались на то, что Сталин будет свергнут собственным народом, если потерпит тяжелое поражение. Эту веру лелеяли политические советники фюрера». Однако власть Сталина оказалась гораздо прочнее, чем считали в Берлине. И гораздо прочнее, чем демократические правительства Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии, валившиеся от первых же серьезных потрясений. Впрочем, ситуация могла быть иной, если бы в СССР сохранилась многочисленная «пятая колонна» оппозиции, способная объединить недовольных и нанести удар в спину. Но ее больше не существовало...

А военные катастрофы вызвали не только разброд и распад. Они пробудили в России и совершенно иные процессы. Над страной лилась песня, совсем не похожая на те, которые раньше пелись в Советском Союзе: «Идет война народная, священная война...» И Сталин назвал войну Великой Отечественной. Уже 28 июня 1941 г. местоблюститель патриаршего престола Сергей сообщал экзарху Русской Православной Церкви в Америке митрополиту Вениамину: «По всей стране служатся молебны... Большой религиозный и патриотический подъем». И сам митрополит Сергей молился в Москве «о даровании победы русскому воинству» — *молился при огромном стечении народа.*

На смену разгромленной и сдавшейся молодежи призывались из запаса и занимали место в строю люди старшего поколения. Выросшие еще в царской России, ветераны Первой мировой — сохранившие в душе идеалы патриотизма, а нередко и веру в Бога. И именно им пришлось выправлять положение, останавливать зарвавшегося врага. Может показаться парадоксальным, но это факт — только в СССР и только в Великой Отечественной войне пожилые, плохо вооруженные ополченцы дрались лучше многих кадровых дивизий. Ну а другим приходилось заново учиться любви к своему Отечеству, учиться на собственном опыте, а то и на собственной шкуре. Потому что в Россию пришли вовсе не «избавители» — пришла орда хищников и убийц.

Белорусские, украинские, русские деревни запылали не в ответ на действия партизан, а просто так, для отстрастки. Чтобы сразу запугать народ и отбить мысль о сопротивлении. Улицы захваченных городов сразу оклеивались приказами с угрозой смерти за все, от «саботажа» и нарушения комендантского часа до незарегистрированных домашних животных. Начались расстрелы заложников по любому поводу. Так, в первый день оккупации Минска казнили 100 человек за какой-то оборванный провод. В Великих Луках расстреливали девушек за «неисполнение распоряжения военных властей» — за отказ идти в солдатский бордель. Широко развернулись и расправы над «коммунистическими активистами», к коим до кучи причисляли депутатов захудалых сельсоветов, бригадиров, родственников советских офицеров, да еще и истребляли целыми семьями. Полным ходом пошли «реквизиции» с насилиями и грабежами.

А пленных оказалось слишком много, не знали что с ними делать. И приказ Кейтеля от 8 сентября 1941 г. разрешил «как правило» применение против них оружия[203]. То бишь уничтожать их на месте. Стали расстреливать, чтобы не возиться. Из тех, кого гнали в лагерь, добивали ослабевших и отстающих. А сами лагеря в большинстве представляли собой огороженные участки открытого поля, где люди находились на солнцепеке, дожде, холоде, без крыши над головой и почти без еды. И те миллионы солдат, которые столь легко сдались в начале войны, почти целиком вымерли в первую же зиму.

Спыхватились нацисты только тогда, когда стало ясно, что боевые действия принимают затяжной характер. Германская промышленность и сельское хозяйство испытывали острый дефицит рабочих рук, а тут вдруг столько молодых мужчин погибли впустую. 28 февраля 1942 г. Розенберг писал Кейтелю: «Судьба русских военнопленных в Германии — есть трагедия величайшего масштаба. Из 3 млн. 600 тыс. пленных лишь несколько сот тысяч еще работоспособны. Большинство из них истощены до предела или погибли из-за ужасной погоды»[203]. Ну что ж, раз с пленными обошлись так «бесхозяйственно», решили выходить из положения другим способом. Угонами в рабство мирных граждан. Начали подгрывать и «примаков», устроившихся по деревням. Вот тогда-то и стало рождаться массовое партизанское движение.

Узнавали о зверствах оккупантов и в армии. От тех, кто выходил из окружений, сбежал из плена. Узнавали, отбивая в контрнаступлениях деревни и города. Разумеется, сообщала об этом и советская пропаганда. И приходило понимание, что война действительно Отечественная. Что без Отечества, оказывается, нельзя — от этого зависит и жизнь всего народа, и твоих родных и близких, и тебя самого. Возвращалась и вера в Господа. Как было не обратиться к Нему женам и матерям солдат, ушедших в пекло боев? Как было не обратиться к Нему самим солдатам? Протоиерей Георгий Поляков (участвовавший в боевых действиях в Чечне) пишет: «Кто побывал в смертельном бою и хоть краем глаза видел смерть, знает — никто не умирает атеистом. Когда дыхание смерти почувствуешь рядом, почувствуешь ее прикосновение и неминуемость прощания с жизнью... порой самые рьяные атеисты обращались к Богу»[140].

С возрождения патриотизма и Веры Господней она и началась — победа. Очень трудная, за нее пришлось вести жесточайшую борьбу долгих четыре года, положить множество жизней. Но она уже начиналась. Когда разворачивалась битва за Москву, в день Покрова Пресвятой Богородицы, митрополит Сергей обратился с посланием к москвичам: «Вторгшийся в наши пределы коварный и жестокий враг силен, но «велик Бог земли русской» — как воскликнул Мамай на Куликовом поле, разгромленный русским воинством. Господь даст,

придется повторить этот возглас и теперешнему нашему врагу... За нас молитвы всего светозарного сонма святых, в нашей земле воссиявших»[81].

Еще один исторический факт — знаменитые «психические» атаки эсэсовцев были не просто атаками, они являлись своего рода магическим ритуалом. Их не выдерживал никто, от них бежали в панике. Но под Москву прибыли дивизии сибиряков, а среди них было много православных. В глуши, в глубинке традиции веры не прерывались, солдаты не таясь носили кресты. И на них черная «психика» совершенно не действовала. Атаки разбивались об этих солдат[131]. Наверное, не случайно ярко себя проявили под Москвой кавалерийские корпуса Белова и Доватора, в значительной степени состоявшие из казаков, сберегших в себе любовь к Господу и Отечеству. Существует старинное предание, что Москву охраняют от врагов и приходят на помощь ее защитникам семь святых русских князей во главе со св. блгв. Александром Невским. Они являлись, например, русскому воинству в 1572 г., в тяжелейшей битве при Молодях[197]. И знаменательно, что в 1941 г. контрнаступление под Москвой началось 6 декабря, в день памяти св. Александра Невского.

А в блокадном Ленинграде совершал ежедневные службы митрополит Алексей (Симанский), переживший со своей паствой все 900 дней осады, обстрелов, бомбежек, голода. В таких условиях люди особенно тянулись к вере, поддерживали себя молитвами. В последующие десятилетия советские источники многое «затерли», скрыли, но сохранились кадры старой кинохроники, фотографии, показывающие переполненные храмы. И среди прихожан — много военных. Солдаты, командиры молятся не таясь, открыто. Впрочем, в кадрах московской хроники в храмах тоже можно увидеть военных.

Да и государство все более явно шло навстречу Православию. В сентябре 1941 г. был распущен «Союз воинствующих безбожников», закрыты все антирелигиозные журналы. В 1942 г. митрополит Московский и Коломенский Сергей и митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич) были в качестве официальных лиц включены в комиссию по расследованию фашистских преступлений. Весной 1942 г. впервые власти официально объявили о праздновании Пасхи

Христовой, в Москве в праздничную ночь был отменен комендантский час. И верующие свободно шли в храмы, свободно и радостно поздравляли друг друга: «Христос Воскресе!».

До нас дошло немало свидетельств о чудесах, совершавшихся во время войны по молитве воинов и гражданских людей, о явлениях Божьей Матери и святых, спасавших солдат на поле боя, помогавших в тех или иных опасностях. Есть и свидетельства, что некоторые советские полководцы были верующими, хотя и помалкивали об этом, не афишировали. Одним из таких военачальников был Г.К. Жуков. Его, как известно, Сталин направлял на самые опасные участки, где возникали наиболее критические ситуации, где решалась судьба войны. И в народе сохраняется предание, что он возил по фронтам Казанскую икону Пресвятой Богородицы. Не так давно архимандрит Иоанн Крестьянкин подтвердил, что это действительно было [140].

Но Великая Отечественная стала не только всенародным подвигом. Местоблюстителем патриаршего престола Сергей называл ее еще и «очистительной грозой». «Очистительной»? (И, кстати, никто не придрался к такому определению, никто не пытался за него преследовать митрополита). Русскому народу и в самом деле пришлось очищаться от ядов «интернационализма», богоборчества и прочих соблазнов, которых он щедро и обильно наглотался в предшествующие десятилетия. Пришлось неимоверными страданиями, лишениями и потерями искупать то, что он натворил в революциях и при попытках строительства «земного рая». И лишь тогда темные силы, нахлынувшие на Русь, стали терпеть поражения и неуклонно покатались к собственной гибели.

АНТИГИТЛЕРОВСКАЯ КОАЛИЦИЯ — ИЛИ НОВАЯ АНТАНТА?

А вот еще одна любопытная загадка — почему Гитлер, захватив почти всю Европу, не тронул Швейцарию и Швецию? Из-за их нейтралитета? Бросьте. Фюрера подобные соображения никогда не смущали. Дания, Норвегия тоже были ней-

альными, но подверглись «превентивной» оккупации, что-то их не заняли англичане. Впрочем, и у англичан проектов не утвердилось в Швеции, в отличие от Норвегии, почему-то никогда не возникало, хотя это могло пресечь подвоз жизненно важной для немцев руды. Нет, тут как-то взаимно согласились — не трогать. И Швейцария тоже оказалась для фюрера неким «табу».

В результате в воюющей Европе остались два нейтральных «острова». Один — с портами, через которые в Германию шли поставки из других стран. Второй — с банками. Допустим, в Базеле, в нескольких сотнях метров от немецкой границы успешно работало «Бюро международных расчетов». Британские, французские, германские солдаты могли погибать, убивать друг друга, а банки их стран преспокойно осуществляли взаимные расчеты в мирном швейцарском городке. Тихо, взрывы бомб не мешают и не отвлекают клерков от размеренного, кропотливого труда.

Да еще бы Гитлер стал покушаться на Швейцарию, если при нем по-прежнему действовал «кружок Кепплера» из крупнейших банкиров и промышленников. А о том, какое влияние он имел, откровенно высказался фон Шредер, назвавший себя и своих коллег «вторым правительством Германии». Впрочем, и в «первом» правительстве у них было все схвачено. И если, например, осторожный Шахт с началом войны начал помаленьку отодвигаться от правящей верхушки рейха, то вместо него стал возвышаться Альберт Шпеер — молодой талантливый архитектор и... родственник американских банкиров Шпееров. Он сумел вдруг завоевать личную дружбу Гитлера, был назначен министром вооружений и боеприпасов, вошел в центральный комитет по планированию, а фактически стал экономическим диктатором Германии.

Нейтральные Швейцария и Швеция были не только «окнами» для связи с внешним миром. Они стали и центрами закулисной дипломатии, деятельности разведок. Причем обратим внимание — это были те же самые два государства, через которые в Первую мировую осуществлялись подрывные действия против России. Случайное ли совпадение? Ну а Америка сперва вела дела с немцами даже и без швейцарско-

го посредничества. С началом Второй мировой она объявила нейтралитет, но при этом ввела во внешней торговле принцип «плати наличными» — что позволяло торговать с обеими сторонами, предоставляя им «равные возможности». И только в декабре 1940 г., после того, как США откачали у «дружественной» Англии золотовалютные запасы (4,5 млрд. долларов наличными и 335 млн. в американских акциях)[66, 193], Рузвельт ввел закон о ленд-лизе (вооружение и военная техника предоставлялись как бы в долг, а после войны подлежали возврату).

С момента нападения Гитлера на СССР международная ситуация резко переменялась. Уже 22 июня Черчилль заявил о том, что он был и остается принципиальным противником коммунизма, но сейчас это отходит на второй план, и все, кто воюет против Германии, — друзья Англии. 24 июня о поддержке советского народа заявил Рузвельт. В Москву поехали представители британского премьера и американского президента. Правда, в основном для того, чтобы разузнать, долго ли продержатся русские. Никакой реальной помощью на первых порах даже не пахло. Просьбы Сталина об открытии второго фронта в Европе или хотя бы о присылке британских войск в Мурманск и Архангельск обходились молчанием. Единственной совместной операцией с англичанами стала оккупация Ирана, что отрезвило Турцию, склонявшуюся примкнуть к немцам. Тут интерес был взаимным — для СССР требовалось обезопасить Закавказье, для британцев — свои владения на Ближнем Востоке.

Только с августа 1941 г. стали заключаться и соглашения о поставках в Советский Союз вооружения, продовольствия, стратегического сырья. Но изначально эти поставки были далеко не бесплатными. Оговаривались суммы кредитов, годовые проценты, а оплата предусматривалась по клирингу — взаимным безналичным расчетам за «встречные» товары. Но какие товары мог поставлять СССР в условиях войны, эвакуации промышленности, разрушения сельского хозяйства? Естественно, золото, драгоценности. В сентябре 1941 г. после одного из заседаний американского правительства Г. Икес записал: «Зашел разговор о золотых запасах, которые могут

иметь русские... Мы, по-видимому, стремимся к тому, чтобы они передали нам все свое золото в погашение за поставки товаров, пока оно не будет исчерпано. С этого момента мы применим к России закон о ленд-лизе».

В то, что СССР устоит, на Западе не верили. Но было важно, чтобы он продержался подольше, посильнее измотал немцев. Особенно заинтересованной в этом была Англия, ей Гитлер угрожал непосредственно. Поэтому с сентября она изменила условия поставок, ввела условия, аналогичные ленд-лизу. Но Рузвельт включил Советский Союз в число стран, подлежащих ленд-лизу, лишь в ноябре 1941 г. И до конца года такие бесплатные грузы, отправленные в Россию, составили лишь 0,1% от общего количества американских поставок[115]. Остальное оплачивалось золотом — тем золотом, за которое гробились в это время заключенные на Колыме. Но американских бизнесменов подобные «мелочи», естественно, не интересовали.

Однако в декабре ситуация опять изменилась. Германия и Япония, хоть и считались союзниками, предпочитали руководствоваться собственными интересами. И если летом 1941 г. немецкие дипломаты намекали, что японцам воевать с Советским Союзом не нужно, Германия сама справится (зачем с кем-то делиться?), то к концу года в связи с трудностями и потерями стали высказывать пожелания, чтобы и Япония «внесла свою лепту в победу». Но в Токио считали иначе. На юге лежали богатые владения разгромленных Франции, Голландии, занятой обороной собственных островов Англии, там были продовольствие, сырье, необходимая японцам нефть. А на севере ждали еще боеспособные советские войска и Сибирь с колоссальными, но еще не освоенными ресурсами. Если увязнуть там, южные колонии хапнут немцы или американцы. Ну а когда СССР рухнет, то и Сибирь никуда не денется.

Однако при наступлении на юг было неизбежным столкновение с США. И представлялось выгоднее ударить первыми, сразу подорвать их военно-морскую мощь, чтобы не мешали дальнейшим действиям. Знали ли об этих планах в Вашингтоне? Да, знали. Америка и Англия к этому времени получи-

ли уникальную систему декодирования шифровок, могли читать и немецкие, и японские сверхсекретные радиোগраммы. Их тексты ложились на стол президента США даже раньше, чем их читали в японском посольстве. Не дремали и разведки. *Но вплоть до нападения на Перл-Харбор или поставки в Японию американской нефти!* И только благодаря этим поставкам бедная ресурсами страна смогла создать стратегический резерв топлива, чтобы нанести удар по самим Соединенным Штатам! А потом захватить голландские нефтеразработки в Индонезии, после чего можно было продолжать войну уже самостоятельно.

Политика «пацифизма»? Да уж какой пацифизм. Прекрати поставки — и война не состоялась бы. Исследователи неопровержимо доказали, что Рузвельт знал и о подготовке нападения на Пирл-Харбор[166]. Но личный состав главной военно-морской базы США не был предупрежден, не изготовился к обороне... Неужели президент тоже хотел «не поддаваться на провокации»? Нет, тут сказались другие факторы.

Дело в том, что для установления «нового мирового порядка» требовалось разрушение «старого» — базирующегося на колониальной системе. Американскую «закулису» вполне устраивал японский удар на юг, подрывающий колониальное могущество европейских держав. Ну а кроме того, чтобы внедрять этот «новый порядок», Америке самой требовалось вступить в войну. Однако для Рузвельта это оказалось чрезвычайно затруднительно. Когда его политика «Нового курса» обернулась для американского народа новыми бедствиями и новым разорением, в США возникло сильное недовольство. На выборах 1936 г. шансы Рузвельта сохранить свой пост резко упали. Но его советник, Бернард Барух, возглавлявший предвыборную борьбу, сыграл на том, что обстановка в Европе и на Дальнем Востоке уже накалялась. И повел кампанию под антивоенными лозунгами!

Рузвельт заявлял: «Пока я остаюсь президентом, я могу гарантировать американским матерям, что их дети ни в коем случае не будут посланы ни на какую войну, ведущуюся за пределами США». Сразу после своего переизбрания он провёл закон о нейтралитете, согласно которому в конфликтах между нейтральными державами Соединенные Штаты не могли

посылать свои войска на подмогу союзникам... Словом, американцев надули по тому же сценарию, как в 1916 г., когда банкиры обеспечили победу своему ставленнику под лозунгом «Вильсон уберет Америку от войны». Но ведь как раз из-за этого политика Вильсона потерпела крах — ему поставили в вину «ненужное» вмешательство в чужую драку.

Современные исследователи уже доказали, что Рузвельт допустил удар по Пирл-Харбору преднамеренно. Мало того, этот удар был преднамеренно спровоцирован. И подготовкой к этому занимался все тот же Барух. По его инициативе в Калифорнии в конце 1930-х была даже проведена военно-морская игра под кодовым названием «14» — в ней моделировалось нападение японцев на Пирл-Харбор. Результаты были строжайше засекречены, их не довели даже до заместителей министра обороны. А командующий Тихоокеанским флотом адмирал Ричардсон, который засыпал Вашингтон докладами об опасности нападения на Пирл-Харбор и необходимости усиления обороны, был в 1940 г. без объяснения причин снят с должности.

Различные ведомства США, подконтрольные Баруху, все сильнее злили японцев, заведомо оскорбляли их. Объявляли торговое эмбарго, арестовывали счета японских фирм и частных лиц. Рузвельт в весьма обидной и вызывающей форме отказал в приеме послу Японии, заставив его прождать в приемной 20 часов (но при этом, несмотря ни на какие эмбарго и оскорбления, японцам шли поставки американской нефти!) Результат известен. Пирл-Харбор подвергся разгрому. Погибло 2 тыс. человек, легли на дно линкоры и крейсера. После этого ни у кого не осталось сомнений, «нужна» ли война — на Америку напали, подло, «неспровоцированно». Хотя можно добавить еще один известный факт. В Пирл-Харборе были потоплены только старые корабли. А авианосцы «по случайности» накануне ушли из Пирл-Харбора. И других новейших кораблей в момент удара на базе не оказалось. Они и стали главным оружием в начавшихся океанских сражениях. А «заодно» с Японией была объявлена война и Германии. В таких условиях про закон о нейтралитете и предвыборные обещания уже никто не вспомнил...

Для Советского Союза это принесло определенную пользу. США и Англия пообещали открыть второй фронт в 1942 г., увеличили поставки по ленд-лизу. Но одновременно Америка начала осуществлять меры по установлению своего «мирового порядка». Аналогично прежнему «плану Хауса», стратегическим партнером была выбрана Англия. И уже в августе 1941 г. эти страны без СССР приняли Атлантическую хартию, претендуя на роль верховных арбитров при последующем переделе мира. Хартия не признавала территориальных изменений, случившихся во время войны (в том числе, под нее попадали советские приобретения 1939—1940 гг.)[161].

А вступление США в войну дало возможность Рузвельту провозгласить создание новой системы — Объединенных Наций. Возникла вторая заготовка «мирового правительства», которому предстояло сменить вильсоновскую Лигу Наций. Причем и Советскому Союзу пришлось за помощь по ленд-лизу 1 апреля 1942 г. заплатить вступлением в состав Объединенных Наций. Таким образом, Россию втягивали в подготавливаемый «мировой порядок».

Что же касается самих поставок, то они, конечно, сыграли важную роль в войне. Неужели в напряженнейшей схватке что-то могло быть лишним: тушенка, «студебеккеры», алюминий? Но и переоценивать их, как делается в западной литературе, не следует. Прислушаемся к мнению даже не советского, а британского компетентного лица, министра в кабинете Черчилля Эрнеста Бевина: «Вся помощь, которую мы были в состоянии оказать, была незначительной по сравнению с громадными усилиями советских людей»[115].

Разумеется, поставки не могли «компенсировать» русскую кровь, льющуюся на фронтах. И они составляют лишь 4% вооружения и техники, произведенной самим Советским Союзом[94, 115]. Не говоря уж о том, что импортные танки, работавшие на бензине, горели, как факелы, британские «харрикейны» были очень слабо вооружены, а американские «аэрокобры» легко срывались в штопор, из которого не выходили. Но при острой нехватке техники лучше такая, чем ничего... Наконец, зарубежные авторы, в своих рассуждениях о значении ленд-лиза всегда оперируют только суммарными

цифрами. А если разложить их по времени, картина получается еще более сомнительной.

Оказывается, что основной поток военных грузов хлынул в СССР с 1943 г.! Когда исход войны был уже ясен, эвакуированная на восток отечественная промышленность восстановила производство. А западным державам требовалось доказать, что и они вносят большой вклад в победу, смягчить недовольство русских по поводу своей пассивности. Но в самый трудный период, в 1941—1942 гг., когда и впрямь на счету был каждый танк и самолет, объемы поставок были крайне незначительны. Заявки, представленные Москвой по первому протоколу (октябрь 1941 — июнь 1942 гг.), были союзниками уполовинены. А реально отгрузили еще меньше. США, например, выполнили свои обязательства по поставкам танков и самолетов на 30%, автомашин на 19% [115]. А ведь выделенные грузы требовалось еще и доставить в СССР! Но в апреле 1942 г., ссылаясь на большие потери конвоя PQ-13, Черчилль высказался за прекращение морских перевозок до полярной ночи — на полгода. Сталин настоял на продолжении поставок, но трагедия конвоя PQ-17 стала аргументом для их приостановки. Хотя в России кипели самые ожесточенные сражения на подступах к Кавказу и Сталинграду...

Тем не менее в июне 1942 г., когда истек срок первого протокола о поставках, правительства США и Англии значительно урезали их объем. Предлогом стало их обязательство открыть второй фронт. Дескать, вооружение и техника нужны собственным армиям. Однако на самом деле в 1942 г. второй фронт никто не думал и не планировал открывать. Еще зимой 1941/42 г. Черчилль составил меморандум для начальников штабов, где прямо указывал: «Главным фактором в ходе войны в настоящее время являются поражения и потери Гитлера в России... Ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не должны принимать никакого участия в этих событиях, за исключением того, что мы обязаны с пунктуальной точностью обеспечить поставки снабжения, которые мы обещали» [115]. Как было показано, до «пунктуальной точности» тоже было далеко.

Бывший советский посол в Лондоне И.М. Майский, анализируя эти факты, приходил к выводу, что англичане, конеч-

но, не желали поражения России. Но и не хотели ее победы. «Идеальным, с точки зрения Черчилля, было бы если бы и Германия, и СССР вышли из войны сильно потрепанными, обескровленными и на протяжении, по крайней мере, целого поколения бродили бы на костылях, в то время как Англия пришла бы к выигрышу с минимумом потерь и в доброй форме европейского боксера» [101]. А позицию американцев откровенно озвучил бывший посол в Москве А. Гарриман. В 1947 г. в одном из интервью он сказал, что делал в России «важный бизнес» — пусть Советский Союз «разобьет силы Гитлера, и нам не придется самим выполнять эту грязную работу. Рузвельт не хотел допустить, чтобы войска США снова, как в Первой мировой войне, подверглись кровопусканию».

В общем, несмотря на усилия Сталина не допустить того же расклада сил, как в 1914 г., Россия снова очутилась в одном лагере с прежними союзниками по Антанте, и вели они себя столь же неискренне. Точно так же норовили подставить русских, добиться их ослабления. Вместо обещанного второго фронта во Франции Англия и США в ноябре 1942 г. предприняли высадку в Северной Африке. При этом, кстати, в полной мере проявилась рабская психология западноевропейцев. Ожесточенное сопротивление англичанам и американцам оказали не немцы или итальянцы, а французы! Несмотря на порабощение своей родины, на ее грабеж, аресты и казни, они встретили десанты огнем, некоторые отбили. Правительство Петэна и Лавалья заверяло Гитлера в своей верности. Но он церемониться не стал и распорядился о полной оккупации Франции. Мизерными силами — кипела битва под Сталинградом, и на Западе у немцев войск оставалось всего несколько дивизий. Но им, в отличие от союзников, никто не противодействовал. Они заняли так называемую «свободную зону» Франции, две трети страны, без единого выстрела. А французские солдаты и матросы послушно построились и зашагали в германские лагеря военнопленных.

Как известно, второй фронт, невзирая на все клятвенные заверения, не был открыт, и в 1943 г. Черчилль объяснял, что союзники еще не готовы к столь масштабной операции, говорил о сильной обороне на Атлантическом побере-

же, большом количестве германских войск. Но сейчас уже хорошо известно, что эти заявления были ложью, причем заведомой. Британский премьер, как и американский президент, имел в своем распоряжении сверхсекретную систему дешифровки «Энигма», читал все германские радиogramмы, поэтому отлично знал, что оборона во Франции весьма хилая, воинских контингентов мало. Истинная причина задержки второго фронта оставалась той самой, которая излагалась в процитированном выше анализе Майского. Зачем вмешиваться? Пусть Германия и СССР посильнее измочают друг друга[11].

Но и вообще оставаться в стороне от войны было нельзя. И 10 июля 1943 г., когда главные силы Германии ввязались в сражение на Курской дуге, американцы и англичане произвели высадку в Сицилии. Здесь у них имелась сильная «союзница» — мафия. Муссолини здорово прижал ее в Италии, как раз во время его правления мафиози побежали за океан. Спецслужбы США установили с ними плодотворные контакты, и мафия на Сицилии сыграла роль «пятой колонны». Итальянские части сдавались, население встречало союзников с распростертыми объятиями. Были установлены и связи с теневыми кругами Италии — банковскими, политическими, масонскими. Высадка англо-американцев в Сицилии дала им повод раздуть недовольство, и вместо организации обороны в Риме произошел переворот. Муссолини арестовали, правительство возглавил маршал Бадольо.

Гитлер, как и следовало ожидать, разгневался, хотел немедленно ударить на Рим. Но... его охладили советники. Доказывали, что ударить-то нечем. Канарис скрыл информацию о тайных переговорах Бадольо с западными державами, уверял, что Италия остается союзницей. Да и итальянские войска занимали участки фронта в России, на Балканах. Если поссориться, то кем их заменить? Но 3 сентября Италия подписала секретное соглашение о перемирии с англичанами и американцами, а 8 сентября объявила о разрыве с Германией. Союзники стали высаживаться на Апеннинском полуострове.

Эта операция, между прочим, выглядит очень некрасиво. Если бы высадка осуществилась на севере полуострова или хотя бы в районе Рима, то находящиеся в Италии 8 диви-

зий Кессельринга были отрезаны и погибли. В ставке Гитлера это считалось само собой разумеющимся, вечером 8 сентября упомянутые 8 дивизий уже списали как «безвозвратно потерянные» [203]. Кроме того, при высадке на севере силы союзников значительно пополнились бы, вобрав в себя итальянскую армию. Была бы захвачена мощная промышленность Северной Италии, работавшая на Германию. Но... ничего этого не произошло. Несмотря на то, что многие союзные военачальники настаивали на таком варианте действий, высадка началась на самой южной оконечности полуострова.

К 10 сентября, когда это обозначилось, в Берлине вздохнули с чрезвычайным облегчением. А Гитлер приказал Кессельрингу предпринять операцию против изменивших итальянцев. Основная часть апеннинской группировки немцев была занята в боях с союзными десантами, итальянские войска обладали огромным численным преимуществом, они находились на родной земле. Но опять сказалась рабская психология европейцев. Не получив поддержки англичан и американцев, итальянские соединения беспрепятственно позволили малочисленным германским частям оцепить себя, без сопротивления сложили оружие — и зашагали в лагеря военнопленных (откуда ох как многим не суждено было вернуться). Столь же послушно дали себя разоружить и пленить итальянские дивизии в Югославии, Греции, СССР. Кое-как германскому командованию удалось наскрести подкрепления и воссоздать в Италии сплошной фронт.

В чем же была причина столь вопиющего «прокола» союзников? Объяснения Эйзенхауэра, что для высадки на севере не доставал радиус действия истребителей с Сицилии, критики не выдерживают. При подавляющем превосходстве военно-морских и воздушных сил США и Англии это было не столь уж существенным препятствием. В конце концов, можно было воспользоваться итальянскими аэродромами. Разгадка кроется в другом. Именно в том, что при высадке на севере Италия полностью и сразу была бы занята союзниками. Но в таком случае, чтобы восстановить фронт по Альпам, Гитлер двинул бы войска в Швейцарию! Для этого уже была разработана операция «Зильберфукс» («Серебряная лиса»). Но

«мировую закулису» захват Швейцарии с ее банками ничуть не устраивал. Вот и осуществилась операция таким образом, чтобы избежать подобного развития событий.

А как только выяснилось, что фронт в Италии удержался, окружение надавило на фюрера. Доказало, что для Германии выгоднее сохранить Швейцарию нейтральной. Очевидно и сам Гитлер смекнул, что покушение на соседнюю чистенькую республику заденет интересы слишком уж могущественных группировок. И операцию «Зильберфукс» он отменил. Швейцарские банки могли по-прежнему без помех осуществлять «международные расчеты». А в Италии боевые действия пошли ни шатко ни валко, и союзные войска ползли через весь Апеннинский полуостров более полутора лет... На чьей совести остаются жизни сотен тысяч англичан, американцев, французов, итальянцев, евреев, погибших в затяжных боях и в период германской оккупации Италии, оставляю вопрос открытым.

«Международные расчеты» были действительно не лишними. Вплоть до вступления в войну в США перечислялись прибыли от их германских филиалов, дочерних и совместных предприятий. В этом были задействованы и Рокфеллеры, и Форд, а Кан, напомним, имел значительные вложения в Италии. Но и после декабря 1941 г. связи американских компаний со странами противника отнюдь не прервались. Причем в госдепартаменте об этом хорошо знали. Так, в 1943 г. официальный доклад межминистерского комитета по вопросам связи прямо указывал на нечистые дела «Интернэшнл телефон энд телеграф корпорейшн», на то, что концерн получает хороший «навар» от дочерних структур в странах фашистской оси[10]. Не прекращалась и широкая торговля с немцами через нейтралов. Никаких мер против этого не предпринималось.

И удивляться этому, конечно, не стоит. Так же, как Вильсон с началом войны облагодетельствовал своих теневых покровителей, выдвинув их на высокие и выгодные посты, так поступил и Рузвельт. Барух, как и в прошлую войну, стал фактически экономическим диктатором, получив под контроль американскую промышленность и внешнюю торговлю. Маршалл еще раньше, 1 сентября 1939 г., в день начала Вто-

рой мировой, был назначен начальником штаба армии США. А американские Варбурги унаследовали «семейную» традицию своего двоюродного деда Макса Варбурга — заниматься не только банками, но и разведкой. Джеймс Пол Варбург стал заместителем директора Управления военной информации. В военной разведке важные посты заняли и Пол Феликс Варбург, Эрик Варбург.

Делам разведки Рузвельт вообще придавал важное значение, в 1942 г. создал Управление стратегических служб США, будущее ЦРУ. Возглавил его генерал Донован — который успел поучаствовать в российских делах, был американским представителем при штабе Колчака (и немало поспособствовал поражению Белого движения в Сибири). Между прочим, и в британской разведке снова всплыли фигуры, проявившие себя в прежних антироссийских делах. Ранее уже указывалось, что Брюс Локкарт был задействован в интригах вокруг Мюнхенского сговора. А с началом войны «Сикрет интеллидженс сервис» привлекла на службу и Вильяма Вайсмана. Напомним, он после Первой мировой остался в США, был принят в банк «Кун и Лоеб». Теперь о нем вспомнили. Правда, широких полномочий больше не предоставили, поручили работу по связям с американской разведкой. Ну уж тут ему были все карты в руки — если в спецслужбах США окопались Варбурги и другие его знакомые банкиры.

В общем, Советскому правительству с такими союзниками пришлось действовать в очень непростой обстановке. Но следует отметить, что и в этом отношении Сталин вел себя совершенно иначе, чем Николай II. Царь старался идти навстречу требованиям западных соратников, считал общие интересы коалиции выше частных. Сам же в случае какой-либо нужды выступал довольно скромным и вежливым просителем. Но приводило это к тому, что союзники откровенно нагнали, пытались диктовать свои условия и даже позволяли себе вмешиваться во внутренние дела русских. Сталин в диалоге с Западом держался твердо и независимо, руководствуясь сугубо советскими интересами. Считал союзников должниками СССР, а себя — вправе предъявлять им решительные требования. И это оказывалось гораздо эффективнее. Слушали,

соглашались. Даже и не пытались заноситься, а уж тем более лезть в советские внутренние дела. И авторитет России в составе антигитлеровской коалиции был куда выше, чем в составе Антанты.

Впрочем, и среди западных союзников единство было лишь мнимым. Точно так же, как в Первую мировую, США в сговоре с Англией стремились прижать Францию, а Америка при этом тайно «копала» и под Англию. Под предлогом того, что французское правительство пресмыкалось перед Гитлером, выдвигались предложения считать Францию чуть ли не союзницей нацистов, после войны передать под управление Контрольного совета наряду с Германией. Сталин эти проекты порушил. Признав комитет де Голля правительством в изгнании, настоял на том, чтобы считать Францию членом антигитлеровской коалиции. Конечно, настоял не из особой любви к французам. Просто поддержал потенциальных конкурентов американцев и англичан, пытающихся распоряжаться судьбами мира.

А к играм против Англии Рузвельт пытался привлечь и Сталина. Весной 1943 г. прислал к нему своего уполномоченного Дж. Дэвиса, потом сам подкатывался на Тегеранской конференции, закидывая предложения, что после войны Англия будет не в состоянии удержать свою огромную колониальную империю, поэтому США и России стоит поговорить о переделе «сфер влияния» за счет британцев. Сталин оба раза отказался обсуждать этот вопрос. Подобный сговор выглядел слишком уж грязно. Да и Рузвельт вряд ли был откровенным. Усиление СССР в планы США тоже не входило. И американский президент вел какую-то собственную игру — например, чтобы поссорить Москву и Лондон (и тем самым покрепче привязать его к себе).

Тем не менее из своих партнеров по Большой тройке Сталин предпочитал Рузвельта. Видел в нем более гибкого, взвешенного политика, с которым легче найти компромисс. Действительности это не соответствовало. Рузвельт был лишь более тонким и хитрым, а его решения жестко определялись установками американской «закулисы». Но в определенных случаях эти установки совпадали с советскими интересами —

хотя имели под собой иные причины. Именно это проявилось в ноябре 1943 г. в Тегеране. Черчилль упорно стоял за то, чтобы и в 1944 г. открыть фронт не во Франции, а на Балканах. Конечно, его план был чисто политическим. Англичане желали захватить под свое влияние Юго-Восток Европы, не уступить его России. А с военной точки зрения союзники, высадившись на Балканском полуострове, ползли бы от одного горного рубежа к другому — так же, как в Италии.

Однако Рузвельт уверенно поддержал Сталина. Потому что усиление позиций Англии в Юго-Восточной Европе было для американских теневых кругов не интересно. Было уже ясно, что СССР даже и без второго фронта в состоянии разгромить Гитлера. А для реализации планов «нового мирового порядка» требовалось американское «освобождение» и военное присутствие не где-нибудь в балканском захолустье, а в ведущих европейских странах. Во Франции, Германии... И только тогда был окончательно решен вопрос об открытии второго фронта и определен срок — май 1944 г.

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ «ТРЕТИЙ ПУТЬ»?

Вторая мировая еще раз перемешала русскую эмиграцию. Подавляющее большинство ее было настроено против нацистов. Отказывались сотрудничать с германскими властями, сочувствовали Советскому Союзу в его борьбе. Десятки тысяч русских сражались в рядах английской, американской, французской армий, в отрядах югославских, болгарских, итальянских, французских партизан, участвовали в организациях сопротивления. Многие отдали жизни в боях, погибли в гитлеровских застенках.

Но были и такие, кто увидел в немцах «союзников». Генералы фон Лампе и Бискупский обращались к главнокомандующему сухопутных войск Браухичу с просьбой использовать белогвардейцев. Как уже отмечалось, немцев поддерживали различные националисты. За «союз» с Германией выступал и бывший донской атаман П.Н. Краснов. Он предполагал два варианта развития событий: либо в СССР под влиянием по-

ражений начнется восстание против коммунистов и «образуется новое правительство типа Петена-Лавалья», т.е. марионеточная власть, которая заключит мир с немцами, либо нацисты оккупируют значительную часть страны, а на оставшейся части возникнет правительство, которое вынуждено будет принять все германские условия.

Краснов консультировал немцев по «казачьим» вопросам, вызываясь поднять казачье движение. Его поддерживали другие «атаманы в изгнании», кубанский — Науменко, терский — Вдовенко, и астраханский — Ляхов. Осенью 1941 г. они обратились к нацистскому командованию и МИД, приветствуя «приближающиеся к границам казачьих земель победоносные германские войска». Из адреса обращения — министерство иностранных дел, видно, что и они претендовали на некий суверенитет после распада СССР. Но не тут-то было. Никакие «союзники», даже и марионеточные, нацистам не требовались. Перед началом вторжения Розенберг доложил Гитлеру, что «есть два способа управлять областями, занимаемыми на востоке, первый — при помощи немецкой администрации, гауляйтеров, второй — создать русское антибольшевистское правительство, которое было бы и центром притяжения антибольшевистских сил в России». Фюрер отрезал: «Ни о каком русском правительстве не может быть и речи; Россия будет немецкой колонией и будет управляться немцами».

Из белогвардейцев Бискупского и Лампе немцы сочли нужным привлечь на службу только 52 человека. В качестве переводчиков. На предложение о более активном сотрудничестве последовал отказ. После переговоров немцы все же решили сформировать из казаков и прочих белоэмигрантов «Охранный корпус» в Югославии. Его командиром был назначен служивший ранее в царской армии генерал Б.А. Штейфон. В составе корпуса создавались казачьи сотни для отправки на Дон и Кубань. Активное участие в этом приняли генералы Краснов, Шкуро, Абрамов. Впрочем, до корпуса соединение не дотянуло, в него записалось лишь 2 тыс. человек. И ни на какой Дон и Кубань они не поехали. Их оставили в Югославии для борьбы с партизанами, охраны путей сообщения, предприятий и шахт[79, 156, 204].

С существованием «республики» под Брянском германское командование временно мирилось, чтобы не создавать себе проблем в ближних тылах. Но распространять влияние на соседние районы ей не позволили. Претензии украинских националистов создать «правительство» были пресечены. А белорусскую «народную милицию» разогнали. Изрядную подпитку добровольцев немцы получили, когда прорвались на Дон, Кубань, Северный Кавказ. Казаки не забыли геноцида гражданской войны, репрессий, голодомора. Распространялись воззвания Краснова. В Новочеркасске возник Донской казачий комитет, было объявлено о формировании добровольческих частей. Но и казакам реального самоуправления предоставлено не было. На Дону и Кубани оккупанты ничуть не стеснялись грабить, осуществлять массовые расправы (и не случайно советская комиссия по расследованию нацистских зверств начала свою работу именно здесь). А Краснова и Шкуро использовали в чисто рекламных целях, им даже не позволили приехать на родину.

Правда, затяжной характер войны и большие потери заставляли немцев все шире привлекать русских на службу. Но никакой их самостоятельности не допускалось. Германское командование принялось формировать из них «Остлегионен» и «Остгруппен» — вспомогательные части, примерно соответствующие батальону. Командовали ими немецкие офицеры, а советские волонтеры служили на правах немецких солдат. Был учрежден пост главнокомандующего «Остгруппен», им стал генерал Хайнц Гельмих. Но он занимался не боевыми операциями, а вопросами формирования и учета. Потому что такие части не сводились воедино, а преднамеренно распылялись по разным армиям и соединениям. В составе «Остгруппен» организовывались также северокавказские, грузинские, армянские, татарские, калмыцкие, туркестанские батальоны. Эстонцам, латышам и литовцам немцы доверяли больше. Из них формировались полки и дивизии, перешедшие под эгиду СС. А из казаков-пленных на территории Польши стала создаваться кавалерийская дивизия под командованием германского генерала фон Паннвица.

В Циттенхорсте и Вустрау открылись «учебные лагеря», где из специально отобранных пленных предполагалось го-

товить административные кадры для оккупированных земель. А на местах организовывались отряды украинской, белорусской, прибалтийской, русской, еврейской полиции. Да, и еврейской тоже — ей поручали надзор за соплеменниками в гетто, поддержание там порядка и выявление «врагов». Парадоксального здесь нет. Например, крымские татары активно боролись с партизанами, участвовали в карательных операциях, не зная, что и они обречены на уничтожение — ведь по плану «Ост» Крым относился к зонам «тотальной германизации».

И как раз такие, русские и национальные формирования, оккупанты стали использовать для расправ над мирным населением. Это позволяло «повязать кровью» помощников. Была и другая причина. В августе 1942 г. Гиммлер пожелал посмотреть расстрел под Минском. Но когда сотню человек построили перед автоматами эсэсовцев и очереди стали кромсать голые тела, рейхсфюрер, по словам руководившего расстрелом группенфюрера Бах-Зелевского, «сомлел, как заурядный интеллигент» — после чего пришел к выводу, что казни женщин и детей могут плохо повлиять на психику германских солдат, привести к нарушениям половых функций. Вот и приказал привлекать для этого «недочеловеков».

Но среди русских людей нашлись и сторонники не советского или прогерманского, а «третьего пути». Эмигрантский Народно-трудовой союз провозгласил задачу «борьбы на два фронта, с завоевателями извне и с тиранией изнутри». Воспользоваться войной, чтобы поднять в России «национальную революцию». Для этого Исполнительное бюро НТС нелегально обосновалось в Берлине, около 200 активистов были направлены на Восток. Они поступали на работу в различные учреждения Остминистериума (министерства Восточных территорий), в германские фирмы, посылавшие своих представителей для освоения захваченных районов, некоторые ехали нелегально, с поддельными документами.

Центры НТС возникли в Смоленске, Брянске, Киеве, Виннице, Днепропетровске, Одессе — всего было создано 120 групп в 54 городах. Разворачивали агитацию. Там, где получали доступ к типографиям, печатали листовки. Старались связаться с партизанами и вывести их из-под влияния коммунистов, вели работу в частях «Остгруппен», среди пленных, ут-

нанных в Германию «остарбайтеров». Активисты НТС сумели внедриться в упомянутый «учебный лагерь» в Вустрау, распространяли свои идеи среди преподавателей и тех, кого немцы готовили себе в помощники на Востоке. Членам НТС формально запрещалось служить в полиции и других карательных органах, но ясно, что при подобной деятельность полностью без контактов с оккупантами обойтись было нельзя. Так, эмиссар НТС Э. Вюртлер, руководивший заброской активистов в Россию и курировавший связь с ними, работал в эсэсовском «Зондерштабе-Р» в Варшаве (который вел разведку против партизан) и использовал каналы этой организации.

Сторонниками «третьего пути» представляли себя и бандеровцы, объявившие «войну на два фронта». Бандеру нацисты даже посадили в тюрьму. Правда, содержали со всеми удобствами, а украинские националисты в бой с немцами никогда не вступали. Вместо этого резали поляков, евреев, а войну вели против советских партизан. Бывало, что заключали с немцами секретные соглашения о совместных операциях против них. И германские части, в свою очередь, бандеровцев не трогали.

А в 1942 г. в руководстве рейха решили, что для активизации антисоветских сил в России требуется авторитетный лидер. Хотя роль его оценивали по-разному. Гитлер и его окружение полагали, что это нужно в пропагандистских целях, для разложения Советской армии. А сторонники смягчения оккупационной политики считали, что необходимо уменьшить размах террора, расчленив СССР на формально «независимые» национальные образования со своими «правительствами» — а для этого необходим русский «вождь». Одной из подходящих кандидатур виделся Яков Джугашвили, сын Сталина — видать, немцы так представляли русскую психологию, что после отца народ признает «законным наследником» сына, наподобие Лжедмитрия. Однако Джугашвили наотрез отказался.

Вторым кандидатом стал генерал Лукин, который и сам обращался с подобным предложением. Но, пережив в лагерях страшную зиму 1941/42 гг., когда вымерли миллионы пленных, он понял, что союз с нацистами невозможен, и сотрудничество с ними отверг. (Кстати, после освобождения Лукин

был арестован МГБ, и Сталину доложили о его нелояльном поведении в плену. Но Иосиф Виссарионович, рассмотрев все факты, репрессировать его не стал и велел выпустить, восстановив в генеральском звании). Третьим кандидатом стал Андрей Андреевич Власов. В литературе до сих пор дискутируется вопрос, был ли он борцом за демократию или предателем? Что ж, из этой дилеммы надо всего лишь выбросить «или». Разве мало борцов за демократию становились предателями своей страны?

Власов был сыном священника, учился в Нижегородской семинарии, после революции пошел в Красную армию. Закончил курсы «Выстрел», вступил в партию. Преподавал в Ленинградской военной школе, был военным советником в Китае. Успел послужить начальником военного трибунала в Киеве, активно поучаствовал в репрессиях 1930-х. Войну встретил командиром 4-го моторизованного корпуса. Попал в окружение. Организовать прорыв не сумел или не смог, приказал рассредоточиться и выходить мелкими группами. Сам выходил по вражеским тылам вдвоем с любовницей, военврачом Подмазенко. Причем, характерный штришок, в деревни первая заходила она, хотя и была беременной. А когда выяснялось, что опасности нет, Власов, наблюдавший из укрытия, присоединялся к подруге.

Добрались до своих, и генерал был назначен командующим 20-й армией. В битве под Москвой ее штаб спланировал операции и начал громить врага без Власова, он еще подлечивался после выхода из окружения. Тем не менее, раз его армия отличилась, то и он прославился. Получил назначение заместителем командующего Волховским фронтом. Современные исследователи выявили еще один любопытный штрих к психологическому портрету Власова. Его жена и Подмазенко, отправленная в тыл и родившая ребенка, не знали друг о друге. И генерал писал им совершенно одинаковые письма, слово в слово. Будто под копирку, чтобы не напрягаться и не придумывать лишнее. Менял только имена...

2-я ударная армия Волховского фронта еще в январе 1942 г. перешла в наступление с задачей деблокировать Ленинград. Заняла большой район лесов и болот, но затем застряла. Не смогла расширить и горловину прорыва, она дос-

тигала лишь 13 км. А командармом вместо заболевшего Клыкова стал Власов. Армия находилась всего в 30 км от войск Ленинградского фронта, для дальнейших действий ее решили подкрепить, но сделать этого не удалось из-за катастрофы на юге. 2-я ударная осталась в почти готовом «мешке», и германское командование принялось сосредотачивать против нее войска. Когда это обнаружилось, 21 мая, Ставка решила вывести армию из полуокружения. Но противник заметил отход наших частей, навалился на них и 6 июня перерезал горловину. В кольце оказались 7 дивизий и 6 бригад. Правда, далеко не комплектных, в армии оставалось в строю 30 тыс. человек

На Волховский фронт был прислан начальник генштаба Василевский, выручать 2-ю ударную. Сил было мало, пехоту и танки «выщипывали» по батальону из разных соединений. Но все же 21 июня пробили узкий проход в 300—400 м. Стали вывозить раненых. Однако беда усугубилась ошибками Власова. Выход он толком не zorganizовал, за ранеными потянулась пехота, державшая эту самую горловину, и немцы опять замкнули кольцо. Василевский и Мерецков организовали новый удар извне, передав окруженным, чтобы всеми силами атаковали изнутри. 24 июня коридор пробили. Но Власов при этом отдал армии такой же приказ, как при прошлом своем окружении — разбиться на группы и выходить кто как может. Люди выходили сутки, а 25 июня кольцо замкнулось окончательно. Многие просачивались и позже. Всего вышло 16 тыс., погибло 6 тыс., 8 тыс. попало в плен.

Командарма искали, передали об этом указание партизанам, в тыл врага заслали несколько разведгрупп. Но Власов бродил по лесу вдвоем с очередной любовницей-военврачом, в деревне Пятница обратился к старосте, попросил устроить поближе к дороге. А как только на ней показались немцы, вышел и сдался. Доставленный в штаб генерала Линдемана, он дал исчерпывающие показания о советских войсках (между прочим, многие попавшие в плен германские военачальники, в том числе Паулюс, отказывались это делать, ссылаясь на присягу). Потом Власов попал в лагерь высшего комсостава под Винницей и вместе с командиром 41-й дивизии Бояр-

ским составил доклад, что большинство населения и армии приветствовали бы свержение советского режима.

Сперва операция с Власовым проходила по ведомству отдела «Вермахт-пропаганда». Его «опекуном» стал капитан Штрик-Штрикфельдт. Гитлеровских взглядов на восточную политику он не разделял, но верил, что ее можно изменить. За подписью Власова была выпущена листовка к советским солдатам и декларация, будто в Смоленске создан «Русский Комитет» и началось формирование РОА — «Русской освободительной армии». Это был обман, никакого комитета не существовало. Документ предназначался, чтобы спровоцировать дезертирство в наших частях. Но Штрик-Штрикфельдт договорился с летчиками, чтобы часть тиража высыпали над оккупированной территорией — пускай возникнет «освободительное движение», а потом можно будет поставить командование перед фактом[4]. И в Смоленск, в адрес мифического комитета, пошли письма, приезжали ходоки. А «хиви» и солдаты «Остгруппен» оживились: теперь, вроде, было за что воевать. Они сами начали считать себя «власовцами», прикрепляли на мундиры нашивки «РОА» и ждали, когда их переведут в «свою» армию. Но германское верховное командование инициативу строго пресекало.

Осенью 1942 г. в Дабендорфе под Берлином была создана «школа пропагандистов». Предполагалось готовить что-то вроде комиссаров для работы в частях «Остгруппен», среди пленных и «остарбайтеров», разъясняя «обманы коммунизма». Эта акция тоже была лишь экспериментом, в школе обучалось всего 100 человек. Но начальником школы стал Штрик-Штрикфельдт, и под ее крышей обосновался центр «Русского освободительного движения» (РОД). Власов и ряд других перебежчиков и пленных — М.А. Зыков, Г.Н. Жиленков, В.Ф. Малышкин, Ф.И. Трухин и др. Когда прорабатывали символику РОД, двуглавого орла и бело-сине-красное знамя германское начальство запретило — сочло, что они связаны с «традициями российской державности». И для нарукавных нашивок и эмблем приняли символику морского, Андреевского флага. Ее немцы признали «нейтральной» и дозволили.

Идеология РОД была крайне запутанной. Среди власовцев были коммунисты, но объявлявшие себя антисталинистами,

как бывший секретарь райкома Жиленков. Главным идеологом и пропагандистом стал Зыков, он же Цезарь Вольпе, один из ближайших помощников Бухарина. Значительную роль сыграл и НТС, внушая идеи «народно-трудового строя» и «третьего пути». Однако стоит задаться вопросом — а был ли он возможен в условиях войны, «третий путь»? Ответ напрашивается отрицательный. Даже при гипотетическом успехе «национальной революции» выиграли бы отнюдь не национальные силы, а чужеземные. Можно еще раз вспомнить, как подыграли врагам России Февраль и Октябрь. В Великую Отечественную последствия грозили быть еще более тяжелыми. Ведь нацисты, в отличие от кайзера, нацеливались не на расчленение и ослабление нашей страны, а на полное ее уничтожение.

Состав антисоветских формирований был очень неоднородным. В них вступали и убежденные антикоммунисты, и отребье, которому было без разницы, кому служить, абы погулять и пограбить. Для многих пленных вступление в подобные формирования являлось лишь способом выжить, вырваться из лагерей. Такие записывались куда угодно. Приезжал вербовщик от казаков — объявляли себя казаками, от украинцев — «хохлами». Иногда в самообмане, что это способ при удобном случае вернуться к своим. Некоторые и впрямь перебежали. Другие задумывались — у своих еще неизвестно что ждет, а здесь вроде жив, сыт, одет. И «прирастали». Участвовали в боях, в карательных акциях, после чего путь к своим был отрезан. Сделали первый шаг, а дальше плыли по течению, куда вынесет. Власовцы, красновцы, легионеры откололись от одного берега и не пристали к другому — потому что его не было. Ведь в Отечественной войне на карту были поставлены не идеологические схемы, а судьбы народов, быть им или не быть. А при таком раскладе неважно, каковы твои побуждения и убеждения. Важно лишь то, в какую сторону направлена твоя винтовка.

Но, несмотря на свой разношерстный состав, власовские и прочие антисоветские формирования представляли очень серьезную опасность для Советского Союза. Именно тем, что подрывали и раскалывали единство народа, снижали его способность к сопротивлению. И в значительной мере чужеземным силам снова удалось осуществить этот раскол, натравить

русских людей брат на брата. В составе германских войск насчитывалось до 800 тыс. советских граждан! Некоторые исследователи приводят цифру в 1 млн. (возможно, если считать с полициями)[4].

И предпринимались меры, чтобы раскол нашего народа углублялся. Покровители Власова весной 1943 г. организовали ему агитационные поездки в Смоленск, Могилев и Бобруйск, потом в Ригу, Псков, Лугу, Гатчину. Он, выступая перед населением, говорил о создании «независимого национального государства», о том, что немцы «в союзе с русскими» помогут сбросить «диктатуру Сталина» так же, как русские помогли Германии освободиться от Наполеона. На одном из собраний даже спросил слушателей, хотят ли они быть рабами немцев, и аудитория дружно кричала: «Нет!» Хотя Власов тут же пояснил, что рабами они станут, если будут защищать коммунизм, а, выступая против него, превратятся в «друзей» для нацистов.

Но далеко не всем немцам понравились подобные высказывания. Гестапо составило подборку цитат из выступлений Власова. Гиммлер озаботился еще и тем, что в Германии находилось 5 млн. пленных и невольников. А ну как тоже возомнят себя равноправными «союзниками», выйдут из повиновения? Рейхсфюрер СС доложил Гитлеру, и тот устроил выволочку генералам. И Кейтель приказал: «Ввиду неквалифицированных бесстыдных высказываний военнопленного генерала Власова во время поездки..., происходившей без ведома фюрера и моего, перевести его немедленно в лагерь для военнопленных». Покровители кое-как выгородили Власова, но 8 июня 1943 г. на совещании в Бергхофе Гитлер распорядился сохранить «власовское движение» только в рамках пропагандистской акции. А существующие русские части было решено использовать не на фронте, а в тылу, против партизан. Пусть, мол, докажут свою «лояльность».

Результаты стали отрицательными. На фронте антисоветские части сражались отчаянно — тем более что наши солдаты изменников в плен не брали. С немцами при отступлении ушло много жителей Северного Кавказа, с Дона. Обоз в 15 тыс. казаков попал в окружение, но они прорвали фронт и помогли выйти из кольца немецким частям. Под Новогрудком

из кубанцев и донцов был сформирован «Казачий Стан», нечто среднее между войсковым соединением и беженским табором. Бригада Каминского, созданная в брянской «республике», ожесточенно дралась под Дмитровском и Севском, а при отступлении от Брянска с немцами тоже ушел обоз беженцев в 50 тыс. человек. Части власовцев стояли насмерть и на Днепре.

Но в тылу солдаты этих формирований становились свидетелями зверств оккупантов — похлеще любой «сталинской тирании». И их самих направляли на погромы деревень, расстрелы женщин, стариков, детей. Многие начали перебегать к партизанам в надежде до прихода Советской армии выслужить прощение. Гиммлер и руководители гестапо сочли это подтверждением своих выводов о ненадежности русских. В сентябре 1943 г. Гитлеру был представлен доклад о случаях перехода к партизанам, убийствах немецких командиров и солдат. И фюрер настолько рассвирепел, что приказал расформировать все части «Остгруппен», а солдат разослать в работу на шахты и заводы.

Правда, такой приказ привел в ужас армейское командование — он вырывал из рядов вермахта сотни тысяч бойцов! Причем после огромных потерь Сталинграда и Курской дуги! Однако как раз в это время изменила Италия, требовалось срочно заменить ее войска. Все более очевидной становилась и угроза высадки англичан и американцев на Атлантическом побережье, а оборонять его было некому. Поэтому Гитлера уговорили смягчить решение — русские части не расформировывать, а перебросить на Запад. «Казачий Стан» отправили в Италию, казачью дивизию Паннвица — в Югославию, бригаду Каминского в Польшу, против партизан, и остальные 500 батальонов русских, украинцев, кавказцев, татар раскидали кого куда — во Францию, Италию, служить «пушечным мясом», защищая на чужбине германские интересы.

Ну а НТС для своей «национальной революции» попытался воспользоваться ситуацией безвластия — когда отступающие немцы ушли, а советские органы еще не утвердились. В нескольких городах устраивались митинги, в листовках распространялись призывы к борьбе, выдвигали лозунги «Покончим с Гитлером, возьмемся за Сталина!», «За свободную»

Россию без немцев и большевиков». Но уж такого нацисты не потерпели. В 1943—1944 гг. гестапо нанесло ряд ударов, разгромив структуры НТС и на оккупированной советской территории, и в Польше, Чехословакии, Австрии. В Берлине арестовали в полном составе Исполнительное бюро. Некоторых активистов казнили, другие попали в тюрьмы и лагеря.

ВОЙНА С ИЗНАНКИ

6 июня 1944 г. тучи союзных самолетов, армады кораблей и дивизии десантов обрушились на берега Нормандии. Наконец-то началась столько раз откладываемая операция «Оверлорд». И оборона «Атлантического вала» сразу посыпалась, как картонный домик. Потому что значительную часть германских войск во Франции составляли «Остгруппен». Англичане и американцы не были «сталинистами», у них не было страшной СМЕРШ, которая возьмет в оборот за измену. А кому нужно погибать за Гитлера? Русские, кавказцы, узбеки, таджики сдавались целыми частями и подразделениями, перебив немецких командиров.

А 23 июня началось грандиозное советское наступление в Белоруссии. Фронт был взломан, десятки тысяч немецких солдат очутились в «котлах» под Витебском, Бобруйском, Минском. И с Востока на Запад перебросить никаких подкреплений было уже нельзя... Союзники во Франции продвигались триумфальным маршем. Было взято 250 тыс. пленных, и большинство из них было солдатами «Остгруппен». Многие такие пленные вступали в союзные армии, желая выслужить гражданство и осесть после войны за границей. И их охотно брали. Почему бы и нет? Пусть воюют. А насчет гражданства видно будет...

Но открытие второго фронта имело еще одно последствие. В это время вдруг реализовался антигитлеровский заговор. «Вдруг» — потому что он существовал с самого начала войны. Недовольные фюрером генералы, офицеры, чиновники встречались, перебивали кости нацистской верхушке. Однако как только доходило до реального дела, тут же все и разлаживалось. Рисковать своими чинами и жизнями оппози-

ционеры отнюдь не спешили. Впоследствии уцелевшие заговорщики рассказывали о нескольких попытках покушения на Гитлера, которые якобы готовились, но описания покушений изобилуют такими сомнительными деталями, что неизвестно, были ли они вообще[203]. Во всяком случае, если бы оппозиция действительно решила устранить фюрера, она могла это сделать много раз.

И только в одном направлении заговорщики действовали активно и целенаправленно — в поддержании контактов с западными державами. С 1939 г. переговоры шли в Швейцарии, Ватикане. Обсуждалось, на каких условиях может быть заключен «мир без Гитлера». При этом оппозиция желала получить твердые гарантии, что Германии будут оставлены все завоевания в Центральной Европе, сохранена «свобода рук» на Востоке. Ни о каких принципиальных изменениях политики речь не шла. Лидер заговора генерал Бек указывал: «Плохо не то, что делает Гитлер, а то, как он это делает».

После Сталинграда интенсивность этих контактов резко увеличилась. В Швейцарии обосновался американский резидент Аллен Даллес. Личность весьма интересная, впоследствии он станет шефом ЦРУ — а выдвинулся, как и многие другие подобные деятели, при Вильсоне. Был племянником вильсоновского госсекретаря Лансинга, братом дипломата Джона Фостера Даллеса и, естественно, масоном. В 1916 г. работал в американском посольстве в Австро-Венгрии, в апреле 1917 г., с началом Первой мировой, Даллеса переводят в Швейцарию, в гнездо закулисных интриг, в которых переплелись немцы, австрийцы, большевики, англичане... И, само собой, банкиры. В 1919 г. Даллес среди советников Вильсона варился в еще одном клубке интриг, участвовал в Версальской конференции. Ну а в годы Второй мировой он сперва работал в представительстве британской МИ-6 в США, с нашим «знакомым» Вильямом Вайсманом[144]. После чего снова отправился в хорошо ему известную Швейцарию...

И «в гости» к Даллесу потянулись представители Канариса, генеральской, великосветской оппозиции. Канарис вел также переговоры через итальянцев. Еще одним центром закулисной дипломатии стал Стокгольм. Здесь посредниками в наведении мостов стали банкиры Маркус и Яков Валленбер-

ги. Через них установил связь с англичанами видный оппозиционер Герделер, сотрудники абвера. А когда «запахло жареным», к поискам сепаратного мира подключились и доверенные лица Гиммлера.

Рейхсфюрер СС был в курсе деятельности заговорщиков, но не трогал их, даже тайно встречался с ними — ну еще бы, ведь по одному из вариантов оппозиции Гитлера следовало заменить не кем иным, как Гиммлером. А друг друга руководители германских спецслужб покрывали. Когда абвер представлял доказательства контактов с противником рейхсфюрера СС, а гестапо или СД — аналогичные материалы на Канариса, оба клали их «под сукно», прекрасно зная, что у конкурента тоже имеется компромат. Тронешь его, еще неизвестно, что всплывет против тебя. От лица Гиммлера действовал начальник внешней разведки СД Шелленберг. И союзники отнюдь не брезговали встречаться с доверенными лицами рейхсфюрера СС, признавали их вполне допустимыми партнерами в переговорах.

Шелленберг установил связи и с Даллесом, и с британским генеральным консулом в Цюрихе Кейблом, а в декабре 1943 г. встретился в Стокгольме с Яковом Валленбергом и официальным представителем Рузвельта Хьюитом. Незадолго до того, в октябре 1943 г., состоялась конференция министров иностранных дел СССР, США и Англии, принявшая решение вести войну не иначе как до безоговорочной капитуляции противника. Было заключено и соглашение «О линии поведения в случае пробных предложений мира от враждебных стран». В ноябре эти решения подтвердила Тегеранская конференция. Но Хьюит о подобных договоренностях будто бы и «не знал». Как и вообще о союзнических обязательствах. Он указывал, что «следует переместить как можно больше войск вермахта на Восток, чтобы остановить русских, одновременно заключив мир с западными державами»[201]. Хьюит обещал Шелленбергу поговорить на этот счет в Вашингтоне, и, если план будет одобрен, в течение февраля дать в стокгольмской газете «Тиднинген» объявление: «Продаются ценные аквариумные золотые рыбки — 1524 кроны». Валленберг тоже выразил готовность предпринять соответствующие шаги по своим каналам.

В это же время и Риббентроп с ведома Гитлера начал зондировать почву для сепаратного мира, тайно встретился с англичанами в Испании. Однако эти контакты были обнаружены советской разведкой. И «Правда» со ссылкой на «корреспондента в Каире» опубликовала заметку о них. Англичане и американцы хорошо знали, что никакого корреспондента в Каире у «Правды» нет. Следовательно, публикацию в советском официозе мог инициировать только Сталин. Дело получалось слишком уж скандальным. И Черчилль письмом от 24 января поспешил заверить Сталина: «Мы и не думали о заключении сепаратного мира даже в тот год, когда мы были совсем одни...» О полной лояльности США заявил и Рузвельт[133]. Переговоры с Риббентропом дальнейшего продолжения не имели, а Шелленберг условного объявления о продаже рыбок так и не дождался...

Но контакты оппозиции с Западом не прервались. И по мере подготовки союзников к высадке во Франции заговорщики активизировались. Генерал Бек в мае 1944 г. даже направил Аллену Даллесу просьбу о военной помощи — высадить 2—3 американские дивизии воздушным десантом в Берлине и морские десанты в Гамбурге и Бремене, а оппозиция арестует Гитлера[203]. В штабе фельдмаршала Роммеля вырабатывались условия перемирия: немцы отводят войска из Франции, но и западная коалиция в Германию не вступает. Формируется правительство во главе с Беком, с англо-американцами заключается «конструктивное мирное соглашение», а на Востоке продолжается война. Еще один немаловажный факт — с 1943 г. к заговору примкнул один из главных эмиссаров американской «закулисы» в Германии Ялмар Шахт. А финансировали «генеральскую фронду» те же самые банкиры и промышленники, которые вносили вклады в «Фонд экономической помощи Адольфа Гитлера»[10, 139].

Словом, истинная подоплека заговора прослеживается весьма определенно. В свое время Вильсон использовал тактику «сшибания кайзера с насеста», заявлял, что война ведется не против германского народа, а лишь против «автократического режима». И как только в Берлине произошла революция, новое социал-демократическое правительство смогло получить мир. Теперь по настоянию США правительства ан-

тигитлеровской коалиции приняли аналогичное заявление, что война ведется не против германского народа, а против гитлеризма. Гитлер свое дело уже сделал, и его следовало убрать. А в результате западные державы будут иметь повод вступить с Германией в переговоры о мире.

Сама операция «Оверлорд» прошла не без «странностей». Скрыть столь масштабную подготовку к высадке было невозможно. Но она почему-то стала для немцев совершенно неожиданной. В момент вторжения часть офицеров поехала на выходные в тыл, некоторые части ушли на учения, а командиры отбыли на совещания. Немцы «прошляпили» не только время, но и место высадки. Ее ждали в районе Кале, в самой узкой части пролива, а не в Нормандии. И хотя разведка однозначно доносила — удар будет в Нормандии, германское командование упрямо объявляло такие сведения неприятельской дезинформацией. Даже когда высадка уже началась, и командиры частей, вступивших в бой, просили помощи, в ответ им приказывали не паниковать. Дескать, то, что происходит у вас — отвлекающий маневр, а основное десантирование начнется в другом месте[203]. В общем, закрадывается подозрение, что в немецком руководстве хорошо поработала «пятая колонна».

Ну а когда на континенте очутились большие силы союзников, пришло время осуществить переворот. Теперь было с кем договариваться о почетной капитуляции. Но, как известно, путч кончился неудачей. Потому что военная и гражданская оппозиция оказались ни на что не способными, кроме болтовни. По сути, и организацией, и непосредственным исполнением пришлось заниматься одному-единственному человеку, полковнику Штауфенбергу. К «западникам» он не принадлежал, в закулисных связях с англичанами и американцами не участвовал. Штауфенберг полтора года провел на Восточном фронте, занимаясь формированием частей «Остгруппен», и придумал фантастический проект союза с русскими антисоветчиками. Немцы сбросят Гитлера, а власовцы — Сталина. При подготовке путча 20 июля этому энергичному энтузиасту пришлось все делать самому. И договариваться с другими оппозиционерами, и связь держать, и собственноручно подкладывать бомбу фюреру. Более чем вероятно, что Штауфенбер-

га просто подставляли. Он был слишком «чужим» для деятелей типа Шахта, Бека, Гизевиуса. Вот и пусть действует один, чтобы самим остаться «чистыми». А от Штауфенберга можно будет избавиться — как оно и случилось, еще до подавления мятежа его расстреляли свои же соучастники.

Но после провала выступления расправа была крутой. Едва избежавший гибели Гитлер требовал вывести измену под корень. 7 тыс. человек было схвачено, 5 тыс. из них казнено. Истребляли и заговорщиков, и их близких, и тех, кто знал, но не донес. Гильотинировали, расстреливали, вешали в проволочной петле на мясницких крюках. Хотя Канариса и его приближенных, слишком много знавших о контактах с Западом, Гиммлер от общей участи уберег. Отправил в концлагерь, где их в апреле 1945 г. все равно уничтожили, но тихо, без допросов и суда. А вот Шахт, сыгравший в заговоре важную роль, почему-то уцелел. Тоже избежал суда, тоже попал в концлагерь, но содержался в хороших условиях и благополучно дожил до конца войны. Чудом? В чудеса не верится. Все говорит о том, что «силы неведомые» сочли нужным сохранить своего эмиссара, вот и сработали невидимые «пружинки». И банкиры с промышленниками, подкармливавшие оппозицию, остались живы.

А в операциях западных союзников произошло еще одно «чудо» — немецкие генералы квалифицировали случившееся именно так. Американские и британские армии, наступавшие широким и, казалось, неудержимым валом, в сентябре 1944 г. вышли к границам Германии и... остановились. Хотя огромную «дыру», возникшую во фронте после катастрофы во Франции, германское командование наспех прикрыло кем попало — по «тотальной мобилизации» в фольксштурм призывали пацанов 15—18 лет, пожилых 50—60 лет, отменяли брони по болезням и ранениям. Но перед столь хилой, сотканной на живую нитку обороной танковые дивизии и колонны машин союзников вдруг тормознули. Эйзенхауэр объяснял это тем, что войска устали, что растянулись коммуникации для подвоза горючего и боеприпасов.

Получилось почти по тем условиям, которые предлагал уже покойный Роммель. Союзники занимают Францию, но не вторгаются в Германию. А вести активные действия и лить

кровь пусть продолжают русские. Англичане и американцы органичивались массированными налетами авиации, превращая в руины германские города — хотя крупные военные заводы под бомбежки не попадали никогда. Те заводы, акционерами которых оставались американские компании. Конечно, пилотам и штурманам «летающих крепостей» знать об этом было вовсе не обязательно. Но, опять же, в вышестоящих штабах срабатывали «пружинки», и в приказы на нанесение ударов такие объекты не включались. А на сухопутном фронте снова установилось подобие «странной» войны. Британские и американские войска за несколько месяцев бездействия настолько расслабились, что прозевали германское наступление в Арденнах и потерпели впечатляющее поражение — выручать их пришлось русским.

И, несмотря на бомбардировки, на Арденны, Запад не прекращал тайных игр с нацистами. В январе 1945 г. представитель Риббентропа Хессе наводил мосты для переговоров с союзниками в Стокгольме, но сведения об этом проникли в печать, и контакты пришлось свернуть. Сотрудник Шелленберга Хеттль в Швейцарии обсуждал с Даллесом и шефом американской разведки генералом Донованом варианты сепаратного мира на западе и продолжения войны на востоке. При посредничестве итальянских промышленников Оливетти и Маринетти и камергера папы римского Парилли переговоры с Даллесом начал и обергруппенфюрер СС Вольф. Стороны настолько «увлеклись», что составляли список будущего германского правительства. Но и эти плодотворные встречи были раскрыты советской разведкой. 23 марта и 4 апреля 1945 г. последовали два личных письма Сталина Рузвельту[133]. Ссориться с Иосифом Виссарионовичем президент США не желал — ведь только что в Ялте договорились о предстоящем выступлении СССР против Японии. Доновану и Даллесу было приказано прекратить подобную деятельность.

Однако связи, предсудительные для официальных лиц союзных держав, оставались дозволенными через нейтралов или «общественных» организаций. Так, Гиммлер и Шелленберг достигли важных договоренностей с президентом еврейского союза Мюзи. На первом этапе операции предполагалось освобождать из концлагерей евреев (ясное дело, не

всех, а привилегированных) за деньги или военные поставки. Кроме того, организация раввинов Америки должна была обеспечить в прессе благожелательные публикации о Гиммлере. В феврале в Швейцарию было доставлено 1200 евреев, за них нацисты получили 5 млн. швейцарских франков, и огромная статья,ставляющая Гиммлера в лучшем свете, появилась в «Нью-Йорк таймс». А следующим шагом предусматривалось потребовать у западных держав *четырёхдневное перемирие*. Чтобы показать «благородные намерения» Германии и перебросить через линию фронта всех евреев и западноевропейцев, находившихся в немецких лагерях. И Мюзи соглашался, что «если бы такое перемирие было предложено союзникам по официальным дипломатическим каналам», оно вполне могло быть принято.

План был поистине дьявольским. Если бы западные страны «из гуманизма» приняли такое перемирие, они тем самым нарушили бы соглашение с Советским Союзом: не заключать никаких договоренностей с Германией. А возражения и протесты Сталина (отметим — об освобождении советских узников никакой речи не было) позволили бы натравить на русских «общественное мнение» — вот, мол, противятся спасению людей. Что касается четырехдневного перемирия, его нетрудно было продлить: попробуй-ка за столь короткий срок собрать всех заключенных и доставить к фронту. Можно было подвозить их небольшими порциями, таким образом получив на Западе мир «де-факто» и перебрасывая силы на Восток. Как округло пишет Шелленберг, «дальнейшие переговоры могли привести к общему компромиссу, который бы принес пользу не только непосредственно заинтересованным в этом странам»[201]. Однако информация об освобождении евреев дошла до Гитлера, рассердила его, и контакты пресеклись.

Тем не менее они продолжались по другим каналам. Кальтенбруннер встречался с президентом Международного Красного Креста Бурхардтом. Гиммлер и Шелленберг вели переговоры с представителями Всемирного еврейского конгресса Гилелем Шторхом и Норбертом Мазуром. Посредником вызвался быть и вице-президент шведского Красного Креста (и видный масон) граф Бернадот. Гиммлер направил

его к Эйзенхауэру, через Бернадота и министра иностранных дел Швеции Гюнтера передал декларацию о капитуляции на Западе и продолжении войны на Востоке (Бернадот и Гюнтер восприняли это с полным пониманием, от подобной миссии не отказались). И Гиммлер почему-то был уверен в успехе. Обсуждал с Шелленбергом, как ему назвать новую правящую партию, когда он встанет во главе государства. Сошлись на названии «Партия национального единства». Рейхсфюрер СС был озабочен и тем, как ему правильное себя вести при встрече с Эйзенхауэром: «Должен ли я только поклониться или надо подать ему руку?» Но все эти интриги уже запоздали... Русские солдаты штурмовали Берлин.

❀ КОЕ-ЧТО О «ДВОЙНЫХ СТАНДАРТАХ»

Еще во время войны западные «друзья» принялись копить за пазухой обвинения против Советского Союза, которые выплеснулись в ходе другой войны, «холодной». Например, в качестве «советской тирании» и «сталинских преступлений» стали преподноситься запреты отступать без приказа, крутые меры по поддержанию дисциплины на фронте и в тылу, учреждение в 1942 г. заградотрядов... Кстати, отметим, что и в этом отношении действия Сталина были противоположны политике Николая II. В Первую мировую фронт воевал сам по себе, а тыл жил сам по себе по законам мирного времени. Люди могли бастовать, митинговать, наживаться на спекуляциях. Даже за явные политические преступления получали незначительные наказания, если вообще получали. Чем это кончилось, хорошо известно — страна, одерживавшая блестящие победы, рухнула в катастрофу. Сталин централизовал руководство и армией, и экономикой в одном органе, Государственном Комитете Обороны. Сразу же мобилизовал тыл, сурово подтягивал дисциплину вплоть до уголовной ответственности за прогулы и опоздания на работу, не говоря уж об оппозиционных настроениях. Жестокими мерами поддерживал порядок на фронте. Чем это кончилось, тоже известно. Война, казалось бы, безнадежно проигранная, завершилась победой.

Впрочем, нелишне отметить и другое. В условиях тяжелых войн аналогичные меры признавались единственно верными и применялись не только Советским Союзом, но и вполне «демократическими» государствами. В Первую мировую мобилизацию тыла с переводом своих рабочих фактически на положение военнотружеников осуществляли все воюющие страны, кроме России и США. В Париже в 1914 г. вводилось осадное положение, и полиция расстреливала без суда воров, бандитов, проституток. Заградотрядами, военно-полевыми судами и расстрелами на месте выправляли катастрофы на фронте Жоффр в 1914 г., Клемансо и Фош в 1917 г. И ни Жоффра, ни Клемансо, ни Фоша никто и никогда «преступниками» не объявлял, наоборот, их чествовали как спасителей отечества. В критических ситуациях Второй мировой суровые меры также оказывались необходимыми. Кинорежиссер Г. Чухрай, автор «Баллады о солдате», а в войну младший лейтенант, писал в своих воспоминаниях: «А заградительные отряды... Мы о них и не думали. Мы знали, что от паники наши потери были большими, чем в боях. Мы были заинтересованы в заградотрядах». Потому что фронтовикам, стойко оборонявшим позиции, надоело, когда кто-то по соседству обращался в бегство, и им, в свою очередь, приходилось из-за этого отступать или выбираться из окружений.

Широко известно и обвинение Советской России, будто она «предала» своих пленных, отреклась от них, и из-за этого им приходилось неизмеримо хуже, чем пленным других национальностей — они не могли получать помощь через Красный Крест, а при возвращении домой их ждал только ГУЛАГ. На самом деле эта легенда родилась даже не в 1941 а в 1914 г.! Уже тогда содержание русских пленных было гораздо хуже, чем западноевропейских, они не получали ни писем, ни посылок через Красный Крест, их гоняли на тяжелые работы и внушали, будто родина от них отказалась, а при возвращении домой их ждет Сибирь[196]. Еще не было на земле ни нацизма, ни коммунизма, а воюющими странами правили не Гитлер и Сталин, а Вильгельм II и Николай II, но немцы проявляли к русским то же самое отношение и применяли те же пропагандистские приемы. В Великую Отечественную все это

лишь усугубилось. А потом произведения нацистской пропаганды переняла западная.

В действительности приказ № 270 приравнивал к измене только добровольную сдачу. Советское правительство от своих пленных вовсе не отрекалось. В ноябре 1941 г. Молотов через нейтральные страны заявил официальный дипломатический протест против варварского отношения к нашим солдатам и их истребления в германских лагерях. В апреле 1942 г. был заявлен еще один протест — против использования немцами подневольного труда пленных[13]. Однако Германия на эти демарши не отреагировала. Ну а относительно того, будто все, кто побывал в плену или был угнан на работы, по возвращении на родину попадали в ГУЛАГ, Солженицын и прочие демократические авторы, мягко говоря, «перегнули палку». Бывшие пленные и впрямь проходили проверки, иногда по несколько месяцев мурыжили (а как же иначе — война, противник и агентуру таким способом засылал). Но реальные послужные списки фронтовиков показывают, что подавляющее большинство из них возвращалось в армию и продолжало сражаться. И все «население» ГУЛАГа после войны (включая уголовников, пособников оккупантов и т.п.) было вдвое меньше, чем количество освобожденных пленных и «остарбайтеров».

В историческую литературу внедрилась и версия о том, что вступление Советской армии в сопредельные европейские страны было не освобождением, а новой оккупацией, попыткой реализовать планы «мировой революции». Позвольте не согласиться. Советская сфера влияния в Европе определилась по соглашению с державами Запада. Мало того, они сами предложили осуществить раздел, поскольку уже призывали это делать в тех или иных регионах земного шара. Черчилль даже хвастает в мемуарах, как легко сумел договориться со Сталиным о разграничении «интересов» на Балканах. Дескать, пока ходили вокруг да около, ничего не получалось. А потом он взял и без обиняков написал на бумажке: в Румынии 90% влияния получает Россия, а 10% — остальные союзники, Англия и США. В Греции наоборот — 90% остальные, а 10% Россия. В Югославии и Венгрии — 50:50, а в Болгарии 75% России — 25% остальным. А Сталин бумажку повертел, попытал трубочкой и поставил галочку. Мол, согласен. И Чер-

чилль очень гордился тем, что удадил дело таким простым образом[193].

Если уж коснуться «экспансии», то почему-то СССР не предпринял никаких попыток насаждать коммунизм в Австрии, Северной Норвегии, занятых советскими войсками. Почему-то не было экспансии в отношении Финляндии. Хотя она была очень активной союзницей Гитлера, вынашивала планы территориальных захватов вплоть до Вологды, на советской земле финны отметились крайней жестокостью, ничуть не уступая в этом нацистам. Когда весной 1944 г. им был предложен сепаратный мир на почетных условиях, они отказались. И нашим солдатам пришлось еще раз прорывать мощные полосы приграничных укреплений. Только теперь это удалось сделать не за три месяца, а за несколько дней, и лишь тогда финское правительство запросило мира. Захватить Финляндию после прорыва ее обороны и разгрома ее армий можно было запросто, но Сталин очередной раз удовлетворился весьма мягкими условиями — финны интернируют или изгоняют со своей территории немцев и восстанавливается прежняя граница. Где же тут агрессия?

Наконец, в истории затирается тот факт, что после освобождения Восточной Европы коммунистические порядки внедрились только в одной стране! Их установил в Югославии Тито, опираясь на своих партизан. А во всех остальных государствах, занятых советскими войсками, образовались *коалиционные* правительства. В Румынии даже король Михай остался на троне[27]. Да, в этих правительствах часть постов получили коммунисты. Но они вошли и в правительства Франции, Италии, которые были заняты не советскими, а англо-американскими войсками. Просто в связи с советскими победами и активным участием коммунистов в антифашистской борьбе их авторитет был очень высок.

В последующей информационной войне раздувались и факты «коварства» — например, когда русские не пришли на помощь Варшавскому восстанию. Между прочим, западные державы не стеснялись бросать в беду союзников, если этого требовали их интересы. В 1939 г. кинули на произвол судьбы поляков, в 1940 г. норвежцев, в 1943 г. итальянцев. А Сталин, если уж на то пошло, не отказал в помощи Словацкому

и Пражскому восстаниям, хотя возглавляли их не коммунисты, а местные буржуазные лидеры. Они попросили о поддержке и получили ее.

Но почему наши войска должны были помогать полякам из Армии Крайовой, которые нацеливались как раз на то, чтобы захватить власть в Варшаве без русских? Специально выжидали для этого момент, когда советское наступление выдохнется на рубеже Вислы. Наших офицеров, направленных для связи, руководитель восстания Бур-Комаровский даже отказался принять, не стал пробиваться к набережной, когда советские части все же форсировали Вислу. Главным было именно то, чтобы освободить польскую столицу и провозгласить правительство без советской помощи. Тогда с какой же стати пенять, что не помогли? А англичан, стоявших за подготовкой восстания, устраивало любое развитие событий. И возможность образования в Варшаве антирусского правительства, и тот вариант, который реализовался — немцы потопили восстание в урочище, а русские остались «крайними». Как видим, дело пахло очень грязной провокацией.

К сталинским преступлениям однозначно относят и расправы над теми, кто во время войны сотрудничал с оккупантами. Указывают на осуществленную в 1944 г. депортацию 700 тыс. чеченцев, ингушей, крымских татар, карачаевцев, калмыков, которые дружески встречали немцев, оказывали им содействие, крымские татары после освобождения полуострова пытались вести партизанскую войну, а кавказские горцы, пользуясь ослаблением власти в тылу, принялись грабить и разбойничать. Прошу понять меня правильно, я далек от того, чтобы считать оправданной депортацию народов в целом. Но и в этом случае имеет место явная система двойных стандартов. Почему наряду со Сталиным не вспоминают поляков, депортировавших немцев из своих западных областей?

Или почему не вспоминают депортацию 3 млн. судетских немцев в 1945 г.? Это куда больше, чем общее количество людей, переселенных Сталиным. Причем депортация осуществлялась уже не в условиях войны, никаких партизанских действий судетские немцы не вели. Чеченцам или крымским татарам в СССР, худо ли бедно, отводили места для «спецпоселений», предоставляли возможность работать и получать

средства к существованию. А судетских немцев загоняли в поезда, не позволяя брать никаких вещей, и вышвыривали из Чехословакии за границу, в Германию, предоставляя там умирать от голода или кончать самоубийством — что и случилось со многими тысячами. Проводилась эта акция еще не коммунистическим, а буржуазным правительством Чехословакии, на глазах американцев и англичан. Но о «правах человека» никто не заикнулся. Да и сейчас не слышно, чтобы хоть раз поднимался вопрос о восстановлении «справедливости» и возвращении судетских немцев на исконные места проживания...

Что же касается наказаний для тех, кто сотрудничал гитлеровцами, кто так или иначе угрожал безопасности воюющих государств, то они были суровыми везде. Во Франции прокатилась волна расправ с коллаборационистами, порой выливавшаяся в настоящую кровавую вакханалию. По одному лишь доносу, по чьему-то указанию людей, в том числе невиновных, вешали, расстреливали, линчевали самосудом толпы. Женщин, объявленных германскими «подстилками», раздевали донага, обрывали головы и возили по улицам, подвергая побоям и истязаниям. В Англии без долгих разговоров вешали ирландских сепаратистов, которых немцы забрасывали к ним для подрывной деятельности. А в 1942—1943 гг. жесточайше подавили национальные волнения, вспыхнувшие в Индии, без колебаний открывали огонь по мирным демонстрациям — в военное время это расценивалось как «удар в спину». Ну а в Греции британцы сочли угрозой прокоммунистические отряды ЭЛАС, вполне антифашистские. И громили их, расстреливая партизан.

Но советских «борцов со сталинизмом» западная пропаганда в последующие годы стала возносить на щит, несмотря на их сотрудничество с нацистами. Впрочем, сами нацисты вспомнили о таких «союзниках» только тогда, когда положение на фронте стало совсем плохим. Формирования из советских граждан в 1944 г. взял под опеку Гиммлер. То ли мечта о роли спасителя отечества, то ли готовясь в перспективе к борьбе за власть, он принялся наращивать силы СС. Все прежние критерии «расовой чистоты», элитности эсэсовцев, уже отбрасывались. И появлялись 13-я мусульманская диви-

зия СС «Ханшар», 20-я эстонская, 15-я и 19-я латышские дивизии СС. Рейхсфюрер выпустил из тюрьмы Бандеру, и стала создаваться 14-я дивизия СС «Галичина» (потом добавилась еще одна украинская дивизия).

В свое ведение Гиммлер взял и казаков. Дивизию фон Паннвица разрешил развернуть в корпус. Вспомнил и про генерала Власова. Он больше года торчал без дела, впал в прострацию. Даже женился на вдове эсэсовца Адели Биленберг — а вдруг поможет? (Хотя за линией фронта у него остались жена и «полевая походная жена», одна получила 8 лет лагерей, другая — 5). Вся деятельность РОД ограничивалась школой пропагандистов в Дабендорфе и выпуском газетенки «Заря» и «Доброволец», наполовину заполненных перепечатками нацистского официоза. Но в сентябре 1944 г. Гиммлер вызвал Власова к себе на прием, дал «добро» на формирование русских частей и на образование Комитета Освобождения Народов России (КОНР) — что-то вроде «правительства в изгнании».

14 ноября 1944 г. в Праге, последней «славянской» столице, еще подконтрольной немцам, торжественно открылась конференция КОНР. Собрались некоторые представители старейшей эмиграции, делегаты от казаков, националистов. На заседаниях долго вырабатывали «Манифест КОНР» и обнародовали его. Провозглашалась борьба за «освобождение» России, где вместо коммунизма должен установиться «национально-трудовой строй» — эту идею власовцам внушил сотрудничавший с ними НТС[4].

Правда, и власовцы, и организации, установившие с ними сотрудничество, уже понимали, что Германия на ладан дышит. И втайне от немцев придумывали собственные планы: объединить все антикоммунистические силы, сформировать 20—25 дивизий, дожидаться падения Германии (которое предполагалось где-нибудь осенью 1945 г.), проломить фронт и прорываться в Россию, начинать там гражданскую войну. Хотя по этим проектам видно, что руководители власовцев плохо представляли реальное положение дел в СССР. Очевидно, воспринимали его по собственным впечатлениям 1941—1942 гг. Иначе, наверное, призадумались бы — возможно ли «кулаком» из 20—25 разношерстных дивизий «проломить»

фронт могучих и победоносных советских армий? И поддержит ли таких «освободителей» народ?

А вскоре и эти мечты пошли прахом — немцы уточнили, что позволят Власову создать лишь 2 дивизии. И даже для них уже не хватало оружия. Склады погибали под бомбежками, германский транспорт рушился, заводы останавливались из-за отсутствия сырья и топлива. Ну а Гиммлер свое признание русских «союзниками» выразил только в том, что по просьбе КОНР издал приказ о запрете телесных наказаний для русских рабочих и работниц. Это он расщедрился уже 26 января 1945 г. А о том, чтобы освобождать русских из концлагерей, как, например, евреев по договоренности с Мюзи, даже речи не возникало. Кроме членов НТС, содержащихся в немецких тюрьмах — Власов добился, чтобы их выпустили, и несколько десятков активистов пристроились при КОНР[4, 122].

Планы менялись на более скромные — занять какой-нибудь район в Центральной Европе, провозгласить «Свободное европейское движение сопротивления», которое, как подразумевалось, должны будут поддержать англичане и американцы. В последние дни войны две дивизии Власова вышли из повиновения германскому командованию, двинулись в Чехословакию. Некоторые части помогли чехам во время Пражского восстания. Но помогли по собственной инициативе солдат, без приказа. Власов в это время был занят другим делом, вел тайные переговоры с американцами. И есть все основания полагать, что его готовы были принять. Конечно, не вместе с подчиненными. По договоренностям, достигнутым на Ялтинской конференции, СССР, Англия и США обязались выдавать изменников на родину. Но предоставить убежище одному генералу — почему бы и нет? Мало ли, куда исчез. Потом пригодится.

Однако Власову уйти не удалось, он был захвачен в результате спецоперации советских войск. Переловили и часть его солдат и офицеров. Другая часть сумела сдаться англичанам и американцам, но их выдавали Советскому Союзу. Выдавали и солдат «Остгруппен», «хиви», даже тех, кто успел послужить в союзных армиях — зачем они были Западу? А вот некоторые из власовских начальников избежали этой участи: Штифанов, Галкин, Зайцев, Артемьев, Штрик-Штрикфельдт,

Казанцев, Кромиади, Богатырчук, Норейкис. Где-то прятались (или, скорее, были спрятаны). А затем пришло время, и оказались востребованы.

Казачьи соединения из Югославии и Италии пробились в Австрию. 40—50 тыс. человек сдались англичанам и просили отправить их куда угодно, в Азию, Африку, Америку, только не выдавать — в этом случае они обещали биться насмерть. Но их обманули. Заверили, что примут на службу, разместили в лагере у г. Лиенца. И отобрали оружие — мол, получите английское. 28 мая вызвали всех офицеров под предлогом совещания и арестовали. 1 июня лагерь оцепили войсками и танками и объявили о выдаче. Казаки протестовали, не повиновались. А англичане еще и поиздевались, Бросили на казаков Палестинскую бригаду, в значительной степени состоявшую из евреев[197]. Солдаты избивали людей прикладами и дубинками, двинулись танки. Возникла давка, где погибли сотни людей. Многие стрелялись, бросались в пропасть. А солдаты хватали людей и заталкивали в грузовики. Тех, кто сумел вырваться и бежал в горы, вылавливали с собаками и пристреливали. Выдавали и тех казаков, которые, как Шкуро, никогда не являлись советскими гражданами.

В Москве прошли три судебных процесса. В июле 1946 г. над А.А. Власовым и его соратниками — Ф.В. Малышкиным, Ф.И. Трухиным, Д.Е. Закутным, А.И. Благовещенским, М.А. Меандровым, В.И. Мальцевым, С.К. Буняченко, Г.А. Зверевым, В.Д. Корбуковым и Н.С. Шатовым. В августе — над эмигрантскими лидерами, сотрудничавшими с Японией и захваченными в Маньчжурии: Г.М. Семеновым, К.В. Родзаевским, А.П. Бакшеевым, А.Ф. Власьевым, Б.Н. Шепуновым, И.А. Михайловым. В январе 1947 г. — над казачьими руководителями, служившими у немцев: П.Н. Красновым, А.Г. Шкуро, С.Н. Красновым, Т.И. Домановым, фон Паннвицем и Султан-Гирей Клычем. Все были казнены. Их подчиненные сгинули в лагерях.

Пройдет всего несколько лет, и те же самые государства, которые выдавали власовцев, произведут их в героев «антисталинского сопротивления». И судьбами казаков тоже очень озаботятся. Конгресс США примет закон о «порабощенных нациях» — и в число народов, порабощенных «русским ком-

мунизмом», включит казаков. А вот солдат и офицеров украинских, эстонских, латвийских, литовских соединений СС западные державы вообще выдавать не стали. Их почему-то соглашались признавать не коллаборационистами, а военнопленными. Не выдавали даже тех, о ком персонально запрашивал Советский Союз как о военных преступниках, участниках массовых расправ. Приберегли на будущее. На то будущее, которое начнется в 1991 г.

ПОЧЕМУ «ПЛАН ХАУСА» ПРОВАЛИЛСЯ ВТОРИЧНО?

На календарях было 4 сентября 1943 г. На православных календарях — 22 августа. На даче в Кунцево собрались Сталин, Молотов, Берия. А три человека были для этой дачи весьма необычными гостями. Митрополиты Сергей (Страгородский), Алексий (Симанский) и Николай (Ярушевич). Сталин выразил Русской Православной Церкви благодарность за помощь фронту. Зашла речь о созыве Поместного Собора для избрания Священного Синода и патриарха. Когда митрополиты заметили, что для подготовки требуется около месяца, пока архиереи со всеми транспортными трудностями смогут добраться до Москвы, генеральный секретарь распорядился доставить их самолетами — и Собор был назначен на 8 сентября.

Последовала и просьба об открытии богословских курсов. Сталин уточнил — почему курсы? Лучше, мол, сразу создавать духовные академии и семинарии, но Сергей возразил: «У молодежи не сформировалось нужное мировоззрение для такого образования». Решили начать с курсов, а уж потом открывать высшие учебные заведения. Сталин согласился с просьбами об издании «Журнала Московской Патриархии», об открытии храмов, освобождении из заключения священнослужителей — указал, чтобы представили список. И сам предложил выделить государственные субсидии Церкви, распорядился обеспечивать патриархию продуктами, предоставить ей несколько автомашин. Велел отдать ей особняк бывшего германского посольства в Чистом переулке, оборудовав его ме-

белью и имуществом. Был также создан государственный орган, Совет по делам Церкви[81, 161]...

В ходе войны продолжались начатые с середины 1930-х процессы возрождения российской державности. В 1941 г. снова возникла гвардия, хотя она сильно отличалась от императорской — дореволюционная гвардия была столичной элитой, офицеры попадали в полки по своему происхождению, солдат отбирали по внешним качествам. А советские части получали звание гвардейских за отличия в боях. Потом был отменен институт комиссаров. Термин «командир» заменился на «офицер». Была изменена форма одежды, и к военным вернулись погоны. Вместо «красноармеец» и «краснофлотец» вводились обращения «солдат» и «матрос», а сама Красная армия стала Советской армией.

Опять, как и в царские времена, гремела боевая слава казачества. Если на стороне немцев сражалось около 2 корпусов казаков, то на советской стороне — 16 корпусов, позже укрупненных и сведенных в 8. Все они стали гвардейскими, многие старые казаки шли на войну добровольцами, новые орден носили вместе с Георгиевскими крестами за прошлую войну. И это не осуждалось, а приветствовалось. Во время войны были также учреждены суворовские, нахимовские училища, скопированные с дореволюционных кадетских корпусов — по распоряжению Сталина к этому делу привлекли офицеров и генералов, помнивших традиции кадетского воспитания и образования. В 1943 г. был распущен Коминтерн.

А важнейшими, конечно, стали процессы возвращения людей к Вере. Церковь снова была с народом, снова могла открыто окормлять умножающуюся паству. Участвовала она и в других делах. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), ныне причисленный к лику святых, в 1941 г. находился в ссылке и обратился к Калинин, чтобы ему разрешили работать по «старой специальности» — он был великолепным врачом-хирургом. И в годы войны трудился в госпиталях, спас тысячи раненых, за свои разработки по медицине стал лауреатом Сталинской премии. На средства верующих были построены танковая колонна им. св. Дмитрия Донского, авиационная эскадрилья им. св. Александра Невского. Конечно, дело было не только в нескольких танках или самолетах. По мысли ми-

трополита Сергия Церковь таким образом посылала воинам свое зримое благословение, как св. Сергей Радонежский послал Дмитрию Донскому иноков-ратников Пересвета и Ослябю. Главной же поддержкой была благодать Божья, даровавшая победы нашим воинам[81, 140].

8 сентября 1943 г. на Поместном Соборе патриархом Московским и Всея Руси был избран Сергей (Страгородский). Свобода веры открылась не только для православных. Государство пошло навстречу и исламскому духовенству, в октябре 1943 г. в Ташкенте было создано Центральное управление мусульман во главе с муфтием. В том же году были восстановлены центры буддистов, бурятским ламам вернули два дацана. Не задевали и иудеев. Был создан Еврейский антифашистский комитет, занимавшийся сбором средств для помощи Советской армии, действовавший в контакте с раввинами и зарубежными еврейскими организациями.

К сожалению, восстановление Московской патриархии не устранило до конца расколов среди православных. Некоторые иерархи и священнослужители по-прежнему пребывали в убеждении, что советская власть — «от лукавого», а стало быть, от нее принимать ничего нельзя. И патриархию не признали. Сохранялись остатки «катакомбной церкви», сект вроде «истинно-православных». Да и из лагерей, тюрем, ссылок были возвращены далеко не все священники и монахи. Ведь на многих из них были навешаны «политические», а не «церковные» статьи.

Но на ход войны возрождение Веры, патриотизма и державных традиций, несомненно, имело определяющее значение. С 1943 г. гитлеровцы терпели поражение за поражением. И дело было вовсе не в подавляющем численном превосходстве русских, как порой утверждают зарубежные и перепевающие их российские авторы. Такого превосходства вплоть до начала 1945 г. не существовало[24]. Но наращивалось преимущество в технике и в качестве войск. Точно так же, как было с советскими армиями в 1941—1942 гг., так и для немцев пришла пора получать сокрушительные удары, оказываясь в окружениях. Войска гибли и попадали в плен то в одном, то в другом «котлах». Если из окружений удавалось просочиться части личного состава, то терялось тяжелое вооруже-

ние, техника. Терялась и значительная доля старых, опытных кадров, заменяясь недоученными новобранцами. Для затыкания «дыр» приходилось вводить в бой новые, наспех сформированные части. А советские солдаты и офицеры в боях набирались опыта, становились профессионалами высочайшего уровня. И вооружение, техника, боеприпасы шли теперь на фронт широким потоком. В тылу советские люди, включая стариков, женщин, детей, тоже совершали всенародный подвиг, и заводы действовали в полную силу, перевыполняя планы и задания.

Приведу два примера. Один — из записок Константина Симонова, проследившего боевой путь произвольно выбранной 107-й, впоследствии 5-й Гвардейской Краснознаменной Городокской стрелковой дивизии. В 1941 г. при взятии заштатного городка Ельни она уничтожила 28 танков, 65 орудий и 750 солдат противника. Сама потеряла убитыми и ранеными 4200 человек. В 1943 г., в боях за Гомель и Городок, захватила и уничтожила 44 танка и 169 орудий, потеряла 5150 убитых и раненых. Но в 1944 г., как отмечает автор, наступает «решительный перелом в соотношении между потерями и результатами боев». В Белорусской операции дивизия освободила 600 населенных пунктов, захватила 98 танков и 9300 пленных — потеряла 1500 человек. А при штурме Кенигсберга заняла 55 кварталов, пленила 15 100 вражеских солдат — сама потеряла 186 человек убитыми и 571 ранеными.

Второй пример — из биографии летчика-аса Николая Скоморохова. За несколько лет войны, с 1942 по ноябрь 1944 г. (до взятия Будапешта) он сбил 22 вражеских самолета. А за оставшиеся несколько месяцев до мая 1945-го сбил еще 22. Хотя, с другой стороны, почти все, с кем он начинал войну, погибли. То есть, на первом этапе войны советскому командованию приходилось бросать в сражения плохо подготовленных пилотов. А на заключительном этапе в германской авиации были уже повыбиты лучшие кадры, немцы были вынуждены использовать неоперившуюся «зелень», и русские летчики сбивали их, как куропаток.

Однако и умения воевать, обеспеченности танками, орудиями и самолетами было для побед недостаточно — действовали еще и духовные факторы, сплавившие солдат и офи-

церов, фронт и тыл в единую неодолимую силу, обеспечившие готовность к подвигам, жертвам, героизму. Наступающие войска нередко спасали от оккупантов христианские святыни. В Киеве есть чудотворная Гербовецкая икона Божьей Матери, отбитая у фашистов и возвращенная Церкви маршалом Жуковым[140]. А в Белоруссии рассказывают, как священник пожаловался Жукову, что немцы увезли колокола его храма. Через некоторое время ему привезли колокола в сопровождении автоматчиков[81].

Освобождали не только православные святыни. По приказанию маршала Конева была создана особая десантная группа танкистов и саперов для спасения знаменитой Ченстоховской иконы Пресвятой Богородицы — католический монастырь, где она находится, немцы заминировали и намеревались взорвать. И тем, кто участвовал в операции, даже неверующим, Ченстоховская икона явила лик Божьей Матери. Это описал в своих дневниках один из свидетелей явления, Борис Полевой, хотя он остался атеистом и пытался объяснить случившееся с рациональных точек зрения[138]. А в ходе всенародного подвига воскресала и сама Церковь. Во время войны и в первые послевоенные годы в СССР было открыто более 14 тыс. храмов, 85 монастырей, 8 духовных семинарий, 2 академии.

Ну а в гибнущем рейхе происходили совсем другие процессы. «Провидение» покинуло Гитлера. Он перестал получать ту самую «энергию из Валгаллы», быстро превращаясь в дряхлую развалину. Утрачивал и чувство реальности, то строил несбыточные надежды, то впадал в протрацию. А его приближенные действовали сами по себе. Спасали собственные жизни, награбленные богатства. Весной 1945 г., за несколько недель до краха Германии, вице-президент Имперского банка Эмиль Пуль направился в Швейцарию, вел переговоры с руководителями крупнейших банков о судьбе нацистских ценностей, которые уже были к этому времени депонированы в их сейфах. И 6 апреля докладывал в Берлин, что швейцарские партнеры «сохраняют в вопросах о золотых вкладах свою независимость», и, как бы дальше ни развивалась ситуация, «деловые отношения сохраняются»[10]. А в дополнение к преж-

ним вкладам Пуль отправил швейцарским банкирам еще 3 тонны золота.

Правда, правительство Швейцарии после войны заявит, что «заморозило» нацистские счета. Но кто может заставить частный банк признаться — какой вклад является нацистским, а какой нет? По закону от 1 августа 1934 г. узнать это и проконтролировать не имеет права никто. Тайна вкладов строжайше сохраняется, хотя бы по той простой причине, что она является основой всего благополучия Швейцарии. Есть вклады анонимные, клиент регистрируется только под номером. Пойди узнай, частное это лицо или германский «золотой курьер»? А если клиентам, как нацистским преступникам, суждено погибнуть, то это их «личное дело», банку это тем более выгодно. Ну а как только война окончится, швейцарские банки вдруг резко начнут объединяться друг с другом, учреждая новые компании, сливаться, разделяться, почковаться, менять партнеров, «юридические лица» — и тут уж подавно будет запутываться, какая фирма с кем контактировала и какие вклады куда перетекли.

А над Берлином еще до начала советского штурма повисли облака дыма: нацистские учреждения жгли документы. Конечно, не все. Уничтожить все бумаги, которые государство наплодило за 12 лет, было невозможно. А кое-что вообще не уничтожалось. Например, американские спецслужбы развернули настоящую охоту за научной документацией — и похоже, часто знали, где надо искать. И ученые, делавшие свои разработки в военной промышленности, в гиммлеровской системе «Анэнербе», вовремя смогли попасть в зоны оккупации западных союзников. Так что вклады «кружка друзей рейхсфюрера СС» оказались не напрасными для «мировой закулисы», результаты оплаченных ими изысканий достались американцам и англичанам.

Но от некоторых улик избавиться не забыли. Исчезли без следа почти все документы, касающиеся финансирования нацистской партии, пропал главный архив нацистского казначейства, возглавляемого рейхслайтером Францем-Ксавером Шварцем. Вот и гадай, сколько откуда поступало, сколько в какие банки вывезли? Исчез и архив «Фонда экономической помощи им. Адольфа Гитлера». По мнению исследователей,

был сожжен... А потом в Берлине запылали другие смрадные костры, пожирающие трупы нацистских руководителей. Они кончали антихристианской смертью, смертью самоубийц. Гитлер, Геббельс, позже за ними последовал Гиммлер...

А в России народ праздновал самый великий, самый яркий из праздников — Светлую Пасху Христову. В 1945 г. она пришлось на 6 мая, день св. великомученика Георгия Победоносца. В храмах звонили колокола, радостные и одухотворенные верующие встречали Христово Воскресение — и встретили мир. В ночь со вторника на среду Светлой недели был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии. В Москве полыхал в небе победный салют, а по всей стране в православных храмах приветствие «Христос Воскресе» дополнялось поздравлением «С Победой!»

Она далась очень трудно и очень дорого, победа. Народы Советского Союза потеряли 26,5 миллиона человек. Впрочем, тут тоже в период «холодной войны» и наших «демократизаций» были внедрены различные подтасовки. Распространялись версии, что русские не умели воевать, врага «закидали головами». Приводятся соотношения потерь из германских чисто пропагандистских материалов (согласно которым Советская армия была многократно уничтожена). Чтобы еще больше исказить это соотношение, берутся потери только немецкие, без сателлитов (как будто они не воевали, не стреляли в наших воинов). На самом деле точные цифры советских военных потерь сейчас открыты и опубликованы. Они составили 8 668 400 человек. Убитых, умерших от ран, в плену, от болезней, несчастных случаев, казненных по приговорам трибуналов[43].

Известны и потери вооруженных сил Германии и ее союзников. У них погибло 11,4 млн. Из них на советско-германском фронте — 8,6 млн.[94]. Боевые потери получаются равными. В первый период войны больший урон несла советская сторона, а потом — противник. Остальные жертвы нашей страны приходятся на мирное население. Это люди, умершие от голода, жертвы бомбежек, эпидемий, расстрелянные, умершие в концлагерях и на германской каторге. О том же, кстати, говорит соотношение мужчин и женщин после войны — согласно статистическим данным, женщины состави-

ли 56%[115]. Превысили количество мужчин, но не слишком значительно. Хотя на фронте погибали, в основном, мужчины, но среди мирного населения смерть косила тех и других, женщины в первую очередь попадали под расправы карателей, их в незащищенных колоннах беженцев бомбили самолеты и давили танки, они умирали в блокадном Ленинграде, когда их мужья и отцы воевали, получая солдатский паек.

Советский Союз лишился шестой части своего населения (в Белоруссии относительные потери были еще больше, там погиб каждый четвертый). Материальный ущерб составил третью часть всех национальных богатств нашей страны. В руинах лежали 1710 городов, было уничтожено свыше 70 тыс. деревень и сел, 65 тыс. км железнодорожных путей, 32 тыс. заводов и фабрик, 1135 шахт, 427 музеев, 43 тыс. библиотек. поголовье свиней сократилось на 65%, лошадей на 58%, крупного рогатого скота на 20%. Не хватало самого необходимого. В деревне пахали на коровах, женщины впрягались в бороны[27]...

И казалось, что «план Хауса», который в новых условиях проводился в жизнь командой Рузвельта и его преемника Трумена, уж теперь-то выполнен! Экономика и финансы Европы, силы ее «закулисы» были подорваны. Гитлер постарался разорить Францию, Бельгию, Голландию, Италию и другие оккупированные страны. Англия надорвалась, по уши влезла в долги. В ее колониях уже разворачивалось освободительное движение, огромнейшая Британская империя начинала трещать по швам и рушиться. Германия вообще превратилась в груды развалин после боев и «ковровых» бомбардировок. Советский Союз понес такие человеческие и материальные потери, оправиться от которых было проблематично.

А Соединенные Штаты так же, как в Первую мировую, невиданно разбогатели на военных поставках. Бомбы на их территорию не падали. Потери вооруженных сил составили 273 900 погибших[94]. Американские солдаты заполонили Западную Европу, распространяя культ доллара, пошлости, разврата и прочие заокеанские «духовные ценности». Хозяйство и финансы Старого Света уже не могли возродиться без помощи США. Война стимулировала военные научные разработки,

были созданы великолепные новейшие образцы техники. Америка получила в свое распоряжение и атомную бомбу.

25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско открылась учредительная конференция Организации Объединенных Наций. Воплощалась старая масонская идея о глобализации и «мировом правительстве». Большинство голосов в ООН заведомо обеспечили себе США и их партнеры. Советский Союз хитро окручивали. Допустим, на Ялтинской конференции Рузвельт взялся поддерживать Сталина в вопросах о границах Польши, о праве СССР получить репарации на 10 млрд. долл., использовать пленных для восстановления страны. Но взамен и Сталину пришлось пойти на ряд уступок, которые он счел незначительными, но для Америки крайне важных. Например, он согласился, что в Совете Безопасности ООН не будет обладать правом «вето» страна, если она сама участвует в конфликте. В Ялте была принята и «Декларация об освобожденной Европе», где во главу угла были поставлены принципы демократии. Отныне Америка, как и предполагалось по «плану Хауса», могла претендовать на роль защитницы этих принципов, используя ООН для регулировки всего мира.

И все же реализовать «план Хауса» в 1945 г. опять не удалось. Потому что Советский Союз вышел из войны не «на костылях», не ослабленным, а наоборот — усилившимся! Это было невероятным, это было чудом. Невзирая на все потери и разорение, наша страна превратилась в новую сверхдержаву. Усилилась она вовсе не богатствами в банковских сейфах, не повышением «уровня жизни», не комфортом и набором доступных удовольствий. Нет, Россия жила впроголодь, люди «затягивали пояса», отказывая себе во всем. Но она была сильна духом, сплочением, она находилась на патриотическом подъеме и была готова преодолеть любые преграды.

Эту могучую силу Советский Союз ярко продемонстрировал в самой блестящей из операций Второй мировой — на Дальнем Востоке. Американцы уже хорошо знали, как храбро и самоотверженно умеют драться японцы. Они произвели высадку только на один из исконных Японских островов, на небольшой островок Окинава. Десять дней засыпали его бомбами и перепахивали снарядами линкоров, но полностью подавить оборону все равно не сумели, и десанты пролили

очень много крови. Войну с Японией даже оптимисты не надеялись закончить раньше 1946 г., а более реальными виделись сроки 1947—1948 гг. И конечно, победу принесли вовсе не ядерные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, это признал даже Черчилль. Уничтожение сотен тысяч мирных жителей потребовалось для шантажа Москвы — продемонстрировать новое оружие, пугануть русских, чтобы были более покладистыми. Но советское наступление всего за несколько дней, при минимальных потерях, разметало и разнесло в пух и прах 750-тысячную Квантунскую армию, лучшие сухопутные силы Японии. После чего Токио уже ничего не оставалось делать, кроме как капитулировать.

Таким образом, план приведения США к мировому господству второй раз провалился. Старый, многополярный мир был успешно разрушен, но мир не стал и однополярным, как прогнозировала американская «закулиса». Он стал двухполярным.

Кое-что о воздаянии и о возмездии

Анализируя события Второй мировой, можно обнаружить одну особенность. Многие страны, охваченные ею, получили прямое отражение своих собственных прошлых дел. Возьмем, например, Чехословакию. В Первую мировую чехи предавали всех и вся, сперва Австро-Венгрию, потом белогвардейцев, а Колчака, вроде бы принятого под «международную охрану», выдали на расправу. В 1938—1939 гг. предали Чехословакию. И, приняв под «международную гарантию», выдали немцам. Кстати, в последние дни перед Мюнхенским сговором, когда Чехословакия намеревалась защищаться и объявила мобилизацию, там назначили «боевого» премьер-министра, торжественно опоясали его мечом в соборе св. Вита. Меч оказался не востребованным. А был этим «боевым» премьером генерал Сыровый. Тот самый, который командовал чехами в Сибири. Тот самый, который в Иркутске выдал Колчака...

Или возьмем прибалтов. В гражданскую войну латыши и эстонцы были ядром Красной армии и карательных сил, про-

водили массовые экзекуции, подавляли крестьянские восстания, помогая устанавливать советскую власть. В самих Латвии и Эстонии были организованы гонения на прибалтийских немцев. Эстония вступила в закулисную сделку с большевиками, предала Юденича, переморила тысячи русских беженцев в концлагерях. Вслед за ней на закулисную сделку с большевиками пошла и Латвия, обе республики стали «окнами» для разворовывания России. А в 1939—1940 гг. в результате закулисных сделок большевиков с немцами они получили ту самую советскую власть, которую устанавливали у русских, получили репрессии, раскулачивание...

Польша была самой сильной союзницей Деникина и Врангеля, но из собственных корыстных интересов бросила их на произвол судьбы. В 1939 г. и она имела сильных союзников, но они пальцем о палец не ударили, чтобы ей помочь. Румыния вступила в Первую мировую союзницей России, но потом перекинулась на сторону Германии. Во Вторую мировую вступила союзницей Германии, но после поражений пришлось перекинуться в союз с Советской Россией.

Франция и Англия всячески «копали» под Российскую империю, вели против нее подрывную работу, обеспечив ее крушение. В 1940 г. им довелось получить германский удар одним, без восточной союзницы. В Первую мировую эти страны опутывали Россию долгами — во Вторую мировую сами увязли в долгах американцам. В начале века западные державы всеми мерами стремились не допустить усиления России, ограничить ее влияние на Балканах, на Дальнем Востоке. Теперь сами вынуждены были отдать под ее влияние половину Европы вместе с Балканами, предложить забрать Порт-Артур, Южный Сахалин, Курилы.

Россия заканчивала Первую мировую лозунгами «пролетарского интернационализма», политическим расколом, развалом собственной армии, сдачами в плен, массовым дезертирством. И Великую Отечественную она начала такими же явлениями. Но вынуждена была в полной мере познать, к каким последствиям они ведут, и прийти к от раскола к общенародному единению, от «интернационализма» к патриотизму. Германия в прошлую войну сделала ставку на использова-

ние большевиков и внедрение их в Россию. Теперь коммунизм вернулся к ней. Вернулся в виде могучих советских армий...

Но по мере приближения победы встал вопрос и об ответственности нацистов за совершенные злодеяния. Сталин в Тегеране высказывался за то, «чтобы над всеми германскими военными преступниками как можно скорее совершилось правосудие... Думаю, что таких нацистских преступников наберется немало» — он оценивал их количество в 50 тыс. и говорил, что расстрелять их было бы благом для всего мира и для Германии. Черчилль горячо возражал: «Подобный взгляд коренным образом противоречит нашему английскому чувству справедливости. Англичане никогда не потерпят такого массового наказания». Рузвельт сгладил спор шуткой: «Как обычно, мне придется выступить в качестве посредника... Необходимо найти какой-то компромисс. Быть может, вместо казни пятидесяти тысяч мы сойдемся на сорока девяти тысячах пятистах?»

В Ялте вопрос был уточнен. Решили всех нацистских преступников выдавать странам, где они творили свои дела. А для главных виновников создать особый орган, Международный трибунал, куда войдут судьи и обвинители от СССР, США, Англии и Франции. В Лондоне была созвана конференция, где дипломаты, политики и юристы этих государств выработывали устав Трибунала, процессуальные нормы. Начался сбор обвинительного материала. Но при этом западные державы, обладая «тройным» большинством голосов, сумели продиктовать и собственные условия. Для заседаний Трибунала был выбран Нюрнберг в американской зоне оккупации. Таким образом, американцы оказались «хозяевами», организаторами и контролерами процесса. Для его проведения были приняты нормы англо-американского судебного права — а тем самым, как нетрудно понять, это право автоматически признавалось самым совершенным и самым справедливым.

Количество подсудимых ограничились двумя десятками, которые будут персонально представлять различные структуры нацистского государства. Остальных военных преступников было решено судить отдельно, на других процессах. А главным предназначением Трибунала признавалось создать юри-

дический прецедент: осудить нацизм как таковой, его идеологию, его организации. Подход, кстати, чисто западный. Пока официально не осуждено, пока юридически не признано преступным, значит, и не считалось таковым. И в прошлом получалось вполне допустимым вести дела с нацистами, заключать с ними соглашения, делать «подарки» наподобие Чехословакии. Но ведь и Советский Союз в 1939—1941 гг. поддерживал дружеские связи с Германией, заключал пакт Молотова — Риббентропа. И на этом западные союзники хорошо сыграли. Предложили ввести в устав Международного трибунала пункт, запретивший касаться вопросов, способных дискредитировать победителей. Иначе, дескать, подсудимые и защита смогут использовать такие факты, чтобы поссорить страны антигитлеровской коалиции и сорвать правосудие. Советским представителям пришлось на это согласиться.

Нюрнбергский процесс длился около года. На нем прошли сотни свидетелей, были рассмотрены тысячи документов, доказаны факты преднамеренной агрессии, чудовищные планы в отношении поработенных народов, вскрыты страшные улики систематических и целенаправленных зверств[139]... Но пункт о запрете касаться того, что может «дискредитировать победителей», действовал четко. Как только возникала опасность, что разбирательство затронет подобные «скользкие» моменты, оно неизменно и решительно пресекалось. Поэтому причастность зарубежных теневых кругов к приводу нацистов к власти осталась «за кадром». Связи германской промышленности с американскими компаниями и банками — тоже. Впрочем, и подсудимые соблюдали «правила игры». О том, что американцы «должны судить сами себя», Шахт мог шутить с тюремным психиатром, но, конечно, не позволял себе этого в судебных показаниях.

Однако можно отметить еще одну особенность, которая никакими пунктами устава не оговаривалась и процедурными соглашениями не запрещалась. Нюрнбергский процесс тщательно обошел стороной оккультную сторону теорий и практики нацистов, хотя и таких фактов было предостаточно. Никто не касался сатанистской «новой религии», мистических увлечений руководителей Третьего рейха, черных магических обрядов СС. Для советских атеистических пред-

ставителей это было бы как-то «неудобно». Но и для «просвещенных» британских, американских, французских обвинителей и судей это тоже оказалось «несолидно». И даже в западной прессе эти аспекты никакого отражения не получили. Будто их и не было. Как отмечает автор ряда работ на данную тему о. Сергей (Кондаков), «это молчание красноречивее всех слов свидетельствует, что тайна беззакония уже в действии» [81].

Приговор Международного трибунала, осудивший нацизм, СС, гестапо и еще ряд нацистских организаций, мировые средства массовой информации объявляли торжеством справедливости, «мечом Немезиды». Двое подсудимых, Геринг и Лей, «меча» решили не дожидаться, покончили с собой. Десятерых повесили. Семеро были приговорены к тюремному заключению, от 10 лет до пожизненного. Трех Трибунал, невзирая на «особое мнение» советской стороны, оправдал. Ганса Фриче, второстепенного сотрудника отдела пропаганды, попавшего на скамью подсудимых всего лишь «замещая» Геббельса. Франца фон Папена — видного политика, по-видимому, масона и друга банкира Шредера, с которым они провернули интригу по приведению к власти Гитлера. Ну и, конечно же, Ялмара Шахта.

И вот любопытный момент — на Шахта и обоих других освобожденных уже завели дела германские власти. У выхода из нюрнбергского «Дворца правосудия» их ждала немецкая полиция, чтобы арестовать и предать суду. Но американцы вывезли их на своих машинах под охраной... Словом, «мировая закулиса» своих эмиссаров защитила и взяла под покровительства.

Еще характерный штрих. В Нюрнберге по обвинению в заговоре против мира предполагалось судить и руководителей германских концернов. Эту касту на скамье подсудимых должен был представлять Густав Крупп. Но американские врачи определили, что он тяжело болен, диагноз — склероз мозга, поэтому перед Международным трибуналом он ответ держать не в состоянии. Больного выпустили без суда. А само обвинение промышленников для начала решили выделить в особый процесс. При этом госсекретарь США Бирнс направил секретное указание главному обвинителю в Нюрнберге

американскому генералу Тэйлору: «Соединенные Штаты не могут официально предстать в роли государства, не желающего организацию такого процесса... Но если планы этого процесса провалятся то ли вследствие несогласия между остальными тремя правительствами, то ли вследствие того, что одно... из правительств не согласится на условия и требования, которые необходимы с точки зрения интересов США, то тем лучше»[139, 166].

В конце концов, было решено вместо одного процесса над монополистами провести серию процессов, по разным концернам. И сделать их не международными, а провести силами только американцев. И из Вашингтона тотчас последовала директива американским трибуналам: «Принять как прецедент приговор, по которому был оправдан Шахт»[139]. Правда, при всем желании оправдать оказалось не совсем просто. Например, по делу компании Круппа перед судом предстал Альфред Крупп, наследник Густава, фактически руководивший фирмой отца, и 9 директоров. Не говоря уж о подготовке агрессивной войны, концерн имел собственный концлагерь, переморил на заводах десятки тысяч пленных и подневольных «остарбайтеров». И Альфред Крупп получил за это 12 лет с конфискацией имущества, а его концерн было решено расчленить. Но вскоре конфискация была отменена. Крупп вышел на волю в 1951 г., а его концерн не только не был расчленен, но в условиях послевоенного хаоса скупил новые предприятия. Аналогичным образом закончились дела «И.Г. Фарбениндустри», Флика и прочие.

В общем, Нюрнбергский процесс оказался в фокусе внимания прессы, мировой «общественности», его представляли «заслуженным возмездием». Точно так же и в Токио был проведен «показательный» процесс над рядом японских военных и политиков, хотя их главная вина состояла, скорее, в том, что они нацелили свою агрессию не на русских, а на американцев и англичан. Но вот тут сработал прецедент Нюрнберга — суд в Токио представили как бы копией суда над нацистскими преступниками, а японских подсудимых — копией германских. Шестерых казнили, несколько человек отправили за решетку[166].

Ну а параллельно проходило много других процессов более низкого ранга. Они в поле зрения средств массовой информации попадали лишь мельком, и на них никакая «общественность» внимания уже не обращала. Правда, некоторых преступников выдали полякам, чехам, которые, ясное дело, не преминули вздернуть своих палачей и мучителей. Однако большинство из тех, кто творил зло в Германии и на оккупированных территориях, очутились в плену у американцев и англичан и судились ими. Кое-кому все же не повезло, казнили. Но очень немногих. Остальные отделались разными сроками заключения — а потом одна за другой пошли амнистии, сокращавшие эти сроки...

Так, на процессе руководителей айнзатцгрупп, осуществлявших массовые расстрелы в СССР, Польше и других странах, к смерти было приговорено 14 человек, но привели приговоры в исполнение только четверым, остальным смягчили. Один из командиров айнзатцкоманд, доктор Сикс, получил 20 лет — но уже в 1952 г. вышел на свободу. На другом процессе руководитель рейхсканцелярии Ламмерс, причастный к распоряжениям о массовых убийствах, получил тоже 20 лет — а на свободе очутился в 1951 г. Смягчали меры наказания и на «процессе врачей», производивших эксперименты над людьми. Доктор Покорны, разрабатывавший программу стерилизации людей на восточных территориях и проводивший в концлагерях опыты над русскими, украинскими, белорусскими мужчинами и женщинами, был оправдан — не нашли «состава преступления». И еще ряд его коллег оправдали.

Руководители гестапо во Франции Оберг и Кнохен сумели спрятаться и скрытно переждать опасный период. Их судили в Париже только в 1954 г. Приговорили к смертной казни, но помиловали. Выпустили в 1962 г. Ну а как же, временами-то менялись, наступила эпоха «холодной войны», теперь Франция, Англия, США, ФРГ стали союзниками. Стоило ли омрачать отношения из-за уничтоженных и замученных людей, которых все равно не воскресить?

А часть нацистских преступников передавали «германскому правосудию», и большинство из них вообще избежало суда. Впрочем, Шахта немцы все-таки судили, дали ему 8 лет «за участие в создании и в деятельности национал-социа-

листского государства насилия, принесшего бедствия многим миллионам людей в Германии и во всем мире». Но очень быстро приговор пересмотрели, смягчили. А потом и вовсе объявили Шахта невиновным и выпустили. И сразу после освобождения он основал в Дюссельдорфе мощную банковскую фирму «Шахт и К^о». «Германскому правосудию» был передан и главный банкир Гитлера Курт фон Шредер. И он за «преступления против человечности» получил... сколько бы вы думали? Три месяца заключения. Может, дали бы и меньше, но он три месяца просидел под следствием, вот и приговорили, чтобы с учетом предварительного тут же освободить.

Жену коменданта Бухенвальда Ильзу Кох, прозванную «Бухенвальдской сукой» — жуткую садистку, которая убивала людей, собирая коллекцию татуировок и изготавливая абажуры из человеческой кожи, приговорили к пожизненному заключению. Вскоре срок сократили до 4 лет. А в 1951 г. она обрела свободу. Генерал Фалькенхаузен был приговорен к 12 годам каторги за преступления в Бельгии — но освободили его через 2 недели. Ну а если зверства совершались в СССР, это даже и вменять в вину перестали. Допустим, обергруппенфюрер СС Бах-Зелевский руководил карательными операциями в Белоруссии. Именно он устраивал для Гимmlера показательный расстрел в Минске и давал об этом свидетельские показания на Нюрнбергском процессе. Но за свои дела на Востоке Бах-Зелевский ни малейшего наказания не понес. Его судили лишь за то, что в 1934 г., в «Ночь длинных ножей», он убил активиста СА Хоберга. Получил 4 года. А в отношении оберштурмбаннфюрера Кристмана, командовавшего айнзатцкомандой в Краснодаре, было начато следствие, долго тянулось и в 1974 г. было прекращено. Материалы о массовых убийствах на Кубани, представленные советской Генпрокуратурой, германские судебные органы сочли «недостаточными»...

В 1950-х начали выходить из заключения и те, кто отбывал его по приговору Нюрнбергского трибунала. Некоторых выпускали досрочно. Выпустили и приговоренных к пожизненному заключению Редера, Функа (бывший президент Имперского банка, переправлявший ценности в Швейцарию, вместо пожизненного отсидел 11 лет). И только одному пришлось сидеть на самом деле до конца жизни. Рудольфу Гес-

су. Заведовавшему когда-то кассой нацистской партии, потом перелетевшему в Англию для сепаратных переговоров. Видать, чересчур много знал, вот и сочли, что лучше ему умереть в тюрьме.

Как видим, говорить о справедливом и неотвратимом юридическом «возмездии» по большому счету не приходится. Слишком от многих факторов оно зависит, это «возмездие». В отличие от воздаяния Свыше — уклониться от которого не дано никому. Ни отдельным людям, ни народам, ни государствам...

ПОЧЕМУ НАЧАЛАСЬ «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»?

Еще весной 1945 г. западные союзники начали допускать демонстративные и достаточно обидные «щелчки по носу» в отношении СССР. 7 мая, вопреки всем договоренностям, они приняли в Реймсе капитуляцию Германии без наших представителей. По настоянию Москвы ее объявили предварительной и процедуру капитуляции повторили в ночь на 9 мая в Карлсхорсте. Но американцы и англичане, стараясь принизить ранг события, прислали туда второстепенных генералов. Договаривались и о том, чтобы провести совместный парад победы в Берлине. Союзники в последний момент отказались...

В Москве подобные перемены объясняли смертью Рузвельта и приходом к власти недружественного Трумэна. Однако это было не так. Именно Рузвельт своими расчетливыми ходами исподтишка подготовил ту политику, которую начал проводить Трумэн. И президентская «команда», осуществлявшая ее, осталась прежней. Просто Сталин ошибся в оценке этой политики. Он был уверен, что так же, как после Первой мировой, победившие великие державы займутся переделом сфер влияния в мире. А координировать действия и согласовывать спорные вопросы будут совместно — как после прошлой войны делал Верховный Совет Антанты, а в ходе этой войны Большая Тройка. Сталин лишь хотел, чтобы СССР не обошли в предстоящих разделах, чтобы он был равным партнером с западными державами.

Но американская «закулиса» никаких разделов не желала! Она боролась за создание однополярного мира. Официально это преподносилось как создание системы «коллективной безопасности» под руководством ООН[27]. Хотя пройдет пара лет, и Трумэн не постесняется открыто озвучить истинные цели: «Победа поставила американский народ перед лицом постоянной и жгучей необходимости руководства миром»[94].

Противоречия начали всплывать на Потсдамской конференции в июле-августе 1945 г. Союзники согласились с рядом советских требований — о границах Польши, о совместном управлении Германией. Согласились и с правом Советского Союза получить с Германии репарации «натурой» — станками, заводским оборудованием и т.п. При этом СССР мог брать что угодно из своей зоны оккупации и получить четверть заводского оборудования из западных зон (приходилось соглашаться, ведь русские еще требовались против Японии). Но в рамках передела мира Сталин предъявил и другие претензии — на Карсский и Ардаганский округа Турции, на предоставление Советскому Союзу военно-морской базы во Фракии, на свободный проход советских судов через Босфор и Дарданеллы.

Отсюда еще раз отчетливо видно, какую цель ставил себе Сталин — воссоздание былой Российской империи, хотя и советской, без отказа от коммунистической идеологии. Карсский и Ардаганский округа до революции принадлежали России, они были отданы Кемалю-паше Лениным и Троцким в 1921 г. А вопрос о режиме Черноморских проливов издавна был для России болезненным. Закрытие турками Босфора и Дарданелл несколько раз ощутимо ударяло по экспортной торговле зерном из наших южных областей, запирало Черноморский флот. И наоборот, открытие проливов для кораблей враждебных России стран создавало угрозу в Крымскую, Первую мировую, гражданскую войны.

Поводов предъявить претензии к Стамбулу в 1945 г. вполне хватало. Во Второй мировой Турция сохраняла нейтралитет, но отнюдь не дружественный для СССР. В 1941 г. она сосредоточила на нашей границе 26 дивизий, и в тогдашней тяжелой ситуации пришлось держать в Закавказье три

советских армии и еще три вводить с англичанами в Иран. В 1942 г., в критические месяцы Сталинграда и битвы за Кавказ, на турок также пришлось отвлекать войска, держать против них одну армию в Закавказье и в Иране кавалерийский корпус со стрелковой дивизией и танковой бригадой. А вдобавок само ведение войны Германией было возможно лишь благодаря поставкам из Турции хромовой руды. Министр вооружений Шпеер признавал, что прекратись эти поставки, и вся военная промышленность через полгода начала бы «голодать», а через год остановилась. Однако они прекратились лишь в августе 1944 г., когда пути им перекрыло советское наступление на Балканы... Примерно таких же поводов хватило, чтобы СССР объявил войну Японии. Но претензии о восстановлении прежних российских владений за счет Турции были западными союзниками отвергнуты.

Как только надобность в союзе с Москвой отпала, американцы повели себя еще более откровенно. В октябре 1945 г. открылись заседания ООН. И стало ясно, что Америка стремится превратить этот орган в некий всемирный трибунал с правом вмешательства в любые противоречия между странами, решая их в собственных интересах. Советский Союз мог противодействовать только своим правом «вето» в ключевом органе ООН, Совете Безопасности. Но он утратил бы это право, если конфликт так или иначе коснется самого СССР — по соглашению, которое Рузвельт в Ялте выманил у Сталина.

А в марте 1946 г. Черчилль произнес в американском университете в Фултоне свою знаменитую речь, где назвал Россию врагом Запада и призвал к консолидации всех сил для борьбы с ней. Черчилль был уже неофициальным лицом, пребывав в отставке, так что британское правительство за его высказывания вроде бы ответственности не несло. Но речь произносилась в присутствии Трумэна. А организовывал и курировал турне Черчилля по Америке Бернард Барух — этот ближайший советник Рузвельта, наваривший на войне колоссальные прибыли, сохранил положение «серого кардинала» и при Трумэне. «Неофициальную» речь в Фултоне очень широко растиражировала вся зарубежная пресса, и ни со стороны США, ни со стороны Англии опровержений и возражений не последовало.

В данное время наложилась конфронтация в Иране. До революции север этой страны тоже входил в зону влияния России. Русским здесь принадлежали нефтяные концессии, в городах размещались гарнизоны наших войск. После крушения империи эти области прибрали к рукам англичане. В 1920 г. Красная армия вторглась в Северный Иран, была образована Гилянская советская республика, но просуществовала недолго. Ровно столько, чтобы Троцкий успел перепродать (точнее, отдать) российские нефтяные концессии американской фирме «Стандарт ойл оф Нью-Йорк» [173]. Воспользовавшись вводом войск в Иран, Сталин и здесь решил восстановить прежние российские позиции. Был предложен проект создания советско-иранской нефтяной компании. Но тегеранское правительство, находившееся под влиянием англичан, отказало. Тогда Москва предприняла меры, каковые нередко применяли и западные державы. Поддержала в Иране оппозиционную партию Туде, национальные меньшинства — курдов и азербайджанцев. В декабре 1945 г. на севере Ирана при покровительстве русских были провозглашены Азербайджанская автономная и Курдская народная республики.

Но Англия направила в южную, «свою» зону Ирана крупные контингенты войск. Дело запахло столкновением. Америка формально в ситуацию не вмешивалась, однако негласно поощряла британцев. Сталин же войны не желал, и в мае 1946 г. Советский Союз согласился на компромисс, который в общем-то предлагался с самого начала. Русские выводят войска, а с Ираном заключается договор о совместной нефтедобыче и создаются совместные компании. Однако СССР был обманут. Как только наши части покинули страну, Иран при содействии британцев жестоко подавил азербайджанцев и курдов и в конце 1946 г. расторг договор о нефтедобыче.

Западные державы начали нарушать и договоренности, достигнутые в Ялте и Потсдаме. Например, это касалось репараций из западных зон Германии. СССР не получил не то что четверти заводского оборудования из этих зон, а вообще ничего. На запросы Москвы недавние союзники отвечали теперь отказом (да и еще бы им уступать оборудование германских концернов, партнерами которых были сами американцы!)

Вдобавок США принялись шельмовать, играя на критериях «демократии». На Лондонской конференции министров иностранных дел держав-победительниц западные «партнеры» объявили, что не подпишут мирных договоров с Румынией и Болгарией, поскольку выборы там были «не демократическими». На следующей конференции, в Москве, Молотов пошел на уступки, согласился на проведение новых выборов в этих странах. И тут же западная пресса и правительства подняли хай — дескать, тем самым Советский Союз признал, что результаты прошлых выборов были сфальсифицированы. В Париже в июле 1946 г. была созвана мирная конференция, на которой предполагалось решить проблемы послевоенного устройства Европы, но из-за подобных взаимных претензий она полностью провалилась.

Предлогом для нагнетания напряженности стала и помощь, которую Югославия и Албания оказывали греческим партизанам ЭЛАС (хотя оказывали без советского участия, Сталин договоренность о разделе сфер влияния на Балканах выполнил честно и в греческие дела не вмешивался). Еще один повод вызрел на Босфоре. Претензий на то, чтобы захватить черноморские проливы, Сталин не выдвигал, но желал все же взять их под советский контроль. И Москва предложила Стамбулу ввести совместную охрану проливов, советскими и турецкими силами, «чтобы помешать их использованию другими государствами в целях, враждебных причерноморским державам». Турция отказалась. Тогда на нее было оказано давление. Для этого, например, Сталин настроил Болгарию предъявить туркам территориальные претензии, пугануть. Однако тут же вмешалась Америка, направила в Эгейское море огромную военную эскадру. Ее поддерживали Англия и Франция.

А в феврале 1947 г. Трумэн изложил конгрессу США свою доктрину оказания помощи «свободным народам, сопротивляющимся попыткам закабаления со стороны вооруженного меньшинства или внешнему давлению». Первыми американскую помощь, и не только экономическую, но и военную, получили Греция и Турция. Таким образом уже обозначилось сколачивание антисоветского блока. Ну а в американских секретных документах были сформулированы две стратегиче-

ские цели Запада по отношению к СССР. Доктрина «сдерживания коммунизма» — не допустить дальнейшего расширения сферы советского влияния. И доктрина «отбрасывания коммунизма» — оттеснить эту зону влияния к довоенным границам, а затем добиться ослабления и ликвидации социализма в самой России[94].

Впрочем, здесь надо внести очень существенное уточнение. Дело в том, что в возникшем мировом противостоянии сам по себе коммунизм играл вовсе не определяющую, а чисто «прикладную» роль. Запад был и остался врагом вовсе не идеологии, а России. Для США и их партнеров коммунизм служил дополнительным жупелом, оправдывающим антирусскую политику. Если до революции мир запугивали «русской экспансией», то угроза «коммунистической экспансии» выглядела гораздо более убедительной. Теперь русских проще было противопоставить «цивилизованному миру», изобразить «варварами», настроить против них своих сограждан. Но и для Советского Союза коммунистическая идеология стала важнейшим орудием распространения и утверждения своего влияния в тех или иных регионах.

Окончательно привели к состоянию «холодной войны» план Баруха и план Маршалла. Да, на протяжении всего XX столетия мы встречаем одни и те же фамилии. И в списках банкиров, составивших заговор против Российской империи, и в закулисных махинациях вокруг Первой мировой войны, и вокруг Второй мировой... А летом 1946 г. все тот же Барнард Барух, «одинокий волк Уолл-стрит», представил в ООН план по созданию специального органа по контролю за атомной энергией.

Этот орган теоретически должен был стать «наднациональным», но реально управляться американцами. На него не должно было распространяться право «вето» со стороны членов Совета Безопасности. Всем государствам запрещалось заниматься не только производством ядерного оружия, но и научными разработками в данной области. И только этот особый орган мог давать разрешения на любые виды деятельности, так или иначе связанные с атомной энергией. Он получал также право беспрепятственно осуществлять контроль в любой стране, ведутся там подобные разработки или нет.

То есть, США получали монополию на ядерное оружие. Мало того, вдобавок они приобретали возможность вмешиваться во внутренние дела других стран и влезать в чужую науку, в чужие исследования. Фактически американцы смогли бы диктовать свою волю и взять под контроль все наукоемкие отрасли экономики любого государства. Советский Союз, понятное дело, отказался. А это, само собой, стало поводом для его обвинений, преподносилось как доказательство «агрессивных намерений». Правда, СССР выдвинул в ООН другой проект, заключить конвенцию о полном и безоговорочном запрещении ядерного орудия с уничтожением существующих образцов. Но этот проект был западными державами благополучно похоронен.

Ну а бывший военный советник Рузвельта, генерал Дж. Маршалл, после войны был переведен на другое поприще, внешнеполитическое, стал госсекретарем США. И в январе 1947 г. он выдвинул план выделения значительных финансовых ресурсов для восстановления Европы. В июне по данному вопросу в Париже была созвана международная конференция с приглашением заинтересованных стран, в том числе СССР. Но когда дошло до конкретного обсуждения плана, то выяснилось, что в довесок к помощи Европе предлагается попасть под американское влияние. Опять предусматривались «коллективные» (читай американские) органы по контролю за выделенными средствами, «спонсоры» сохраняли за собой право ставить свои условия, получали возможность регулировать европейских партнеров.

Молотов, возглавлявший советскую делегацию, пытался возражать, вносить иные предложения — чтобы страны, получающие помощь, сохраняли свободу в ее расходовании, в выборе экономической стратегии. Требовал отказаться от механизмов вмешательства в дела других государств. Нет, тут уж американская сторона осталась непреклонной. Зачем же ей было кому-то помогать, если не для вмешательства? 2 июля Молотов прервал переговоры, заявив, что «поставленные под контроль европейские страны потеряют ради удовлетворения нужд и желаний некоторых великих держав свою экономическую и национальную независимость»[27]. С оглядкой на позицию Москвы отказались от американской «помощи» и

страны Восточной Европы (не только те, которые ориентировались на русских, Финляндия тоже отказалась). Раскол мира стал реальностью...

И вот только теперь Советский Союз взял курс на создание социалистического лагеря! Такого лагеря, чтобы мог стать опорой в противостоянии с Западом, «предпольем» советской обороны в случае войны. Только теперь в странах советской «сферы влияния» пришел конец коалиционным правительствам. Местные коммунисты при содействии Москвы начали вытеснять представителей буржуазных партий из органов власти, проводить социалистические реформы, принимать новые конституции. В 1947 г. это произошло в Болгарии, Румынии, Польше, в 1948 г. в Венгрии и Чехословакии.

Ну а на аргументы США о защите «демократии» Сталин нашел любопытный контраргумент. Он отказал американцам в праве быть образцом «демократии»! Системы, установленные в Восточной Европе, были названы «народной демократией» — подразумевая, что она и есть настоящая. А западные демократии получались «антинародными», ненастоящими, раз реальная власть там принадлежит не народам, а финансовым и промышленным олигархам. Что ж, стоит отдать Иосифу Виссарионовичу должное. Наверное, утверждение о власти народов в Польше или Венгрии было далековато от истины. Но ведь ничуть не дальше, чем утверждение о народовластии в Англии или США.

Еще одной ареной противостояния стали страны «третьего мира». Война подтолкнула процессы распада колониальной системы. Владельцы колоний оказались ослаблены. А их жители участвовали в сражениях в составе британских, французских войск — после чего желали получить равноправие с англичанами и французами. В странах Азии люди вели партизанскую войну против японцев и продолжили ее против «белых» колонизаторов. В 1945 г. обрели свободу Индонезия, Северный Вьетнам, в 1946 г. начались волнения в Сирии, Ливане, в 1947 г. Англии пришлось признать независимость Индии и Пакистана, в 1948 г. Бирмы и Цейлона. Победили революции в Северной Корее, Китае...

В годы войны американцы поощряли, а то и инициировали освободительные движения, поскольку в однополярном

мире «новорожденные» государства неизбежно попали бы в экономическую и политическую зависимость от США. Но в двухполярном мире ситуация оказалась иной. Между СССР и Западом развернулось соперничество, некоторые страны предпочитали примкнуть к социалистическому лагерю, и возникали те самые «зоны влияния», которых Вашингтон старался избежать.

Одним из центральных пунктов соперничества стал и «германский вопрос». Предложения Америки и Англии по устройству Германии вели практически к перетягиванию ее в западную коалицию. А это никак не устраивало Советский Союз. Стоило ли одерживать столь тяжелые победы, брать Берлин, чтобы вновь получить враждебную Германию, которую станут вооружать и нацеливать против России? Но, в свою очередь, и советские предложения по демилитаризации, нейтрализации этой страны, блокировались Западом. Если даже нечего было возразить по существу, их торпедировали по формальным признакам. Допустим, соглашаясь рассматривать «германский вопрос» только в комплексе с другими проблемами, заводившими дело в тупик. Или на предложение о мирном договоре с демилитаризованной Германией указывалось, что сперва надо создать правительство, способное подписать такой договор[27].

И западные державы взялись создавать такое правительство в одностороннем порядке. В 1947 г. США и Англия, а потом и Франция объединили свои зоны оккупации под общим управлением. В 1948 г. в них была введена новая валюта, начались выборы в конституционное собрание. В знак протеста маршал Соколовский вышел из Межсоюзнического контрольного совета по Берлину, а затем, 24 июня, были блокированы дороги, ведущие в Западный Берлин. Соколовский прямо указал, что «технические трудности» в передвижении сохранятся до тех пор, пока «Вашингтон, Лондон и Париж не откажутся от своего проекта создания трехзонного правительства». Нет, бывшие союзники не отказались. Вместо этого установили «воздушный мост» для снабжения Западного Берлина и продолжали действовать в прежнем направлении.

И противостояние углублялось. В 1948 г. Америка и ее партнеры начали фактическую экономическую блокаду СССР

и стран «народной демократии», составив обширные списки товаров, объявленных стратегическими и запрещенными для поставок в социалистический лагерь. Но, обладая ресурсами Советского Союза и новых союзников, Сталин считал возможным не считаться с этим. Соцстраны переориентировались на связи друг с другом, в 1949 г. был создан Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Впервые в истории мировой рынок раскололся на два отдельных, изолированных рынка.

Зато страны Западной Европы получали колоссальные вливания по плану Маршалла, в 1946—1951 гг. они составили 12,4 млрд. долларов. Эти средства позволили в короткий срок возродить экономику западных стран, поднять их промышленность. И так же, как на прежнем плане Дауэса, на операциях по плану Маршалла хорошо погрел руки «Интернэшнл Аксепатнс банк», который возглавил банкир-разведчик Джеймс Пол Варбург.

Текущие в Европу деньги были мощным инструментом политического давления. И государства, получающие «помощь», становились «клиентами» США, начинали следовать в фарватере американской политики. В результате в апреле 1949 г. в Вашингтоне был подписан договор о создании военно-политического Северо-Атлантического блока (НАТО), куда вошли США и еще 11 стран — Англия, Франция, Италия, Бельгия, Дания, Норвегия, Нидерланды, Люксембург, Португалия, Исландия и Канада. А в мае 1949 г. была провозглашена Федеративная Республика Германии. В ответ, в октябре 1949 г. СССР создал в своей зоне оккупации Германскую Демократическую Республику.

Против кого создавался блок НАТО, понять было не столь уж трудно. В его орбиту втягивались другие государства, взятые американцами «под покровительство» — Греция, Турция. Вдоль границ СССР начала разворачиваться сеть военных баз. Разрабатывался план «Дропшот», предполагавший нанесение ядерных ударов по крупным советским городам. После чего следовало и сухопутное вторжение. Кстати, план никак не предусматривал «освобождение» русских от коммунизма или их перевоспитание. Нет, указывалось совсем иное: *«В данной кампании упор делается на физическое истребление противника».*

Но все же, несмотря на крайнюю опасность, крайнюю нестабильность, когда мир балансировал на грани войны, она так и не началась. Потому что советский народ героическими усилиями добился колоссального рывка в экономике. В невероятные сроки, всего за одну пятилетку, удалось не только преодолеть послевоенную разруху, но уровень производства на 73% превысил довоенный! Страна не рухнула в кризис, не надорвалась, а, напротив, усилилась. Она была динамичной, жизнеспособной — а значит, и боеспособной. А в августе 1949 г. Советский Союз провел успешные испытания собственной атомной бомбы. Америка лишилась монополии на это страшное оружие. Теперь приходилось опасаться ответных ударов. А как их умеет наносить Советская армия, на Западе еще хорошо помнили... И вместо столкновения началось состояние «холодной войны». Кстати, этот термин придумал тоже Бернард Барух.

АНТИСОВЕТЧИНА МЕНЯЕТ ОБЛИК

Окончание Второй мировой стало переломным рубежом в жизни русской эмиграции. В странах Восточной Европы, в Маньчжурии советские спецслужбы провели масштабные аресты. Правда, они осуществлялись выборочно. Брели тех, кто бежал за границу уже в годы советской власти. А из «старой эмиграции» таких людей, кто за границей просто жил и трудился, не трогали. Под аресты попадали те, кто сотрудничал с немцами или японцами. Попадали и видные бывшие белогвардейцы, даже не причастные к такому сотрудничеству. Целенаправленно вылавливали членов антисоветских политических организаций. В Праге было захвачено руководство Трудовой Крестьянской партии. Тогда-то и нашли в архивах ТКП документы, выявившие утечку сверхсекретных сведений из Кремля в конце 1930-х[145]. Но от кого и по каким каналам она шла, по-видимому, прояснить не удалось — руководитель ТКП А.Л. Бем во время допроса покончил с собой, выбросившись из окна. В разных странах было поймано более 100 активистов НТС. Некоторых расстреляли, большинство очутилось в лагерях.

В Западной Европе советские победы над Германией заставили многих эмигрантов пересмотреть свое отношение к коммунистической власти, вызвали уважение к ней. П.Н. Миллюков в 1943 г., незадолго до своей смерти, написал статью, распространявшуюся в перепечатках и оказавшую значительное влияние на умы. Он писал, что укрепление государственности, создание мощной армии, развитие экономики — это несомненная заслуга Советского правительства. А бывший посол Временного правительства во Франции В. Маклаков и социолог П. Сорокин разработали теорию «конвергенции», согласно которой между державами антигитлеровской коалиции неизбежно произойдет сближение в политических, общественных, экономических формах. По сути, теория представляла собой вариант мечтаний русских либералов времен Первой мировой — когда радовались, что наша страна воюет в союзе с западными демократиями, а значит, и сама должна будет перенять их модели.

И уж во всяком случае, итоги Второй мировой заставили многих эмигрантских деятелей отказаться от дальнейших попыток борьбы «с большевизмом». После освобождения Парижа и открытия там советского посольства его посетили Маклаков, бывший министр Временного правительства Вердеревский и заместитель председателя РОВС адмирал Кедров, который сказал: «Советский Союз победил, Россия спасена, и спасен весь мир. Новая государственность и новая армия оказались необычайно стойкими и сильными, и я с благодарностью приветствую их и их вождей». Посол А.С. Богомолов, в свою очередь, высказал похвалу русским изгнанникам: «Мы могли ожидать, что немцы в борьбе с Россией используют эмиграцию, но этого не случилось. Тех, кто пошел на службу к фашистам, было сравнительно мало. Наоборот, в разных странах эмиграция проявила свои симпатии к советскому народу».

В честь Победы Советский Союз сделал и примирительные шаги по отношению к эмигрантам, Президиум Верховного Совета объявил для них амнистию, предоставил право на получение советского гражданства «лицам, имевшим российское гражданство к 7 ноября 1917 г.» Такое же право получали «лица, утратившие советское гражданство, и их дети».

В посольствах СССР принимались заявления, торжественно вручали паспорта — первый выдали митрополиту Евлогию. Но все же из сотен тысяч эмигрантов вернуться на родину решились немногие. Например, во Франции выразили желание получить советское гражданство 11 тыс. человек, но реально из них выехали в СССР лишь 2 тыс.

Большинство, даже обретя гражданство, предпочитало остаться на чужбине. Здесь была привычная среда, устроенный быт, а в России уже не имелось ни родных, ни знакомых, чтобы отправляться туда на старости лет. Сохранялось и недоверие к советским властям, советским амнистиям. И оно было вполне оправданным. Многие из тех, кто захотел выехать на родину, так или иначе попали в лагеря. На них обращали повышенное внимание «органы», к ним цеплялись ретивые оперативники. У некоторых выискивали «грехи» прошлого. Других брали по подозрению в шпионаже. Наконец, реэмигранты оказывались слишком чужеродными для советской обстановки, выделялись манерами, стереотипами поведения. И достаточно было неосторожного слова, чтобы навлечь на себя беду.

Ну а у тех, кто остался за рубежом, теперь исчез главный стержень традиционного эмигрантского существования. Ведь раньше считалось сверхзадачей сохранение «прежней России» — чтобы донести ее и передать России новой, когда она освободится от большевиков. А война показала, что советская власть сильна, рушиться не собирается, и ее не смог одолеть даже такой противник, как Гитлер. Теории «конвергенции» тоже очень быстро выявили свою несбыточность. И сама идея «жизни ради возвращения» теряла смысл. Старикам оставалось только доживать свой век. Их организации превращались в подобию клубов или обществ ветеранов, где пожилые люди вспоминали прошлое, поддерживали общение между собой. А их дети начали быстро ассимилироваться среди народов Европы и Америки. Если мы, допустим, откроем книги дочери А.И. Деникина, хоть и родившейся в России, но увезенной за границу ребенком, то возникает четкое впечатление, что их писал нерусский человек. Нерусский по своему менталитету, взглядам, оборотам речи.

Но в ходе войны за рубеж выплеснулась «вторая эмиграция». Не вернулась на родину часть пленных, «остарбайтеров», добавлялись ушедшие с немцами беженцы, националисты, остатки солдат «Остгруппен», власовцев, красновцев, всякого рода перебежчики, невозвращенцы. Численность «второй эмиграции» неизвестна. Называют цифру 100 тыс. человек, но она весьма условна. Потому что многие из таких беженцев, опасаясь выдачи Советскому Союзу, жили по чужим или поддельным документам, выдавали себя за поляков, болгар, чехов. У этих людей была уже совершенно иная психология, другой настрой, чем у «первой эмиграции». Беженцы гражданской войны жили надеждами на возвращение, старательно сберегали в себе именно русское. Новые эмигранты, наоборот, стремились как можно скорее стать «настоящими нерусскими» — французами, американцами, канадцами, чтобы пользоваться в полной мере западными материальными благами. Поэтому они гораздо быстрее, чем «первая эмиграция», начали растворяться в других народах.

Возникали и антисоветские организации. Они также отличались от старых. Прежние белогвардейцы отождествляли себя с Россией и тщательно взвешивали взаимодействие с иностранцами — не нанесет ли оно ущерба российской государственности и русскому народу. Новые «борцы» такими проблемами не задавались, передавая себя в фактическое подчинение иноземцам. Как сообщает одна из брошюр НТС, «если кто и думал о возобновлении борьбы, то разве что о новом власовском движении без Власова на стороне американцев» [122]. И представляется закономерным, что в условиях «холодной войны» США привлекали к сотрудничеству главным образом представителей новой эмиграции, считали их «более реалистичными».

Например, русскую службу «Голоса Америки» возглавил не монархист или белогвардеец, а невозвращенец Бармин. Советский дипломат и разведчик, сбежавший на Запад — и принятый в Управление Стратегических Служб (разведку) США. Правда, в 1944 г. он опубликовал в «Ридерс дайджест» статью о «коммунистической опасности» и за это его уволили. Рано было публиковать такие статьи. Но затем пришло время, и дали подходящее назначение. И, между прочим, устроившись

в «Голосе Америки», Бармин принялся чисто по-советски стучать на американских коллег и начальников в комитет Маккарти — они, дескать, «саботировали ценные предложения по усилению антисоветской пропаганды» [8].

Под эгидой США и их партнеров по НАТО стали создаваться русские, национальные антисоветские организации. Но прежние формы эмигрантских кружков и партий, варившихся в собственном соку и споривших о политических программах, были для американцев малоинтересны. Стоило ли на таких деньги тратить? Подобная «мелочь» могла потребоваться только для того, чтобы устроить пикеты и демонстрации перед международными конференциями, выставками, издавать свои газетенки. Главным направлением деятельности стала пропаганда. На Советский Союз нацеливалось вещание мощных радиостанций «Голос Америки», ВВС, «Свобода», «Свободная Европа» и др. В СССР переправлялась агитационная литература. Она распространялась и среди советских солдат, расквартированных за рубежом.

В условиях «холодной войны» оказалась востребованной такая эмигрантская организация, как НТС. Но свое мировоззрение она значительно изменила. Термин «народно-трудового строя» остался, однако идеи об особенностях русского исторического пути уже отпали. Под «народно-трудовым строем» стала подразумеваться, по сути, та же западная демократия, а ради национальных особенностей ее лишь дополняли православием, земствами и т.п. НТС во все времена отрицал свою связь с зарубежными спецслужбами. Подчеркивал, будто действует сам по себе, даже позволял себе не соглашаться с Западом по отдельным вопросам. Но ведь и такие были нужны. Пусть действует, а иностранные государства тут как бы и ни при чем, ответственности не несут. Хотя в любом случае без их содействия и покровительства подобная работа была бы невозможной.

К 1948 г. разгромленный было НТС восстановил свои структуры, значительно пополнился за счет «второй эмиграции». И деньги откуда-то нашлись, начали издаваться журналы «Посев», «Грани», газеты «Эхо» и «Новости». Потом у НТС появилась и собственная радиостанция «Свободная Россия». Для работы среди советских солдат были созданы агита-

ционные центры в Германии и Австрии. В расположение воинских частей забрасывалась литература, устанавливались личные контакты. Аналогичная деятельность велась в зарубежных портах, куда заходили советские корабли и торговые суда.

С 1951 г. в НТС начала осуществляться операция по заброске в СССР литературы с помощью воздушных аэростатов — всего таким способом было отправлено 97 млн. листовок, около 8 млн. газет, более 900 тыс. брошюр и журналов[122]. Средства-то ого-го какие требовались, членских взносов энтузиастов явно не хватило бы. Но тут можно отметить «совпадение» — в 1952 г. в ЦРУ была разработана масштабная операция «Моби Дик» по запуску в воздушное пространство СССР тысяч воздушных шаров с разведывательной аппаратурой. А для прикрытия объявлялось о широкой программе метеорологических исследований[144]. Так что аэростаты НТС и аэростаты ЦРУ летели на нашу страну в одно и то же время.

Советские спецслужбы отвечали контрударами. Несколько активистов НТС было похищено в Западном Берлине и Вене, вывезено в Советский Союз и осуждено на различные сроки заключения. Предпринимались попытки уничтожить руководителей НТС, внедрить своих агентов в его структуры. Прогремело несколько взрывов в домах, где размещалась радиостанция «Свободная Россия», издательство «Посев». Но эта организация оказалась куда более серьезным противником, чем старые эмигрантские сообщества. Видимо, и западные «друзья» помогали и опекали. В советских и восточно-германских спецслужбах у НТС вдруг появлялась «свои» осведомители, о многих операциях получались предупреждения, покушения срывались, а засылаемые агенты разоблачались, осуждались западными судами за шпионаж или перевербовывались.

Предпринимались попытки засылать активистов в СССР. Возможности для этого с готовностью предоставляли американцы и их союзники. Несколько групп выбросили с самолетов на парашютах. Переходили границу и другими способами. Большинство таких эмиссаров было поймано. Кого расстреляли, кого посадили. Но некоторым удавалось пристроиться, начать подпольную работу. Для нее председатель НТС В.Д.

Поремский в 1948—1949 гг. разработал так называемую «молекулярную теорию». Признавалась невозможность создания в Советском Союзе крупных нелегальных структур. Но требовалось, чтобы возникло множество «молекул». Мелких групп, которые не будут связаны ни между собой, ни с зарубежным центром. Они могли получать из-за рубежа одностороннюю безадресную информацию и так же безадресно сообщать о своем существовании — надписями на стенах, нарисованными символами.

Работу предусматривалось вести в «малых» формах: обработка близких знакомых, общение внутри групп, изготовление и распространение литературы. Но в своей совокупности эти «молекулы» должны были постепенно разъедать советскую систему, и тем самым открыть возможности для более радикальных «революционных процессов». И ячейки НТС в России возникали разными способами. Одни создавались посланцами из-за рубежа, другие — активистами, уцелевшими в СССР со времен войны. Группы создавали и люди, слушавшие радио «Свободная Россия», НТС допускал вступление в их партию путем «самоприема». Но и ряд активистов, попавших в лагеря, стали вести там агитационную работу. А после освобождения образовывали подпольные ячейки в различных городах.

Надо сказать, что после войны условия для западной, энтээсовской и прочей антисоветской пропаганды сложились вполне благоприятные. Такой катаклизм, как Великая Отечественная, взбаламутил массы людей, перемешал их, вызвал грандиозные миграции с места на место. Неизбежно возникали те или иные обиды, недовольства, несправедливости, которые каждый оценивал и осмысливал по-своему. Люди соприкасались и общались с представителями разных идеологий. Миллионы солдат, офицеров, угнанных невольников, пленных побывали за рубежом, посмотрели на жизнь «у них», узнали взгляды иностранцев. А основа советского мировоззрения, псевдорелигия марксизма-ленинизма весьма слабо обеспечивала иммунитет от внешних воздействий. Если человек убеждался, что какие-то из «истин», внушенных ему, не соответствуют действительности, он начинал сомневаться и в остальном.

В эйфории победы возникали и надежды на идеологические, политические, экономические послабления, на своего рода «конвергенцию» со странами Запада. Но когда вместо послаблений пришлось очередной раз мобилизовывать все силы, в «штурмовом» режиме восстанавливать страну из разрухи, среди разных групп населения стало проявляться недовольство. Во второй половине 1940-х было раскрыто довольно много молодежных оппозиционных кружков и организаций — в Москве, Ленинграде, Воронеже. Взгляды одних были примерно такими же, как у разгромленной оппозиции 1920-х и 1930-х — они признавали идеи коммунизма, но считали себя «антисталинистами». Другие уже доходили и до отрицания коммунистических ценностей. Всплеск «вольнодумства» проявился и в армии. Кое-где организовывались тайные политические кружки. О них вспоминает, например, Ю. Орлов[130]. На попытке создания такой организации погорел А. Солженицын.

Ожидания послаблений оказались особенно сильны среди творческой интеллигенции. Большая ее часть все же не в такой степени, как простые люди, ощутила на себе ужасы войны. Творческих работников ценили, оберегали, создавали возможные удобства, льготные условия работы и службы, более сытные и безопасные. Это особое отношение порождало ощущения своей исключительности, избранности. Интеллигенция в определенной мере избаловалась, претендовала на дальнейшие поощрения. И куда сильнее, чем обычные работяги или солдаты, соблазнялась зарубежными «свободами». Тем более что в годы союзничества в СССР приезжали иностранные коллеги, поступала литература, широко демонстрировались западные фильмы, да и наши писатели, поэты, деятели театра и кино отправлялись с ответными визитами за границу.

Сталину подобные взгляды пришлось решительно пресекать. Была развернута широкая кампания против «низкопоклонства перед Западом». В противовес зарубежным пропагандировались достижения русской науки, культуры, искусства. Работу с творческой интеллигенцией возглавил идеолог партии А.А. Жданов. Было принято постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», осудившее ряд произведений

М.Зощенко (который в своих фельетонах окарикатурил не отдельных людей, а как бы обобщенно русских), А. Ахматовой. Сходные постановления были приняты в области музыки, театра. Впрочем, среди деятелей культуры, подвергшихся гонениям, ни один не был репрессирован. Откуда еще раз видно — целью было только одернуть творческих работников, чтобы не заносились и не разбалтывались.

Иностранной поддержкой пользовались, конечно, и националисты. Война закончилась, но в Литве, Латвии, Эстонии еще несколько лет гремели выстрелы, по лесам скрывались банды «лесных братьев», совершая нападения на сельсоветы, убийства. А на Украине орудовали бандеровцы. Американцы контактов с самим Бандерой избегали, называли его «недостаточно демократичным», к тому же он был замаран связями с нацистами. Поэтому США предоставляло содержать его англичанам. Но действующую под его руководством «Украинскую повстанческую армию» (УПА) американские и британские спецслужбы финансировали и оказывали ей помощь совместно. Хотя идеализировать бандеровцев в качестве чистых и непорочных борцов за свободу, право же, не стоит. Еще при немцах они проводили «этнические чистки», зверски вырезая поляков — хуторами и деревнями. А потом стали отлавливать и истреблять русских. Убивали целыми семьями и украинцев, обвиненных в связях с «москалями».

Но поддержка бандеровцев и прибалтийских националистов для стран Запада была выгодной. Еще бы не выгодной! Советский Союз отвлекал на лесную войну массу сил и средств, в западных районах поддерживалась нестабильность — и рождалась легенда о «народном сопротивлении». Кроме того, советские карательные органы вели борьбу с повстанцами жестоко, с привычным для них «размахом». По подозрениям в связях с националистами нередко арестовывали совершенно невиновных. Депортировали крестьян из «бандеровских» районов в другие места. Численность УПА достигала, по собственным данным бандеровцев, 20 тыс. — что наверняка преувеличено. И в пропагандистских целях, и для получения денег требовалось называть цифры побольше, а никак не меньше реальных. Но осуждено и депортировано было из Западной Украины 300 тыс. человек. А это, в свою

очередь, нагнетало озлобление, возникали взаимные счеты между украинцами и русскими.

Что же касается «неуязвимости» бандеровцев, то она объяснялась не столько поддержкой местного населения, сколько другими факторами. Их формирования базировались вблизи границ Польши и Чехословакии, а когда против них предпринимались крупные операции, они скрывались на территории других государств. Лишь после того, как в 1947—1948 гг. в этих странах была установлена коммунистическая власть, стало возможным заключить с ними соглашения о совместной борьбе с повстанцами, и тогда-то успехи бандеровцев подошли к концу. Несколько полков УПА прорвались через зашлоны, пересекли три или четыре государственных границы и добрались до Баварии и Австрии. И выдавать их, в отличие от власовцев или казаков, никто не подумал. А с отдельными группами и подпольными структурами повстанцев война на Украине и в Литве тянулась до 1950 г.

Как раз в этот период, после войны, а вовсе не в 1930-х достиг своего максимального размера ГУЛАГ. Его «население» составило 2,5 млн. заключенных [27, 161]. Выросло оно за счет тех же бандеровцев, «лесных братьев», за счет людей, заподозренных в их поддержке, власовцев, бывших полицейских, за счет осужденных за сотрудничество с оккупантами, арестованных белогвардейцев. Попало в лагеря немало граждан, осужденных невиновно. Но, опять же, было бы ошибкой относить всех заключенных к «политическим». Большинство сидело по уголовным статьям. В войну и первые послевоенные годы разгулялась преступность, и страну «чистили» от бандитов, воров, хулиганов, проституток. И, надо сказать, сделано это было быстро и эффективно. Советские граждане снова смогли выходить по ночам на улицы без страха, без риска быть убитыми, раздетыми или изнасилованными. Было и немало осужденных за нарушения трудовой дисциплины, за мелкие хищения — по законам военного времени это влекло уголовную ответственность.

Чтобы выделить более опасных преступников (например, сотрудничавших с немцами), в 1948 г. возникли лагеря особого режима, «каторжные». Но в том же 1948 г. условия содержания заключенных во всех лагерях были значительно смяг-

ченны, улучшилось питание, охрана труда, стали предприниматься меры к тому, чтобы беречь заключенных[27]. Дешевая рабочая сила ГУЛАГа, контингенты пленных (1,5 млн. немцев и 500 тыс. японцев) во многом способствовали послевоенному восстановлению хозяйства, освоению месторождений полезных ископаемых в Казахстане, Сибири. Но сам по себе чрезмерный рост системы лагерей сделал ее нестабильной и взрывоопасной — тем более что в нее попало значительное количество бывших военных. Один за другим показались бунты и восстания. В 1948 г. близ Воркуты, в 1949 г. в Берлаге, в 1951 г. на Сахалине, в 1952 г. в Озерлаге и Экибастузе, в 1953 г. в Карлаге, Горлаге, Воркуте.

А эти факты, в свою очередь, тоже подхватывались и обыгрывались западной пропагандой. Она разворачивалась по совершенно разным направлениям, только бы вели к одной цели — расшатыванию России. Использовались и открытый антикоммунизм, и идеи, близкие троцкизму, и русофобство, и национализм, и исторические измышления. Велась игра на гуманизме, пацифизме. В 1948 г. ООН приняла Декларацию прав человека — и началась игра на этих самых «правах человека». Внушались преимущества западных «демократических ценностей». Орудием пропаганды становился и сам западный образ жизни — изобилие, материальный достаток, удобства. Причем для советских людей это орудие оказывалось самым действенным. И это, в общем-то, было вполне закономерно. Коммунистическая идеология не могла обеспечить таких прочных моральных устоев, как вера в Бога. Да ведь она и нацеливала народ на строительство «земного рая». На материальное благополучие. А Запад, по сравнению с советской действительностью, казался подобием «земного рая». Как тут было не соблазниться?

Но в идеологической войне использовалось и другое. Еще в 1945 г. будущий шеф ЦРУ (и высокопоставленный масон) Аллен Даллес в своей разработке «Размышления о реализации американской послевоенной доктрины против СССР» писал: «Человеческий мозг, сознание людей, способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союз-

ников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного необратимого угасания его национального самосознания... Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдолбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности... Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы народной нравственности» [110]. В 1940—1950-х гг. в полной мере применить эти методы к русским были еще невозможно, но начинали вливать постепенно, капля по капле. А капля, как известно, и камень точит...

В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЛАСЬ ТРАГЕДИЯ СТАЛИНА?

Фигуру Сталина авторы различных взглядов и направлений традиционно изображают либо в черных, либо в светлых тонах. Но истина всегда далека от подобных крайних оценок. Да, Иосиф Виссарионович восстанавливал после революционной катастрофы великую Россию. При нем наша страна снова превратилась в могучую державу, смогла выиграть тяжелейшую войну, преодолеть разруху и противостоять на равных всему западному миру. Сталин восстановил и поруганное национальное достоинство русского народа. Способствовал возрождению Православной Церкви, отечественной истории, новому расцвету нашей культуры. Однако дальнейших, качественных шагов в данном направлении Сталин не сделал. Он сохранил культ марксизма-ленинизма, приоритеты «революционной» системы ценностей. И оказался пленником той системы, которая привела его к вершине власти.

И факты показывают, что Сталин не намеревался делать таких шагов. Он оставался убежденным сторонником коммунизма, по-прежнему верил в возможность создания «рая на земле». Он нарушал положения Ленина, но не покушался на «святость» самого Ленина, а отход от некоторых его принци-

пов считал диалектикой — то, что было хорошо в один момент, не годилось в другой.

Задумки Сталина о том, чтобы возродить в обновленном качестве Российскую империю, подтверждаются не только его внешнеполитическими шагами и внутренними реформами. О том же свидетельствует ряд его высказываний. Так, после победы над Германией он поднял тост за русский народ. А в обращении по поводу капитуляции Японии указал, что поражение в русско-японской войне 1904—1905 гг. «оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита, и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил...»[161] Как видим, тут Сталин уже очень далеко зашел. Он фактически «дезауировал» даже революцию 1905 г., в которой принимал участие! Революцию, во многом способствовавшую поражению. Но «дезауировал» только в подтексте. Не в открытую. И, зайдя далеко, не решился продвинуться еще дальше. Еще чуть-чуть...

Он знал о тех черных делах, которые натворили в России чужеземные «бесы» и их «оборотни» — но не вскрыл их перед народом. Чтобы не подорвать легенды о величии революции, о непогрешимости партии. Чтобы эта правда не ударила по самой партии и существующей власти. Хотя тем самым Сталин облегчил последующую реабилитацию «оборотней» и их пособников. Облегчил причисление их к «невинным жертвам». И даже способствовал «легенде прикрытия», когда их преступления были переложены на него самого.

Сталин знал и о том, что чужеземные силы преднамеренно организовали крушение России, свержение царя, гражданскую войну. Но не пошел на примирение с монархистами, белогвардейцами. Их он по-прежнему считал врагами советского народа, а значит и России. В них он видел пособников иностранцев. Поэтому и арестовывали белогвардейцев в странах Восточной Европы, в Маньчжурии, расстреливали, отправляли в лагеря. Не отказался Сталин и от классовых теорий. Сохранились воспоминания, как генеральный секретарь разбирал литературные произведения, написанные в послево-

енное время — он догматично придерживался старых революционных установок[165].

Власть, которой достиг Иосиф Виссарионович, значительно превосходила царскую. Но он, в отличие, скажем, от Наполеона, никогда не думал о реставрации монархии. Похоже, что и здесь он подходил «диалектически». Как коммунизм считал более высокой формацией по сравнению с капитализмом, так и Советский Союз видел более высокой исторической ступенью по сравнению с прежней Россией. Что, казалось бы, подтверждалось конкретными результатами. Царская Россия не имела такой мощной промышленности, а СССР ее построил, царская Россия не смогла одолеть Германию и проиграла Японии, а Советский Союз победил.

Впрочем, даже с практической точки зрения, а Сталин всегда был прагматиком, почти весь период своего правления он не мог отречься от ленинских идеалов. Сперва, в условиях борьбы с оппозицией, любая «ересь» стала бы мощным оружием в руках конкурентов. Мало того, от Сталина отвернулись бы его соратники, низовые парторганизации, даже и значительная часть беспартийного населения, идеологизированного и сбитого с толку. Во время войны отказ от ленинизма привел бы к национальному расколу, чреватому непредсказуемыми последствиями. А с другой стороны, коммунистическая идеология оказывалась полезной для мобилизации сил на отпор врага, для воодушевления фронта и тыла. Ну а во время «холодной войны» та же идеология стала орудием борьбы с Западом, средством распространения советского влияния в мире.

Кардинальный поворот Сталин мог осуществить только в довольно короткий промежуток времени — в победное лето и начало осени 1945 г. Когда власть его была максимальной, а авторитет в народе безграничным. И сам народ, каждый по-своему, ожидал каких-то перемен. Но, повторяюсь, Сталин не имел ни желания, ни намерений отречься от коммунизма. А вскоре после окончания войны с Японией произошло событие, которое почему-то остается малоизвестным. В массе «сталинской» и еще большей массе «антисталинской» литературы его по какой-то причине обычно обходят молчаливым. В октябре 1945 г. у Сталина случился инсульт[161]. Ска-

залось колоссальное перенапряжение военных лет (а может быть, кто знает, сказалось и то, что он не использовал исторический шанс?)

Хотя в зарубежной прессе появились даже сообщения о смерти Сталина, инсульт был в довольно легкой форме, через два месяца генеральный секретарь вернулся к работе. Но без последствий такие заболевания не проходят. Стала снижаться работоспособность, усилились скрытность, подозрительность, что весьма характерно для людей, перенесших инсульт. Ухудшалось здоровье, Сталин все реже появлялся на публичных мероприятиях. Все больше и больше отходил от внешнего мира, замыкаясь в мирке кремлевского кабинета, квартиры и кунцевской дачи. И в мирке ближайшего окружения.

А вокруг него стала разворачиваться борьба за влияние на него — и, как нетрудно понять, за последующее наследство власти. Обозначилось несколько групп. Одна: Жданов, Вознесенский, Кузнецов и их сторонники. Другая: «связка» Маленкова — Берии, к которой примыкали Хрущев и Микоян. Обе группы оттесняли «старую» — Молотов, Ворошилов, Каганович. И если Сталин в конце 1930-х очистил руководство страны от эмиссаров мировых закулисных сил, то теперь, в этой самой атмосфере подспудных интриг действовали другие «оборотни».

Кто? Доподлинно мы не знаем. Обвинение слишком серьезное, чтобы приводить его без доказательств. Для «оборотней» прежнего поколения такие доказательства можно выявить из их дореволюционных связей, знакомств, из их дел в первые годы советской власти. Что-то со временем рассекречивалось, открывались закрытые ранее архивы, где-то допускались утечки информации. Но для деятелей следующего поколения все это остается сокрытым. Мы можем высказать лишь определенные подозрения.

Так, свою патриотическую линию Сталин проводил, опираясь на Жданова и его «команду». Жданова считали самым вероятным преемником Иосифа Виссарионовича. Но в эту же «команду», и именно в ходе верхушечной борьбы за влияние попал такой работник, как М.А. Суслов, возглавивший Агитпроп вместо «маленковца» Александрова. В 1948 г. Жданов умер, но на позициях Суслова это никак не отразилось. На-

оборот, они упрочились. Он становится секретарем ЦК, выдвигается на роль идеолога партии. Не отразится на нем и смерть Сталина, падение Берии, Хрущева. Он будет лишь набирать силу, превратившись в советского «серого кардинала» — и линию будет проводить совсем не патриотическую.

Невольно обращает на себя внимание и фигура А.Н. Поскребышева. Личного секретаря Сталина, руководителя специального сектора Секретариата ЦК. Как раз через этот сектор Иосиф Виссарионович обеспечивал собственное руководство партийными структурами, осуществлял контроль над ними. По какой-то причине Поскребышева обходят стороной все исследователи, в нем видят лишь «тень» Сталина, его вернейшего слугу. В 1930-х, очевидно, это было так. Но так ли было в конце 1940-х и начале 1950-х? Те, кому требовалось обеспечить свое влияние на Сталина, должны были в первую очередь заинтересоваться Поскребышевым. Постараться каким-то образом привлечь на свою сторону. В период, когда усиливалось затворничество генсека, от его личного секретаря все в большей мере зависело, что и как будет доложено. Но реальные факты показывают, что Сталину в этот период докладывалась не вся правда. И не только правда. И не слишком ли быстро постарались уничтожить Поскребышева после смерти Сталина? Только за то, что верно служил ему? Или знал слишком много?

Действовали и другие схемы влияния. Одна из них вскрылась в 1952 г., Сталин рассказал о ней на пленуме ЦК после XIX съезда партии: «Молотов — преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он не колеблясь отдаст жизнь за партию», но при этом «товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеем мы принять решение Политбюро по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становится известно товарищу Жемчужиной. Получается, будто какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова Жемчужиной и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять».

Одной из подруг Жемчужиной была и Дора Хазан, замминистра легкой промышленности и супруга члена Политбюро Андреева. Которая тоже держала мужа под влиянием (в том же 1952 г. ее снимают с должности, а Андреева отправят в

отставку по состоянию здоровья). Что же касается «друзей, которым нельзя доверять», то к ним относилась, например, посол Израиля в Москве Голда Меир — бывшая одноклассница Жемчужиной. Старая гимназическая дружба между ними восстановилась самая закадычная, то и дело встречались, в гости заходили на чашку чая...

А в целом получалось, что советская жизнь вернулась на «круги своя». Все пошло так же, как в 1920-х, 1930-х. Советский Союз опять достигал величайших успехов. Но Сталин и его окружение снова варились в «своем соку», отрываясь от действительности — и отрываясь в гораздо большей степени, чем раньше. Снова существовали непонятные «влияния». Снова шла верхушечная грызня. Снова возникали «феодалные княжества». Находились и дураки, карьеристы, чрезмерно ретивые исполнители. И в результате достижения оставались непоследовательными и половинчатыми. Позитивные процессы очередной раз сопровождались негативными. А благим начинаниям опять сопутствовали бедствия.

Допустим, Сталин взял курс на «штормовое» преодоление послевоенной разрухи. И в условиях противостояния с Западом это было единственно верным решением. Только такой путь помешал США и их партнерам смять СССР и подчинить своему диктату. Но Сталин при этом провозгласил «двуединую» задачу, не просто восстанавливать хозяйство, а одновременно строить коммунизм, тот самый «земной рай», где каждый трудящийся сможет получать «по потребностям». И первой послевоенной пятилеткой шторм не завершился, он предполагался и дальше. По сути, Сталин утратил чувство реальности. Не понимал, что бесконечно жить и трудиться в ударном режиме нельзя. Народ этого не выдержит. Да и преимущество развития тяжелой промышленности над легкой, производства средств производства над предметами потребления зашкалило все допустимые пределы, привело к «перекосам» в экономике.

Сталин, несомненно, любил и уважал русский народ. Но вполне по-ленински полагал, что сам народ не знает своей пользы. Что его надо вести к «светлому будущему», в том числе и силой. Он желал реального повышения уровня жизни людей. И меры для этого действительно предпри-

нимались. С 1947 г. были отменены продуктовые карточки. Регулярно повышалась зарплата, стали снижаться цены. Восстановился 8-часовой рабочий день, выходные, отпуска, улучшались условия труда, отдыха, повышался уровень медицинского обеспечения.

Однако в это же время сохранялся тяжелейший гнет на крестьян. Они по-прежнему жили без паспортов, на них не распространялось пенсионное обеспечение. А в послевоенные годы под руководством А.А. Андреева, отвечавшего за сельское хозяйство, гайки стали закручиваться еще туже. В 1946 г. у колхозников урезали приусадебные участки (которые в войну разрешалось расширять), обложили очень высокими налогами и право торговать на рынке, и эти самые участки — вплоть до каждого фруктового дерева. А в 1948 г. было «настоятельно рекомендовано» сдать государству мелкий скот, который позволялось держать по колхозным уставам. И так же, как в годы коллективизации, колхозники принялись резать свою живность — за полгода было тайно забито 2 млн. свиней, овец, коз[27].

После того, как наломал дров Андреев, руководить сельским хозяйством был назначен другой «специалист» — Н.С. Хрущев. И начал свои «реформы». Провел «укрупнение» колхозов — их число сократилось втрое. Предписал, чтобы основной производственной единицей были не звенья (в звеньях, как правило, работали семьями), а бригады — с объединением и перемешиванием звеньев. А вдобавок выдвинул проект «агрогородов». Вознамерился окончательно преодолеть «противоречия между городом и деревней» — чтобы крестьяне жили в настоящих городах, в многоквартирных домах, без всяких подсобных хозяйств, только работали не на заводах, а на полях. Это грозило полным разрушением сельского хозяйства, и такую «реформу» все же не допустили. Но и сам Сталин был против снижения налогов с крестьян, в последние годы жизни все еще заявлял, что «мужик у нас в долгу» — за то, что большевики ему «дали землю». И даже колхозы считал лишь переходной формой хозяйства. Полагал, что со временем они будут преобразованы в совхозы, и крестьяне перейдут на положение рабочих.

Огромных успехов достигла советская наука. Развивалась система образования, открывались новые институты и университеты, возникали новые научные учреждения. После ядерной бомбы наши ученые, опередив американцев, смогли создать термоядерную. Но при этом возникло и такое уродливое явление, как «лысенковщина». Президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук Т.Д. Лысенко развернул преследования «кулаков от науки», разгромил генетику. Вслед за ней были объявлены «буржуазными лженауками» кибернетика, квантовая механика. Зато развивались вполне советские лженауки — попытки создать «нового человека» по методам Павлова, рождались грандиозные проекты «сталинских преобразований природы» (вроде плотины через Берингов пролив, чтобы отвести холодные течения от сибирских берегов).

Сталин уделял огромное внимание развитию культуры, литературы, искусства. Эти направления он держал под личным контролем, хорошо понимая, что культура — основа внутренней силы государства, ее духа. Несмотря на все финансовые трудности, на развитие культуры выделялись очень большие средства. Сталин говорил, что на это «нам денег не жалко»[165]. Государство обеспечивало выпуск кинофильмов, журналов, публикацию литературных произведений, организацию выставок, содержание музеев, работу театров. Деятели культуры неизменно опекали, они в первую очередь получали жилье, им платили высокие оклады и гонорары. Хорошие произведения поощрялись Сталинскими премиями. Сам Сталин регулярно встречался с писателями, кинематографистами, художниками, интересовался их нуждами, читал почти все появляющиеся в печати произведения.

Впрочем, и здесь ему стало изменять чувство реальности и вкуса. Из соображений прагматизма он наряду с шедеврами поощрял и произведения «лакировочные», надуманные, парадные. Поощрял то, что считал полезным, соответствующим курсу партии, отвечающим тем или иным политическим задачам. На авторов сыпались почести, награды, материальные блага. Сталин считал, что он таким образом воспитывает новых творцов российской культуры, дает им стимулы к

дальнейшим достижениям, делает их активными и убежденными борцами за грядущее величие своей страны. А на самом деле вскармливал конъюнктурщиков, лизоблюдов, подхалимов, которые несколько лет спустя примутся в угоду новым хозяевам оплевывать и его, и его политику.

Таких же конъюнктурщиков и подхалимов выдвигала система коммунистического аппарата. И чествование 70-летия юбилея Сталина в 1949 г. превратилось в апофеоз «культ личности». Лавины восхвалений, поздравлений, которые печатались всеми газетами в течение нескольких месяцев, захлестнули страну. Во многих городах возводились памятники, бюсты Сталина. Тысячи памятников. Многие тысячи. И глобальные масштабы этой низкопробной лести растворяли и топили истинный авторитет, истинное уважение к вождю, обретенное народом во время войны. Сталин мог бы пресечь эту кампанию. Вполне мог. Но не пресек.

Верил ли он в Бога? Мы не знаем. Может быть и да. Но если да, то тайно, «про себя». Православной Церкви он по-прежнему покровительствовал. Когда в ноябре 1944 г. умер униатский митрополит Западной Украины Шептицкий — ярый русофоб, еще в Первую мировую войну работавший на Германию и Австро-Венгрию, униатской церкви было «рекомендовано» слиться с Православной. Преемник Шептицкого Слипый и еще несколько иерархов были осуждены за сотрудничество с оккупантами и бандеровцами. Но значительная часть униатского духовенства в этот период тоже желала воссоединения церквей, хотела перейти под эгиду Московской патриархии — так же, как западные украинцы после нескольких веков разделения воссоединились с восточными братьями. И подобные настроения государство поддержало. В 1946 г. прошел Львовский Собор, и воссоединение свершилось. В 1596 г. Польша, папа римский и иезуиты организовали Брестскую унию, вызвав раскол православия. Теперь наконец-то этот раскол был преодолен.

В 1949 г. М.А. Суслов представил Сталину доклад, предлагая возобновить гонения на Церковь. Обосновывалось это тем, что она сыграла свою роль в войне, а дальше ее можно снова прижать. Что в мировом противостоянии религия подрывает устой коммунистической идеологии, а значит, играет

на руку противникам. Да и возможность пополнить казну за счет Церкви выглядела не лишней. Мнение Суслова разделила часть членов Политбюро. Однако Сталин предложение решительно отклонил. Но и в этом вопросе более решительных, качественных шагов он не сделал. Сам он открыто к Церкви не обратился. Считал это для себя то ли невозможным, то ли недостойным. И не предпринял ничего, чтобы обратиться к Вере народ. Церкви позволяли действовать самой по себе. Но в партии, комсомоле, школе никто не отменял установок атеизма. И если Сталин не дал ходу сторонникам сокрушения Церкви, то самих их не окоротил. Не объявил их каким-нибудь «антипатриотическим» или «левацким» уклоном, они сохранили свои посты и влияние в высших советских кругах.

И когда местные руководители запрашивали, как им относиться к Церкви, как строить взаимоотношения, из Москвы, из идеологического аппарата партии, следовали разъяснения — курс в отношении религии остается прежним. А некоторые храмы по стране начали закрываться. Без погромных централизованных кампаний, исподтишка, под теми или иными «частными» предлогами. Особенно это коснулось церквей, которые в годы войны были открыты на оккупированных территориях — то есть, без разрешения советской власти, по собственному почину священников и мирян. Теперь стал выдвигаться предлог, что их открылось «слишком много», можно бы и сократить. Всего таким образом в последние годы сталинского правления было закрыто около 2 тыс. храмов. И молодежь от религии по-прежнему отлучали, и атеистическую пропаганду возобновили...

Но ведь существовала и четкая обратная зависимость! Как раз отсутствие Веры способствовало умножению всякого рода преступлений! Именно этот фактор облегчал предательство, порождает духовные искательства — а без Веры они могли быть только политическими. Из-за этого ширились должностные злоупотребления, хищения, бандитизм, хулиганство, нарушения трудовой дисциплины. А государство — без опоры на Веру, могло наводить порядок только страхом и жестокими наказаниями. Вот и рос ГУЛАГ...

Из-за того, что Сталин так и не смог отступить от фундамента марксистско-ленинской идеологии, все его патриоти-

ческие реформы, все преобразования по укреплению Российской державы тоже получились неполными и обратимыми. А сломать тысячи памятников и бюстов оказалось не столь уж трудно.

В ПАУТИНАХ ИНТРИГ

Создание мировой социалистической системы дало СССР колоссальный геополитический выигрыш, повысило военные и промышленные ресурсы за счет сателлитов. Но была и другая сторона медали. Странам соцлагеря требовалось помогать. А эта помощь была делом очень не дешевым. В 1945—1952 гг. соцстранам было предоставлено одних только долгосрочных льготных кредитов на 15 млрд. рублей (3 млрд. долларов). Словом, на плечи нашего народа — тех же колхозников, рабочих, легла весьма тяжелая дополнительная нагрузка.

Возникали и проблемы другого рода. В 1948 г. наметился, а в 1949 г. произошел полный разрыв с Югославией. Причина его состояла не только в том, что Тито претендовал на самостоятельную политику и проявил «непослушание» Москве. (Хотя Югославия получала значительную помощь, а за это, по справедливости, следовало бы платить). Причина была глубже — масонское влияние в руководстве Югославии. Характерно, например, что в Сараево при Тито открылся мемориальный музей организации «Млада Босна», посвященный террористам, развязавшим Первую мировую. Сербские заговорщики из «Черной руки», спланировавшие и осуществившие убийство Франца Фердинанда — Д. Дмитриевич, В. Танкосич и их соратники — тоже были удостоены ранга «национальных героев», их деятельность объявлялась «полезной для освобождения балканских народов».

Признал Тито и старые мечты заговорщиков о «Великой Сербии» и фактически продолжил эту линию, выдвинув проект Балканской Федерации, куда вошли бы Югославия, Болгария, Албания, втянулась бы Румыния, а при возможности Греция. По сути, это был троцкистский план «Соединенных Штатов Европы» в уменьшенном виде «Соединенных Штатов Балкан». И социалистический лагерь, таким образом, раско-

долся бы, тяготея к двум центрам, Москве и Белграду. Сталин подоплеку теракта в Сараево знал. И информацию из Югославии воспринимал соответственно. Только употреблять термин «масонский» не считал возможным, поэтому квалифицировал режим Тито как «троцкистско-фашистский». И дружба сменилась враждой. Полилась кровь в Югославии — казни-ли тех, кого объявили ставленниками Москвы. Прокатились и репрессии в Чехословакии, Польше, Венгрии, Румынии — по обвинениям в «титоизме». Кто из политических деятелей, попавших под террор в странах Восточной Европы, действительно был «оборотнями», а кто пострадал невиновно, разоб-браться не так просто. Ведь в зарубежном социалистическом и коммунистическом движении многие фигуры были так или иначе связаны с масонством.

Но вот с Китаем у Сталина вражды не возникло — не-смотря на то, что Мао Цзэдун не в меньшей степени, чем Тито, претендовал на самостоятельность. Переговоры с ним в Москве были нелегкими, длились два месяца. И Советский Союз пошел на очень значительные уступки. Выделил заем в 300 млн. долларов, обещал в двухлетний срок отказаться от своих прав в Маньчжурии, а в пятилетний от Порт-Артура и Дальнего. Но за это создавались совместные советско-ки-тайские предприятия, от которых не только Китай, но и наша страна должна была получать значительную прибыль. А глав-ное, был заключен договор о взаимопомощи на 30 лет. Ста-лин понимал, что сателлитом СССР огромный и многолюд-ный Китай не станет. Но при мировом противостоянии и уг-розе войны Китай был ему нужен не в качестве сателлита, а как союзник.

И союзник пригодился, когда вспыхнула война в Корее. В 1950 г. с санкции ООН США вмешались в конфликт меж-ду северным, коммунистическим правительством, и южным, подконтрольным Вашингтону. В Корею были направлены ог-ромные американские силы, лишь немного уступающие кон-тингентам, которые в 1944 г. высаживались в Нормандии. Но в войну тут же вступили китайцы, крепко поколотив амери-канцев. Советский Союз тоже принял участие в боевых дей-ствиях. Однако это участие было куда более скромным, чем американское. Поставлялось оружие, наши военные советники

присутствовали на фронте — но в штатском, под видом корреспондентов. Наши летчики посшибали несколько сотен американских самолетов, но базировались на китайской территории, летали с китайскими опознавательными знаками, и залетать за линию фронта им было категорически запрещено.

Соответственно, и советские потери в этой войне были очень маленькими. Бить неприятеля чужими руками в любом отношении оказывалось выгодно. Кстати, война в Корее ни в коем случае не пропагандировалась в качестве этапа «мировой революции». Советские средства массовой информации вовсе не уделяли ей такого внимания, как в свое время Испании. Уже не внушалось, что это «наша» война, ее не требовалось воспринимать так близко к сердцу, мальчишки не рвались туда ехать. Нет, с «интернационализмом» было покончено. Платить русскими жизнями за благо «пролетариев всех стран» Сталин не стремился.

Он готов был прекратить и конфронтацию с Западом — если эта готовность будет взаимной. Поддержал международное общественное движение сторонников мира. Когда в 1950-м в Стокгольме Постоянный комитет Всемирного конгресса сторонников мира выработал воззвание о запрещении атомного оружия, в СССР под ним поставило подписи все взрослое население[94]. В марте 1951 г. Верховный Совет СССР принял закон о защите мира, признававший пропаганду войны тягчайшим преступлением. А в июне 1951 г. Советский Союз первым внес в ООН предложение, чтобы в Корее «воюющие стороны начали дискуссию о прекращении огня и достижении перемирия».

На заключительном этапе правления Сталин продолжал свою «державную» линию. Так, в Ленинграде были восстановлены многие исторические наименования. Проспект Володарского вновь стал Литейным, площадь Урицкого — Дворцовой и т.д. Правда, и эти преобразования были половинчатыми — сам-то Ленинград остался Ленинградом. В 1946 г. народные комиссары стали министрами, а Совнарком — Советом министров. В 1948 г. прошло пышное празднование 800-летия Москвы, тем самым восстанавливалась старинная традиция чествования юбилеев русских городов. А в 1952 г. и партия была переименована в Коммунистическую партию Советско-

го Союза. Осталась коммунистической, но слово «большеви-ков» из ее названия исчезло. Сталин теперь вообще подолгу обходился без съездов и пленумов. Вероятно, хотел перенести центр власти из партийных в правительственные органы.

В рамках укрепления государственности проводилась кампания борьбы с «низкопоклонством перед Западом». Другую кампанию, против космополитизма, почему-то принято преподносить сугубо в качестве «антисемитской». Хотя в документах американской разведки насаждение космополитизма признавалось важным средством разложения русского народа. Так, в процитированной ранее разработке Аллена Даллеса «Размышления о реализации американской послевоенной доктрины против СССР» указывается о работе среди русской молодежи: «Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов». Откройте любой толковый словарь, и увидите, что космополитизм отнюдь не означает принадлежность к той или иной национальности. Это явление, противоположное патриотизму.

И как раз в таком качестве он использовался в идеологической войне. Внушались приоритеты «общечеловеческих» ценностей над национальными и государственными, идеи глобализма, эгоизма, рассуждения, что «родина человека — весь мир», «родина там, где человеку хорошо». По сути, эти теории представляют собой разновидность все того же «интернационализма», только без агрессивной «революционной» составляющей. Другой вопрос, кто в Советском Союзе оказался более восприимчив к подобным теориям? Ясное дело, не украинский крестьянин, русский рабочий или бурятский пастух.

Политику Москвы никак нельзя было назвать антисемитской хотя бы из-за того, что Советский Союз поддержал и горячо приветствовал образование Израиля в 1947 г. Сталин увидел в этом возможность ослабления британских и американских позиций на Ближнем Востоке. Но в действительности никакого ослабления не произошло. Напротив, Израиль сразу вошел в тесную спайку с США и Англией. Зато создание нового государства неожиданным образом аукнулось в Москве. Открывшееся здесь посольство Израиля во главе с Голдой Меир принялось устанавливать прямые и чрезвычайно дру-

жественные контакты с советскими евреями. Настолько дружественные, будто они были не гражданами другой державы, а просто соплеменниками. А к евреям принадлежала значительная доля столичной интеллигенции, научных работников, правительственных чиновников. Конечно, такое понравиться Сталину никак не могло. Да и никакому здравомыслящему главе государства не понравилось бы.

И в связи с этим возникло и дело Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). Этот комитет был создан в 1942 г. наряду с Всеславянским, Молодежным, Женским. В 1943 г. председатель ЕАК артист и режиссер С.М. Михоэлс, писатель И.С. Фефер и др. посетили США, где договаривались о сборе средств в помощь СССР, встречались с еврейскими научными, культурными, общественными кругами. Произошли и встречи с руководителем Всемирной сионистской организации Х. Вейцманом (который стал первым президентом Израиля), председателем Всемирного еврейского конгресса Н. Гольдманом, руководителем ложи «Сыны Сиона» С. Вайзом и лидером организации «Джойнт» Д. Розенбергом[161].

И в ходе переговоров американские партнеры снова поднимали вопрос о создании еврейской республики в Крыму. При чем Розенберг, по признанию Фефера (не только писателя, но и агента МГБ), говорил: «Крым интересует нас не только как евреев, но и как американцев, поскольку Крым — это Черное море, Балканы и Турция». Вернувшись в СССР, члены ЕАК разработали доклад о «Еврейской советской социалистической республике» (подобное название соответствовало статусу даже не автономной, а союзной республики!) и 21 февраля 1944 г. представили Молотову. Однако он дело тор-мознул как явно несвоевременное.

Но члены ЕАК не падали духом, почему-то верили, что рано или поздно вопрос все равно решится положительно. Уже и распределяли места в будущем правительстве Крыма, и Михоэлса величали «наш президент». Надо сказать, комитет имел некую весомую поддержку в советском руководстве. Война закончилась, антифашистские организации, выполнив свои функции, прекращали существование, а ЕАК жил. Мало того, размахнул свою деятельность весьма широко. Выпускал газету «Эникайт» и еще ряд изданий, под его крылом возник-

ло несколько «культурных» и «общественных» организаций. То есть, откуда-то шла солидная финансовая подпитка. Поддерживались связи с американской организацией «Джойнт» — а ее президентом в данное время стал банкир Эдуард Мортимер Моррис Варбург. (Внук Якова Шиффа и брат двух банкиров, служивших в американской разведке — Джеймса Пола и Пола Феликса Варбургов).

Как прежде Лурье со своим ОЗЕТОм, ЕАК попытался играть роль некоего правительственного органа. В частности, направлял местным властям на Украине и в Белоруссии указания об обеспечении евреев, вернувшихся из эвакуации. Требовал возвращать им утраченное имущество или выдавать денежные компенсации, в первую очередь предоставлять жилье, устраивать на работу[161]. Об этой «самодеятельности» пошли доклады в Москву. И МГБ представило материалы Сталину. Сообщило и о том, что члены ЕАК проявляют повышенный интерес к семейной жизни кремлевских руководителей.

Когда был образован Израиль, в СССР обнаружили «общественные» центры, агитировавшие молодых евреев ехать воевать с арабами. Повторюсь, Москва на первом этапе поддерживала Израиль — но и «самодеятельность» с вербовкой добровольцев Сталину, разумеется, пришлась не по душе. А последней каплей стало то, что произошло в Москве во время приезда Голды Меир[27]. Встречать и приветствовать ее собрались огромные толпы, 30 тыс. человек! Но... советское руководство никого не созывало и не оповещало. Значит, такую массу людей оповестила, собрала и вывела на улицы некая другая организация. Обладающая собственными каналами связи, разветвленными структурами, огромным влиянием.

Но в Советском Союзе существование таких «неофициальных» структур было совершенно невозможным и невыносимым! Этого не допускалось со времен революции. Сталин, естественно, отдал приказ о расследовании. И МГБ быстро выявило, что оповещение и сбор людей осуществлялись по каналам ЕАК. В результате 20 ноября 1948 г. Политбюро приняло решение распустить ЕАК. Его печатные органы и действующие при нем организации были закрыты. Михоэлс погиб

при таинственных обстоятельствах в дорожном происшествии, остальных членов ЕАК арестовали. Всего взяли 110 человек, они были осуждены на различные сроки заключения. Но вот смерть Михозлса в рамки дела явно не вписывалась. Он был фигурой вовсе не той величины, чтобы его нельзя было арестовать и потребовалось убивать тайно. В СССР даже маршалы и министры были от ареста не застрахованы. Напротив, Сталин и МГБ были заинтересованы получить от него показания. Поневоле закрадывается подозрение, что его ликвидировали все же не советские спецслужбы, а совсем другие силы. Чтобы он не выложил то, что знает...

Новые обстоятельства вскрылись в 1952 г. Как раз тогда, когда занялись связями жен Молотова, Андреева, Ворошилова. Кстати, даже и после разгрома ЕАК «проект Хазарии» еще не был похоронен. Теперь его пытался лоббировать Молотов. И Сталин говорил на пленуме ЦК: «А чего стоит предложение товарища Молотова передать Крым евреям? Это грубая ошибка товарища Молотова... У нас есть еврейская автономия. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш советский Крым»[161]. В связи с этими делами было назначено дополнительное расследование деятельности ЕАК. Фефера, Перетца, Маркиша, Квитко, Бергельсона и других (всего 13 человек) расстреляли в лагерях.

Но вообще политические «дела» и репрессии, которые то и дело прокатывались в конце жизни Сталина, были совершенно неоднозначными. Причиной опалы Г.К. Жукова, очевидно, стало личное соперничество в окружении генерального секретаря. Генералы В.Н. Гордов и Ф.Т. Рыбальченко были расстреляны за антисоветские и антисталинские высказывания (или по оговору в таких высказываниях). Почему попали под репрессии маршал авиации А.А. Новиков, адмиралы Н.Г. Кузнецов, В.А. Алфузов, Г.А. Степанов, Л.А. Геллер, министр авиапромышленности А.И. Шахурин и др.? Возможно, причинами тоже являлись «придворные» интриги. Но не исключено, что имели место целенаправленные влияния по устранению полководцев, флотоводцев, руководителей военной промышленности.

Ясно, что без ведома Сталина удары по деятелям такого ранга осуществляться не могли. И на его подозрительности игра шла очень успешная. Это раньше генеральный секретарь мог писать Рыкову, что «надо собраться нам, выпить маленько» и все разногласия утрясуться, позволял Бухарину насмехаться и дергать себя за нос — но потом он вдруг обнаружил, что советское руководство напичкано «оборотнями». А теперь именно это стало уязвимым местом Сталина! Теперь в нем поддерживали страх перед «оборотнями» — и этим пользовались «оборотни» настоящие. Скажем, «дело адмиралов», состряпанное по мелким обвинениям, перечеркнуло великолепную программу строительства флота, разработанную Н.Г. Кузнецовым и его соратниками. Вместо нее была принята другая, гораздо менее совершенная.

Страх перед «оборотнями» оказывался выгодным и просто для уничтожения соперников. Так, в 1950 г. началось «ленинградское дело». Под него попали заместитель председателя Совета Министров СССР Вознесенский, секретарь ЦК Кузнецов, председатель Совета Министров РСФСР Родионов и еще ряд деятелей высокого ранга — Попков, Капустин, Лазутин, Турко. Их обвинили в «попытке развалить социалистическое хозяйство методами международного капитализма», в «заговоре со сторонниками Тито», в образовании с 1938 г. «анти-советской группы», направленной на «отрыв Ленинградской партийной организации от ЦК ВКП(б) с целью превратить ее в опору для борьбы с партией и ее ЦК».

То есть, Сталина убедили, что налицо характерные черты троцкистов, бухаринцев, зиновьевцев. 26 главных обвиняемых расстреляли, около 2 тыс. человек посадили... На самом же деле разыгрался раунд борьбы за власть. В ходе «ленинградского дела» была уничтожена «команда» Жданова. Она лишилась своего умершего лидера и оказалась незащищенной от интриг ждановского соперника, Маленкова. Впрочем, стоит подметить немаловажный факт. «Команду» разгромили полностью, «под корень». И только один человек из этой «команды» не попал под репрессии. Несмотря на то, что он являлся ближайшим помощником Жданова и активно поучаствовал в партийных баталиях против «маленковцев». Уцелел Суслов. И не только уцелел, он дополнительно усилился.

В 1951—1952 гг. развернулось и «мингрельское дело». Ряд грузинских коммунистов-мингрелов обвинили в национализме, в связях с лидерами парижской эмиграции Жорданией, Гегечкори. Многих партработников арестовали, поснимали с постов, несколько тысяч человек выселили из Грузии в другие районы. Это был явный «подкоп» под Берию, который и сам происходил из Мингрелии, и окружал себя мингрелами, а по линии жены находился в дальнем родстве с Жорданией. Но Берия был слишком хитрым и умелым противником для своих конкурентов, зацепить его не удалось.

Подобные дутые дела возникали одно за другим, но и ложь периодически вскрывалась. Раз за разом всплывали факты, что в «органах» творятся безобразия, арестовываются и осуждаются невиновные. Сталин пытался выправить положение по своему разумению. Шефа госбезопасности Меркулова сменил на Абакумова. Потом и его снял, заменил на очередного своего личного доверенного, Игнатьева (вполне вероятно, что здесь «посодействовал» Берия, расквитавшись со своим врагом Абакумовым за попытку подставить его с «мингрельским делом»). В декабре 1952 г. была издана директива ЦК: «Считать важнейшей и неотложной задачей партии, руководящих партийных органов, партийных организаций осуществлять контроль за работой Министерства госбезопасности. Необходимо решительно покончить с бесконтрольностью в деятельности органов госбезопасности и поставить их работу в центре и на местах под систематический контроль партии...»

Но ничего не помогало. Ни замены руководителей, ни постановления. Карательные структуры, по сути, оставались теми же, как они сформировались при Менжинском и Ягоде. Вычищали одних — приходили другие. И перенимали те же методы, те же «правила игры». Да и соблазны всевластия и вседозволенности оказывались слишком велики. А целиком переформировать аппарат «органов» — до этого у Сталина руки так и не дошли. Да и сил на подобное дело, пожалуй, уже не хватило бы. И он жил в мире сложившихся стереотипов: что сами-то по себе «органы» хорошие, эффективные, созданные революцией. Беда лишь в недобросовестных сотрудниках. Вот и надо поставить их под более действенный контроль.

К финишу своей жизни Сталин подходил одиноким. У него совершенно распалась семья. Сын пил и пожинал почести от подхалимов. Дочь меняла мужей. У Сталина не находилось и надежных помощников, политических наследников. Он не мог не замечать, что партийные руководители, возвышаясь, начинают попросту «зажираться». Увлекаются собственным благополучием, тянут за собой «наверх» друзей и родственников, окружают себя прихлебателями. Сталин с конца 1920-х прижимал амбиции партийных и государственных начальников, а они проявлялись снова. Разрушал «удельные княжества», а они оставались неистребимыми, возрождаясь и цементируясь в кланах «номенклатуры».

И в целом это было неизбежно. Без веры в Бога, без прочных духовных устоев, подобное поведение оказывалось вполне закономерным. А псевдорелигия ленинизма формировала лишь видимость подобных устоев, приучала соблюдать внешние правила, подстраиваться к ним... Но и здесь Сталин пробовал выйти из положения теми же способами, которые применял раньше. Менять дискредитировавших себя и вышедших из доверия руководителей, выдвигать молодых. Надеялся, что они станут честнее, вернее — не понимая, что и они в лучшем случае повторяют путь предшественников.

Очередной раз Сталин решил это сделать в октябре 1952 г., созвав после долгого перерыва XIX съезд партии. Состав ЦК был увеличен вдвое — он достиг 232 человек. Секретариат увеличился с 5 до 10 человек, Политбюро было заменено широким Президиумом из 36 человек. А поскольку этот орган получался слишком громоздким, создавалось более узкое Бюро Президиума. С министерских постов были сняты и не вошли в Бюро Президиума старые соратники Сталина Молотов, Андреев, Каганович, Ворошилов, Микоян. Трое из них, Молотов, Андреев и Ворошилов, попали в опалу из-за упоминавшихся связей их жен. Но почему Сталин был недоволен Кагановичем и Микояном, почему перестал доверять (или в чем-то стал подозревать), остается неизвестным.

А расширение руководящих органов генеральный секретарь объяснил именно выдвижением более молодых кадров, чтобы включались в руководящую работу, набирались опыта. Указывал — чтобы подготовить государственного деятеля,

нужно 10—15 лет. Хотя не мог не понимать, что десяти или пятнадцати лет у него уже нет. Может быть, как и Ленин на закате карьеры, считая себя незаменимым и не видя преемников, надеялся на «коллегиальность»?

Факты говорят о том, что в самом конце жизни Сталин замыслил какие-то реформы. Например, осенью 1952 г. журнал «Новый мир» опубликовал серию очерков журналиста В. Овечкина «Районные будни». Их сразу стала перепечатывать «Правда», что было уникальным случаем, невозможным без санкции высшей власти. А в очерках на примерах одного района весьма откровенно рассказывалось о бедственном положении колхозников, об отношениях между бездушными чиновниками и простыми тружениками. 1 марта 1953 г. Сталин запросил у министра финансов Зверева справку о налогообложении села. Вероятно, готовился какой-то поворот в этом вопросе.

Предпринимались и усилия по разрядке международной напряженности. В марте 1952 г. СССР выступил с очередными инициативами объединить Германию, сделав ее демилитаризованной и нейтральной. А 24 декабря 1952 г. Сталин дал интервью «Нью-Йорк таймс», выразив готовность к возобновлению сотрудничества с Западом и к встрече с президентом США Эйзенхауэром, чтобы «сделать первые шаги к созданию взаимного доверия, основанного на совместных усилиях». Однако на инициативы Запад не отреагировал, а для переговоров на высшем уровне предпочел дожидаться смерти Сталина — понимая (или зная), что с его преемниками достичь «взаимопонимания» будет легче...

А в январе 1953 г. в советских газетах появились вдруг сообщения еще об одном политическом «деле» — «террористической группе врачей». В основе его лежали реальные события. В 1948 г. светила-профессора кремлевской больницы поставили неправильный диагноз А.А. Жданову и назначили неверное лечение. Нетитулованный, но имевший большой практический опыт врач-кардиолог Л.Ф. Тимашук определила другой диагноз, инфаркт. Но с ее мнением не посчитались. Когда Жданов умер, вскрытие показало, что она была права — у больного оказался инфаркт, и даже не первый. Вероятно, имел место не столь уж редкий случай медицинской ошибки. Но «светила» испугались

ответственности, в истории болезни настоящий диагноз скрыли, а Тимашук, не пожелавшую подписать «липу», уволили из «кремлевки». Она обратилась в МГБ, однако ее сообщение по какой-то причине оставили без последствий.

Но в конце 1952 г., когда Игнатьев начал перепроверять дела Абакумова, материалу был дан ход. Арестовали 15 человек. Уж что в этом деле было правдой, а что добавили или «выжали» из подследственных, остается неизвестным. Кроме Жданова, врачей обвинили в смерти Щербакова, Димитрова. Однако у дела имелась еще одна сторона. В число арестованных попали профессор В.Н. Виноградов и другие доктора, регулярно наблюдавшие за здоровьем Сталина и лечившие его. Те, кто помог ему встать на ноги после инсульта в 1945 г. И этих врачей, которые могли бы выявить угрозу нового инсульта, могли бы оказать экстренную необходимую помощь, возле Иосифа Виссарионовича в нужный момент не оказалось...

ЛЕГЕНДА О БЕРИИ И ЛЕГЕНДА О ХРУЩЕВЕ

На календарях было 5 марта 1953 г. Умер Иосиф Виссарионович Сталин. Уходила целая эпоха. Страна погрузилась в траур. Гроб с телом Сталина был выставлен для прощания в доме Советов, и сотни тысяч людей ринулись к нему. Московская милиция была еще неопытной в проведении таких мероприятий, кордоны прорывались, оцепления не выдерживали напора толпы. Возникли давки, в которых хватало и погибших, и искалеченных. А над страной уже начинали дуть новые ветры. И поднимали по российским просторам вихри новых метелей. Жестоких, буйных, обманчивых...

Уже со 2 марта, сразу после случившегося у Сталина инсульта, начались кулуарные совещания его приближенных — Маленкова, Берии, Хрущева, Булганина. А 6 марта они собрались для дележки руководящих постов. В собственном узком кругу. Примерно так же, как когда-то формировали в кулуарах Временное правительство. По сути, это было верхушечным заговором. Потому что не созывалось ни съездов, ни пленумов, ни сессий Верховного Совета. Формировали власть те, кто был близок к ее вершине. А решения последнего, XIX

съезда и пленума, проведенных Сталиным, они своей волей немедленно перечеркнули. Бюро Президиума ЦК упразднили, а Президиум сократили с 36 человек до 14. При этом из высшего партийного органа были выброшены сталинские новые выдвиженцы. Зато вернулись старые, попавшие в опалу — Молотов, Каганович, Микоян, Ворошилов.

Первое место в новой иерархии занял Маленков, в качестве «наследника» Сталина получивший посты председателя Совета Министров и первого секретаря ЦК. Первым заместителем председателя Совмина стал Берия — он получил руководство над МВД, которое объединялось с МГБ. Еще три поста заместителей председателя Совмина получили Молотов, Булганин и Каганович. Ворошилова поставили на почетную, но малозначущую должность председателя Президиума Верховного Совета. Но по поводу дележки мест продолжались споры. Вскоре коллеги по заговору сочли, что Маленков захватил слишком большую власть. На него нажали и уже 14 марта поставили перед выбором, оставить за собой пост-или главы правительства, или партии. Противостоять большинству переформированного Президиума ЦК он не мог, и выбрал правительство. А первым секретарем ЦК стал Хрущев.

Но реально по своему «весу» в руководстве, по авторитету и деловым качествам лидировал не Маленков или Хрущев. Лидировал Лаврентий Павлович Берия — к тому же давно действовавший в «связке» с Маленковым. В последующих «разоблачительных» кампаниях была создана легенда о Берии как о главном «сталинском палаче», абсолютном чудовище. Но в действительности те, кто уничтожил Берию, свалили на него многие собственные преступления. Например, Маленков в период «ежовщины» курировал НКВД в Политбюро, то бишь курировал всю кампанию «большого террора», лично осуществлял «чистки» в Белоруссии. А Хрущев руководил репрессиями в московской парторганизации и на Украине. И даже в 1939 г., когда террор целенаправленно сворачивали, он так размахнулся, что останавливал его Сталин — направил телеграмму: «Уймись, дурак».

Конечно, идеализировать Берию тоже не стоит. Он был одним из типичных коммунистических деятелей своей эпохи — волевой, жестокий, хитрый, поднаторевший в интригах

внутрипартийной борьбы. Но был человеком умным, умевшим широко и глубоко мыслить, а садизмом и чрезмерной кровожадностью не отличался никогда. Еще в 1924 г., будучи заместителем председателя ЧК Грузии, пытался предотвратить готовившееся там восстание нетрадиционным способом — допустил утечку информации, что о заговоре известно. Чтобы националисты отказались от выступления и не случилось кровопролития. (Хотя они предупреждению не вняли, сочли провокацией). В период «большого террора», возглавляя компартию Грузии, он действовал весьма умеренно — под расстрелы и в тюрьмы там попало 5 тыс. человек. Не берусь судить о персональной вине или невинности каждого, но для Грузии, где даже в партии хватало националистов, троцкистов, людей, связанных с грузинскими масонами-меньшевиками, цифра не такая уж большая. А уж с масштабами репрессий на Украине или в Белоруссии она ни в какое сравнение не идет.

Как раз из-за того, что Берия проводил чистки взвешенно, Сталин выдвинул его на замену Ежову. А следующая кампания репрессий, которую возглавил Берия, нацеливалась на виновников незаконных арестов и казней, на тех, кто раздувал «ежовщину». Под руководством Лаврентия Павловича был проведен масштабный пересмотр дел, прошли массовые реабилитации. В 1939 г. по поручению Сталина он, как уже отмечалось, провел освобождение из мест заключения тысяч священнослужителей и мирян, осужденных по «церковным» делам. Тогда же при НКВД был создан отдел, занимавшийся вопросами Церкви. Сперва он вел пересмотр дел, потом осуществлял негласный надзор за Церковью, но при этом и опекал ее от нападков и поползновений — ведь до сентября 1943 г. аппарат патриархии в Москве существовал «неофициально», не имея в государстве определенного статуса.

Берии пришлось во многом выправлять и катастрофические последствия «ежовщины». Как уже отмечалось, в кампаниях террора 1937—1938 гг. была полностью разгромлена советская разведка, парализована оборонная промышленность. За решеткой очутились Туполев, Мясищев, Петляков, Королев, Томашевич и много других конструкторов, инженеров, директоров заводов. Берия не только обеспечил их реабилитацию,

но взял под персональную опеку, помогая им восстанавливать работу своих предприятий и конструкторских бюро.

А восстановление разведки Лаврентий Павлович возглавил лично. В помощники себе он привлек П.А. Судоплатова — которого вслед за многими сослуживцами уже готовились исключить из партии и арестовать. По его заявкам Берия скопом освободил всех еще уцелевших специалистов, находившихся в тюрьмах и лагерях. Кроме того, он добился, чтобы в Политбюро ему поручили курировать стратегическую разведку. Таким образом Берия подчинил себе и централизовал спецслужбы разных ведомств, ИНО НКВД, ГРУ РККА и другие, до того действовавшие вразнобой и конкурировавшие между собой.

Как вспоминает Судоплатов, Берия кардинально пересмотрел стратегию советской разведки. С начала 1920-х главными ее задачами считались организация диверсий через иностранные компартии и борьба с эмигрантскими центрами, хотя эти центры почти никакой опасности для СССР уже не представляли. Тем не менее против них осуществлялись сложные операции, тратились огромные средства. Берия перенес приоритеты на отлаживание работы резидентур для политической, экономической, военной разведки, на вербовку или внедрение агентов влияния в иностранных правящих кругах. Начались энергичные мероприятия по реанимации разведывательных сетей. И в предельно сжатые сроки, всего за два года, оставшиеся до войны, эта задача была выполнена. Механизмы советских спецслужб за рубежом снова стали работоспособными и не уступали германским или британским.

В 1942 г. Берия в качестве члена Государственного Комитета Обороны ничтожными силами, почти на голом месте, организовывал оборону Кавказа — и с этим тоже успешно справился. А после 42-го он уже не имел отношения к карательным органам. Произошла реорганизация, от НКВД отделился НКГБ под руководством Меркулова. А от НКГБ отделили стратегическую разведку — она осталась в подчинении Берии. Кроме того, он был назначен курировать в Политбюро науку, разработку новых видов вооружения. Под его эгидой был создан ряд научных учреждений, он стал основателем

Московского механического института боеприпасов (впоследствии Московского инженерно-физического института).

Берия был определен и руководителем Специального комитета — возглавил работы по созданию ядерного и термоядерного оружия. И объединение в одних руках стратегической разведки и «спецпроекта» вполне себя оправдало. Советские агенты получали ценные данные об американских разработках в данном направлении, поэтому наши ученые смогли избежать многих промежуточных экспериментов, отказаться от тех или иных направлений исследований. Но обвинять Советский Союз в «похищении» секрета атомной бомбы было бы глупо. Хотя бы потому, что американцы пользовались теми же методами — их спецслужбы постарались выдернуть из Европы и перебросить в США Эйнштейна и других ученых, вели настоящую охоту за разработками нацистской Германии. Ну а итог поединка известен. СССР крайне вовремя, в самый разгар «холодной войны» получил ядерное оружие, что позволило предотвратить войну «горячую» и надолго обеспечить в мире относительное равновесие.

Разумеется, являются грязными сплетнями байки о страсти Берии к женскому полу, соблазнениях и похищениях на улицах красивых дам. Лаврентий Павлович был убежденным и любящим семьянином (правда, при этом и родственников удачно пристраивал, и сыну обеспечил блестящую научную карьеру). Но байки о женщинах даже в принципе являются недостоверными. При Сталине вести себя подобным образом для любого государственного деятеля было бы смертельно опасно. Хватило бы одного доноса Абакумова (который, напомним, являлся врагом Берии). А кем-кем, но дураком Лаврентий Павлович никогда не был.

В интригах, сплетавшихся вокруг вождя, он, конечно, поучаствовал крепко. Однако не в большей степени, чем его коллеги. Но, будучи шефом разведки, он лучше многих руководителей представлял истинное положение дел в стране. Очевидно, и лучше Сталина, получавшего сглаженные и отретушированные доклады. Знал о перекосах в экономике, о бедствии сельского хозяйства, о том, что в народе из-за слишком долгого затягивания поясов накапливается недовольство. Представлял, насколько взрывоопасной стала разросшаяся

система ГУЛАГа. Да еще и непродуктивной, пригодной только для грубых и черных работ, зато лишившей промышленность и сельское хозяйство миллионов рабочих рук. А при этом, имея доступ к любым материалам из-за рубежа, Берия видел и удобства западной жизни, считал возможным многое перенять.

При жизни Иосифа Виссарионовича высказывать такие взгляды никто бы не осмелился. Однако в марте 1953 г. Маленков и Берия составили правящий «дуумвират». Вместе они представляли серьезнейшую силу, с которой были вынуждены считаться остальные советские лидеры. Причем Маленков зависел от поддержки Берии — который, таким образом, получил возможность проводить внутри «дуумвирата» собственную политику.

Именно Берия, а не Хрущев, начал разрушение ГУЛАГа. Провел массовую амнистию, освободившую 1,2 млн. (по другим источникам 900 тыс.) заключенных. Внедренная впоследствии версия, будто он «выпустил уголовников», к действительности отношения не имеет. Амнистия коснулась тех, кто имел сроки от 5 лет и ниже, несовершеннолетних, матерей — имеющих детей в возрасте до 10 лет, а также лиц, осужденных за административные, экономические правонарушения — независимо от срока. Под амнистию попали всякие «бытовики», «указники», сидевшие за нарушения трудовой дисциплины, мелкие хищения, приписки, попали члены семей «политических». В общем, те, кого можно было выпустить скопом, без дополнительных разбирательств. А из уголовников вышли на свободу разве что хулиганы и мелкие воришки — бандиты и рецидивисты в сталинской России сроков менее 5 лет не получали.

Кроме того, в рамках реформ Берии, сам ГУЛАГ был выведен из подчинения МВД и передан в ведение Министерства юстиции, а строительные и производственные главки ГУЛАГа отданы отраслевым министерствам. Были урезаны права Особого Совещания при МВД, прекращены многие политические дела — «мингрельское», «дело врачей», «дело Шахурина», «дело маршала Яковлева». Начались широкие чистки в «органах», расследования по поводу ложных обвинений, незаконных методов работы.

Берией предполагались и радикальные государственные реформы. Для повышения благосостояния народа намечалось срочно усилить развитие легкой и пищевой промышленности. Увеличить инвестиции в сельское хозяйство, снизить налоги с крестьян, расширить права колхозов — вплоть до создания собственных предприятий, кооперативов, экономических взаимосвязей друг с другом. И до свободного выхода из колхозов, перехода на фермерские хозяйства, если это окажется выгодным. Планировалось ослабление роли партии и перераспределение ее полномочий в пользу государственных органов. Должна была преобразоваться структура СССР в сторону более полного федерализма с национальным самоуправлением республик.

Во внешней политике Берия считал нужным улучшение отношений с Западом. Предполагал отказаться от строительства в странах Восточной Европы социализма по советским образцам, вместо этого хотел привязать их к СССР другими методами — экономическими, дипломатическими. То есть, вернуться к положению, существовавшему до 1947—1948 гг. Заодно это позволило бы отказаться от обременительной «помощи» социалистическим режимам. Виделось расширение торговли с зарубежьем, а на Черноморском побережье Кавказа Берия задумал организовать мощный курорт международного класса с привлечением на концессионных началах западных инвесторов — создав таким образом «окно» для проникновения в СССР иностранного капитала. Многие из этих проектов выглядят спорными, но в целом они вели бы к подобию «китайского варианта» — тех реформ, которые впоследствии осуществит Дэн Сяопин. Нормализация уровня жизни, частичный допуск рыночных отношений при сохранении коммунистической идеологии и стабилизации государства. Но в Советском Союзе начать такие реформы помешал Н.С. Хрущев.

О нем тоже в исторической литературе внедрены легенды, во многом основанные на мемуарах самого Хрущева. Хотя даже иностранные историки-антисталинисты, симпатизирующие ему, как Н. Верт, вынуждены признать, что к этим мемуарам надо «относиться острожно»[27]. А попросту говоря, они лживы. Врал в них Никита Сергеевич не стесняясь, спле-

ча. Чего стоят хотя бы картины «оргий» у Сталина, который якобы напавал вусмерть своих гостей и забавлялся «шутками», когда они сажали друг друга на яйца, мазали физиономии. Почему-то эти безобразия «видел» только Хрущев, и никто другой из многих политиков и военачальников, бывавших на обедах и ужинах Сталина. Или взять историю о том, как в первые дни войны Сталин исчез, запершись на даче, и Политбюро действовало без него. Недавно опубликованный журнал посетителей Сталина в кремлевском кабинете показывает, что он все дни находился на рабочем месте, без каких-либо перерывов[161].

Что касается самого Хрущева, то он был раскаявшимся троцкистом. В начале 1920-х чуть не был вычищен из партии за то, что «омещанился», то бишь увлекся личным обогащением. В этих грехах он каялся перед Кагановичем, который и стал его первым покровителем на стезе парторботы. В начале 1930-х Никита Сергеевич был секретарем парторганизации в Промакадемии. А среди тех, кто состоял в ней, были студентки Надежда Аллилуева — жена Сталина, Дора Хазан — жена Андреева, Мария Каганович, Полина Жемчужина — жена Молотова. И Аллилуева, рассказывая мужу о молодом и энергичном секретаре, способствовала его дальнейшему возвышению.

Оно происходило в период чисток троцкистов и зиновьевцев, слетавших со своих постов. В 1935 г. Сталин ставит Хрущева во главе московской парторганизации, он по ступенечкам входит в ЦК, Политбюро. Как уже отмечалось, он в полной мере проявил себя в кампаниях «большого террора» в Москве и на Украине. Нет, он тоже не был садистом и патологическим убийцей. Он был лишь бездушным и махровым карьеристом, а чужие жизни, коими он жертвовал ради личной выгоды, для него не имели значения. И вот что любопытно — многие такие «усердные», кто постарался взвинтить масштабы репрессий, ответили за это собственными жизнями. Хрущеву (как и Маленкову) удалось выйти сухими из воды.

Но и в дальнейшем обращает на себя внимание поистине странная «непотопляемость» Никиты Сергеевича. В 1942 г. он, будучи членом Военного совета фронта вместе с марша-

дом Тимошенко предложил наступать под Харьковом, с Барвенковского выступа, «проглядев», что на фланге у них сосредотачивается танковая армия фон Клейста. Генштаб возражал, указывал, что организовывать наступление из выступа, почти готового «мешка», в любом случае опасно. Но Тимошенко и Хрущев настояли на своем и убедили Сталина. Кончилось это катастрофой на всем южном фланге, германские войска удалось остановить только под Сталинградом и на Кавказе. Другие за подобные ошибки платили, по крайней мере, снятиями с постов, снижениями в звании. Хрущев не пострадал.

Во время войны случилась и темная история с его сыном. О ней ходят слухи, проверить которые невозможно — придя к власти, Никита Сергеевич изъясил и уничтожил все документы по данному делу. Поэтому известно несколько версий. По одной из них, Леонид Хрущев, офицер ВВС, совершил серьезные проступки в тылу, его ждало наказание. Отец умолял Сталина простить, и сын был отправлен на фронт, где и погиб. По другой версии, он был сбит, попал в плен, в лагере сотрудничал с немцами. А после освобождения об этом стало известно. Хрущев упрашивал Сталина о пощаде, однако Иосиф Виссарионович был неумолим, и Леонида расстреляли. Повторюсь, это лишь версии, истина остается неизвестной. Но, если подобная история действительно имела место, то опять встает вопрос о «непотопляемости» Хрущева. Почему Сталин не удалил его от себя, если знал, что он имеет причины для личных обид и ненависти?

В 1946—1947 гг. Никита Сергеевич возглавлял компартию Украины. Административным дерганием, непродуманными потоками указаний запутал сельское хозяйство и усугубил ситуацию, когда и без того грянул неурожай. Вызвал голод. Попал вроде бы в опалу, но тут же был назначен руководить всем сельским хозяйством. Ранее уже указывалось, что он и здесь напортил «реформами» и экспериментами. Но его назначают первым секретарем Московского обкома партии и секретарем ЦК. Кстати, если уж вспомнить «лысенковщину», то стоит иметь в виду, что главным покровителем Лысенко в руководстве партии был Хрущев.

Нет, вряд ли сам Никита Сергеевич был эмисаром «мировой закулисы». По своему складу и натуре очень уж он не

подходил в «оборотни». Но необходимо развеять еще одну легенду. Об умном Хрущеве, который подделывался под безобидного простачка, а сам побеждал в головоломных придворных играх. Да, эдакая мужицкая хитреца в нем была. Помогала оставаться на плаву, делать карьеру. Но стоит взглянуть на все последующие горе-реформы Хрущева, стоит хотя бы почитать его мемуары (даже после того, как их капитально обработали и отредактировали профессионалы), и перед нами воочию предстает человек *крайне не-умный!* Так как же он мог преодолеть все препятствия и пройти весь путь из самых «низов» к вершине власти? Почему ему сходили с рук все любые грубейшие «ляпы»?

Складывается впечатление, что его «вели» другие силы. Куда более умные, куда более могущественные, чем он сам. Которым и нужен был именно такой. Не забывший «революционные» идеи и методы троцкизма. Недалекий умом, но самоуверенный, склонный наломать дров на любом поприще. Обиженный на Сталина. И вдобавок чисто русский. Тут закордонные теневые круги опыт Троцкого вполне учли. Кто именно покровительствовал ему и проталкивал на различных этапах карьеры, остается «за кадром». Но при последующей деятельности рядом с ним неизменно оказывался Микоян. Выступал его главным помощником в крутых политических поворотах, в проигрышных международных акциях[27].

А реформы по замыслам Берии «мировую закулису» совершенно не устраивали. Они были вариантом «нового нэпа», однако нэп был интересен Западу только в разрухе 20-х, когда Россия попадала в зависимость от иностранцев. В 1950-х при частичном восстановлении рыночных отношений, и даже при полном возврате к капитализму, Россия осталась бы могучей сверхдержавой. Преобразования могли стабилизировать ее, повысить благосостояние граждан. Зачем? А налаживание взаимоотношений с Западом снижало международную напряженность, но вело к стабилизации двухполярного мира. И угрожало сверхприбылям той же «мировой закулисы» в гонке вооружений. Нет, сперва Советский Союз следовало ослабить, расшатать новыми катастрофическими экспериментами...

Никакого «заговора Берии» на самом деле не существовало. Неужто такой деятель, как он, готовя заговор, проявил

бы столь вопиющую беспечность? Позволил бы так легко арестовать и уничтожить себя? Заговор составил Хрущев. И, конечно, не сам, нашлись более толковые помощники. Для этого Никита Сергеевич сумел перетянуть на свою сторону Маленкова, которому очень не нравилась зависимость от всесильного первого зама. Его нетрудно было застрашать, что такой заместитель легко может скинуть его. Не составляло труда добиться и поддержки «консерваторов» — Молотова, Ворошилова, Кагановича. Реформаторские проекты Берии были для них неприемлемы (а может, и жены сказали свое слово). А главным козырем Хрущева стал союз с военными, в первую очередь с Жуковым. С Берией они были врагами — именно Лаврентий Павлович провернул против Жукова интригу после войны, представив Сталину донос о коврах, мебели и прочих трофеях, вывезенных маршалом из Германии.

10 июля 1953 г. в Москву были введены войска. По официальной версии, Берия был арестован, а в декабре осужден и расстрелян. На самом деле он был убит в тот же день. Об этом сообщил его сын, Серго Берия[14], впоследствии проболтался и Хрущев[27]. Заговорщики решили не рисковать. А уж после убийства был созван Пленум ЦК, который обвинил Берия в «преступном посягательстве на партийное руководство обществом», «планах реставрации капитализма», за что его объявили «английским шпионом». Ну а под предлогом «разоблаченного заговора» Никита Сергеевич сделал еще один ход. Было принято постановление «укрепить партийное руководство во всех звеньях партии и государственного аппарата» — и таким образом глава партии Хрущев со второго плана выдвинулся на первый, обходя главу правительства Маленкова.

Прокатилась и кампания террора. В качестве «палачей Берии» расстреляли Деканозова, Кобулова — несмотря на то, что они не имели отношения к карательным органам, а занимались дипломатией и разведкой. Произошла капитальная «чистка» в научных учреждениях, которые курировал Берия. И была целенаправленно разгромлена созданная им великолепная система стратегической разведки. Лучшие специалисты в этой области — Райхман, Эйтингон, Судоплатов, Мешик, Мильштейн, Зарубин, Коротков, Полякова и др. попали

под репрессии. Одних казнили, других отправили за решетку, третьих сослали или поувольняли. Тем, кто сумел пережить эти гонения, потом пришлось долго хлопотать о реабилитации, о восстановлении званий, наград, о выслугах и пенсиях. Насчет казненных и умерших в заключении столь же трудно, а часто и безуспешно хлопотали родственники — силась хотя бы вернуть их доброе имя.

И тут, кстати, можно отметить еще несколько «совпадений». Одновременно с переворотом осуществилась месть тем, кто обеспечил Советскому Союзу ядерное оружие. И тем, кто в свое время организовал ликвидацию Троцкого.

КТО ПОДОГРЕВАЛ «ОТТЕПЕЛЬ»?

Любопытно что сам термин «оттепель» был запущен в обиход, когда на деле никакими «оттепелями» еще и не пахло. Запущен он был через Илью Эренбурга, автора, скажем так, весьма «специфического». Он в свое время подвизался в Испании, прославляя «интернационализм». Во время войны гневно клеймил фашистов, был одним из самых радикальных их обличителей. Но при этом предпочитал подолгу пребывать за границей. Это настолько сказывалось, что во время присуждения ему очередной Сталинской премии даже вышел спор — писатели указывали, что Эренбург знает французов лучше, чем русских, и изобразил их ярче [165]. Сотрудничал в Еврейском антифашистском комитете, но никакие репрессии его не коснулись. Был одним из творцов «культа личности», превосходя многих других авторов в области славословий. Но уже в 1953 г. внезапно переориентировался и в «Новом мире» появилась его повесть, которая так и называлась «Оттепель». И это слово сразу же подхватили. Подключились другие литераторы. Перекликаясь в названиях, появились «Времена года» В. Пановой и еще ряд подобных произведений. Хотя даже такое верноподданническое «свободомыслие» в верхах пока еще сочли чрезмерным, журнал «Новый мир» получил крупный нагоняй, а его редактора Твардовского сняли с должности.

Реальная «оттепель» сперва началась не в политической или культурной сферах, а в материальной. Желая заслужить

популярность в народе, новые правители предприняли ряд экстренных и кардинальных мер. В августе 1953 г. выделили крупные дотации на производство товаров народного потребления, на них резко снижались цены (например, на хлеб — втрое). Правда, подешевение промышленных товаров привело к дефицитам, но начали пересматриваться планы, показатели роста по предметам широкого потребления были удвоены. Впервые в советской практике их выпуск должен был обогнать производство средств производства.

В сентябре 1953 г. на пленуме ЦК Хрущев выступил с докладом о бедственном положении в деревне. Настоял, чтобы для колхозов были значительно повышены закупочные цены (на мясо — в 5,5 раз, на масло и молоко — в 2 раза, на зерно — на 50%). Одновременно уменьшались обязательные поставки, списывались все долги колхозов, снижались налоги на приусадебные участки и рыночную продажу продуктов. Деревня и впрямь находилась в тяжелом положении. Теперь колхозы и крестьяне наконец-то начали «оживать». Получали возможность поправить свои дела, начали расти их доходы.

Для дальнейшего улучшения положения с продовольствием (и увеличения количества экспортного зерна) Хрущев в феврале 1954 г. выдвинул грандиозный план освоения целины. А в июне 1954 г. прошел съезд профсоюзов, где первый секретарь ЦК и его присные вдруг обрушились с гневной критикой на профсоюзных руководителей за то, что они никогда не защищали «права трудящихся». Дескать, не боролись против разницы зарплат для разных категорий работников, против «незаконных» увольнений. Констатировалось «глубокое разочарование трудящихся в профсоюзах». От них требовалось исправить эти недостатки, следить за материальным положением рабочих, за мерами по охране труда. Начала увеличиваться зарплата, снижалась продолжительность рабочего дня и рабочей недели, повышалось и упорядочивалось пенсионное обеспечение (хотя для колхозников пенсии ввели только в 1965 г., после Хрущева).

В период с 1953 по 1956 г. были допущены и некоторые религиозные послабления. Благо государству это ничего не стоило, а популярности правителям прибавляло. Православной Церкви разрешили открыть некоторое количество хра-

мов. Но давали поблажки и другим конфессиям. Увеличилось количество мечетей, старообрядческих и протестантских молитвенных домов. В это время была построена и синагога в Биробиджане, которой там не существовало с момента основания города.

Стала осуществляться и широкая программа строительства жилья. Это тоже был чрезвычайно больной вопрос. Развитие промышленности вызывало приток населения в города. Дополнительные проблемы создала война, когда 25 млн. человек остались без крова. И люди ютились в бараках, полуказарменных общежитиях, обрести хотя бы на старости лет комнату в «коммуналке» почиталось за великое счастье. Теперь Хрущев выдвинул задачу «строить больше, быстрее, дешевле» — использовать блочные конструкции, упрощенные проекты 4—5-этажных домов, где можно обойтись без лифтов, без сложного инженерного оборудования. И во второй половине 1950-х начали расти знаменитые «хрущевки» — это уже значительно позже их окрестят «хрущобами», а в то время люди были им чрезвычайно рады.

Никита Сергеевич применял и откровенно популистские приемы. Разъезжая по стране, «запросто» встречался с колхозниками, работягами, и поговорить мог «по-простому», соленое словечко вернуть, похвалить, посочувствовать трудностям, даже угоститься «с народом». Но в большей степени он делал опору на местных начальников, на партийных функционеров среднего звена. Тех самых «удельных князьков», которых прижимал Сталин, не давая им лишней самостоятельности. Достигнув высокого (или относительно высокого) положения в районах, областях, республиках, они желали пользоваться этим. Пожинать соответствующие выгоды и быть уверенными в своей безопасности. Жить по-начальственному, «властвовать» в свое удовольствие и не дрожать, что тебя в любой момент за твои дела притянут к строгому ответу. И Хрущев не обманывал их ожиданий. Поощрял, ободрял, награждал, требуя только лояльности к себе и своей политике — а это партийные функционеры хорошо умели, сталинская система приучила их выражать лояльность чему угодно.

Продолжилось разрушение старой карательной системы. МГБ было преобразовано в Комитет госбезопасности

при Совете Министров. При этом произошла кардинальная смена кадров, установлен прокурорский надзор за ведением дел (точнее, он был установлен еще при Сталине, но в войну о нем «забылось» — и больше не вспоминалось). В сентябре 1953 г. Верховный Совет открыл возможность пересмотра постановлений бывших коллегий ОГПУ, НКВД, упраздненного «особого совещания» при НКВД-МГБ-МВД. Хотя на деле разрушение системы ГУЛАГа, начатое Берией, с его смертью почти остановилось. Пересмотры длились подолгу, документы ходили по инстанциям, и до осени 1955 г. было освобождено лишь 16 тыс. человек. В лагерях из-за начатых и заторможенных амнистий возобновились бунты. В 1954 г. произошло восстание в Кингире, подавляли танками, погибло 700 человек. В 1955 г. было восстание в Воркуте.

Но некоторые крупные политические дела были пересмотрены. По требованию Жукова реабилитировали военачальников, попавших под репрессии в послевоенные годы. В 1954 г. были осуждены и расстреляны бывшие министры госбезопасности Меркулов и Абакумов, а при этом реабилитированы осужденные по «ленинградскому делу». Но данный ход имел под собой особую подоплеку. Хрущев поэтапно расчищал себе плацдарм для перехвата всей полноты власти. Маленков, предав Берию, фактически подрубил сук, на котором сидел он сам. А теперь пришла и его очередь. Ведь «ленинградское дело» инициировал он, громя «команду» Жданова. И, получалось, должен был понести наказание вместе с Абакумовым. Однако вопрос решили «мирно». О причастности Маленкова к репрессиям не вспомнили, а он вместо этого признал, что совершил ошибки в сельском хозяйстве, покаялся даже в «правом уклоне» — так квалифицировали увеличение выпуска товаров ширпотреба. И за эти самые ошибки и «уклоны» он был снят с поста председателя Совета Министров (впрочем, оставлен в Президиуме ЦК). Опорой Хрущева, помогшей свалить Маленкова, опять стали военные, и были вознаграждены. Министр обороны Булганин получил пост главы правительства, а Жуков занял место Булганина.

Ну а дальше покатались одна за другой международные инициативы Хрущева. Осенью 1954 г. Никита Сергеевич с Микояном и Булганиным отправился в Пекин. Уступил Ки-

таю все советские права в Маньчжурии, отдал Порт-Артур и Дальний. Сталин такие обещания тоже давал, но с оглядкой на дальнейшую политику Мао Цздуна, с созданием совместных предприятий. Теперь построенные русскими базы, железные дороги отдавались сразу и безоговорочно. А все созданные совместные предприятия были ликвидированы, их передали в исключительную собственность Китаю. Вдобавок Пекину еще и предоставили новые крупные кредиты.

Взаимоотношения с Западом оставались напряженными. Правда, в 1953 г. при участии СССР и Китая был заключен мир в Корее. Удалось достичь договоренность и о примирении во Вьетнаме. Но на урегулирование спорных вопросов в Европе американцы и их союзники упрямо не соглашались. В январе 1954 г. в Берлине все же собралась конференция министров иностранных дел США, Англии, Франции и СССР. Поскольку западные державы рекламировали «оборонительный характер» НАТО, Советский Союз предложил, чтобы и его приняли в эту организацию, а в Европе была создана система коллективной безопасности с участием США. Однако эти предложения были отвергнуты.

Запад продолжал конфронтацию, возникали новые военные блоки: в 1954 г. — СЕАТО, в 1955 г. — СЕНТО, куда американцы и англичане вовлекли 25 государств Европы и Азии. Наконец, в октябре 1954 г. было принято решение о вступлении в НАТО ФРГ. Еще не так давно поверженная Германия теперь признавалась полноправной союзницей западных держав и вооружалась — понятно против кого. Советский Союз отреагировал. В мае 1955 г. в Варшаве состоялось совещание социалистических стран, где они заключили соглашение о создании своего военного блока, Организации Варшавского Договора — с объединенным командованием, политическим консультативным советом.

Но... в то самое время, когда советские средства массовой информации превозносили эту акцию, без особого шума совершилось еще одно действие. 15 мая, на следующий день после подписания Варшавского Договора, СССР заключил соглашение с западными державами о выводе наших войск из Австрии. Без каких-либо уступок с их стороны, без какой-либо готовности к компромиссам. В одностороннем порядке

был отдан важнейший стратегический плацдарм в Центральной Европе! Да и австрийцы были настроены к присутствию наших гарнизонов вполне благожелательно, куда лучше немцев и венгров, ни провокаций, ни демонстраций не устраивали. Словом, точно так же, как масоны-«реформаторы» при Александре II отдали Аляску, как отдавали территории Ленин и Троцкий, так и очередные реформаторы принялись сдавать российские позиции.

Не успели осмыслиться одни «инициативы», как грянули другие. В конце мая 1955 г. Хрущев, Микоян и Булганин нанесли визит в Югославию. И восстановили «дружбу». Извинились, опять же, в одностороннем порядке. Вину за разрыв отношений полностью признали «нашей», возложили только на Советский Союз. А Тито еще и кочевряжился, задирает нос, демонстрировал обиды. Но советская делегация по всем вопросам уступила и, разумеется, согласилась на огромную экономическую помощь — в которой Югославия, пребывавшая в изоляции, очень нуждалась. Взамен СССР не получил ничего, кроме заверений о «дружбе» и «сотрудничестве». Белград сохранил «особую позицию», не примкнув ни к Варшавскому Договору, ни к Совету экономической взаимопомощи.

В июле 1955 г. в Женеве впервые после Потсдама состоялась конференция глав великих держав — Хрущева, Эйзенхауэра, Идена и Фора. Она завершилась полным провалом. Все советские предложения по коллективной безопасности, по «германскому вопросу» Запад дружно и однозначно отклонил. Тем не менее и за рубежом, и в Советском Союзе конференцию пропагандировали как крупнейший успех. Писали о «духе Женевы», о том, что встреча показала возможность сотрудничества, продолжения переговоров...

И продолжили. В сентябре 1955 г. состоялся визит в Москву западногерманского канцлера Аденауэра, в ходе которого Советский Союз признал ФРГ и установил дипломатические отношения. Снова в одностороннем порядке! Потому что Запад и не думал признавать ГДР, а советские предложения по Западному Берлину (например, о предоставлении ему статуса вольного города) отвергал. В угоду Аденауэру Хрущев сделал и широкий жест «доброй воли». Были отпущены на свободу и возвращены Германии все пленные, остававшиеся

после войны в советских лагерях. А заодно с ними освободили тех, кто сидел за сотрудничество с оккупантами! [27] Что ж, это был следующий, хрущевский этап разрушения ГУЛАГа. Оставались в лагерях люди, осужденные невиновно, по оговору, за неосторожное слово. Только что отправили за решетку советских разведчиков, как «людей Берии». А в это время выпускали на волю бывших полицейав, старост, бургомистров.

А в октябре 1955 г. Хрущев совершил турне в Индию, Бирму, Афганистан. В государства, которые не стали социалистическими, не стали и союзниками СССР, но и к антисоветским военным блокам не приоединились. И им тоже были выделены громадные кредиты на экономическое развитие! (К примеру, 135 млн. долларов на строительство только одного металлургического комплекса в Индии) Таким образом устанавливалось правило, что даже нейтралитет в мировом противостоянии будет вознаграждаться за счет Советского Союза!

Подобные повороты в международной политике определялись, конечно же, не только ошибками Хрущева и его чрезмерным миролюбием. Факты показывают, что он далеко не всегда бывал миролюбивым. Видать, направляли, подсказывали. Участником почти всех внешнеполитических акций был один из его ближайших соратников в данный период, Микоян. Вероятно, и другие лица в его окружении действовали. А оно было очень не простым, это окружение. Допустим, имеются сообщения, что зять Хрущева Аджубей участвовал в совещаниях зарубежных финансово-политических кругов по «новому мировому порядку». Кстати, он был главным редактором «Известий». Тоже ведь любопытная газета. Можно сказать, с определенными «традициями». Основана Свердловым, потом ее возглавлял Бухарин... А когда в 1993 г. на Пасху произойдет ритуальное убийство трех монахов-новомученников в Оптиной пустыни, именно «Известия» запустят мерзостную версию об убийстве «на почве гомосексуализма» [121].

Но это будет еще не скоро. А пока внешнеполитические шаги, кроме ущерба России, давали Хрущеву весомый политический выигрыш. Он одолевал своих коллег по заговору. Молотов был против примирения с Югославией, против договора об Австрии — его вынудили каяться. Точно так же

ослабили позиции Кагановича. А зарубежные средства массовой информации превозносили Никиту Сергеевича как мудрого и прогрессивного политика. В 1953 г., даже свергнув Берия, он еще не воспринимался как «вождь» и персональный лидер. Для советских людей, партийных работников он оставался «одним из многих». Авторитет того же Молотова был гораздо выше. И как раз то обстоятельство, что Хрущев раз за разом представлял СССР на международной арене, что его «признали» Америка, Англия, Франция, обеспечили ему положение лидера внутри страны. Без его «признания» Западом был бы невозможен взрыв «политической мины» на XX съезде партии.

Делегаты на него тщательно подбирались, в основном из партийных аппаратчиков. И в конце съезда Хрущев объявил закрытое заседание, без прессы и представителей иностранных компартий, где 4 часа зачитывал «секретный доклад» подготовленный профессором Поспеловым. Использовались в общем-то старые троцкистские аргументы — ленинское «завещание», история о том, как Сталин обидел Крупскую, как извратил нормы «партийной демократии». Осуждались репрессии, на Сталина навешивалась и вина за поражения 1941—1942 гг. (в том числе, Хрущев перевалил на него собственную вину за катастрофу под Харьковом). Но коллективизация, «перегибы» индустриализации, голодомор обходились стороной. Осуждались только репрессии против коммунистов. Да и то не всех. Участников «уклонов» и оппозиций Хрущев не коснулся. Реабилитировались военные — Тухачевский, Якир, Блюхер. И ряд партийных деятелей — Косиор, Постышев, Чубарь (как ни парадоксально, это оказались в основном те, кто попал под расстрел за активное участие в «ежовщине»). В целом же делегатам преподносился образ тирана и злодея Сталина и предлагалось вернуться к истинному ленинизму.

«Секретность» доклада оказалась мнимой. Хотя по решению Президиума ЦК он предполагался именно секретным и только секретным, Хрущев и его приближенные постарались заблаговременно отпечатать его в виде книжечки, которая выдавалась делегатам съезда, потом стала рассылаться как бы только для коммунистов, но выдавалась и беспартийным.

Собрания по обсуждению доклада были проведены на предприятиях, в колхозах, воинских частях, даже в школах среди старшеклассников. Книжечка шла и в иностранные компартии, ее содержание попало в западную прессу.

Это вызвало сильнейшее брожение в умах. Пал авторитет самой власти — если система столько лет была преступной, то ведь нынче правила выходцы из той же системы. С другой стороны, слишком многие коммунисты возмущались нападками на Сталина. И партийному руководству пришлось дать обратный ход. В июне ЦК КПСС принял постановление «О преодолении культа личности и его последствий», где в целом курс партии при Сталине объявлялся верным, «некоторые ограничения внутривластной и советской демократии» признавались неизбежными «в условиях ожесточенной борьбы с классовым врагом». А «перегибы» объяснялись личными недостатками Сталина.

Только с 1956 г. стало осуществляться окончательное преобразование ГУЛАГа. Он был переименован в исправительно-трудовые лагеря, в места заключения направлялись комиссии для пересмотра дел с правом немедленного освобождения. А всего в 1956—1962 гг. было реабилитировано 700 тыс. человек. Центральная ревизионная комиссия реабилитировала и восстановила в партии около 30 тыс. человек. Отнюдь не миллионы. Причем это количество реабилитированных относится к тем, кто был репрессирован за все годы сталинского правления, в том числе и казненным, умершим в заключении. Остальные признавались осужденными справедливо. Их, правда, тоже начали освобождать, но без реабилитаций. Выпускали после того, как отбыли свой срок, не навешивая новых. Применяли условно-досрочное освобождение, «активку» по болезням...

Охаивание прежнего руководства и прежней политики сказалось и за рубежом. Резко упал авторитет СССР в иностранных компартиях. Испортились отношения с Китаем — Мао Цзэдун считал такое поведение Хрущева некрасивым и «ревизионистским». В Чехословакии, Польше, Германии, Венгрии начались волнения. Раз курс Сталина был «преступным», то стоило ли оставаться в социалистическом лагере? Эти настроения умело подогревались западной агентурой. Ее, надо

сказать, заранее готовили, обучали. В рамках операции «Красная шапка — красные носки» ЦРУ осуществляло спецподготовку венгерских, чешских, польских, румынских эмигрантов, которые должны были организовать «движение сопротивления» в своих странах. Вблизи границ создавались склады оружия для этих «движений сопротивления».

Правда, в большинстве социалистических государств серьезные беспорядки удалось предотвратить, но в Венгрии дошло до восстания. На сторону мятежников перешло правительство, создавались отряды добровольцев. Тут как тут оказались и инструкторы из-за рубежа, и оружие... Повстанцы принялись убивать советских солдат, сотрудников своих органов госбезопасности и всех, кого объявляли в просоветских симпатиях. Подключились не только венгерские «эмигрантские» организации, но и русские. НТС создал «полевой штаб» в Вене, направил в Венгрию своих активистов, которые действовали в составе повстанческих отрядов, пытались вести агитацию в советских частях.

Но тут Хрущев проявил решительность. Было заранее получено одобрение от всех стран Варшавского Договора, а также Югославии и Китая, и в Венгрию двинулись войска. Восстание подавили быстро, хотя и с тяжелыми боями, с обеих сторон погибло 20 тыс. человек. А Запад на призывы мятежников о помощи не откликнулся. Вяizzlyваться в войну за какую-то Венгрию он не собирался. Так и пусть ее подавляют. Пусть сохраняется память о «жертвах революции», пусть нарастают русофобские настроения. Потом пригодится.

Раскол и разброд, вызванный антисталинской кампанией в социалистическом лагере, пошатнули авторитет Хрущева. А вдобавок он начал свои очередные реформы — по децентрализации народного хозяйства, силовому внедрения кукурузы, политике «броска вперед». Это сплотило против него других партийных руководителей. Как писал Шепилов, «бессистемный поток самых невероятных, смешных, неграмотных инициатив и указаний Хрущева уже к весне 1957 года сделал для всех очевидным: Хрущева надо убирать, пока он не наломал дров». И в июне, когда он отправился с визитом в Финляндию, президиум ЦК попытался его снять.

Кстати, проголосовали за это вполне законно, в рамках «партийной демократии». Ан не тут-то было. На стороне первого секретаря остался Жуков. Пригрозил, что решению президиума не подчинится, и обратится к армии, военными самолетами экстренно перебросил в Москву членов ЦК, чтобы вынести вопрос на пленум. А антисталинские «разоблачения» дали Хрущеву мощное оружие против своих конкурентов. На пленуме были вывалены материалы об участии в репрессиях его противников — Молотова, Маленкова, Кагановича. И их песенка была спета. Их вместе с несколькими сторонниками объявили «антипартийной группой», поснимали с постов.

А вскоре и Жукову пришлось пожалеть о своей поддержке Хрущева. Никита Сергеевич начал опасаться слишком популярного маршала. Всего через четыре месяца после победы над «антипартийной группой», когда министр обороны поехал за границу, Хрущев провел постановление «о культе личности Жукова и его склонности к авантюризму, открывающему путь к бонапартизму». Маршал был уволен со всех должностей и отправлен в отставку. А в марте 1958 г. Никита Сергеевич отстранил и Булганина и сам занял его место во главе правительства. Стал единовластным правителем.

Между прочим, даже и в процессах «десталинизации», в расследованиях преступлений карательных органов, лица, так или иначе причастные к кругам «оборотней», как правило, не пострадали. Расстреливали деятелей типа Абакумова, казнили и сажали «людей Берию». Но гонения совершенно не коснулись одного из главных палачей ГУЛАГа Н.А. Френкеля. Того самого дореволюционного миллионера и крупнейшего черноморского торговца, который потом вдруг переквалифицировался в чекисты. И вот он-то оказался абсолютно непотопляемым. Его арестовывали в 1920-х за какие-то махинации, отправили на Соловки, но быстро освободили и дали повышение. Взяли в 1937 г. И что бы вы думали? Кто-то прикрыл. Выпустили и опять повысили. И в 1950-х его кто-то выгородил. Никто его злодеяний не расследовал, он достойно завершил карьеру и доживал век заслуженным персональным пенсионером[168].

Или взять Андрея Свердлова — сына Якова Михайловича. Он служил в НКВД, пользовался особым покровительст-

вом Ягоды. Ведь был, ко всему прочему, его родственником. Андрея Яковлевича арестовывали и в 1935, и 1937 годах. Но всякий раз отпускали, восстанавливали на службе. Отличался крайней жестокостью, лично пытал и истязал допрашиваемых. В 1951 г. снова арестовали. Обвинялся в участии в сионистском заговоре и связях с «Джойнт». В обвинительном заключении говорилось: «...Совместно со своими единомышленниками занимался вредительством в чекистских органах... тайно хранил вражескую литературу и в значительном количестве огнестрельное оружие... Полностью признал себя виновным». Но умер Сталин — и освободили. При Хрущеве на него посыпались многочисленные обвинения уже не в сионизме — а в том, что был палачом. Однако все жалобы пострадавших в ЦК, КГБ и прокуратуру неизменно клались «под сукно». Ни одной из них не был дан ход. И Андрей Свердлов на склоне лет тоже оставался достойным, заслуженным человеком, занимался научной работой, стал писателем...

Ну а небольшая кучка творческой интеллигенции, обласканная Хрущевым, хорошо оплачиваемая и умело направляемая теневыми советниками первого секретаря, продолжала громко славить «оттепель». И Илья Эренбург, получая за это очередную Ленинскую премию, в своем выступлении поднял вдруг вопрос об «антисемитизме в СССР» — который, дескать, сохраняется даже после «десталинизации»[27]. Но такие кампании начинать было еще рано, развивать тему не позволяли.

«ХРУЩЕВЩИНА»

Расцвет села, повышение уровня жизни в городах в 1950-х оказались недолгими и непрочными. С народом заигрывали лишь до тех пор, пока шла борьба в партийном руководстве. А по мере того, как Хрущев прибирал к рукам власть, пошли совсем другие реформы. Хаотичные и беспорядочные. Они начали внедряться в самых различных областях. Однако при всей их сумбурности, при всем широчайшем спектре хрущевских фантазий можно выделить одну общую закономерность. Все эти реформы вели к развалу нашей страны. Повторюсь, я

далек от того, чтобы производить Никиту Сергеевича в «оборотни» и эмиссары «закулисы». Но те силы, которые протолкнули его к власти, конечно, учитывали его самодурство. Теперь эти особенности Хрущева оставалось только использовать, поощрять и направлять.

Успешному подъему сельского хозяйства быстро пришел конец. Хрущев вдруг приказал ликвидировать государственные МТС. А трактора, комбайны и прочую технику колхозам предписывалось выкупить. Причем цены на старые, выслужившие свой срок машины, назначались высокие. На это ушли все накопления, возникшие у колхозов в 1954—1956 гг. Ко всему прочему, у них не было подходящих условий для хранения, ремонта техники, не было запчастей, соответствующих специалистов. И купленные машины ржавели под открытым небом или в каких-нибудь сараях, выходили из строя, превращаясь в груды металлолома.

В 1957—1960 гг. развернулась и новая кампания по укрупнению колхозов. Их число сократилось с 83 тыс. до 45 тыс. Предполагалось, что они будут объединяться в мощные «колхозные союзы» и реализуется тот самый проект «агрокосмополитов», с которым Хрущев носился раньше[27]. Но дело требовало крупных капиталовложений, а колхозы потратили все средства на выкуп техники, и проект заглох. Но, вдобавок, в ходе этих преобразований был взят курс на ликвидацию «неперспективных» деревень! А какие из них считать «неперспективными», оценивали «специалисты», неведь откуда взявшиеся. Указывали безапелляционно — вот такие-то. Или спускали указания — найти «неперспективные». Жителей переселяли, и по России стали появляться многочисленные брошенные деревни, хутора...

А в это же самое время средства и техника направлялись на освоение целины, в казахские степи. Туда по комсомольским разнарядкам гнали молодежь, направляли механизаторов, зоотехников, трактористов, шоферов, слали целыми выпусками молодых учителей, врачей, агрономов. Отправляли и молодых колхозников из «неперспективных» мест. Все это, по сути, напоминало массовую депортацию русских, украинцев, белорусов. Разве что «почетную» — с музыкой, песнями, бравурными лозунгами.

Добавились и «кукурузная лихорадка», «мясная кампания в Рязани», «молочные рекорды». Кукурузу Хрущев объявил панацеей от всех бед, способной быстро решить проблему с кормами. С 1955 по 1962 г. посевные площади для нее были удвоены. Ее предписывалось сеять и в тех краях, которые не подходили для нее по климатическим условиям — в северных, западных областях. Но о неурожае Никита Сергеевич даже слышать не хотел. Объявлял, что если «кукуруза не родится, то виноват в этом не климат, а руководитель... Надо заменять тех работников, которые сами засохли, и сушат такую культуру, как кукуруза, не дают ей возможность развернуться во всю мощь». И руководители, чтобы не слететь со своих постов, бодро рапортовали о высоких урожаях, шли на подлоги и приписки.

В 1957 г. Хрущев призвал за три года утроить производство мяса. Первый секретарь Рязанского обкома А. Ларионов вызвался утроить производство за год. Тут же он получил звание Героя Социалистического Труда, область наградили орденом Ленина. На «вызов» ответили еще несколько областей. И на Рязанщине, дабы выполнить обещание, стали забивать весь скот, молодежь, скупать мясо у населения. Но все равно не хватало, начали закупать в других регионах, израсходовали фонды, выделенные на строительство, образование, здравоохранение. И в декабре отрапортовали — выполнено! Но на следующий год область вынудили взять еще более высокий план. А она не смогла дать почти ничего, потому что и скот весь забила, и все средства истратила. Герой Социалистического Труда Ларионов покончил самоубийством[27].

Грянула и «вторая коллективизация». По решениям декабрьского пленума ЦК 1959 г. личный скот предписывалось «скупить», а подсобные хозяйства и приусадебные участки запрещались — пусть, мол, колхозники отдадут тот же труд не на своем огороде, а на общественных полях. Хотя подсобные хозяйства занимали лишь 1,5% обрабатываемых земель, но обеспечивали всю страну овощами и давали сельским жителям главные средства к существованию. Теперь колхозники разорялись. Стали перебираться в города. Или уезжали все туда же, на целину — это считалось престижно, там были приличные заработки, можно было «выйти в люди».

Но если российская деревня пустела, то возвращались из ссылок народы, депортированные при Сталине. И получали льготы, преимущества. Так, 7 февраля 1957 г. была восстановлена Чечено-Ингушская республика. Раньше в ее состав входили несколько казачьих районов терского правобережья, они имели статус «национальных автономий». Сейчас их вернули в Чечено-Ингушетию, но уже без всякой автономии. И мало того, от Ставропольского края отчленили 4 района терского левобережья, которые раньше в Чечню никогда не входили! И в качестве «компенсации» их тоже присоединили к воссозданной автономной республике.

А восточная оконечность Ставропольского края, Кизлярский район, заселенный казаками, оказался отрезанным от Ставрополя. И его отдали Дагестану. При этом чеченцам, возвращаемым из ссылки, власти всячески препятствовали селиться на прежних местах, в горах. Направляли на казачьи земли. Уже к 1959 г. в Наурском районе чеченцы составили 7,3%, в Шелковском 5,7%. В дальнейшем эти цифры росли. Возвращение из ссылок карачаевцев, балкарцев, ингушей обернулось скрытными депортациями осетин, черкесов, кабардинцев — которым в 1944 г. были отданы земли выселенных народов. Теперь их изгоняли, переселяли кого куда. В общем именно в 1950-х стали закладываться «мины» межнациональных конфликтов на Северном Кавказе, которые сработают в 1990-х...

Еще одной «миной замедленного действия» стала внезапная передача в 1957 г. Крымской области из состава РСФСР в состав Украины. Это ничем не мотивировалось, никак не объяснялось. Крым никогда Украине не принадлежал, а Хрущев просто отдал его, и все. Впрочем, существовал один-единственный документ, согласно которому Крым должен был отойти к Украине. Какой документ? *Решения Версальской конференции 1919 г.*! Тогда предложение о передаче Крыма Украине внесли Вильсон и Хаус, и оно было принято Советом Антанты. Остается неизвестным, кто из советников подсказал эту идею Хрущеву, какие механизмы использовались, чтобы внедрить ее в голову первого секретаря. Но получилось, что его руками давнее решение было выполнено.

О возвращении троцкистской политики русофобства и «расказачивания», вроде бы, речи не было. Однако фактически она снова начала осуществляться. Не только в Чечне, но и в Дагестане, в других районах Кавказа развернулась кампания по переселению горцев на равнину — и их, как и вернувшихся из ссылок, направляли в места проживания казаков. А в Казахстане началась кампания по переводу казахов на оседлое жительство. И «осаживать» их стали, опять же, не в тех целинных областях, которые предстояло освоить, а в тех, которые уже были освоены, где издавна существовали казачьи станицы, русские села. А потом принялись селить и в новых местах — после того, как они были освоены русскими. В рамках выдвижения «национальных кадров» представители «титულных» народов получали ключевые посты в администрации, партийных органах, системе образования, здравоохранения. А русское население превращалось во «второсортное».

И — случайное ли совпадение? — с 1959 г. покатились новые гонения на Церковь. Руководил акциями главный идеолог партии М.А. Суслов. По всей стране снова принялись закрывать православные храмы. Их отдавали под склады, под хранилища техники — дескать, негде трактора и сеялки держать, вот и берите. Если при Сталине количество действующих храмов достигло 20 тыс., то при Хрущеве их осталось всего 7523. Возобновились и аресты священников, верующих. Нет, «церковных» статей не вводили. Применяли другие. Выступили с протестом против закрытия церкви — налицо «антисоветская» агитация. Были и казни. В 1956 г. подвергли пыткам и убили «при попытке к бегству» протоиереев А. Ксенофонтова, Н. Будникова. Практиковались (и не так уж редко) тайные убийства священнослужителей.

Опять же, кто подсказал, кто и как настроил Никиту Сергеевича? Известно, что раньше, в бытность на Украине, он относился к вопросам религии весьма спокойно. Ходите в церковь — ну и ладно. Мог пошутить на этот счет, мог выдрать коммуниста, уличенного в том, что окрестил ребенка. Но боготорческой активности не проявлял никогда.

В конце 1950-х — начале 1960-х преследования обрушились не только на Православную Церковь, но и на другие конфессии. В гонениях 1920-х — начала 1930-х смогли уцелеть

многие старообрядческие общины. Тогда удары наносились по храмам, священникам, а старообрядцы-беспоповцы обходились без них, службы справляли в домах. Теперь и по ним прошлись. Их объявляли «сектантами», закрывали молитвенные дома, арестовывали уставщиков. Этими погромами очень, кстати, заинтересовались искусствоведы и этнографы. Из терских старообрядческих станиц целыми грузовиками вывозились драгоценные иконы XVII — XVIII вв., древние церковные книги, рукописи. Ими были забиты запасники Грозненского музея, хранилища Грозненского университета. В 1990-х все погибло[197].

И еще знаменательное «совпадение». В самом начале хрущевских реформ, в 1955 г., был отменен сталинский указ 1936 г., запретивший аборт и вводивший уголовную ответственность за них. Объясняли это тем, будто запретительные меры «неэффективны», аборт все равно совершается подпольно, с помощью дилетантов, в антисанитарных условиях. Так лучше легально, в больницах. Но подчеркнем, что система здравоохранения была государственной! И теперь за государственный счет больницы получали оборудование для абортов, выделяли для этого помещения, для этого готовились специалисты. А среди интеллигенции пошли по рукам «научные разработки», что аборт благотворно влияет на женщину, «омолаживает» ее организм, в отличие от родов, которые уродуют ее и старят... Отметим, что во всех развитых западных странах аборт оставались еще под запретом. Уголовная ответственность за такие преступления была отменена в Англии лишь в 1967 г., в США — в 1973 г., во Франции — в 1979 г.[110] Первыми сокращать стали русских.

Продолжалась и деятельность Никиты Сергеевича по «разрядке напряженности». Осуществлялись встречи на высшем уровне, в 1959 г. состоялся визит Хрущева в США и переговоры с Эйзенхауэром, потом была созвана Парижская конференция, потом произошла встреча с американским президентом Кеннеди в Вене. Все эти мероприятия кончились ничем. Запад на компромиссы и уступки по-прежнему не шел. Однако Никита Сергеевич, дабы продемонстрировать миролюбие, очередной раз предпринял односторонние шаги. И еще какие! Заявил, что мир должен идти к разоружению и в пер-

спективе вообще распустить национальные армии, сохранить только полицейские силы. И выразил готовность первыми начать подобные меры. Провозгласил о прекращении ядерных испытаний и произвел масштабное сокращение советских вооруженных сил. Их численность уменьшалась с 5,8 млн. до 2,5 млн. человек. Более чем в два раза!

Причем и это, по-хрущевски, осуществлялось всего за несколько лет, одним махом. Солдаты, может, и не прочь были «сократиться», но ведь законы о воинской службе остались прежними! Солдат продолжали призывать, разве что посылали не учиться военному делу, а строить, на целину. А офицеров кромсали «по живому», сотнями тысяч. Увольняли без специальности, без средств к существованию, без жилья. Увольняли опытейшие кадры, прошедшие войну, командиров полков, дивизий, Героев Советского Союза. Расформировывали училища, полки, дивизии. Прекращались военно-технические разработки (как, например, стратегический бобмардировщик Мясищева, не имевший аналогов в мире), резали на металлолом первоклассные корабли, самолеты — Хрущев пришел к выводу, что они не нужны, если есть межконтинентальные ракеты и подводные лодки. Он ждал, что и Запад адекватно откликнется на миролюбивые жесты. Но Запад не отреагировал. Своих вооруженных сил сокращать не стал. И ядерные испытания продолжал...

Что же касается мирового противостояния, то Никита Сергеевич все равно рассчитывал взять в нем верх. Только другими, не военными методами. В 1950—1960-х стала окончательно распадаться колониальная система. И распадаться очень бурно, владычество прежних хозяев одна за другой свергали страны Азии, потом перекинулось на Африку. А Советский Союз взялся перетягивать их под свое покровительство. Практически возвращался троцкистский курс на «пролетарский интернационализм», на «мировую революцию» — но «интернационализм» проявлялся в совершенно карикатурных формах.

Развернулось беспрецедентное по своим масштабам финансирование режимов, которые объявлялись «дружественными». И эти режимы охотно выражали «дружбу», чтобы подоить Советский Союз. Колоссальные народные средства по-

текли за рубеж. Хотя с подобной политикой Хрущев раз за разом садился в лужу. Объединенной Арабской Республике выделили кредит в 100 млн. долларов на строительство Асуанской ГЭС, оказали помощь против агрессии Англии, Франции и Израиля в 1956 г. — а эта республика преследовала коммунистов. То же самое случилось с Ираком. В защиту Конго Хрущев стучал ботинком на трибуне ООН, обещав показать противникам «кузькину мать» — а Конго отнеслось к СССР более чем прохладно.

Зато Москва кардинально поссорилась с Китаем. Как уже отмечалось, Мао Цзэдун был недоволен атакой против «культы личности». А в попытках распространения своего влияния на освободившиеся страны СССР и Китай оказались конкурентами. Мао тоже претендовал, чтобы втянуть их в русло своей политики. И порой получалось так, что Москва «кормила» то или иное «прогрессивное» правительство, а оно вдруг перекидывалось под эгиду Пекина.

Но на взаимоотношения с Китаем наложился еще один важный фактор. Наша страна помогала китайцам создать атомную бомбу, велись совместные разработки. Однако во время визита Хрущева в США и переговоров с Эйзенхауэром Никите Сергеевичу внушили, что ради «разрядки» надо ограничить распространение ядерного оружия. Он согласился (разумеется, в одностороннем порядке, поскольку это оружие разрабатывали Англия, Франция). И после Америки отправился в Китай, принялся убеждать Мао в миролюбии Эйзенхауэра. Мао Цзэдуну это пришлось очень не по душе. Он отреагировал резкими заявлениями. Тогда из Китая отозвали советских специалистов, совместные ядерные работы были прекращены. Китай тоже предпринял недружественные шаги. А окончательный разрыв вызвал доклад Суслова, обвинившего Китай в «империалистических устремлениях». В результате вся социалистическая система дала трещины и стала распадаться на отдельные блоки.

Однако и политика Запада вывела Никиту Сергеевича из себя. Когда очередные предложения по «германскому вопросу» были отвергнуты, он сплеча дал команду, и в одну ночь вокруг Западного Берлина была построена стена. Страны НАТО тут же поймали его на нарушении Потсдамских соглашений —

о свободе передвижения по Берлину. И Берлинский кризис 1961 г. чуть не привел к столкновению в Европе.

А затем США начали размещать ядерные ракеты в Турции. Хрущев в ответ заключил соглашение с Фиделем Кастро и направил советские ракеты средней дальности для установки на Кубе. Но Кеннеди занял жесткую позицию. Объявил морскую блокаду острова и потребовал убрать ракеты, пригрозив, что в противном случае они будут уничтожены. Разразился Карибский кризис, который вообще поставил мир на грань ядерной войны. Вооруженные силы НАТО и Варшавского Договора были приведены в полную боевую готовность. И первым не выдержал Хрущев. Дал согласие вывезти ракеты под контролем ООН, а за это выдвинул условия, чтобы Кеннеди не трогал Кубу и убрал ракеты из Турции. Как думаете, принял их американский президент? Частично. Пообещал, что Фиделя Кастро, так и быть, оставят в покое. А требование насчет ракет в Турции предпочел проигнорировать[27]. Но Никита Сергеевич удовлетворился и этим, не настаивал. Советские ракеты демонтировали, погрузили на суда и повезли домой. Американские остались на своих местах...

Ну а ко всему прочему в Советском Союзе развернулись глобальные «реформы» промышленности. В 1957 г. был взят курс на децентрализацию народного хозяйства. Отраслевые министерства, союзные или республиканские, ликвидировались. Вместо них создавались совнархозы по территориальному признаку. В том или ином регионе заводы и фабрики, принадлежавшие к разным ведомствам и выпускавшие разную продукцию, должны были объединяться под общим руководством и взаимодействовать между собой. Это привело к хаосу, нарушению снабжения и финансирования, рвались отраслевые связи, рушились инфраструктуры. Чтобы выправить положение, над региональными стали создаваться республиканские совнархозы, а потом и общесоюзный.

Несмотря на эти неурядицы, в 1959 г. на XXI съезде партии, был выдвинут лозунг «Догнать и перегнать Америку». Съезд принял план не пяти-, а семилетки. Поскольку за 7 лет как раз и предполагалось догнать и перегнать — не только по общему объему продукции, но и по показателям на душу населения. Обеспечить в Советском Союзе самый высокий в

мире уровень жизни! И именно таким «мирным соревнованием» Хрущев намеревался победить империализм. «Догнать и перегнать», а там и сами американцы сообразят, что при советском строе жить лучше. И в 1959 г. Никита Сергеевич, путешествуя по США, уверенно говорил американцам: «Ваши внуки будут жить при коммунизме».

А в 1961 г. открылся XXII съезд. На него Хрущев собрал многих собственных выдвиженцев. И съезд прошел под флагом полной «десталинизации». Снова на мертвого вождя изливались моря грязи. Навешивалось уже все, что только можно было навесить, вплоть до убийства Кирова. Анти-сталинские настроения дошли до настоящей истерии. Старуха Лазуркина, член партии с 1902 г., успевшая посидеть в лагерях, объявила, что ей во сне привиделся Ленин и сказал: «Мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принес партии» — и съезд постановил вынести тело Иосифа Виссарионовича из мавзолея. По всей стране развернулся повальный снос памятников Сталину, переименований, изъятие из библиотек книг Сталина или о Сталине, уничтожение картин, портретов, бюстов. Словом, всего, что понаделали в свое время, восхваляя Сталина.

Но на этом же съезде была принята программа построения в СССР коммунизма. Причем на все про все отводилось 20 лет. До 1971 г. — построение материально-технической базы, а до 1981 г. — само вступление в коммунизм! В тот самый «рай земной», ради которого осуществлялась революция 1917 г. В тот «рай», где будет «от каждого по способностям, каждому по потребностям», будут преодолены противоречия между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. И где, как учил Маркс, даже отпадет надобность в самом государстве. Конечно, этот аспект оставался скользким — как же без государства-то? Но Хрущева это ничуть не смутило. Указывалось, что государство при коммунизме передаст свои функции «органам самоуправления трудящихся».

И сращивание «умственного труда с физическим» началось в ходе хрущевской «культурной революции». Снова, как и в начале 1930-х, росло количество вузов, техникумов, а особенно вечерних и заочных отделений, чтобы люди могли обучаться, не отрываясь от производства. Прошла и рефор-

ма образования. В школах требовалось учиться 11 лет, но учеба должна была сочетаться с работой на производстве или в сельском хозяйстве. А при поступлении в вузы получали приоритет выходцы с заводов и из колхозов со стажем работы не менее двух лет. Летом студентов отправляли на «полуканикулы» — на стройки или целину. Соединяя «умственный труд с физическим», студентов и персонал научных учреждений стали широко привлекать для сельскохозяйственных, погрузочных, строительных работ.

Некоторые нововведения сразу провалились. Например, соединение учебы в школе с работой. Предприятия на местах не имели возможности устроить детей, да и не нуждались в малолетних и ничего не умеющих «работниках». Но, тем не менее, и это не отменялось. И школы приписывали «профессиональное обучение» формально, ради галочки, выкручивались разными хитростями. Что касается привлечения студентов «от станка» и «от сохи», то оно резко снизило уровень подготовки специалистов. Ну а использование ученых, инженеров, студентов в качестве черной рабочей силы оказалось полезным для местных руководителей, позволяло решить многие проблемы. И оно внедрилось широко и повсеместно, стало одной из уродливых особенностей советской действительности.

Сама же задача «построения материально-технической базы коммунизма» вылилась в очередной рывок штурмовщины. При этом наращивание производства осуществлялось не за счет модернизации существующих, а за счет строительства все новых и новых предприятий. И, между прочим, стоит обратить внимание на географию развернувшихся новостроек. Традиционные регионы российской промышленности оставались почти без внимания. Тут работали по-старому, на стареющем оборудовании. Вместо этого средства вкладывались в развитие республик Прибалтики, Закавказья, Казахстана, Средней Азии. Туда же направлялись русские специалисты, стали перетекать рабочие кадры. В общем волей-неволей закрадываются подозрения, что уже тогда «силами неведомыми» закладывались основы плана, коему суждено было реализоваться в 1991 г.

Так же, как во времена сталинской индустриализации и послевоенного восстановления хозяйства, отдавались приоритеты развитию тяжелой промышленности, производству средств производства. Но «перекосы» еще и превысили сталинские! Если к 1953 г. на тяжелую индустрию приходилось 70% продукции, то к началу 1960-х крен достиг 75%. Товары широкого потребления исчезали с прилавков. Но ведь и сельское хозяйство было разрушено! А выигрыш от освоения целины оказался обманчивым. С одной стороны, распашка земель погубила обширные степные пастбища, а с другой — началась эрозия почвы, она быстро истощалась. И уже в начале 1960-х урожайность здесь упала на 65%.

В начале 1960-х страна вдруг очутилась на грани голода. Более-менее сносное обеспечение поддерживалось только для Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик. В других местах положение становилось все хуже. Карточки не вводились, но негласно продажу продуктов сделали нормированной. Хлеб давали по буханке на руки, и у магазинов с ночи выстраивались очереди, протянувшиеся на километры. Их занимали целыми семьями вплоть до стариков и грудных детей — когда хлеб привезут (если привезут), получить на каждого по буханке. Правительство пыталось лгать. Объясняло, что люди стали жить лучше, больше покупать, поэтому и не хватает продуктов и промтоваров[94]. И решило выкрутиться из положения за счет простых людей. Цены на продукты питания были повышены на 25—30%, а тарифные расценки на производстве понизились на треть.

В народе стало нарастать недовольство. А кое-где оно прорывалось и открытым возмущением. В Новосибирске и Караганде Хрущеву пришлось с помощью охраны убегать от разбушевавшихся людей. Из Горького, после выступления на митинге, он был вынужден уезжать тайком, под покровом ночи — боялся, что возмущенные горожане его поймут. В Киеве, Новороссийске, Ташкенте его встречали шквалами негодования. А на совещании работников сельского хозяйства, проходившем в Киеве, буфетчица бросилась на Хрущева и Подгорного с кухонным ножом[63].

Возникали стихийные волнения в Москве, Ленинграде, Александрове, Муроме. А особенно сильно протест выплес-

нулся в Новочеркасске. Из-за роста цен и снижения тарифных расценок забастовало 7 тыс. рабочих, пошли к горкому партии излагать требования. Для подавления из Москвы прибыли Микоян, Суслов, Козлов. И расправились жесточайше. На забастовщиков бросили войска, 80 человек было убито, сотни ранены, 9 участников беспорядков объявили зачинщиками и расстреляли, более 100 посадили. И весь Новочеркасск капитально «почистили», выселив многих жителей в Сибирь[168].

Но кровью и арестами проблему надвигающегося голода было решить невозможно. И Хрущев нашел выход — приобрести продовольствие за границей. В США. В качестве «временной меры» было закуплено 12 млн. тонн зерна на сумму 1 млрд. долларов[27]. И этой «временной мере» суждено было стать постоянной. В 1920-х — 1940-х гг. российскому крестьянству приходилось очень тяжело. Но сельскохозяйственная продукция экспортировалась! Была главным источником золотовалютных поступлений. В 1960-х колхозникам приходилось не лучше, но сельхозпродукцию начали импортировать. А советское золото и валюта потекли в сейфы американских торговых корпораций. В общем, «догоняли и перегоняли Америку»!..

Неудачи не обескуражили Никиту Сергеевича. Он готов был вести дальнейшие реформы. Например, вообще разделил парторганизации в республиках, областях, районах по производственному признаку — чтобы везде было по две парторганизации, одна занимается промышленностью, а другая сельским хозяйством. Такому же делению подвергся комсомол.

Но реформаторскому размаху Хрущева уже подходил конец. Да и вообще его политической карьере. Потому что недовольство зрело не только в народе. Против него сплотилась и партийная номенклатура. Еще недавно — главная его опора. Да, первый секретарь много сделал для нее, обеспечил безопасность, поддерживал ее право на привилегированное положение. Но своим дерганием, непрерывными переменами и ломками существующих порядков он совершенно достал ту же номенклатуру, не давал ей спокойно жить. А разрушительные результаты реформ грозили крупными народными возмущениями, тут уже и до беды было недалеко.

Двигателями заговора против Никиты Сергеевича стали те же деятели, которые прежде его поддерживали — Микоян, Суслов. И Леонид Ильич Брежнев. Он был из выдвиженцев 1930-х, когда партийные работники быстро поднимались по ступенькам карьеры, заменяя уничтоженную оппозицию. Не плохо проявил себя политработником на войне. Умело действовал при послевоенном восстановлении хозяйства. Попал в число «молодых», которых Сталин заметил и ставил в высшие эшелоны власти в последние годы жизни. Но и при Хрущеве отличился первым секретарем компартии Казахстана, поднимая целину. Попал в центральный аппарат партии, стал председателем президиума Верховного Совета...

Конечно, он не сам возглавил тайную оппозицию. Среди советских лидеров были куда более авторитетные и опытные. Но те же Суслов и Микоян уступили первую роль ему. Подготовить свержение Хрущева было не так уж трудно, он увлекся поездками и по стране, и по всему миру — из 9 месяцев 1964 г. 135 дней провел за границей. В июле, заручившись его согласием (которому Никита Сергеевич, похоже, не придал значения), оппозиция произвела «рокировку» в органах власти. Брежнев уступил Микояну руководство Верховным Советом, а сам полностью сосредоточился на работе Секретариата ЦК.

Сила этого органа была хорошо известна. Через него шли растановки партийных кадров, управление региональными парторганизациями. Этим когда-то пользовались и Свердлов, и Сталин, и сам Хрущев. Но в угаре реформ и международных дел он выпустил Секретариат из-под контроля. И к октябрю Брежнев фактически прибрал к рукам рычаги управления партией. А когда первый секретарь отправился в отпуск, без него был созван пленум ЦК. 13 октября Хрущева привезли прямо на пленум, и Суслов предъявил ему требование об отставке. Все сделали быстро, оперативно, не позволив предпринять никаких ответных мер, как в 1957 г. Поставили перед фактом. Суслов огласил обвинения в «волюнтаризме» и «субъективизме», а пленум тут же проголосовал о снятии Хрущева со всех постов и отправил его на пенсию. Народу объявили — «в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья». Советский народ, правда, был смыш-

ленный, понял что к чему. Но против отставки Хрущева ничуть не возражал.

Следует отметить, что падение Никиты Сергеевича было вызвано не только недовольством номенклатуры. Для «мировой закулисы» он тоже стал неподходящей фигурой. Берлинский и Карибский кризисы показали, что он со своей непредсказуемостью может довести до мировой катастрофы. Да и возмущение народа было чревато нежелательными последствиями — ведь на волне этого возмущения к власти мог прийти патриотический лидер. Поэтому более надежным вариантом выглядело Хрущева убрать. Сделал свое дело, порушил что мог — и хватит. Дальше пусть правит кто-нибудь другой, более спокойный.

СКОМНОЕ ОБАНИЕ ДИССИДЕНТОВ

Изменение психологического и культурного климата в стране началось задолго до антисталинской кампании. Ранее уже отмечалось, что сразу после смерти Сталина *кто-то* дал негласную команду деятелям культуры — дескать, теперь «можно». И в обиход было заброшено несколько соответствующих произведений, которые порождали настроения дозволенности, ожидания послаблений.

Разоблачения «культы личности» стали следующим толчком. Хрущевым и его окружением они преподносились как настоящая «духовная революция». Наряду с палачами русского народа, тухачевскими и якирами, были реабилитированы имена Мейерхольда, Бабеля, Мандельштама, Пильняка, Веселого. Выпускались и возвращались на полки их книги — и это представлялось торжеством «свободы слова». (Хотя в таком случае понятие культурной «оттепели» с куда большим основанием можно было бы применить ко временам Сталина, когда вернулись на полки книги Льва Толстого, Достоевского, Пушкина... При всех талантах Бабель и Мандельштам до них не дотягивали).

«Духовная революция» выражалась и в том, что Хрущев взял литературу и искусство под личную опеку, приблизил к себе два десятка авторов, облагодетельствовал их дачами, ма-

щинами — и предоставил полнейшую свободу ругать «культ личности» и восхвалять свое правление. Кстати, несмотря на то, что троцкизм по-прежнему осуждался, в 1958 г. была выпущена массовым тиражом книга Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир» — настоящий гимн Троцкому[148].

Но эти процессы, в свою очередь, инициировали совершенно другие явления. «Секретный доклад» Хрущева, его широкое обсуждение вплоть до низовых партийных и комсомольских организаций внесли сильнейший разброд в умы. По сути, они нанесли удар не только по сталинизму, но и по всей советской идеологии. Если то, что пропагандировалось раньше, оказалось ложью, то можно ли было верить в дальнейшем? Советский народ жил внушенными ему идеалами, вдохновлялись ими. Ради этих идеалов люди готовили себя на подвиг, жертвы, лишения. В этом была своя прелесть, дух романтики. Однако идеалы вдруг были разрушены!

И молодежь начинала искать «правду» по своему разумению. Причем молодежь была уже полностью «советской», принадлежала ко второму или третьему поколению людей после революции, выросла в духе атеизма, была политизированной. С молоком матерей и пионерскими лозунгами она впитала мифы о свержении царя, победе над «эксплуататорами», революционные системы ценностей. Поэтому правдоискательство началось в очень узком диапазоне, вокруг того же ленинизма.

Но в планы партийной верхушки даже такое вольнодумство не входило. И его сразу же постарались прижать. В 1957 г. прошел первый политический процесс «новых времен» — над сотрудниками Ленинградского библиотечного института Р. И. Пименовым, Б.Б. Вайлем, И.Д. Заславским, И.С. Вербловской, К.Г. Даниловым, написавшими и распространявшими «послесловие» к «секретному докладу» Хрущева. В это же время были раскрыты и арестованы два студенческих кружка в МГУ, пытавшихся по-своему трактовать идеологические и исторические вопросы. А партбюро Института теоретической и экспериментальной физики во главе с Ю. Орловым подверглось разгрому только за то, что при обсуждении «секретного доклада» приняло резолюцию, где приветствовалось «исправление ошибок партии». Дошло до самого Хрущева и вызвало

бурю гнева. Объявили, что авторы резолюции «пели с голоса меньшевиков и эсеров», потому что у партии «ошибок» не было и быть не могло. Виновников чуть не посадили, выгнали из партии и с работы. Генерал П.Г. Григоренко попал под преследования за то, что начал предлагать меры против «нового культа личности».

По мысли Хрущева, «десталинизация» предполагалась управляемая и ограниченная. Требовалось очернить персонально Сталина, свалить на него все беды, случившиеся в годы советской власти — и изменить политический курс так, как хотелось Никите Сергеевичу. Даже на XXII съезде, где Сталина обвинили во всех грехах и решили вынести из мавзолея, было принято постановление, что теперь-то «партия сказала народу всю правду о злоупотреблениях власти в период культа личности». Подразумевая, что достигнут предел, и углубления процесса не будет. Но подобные «разоблачения» получались нелогичными. Вроде как осеклись на полуслове. И люди пытались домысливать самостоятельно.

Усугубило разброд и возвращение заключенных из лагерей, которое было воспринято интеллигенцией с эдаким «комплексом вины». Из уст в уста передавалось выражение А. Ахматовой: «Две России глянули друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили» (ох, не зря ее порол Жданов!) Заключенные вовсе не были «второй Россией», после XX съезда выпустили несколько сот тысяч человек, да и то совершенно разношерстных. И невиновных, и вкупе с ними таких, кто был осужден вовсе не без вины. Под бывших политических косили и уголовники, это стало престижным, давало возможность получше устроиться. Вперемежку с правдой пошли гулять придуманные байки и слухи о лагерях. Их порождали и сами зэки, и те, кто никогда не сидел, дабы поразить воображение собеседников.

Среди освобожденных были троцкисты, бухаринцы, социалисты, члены НТС — или те, кто в местах заключения хватался их теорий. И стали распространять эти теории на воле. Кроме того, хрущевская «либерализация» открыла доступ к трудам социалистов, меньшевиков, троцкистов для советских институтов, подвизающихся в области общественных наук, истории партии. А молодые специалисты, знакомясь с

подобными учениями, соблазнялись ими, начинали искать в них рациональное зерно, делились «находками» со своими друзьями. Добавились и религиозные гонения — и верующие становились оппозицией власти.

На изменение советского менталитета наложилось и влияние «разрядки», попыток улучшить взаимоотношения с западными странами. Организовывались выставки зарубежного искусства, концерты иностранных исполнителей, международные конкурсы. В Москве возобновился всемирный кинофестиваль (впервые открытый в 1935 г.). На экранах кинотеатров появились иностранные фильмы, стал выходить журнал «Иностранная литература». В 1957 г. прошел Всемирный фестиваль молодежи. Начался обмен культурными, торговыми и прочими делегациями, в СССР стали приезжать зарубежные туристы. Правда, продолжалась и борьба с западными влияниями, но она принимала чисто внешние формы, как кампания против «стиляг». А воздействия сказывались на другом уровне.

Советская молодежь потянулась к «свободам», что усугублялось обычным юношеским желанием самовыразиться, проявить себя. В 1958 г. в столице был открыт памятник Маяковскому, и он стал излюбленным местом вечерних сборищ молодых людей. Читали стихи, пели песни... Словом, как сказали бы сейчас, просто тусовались. Но попытки комсомола взять эти встречи под контроль кончились ничем. А дискуссии, которые разгорались возле памятника, нет-нет да и касались «политики». В итоге сборища на площади Маяковского просто запретили и разогнали. А такие акции вызывали недовольство, ответный протест. И стихи, песни, споры переносились в другие места. На кухни частных квартир, за чаем или за бутылкой. К кострам походов на природу.

Основным гнойником начинающегося внутреннего разложения России стала творческая интеллигенция. В сталинской модели державность оказалась неразрывно связана с идеологией. И атака на сталинизм одновременно нанесла ощутимый удар по устоям патриотизма. Теперь советская культурная среда претендовала на осуждение «ждановщины», на расширение своей «свободы творчества». Требования «пар-

тийности» и впрямь были чересчур навязчивыми, порождали искусственный и лживый официоз. Ему не верили даже читатели и зрители, а уж тем более не могли верить люди, которые сами создавали его.

Но других направлений советское искусство не знало. А путь возврата к национальным корням большинство творческих работников отвергало или не видело. Он был слишком замусорен коммунистической пропагандой, искажен, чреват опасностями — или связывался с «консерватизмом», «реакцией», сталинизмом. И творческая интеллигенция пошла по тем путям, на которые ее подталкивали западные влияния. С одной стороны, начали развиваться космополитические тенденции — поднимались проблемы «общечеловеческих ценностей», самокопаний, эгоцентризма, искусства ради искусства. С другой — становился модным нигилизм. Критиканство, скепсис, порождение сомнений, высмеивание отечественной жизни,

Однако Хрущев никак не был настроен на такое понимание «оттепели». На встречах с деятелями культуры он заявлял: «В вопросах художественного творчества Центральный Комитет партии будет добиваться от всех... неуклонного проведения партийной линии». Предупреждал: «Вовсе не означает, что теперь, после осуждения культа личности, наступила пора самотека, что будут ослаблены бразды правления, общественный корабль плывет по воле волн, и каждый может своевольничать, вести себя, как ему заблагорассудится». И то, что, по его пониманию, выходило за рамки дозволенного, решительно пресекалось. Авторы подвергались резкой критике. Снятые ими фильмы попадали на полки хранилищ, их картины и скульптуры уничтожались или убирались с глаз долой. Их романы и стихи обрекались пылиться в ящиках столов.

Но помощь с готовностью предлагал Запад! Хотите, чтобы ваши произведения увидели свет? Пожалуйста! С радостью. Давайте, и мы опубликуем, откроем дорогу к славе. Ярким примером подобной провокации стала история с романом Б. Пастернака «Доктор Живаго». И с исторической, и с художественной точки зрения произведение было откровенно слабым. Если кто-то пробовал и попробует его читать, может сам в этом убедиться (до сих пор автору не удалось встретить

ни одного человека, кто смог бы с удовольствием и интересом дочитать роман до конца). Но в 1958 г. он был издан за рубежом, и ему, явно из конъюнктурных соображений, сразу же присудили Нобелевскую премию.

В Советском Союзе это вызвало скандал. Пастернака заставили отказаться и от премии, и от выезда за границу, перемыли ему кости на всех уровнях, исключили из Союза писателей. Отечественные литераторы послушно проголосовали за исключение, но в душе многие сочувствовали обиженному автору. Дело Пастернака выставило Советский Союз посмешищем всего мира, а в отечественных культурных кругах вызвало скрытую оппозицию к власти, всплеск либеральных настроений. В частности, на ближайших выборах в Союзе писателей литераторы «прокатили» и вынудили уйти со своего поста патриота Суркова, возглавлявшего эту организацию.

Западные державы и их спецслужбы действительно уделяли большое внимание «оттепели» в СССР. Как раз в это время видный масон и будущий советник президента США Збигнев Бжезинский фактически повторил мысль полковника Хауса о необходимости грядущего расчленения России. То бишь, уже предугадывал возможность такого расчленения. В 1957 г. в Гааге был проведен «Конгресс за права и свободу в России», в котором приняли участие представители 80 эмигрантских группировок и организаций. Конгресс выработал программу из 130 «частичных требований» по внедрению этих самых прав и свобод. Каждое из данных требований само по себе не было антисоветским, но вместе они вели к крушению СССР[122].

И именно использованию творческой интеллигенции придавалось огромное значение — ведь предстояла борьба за умы и души людей. Радио «Свобода» предложило сотрудничество советским авторам, которые не могут опубликовать свои произведения из-за партийной цензуры. И оно получило отклик. Из Советского Союза стали разными путями пересылать рукописи. Таким образом осуществлялась установка Аллена Даллеса, озвученная им еще в 1945 г.: «Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России» — а с 1953 г. Даллес занимал пост директора ЦРУ.

Активную деятельность развернул и НТС. После XX съезда КПСС он взял курс на «союз с радикальными реформаторами» в Советском Союзе, то есть с теми движениями, которые добиваются изменений в сторону демократий по западным образцам. С любыми движениями — поскольку предусматривалась возможность «ступенчатого сноса диктатуры». Поддержать одних «реформаторов», а потом, если добьются успеха, переключиться на поддержку более решительных. НТС также зазывал к сотрудничеству советских писателей, поэтов. И за несколько лет из России было получено около тысячи рукописей. Некоторые были бредом психически ненормальных людей, плодами «творчества» графоманов, но многие произведения стали публиковаться в журналах «Грани», «Посев», «Вольное слово», выходили отдельными книгами. А их авторы, соответственно, превращались в «союзников», проводников зарубежных воздействий.

НТС усилил и работу среди советских граждан, приезжающих за границу. Предполагалось устанавливать с ними «дружеские» контакты, организовывать частные встречи, беседы, распространять литературу. Для этого был начат выпуск новых изданий, журнала «Наши дни», рассчитанного на интеллигенцию, газеты «Вахта» — для моряков. Изготавливались и поддельные номера советских газет, куда вставлялись пропагандистские материалы. А для воздействия на население внутри СССР была организована массовая засылка писем по случайно выбранным адресам. В этой работе участвовали 600 человек, письма с материалами НТС отправлялись из 30 разных стран, и их количество достигало 30—40 тыс. в год[122].

Поскольку Хрущев широко открыл доступ в СССР западным туристам, это тоже открывало каналы для проникновения в нашу страну. В качестве эмиссаров и курьеров НТС использовал иностранцев — они меньше привлекали внимание советских спецслужб, чем представители русской эмиграции. Их вербовали в зарубежных молодежных, правозащитных и прочих организациях. Эта деятельность велась строго конспиративно, в нескольких европейских государствах были созданы «оперативные участки» по отбору и подготовке курьеров. Сформировалась особая система управления данными операциями. Для развертывания подпольной работы внутри СССР

была выбрана тактика «широкого фронта». То есть, курьеры должны были устанавливать знакомства с советскими гражданами и искать контакты с любыми группами и кружками, оппозиционными власти. С религиозными, молодежными, творческими. Все сгодится. Им обещали поддержку из-за рубежа, оговаривались каналы связи.

Таким образом, операции внешних антисоветских сил и оппозиционные настроения в самой России сомкнулись. В конце 1950-х появились диссиденты — инакомыслящие. Возник так называемый «самиздат»: перепечатывались на машинках, переписывались, перефотографировались и размножались иными доступными способами не имеющие шансов на издание рассказы, стихи, повести, политические, исторические материалы (в том числе фальшивки). Ходили из рук в руки, пользуясь большим спросом. Поэт А. Гинзбург создал первый самиздатовский журнал «Синтаксис», где помещались запрещенные цензурой произведения Б. Ахмадулиной, Б. Окуджавы, В. Шаламова, Е. Гинзбург. Распространялись песни А. Галича, стихи И. Бродского...

Кстати, да простит меня читатель, позволю себе отвлечься. Как-то уж невольно обращает на себя внимание совпадение ряда фамилий диссидентов с другими историческими персонажами. С теневыми деятелями, в свое время поучаствовавшими в подрыве Российской империи. Нет-нет, я вовсе не берусь утверждать, что А. Гинзбург, Е. Гинзбург являлись потомками российских банкиров Гинзбургов — родственников Варбургов, а И. Бродский — киевских «королей» Бродских, родственников Ротшильдов. Просто отмечаю совпадение. Мало ли на свете однофамильцев?..

Между прочим, и позже, в период «демократического» слома СССР выдвинется целый ряд однофамильцев давних деятелей: Станкевич, Абрамович, Познер... Опять же, совсем не хочу сказать, что они имеют какое-то родственное отношение к помощнику Керенского Станкевичу. Или к лидеру Бунда Абрамовичу. Или, допустим, к Марку Абрамовичу, который руководил финансированием троцкистского IV Интернационала (может быть, совсем наоборот, к патриоту лейтенанту Абрамовичу, выследившему Рейли и расстрелянному

«свердловцами» в 1918 г.?) Или к совладельцу американской фирмы «Вайнберг и Познер», которая располагалась по многократно упоминавшемуся адресу: Бродвей, 120, сотрудничала с Сиднеем Рейли, а в гражданскую войну вместе с адъютантом Хауса Кеннетом Дюраном вела тайные дела с советским правительством. Правда, телеведущий Познер, кажется, говорил, что его дедушка жил и вел дела в США, но, повторюсь, никаких утверждений о родстве делать не берусь. Все-го лишь совпадения показались любопытными, вот и отметил их... Считайте, к слову пришлось.

Ну а советское правительство на деятельность диссидентов ответило репрессиями. Хотя сталинская 58-я статья, «враг народа», была отменена, нашлись другие. В хрущевский уголовный кодекс была введена ст. 70 — «агитация и пропаганда, направленная на ослабление советской власти». Прежних «политических» выпустили, но уже вскоре в системе исправительно-трудовых лагерей для новых «политических» был выделен Дубровлаг. Применялись и неполитические статьи. Можно было привлечь «за тунеядство» — предварительно выгнав с работы. Или «за хулиганство», «за организацию беспорядков» — если устроили демонстрацию. При Хрущеве появились и две первых «спецпсихушки», куда упекли генерала Григоренко и еще ряд оппозиционно настроенных лиц.

Но это не помогало. Сажали одних, появлялись другие. Не успели в 1960 г. арестовать А. Гинзбурга и ликвидировать «Синтаксис», как активист НТС Ю. Галансков начал издавать еще один «самиздатовский» журнал, «Феникс-61». А власть в хрущевские времена старалась выглядеть «цивилизованной», сохранить «лицо» перед мировым сообществом. Поэтому за антисоветскую деятельность больше не расстреливали, сроки давали совсем не такие, как при Сталине, и содержали лучше. Ну а арест по политическим мотивам повышал авторитет, приносил известность и среди советской интеллигенции, и за рубежом. Тот же Гинзбург получил два года, а потом вышел на свободу и продолжил диссидентскую работу. Возглавил «Российский фонд помощи политзаключенным», куда поступали средства и от зарубежных «благотворителей», и еще из каких-то источников[130].

Новому руководству страны — Брежневу, Косыгину, Суслову, Подгорному — пришлось предпринимать срочные меры по выправлению ситуации, в которую загнал Советский Союз Хрущев. Была сразу же отменена партийная реформа, промышленные и сельскохозяйственные парторганизации снова сливались воедино. Отменили и школьную реформу с «профессиональным» образованием. Ликвидировали совнархозы, восстанавливались нормальные министерства. Чтобы избежать голода, продолжились закупки продовольствия за границей. Закупались и промтовары. Дабы снять недовольство, накопившееся в народе, колхозникам вернули возможность иметь приусадебные участки, колхозам очередной раз списали долги. «Заморозили» и религиозные преследования.

Стали предприниматься усилия по нормализации положения в промышленности. По предложениям Косыгина внедрялись «либеральные» методы. Расширялась самостоятельность предприятий, снижалось количество плановых показателей, спускаемых «сверху», вводились механизмы хозрасчета с возможностью использовать часть прибыли на социальные, культурные, бытовые нужды. Вводилось материальное стимулирование для рабочих и служащих. Но все эти реформы оставались робкими и непоследовательными. Да в общем-то после Никиты Сергеевича радикальное реформаторство было затруднительно, оно всех уже допекло. Предпочтительнее выглядели спокойствие, размеренность.

А результаты тех реформ, которые все же были проведены, сводились на нет другими факторами. Министерства, ведомства, республиканские и областные руководители преследовали свои интересы. Поэтому одни плановые показатели убирались, но вводились другие, запутывая отчетность. Самостоятельность предприятий вносила анархию, директора выгадывали свои прибыли и фонды. Материальное стимулирование оборачивалось обязательными премиями, которые превращались в дополнение к зарплате. Не дашь рабочим премий — уйдут на другой завод. Проводились и различные эксперименты по улучшению организации труда — «бригад-

ный подряд», «Щекинский эксперимент». Они широко рекламировались, но дальше этого дело не шло, оставались на уровне экспериментов.

Но главное, что мешало дальнейшему развитию хозяйства, — угас энтузиазм народа. Его уже нельзя было поднять и воодушевить на те или иные свершения. Последний раз этот энтузиазм проявился при освоении целины. Всплеснул было на призыв «догнать и перегнать Америку», на обещание, что «нынешнее поколение будет жить при коммунизме». Но безобразия, в которые вылилась эта кампания, подорвали и перечеркнули порыв.

Что ж, при Брежневе власть тоже пыталось использовать громкие лозунги. Провозглашала «решающие» и «определяющие» годы, «пятилетку качества» и т.д. Однако это уже не действовало. И лозунги проходили замкнутый путь. Идеологи их придумывали, партработники обязаны были озвучивать, а потом они возвращались «наверх» в отчетах и докладах. Снова объявлялись ударные стройки — КамАЗ, БАМ, Атоммаш, гигантские газопроводы и нефтепроводы, протянувшиеся из Сибири к западным границам. Но шумиха теперь оказывалась сугубо показной. Торжественные проводы молодежи на стройки устраивались для публики, радость и энтузиазм демонстрировали «подсадные утки» или комсомольские функционеры. Для остальных «ударные» стройки были лишь возможностью заработать.

К 1960—1970-м гг. начала действовать в полную силу система образования, которая начала развиваться при Сталине и получила новый размах при Хрущеве. С 1950-х до конца 1960-х расходы государства на науку выросли в 12 раз, количество научных работников увеличилось в 6 раз. В СССР трудилась четверть всех ученых мира! В вузах занималось 5 млн. студентов, а обучало их полмиллиона преподавателей. И Россия в научной области действительно достигла огромных успехов. Осуществлялись космические программы, развивалась атомная энергетика, создавалась первоклассная военная техника, делались блестящие открытия в области физики, математики, биологии, химии... Правительство ставило задачу соединения научно-технической революции с производством, что, вроде бы, сулило невиданные перспективы.

Но те направления науки, которые получили катастрофические удары при «лысенковщине» и «хрущевщине», стали разрабатываться с запозданием по сравнению с западными странами, как, например, кибернетика. И возникло отставание в электронике, вычислительной технике — а именно они определяли ход научно-технической революции. А ко всему прочему, далеко не все НИИ приносили реальные достижения, занимались полезными делами. Ведь массу ученых требовалось как-то пристроить, чем-то занять. И возникало множество научных учреждений, плодящих лишь никому не нужные отчеты. Впрочем, даже и самые выигрышные разработки внедрялись в производство крайне редко.

Потому что от предприятий требовалось выполнять и перевыполнять планы. А внедрение новшеств, переоборудование нарушали бы производственный процесс. Соответственно, срывались планы, временно снижалась прибыльность. А это, в свою очередь, сказалось бы на фондах, премиях. Новшества требовали и капиталовложений. А где их взять? «Выбивать» в министерствах было долго и хлопотно... Так зачем они вообще нужны? И предприятия продолжали работать на старом, изношенном оборудовании, на старых технологиях. Это было проще, спокойнее.

С другой стороны, сама интеллигенция чрезмерно вырослась, по переписи 1979 г. она составила 19% населения. Но научные, культурные, образовательные учреждения жили за счет государственных дотаций. Которые, соответственно, приходилось распределять среди такой массы учреждений и их сотрудников. И интеллигенция вела полунищенское существование, со старублевыми окладами. Подрабатывала во внеурочное время грузчиками, чернорабочими, в отпуск отправлялась на стройки. Ютилась по общежитиям, до старости дожидаясь квартир. И росло число «неудачников», скептиков. Возможность улучшить свое положение открывалась на партийной работе, в управленческих структурах. К раздуванию этих структур стремилась и бюрократия, каждый начальник силился увеличить подведомственные ему штаты, а тем самым повысить и свой «вес». И число аппаратчиков, управленцев всех уровней также чрезмерно разрасталось, их доля достигла 6% всего населения[94].

Зато сельское хозяйство после «хрущевщины» так и пребывало полуразрушенным. В деревне оставались старики, из молодежи самые толковые и энергичные стремились перебраться в города. Уходили учиться или служить в армию и обратно не приезжали. А возвращались такие, кто не мог нигде найти себе применения. Или не хотел. Жил абы как и спивался к сорока годам. Если в 1939 г. доля крестьян составляла 47—48% советского народа, то к 1979 г. она упала до 15%. Правда, Брежнев уделял очень большое внимание сельскому хозяйству. Для его развития выделялись значительные средства из бюджета. Но к качественным сдвигам в лучшую сторону это не привело. Просто деревня приучалась жить за счет государственных дотаций. И за счет внешней поддержки — на уборку урожая присылали солдат, студентов, интеллигенцию, срывали рабочих с предприятий (с сохранением окладов). Каждую «страду» на село мобилизовывалось 20% всех взрослых жителей СССР!

Но разрушение сельского хозяйства и урбанизация вызывали другие побочные явления. Раньше деревня с многодетными семьями являлась своего рода «инкубатором» страны, главным источником прироста населения. Теперь этот источник иссяк. А квартирный вопрос в городах, низкие заработки интеллигенции вели к снижению рождаемости. Впрочем, нет, сваливать все на жизненные условия было бы совсем некорректно. В послевоенные годы они были гораздо хуже, но на тысячу человек населения рождалось 15—17 детей в год. Эта цифра упала чуть ли не вдвое. Сказывалась и общая бездуховность. Сказывались потуги «быть современными», «культурно пожить» самим, женская эмансипация, пьянство.росло количество аборт, разводов. Прирост населения обеспечивался в основном за счет народов Средней Азии, Кавказа, Закавказья, где он был в 2—3 раза выше общесоюзного

А при таком положении и приток молодежи в производство неуклонно падал. Хотя в Советском Союзе до сего времени развитие экономики было экстенсивным. Повышение выпуска продукции достигалось в основном за счет строительства новых предприятий. Из-за нехватки кадров этот путь становился невозможным. Даже и на тех предприятиях, которые уже действовали, количество свободных рабочих

мест достигло 12 млн. Началось и постепенное, но неуклонное сокращение обрабатываемых земель...

Однако никаких радикальных решений, чтобы предостеречь эти проблемы, не принималось. И они продолжали накапливаться, дополнять друг друга, усугубляться. Все руководство страны состояло из деятелей того же поколения, что сам Брежнев. Это были выдвиженцы 1930-х. Они достигли высших постов в Политбюро и правительстве уже в солидном возрасте — и продолжали стареть в обретенных креслах. Поэтому склонности к каким-либо резким поворотам не испытывали. По сути, при Брежневе наконец-то исполнились мечты советской номенклатуры. Только теперь она обрела возможность спокойно жить, в полной мере наслаждаясь достигнутой властью, привилегиями и почетом. Смена руководящих деятелей затормозилась. Высшие посты становились пожизненными, а медицинское обеспечение у таких начальников было превосходным, поэтому жили они подолгу. Естественно, старались продвинуть своих детей, внуков. И партийно-государственная верхушка превратилась в почти замкнутую касту, недоступную для проникновения посторонних. Жила в особом мире спецснабжения, спецмагазинов, спецполиклиник, элитных учебных заведений.

Брежневское правление полностью отвечало чаяниям этой верхушки. Было консервативным, предсказуемым, избегало любых встрясок и ломок. Конечно, не обходилось без интриг и «придворной» борьбы. Но и эта борьба отныне протекала тихо, кулуарно. Сперва оттеснили от рычагов управления Подгорного. Потом Брежнев отодвинул и затер Косыгина. Но такие «баталии» даже не выносились на съезды и пленумы, не сопровождались никакими громами и молниями на головы побежденных, перетряхиваниями аппарата. Проигравших просто переводили на менее значимые должности. Или отправляли на пенсии «по состоянию здоровья», не лишая ни привилегий, ни наград.

Партийные съезды превратились в сугубо парадные мероприятия. Заслушивались длинные отчетные доклады, похожие на доклады предыдущих съездов и никому по большому счету не интересные. Планы пятилеток объявлялись выполненными и слегка перевыполненными. Принимались следую-

ние. Съезды единогласно голосовали «за», избирая руководство, предложенное этим же самым руководством. А когда по построенным нефтепроводам и газопроводам за границу потекли советские нефть и газ, оплачиваясь миллиардами нефтедолларов», начатые были преобразования экономики и вовсе заглохли. Острая нужда в них отпала, а без реформ было спокойнее. Дальше Брежнев и его коллеги поплыли по инерции. Идет как идет.

Правда, многие факты позволяют утверждать, что и в это время осуществлялись влияния отнюдь не безобидные, закладывались и готовились «мины замедленного действия». Автор этих строк, будучи школьником, в конце 1960-х переехал в Эстонию. И впечатления о том, насколько жизнь в Прибалтике отличалась от России или Украины, были разительными. В то время в российских школах велась усиленная антирелигиозная пропаганда, устраивались соответствующие уроки, просмотры фильмов. А там открыто действовали кирхи, юлельные дома сектантов. В школах многие мальчики и девочки ходили без «октябрятских» звездочек или пионерских алстуксов. Все знали, что они баптисты или адвентисты, но то никого не смущало, никаких проработок и нареканий не вызывало. Считалось в порядке вещей.

В сфере торговли, мелкого производства царил подлинный «нэп». Существовала масса кооперативных предприятий, магазинов. Эстонии была оставлена свободная связь с «родственной» Финляндией, кооператоры завозили оттуда товары, дефицитные в СССР, и перепродавали. Чтобы покупать их, любой житель Эстонии мог вступить в кооператив, платил небольшие взносы — и пожалуйста, приобретай. Действовали разные модели сельского хозяйства. И оно было не убыточным, а прибыльным! Колхозы имели почти полную самостоятельность. При уборке картошки каждое утро к городскому рынку десятки окрестных колхозов присылали свои автобусы, вывешивали расценки, нанимая на день рабочую силу. Прием хорошо платили. Даже заводские рабочие брали в этот период отпуска за свой счет, подзаработать на картошке оказывалось для них выгодно!

А вот на Россию подобные модели почему-то не распространялись. И сейчас, задним числом, начинаешь осознавать,

что для Прибалтики *кто-то* уже создавал «особые условия», готовя почву к ее отделению. Позволял местным жителям осознавать свою «особенность», отличия от русских. Облегчал им грядущий переход к рыночным отношениям. В Прибалтике бросалась в глаза и масса клубов, общественных организаций — от хоровых обществ, студенческих корпораций, до клубов филателистов, шахматистов и т.п. Все они кем-то финансировались, имели свои помещения. Впоследствии эти организации станут готовой основой партий и «народных фронтов». А в те времена национализм, конечно, открыто не пропагандировался, но он и не преследовался. Услышать националистические высказывания можно было нередко, и никакой фактической ответственности это не влекло. В 1968 г., во время событий в Чехословакии, имели место и открытые антисоветские акции. Расклеивались листовки, на заборах писались лозунги вроде «янки, убирайтесь за Чудское озеро» — и автору известны случаи, когда эстонские милиция и прокуратура покрывали виновных.

Многие «особенности» сохранялись и в республиках Закавказья, Средней Азии. В частности, и здесь не было религиозных преследований. Действовали мечети, в Армении и Грузии — христианские храмы. Даже партийные работники были крещеными и крестили своих детей, за что в России, на Украине, в Белоруссии любой поплатился бы партбилетом. Сохранялись здесь и возможности личного обогащения — путем вполне легальной продажи государству мандаринов, винограда, фруктов, шерсти по высоким ценам. Представители южных республик вели выгодную торговлю на русских рынках, расширяли сети своего влияния, организовывали системы переправки товаров. Это оказывалось возможно. И накапливались состояния, капиталы, которые пригодятся в будущем. А вот русские со своими товарами на закавказские и среднеазиатские базары почему-то не ездили...

А в Ферганской долине существовал некий «независимый» центр ислама. Действовали особые мечети, особые школы, не пойми откуда появлялись улемы, становились наставниками учеников. И этот «независимый» центр не подчинялся духовному управлению муфтия в Ташкенте! Функционировал сам по себе. Причем он оказывался неподконтрольным и для

местных властей, которые в его деятельность не лезли и не пытались вмешиваться. Откуда-то знали, что «нельзя». Но и Москва подобной деятельности «не замечала». Стоит ли удивляться, что после развала СССР в Ферганской долине возникнет мощный очаг исламизма?...

Словом, для разных регионов и разных национальностей политика партии и правительства получалась весьма не одинаковой и, можно сказать, «своеобразной». Но при всем при том характерной чертой эпохи оставались строгие установки «партийности». Именно в это время идеолог М.А. Суслов стал полновластным «серым кардиналом». Ведь в условиях нарастающих трудностей, отсутствия ясных целей и перспектив идеология признавалась главным средством, способным цементировать народ, сохранить его единство, мобилизовать на те или иные задачи. В новой, «брежневской» конституции, принятой в 1977 г., впервые законодательно определялась роль партии как «руководящей и направляющей силы», «политического ядра общества» — даже в «сталинской» конституции таких определений не было.

Укрепление «партийности» осуществлялось и путем значительного роста партии. Вступление в нее было весьма желательным для карьеры, для повышения авторитета, общественного статуса. И если в 1952 г. в ее рядах стояло около 7 млн. человек, то к 1980-м гг. коммунистов насчитывалось уже более 18 млн. Считалось, что эти миллионы станут проводниками партийной линии в народе, помогут воодушевлять и регулировать его. Но в действительности такой рост вел к обратным результатам. К девальвации статуса коммуниста. Членство в КПСС становилось в значительной мере формальным, означало лишь обязанности платить взносы и просиживать на партсобраниях. Но вдобавок люди-то были не глупыми. Участвовали в тех же партийных мероприятиях, слушали доклады и отчеты, изучали спущенные им документы съездов. И убеждались, что они совершенно не соответствуют настоящей жизни. Поэтому приучались жить с «двойной моралью», на собраниях говорить одно, а дома и с товарищами — другое.

В особенно широких и навязчивых формах идеологическая пропаганда насаждалась в армии — все стены обвешивали

вались наглядной агитацией, массу времени занимали политбеседы, политинформации, партийные и комсомольские мероприятия, занятия в системах марксистско-ленинской подготовки, конспектирования «первоисточников», каждого из многочисленных выступлений Брежнева, материалов съездов и пленумов. Предполагалось, что такая обработка сделает из военных убежденных защитников коммунизма. А на самом деле эффект был противоположным.

В рамках укрепления «партийности» возобновились и гонения на Православие. Но возобновились на этот раз без шума, без масштабных кампаний. Закрывался то один храм или монастырь, то другой. А при этом Церковь решили окончательно «задушить» — давлением по двум направлениям. Чтобы, с одной стороны, через несколько десятилетий не осталось священников. А, с другой, не осталось паствы. Для этого митрополиты получили запрет рукополагать новых епископов (а умрут существующие епископы, вот и некому будет рукополагать священников). И от Церкви принялись решительно отделять молодежь. Широко применялась статья «вовлечение несовершеннолетних в религиозную деятельность». Если родители воспитывают ребенка в православных традициях — вот уже и преступление. За это лишали родительских прав, могли посадить. Наказания обрушивались и на священников, если в храмы приходили дети, исповедовались, причащались.

Продолжались и тайные убийства священнослужителей. Так погибли священники Горгула, Котик и десятки других. Ну а попытки противодействовать антицерковной политике влекли репрессии. По обвинению в антисоветской деятельности был привлечен к ответственности о. Дмитрий (Дудко). В 1980 г. прошел политический процесс по делу о созданном было Христианском комитете защиты прав верующих. Один из подсудимых, о. Глеб (Якунин), в своем последнем слове сказал: «Благодарю Бога за ту судьбу, которую Он мне подарил».

Однако попытки подменить Веру идеологией оказывались все менее результативными. За «идеалы» прошлого еще получалось держаться. А вот в настоящем эти «идеалы» все чаще подводили. Например, Хрущев сдуру наобещал, что через двадцать лет советские люди будут жить при коммунизме. Но уже вскоре стала очевидной полная несбыточность

подобных утопий. И по мере приближения срока, названного Никитой Сергеевичем, идеологам пришлось крепко положить голову, как же выйти из положения? Чтобы и с народом объясниться, и не расписываться в провале прежних планов. Впрочем, не только планов, но и марксизма в целом — напомним, по его положениям предстояло отмереть и государству, и товарно-денежным отношениям, и институту семьи и брака и еще много чему. А советские лидеры и номенклатура отказывались от государственной власти, денег и семей никак не собирались.

Выходом стала концепция о построении в СССР «развитого социализма». Который, дескать, является переходным этапом на пути от социализма к коммунизму. В конституции 1977 г. давались определения «развитого социализма». Указывалось, что государство «выполнило задачи диктатуры пролетариата, стало общенародным», что в нем создана «новая историческая общность — советский народ». Что возникло «общество высокой организованности, идейности, и сознательности трудящихся... законом жизни которого является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех».

Возможно, идеологи считали свое изобретение высоким достижением теоретической мысли, но в народе его восприняли более трезво и верно. Как обычное словоблудие. Тем более что даже и с «развитым социализмом» не все ладилось. Если это переходный этап, следовательно, за ним должен был наступить долгожданный коммунизм. Когда? И вскоре последовали разъяснения — мол, этап «развитого социализма» будет длительным. А потом последовали еще более многозначительные указания, что «совершенствование развитого социализма» является «главной задачей на обозримое будущее».

То есть, выходило, что строили-строили коммунизм, а вместо него построили никому не понятный развитой социализм. А теперь его еще и предстояло «совершенствовать» до бесконечности. Таким образом рассеивались последние иллюзии о коммунизме, «рае земном», ради которого приносились все жертвы, терпелись лишения... Но ведь и альтернативы люди не знали и не видели. На долгом пути к недостижимому коммунизму они потеряли эту альтернативу. И разочарование вело к апатии, равнодушию, духовной пус-

тоте... Опять, уже в который раз, прежние идеалы рушились, а новых не было.

Ну а в дополнение ко всему, начал вдруг раскручиваться культ личности самого Брежнева. Совсем не похожий на сталинский и даже на хрущевский. Культ уродливый, карикатурный. Первое лицо государства осыпалось наградами сверх всякой меры. Семь орденов Ленина, пять звезд Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда, Золотая Звезда им. Карла Маркса (за «исключительный вклад в развитие марксистско-ленинской теории»), высший полководческий орден Победы, звание Маршала Советского Союза, Ленинская премия мира. Три книжонки, написанные от лица Брежнева, «Малая земля», «Возрождение» и «Целина» вышли тиражами более 15 млн. экземпляров каждая, изучались по всей стране, и за них генсеку была присвоена Ленинская премия в области литературы...

Наверное, дряхлеющий, тяжело больной и впадающий в маразм Леонид Ильич искренне радовался этим почестям, считал их заслуженными. Он отнюдь не был ни диктатором, ни злодеем, ни авантюристом. Когда-то он и впрямь многое сделал для Советского Союза. А теперь почивал «на лаврах». Любил комфорт, покой, тихие семейные радости. Он, конечно же, хотел, чтобы и страна жила лучше. И верил, что народ тоже радуется его очередным наградам — значит, действительно стал лучше жить, поэтому и славит его... Но те, кто окружал Брежнева, кто организовывал вакханалию награждений, разве не могли не понимать, насколько она безобразна? Разве не могли не понимать, что она способна вызвать только смех и порождать анекдоты? Вот уж вряд ли. Не понять столь очевидных вещей было невозможно. А в результате целенаправленно подрывался авторитет верховной власти. Не просто авторитет, а всякое уважение к ней...

В общем, вывод напрашивается очевидный. После слишком уж опасных выходов Хрущева для «мировой закулисы» оказался предпочтительнее вариант, чтобы Советское государство постепенно разваливалось и загибалось само. Но при этом можно только подивиться тому колоссальному потенциалу и запасу прочности, которые были созданы при Ста-

лине и в первые годы после него. Даже хрущевских «реформ» оказалось недостаточно, чтобы сокрушить страну. И для дальнейшего ее ослабления и разваливания понадобилось еще четверть века!

ЗИГЗАГИ И ОБМАНЫ РАЗРЯДКИ

В своем противостоянии с Западом Советский Союз действовал очень даже успешно. На Ближнем Востоке он поставлял военную технику арабским государствам, и им удавалось крепко осаживать израильтян и их заокеанских опекунов. Благодаря советской помощи Вьетнаму американцы там крупно завязли, несли ощутимые потери. Чтобы вести войну с вьетнамскими коммунистами, США пришлось направить туда 550 тыс. своих солдат! Из них 58 тыс. домой не вернулись. Еще больше было ранено и искалечено.

А вдобавок и в самих США покатались политические кризисы. Сперва передрались разные группировки «закулисы», что обернулось убийством президента Кеннеди. Развернулась борьба негров за свои права — выставляя себя защитницей мировой «демократии», Америка все еще сохраняла расовое неравенство (впрочем, западные понятия «демократии» были весьма условными и в других государствах — например, Франция предоставила избирательное право женщинам только в 1944 г., а Швейцария — в 1971 г.). Ну а на все это как раз и наложилось недовольство американцев войной во Вьетнаме. И Штаты протрясло так, что мало не покажется. А войну они позорнейшим образом проиграли, вынуждены были убираться из Индокитая, бросив и своих южновьетнамских союзников, и склады имущества, и массу вооружения.

Советскому Союзу ценой огромных затрат и усилий удалось выправить плачевное состояние вооруженных сил, в котором они оказались при Хрущеве. В 1960-х гг. был достигнут паритет с НАТО в ядерном и ракетном оружии, создана великоколесная авиация. Восстановилась и возросла боеготовность флота. Могучие советские эскадры бороздили океаны, появляясь у берегов Африки, Азии, Ближнего Востока и одним своим присутствием внося «коррективы» в политическую об-

становку в этих регионах. При советской поддержке активно действовали кубинцы. Победила революция в Никарагуа (где поучаствовали не только кубинцы, но и, неофициально, наши спецназовцы). За Никарагуа последовал Сальвадор. Бравые кубинцы (опять же, при участии советских спецназовцев) одну за другой освобождали страны Африки — Анголу, Мозамбик. Русские, помогая дружественным правительствам, установили контроль в Эфиопии, Южном Йемене...

Но неладно было внутри социалистического лагеря. С Китаем, прежде главным стратегическим партнером Сталина, дошло до открытой конфронтации. В 1969 г. разгорелись бои за остров Даманский, где погибло более тысячи человек. Началась и китайско-вьетнамская война — остановила ее лишь угроза Советского Союза выполнить свой союзный долг по отношению к Вьетнаму. И китайцы принялись налаживать дружбу с США.

Западные спецслужбы и «оборотни» в руководстве стран не прекращали и попыток воздействовать на союзников СССР в Восточной Европе. За одной диверсией следовали другая, третья... Обыгрывались разные факторы, опробовались разные сценарии. Так, после восстания в Венгрии, советское руководство пошло на послабления в этой стране, ей были даны значительные экономические свободы, в первую очередь выделялись кредиты и поставки. И Венгрия расцвела, жила богато, купаясь в изобилии. Но «венгерскому социализму» завидовали чехи, поляки. Это и было использовано.

В Чехословакии впервые был опробован вариант грядущих «бархатных революций» — вроде как без крови, без насилия. В 1967—1968 гг. началось «свободолюбивое» движение интеллигенции, выступления и демонстрации студентов. И верхушка чешских коммунистов во главе с Дубчеком соглашалась на «демократические» реформы. Но первую «бархатную» быстро и решительно пресекли — пять государств Варшавского Договора ввели в Чехословакию войска, сменили ее правительство и партийное руководство. Кстати, главной сторонницей силовых действий выступила не Россия, а ГДР, опасавшаяся, что пример чехов окажется заразным, и что они откроют свою границу с ФРГ. И войсковые контингенты ГДР проявили себя жестко, на малейшую провокацию отве-

чая огнем — в отличие от наших солдат, которым стрелять было категорически запрещено, и десятки русских парней отдали свои жизни, так и не нарушив приказ. Но в плане международной политики провокация вполне удалась. Мировые средства массовой информации охаяли именно СССР, выставив русских оккупантами и «палачами свобод».

Но ведь и для чехов наряду с вводом войск пришлось идти на уступки, обеспечивать более либеральный режим, материальный достаток. А это давало возможность взбудоражить их соседей-поляков — уже в 1970 г. Но антисоветские силы подготовились получше, чешский опыт учли. В Польше центр оппозиции сформировали не внутри правящей партии, которую могут регулировать русские, а вне ее. Возник так называемый «независимый профсоюз» «Солидарность». И, между прочим, важную роль при его создании сыграли международные структуры IV (троцкистского) Интернационала. Они все еще существовали — и теперь наконец-то потребовались. В хорошем хозяйстве ничего не пропадет...

В 1980 г. в Польше начались «мирные» волнения, дело оказалось прекрасно подготовлено и отрежиссировано. Вся страна мгновенно, в считанные дни покрылась сетью организаций «Солидарности». Теперь ввод союзных войск был чреват организацией сопротивления и слишком большой кровью. Но польское руководство заверило, что само наведет порядок, и была установлена военная диктатура Ярузельского. Тем не менее «мировая общественность» снова дружно охаяла Советский Союз. А польская оппозиция никуда не делась, она лишь получила команду «отбой», прекратила активные действия и притаилась, ожидая своего часа. Словом, Запад раз за разом бил по «слабым звеньям», по окраинам социалистической системы, еще не разрушая, но раскачивая ее.

В свою очередь, и СССР силился воздействовать «изнутри» на страны западного лагеря. Но у него успехи были куда скромнее. Потому что сами механизмы воздействия изменились и деградировали. В 1920-х Коминтерн представлял собой реальную силу, в 1930-х Сталин фактически превратил зарубежные компартии в своих наемников — платил им только за безусловную поддержку нашей страны вплоть до разведки и готовности стать «пятой колонной». Но настали другие вре-

мена, и этими вопросами занимался Суслов. В партийных архивах сохранилось множество расписок, которые давали ему лично Пальмиро Тольятти, Долорес Ибаррури и прочая подобная публика — расписок на получение сотен тысяч и миллионов долларов! Однако никакой адекватной отдачей даже не пахло. Вместо этого западные компартии начали перенацеливаться на модели «еврокоммунизма». То бишь становились обычными парламентскими партиями, претендуя лишь на депутатские места в парламентах и портфели в правительствах. И советские средства утекали за рубеж впустую, шли на содержание чужих партийных аппаратов, на издание их газет, на их предвыборные кампании.

После снятия Хрущева не прекратилась и утечка российских денег в страны третьего мира. Наоборот, подобная «помощь» принимала характер непонятной, слепой самоцели. В 1960-х гг. Индия на 15% удовлетворяла свои потребности по развитию экономики из бюджета СССР, а Египет — аж на 50%. Естественно, это привлекало все новых «друзей». Едва какой-нибудь режим объявлял себя «антиимпериалистическим», его тут же начинали щедро кормить. И если даже не оправдывал надежд, все равно кормили — а то как бы не переметнулся в противоположный лагерь.

Тактика американцев в данном плане была куда более выгодной. В мировом противостоянии они тоже поддерживали кого угодно — и диктаторов, и авантюристов, и прогнившие коррумпированные правительства. Лишь бы были антикоммунистическими — или даже пусть коммунистическими, но антисоветскими. Тоже помогали специалистами, военными инструкторами, оружием. Поощряли займами Международного валютного фонда. Но при этом привязывали таких партнеров долгами, влезали в их экономику, подминали промышленность и финансы. А слишком уж скандальное правительство потом можно было заменить.

В «освободившихся» странах выползали на свет и успешно играли на мировом противостоянии вообще жуткие монстры. Возникали кровавые режимы Бокассы в Центральной Африке, Масиаса в Экваториальной Гвинее. Или, допустим, Иди Амина в Уганде, который истребил полмиллиона подданных, признал старинной доброй африканской традицией лю-

доедство, с аппетитом поглощал политических противников, умерщвлял и кушал собственных жен из необозримого гарема. Но при этом был председателем Организации Африканского Единства, людоедскую руку не брезговали пожимать папа римский, генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм. Запад не объявлял ему никаких эмбарго, покупал кофе и бананы, поставлял товары, в том числе оружие. И Советский Союз поставлял. А то как бы не принял сторону «империалистов».

Китай взял под покровительство и подпитывал «революционера» Пол Пота, залившего кровью Камбоджу. А США, хоть и не имели дела с самим убийцей, но налаживали взаимоотношения с китайцами. И американская поддержка Пол Пота потекла через посредничество Пекина. Потому что в войне с Камбоджей увяз Вьетнам, и главная просоветская сила в Юго-Восточной Азии оказалась нейтрализованной.

Но наряду с противостоянием с середины 1960-х начали проявляться совсем другие тенденции. Запад вдруг стал смягчать свои позиции, выражать готовность к диалогу, соглашаться на уступки, которые прежде упрямо отвергал. Причины этого, в общем-то, очевидны. Противоборство становилось слишком обременительным для западных держав. Поджигаемые в ходе борьбы революционные процессы могли оказаться непредсказуемыми, выйти из-под контроля. Опять, же, Советский Союз сумел достичь ракетно-ядерного паритета. А паритет получился на таком уровне, что ничтожной доли созданного оружия хватило бы для гибели всего населения Земли. Ну а с другой стороны, поворот к диалогу сулил новые выгоды, новые выигрышные ходы.

Первые предпосылки к такому повороту сделала Франция, которая неожиданно вышла из военной организации НАТО. Советская пропаганда тут же заговорила о «расколе империалистического лагеря». Президенту де Голлю в Москве была устроена триумфальная встреча. Франция признавалась чуть ли не лучшим другом и партнером. С ней подписывались договоры и соглашения. На самом деле никакого «раскола» не случилось. Франция, за исключением некоторых частных разногласий, осталась в едином строю врагов России. Но она получила огромные преимущества перед другими западными

странами, открыв себе доступ на советские рынки, выгодно покупая советские энергоносители и сырье.

Вслед за Францией потянулась и Западная Германия. Канцлер Вилли Брандт согласился признать ГДР, особый статус Западного Берлина, западные границы Польши по Одеру-Нейсе. И тоже стал лучшим другом, а ФРГ — желанным торговым партнером. Кстати, стоит подчеркнуть «совпадение». Все эти изменения курса западных держав произошли как раз в то время, когда был построен нефтепровод «Дружба», предназначенный вроде бы для социалистических стран. Но теперь оказалось достаточно прокинуть трубы чуть дальше — и качай на Запад...

Завязался и диалог с США, в 1972 г. в Москву пожаловал президент Никсон (после визита в Китай). А в 1973 г. человечество порадовали, провозгласив «разрядку», в Хельсинки открылось Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заседали до 1975 г. Договорились о неприменении силы в международных делах, о решении конфликтов мирным путем. Западные державы признали нерушимость послевоенных границ — то есть, то, чего 20 лет безуспешно добивался СССР. И в Москве это считали крупнейшим успехом. Ну а расплатиться за это пришлось, казалось бы, пустяком. Согласиться, чтобы в итоговые документы был включен пункт о соблюдении «Декларации прав человека». В результате совещания была создана пресловутая ОБСЕ... Хотя пройдет немного времени, и нерушимость границ, признание ГДР, неприменение силы окажется очень легко перечеркнуть. Зато ОБСЕ начнет лезть в дела России, тыкать ее носом и регулировать этими самыми «правами человека».

Да и «разрядка» получилась очень недолгой. По сути, Советский Союз просто шельмовали, и пошло дергание туда-сюда. Велись переговоры об ограничении стратегических ракет, заключалось соглашение ОСВ-1, готовилось ОСВ-2. Но тут же после этого США начали наращивать количество ракет среднего радиуса действия, крылатых ракет — и размещать их в странах, откуда они могли достичь территории СССР. Соответственно, и Москва делала ответные шаги. Принималась изготавливать и выдвигать в Восточную Европу свои ракеты среднего радиуса действия.

Или заключались соглашения по ограничению систем противоракетной обороны. Но сразу после этого Америка приняла программу «Стратегической оборонной инициативы» — «звездных войн». В общем, Советский Союз преднамеренно втягивали во все новые и новые витки гонки вооружений. И не количественные, а качественные. США и их союзники располагали неоспоримым преимуществом промышленного и финансового потенциала, поэтому целенаправленно навязывали «соревнование» как раз в наукоемких, все более дорогостоящих областях. Пока наша страна не надорвется.

Кстати, в то время мне, будучи офицером, доводилось знакомиться с некоторыми подборками советских разведданных — такими, где приводились данные американской разведки о нашей военной технике и ее разработках. Так вот, тактико-технические характеристики и боевые возможности советских систем вооружения там чаще всего завышались. И порой завышались умопомрачительно. Чтобы посильнее застрашать свой конгресс и получить побольше ассигнований на собственные разработки. Со всех сторон выгодно получалось. СССР разоряли, а западные компании гребли на гонке вооружений сверхприбыли.

Американцы расквитались и за Вьетнам — через махинации своих спецслужб и «оборотней» в советском руководстве сумели втянуть нашу страну в такую же трудную и затяжную войну в Афганистане (а сами поддерживали талибов, которых впоследствии объявят врагами и против которых проводят войсковую операцию, чтобы поставить Афганистан под свой контроль).

Но вдобавок «разрядка» открыла шлюзы для весьма выгодной торговли с СССР, и последующие шатания от «потеплений» к «похолоданиям» ничуть ей не мешали! А торговля-то стала весьма своеобразной. Советская промышленность угасала, конкурентоспособных товаров не производила. Качественным было только оружие, но оно поставлялось «друзьям» и союзникам, которые далеко не всегда могли расплатиться (да от них не всегда и требовали). А на Запад все шире текла русская нефть. Конечно, такой же торговлей жили арабские страны и очень богатели на ней. Но Советскому Союзу при-

ходилось разбазаривать миллиарды «нефтедолларов» на тех же «друзей», на военные программы.

А собственная экономика продолжала разваливаться. Материальная база промышленности безнадежно отставала от развитых стран — в эпоху всеобщей автоматизации вручную трудились 40% работников промышленности, 60% в строительстве, 75% в сельском хозяйстве. Если в 1960-х произошло заметное повышение уровня жизни народа, то в 1970-х оно стало резко ухудшаться. Страна откатилась на 77-е место в мире по уровню потребления. Поползли вверх цены. Товары ширпотреба становились дефицитом, а то барахло, что лежало на прилавках, покупать не рекомендовалось. За автомобилями по несколько лет стояли в очередях. Телевизоры, холодильники начали покупать по записи — да и то они были аварийными, отечественные телевизоры взрывались, вызывая пожары.

Все хуже становилось и с продовольствием. В столовых по четвергам вводились «рыбные дни». А в магазинах появлялись прежде невиданные виды рыбы, которые в старых справочниках и поваренных книгах числились несъедобными. Негласно установилось снабжение городов по разным категориям — удовлетворительное только в столицах. И возникло явление «колбасных поездов», когда жители соседних областей наезжали с рюкзаками в Москву, Ленинград, Киев заготавливать продуктами. Вспоминается и то, как после падежа скота в Калмыкии — из-за недостатка корма, в Северокавказском военном округе *в офицерских* столовых подавали «баранину холодного убоя», т.е. дохлятину...

А престарелое правительство, имея приток «нефтедолларов», пошло по простейшему пути — по пути, так сказать, «наименьшего сопротивления». Принялось решать проблемы с помощью импорта. Советский рынок начали завоевывать иностранные товары. И люди гонялись за зарубежными качественными кофточками, колготками, ботинками, бытовой техникой. Даже импортная мебель стала вытеснять отечественную. А российская промышленность сбыта не находила, переводила впустую сырье и поддерживалась, опять же, за счет дотаций. Но и для реконструкции своих предприятий брежневское руководство выбрало тот же путь. Разработки отече-

ственных НИИ оставались не реализованными, а за рубежом начали закупать оборудование, станки, автоматизированные линии и даже целые заводы.

То бишь, вернулись к практике 1920-х, когда Россия точно так же перекачивала золотовалютные запасы в сейфы западных банкиров и промышленников. Но в те времена она имела огромные резервы человеческих ресурсов — и моральных тоже. Теперь их не было. Тогда фундаментом была сама земля, сельское хозяйство. Теперь и оно на ладан дышало. И продовольственные проблемы также решались за счет импорта. Если торговый оборот с Западной Европой вырос в 1970-е гг. в 5 раз, то с США — в 8 раз. Америка даже признала Советский Союз приоритетным партнером! Несмотря на то, что при этом по-прежнему существовал обширный перечень товаров, запрещенных к продаже в СССР. А «разрешенным» было зерно. Хрущев начал с закупки 12 млн. т. При Брежневе покупали уже по 40 млн. т. в год. На миллиарды «нефтедолларов».

Впрочем, Леонид Ильич не оставлял попыток реанимировать сельское хозяйство. Создавались «агропромышленные комплексы», принимались «продовольственные программы», на них выделялись гигантские средства. Но реально ничего не менялось, и до села не доходило почти ничего. Часть средств растекалась по институтам и руководящим органам, занятым разработками этих программ. Часть уходила на строительство объектов, далеко не всегда нужных — абы только выделенные деньги не пропали. А многое попросту разворовывалось.

Воровство стало еще одной серьезнейшей проблемой советской жизни. Да оно и немудрено. Сказывались последствия слома православной морали, а попытки заменить ее суррогатами наподобие «Морального кодекса строителя коммунизма» успеха не имели. И едва только исчезли сталинские строгости, воровство приняло такие размеры, что уже при Хрущеве, в 1961 г., пришлось опять принимать суровые законы об экономических преступлениях. Наказания за хищения в особо крупных размерах предусматривались вплоть до смертной казни, и за два первых года действия закона расстреляли 160 человек.

Но постепенно подход стал меняться. Потому что в спокойную брежневскую эпоху в областях, республиках, да и в столице стали укрепляться «феодалные княжества». Партийные и государственные боссы полновластно распоряжались в своих «вотчинах», покровительствовали друг другу, переплетались коррупцией. И не прочь были извлечь дополнительные прибыли из своего положения. Под их эгидой пристраивались «специалисты», умеющие делать навар на строительстве, на фондах, выделенных для промышленности и сельского хозяйства. Воры и жулики находили «выходы» на ответственных чиновников, чтобы «подмазывать» их в обмен на безопасность.

И советские правоохранительные органы привлекали к ответственности всякую «мелочь» или тех, кого определяли «крайними». А высокопоставленные лица и связанные с ними группировки оказывались неприкосновенными. Стали возникать целые отрасли «теневой экономики», перепродающей дефициты, изготавливающей «левую» продукцию из государственного сырья, часто и на государственном оборудовании. По неофициальным оценкам, к середине 1980-х в сфере «теневой экономики» было задействовано или как-то причастно к ней до 15 млн. человек![94]

Государство разъедалось. А контакты с Западом расширялись. Теперь в Советский Союз десятками тысяч стали приезжать иностранные туристы. Одна за другой жаловали в гости культурные, общественные, политические делегации. Во множестве поехали из-за рубежа специалисты по монтажу закупленных заводов и станков. В связи с увеличением объемов торговли прибывали делегации деловых кругов, в Москве обосновывались представительства иностранных фирм. А для облегчения расчетов в нашей стране открылись первые американские банки. Так же, как перед Февральской революцией.

НА ПУТИ К НОВОЙ КАТАСТРОФЕ

В XIX — начале XX в. Запад в своих операциях по раскачке России действовал в нескольких направлениях. Во-первых, шло воздействие на молодых аристократов, детей вельмож

и государственных деятелей. Чтобы они, заняв места отцов в структурах власти, проводили соответствующую политику. Во-вторых, западными влияниями заражалась интеллигенция, «мозг нации», хранительница и производительница ее культуры. В-третьих, внутри России поддерживались оппозиционные организации самого различного толка. В-четвертых, создавались революционные центры за границей. Во второй половине XX в. раскачка СССР велась по тем же схемам.

Вместо аристократов благодатной почвой для обработки становились дети номенклатуры. Уж они-то ни в коей мере не верили лозунгам и идеалам коммунизма, поскольку сами росли на «кухне», где эти лозунги стряпались. Росли, избаловавшись и зажавшись. Но хотели большего. Что толку иметь все, если пользоваться этим можно лишь «за закрытыми дверями», в своем кругу? А вне его требуется соблюдать массу условностей? Эта молодежь читала литературу, смотрела фильмы, недоступные для других современников. Бывала за границей, что тоже было доступно далеко не каждому. И завидовала западному материальному уровню, образу жизни.

Известный писатель В. Карпец вспоминает, что во время событий в Чехословакии все его одноклассники были на стороне чехов, и ставит себе в заслугу, что он один сочувствовал «нашим». Ваш покорный слуга в это же время учился в школе, но все мои одноклассники были, естественно, «за наших». А любого, кто осмелился бы объявить себя предателем, без всякого сомнения, крепко отмутузили бы. Но разница заключается в том, что Карпец учился в элитной школе. Для очень-очень «избранных». Для таких, кто потом попадал в высшие партшколы, институты международных отношений и прочие «аристократические» учебные заведения. И в 1980-х как раз они и им подобные составили поколение молодых партийных функционеров, дипломатов, управленцев...

По-прежнему культивировалось в СССР и движение диссидентов. С 1965 г. член НТС Ю. Галансков с группой инакомыслящих взялся организовывать ежегодные демонстрации в День Конституции на Пушкинской площади. Правда, в 1967 г. посадили. Осудили на 7 лет и писателей А. Синявского и Ю. Даниэля, которые под псевдонимами публиковали свои произведения за границей. Но такие дела помогали активизиро-

вать других оппозиционеров — 63 члена Союза писателей и 200 присоединившихся обратились с письмом к XXIII съезду партии с просьбой освободить осужденных. Да и за рубежом стали возникать различные комитеты в защиту инакомыслящих в СССР, проводились демонстрации, пикеты.

На самом деле диссидентов было всего несколько тысяч (а активных несколько сот). И в СССР о них почти никто и не знал. Но они действовали как раз для того, чтобы раздуть шум вокруг себя, а ориентировались на границу. Когда в августе 1968 г. 8 человек устроили на Красной площади демонстрацию против ввода войск в Чехословакию, ну кого они могли сагитировать? Да их сразу же и повязали. А единственными зрителями стали собравшиеся заранее иностранные журналисты. Вот и получили материал. И из воспоминаний диссидентов, кучковавшихся вокруг Сахарова, видно, что у них тоже единственным методом «борьбы» было — «Собираем пресс-конференцию!» То бишь звали нескольких зарубежных журналистов, отиравшихся в Москве, и выкладывали им какой-нибудь негатив о советской действительности[130].

На это же нацеливались всевозможные «правозащитники». В 1968 г. Т. Ходорович, С. Ковалев, Т. Великанова начали издавать подпольную «Хронику текущих событий», собирая материалы о нарушениях «прав человека» в СССР. При этом создали законспирированную сеть информаторов. А когда на совещании в Хельсинки Советский Союз подписал обязательство соблюдать «Декларацию прав человека», этим тут же воспользовались. В 1976 г. в Москве возникла «Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР» во главе с Ю. Орловым, А. Щаранским, А. Амальриком, А. Гинзбургом. То бишь группа, взявшая на себя функцию проверять и доносить за границу, а как СССР будет соблюдать взятые на себя обязательства. Финансовая поддержка пошла через Гинзбурга, через «Российский фонд помощи политзаключенным»[130] — и как-то очень уж быстро возникли украинская, литовская, грузинская, армянская Хельсинкские группы, связанные с московской.

Настучать за границу — дальше этого не шло. Пусть хорошие дяди иностранцы помогут. Вообще в психологии диссидентов можно увидеть нечто болезненное, надломленное,

на уровне комплексов. В данном отношении выглядит характерным эпизод из мемуаров правозащитника Ю. Орлова, изданных в США. Он вспоминает, как в детстве проснулся ночью и увидел свою мать в объятиях постороннего мужчины. Эпизод ничуть не связан с сюжетом, с политической деятельностью автора. Он просто описывает, как был потрясен[130]. Допустимость выставить собственную мать голой на всеобщее обозрение и обсуждение (кстати, перед американским читателем) — как раз это в значительной мере оказывается приложимо ко всему правозащитному движению.

Хотя иностранцы с российскими диссидентами не особо церемонились, иногда откровенно подставляли их, если считали нужным. Так, в конце 1976 г. президент Картер и его советник Бжезинский решили вызвать очередное «охлаждение» в отношениях с СССР. Для этого Картер в нескольких выступлениях расхвалил советских правозащитников, пригласил к себе для беседы диссидента Буковского, отбил приветственную телеграмму Сахарову. Естественно, на КГБ это подействовало, как красная тряпка на быка. Тут же арестовали все Хельсинкские группы, а Сахарова выслали работать в Арзамас. Что и дало возможность Картеру раздуть антисоветскую кампанию и взбудоражить свою «общественность» против «тоталитаризма»[130, 170].

Точно так же, как во все прежние времена, Западом поддерживались националисты. И разные направления антисоветчины оказывались связаны друг с другом. Например, грузинскую Хельсинкскую группу возглавлял сепаратист, будущий диктатор З. Гамсахурдиа. Правозащитника Ю. Орлова одно время прятали бандеровцы — и рекомендовали друг другу: «Цэ *наш* москаль!» А вот от русских националистов диссиденты шарахались. Объявляли «черносотенцами», «провокаторами КГБ».

Из-за границы поддерживалась и религиозная оппозиция. Активную деятельность вели баптисты, пятидесятники, адвентисты, у них создавались даже подпольные типографии. Появились и диссиденты-православные. В «самиздате» ходили по рукам православные материалы, свидетельства, рассказы. Но истина в них часто переплеталась с ложью. И сами православные диссиденты в значительной мере отклонялись от

Веры в политику. Впрочем, нередко отходили и от Православной Церкви. Начинали считать ее «испорченной», раз патриархия восстановлена при Сталине, примыкали к сектам вроде «истинно-православных», к «катакомбным» священникам, служившим тайно, в частных домах.

Но и Церкви в условиях притеснений и гонений со стороны властей порой приходилось пользоваться «правозащитными» методами. Будущий святейший патриарх Алексей II, в то время епископ Таллинский, получив распоряжение закрыть Пюхтицкий монастырь и 36 приходов как «нерентабельные», затянул время, а потом пригласил иностранную делегацию — просто «в гости», свозил в монастырь, по храмам. И вопрос о закрытии был снят. Была и попытка ликвидировать Почаевскую лавру. Ее уже и закрыли, а монахов поочередно сажали в машины, отвозили километров за 100 и вручали паспорта с пропиской в других местах. Информацию довели до иностранцев, и президент Франции Жискар д'Эстен при встрече с Брежневым сказался об этом. Лавру оставили в покое. Однако от политики Церковь дистанцировалась, поэтому у диссидентов уважением не пользовалась.

Но в целом для работы по расшатыванию Советского Союза использовались деятели самого различного толка, хотя бы и патриотического. Скажем, было несколько писателей, прошедших через лагерь. Но, очевидно, самым подходящим показался Солженицын. Уже «раскрученный», рекламу ему создал сам Хрущев, расхвалив «Один день Ивана Денисовича». Писатель энергичный, увлекающийся, жаждущий бороться «за правду». Судя по всему, он ухватился за «Архипелаг ГУЛАГ» искренне. Но сам Солженицын указывает, что в сборе и подготовке материала ему помогали 227 человек[168]. И уж наверное, некоторые из них «помогли» целенаправленно. В результате получилась «бомба», где правда перемешалась с вещами, никакого отношения к правде не имевшими. А за границей немедленно подхватили, раздули, превознесли, отвалили Нобелевскую премию.

Кстати, вот что еще стоит отметить. С 1966 г. Советское правительство стало применять к инакомыслящим такую меру, как лишение гражданства и высылка за границу. Но удаивались этого не все. Причем, по странным «случай-

ностям» высылали как раз таких, кто оказывался *нужен* на Западе, кто мог там найти применение и использоваться для дальнейшей антисоветской работы — Солженицын, Бродский, Буковский... А остальных в Советском Союзе просто сажали, и они использовались Западом в другом качестве — для пропагандистских кампаний о «жертвах советского режима».

По мере ухудшения жизненных условий, банкротства программ коммунистической партии, в России начали появляться подпольные «марксистские», «ленинские» группировки — считавшие, что КПСС отошла от истинного курса. Но росла и численность структур НТС в Советском Союзе. Ширилось распространение материалов НТС среди советских граждан, посещавших другие страны. Если в 1968—1978 гг. среди них разошлось 230 тыс. газет, листовок, журналов, то в 1978—1988 гг. — 560 тыс.[122] И все это вместе приносило плоды. В ноябре 1972 г. КГБ и Генпрокуратура подали в ЦК записку о пресечении деятельности «националистических, ревизионистских и других группирований политически вредного характера». Отмечалось, что за 5 лет «выявлено 3096 таких группирований, профилактировано 13 602 человека, входящих в их состав... Подобные группы были вскрыты в Москве, Свердловске, Туле, Владимире, Омске, Казани, Тюмени, на Украине, в Латвии, Литве, Эстонии, Белоруссии, Молдавии, Казахстане и других местах»

Начали происходить и открытые эксцессы, теракты. В 1969 г. младший лейтенант В. Ильин покушался на Брежнева, стрелял из пистолета — правда, не в ту машину. Погиб водитель. В 1970 г. в Архангельске на праздничной демонстрации неизвестный ворвался на трибуну и открыл огонь из автомата. Несколько человек убил, многих ранил[63]. Один за другим следовали перелеты за рубеж советских пилотов. В 1975 г. на Балтфлоте произошло восстание на большом противолодочном корабле «Сторожевой». Капитан 3 ранга В. Саблин арестовал командира корабля и повел «Сторожевой» в нейтральные воды, чтобы по радио передать призыв к революции. А в 1973 г. группа армян произвела серию взрывов в московском метро, было много жертв. Но все это пока удавалось нейтрализовывать. Ильина отправили в дурдом, а двоим его сослуживцам за доноительство дали по 5 лет. «Сторожевой» под

угрозой потопления остановили, Саблина отдали под трибунал и приговорили к смерти. И КГБ в то время работал хорошо. Армян-террористов быстро поймали и расстреляли.

Запад целенаправленно создавал и новые направления антисоветской пропаганды. Допустим, обвинять Советский Союз в антисемитизме ну никак не получалось. Но когда США решили признать СССР приоритетным торговым партнером, сенатор Джексон внес поправку — чтобы наша страна за это разрешила евреям свободный выезд в Израиль[27]. Москва нуждалась в зерне и согласилась. И тут же пошел повальный выезд евреев за рубеж (причем вовсе не в Израиль, большинство оседало в Европе, норовило перемануть в США).

Но ведь большинство евреев принадлежало вовсе не к рабочим и колхозникам, а к интеллигенции. Многие работали в науке, оборонной промышленности, были допущены к тем или иным секретам. Им начали ставить препоны. Тут-то на Западе и завопили — антисемитизм! Власти СССР стали предъявлять требования, чтобы выезжающие евреи оплатили образование, полученное за государственный счет. Опять антисемитизм! Для евреев начали вводить ограничения при поступлении в вузы, связанные с «режимными» отраслями науки, при приеме на оборонные предприятия (а вдруг потом за границу захотят?) Снова антисемитизм! А заодно в Советском Союзе было создано оппозиционное движение евреев, которым отказывали в выезде.

А за рубежом стала складываться «третья эмиграция», не похожая ни на «первую», ни на «вторую». Она состояла из высланных диссидентов, перебежчиков. Из тех, кто выехал легально. И из туристов, артистов, детелей культуры, участников всевозможных конференций и делегаций, не желавших возвращаться на родину. У большинства из такой публики ни о какой политике мыслей не было. Они всего лишь шалели от западного изобилия и мечтали зацепиться в эдаком «раю». А деятели искусства хватались за «свободу творчества» (которое, само собой, должно было прилично оплачиваться). И оплачивали. Разными путями за границей оказались В. Аксенов, В. Максимов, В. Некрасов, В. Войнович, А. Тарковский, Ю. Любимов, М. Ростропович, Г. Вишнев-

ская. А. Галич и др. Все это тоже годилось. В западных средствах массовой информации, в «голосах», транслируемых на Россию, преподносилось — лучшие представители культуры выбирают «свободы» (читай — а не Родину).

Но, между прочим, только внутри СССР поддерживались настроения антисоветские. А внешние силы брали курс откровенно антирусский. Что и понятно, ведь в перспективе Россию требовалось расчленить. Для этого Советский Союз провозглашался «империей зла» — что перекликалось с Российской империей. Реанимировались исторические фальшивки вроде «завещания Петра I». В западном кино, литературе, средствах массовой информации создавался образ врага — «русского». Американский «Закон о порабощенных нациях», принятый в 1959 г., объявлял, что эти нации порабощены «русским коммунизмом». И среди диссидентов американцы отнюдь не случайно выдвигали на первый план евреев, прибалтов, кавказцев, украинцев, чью борьбу можно было бы трактовать как борьбу «против русских».

А это сказывалось и на облике эмиграции. «Первая эмиграция» отождествляла себя с Россией, провозглашала борьбу с коммунизмом, но с опорой на русский народ. «Вторая» надеялась только на иностранцев, но все же делала разделение между коммунистической властью и народом[8]. В «третьей эмиграции» самым востребованным направлением оказалось русофобство. Так, были раскручены до уровня бестселлеров, издавались миллионными тиражами на разных языках книги высланных из СССР диссидентов-журналистов В. Соловьева и Е. Клепиковой, ставивших в один ряд «самодержавие» и «диктатуру пролетариата», опричнину и КГБ и проповедовавших, что «рабство» создано для себя самими русскими и «отвечает их социальным, политическим, моральным и психологическим нуждам». «...Имперский народ, который за многие столетия полурабского существования привык принимать милосердие за слабость, садизм и варварство за силу, а страх — за уважение. Страдания, выпавшие на долю этого народа, ожесточили его и сделали безжалостным к другим народам; моральные ценности, вдохновляющие западную цивилизацию, ему неинтересны и невняты»[170].

Но воздействие на Советский Союз осуществлялось не только через политическую оппозицию. Оно шло и напрямую, на народ. И в данном плане «союзником» Запада становился научно-технический прогресс, предоставляя все новые средства для этого. Большинство современных технологий иностранцы отказывались предоставлять нашей стране, но кое-что вдруг давали. И, например, рижский завод ВЭФ начал массовое производство транзисторных приемников. После чего любой мальчишка, имеющий «спидолу», смог без контроля родителей слушать во дворах и скверах зарубежную музыку, а заодно и «вражьи голоса». А следом грянула «магнитофонная революция», позволившая широко распространять, переписывая друг у друга, неподцензурные песни, стихи, ту же рок-музыку и передачи из-за рубежа. В научных, производственных, учебных учреждениях появились ксероксы — и пошло повальное тиражирование самиздата и прочей полуподпольной литературы.

«Окнами» для проникновения чужих влияний становились соцстраны, которым предоставлялись большие «свободы» и более широкие связи с Западом. И через них, как через перевалочные пункты попадали в СССР всевозможные журналы, книги, фильмы. Причем в первую очередь не политика, а порнография. Но и это требовалось для воздействия на людей! Это оказывалось намного эффективнее, чем политика! Шло воздействие и через зарубежные фильмы, запускавшиеся ради кассовых сборов на советских экранах. Пусть это были безобидные комедии, боевики, даже «прогрессивные» работы прокоммунистических авторов. Но народ раскатывал губы, видя прекрасные автомашины, рестораны, бары, огни реклам, полураздетых красоток. Совсем раздетых не показывали, вырезали. И люди отстаивали огромные очереди за билетами на кинофестивали, чтобы посмотреть без купюр, не порезанное.

Уже любой, даже самый «забитый» работяга доподлинно знал, что «у них жить лучше». А особенно эффективно эти влияния поражали молодежь и интеллигенцию. Копируя Запад, появлялись советские хиппи, панки, демонстрируя «протестантский» образ мысли и поведения. А интеллигенция ударялась в духовное искательство, охотясь за «смелыми» произве-

дениями, за «живой» мыслью, «запрещенными» книгами. Нет, наибольшее влияние на нее оказывала, опять же, не «политика». Произведения типа «Архипелага ГУЛАГ» были скучными. Материалы диссидентов и правозащитников никого по большому счету не интересовали. Ну посадили кого-то — и что? Может быть, за дело, сами нарвались. Зато интеллектуалы тянулись к «общечеловеческим ценностям». Утратив в душе идеалы коммунизма, искали нечто иное, неведомое.

И ходили в ксерокопиях, пользуясь бешеным спросом, романы Стругацких, которые от фантастики и веселого критиканства перешли к разочарованным мудрствованиям. Глубокомысленный уход в себя, уныние, пессимизм... Это нравилось, это отвечало собственному состоянию интеллигенции. Огромным успехом пользовались и произведения Ефремова, особенно «Таис Афинская» — где он, по сути, воспел «красоту» язычества, «сокрытую мудрость» древних темных культов и мистерий, щедро перемешав все это с эротизмом. И можно смело предположить, что как раз «Таис Афинская» привела к зарождению в России неоязычества. Впрочем, допустимо предположить и другое. Что талантливых авторов, может быть, и не случайно наводили на подобную тематику. И уж тем более не случайно культивировалась и распространялась мода на такие произведения.

Или возьмем моду на Андрея Тарковского. Автор однажды встречался с ним — и вынес впечатление, что увидел душевно нездорового человека. То же самое довелось слышать от сельских жителей Владимирской области, с возмущением рассказавших, как на съемках «Андрея Рублева» «гений» ради эффектных кадров приказал облить бензином и поджечь живую корову. Приходилось слышать и о том, как снимались другие натуралистические сцены, как актрису заставляли мочиться перед объективом. Но сам фильм стал сгустком дикости и черноты, выставив таковым русское прошлое — и на Западе его немедленно признали гениальным. Да и среди советских интеллектуалов вокруг него был раскручен ажиотаж, усугубляемый опять же эротическими моментами и полузапретностью. Поднималось на щит и преподносилось в качестве образцов именно такое. Болезненное, темное, гибельное. Причем

преподносилось в странный унисон — зарубежными «ценителями» и слухами среди отечественной интеллигенции.

Но и в официальном советском искусстве, открытом, направляемом государством, стали вдруг в данный период происходить очень нездоровые явления. Хотя регулировали его, по идее, жестко. Пленум ЦК КПСС 1964 г. принял постановление об усилении партийного контроля во всех звеньях, в том числе в сфере культуры. В 1966 г. XXIII съезд партии постановил «давать решительный отпор вылазкам фальсификаторов истории». В 1969 г. вышло постановление ЦК «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идеологический уровень публикуемых материалов и произведений». В литературе и кино стала вводиться вообще система «госзаказов» — авторам и режиссерам спускались темы, иногда даже примерные сюжеты, по которым они и создавали свои произведения. Да ведь и финансировалось все искусство только государством.

Однако, несмотря на это, в нем проявлялись совсем не «партийные» тенденции. Иногда их допускали и преднамеренно. Так, партийные руководители сочли, что увлечение молодежи зарубежной поп-музыкой, пожалуй, является вредным. И в качестве «противоядия» стали создаваться свои «вокально-инструментальные ансамбли». А в результате в Советский Союз внедрялись те же самые обольщающие модели «массовой культуры», множились такие же, как на Западе, рок-тусовки. Подражательство зарубежным образцам шло и в кино. Появлялись советские боевики, «остерны» — по примерам «вестернов». Все больше отечественных режиссеров отваживались на «смелость», вставляя в фильмы эпизодики с полуголыми актрисами — зная, что это обеспечит полные залы в кинотеатрах.

Но, например, в то же самое время, когда поддерживались «вокально-инструментальные ансамбли», пошли притеснения русских народных, казачьих хоровых, танцевальных коллективов. Для них не находилось денег, их лишали помещений, закрывали, распускали. Вытеснялись из репертуаров народные песни, заменяясь дешевками эстрады. Русским художникам ходу не давали, произведений не выставля-

ли — зато множились выставки «авангарда». Возобновилось разрушение архитектурных памятников старины, а для реставрации якобы взятых под охрану государством «не хватало средств». И, вопреки всем постановлениям против «фальсификаторов истории», стало появляться все больше произведений, как раз и фальсифицирующих ее, изображающих исторические события и достижения России в пошлом и карикатурном виде. Антирусские нотки явно обозначались в прессе, в литературной критике, в театре.

Эти процессы были настолько заметными и приняли такой размах, что патриоты забили тревогу. Выразителем их позиции стал М.А. Шолохов, в это время уже фигура мировой величины, и тоже ведь лауреат Нобелевской премии. В 1978 г. он обратился с письмом к Брежневу. Указывал: «Одним из главных объектов идеологического наступления врагов социализма является в настоящее время русская культура... Принося роль русской культуры в историческом духовном процессе, искажая ее высокие гуманистические принципы, отказывая ей в прогрессивности и творческой самобытности, враги социализма тем самым стараются опорочить весь русский народ... Не только пропагандируется идея духовного вырождения нации, но и усиливаются попытки создать для этого благоприятные условия... Особенно яростно, активно ведет атаку на русскую культуру мировой сионизм, как зарубежный, так и внутренний. Широко практикуется протаскивание через кино, телевидение и печать антирусских идей, порочащих нашу историю и культуру...»[135].

Приводился целый ряд примеров подобных безобразий, предлагались меры для экстренного выправления дел. Но патриоты были уже не в чести. От Брежнева письмо спустилось на рассмотрение в Секретариат ЦК, где М.В. Зимянин отписал: «Изображать дело таким образом, что культура русского народа подвергается ныне особой опасности... означает определенную передержку по отношению к реальной картине. Возможно, т. Шолохов оказался в этом плане под каким-то отнюдь не позитивным влиянием. Стать на высказанную им точку зрения означало бы создавать представление об имеющемся якобы в стране некоем сионистском политическом течения или направлении... это не соответствует действитель-

ности». А «выдвижение тезиса о русской культуре в качестве объекта особой защиты» было бы «чревато» по отношению к «культуре других народов». Постановлялось: «Разъяснить т. Шолохову действительное положение дел с развитием культуры в стране», и «никаких открытых дискуссий по поставленному им особо вопросу... не открывать»[135]. Как видим, у разрушительных сил уже в 1978 г. в самых верхах государства было «все схвачено».

В 1917 г. Россию удалось опрокинуть, когда она была тяжело больна. К новому переломному моменту в своей истории она тоже подходила совершенно больной. Чтобы расшатать и ослабить прежнюю, православную империю, врагам нашей страны потребовалось больше ста лет. Моральные устои коммунизма оказались гораздо слабее. Хватило четверти века.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ «ВИХРИ ВРАЖДЕБНЫЕ»?

На календарях было 21 августа 1991 г. На баррикадах вокруг Белого Дома в Москве бурное людское море ликовало и праздновало свою победу. В этом море перемешались самые разные, самые непохожие — панки и омовцы, тусовщики и ветераны Афганистана, москвичи и приезжие, казаки и евреи. Толпы, перетекая, слушали речи нескольких митингов. Кричали, подхватывая лозунги. Обнимались. Там и тут пили, собираясь в кучки. Другие, с воспаленными от бессонной ночи глазами, устало сидели у палаток и костров. А те, кто нахлынул в последний момент, фотографировались на фоне баррикад, танков, бронетранспортеров. Всюду «триколоры» — на трибунах, танках, деревьях. Всюду руки, вскинутые рога­тым жестом «V» — победа! Свобода!..

Инерция, по которой двигалось Советское государство, стала нарушаться на 9 лет раньше, в 1982 г., когда один за другим отправились в мир иной сперва «серый кардинал» Су­слов, а за ним и Брежнев. На его место неожиданно для многих выдвинулся председатель КГБ Ю.В. Андропов. И взялся укреплять государство, замышлял решительные реформы. Но

судить о них трудно. То, что успело проявиться, было слишком уж противоречивым.

Был взят курс на наведение порядка во всех звеньях, в том числе и в самых «верхах». Покатились удары по «феодальным княжествам» — стали раскручиваться «узбекское», «сочинское», «рыбное» и другие дела, где были замешаны весьма высокопоставленные лица советской номенклатуры. Но все эти дела для народа не афишировались, из «номенклатурной избы» сор выносить не полагалось. Но, наряду с этим, имеются сведения, что готовился и новый удар по Православной Церкви — массированный и сокрушительный...

Партия и государство нацеливались на укрепление дисциплины, но одновременно ослаблялась централизация планирования и распределения, вводились «более либеральные механизмы ценообразования». Проще говоря — цены скакнули вверх. А в утешение народу появилась более дешевая и отвратительная по качеству водка-«андроповка». Андропов вроде бы выступал патриотом. Но при этом именно он выдвинул в руководство Горбачева...

Однако повторяюсь, судить о предполагаемых реформах очень трудно. Кто знает, как должно было быть, если этого не было? Единственное, что осуществилось широко и реально, — милицейские рейды по магазинам, парикмахерским, даже баням. Чтобы ловить прогульщиков, которые в рабочее время шляются по личным делам. Да и вряд ли это придумал Андропов, все же он был умным человеком. Скорее прихлебатели постарались. Причем подобные меры «укрепления дисциплины» никакого не напугали, ни на кого не подействовали. Только породили массу анекдотов, а люди продолжали удирать с работы, чтобы занимать очереди за продуктами, носить в починку негодные телевизоры и искать по магазинам дефицитную одежду. Так и заглохли облавы из-за полной своей неэффективности и бессмысленности. А больше ничего осуществить Андропов не успел. К власти он пришел уже тяжело больным, и в феврале 1984 г. отправился вслед за Брежневым, на кремлевское кладбище.

В кулуарной борьбе и интригах генеральным секретарем сделали К.У. Черненко, который еще при Брежневе считался его «наследником». Но он и подавно был дряхлым и недееспособным.

собным. За него рычаги управления дергали другие, и успели разве что тормознуть слишком скандальные уголовные дела, начатые при Андропове. А в марте 1985 г., всего лишь после года «правления», пришла пора и для Черненко переселяться вслед за Андроповым. И интересы закордонных «сил неведомых», как и интересы «молодых реформаторов» в советском руководстве, совпали. К власти привели Михаила Сергеевича Горбачева.

А дельше дело было, можно даже сказать, «просто». Надежно и сокрушительно. Когда Горбачев оказался во главе государства, воротили «мировой закулисы» обеспечили экономическую диверсию — резко упали мировые цены на нефть. И поток «нефтедолларов», на котором, как на игле, сидела наша страна, внезапно усох. Правда, советские финансы держались не на одном, а на «двух китах», на экспорте энергоносителей и винной монополии. Но вторую опору успешно обрушил сам Горбачев, провозгласив антиалкогольную кампанию. И все. Финансы, экономика, социальные программы рухнули. А якобы для того, чтобы выйти из кризиса, началась кампания «перестройки и ускорения».

Впрочем, об «ускорении» вскоре забылось. А «перестройка» в первую очередь почему-то сказалась вовсе не в экономике, а во внесении политического хаоса. Ну конечно же, во главу угла были выдвинуты очередные «разоблачения» Сталина. При Хрущеве это имело и важный практический смысл — объяснить «сталинизмом» все жертвы и неудачи, а тем самым приобрести новый кредит доверия в народе. При Горбачеве кампания стала самодовлеющей. И пошла гораздо глубже. В 1950-х реабилитировались только тухачевские и косиоры, истреблявшие русских людей, но никак не влиявшие на политический курс государства. Теперь отмывали и оправдывали главных «оборотней». Делали настоящего героя из Бухарина, реабилитировали Зиновьева, Каменева и иже с ними...

Только Троцкого официально оправдывать все же держались. Слишком уж одиозной фигурой был. Но неофициально оправдывали, жалели как несчастного изгнанника, невинно убиенного по приказу тирана. И аргументы перенимались на вооружение чисто троцкистские. Хотя и без ссылок на Льва Давидовича, плагиатом. Обвинения Сталина и

«сталинизма» целиком брались из его книг, его статей. Зачем лишнюю работу делать и что-то придумывать, если уже придумано и скомпоновано? Благо наследники Троцкого оказались понятливыми, исков за нарушение авторского права не предъявляли. Троцкистские модели использовались Горбачевым и для подавления своих политических противников в партийном и государственном руководстве — их крушили под лозунгом «борьбы с бюрократией». Себя же Михаил Сергеевич, в противовес «бюрократам», относил к «революционерам». Даже брошюру с изложением своего курса назвал весьма красноречиво: «Октябрь и перестройка: революция продолжается. 1917—1987»[45].

Выбросились на прилавки конъюнктурные бестселлеры Рыбакова и Шатрова. А вместе с ними выплеснулся в печать и на страницы журналов еще целый пласт литературы, прежде незнакомой читателям. Той литературы, которая десятилетиями копилась в ящиках авторских и редакционных столов. Наверное, не было бы особой беды, если бы она так и сгнила в этих ящиках. Но нет, недогнила, вывалилась на головы публики, запутывая, сбивая с толку, переиначивая сложившиеся представления. А власть, клеймя Сталина ленинским «завещанием», попутно зацепилась за это «завещание», чтобы открыть дорогу новому варианту «нэпа». Широко развернулась пропаганда кооперации, ее объявляли «ленинским путем», панацеей от всех бед. И мутная мешанина кооперативов заполонила страну. Позволила легализовать теневую экономику, начала перекачивать в свои структуры товары и прибыли из государственного сектора. И через нее стало утекать в неизвестных направлениях «золото партии» — так же, как утекло в свое время золото Третьего рейха.

А развал экономики и финансов требовал зарубежной «помощи». Но вот что любопытно — Советский Союз крайне не нуждался в деньгах, однако Горбачев начал свой международный диалог с весьма своеобразной «инициативы». Предложил, чтобы СССР и западные державы простили долги странам «третьего мира»! Причем тут же, не дожидаясь ответа США и их союзников, объявил об этом в одностороннем порядке. Нет, конечно же, Запад и не подумал подобную «инициативу» подхватывать. А наша страна одним махом отказа-

лась от многих миллиардов долларов, которые десятилетиями вкладывались в страны Азии, Африки, Латинской Америки. Одним широким жестом генсека все было выброшено...

Ну а дальше, в обмен на займы, на поставки Михаил Сергеевич стал одну за другой сдавать позиции в мире. Или под предлогом займов и поставок. В общем — сдавать. Выводил войска из Афганистана, из стран Восточной Европы. Экстренно, поспешно, как при военной капитуляции. Бросали базы, склады имущества, жилые городки, построенные за советский счет. Да еще и соглашались платить за то, что понастроили на чужой территории. Вот тут-то выяснилось, что Хельсинкские соглашения о нерушимости границ и признании различных общественных систем вовсе не обязательны. Рушилась берлинская стена, ФРГ поглощала ГДР, в странах Восточной Европы преследовали и сажали коммунистов, «просоветские элементы», а на вчерашних советских базах удобно размещались войска НАТО.

Зато пункты о «правах человека» оставались в полной силе. И Запад принялся играть на них по-крупному, тыча в них носом Советский Союз (и тыча, разумеется, в собственной интерпретации). А Горбачев снова шел на уступки. Распорядился отменить ст. 70 уголовного кодекса (антисоветская агитация и пропаганда), в 1987 г. были освобождены все «политические», осужденные по этой статье. Причем посол СССР в США Кашлев прямо указывал, что сделано это по причинам «затруднений в международных отношениях Советского Союза, вызываемых наличием таких заключенных»[130]. На свободу вышли диссиденты, националисты, активисты НТС и других антисоветских структур (но нелишне отметить, что преследования Православной Церкви продолжались до 1989 г., такие «права человека», видимо, были второстепенными).

«Расширение демократии» сняло преграды и для проникновения в СССР культуры из-за рубежа. Вот тут-то и пригодилась русская эмиграция! Контакты с ней приветствовались нашими «реформаторами», заявлялось, что наконец-то «две России встретились», что «зарубежная Россия» дождалась своего часа и может передать на родину сбереженные и накопленные ею духовные богатства. Однако на самом-то

деле в Советский Союз хлынул сбродный поток, где перемешалось действительно ценное и грязь, правда и отравы. Книжки Деникина, а одновременно и ложь Керенского, и мемуары бывших власовцев. Труды великих мыслителей, а одновременно пасквили Войновича, похабщина Лимонова. Все вместе — на головы дезориентированных советских людей.

А в отечественной культуре почва была уже подготовлена. Подхватила, понесла! И сама поддавала жару. Резво «перестроился» кинематограф, принявшись «раскрепощать» сознание, освобождая его от остатков прежней морали, а заодно и морали вообще. «Перестраивались» газеты и журналы, переполнившись «прогрессивными» материалами. Появилось множество юмористов, взявшихся дружно высмеивавших русскую тупость, неумелость и неприспособленность к «цивилизации». Патриотическое начало теперь уже полностью отвергалось, его противопоставляли «демократическому». Отождествляли патриотизм с коммунизмом — и, стало быть, с «реакционерами».

В рамках «прав человека» на Украине была восстановлена униатская церковь — и поехали из-за рубежа католические эмиссары, иезуиты, «возрождая» раскол Православия. Впрочем, и другие расколы добавились. Легализовались секты, в том числе маскирующиеся под православных. Опять, как во времена Троцкого, появилась особая «украинская церковь». Вероятно, в рамках тех же «прав человека» и «свобод» пришли в Советский Союз из-за границы и масонские ложи. Они, в отличие от униатов или кришнаитов, себя не рекламировали. Но они и в других странах себя не рекламируют, им по статусу не положено. Просто открылись и начали действовать.

И первой в нашей стране легально угнездилась ложа «Бнайт Брит». Та самая, к которой принадлежал покойный Яков Шифф и его компаньоны-банкиры, финансировавшие большевиков. Парижский ежемесячник «*LyArche*» сообщал, что в декабре 1988 г. Москву посетила делегация французского отделения «Бнайт Брит» во главе с Марком Ароном и во время визита учредила свою ложу, к маю 1989 г. в ней насчитывалось 63 члена[110]. Потом стали появляться другие структуры... Впрочем, О.А. Платонов, Д.Н. Меркулов, В.Д. Бобров-

ник приводят сведения, что и Горбачев в 1988 г. вступил в масонскую организацию, стал членом весьма «специфического» Мальтийского ордена[110]. Да его-то вообще всюду с распростертыми объятиями принимали. Был признан «лучшим немцем», лучшим другом Маргарет Тэтчер (которая в одном из закрытых выступлений высказывалась, что русский народ надо бы сократить в десять раз).

Что ж, «дружить» с Западом он и впрямь умел. Добиваясь зарубежных кредитов и помощи, щедро платил за это не только сдачей международных позиций, но еще и пожертвовал Вооруженными Силами. Чуть ли не каждый раз, отправляясь на встречи с иностранными лидерами, принялся озвучивать «мирные инициативы» — о сокращениях армии. Опять, как и во времена Никиты Сергеевича, сокращения глобальных, сразу на сотни тысяч, миллионы. И служба советских воинов превратилась в непонятную и безобразную свистопляску. Не успевали набрать нужное количество кандидатур на увольнение, пересмотреть и утрясти новые штаты, как Горбачев выдавал следующую «инициативу», и катились следующие директивы о сокращениях.

А усугубляли атмосферу свои же, советские средства массовой информации, литература, кино, которые неожиданно, но дружно взялись выливать ушаты «негатива» об армии. Унижать и порочить военную службу стало вообще считаться признаком «хорошего тона», «прогрессивных» взглядов. Дошло до того, что во избежание эксцессов и оскорблений командиры приказывали подчиненным офицерам ходить в штатском. А в форму переодевались только на рабочем месте, как в «спецодежду». И доводилось слышать грустные, но довольно меткие афоризмы: «Лучше умереть строя, чем жить перестраиваясь...»

Но, между прочим, нелишне коснуться и «другой стороны медали» — на что же расходовались займы, полученные такой невероятной ценой? Ценой всей Восточной Европы, политических уступок, разрушения армии? Может быть, на эти средства покупалось оборудование, технологии для восстановления советской экономики? Или сельскохозяйственная техника? Лекарства, продукты, предметы первой необходимости? Вот уж нет. Покупались огромными партия-

ми презервативы! И официально, с высоких трибун говорилось, насколько это важно, насколько Советский Союз отстал в данном отношении, как это нужно для защиты от СПИДа и «безопасного секса». Покупались одноразовые шприцы. Чтобы, значит, наркоманы не боялись заразиться. А из техники покупались главным образом отнюдь не станки или трактора, а видеоманитофоны. Это были самые престижные новинки, появившиеся в «перестройку» на советском рынке. Чтобы любой желающий мог смотреть порнуху.

Хотя, конечно, лишь часть кредитов тратилась на такие товары. Потому что остальная часть просто «испарялась», обогащая творцов «перестройки». Бывший американский разведчик Ф. Эйджи описывает, что США часто проделывало такие штуки с коррумпированными правительствами. Выделяются займы на «развитие экономики», их разворачивают. Но заимодавцы закрывают на это глаза. Потому что экономика остается в плачевном состоянии, по-прежнему требует вложений. А долг государства растет, и оно попадает в зависимость от кредиторов[209].

Так было и в Советском Союзе. Преобразования в экономике так и не начались, зато в политике бодро углублялись. В 1988 г. прошли выборы на партконференцию на альтернативной основе, в 1989 г. — пышно разрекламированный Съезд Народных Депутатов, провозгласивший социализм «с человеческим лицом». Стали возникать, как грибы, многочисленные партии. Демократический союз, христианские демократы, конституционные демократы, либеральные демократы, демократическая партия Российской Федерации, Демократическая Россия, социал-демократическая ассоциация, социал-демократическая партия России, социалистическая партия, анархо-синдикалисты, анархо-коммунисты... Возникало и продавалось на каждом углу множество печатных изданий, самодельных, стихийных, нигде и никем не зарегистрированных.

Каждая из этих газетенок тиражом в несколько тысяч экземпляров никакой роли сыграть не могла, и каждая из партий сама по себе гроша ломаного не стоила. Грызлись между собой, делились, спорили по программам и платформам. Например, от Демсоюза, созданного в 1988 г., уже в 1989 г. стали отпадать входившие в него группировки, потом партия раско-

лолась на два враждующих крыла, и демсоюзовские радикалы во главе с В. Новодворской яростно громили редакцию газеты «Свободное слово», издающейся более умеренными демсоюзовцами. Но в своей совокупности все эти партии и течения создавали гремучую политическую смесь. Начался распад и в самой КПСС. Из нее выделились «демократическая платформа», «марксистская платформа», компартии союзных республик. И Горбачев вместо генсека разваливающейся партии принял в 1990 г. титул президента...

А в это же время под Россию закладывались новые «мины замедленного действия»! Так, в 1989 г. правительство вдруг озаботилось судьбами русского Нечерноземья, опустевших и вымирающих деревень, проблемами восстановления сельского хозяйства. И приняло постановление о переселении в Россию жителей из «трудоизбыточных регионов» — Средней Азии, Кавказа. Через два года Советскому Союзу предстояло расчлениться! Миллионам русских, которых когда-то отправляли на целину, в Среднюю Азию, на стройки Закавказья и Прибалтики, предстояло остаться за границей, попасть под власть националистических режимов, а то и погибнуть в национальной резне. А вместо них в коренную, Центральную Россию, на Русский Север, в казачьи области запустили, поддерживая государственными дотациями, армян, азербайджанцев, чеченцев, узбеков, таджиков и пр. Хотя селились они, ясное дело, вовсе не в деревнях. И совсем не стремились возрождать российское сельское хозяйство. Оседали в городах, поселках. Стали возникать целые колонии, не теряющие связь с родиной для торговли, перевода денег, последующих переселений родных и знакомых.

Разрушение Советского Союза исподволь уже начиналось. Устраивались провокации с народными волнениями в Казахстане, Армении, Грузии, Азербайджане, Литве, Латвии. А попытки навести порядок почему-то оказывались слишком уж робкими и нерешительными. Военных пускали в дело, происходили столкновения. Но силовые операции тут же и пресекались, одергивались из Москвы. И результат получался нулевым. Хотя, с другой стороны, сами по себе эти столкновения, человеческие жертвы, вели к нарастанию антирусских настроений, играли на руку агитации сепаратистов.

Наконец, точно так же, как это делалось в 1917 г., на смену одному «реформатору» закулисные дирижеры начали подталкивать следующего, более радикального — Ельцина. Деля уже заметного, именитого. Лично обиженного Горбачевым. Плюс ко всему неумного, недалекого, склонного поддаваться влияниям. И вливаниям тоже. Словом, кандидатура была во всех отношениях подходящей. А окружение у него подобралось весьма симптоматичное. Молодые «реформаторы», в том числе масоны[110, 136]. Бизнесмены, бывшие «теневики» — в том числе связанные с зарубежными финансовыми кругами...

Создать ему массовую поддержку оказалось совсем не трудно. Народ был недоволен Горбачевым, все глубже загонявшим страну в хаос, да и вообще простые люди относились к нему без особых симпатий, интуитивно чувствуя в нем ложь. Откуда выглядело вполне естественным поддержать того, кто против Горбачева. Бориса Николаевича еще и дополнительно «раскрутили», пригласив выступить за границу, разыграв вокруг него несколько скандалов. И он был избран президентом РСФСР. Таким образом противостояние перешло уже не на уровень власти и оппозиции, а Союза — и республик.

Создать типичную «революционную ситуацию» помог дефицит продуктов. То же самое проделали перед Февральской революцией. Долго ли умеючи?[114] С прилавков исчезло все. А вместо продовольствия появились талоны, которые не всегда отоваривались или отоваривались суррогатами. Да еще и постой в очереди несколько часов, чтобы эти суррогаты получить. Нарастало возмущение. А для того, чтобы окончательно сломать инерцию советской жизни, был разыгран «путч ГКЧП».

Всех «путчистов» ввел в высшие органы власти сам Горбачев. Сам отбирал их, сам сосредоточил вокруг себя к концу 1990 г. Экс-премьер Павлов впоследствии проговорился, что в августе 1991 г. Михаил Сергеевич, находясь на отдыхе в Крыму, «был в курсе всего происходящего». В своих показаниях это подтвердили руководители «мятежа»[110]. А генерал В.Г. Медведева, начальник личной охраны президента, вспоминал, как 18 августа, накануне «путча», его участники приезжали в Форос к Горбачеву, беседовали, «прощаясь, обменялись ру-

копоятиями». И все разыгралось, как по нотам. «Мятежники» 19 августа объявили себя Государственным комитетом по чрезвычайному положению, который берет на себя власть, отстраняя президента «по болезни». (Впрочем, что касается отстраненного Горбачева, то Медведев свидетельствует: «Даже душевный покой президента в этот день не нарушался. Мы улетели, а он отправился... на пляж. Загорал, купался. А вечером, как обычно, в кино»[63]).

ГКЧП ввел чрезвычайное положение, закрылись почти все газеты, устанавливалась строгая цензура. Но не слишком ли невероятной выглядит «случайность», когда в условиях этих строгостей на телевидении «по недосмотру» прошел в эфире Ельцин с призывом к сопротивлению? Да не просто с призывом, а стоящий на бронетранспортере — прямо как Ленин на броневику. Тут явно поработали неплохие имиджмейкеры. И тысячи людей потекли в Белому Дому... А армия и спецназ, разложенные «демократической» пропагандой и имеющие все основания ненавидеть прежнюю власть, ее не поддержали. Стали переходить «на сторону народа». А те части, которые могли поддержать, не получили на это приказа. В неразберихе, в случайных эксцессах погибли несколько человек, их объявили национальными героями. Впрочем, быстро забыли. И «путчисты», ничего не попытавшись предпринять, 21 августа сами же капитулировали. Народ ликовал. На радостях люди плакали, обнимались — и поздравляли друг друга со свободой, с победой... Поздравляли, не зная, что все они оказались лишь статистами грандиознейшего представления — поставленного очень грамотными и опытными, но оставшимися «в тени» режиссерами.

Арестованных «путчистов» даже и судить-то не стали. Поддержали для порядка под следствием, да и выпустили. Разумеется, кроме тех, кто слишком много знал. Эти, как и положено в подобных ситуациях, «покончили жизнь самоубийством». А вернувшийся из Крыма президент СССР благодарил всех, кто отстоял «демократию», говорил о «восстановлении конституционного порядка». Однако «конституционный порядок» оказался уже очень сомнительным. Республиканские руководители входили во вкус распоряжаться делами самостоятельно. И 8 декабря 1991 г. не совсем свежий после «то-

варищеских посиделок» Ельцин подписал с лидерами Украины и Белоруссии, Кравчуком и Шушкевичем, так называемые «Беловежские соглашения» — о роспуске Советского Союза и образовании формального «Содружества независимых государств». Между прочим, по знаменательному совпадению соглашения заключались совсем рядом с тем местом, где в 1918 г. троцкисты и националисты подписывали Брестский мир, признавший расчленение Российской империи...

Правда, Ельцин, Кравчук и Шушкевич не имели ни малейших юридических прав на то, что они сотворили. Но президент СССР Горбачев по какой-то причине не приказал арестовать настоящих мятежников против «конституционного порядка». Нет, где там! Он даже не и пробовал сопротивляться, протестовать — или, допустим, залезть на бронетранспортер и призвать к Кремлю народ на защиту Советского Союза. Вместо этого Михаил Сергеевич покорно подчинился воле троих смутьянов, предстал перед телекамерами и сделал грустное заявление — что в связи с ликвидацией СССР он складывает с себя президентские полномочия. По сути, уступил власть добровольно. Как Керенский большевикам. И страна, распадаясь, рухнула в пучину «демократизаций», грабеж «приватизаций», огонь и кровь войн и конфликтов.

Что ж, в этой книге уже отмечалось, тайные сценарии разрушения России разрабатывались в течение XX в. разными деятелями — Хаусом, Даллесом, Бжезинским и др. Но и среди русских мыслителей были люди, способные предвидеть эти сценарии. Например, великий философ Иван Александрович Ильин, живший в эмиграции (в 2005 г. его прах упокоился в Москве, в стенах Свято-Донского монастыря). Тот самый Ильин, который ввел в обиход понятие «мировой закулисы», исследовал ее механизмы, цели и методы действий. И еще в 1950-х гг., когда в нашей стране начались самые первые, не горбачевские, а хрущевские реформы, Иван Александрович писал: «Если что-нибудь может нанести России, после коммунизма, новые, тягчайшие удары, то это именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной тирании — демократический строй». Указывал, что это «значит вернуться к пустому фразерству Временного правительства и повторить

гибельный эксперимент того времени в новом, несравненно худшем виде».

Ильин писал, что как раз с провозглашением демократии начнется «внедрение в Россию мировой закулисы». «Среди обнищавшего, напуганного и беспомощного русского населения инфильтрация разовьется неудержимо, все политические и социальные высоты будут захвачены тихой сапой и скоро все республиканское правительство будет служить «одной великой идее»: безыдейной покорности, безнациональной цивилизации и безрелигиозного псевдобратства». Предсказывал он и то, что враги России «не успокоятся до тех пор, пока им не удастся овладеть русским народом через малозаметную инфильтрацию его души и воли, чтобы привить ему под видом «терпимости» — безбожие, под видом «республики» — покорность закулисным мановениям, а под видом «федерации» — национальное обезличие... Им нужна Россия с убывающим населением... Им нужна Россия безвольная, погруженная в несущественные и нескончаемые партийные распри... Им нужна Россия расчлененная, по наивному «свободолюбию» согласная на расчленение и воображающая, что ее «благо» — в распадении... Но единая Россия им не нужна».

Как видим, добавить нечего. Прогнозы оправдались. Над страной дули новые ветры — демократические. Но они оказались вовсе не теплыми, не ласковыми. Они были снова студеными, губительными. Дули, заматавая русскую землю и завиваясь в еще не виданные бесовские смерчи...

«КОНЕЦ ИСТОРИИ»... ИЛИ НЕ ТУТ-ТО БЫЛО?

В результате «Демократической революции» на Россию обрушились бедствия, по своим последствиям вполне сопоставимые с гражданской и Отечественной войнами... Стоп! А разве и в этот раз не осуществился все тот же принцип — по грехам *нашим*? Ну-ка вспомните, о чем думали, мечтали, к чему стремились мы и другие советские люди в 1970-х, 1980-х? Разве не роптали — «у нас все через задницу» и не мечтали, чтобы

в России было, «как за границей»? А чего именно хотели, что подразумевалось, «как за границей»? Да то самое, что мы видели на экранах кинотеатров, о чем слушали, развесив уши, «счастливиц», побывавших там! Огни реклам, иномарки, небоскребы, шмотки, полные прилавки продуктов и выпивки, стриптизы... Но именно это мы и получили! Оглянитесь вокруг — вот оно. Это далеко не всем доступно? Но оно и за границей не всем доступно. Потому что изобилие Западной цивилизации обеспечивается отнюдь не преимуществами «демократии», а совсем другими факторами. Ограблением других народов и стран — таких, как наша.

И разве мы сами же не хотели «свобод», «демократии»? Завидовали Западу, что там можно в открытую ругать правительство — вот и получили, ругаем теперь свои правительства сколько нам влезет, благо есть за что. И «демократию» получили! Она оказалась «неправильной»? Не такой, как мы думали? Да нет же, она всюду такая. Везде, и в России, и в западных государствах власть принадлежит, конечно же, не народу. Народ только голосует, получая ощущение, будто он причастен к делам государства. А эти дела во всех демократических системах регулируются группировками олигархов. Впрочем, еще св. Иоанн Кронштадтский говорил, что «Демократия — в аду, а на Небе — Царство».

Неужели не закономерно, например, что при развале СССР в первую очередь пострадала интеллигенция, оставшаяся безработной после закрытия НИИ или влачащая жалкое существование «бюджетников»? Но как раз интеллигенция громче всех выступала против «бюрократической системы», «тоталитарной» централизации. Она и получила ослабление централизации — получила на свою голову. А творческая интеллигенция мечтала писать, говорить, показывать что угодно. Это она и получила. Правда, выяснилось, что далеко не все написанное имеет шансы быть напечатанным, и не все сказанное — услышанным. Но ведь и в самых что ни на есть «прогрессивных» западных государствах положение такое же. Твори что хочешь, но до публики дойдет только то, что будет оплачено.

Мы возмущаемся, что «страну разворовали». Разворовали те, кто имел для этого возможность. Но разве другие, по-

лучив такую возможность, не стали бы разворовывать? Разве не на всех подействовал соблазн обогащения? Неужели не общим было настроение «все взять и поделить»? Не соблазнялись ли рабочие, колхозники, превращаясь в «акционеров»? Или кто-нибудь отказался от «ваучеров», когда власть предложила разворовать страну всем вместе? Так кого нам в первую очередь винить? Тех, кто надул нас и разворовал без нашего участия?

А скороспелые бизнесмены, коими воображали себя интеллигенты, молодежь, рабочие, пенсионеры? Которыми пытались стать ох как многие наши сограждане, включаясь в крупные «дела», участвуя в «финансовых пирамидах»? Хотя деньги из воздуха не берутся. Стало быть — желали наживаться за счет других. И разве не адекватным выглядит результат — сами повыветились в трубу, и кто-то нажился за их счет? Причем и те, кто нажился, в свою очередь, получили воздаяние. Если не от государства и правоохранительных органов, то вынужденные скрываться, убитые подельщиками или просто очутившись «на игле»...

Разве значительная часть наших сограждан не оставалась равнодушной, когда резали русских в Чечне, изгоняли, захватывали в рабство? Это было «далеко» и нас вроде бы не касалось. Разве очень и очень многие москвичи, питерцы, жители других городов и поселков не поддерживали тогда позицию продажных СМИ, которые героизировали бандитов и оплеывали нашу армию? Ну-ка вспомните, сколько людей, насмотревшись телепередач и начитавшись газет, доказывали ближним, что надо бы оставить Чечню «в покое». Или думали таким образом. Аплодировали «миротворцам», отдавшим на смерть и мучения сотни тысяч наших братьев. И разве не закономерным выглядит воздаяние, когда война из «далека» пришла к каждому и коснулась каждого — терактами, страхом и ужасом...

Ну а в целом таким вот образом, именно *по грехам нашим*, как говорили древние летописцы, план «мировой закулисы» в отношении России оказался выполнен. Снова была включена «ступенчатая» схема сноса. Ломают, сколько может. Горбачев, потом Ельцин... Россию, как и предполагалось, расчленили. Ее очередной раз ограбили. И снова «таможенным

окном» для этого стала Прибалтика. Ну а как же, если Эстония, не имеющая никаких природных ресурсов, вышла на ведущее место в мире по экспорту цветных металлов!

Впрочем, теперь подобные «окна» играли уже второстепенную роль. Главные богатства уплывали обычными банковскими перечислениями. В США, во всевозможные «офшорные зоны». Вдобавок демократическая Россия признала долги царского, Временного правительств, многократно оплаченные русской кровью и иностранным предательством. Сделала то, на что не решились даже Троцкий и Рыков. Да и как вообще сравнивать «большевистские» механизмы с «демократическими», если в 1920-х для вывоза золота за границу требовалось придумывать фиктивные «паровозные заказы», а нынче вполне официально золотовалютные резервы страны отправили в иностранные банки. В качестве «стабилизационного фонда».

России оставили роль сырьевого придатка Запада. Пусть добывает сырье, газ, нефть — и поставляет за границу. Но что касается концессий в промышленности, на этот раз зарубежные круги обошлись без них. Хотя это, казалось, было выгодно. И на первых порах многие российские предприятия готовы были создавать совместные компании. И иностранцы будто бы проявляли заинтересованность. Велись переговоры, заключались соглашения. После чего иностранцы, получив достаточный пакет акций, закрывали предприятие. Для них оказывалось выгоднее отнюдь не получать прибыль, а убить русскую промышленность. Так что надежды на «братское» сотрудничество, на мировую интеграцию ничуть не оправдались.

Но и надежды тех, кто искренне и самоотверженно боролся с коммунизмом, тоже не оправдались. После падения Советского Союза они со своими заслугами и партийными программами внезапно обнаружили, что... никому больше не нужны. Разве что журналистам — какую-нибудь антироссийскую идею озвучить. Закулисные круги сделали ставку вовсе не на них, а на бывших партийных «реформаторов», на молодых выходцев из «номенклатуры». И на выходцев из «теневой экономики». С ними было проще работать, удобнее, чем с какими-нибудь «идейными».

Через телевидение, прессу, интернет начала в полной мере реализовываться программа Даллеса — разложение народа потоком разврата, насилия, лжи. В России развернули свою работу сотни сект самого различного толка, от псевдоправославных до открыто сатанистских. И настойчиво внедряется пропаганда «Нью-эйдж», «новой религии», призванной слить всю эту пакостную мешанину для поклонения «единому богу». Какому? Нет, вовсе не Богу православных. Для поклонения Его противоположности.

Пошла и денационализация. Графа национальности напрочь исчезла и из паспортов, и из других документов. В контактах с зарубежьем, в культурных, экономических, торговых, общественных организациях «русскими» принялись именовать себя вовсе не русские. А для русского назвать себя русским стало считаться «национализмом», а то и «черносотенством». И среди населения полным ходом стала развиваться космополитизация, особенно в мегаполисах. Действительно, так ли оно важно и нужно ощущать и называть себя «русскими»? Тем более что лучшую работу и оплату можно получить на инофирмах. Так чего на рожон лезть? Удобнее «как все». Как сослуживцы по тем же инофирмам, соседи, знакомые. Работать, получать, делать импортные покупки, в свободное время смотреть по ящику стандартную развлекуху, читать скандальную хронику и обсуждать жизнь «звезд»...

Пошла и откачка мозгов за рубеж. Не утечка, а именно откачка. Через «международные программы», через «помощь» в системе образования, создание совместных учебных заведений. С главной приманкой — работа за границей для самых способных, умных, талантливых. И потекли талантливые отдавать свои таланты, данные им от Бога, чужим странам, чужим хозяевам. Потекли широкой струей. Включилась на конвейер откачка не только мозгов, но и тел. Русских детей, русских женщин, русских девушек — на потребу иноземцам. Они потекли на чужбину еще более широким потоком отдавать свои тела, данные им от русских матерей и отцов. И души тоже отдавать...

Кстати, с падением Советской России умерла и русская эмиграция. Люди остались, а сама она, как явление, умерла. Потому что исчезли идейные установки, поддерживавшие

ее — «сохранять» Россию, жить ради России, бороться за Россию. Они оказались ложью, эти установки. Прежде они оправдывались тем, что эмигранты — изгнанники или потомки изгнанников, вернуться на родину им нельзя. Но когда препятствия исчезли, почему-то почти никто не выразил желания возвращаться и помогать возрождению Отечества. Предпочли достигнутый материальный достаток и комфорт за границей. А стало быть, уже откровенно отреклись от своего Отечества. Стали американцами, французами, австралийцами и т.д., разве что русского происхождения. Ведь американцы или французы индийского, арабского, китайского происхождения тоже помнят о своей родине, хранят какие-то остатки национальной культуры и религии, но эмиграцией их никто не называет.

Правда, среди русскоязычных иностранцев сохраняются и группы, претендующие на поддержание «эмигрантских традиций». Такие индивидуумы по-прежнему величают себя «русскими», но горячо доказывают разницу между «русскими» и «советскими», к коим пренебрежительно относят все население нашей страны. А собственное отречение от нее оправдывают тем, что настоящая Россия умерла еще в 1917 г., а Советский Союз уже Россией не был. Хотя, если признавать Россию умершей, то правомерно ли именовать «русскими» себя?

Но многие используют свое происхождение более прагматично. По старой памяти подрабатывая в иностранных спецслужбах. Или собирая «наследие» эмиграции, оставшиеся за рубежом рукописи, предметы старины, автографы и перепродавая их в Россию. Пытались играть какую-то роль остатки эмигрантских партий, потомки известных деятелей — однако без особого успеха. Вынырнули даже родственники прежней царствующей династии, причем «императрицу» Марию Владимировну и ее сына Георгия вытащил из политического небытия не кто иной как Собчак. И Ельцин соглашался признать их «законными наследниками». Но то ли сперва перепил, а потом недопил, то ли наоборот — и все же передумал. Ну а могло ли от Собчака и Ельцина исходить хоть что-нибудь путное? Оставляю вопрос открытым.

Что же касается «мировой закулисы», то она, свалив Советский Союз, наконец-то смогла выполнить «план Хауса». Еще раз повторюсь, что беру название в кавычки. Автором

наверняка был не только он, и к 1991 г. бывшего советника президента Вильсона, конечно, никто уже не вспоминал. Но те же установки, которые излагались в его письмах и дневниках, были четко выполнены. Мир стал однополярным, во главе с США, которые отныне получили возможность диктовать свою волю под лозунгами защиты «демократических ценностей» — возведенных в некий высший, самодовлеющий приоритет.

Теперь и Россию втянули в эту игру, принялись регулировать своими оценками «демократичности». И тут, опять же, пригодились вскормленные правозащитники, поставляя материалы для чужеземных оценок. Кстати, правозащитный еженедельник «Экспресс-хроника» в № 31 от 1 августа 1997 г., поместил благодарность тем организациям, которые помогали и финансировали правозащитную деятельность в России. Вот этот список: «National Endowment for Democracy, European Human Rights Foundation, The Eurasia Foundation, The Jonh D. and Catherine T. MacArtur Foundation, Правление Российско-американской проектной группы по правам человека, Посольство Королевства Нидерландов, Институт «Открытое общество» (фонд Сороса), Henry M. Jacson Foundation, World Press Freedom Committee, Совет Европы, The Ford Foundation, «Группа Мост» (Гусинского — Березовского). Нужны ли комментарии?

Под флагом соблюдения этих «высших ценностей», «прав человека» организуются игры с различными странами. «Демократическим» юридическим крючкотворством удастся загнать целые государства в безвыходные политические лабиринты, как загнали Украину. А на тех, кто объявлен «недемократичными», стали сыпаться американские бомбы, их теперь оказалось допустимо громить войсками, как было с Югославией, Афганистаном, Ираком. Реализовался и «план Баруха» о «международном», читай американском, контроле за всеми разработками в ядерной энергетике и смежных областях науки — этими методами прижимают Иран, лезут во внутренние дела Северной Кореи.

В общем, план приведения Америки к мировому господству оказался выполнен — и теперь-то правительство США открыто провозгласило идеологию «Нового мирового порядка». Прежние масонские разработки «мирового пра-

вительства» вроде Лиги Наций или ООН оказались уже не нужны. Они выполнили свою роль. Нынче решения о судьбах мира стали приниматься на совещаниях всяких «больших шестерок», «семерок», «восьмерок» — где задают тон, естественно, «Большие Единицы». Но еще большую роль играют элитарные клубы и сообщества, закрытые для «неизбранных», их закулисные конференции, где вырабатываются решения — те, которые потом озвучиваются на «семерках» и «восьмерках». И идеолог «Нового мирового порядка» Ф. Фукуяма назвал это «концом истории»[158].

Ну еще бы не «конец истории», если все народы и страны собственной истории практически лишаются. Если их будущее прогнозируется и определяется другими, а пути их истории контролируются и регулируются. А посмеешь отклониться, будешь объявлен «недемократичным» со всеми вытекающими последствиями. Однако есть и другие весомые причины, по которым «новый порядок» подходит под определение «конца истории». Дело в том, что сама Западная цивилизация, достигшая мирового лидерства, в течение XX — начала XXI в. разительно изменилась...

Еще первая русская эмиграция, очутившись за границей, была поражена западной бездуховностью, торгашеством, ограниченностью, прагматизмом. Но тогда все же Европа и Америка имели свое «лицо», динамично развивались, создавали не только материальные, но и культурные ценности. Но в процессе установления «нового порядка» сперва в США, а потом и в Европе «мировая закулиса» все это уничтожила! Она создавала не только «новый порядок», но и «нового человека», удобного ей и нужного ей. А что получилось, посудите сами. Появляются ли нынче шедевры английской и американской литературы — такие, какими мы с вами когда-то зачитывались? Или шедевры французского, итальянского кино, которыми мы в свое время засматривались? Больше ничего подобного нет. Не рождается. Оно умерло и убито. Заменено голливудскими штамповками, «мыльными операми», конвейерными «бестселлерами», валом «массовой культуры», искусственными культами «звезд».

Это внедрилось целенаправленно. Потому что «мировой закулисе» нужны подданные управляемые. А значит, програм-

мируемые и внушаемые. Одинаковые, похожие, настроенные в унисон. Зацикленные в замкнутом кольце «шопингов», покупая одни вещи, а потом меняя их на другие. Потому что внушили — так надо. Не покупать и потреблять для того, чтобы жить, а жить — чтобы покупать и потреблять. Нужны зомбированные. Чтобы послушно голосовали за демократов или республиканцев. Чтобы отдавали себя «корпоративной жизни» фирмы — целиком и без остатка. А все «духовные запросы» замкнуть на сексе. Увлечь проблемами оргазмов и поддержания потенции. Развернуть для этого самый широкий спектр возможностей от «здорового образа жизни» до пластических операций, от психоанализа до извращений...

А все «лишнее», все то, что может помешать зомбированию, целенаправленно устраняется. И такая шлифовка продолжается сейчас. Например, в ходе мощной кампании «политкорректности». Признается недопустимым применять слова, содержащие признаки расовой, национальной, половой, возрастной, социальной дискриминации. А также дискриминации сексуальных меньшинств, животных, растений и т.д. И слово «негр» заменяется на «афроамериканец», еврей — на «лицо семитского происхождения», проститутка — на «работника сферы сексуальных услуг», гомосексуалист — на «лицо альтернативной ориентации». Нарушения объявляются «языком ненависти» и влекут ответственность вплоть до уголовной. А под флагом борьбы за «политкорректность» запрещаются и изымаются из библиотек книги Шекспира, Сервантеса, Марка Твена, даже детские сказки.

И одновременно реализуются идеи, некогда заложенные в программах ордена иллюминатов — о глобализации, стирании национальностей, государств. Фактически осуществилась мечта Троцкого о «Соединенных Штатах Европы» — с введением единой валюты, еврогражданства, единых виз, единого парламента. Разрушены не только границы, но и национальные культуры европейских народов. Чтобы, значит, не разъединялись, а сливались.

Но такое разрушение культур и нивелировка личности привели и к общей деградации западного человека. К примитивизации его мышления, отмиранию творческого начала. И компенсируется это за счет притока извне. За счет русских,

китайцев, японцев, индусов, латиноамериканцев, которые соблазняются на материальные блага США и Западной Европы и перетекают туда. И как раз они обеспечивают научные разработки, заказанные культурные достижения. *Западная цивилизация умерла!* Она превратилась в гигантского вампира на теле Земли. Вампира, сосущего из других цивилизаций и богатства, и генетический и интеллектуальный потенциал. *Вот это и есть «конец истории».*

И именно такая, мертвая Западная цивилизация пришла в Россию, покорять и завоевывать ее. А Россия... живет! Ее убивали руками Троцкого. Ее убивали руками Гитлера. Ее, казалось бы, еще раз убили руками «реформаторов». Но ведь не убили! Она оживает. Она воскресает снова и снова... Изменившаяся, не такая, а все равно воскресает...

В хаосе «перестроек» и «демократизаций» гибли люди, распадалась экономика, обваливались финансы. Но в это же время бурно стала возрождаться и расцветать Православная Церковь. В бедствиях, в мире рушащихся надежд и рассыпающихся иллюзий, люди снова вспоминали о Боге. На крещение записывались в очереди — и не столько на крещение детей, сколько взрослых. Принимали крещение солдаты и офицеры, отправляясь в Чечню, Абхазию, Боснию. А по всей стране подвижники-священники, монахи, миряне восстанавливали храмы. Без финансирования, трудом энтузиастов, на копеечные пожертвования бабушек-пенсионерок, отдающих, как евангельская вдова, последние две лепты. Но какими-то истинными чудесами эти копейки и рублики вдруг складывались в суммы, достаточные для покупки стройматериалов, производства работ... И надломленная Россия обретала новый стержень, духовный. Точнее, старый, утерянный и найденный — но самый надежный.

Подрастает новое поколение, не попавшее под массированные атаки «демократизаций» и «европеизаций», и вдруг осознает себя русскими. Осознает интуитивно, разобщенно, каждый по-своему, но все равно — русскими. И понимает, что этим надо гордиться, а не стыдиться. И в православных церквях среди прихожан появляется все больше юношей, девушек, детей... А недавно в одном из храмов Подмоскovie — обычном, очень бедном сельском храме, мне довелось услышать,

как иеромонах о. Николай, вдохновившись во время проповеди, воскликнул: «Какое счастье, что я родился и живу в православной России!... Какое счастье, что имею возможность служить Господу!»

Жить в современной России — счастье? Это может для кого-то показаться нелепым, парадоксальным. Но ведь, если вдуматься — действительно счастье. Счастье иметь величайшее, ни с чем не сопоставимое богатство, Веру Православную. Счастье иметь истинные и высокие идеалы в жизни — в том окружающем Россию мире, где никаких идеалов больше нет. Счастье жить не так, как «у них». Счастье не быть бездуховными потребляющими зомби, в которых Запад сумел превратить своих граждан, а русских — не может. Не получается у него, и все тут. Потому что он, исказив собственное сознание, не способен понять, в чем же может заключаться настоящее счастье.

Авторитетные политики, телевизионщики, журналисты, лидеры «общественности» внушают нам, что историческая Россия умерла, что ее, по сути, уже нет. Что она осталась только такой, как демонстрируют нам телеэкраны — криминальной, космополитизированной, продажной и покупной, «новорусской», отдающейся направо и налево, послушно и с удовольствием принявшей чужие стандарты и ценности. И сериалы, передачи, ток-шоу выплескивают на нас представления о такой вот «новой России». Вранье. Потому что те, кто внушает это — вообще не Россия. Они лишь прыщи и гнойная сыпь, появившиеся на ее теле от болезней, которыми ее заразили. А Россия не может быть ни «новой», ни «старой», она одна, какой бы она ни была: царская, красная, белая, советская, нынешняя. Ее можно иметь в душе — или не иметь. Одну-единственную.

И как раз те самые священники, которые с невероятными трудностями возрождают и поддерживают Православие — они и есть Россия. И бабушки, жертвующие от своих жалких пенсий на храм Божий, — это Россия. И молодой человек, гордо назвавший себя русским, он — Россия. И женщина, пришедшая в церковь окрестить ребенка — Россия. И офицер, продолжающий служить невзирая на нищий оклад, на отсутствие жилья, готовый и сегодня, и завтра исполнить

свой долг, жертвуя собой, — Россия. Каждый честный человек, сохранивший в себе русские идеалы, — Россия. И ведь наверное, то же самое можно сказать обо многих из тех, кто держит сейчас в руках и читает эту книгу. Мы с вами и есть Россия! Не обобщенно и абстрактно, а персонально, каждый из нас! И нас гораздо больше, чем это силится изобразить валяющиеся невесты в чьем соку средства массовой информации, гораздо больше, чем порой считаем мы сами.

А вдобавок к этому можно осознать и другое. Что нас-то самих не переделать! И это, кстати, тоже интересно осознать. Вот вы только попробуйте воочию представить себе — как бы ни пыжились враги России, какие бы программы ни разрабатывали, какие бы операции ни проворачивали, какие бы миллиарды своих пархатых «баксов» ни выбрасывали на это, но нас с вами им все равно не переиначить! Не сделать такими, как им хочется! А значит, пока будем мы, то и Россия не погибнет. И получается, что мы с вами... непобедимы! Так неужели это не счастье, чувствовать себя непобедимыми?

И «планы Хауса» опять остаются не выполненными. Потому что наша страна в систему «нового мирового порядка» не вписывается и не хочет вписываться. Снова становится препятствием. Снова заставляет с собой считаться... И снова приходится давить на нее, придумывать каверзы, подводить мины. Ее душат — а додушить не получается. Ее программируют — а она не программируется. Ее обезлюживают, заваливают рекламами «безопасного секса», а она рождает детей. Ее заражают пацифизмом, а она выставляет воинов. Ее дурят и оболванивают — а она оказывается умнее. Ее калечат — а она реанимируется. Ее травят — а она вырабатывает противоядия. Живет... Видать, Кто-то все же помогает России. Кто-то ее поддерживает, опекает. Кто-то молится за нее...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На российских календарях было 2 марта 1917 г. от Рождества Христова. На западных календарях — 15 марта. В Пскове государь император поставил свою подпись под Актом об отречении и устало отложил перо...

Но в этот же день в подмосковном Коломенском была явлена икона Божьей Матери Державной. Ранее неизвестная чудотворная икона, где Пресвятая Богородица изображена в российской короне, с атрибутами российской царской власти. Сама Царица Небесная приняла выпавшие из рук Николая Александровича скипетр и державу. То есть, Она стала и Государыней России. А наша страна, таким образом, осталась... монархией. Да, монархией. Была таковой до 1917 г. и осталась ею, только мы, к сожалению, не замечаем этого и не задумываемся об этом. А единственной законной Правительницей России остается Она, Пресвятая Богородица.

Правительство, дорвавшееся до власти в ходе Февральской революции, не зря называлось «временным». И сменяли друг друга временные кабинеты Львова, Керенского. И большевики, победив в Октябре, сперва назвали свое правительство «временным» — лишь через несколько месяцев это слово исподволь изъяли из официальных документов. И опять сменяли друг друга временные кабинеты Ленина — Троцкого, Сталина, Маленкова — Берию, Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко... Потом пошли кабинеты демократические. Меняются, как в калейдоскопе, лица, кумиры, идола. Меняются до неузнаваемости политические линии. И, обратите внимание, ни одна перемена власти не происходила естественным, «законным» путем. Каждый раз действовали перевороты, заговоры, обманы, верхушечные интриги.

Все власти получают временными — и существуют только до тех пор, пока Она терпит их и позволяет им проявить себя. Мы кидаемся за теми или иными лидерами, мечемся между их программами, лозунгами, увлеченно отплясываем на политических карнавалах. Мы надрываем голос, подхватывая чужие песни, и включаемся в азартные игры по чужим правилам. А Она терпеливо ждет, когда же мы образумимся. Когда же нам наскучат эти буйные глупые игры. Ждет, когда блудным детям надоест транжирить свое достояние, когда надоест, промотавшись, влачить существование батраков и невольников в нищете и грязи, жрать и спать со свиньями — и когда же эти блудные дети, раскаявшись, вернутся к Ней и к Ее Сыну, своему Отцу.

Конечно, мы не знаем, кому из земных деятелей Пресвятая Богородица соизволит передать корону России, да и соизволит ли? Наше ли дело гадать и решать за Царицу? Но ведь суть не в этом. Мы и сейчас живем в системе Монархии. Устои ее оказываются куда прочнее и куда важнее всех вместе взятых «кратий» и «измов», о которых мы так долго и так ожесточенно спорим, в течение столетия хватая друг друга за глотки. А законы этой Монархии оказываются куда более действенными и справедливыми, чем все существовавшие и существующие кодексы и конституции. Это единственные законы, которые исполняются всегда и исполняются в отношении каждого — независимо от его положения, состояния, независимо от того, верит в них человек или не верит.

Но, кроме законов, кроме величайшего могущества, эта Монархия обладает еще и милостью, благодатью — тем, чего вообще нет ни в какой иной системе.

Над Россией продолжает бушевать метель. Засыпавшая и перепутавшая все дороги, ослепившая глаза, заслонившая тучами мглы все ориентиры. Несется не пойми в какие черные бездны закрученными, беснующимися вихрями. И мы кружимся в этих вихрях — заблудившиеся, ошалевшие, бездумно подстраиваясь к потокам и стараясь нестись по ветру... А наша Истинная Царица ждет. Она никуда не девалась, никуда не уходила, Она все время оставалась на своем неизменном, по праву принадлежащем Ей месте. Она ждет, готовая приютить, обогреть, вразумить, наставить. Ждет, когда же мы догадаемся обратиться к Ней...

Впрочем, не мне убеждать читателей, ведь среди них наверняка есть более чистые душой, более достойные, более умные, более эрудированные. И спорить с ними мне тоже не хочется. О чем спорить-то? Поэтому от себя остается сказать только одно: Пресвятая Государыня Земли Российской, прости за дерзость, что посмел обратиться к Тебе, и прими поильную службу Твоего многогрешного раба и воина.

24.01.2008 г., п. Монино

1. Святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа, Синодальное издание.
2. Агабеков Г. Секретный террор. С прилож. А. Колпакиди. М.: Современник, 1996.
3. Александровский Б.Н. Из пережитого в чужих краях, М., 1969.
4. Андреева Е. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М.: Странник, 1993.
5. о. Андрей (Кураев), Юркевич А.Г., Красовицкая М.С. Православие.// Религии мира. Энциклопедия для детей, т.6, ч.2, М.: Аванта +, 1997.
6. Архив полковника Хауза, с предисл. А.И. Уткина. М., АСТ.
7. Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб.: Всемирное слово, 1992.
8. Бармин А. Соколы Троцкого. М.: Современник, 1997.
9. Башилов Б. История русского масонства // Наш современник, вып. 17. М., 1995.
10. Безыменский Л.А., Разгаданные загадки Третьего рейха, М.: АПН, 1984.
11. Безыменский Л.А., Тайный фронт против Второго фронта. М.: АПН, 1987.
12. Белادي Л., Краус Т. Сталин. М., 1990.
13. Бережков В.М. Рядом со Сталиным. М.: Вагриус, 1999.
14. Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994.
15. Беседовский Г. На путях к термидору. М.: Современник, 1997.
16. Бобреньев В.А., Рязанцев В.Б. Палачи и жертвы. М.: Воениздат, 1993.
17. Богденко М.Л. К истории начального этапа сплошной коллективизации./ Вопросы истории, № 5, 1963.

18. Большеви́стское руководство. Переписка. 1912—1927. М., 1996.
19. Борисов О.Б., Колпаков Б.Г. Советско-китайские отношения. М., 1972.
20. Бруновский В. Дело было в СССР/Архив Русской революции (АРР), т.19. М.: Терра-Политиздат, 1993.
21. Бутай Н. Был ли геноцид казаков? // «Казачья слобода», № 1—2, 1994.
22. Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1990.
23. Васецкий Н.А. Троцкий. Опыт политической биографии. М., 1992.
24. Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1974.
25. Василевский А. Бред разведок, ужас Чрезвычайки./ Лит. Обозрение, № 12. М., 1989.
26. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1977.
27. Верт Н. История Советского государства. М.: Прогресс-академия, 1994.
28. Верховное командование в первые дни революции. Документы./АРР, т.16. М.: Терра-Политиздат, 1993.
29. В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917—1922 гг.). М.: Политиздат, 1987.
30. Вильтон Р. Последние дни Романовых. Берлин, 1923.
31. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1—9. М., 1978.
32. Военная мысль в изгнании / Сост. Домнин В.И. М.: Военный университет. Русский путь, 1999.
33. Волков А., Славин С. Адмирал Канарис — «железный» адмирал. Смоленск: Русич, 1998.
34. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина, кн. 1—2. М.: АПН, 1999.
35. Волкогонов Д.А. Троцкий. Политический портрет, т.1—2. 1992.
36. Воскресенская З. Под псевдонимом Ирина. / Коммент. полк. Э.П. Шарапова. М.: Современник, 1997.
37. Выстрел в сердце революции. / Под ред. Н.Д. Костина. М.: Политиздат, 1983.
38. Геббельс Й. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993.
39. Герцштейн Р.Э. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск: Русич, 1996.

40. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983.
41. Грей Я. Сталин — личность в истории. М.: Интердайджест, 1995.
42. Голиков Д.Г. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917—1925 гг.). М.: Политиздат, 1975.
43. Гриф секретности снят. М., 1993.
44. Громыко А.А. Памятное, т.1—2. М.: Политиздат, 1988.
45. Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. 1917—1987. М.: Политиздат, 1987.
46. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Айрис-пресс, 2003.
47. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М.: Рольф, 2001.
48. Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России, XX век. М.: Просвещение, 1995.
49. Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. / АРР, т.14, 16. М.: Терра-Политиздат, 1993.
50. Деларю Ж. История гестапо. Смоленск: Русич, 1993.
51. Джолл Д. Истоки Первой мировой войны. Ростов-н.-Д.: Феникс, 1998.
52. Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале. М.: Скифы, 1991.
53. Довбыш Г. Национальный художник и современное «искусство» // Молодая Гвардия, № 4, 2007.
54. Доклад Центрального Комитета Российского Красного Креста о деятельности Чрезвычайной Комиссии в Киеве. / АРР, т.6. М.: Терра-Политиздат, 1991.
55. Документы о преследовании евреев / АРР, т.19. М.: Терра, 1993.
56. Дудко Д. Он был верующим // Преображение, № 2, 2003.
57. Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. М.: Сов. Россия, 1992.
58. Жевахов Н.Д. Еврейская революция, М.: Алгоритм, 2006.
59. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления, тт. 1—2. М.: АПН, 1974.
60. Жуков Ю. Отравители. Полемические заметки о буржуазной идеологии и пропаганде. М.: Молодая гвардия, 1975.
61. Залесский К.А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000.

62. Зелинский К. В июне 1954 года / Минувшее, т.5. М.: Прогресс, 1991.
63. Зенькович Н. Вожди на мушке. Минск: Полымя, 1996.
64. Иванов В.Ф. Тайны масонства. История русского масонства. СПб.: Онега, 1992.
65. Иваницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972.
66. Иванян Э.А. Белый дом: президенты и политика, М.: Политиздат, 1979.
67. Из секретного доклада о причинах неудачи борьбы с большевиками на Северо-Западном фронте. / АРР, т.2. М.: Терра-Политиздат, 1991.
68. Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М.: Госполитиздат, 1949.
69. История внешней политики СССР, т.1, 1917—1945. М., 1976.
70. История Всесоюзной коммунистической партии (большеви-ков). Краткий курс. М., 1997.
71. История гражданской войны в СССР. В 5 томах. М., 1960.
72. История России, XX век. / Под ред. В.П. Дмитренко. М.: АСТ, 1996.
73. Каганович Л. Памятные записки. М.: Вагриус, 1996.
74. Керенский А.Ф. На историческом переломе. М.: Прогресс, 1991.
75. Клиnger А. Советская каторга./ АРР, т.19. М.: Терра-Политиздат, 1993.
76. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Париж, 1971.
77. Кожин В. История Руси и русского слова. Современный взгляд. М.: Чарли, 1997.
78. Колпакиди А., Прудникова Е., Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М., 2000.
79. Комин В.В. Белая эмиграция и Вторая мировая война. Калинин, 1979.
80. Комин В.В. Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977.
81. Кондаков С. За нас молитвы светозарного сонма святых, в земле российской воссиявших // Витязь, № 1, 2005.
82. Конквест Р. Большой террор. Рига, 1991.

83. Кораблев Ю.И. Политические деятели России 1917: биографический словарь. М., 1993.
84. Косолапов Р.И. Слово товарищу Сталину. М.: Алгоритм, 2002.
85. Козн С. Бухарин. Политическая биография, 1888—1938. М., 1988.
86. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1—2. М., 1970.
87. Красная книга ВЧК. М.: Госиздат, 1920.
88. Критский Н. Красная армия на Южном фронте. / АРР, т.18. М.: Терра-Политиздат, 1993.
89. Крупская Н.К. Воспоминания о В.И. Ленине. М.: Политиздат, 1972.
90. Кулиш В.М. История второго фронта. М.: Наука, 1971.
91. Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Чельшев И.А. Правда и ложь о Второй мировой войне. М.: Воениздат, 1988.
92. Латышев А.Г. Ленин: первоисточники. М.: Март, 1996.
93. Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М.: Март, 1996.
94. Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. История России, учебник для 11 класса. М.: Просвещение, 2003.
95. Левченко В.Г. Россия воскреснет. М.: Парад, 2000.
96. Ленин В.И. Полное собрание сочинений, издание 5-е, в 55 томах. М.: Политиздат, 1971—1975.
97. Ленинский сборник II / Под ред. Л. Каменева. М., 1924.
98. Lockhard B. British Agent. New York, 1933.
99. Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М.: Политиздат, 1991.
100. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т.1—2. М., 1923—1924.
101. Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. М., 1971.
102. Максудов С. Дискуссии на Западе о потерях населения в эпоху коллективизации. / Минувшее, т.4. М.: Прогресс, 1991.
103. Максудов С. Некоторые документы Смоленского архива о раскулачивании и высылке кулаков / Минувшее, т.4. М.: Прогресс, 1991.
104. Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и временного правительств, 1878—1917. М., 1931—1938.

105. Мельгунов С.П. Красный террор в России 1918—1923. М., 1990.
106. Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Преступник номер один. Нацистский режим и его фюрер. М.: АПН, 1981.
107. Мейснер Д.И. Миражи и действительность. М.: АПН, 1966.
108. Мейснер Д.И. Исповедь старого эмигранта, М., 1963.
109. Меморандум Эстонского Правительства Верховному Совету. / АРР, т.3. М.: Терра-Политиздат, 1991.
110. Меркулов Д.Н., Бобровник В.М. Контрреволюция и национальная идея России. М., 2003.
111. Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Сталинизм и война. М.: Родник, 1994.
112. Микоян А.И. Так было. М., 1999.
113. Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991.
114. Морозов С.Б. Заговор против народов России сегодня. М.: Алгоритм, 1999.
115. Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История России. Учебник для вузов. М.: Норма, 2002.
116. Мурин Ю. Писатель и вождь. М.: Раритет, 1997.
117. Назаров Г. Я.М. Свердлов — организатор гражданской войны и массовых репрессий // Молодая Гвардия, № 10, 1989.
118. Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984.
119. Никулин Л. Мертвая зыбь. М., 1965.
120. Никулин Н.М. Троцкий Л.Д. Отступление в историю. М., 1993.
121. Новая Оппозиция. Л., Прибой, 1926.
122. НТС. Мысль и дело. М.: Посев, 1999.
123. Оболенский П. На чужой стороне. // Москва, №8, 1965.
124. Образование Северо-Западного правительства. Доклад Карташева, Кузьмича-Караваева и Суворова. / АРР, т.1. М.: Терра-Политиздат, 1991.
125. Оглашению подлежит, СССР — Германия 1939—1941. Документы и материалы. М.: Моск. рабочий, 1991.
126. Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. М.: Профиздат, 1990.
127. Очерк взаимоотношений Вооруженных Сил Юга России и представителей французского командования. /АРР, т.16. М.: Терра-Политиздат, 1993.
128. Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. СПб.: Всемирное слово, 1991.

129. Орлов В.Г. Двойной агент: записки русского контрразведчика. / С послесл. и прилож. А. Здановича. М.: Современник, 1998.
130. Орлов Ю.Ф. Опасные мысли. М.: АИФ, 1992.
131. Павлова Н.А. Пасха красная. М.: Адрес-Пресс, 2003.
132. Павлов И. Революция и бюрократия. Записки оппозиционера. М., 2001
133. Переписка председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в 2-х тт. М.: Политиздат, 1976.
134. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск: Русич, 1993.
135. Письмо М. Шолохова Л. Брежневу // Казаки, № 5, 2005.
136. Платонов О.А. Терновый венец России. История царевубийства. М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2001.
137. Повесть Л., Бержье Ж. Утро магов. М.: Русский раритет, 1992.
138. Полевой Б. Эти четыре года, т.1—2. М.: Молодая гвардия, 1974.
139. Полторак А.И. Нюрнбергский эпилог. М.: Воениздат, 1969.
140. Поляков Г. Военное духовенство России. М.: ТИИЦ, 2002.
141. Поляков Ю.А., Шишкин В.А., Мухачев Ю.В. и др. Антисоветская интервенция и ее крах. М.: Политиздат, 1982.
142. Попов В.И. Жизнь в Букингемском дворце. М.: Новина, 1996.
143. Пудин В. «Синдикат-2» / Особое задание. Воспоминания ветеранов чекистов. М.: Московский рабочий, 1988.
144. Пыхалов И.В. Спецслужбы США. СПб.: Нева, 2002.
145. Пятницкий В. Заговор против Сталина. М.: Современник, 1998.
146. Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М.: Миф, 1993.
147. Риббентроп И. Тайная дипломатия III рейха. Смоленск, Русич, 1999.
148. Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М., Госполитиздат, 1958.
149. Роговин В. Власть и оппозиция, М., 1993.
150. Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская революция./ АРР, т.6, М., Терра-Политиздат, 1991.

151. Родзянко М.В., Крушение империи./ АРР, т. 17, М., Терра-Политиздат, 1993.
152. Россия на рубеже веков. Исторические портреты. М, Политиздат, 1991.
153. Руге В. Как Гитлер пришел к власти. М., Мысль, 1985.
154. Садуль Ж., Записки о большевистской революции. М., Книга, 1989.
155. Сазонов А.А. Крестный путь. За присуд казачий, кн.1, М., Русская книга, 1996.
156. Самойлов Е. От белой гвардии — к фашизму / Неотвратимое возмездие, М., Воениздат, 1979.
157. Сахаров В.А. «Политическое завещание» Ленина, М., МГУ, 2003
158. Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. Послел. и коммент. М.Назарова, М., Русская идея, 1998.
159. Свердлов К.Т. Яков Михайлович Свердлов. М., Молодая Гвардия, 1976.
160. Селигмен Б. Сильные мира сего: бизнес и бизнесмены в американской истории. М., Прогресс, 1976.
161. Семанов С. Н. Сталин. Уроки жизни и деятельности, М., ЭКСМО-Алгоритм, 2002.
162. Семенов Ю. Заговор Локкарта./ Неотвратимое возмездие. М., Воениздат, 1979.
163. Серж В. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера, М., НПЦ «Праксис».
164. Сидоров Д.И. Экономическое положение России в Первой мировой войне, М., 1973
165. Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., АПН, 1989.
166. Смирнов Л.И., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., Воениздат, 1978.
167. Соколов Н.А. Убийство царской семьи. М, Сов. писатель, 1991.
168. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Малое собр. соч., т.5-7, М., Инком НВ, 1991.
169. Соловьев Б.Г. Суходеев В.В., Полководец Сталин, М., ЭКСМО, 2003.
170. Соловьев В. Клепикова Е. Юрий Андропов: тайный вход в Кремль СПб., 1995.

171. Солоухин В.А. При свете дня. М., 1992.
172. Союз меча и доллара. Военно-промышленный комплекс в жизни США. Под ред. А.А. Корниенко, М., Воениздат, 1973.
173. Spence Richard B., Trust no one the secret world of Sidney Reilly, Feral House, Los Angeles.
174. Спиридович А.И. История большевизма в России, Париж, 1922.
175. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф.Чуева, М., 1991.
176. Суворов В. Очищение. М., АСТ, 1998.
177. Ткаченко С.Л. Американский банковский капитал в России в годы Первой мировой войны, ВИРД, СПб., 1998.
178. Торчинов В.А., Леонтьук А.М., Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник, СПб, 2000.
179. Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975.
180. Три эпохи государства и власти, сост. Р.Р. Оганян, М., Грифон, 2006.
181. Троцкий Л.Д. Дневники и письма, Нью-Йорк, 1986.
182. Троцкий Л.Д., Моя жизнь. Опыт автобиографии, М., Панорама, 1991.
183. Троцкий Л.Д. Сочинения, т. 1—3, М-Л., 1924.
184. Троцкий Л.Д. Сталин. М., Интердайджест, 1995.
185. Троцкий Л.Д. Уроки Октября, М., 1925.
186. Тютюхин С.В. Лев Давидович Троцкий/ Исторические силуэты, М., Наука, 1991.
187. Угаров М., Незаживающее горе // Казаки, № 3—4, 2005.
188. Уткин А.И. Вторая мировая война, М., Алгоритм, 2002.
189. Уткин А.И. Первая мировая война. М., Алгоритм, 2001.
190. Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография под ред. С.К. Цвигуна, А.А. Соловьева и др. М., Политиздат, 1977.
191. Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918—1921 гг. Иерусалим, Лексикон, 1987.
192. Хрущев Н.С. Воспоминания // Вопросы истории, 1990.
193. Черчилль У. Вторая мировая война. Ростов-н.-Д.: Феникс, 1997.
194. Шамбаров В.Е. Белогвардейщина. М.: Алгоритм, 1999.
195. Шамбаров В.Е. Государство и революции. М.: ЭКСМО, 2002.

196. Шамбаров В.Е. За веру, царя и Отечество! М.: Алгоритм, 2003.
197. Шамбаров В.Е. Казачество. История вольной Руси, М.: Алгоритм, 2007.
198. Шамбаров В.Е. Нашествие чужих. Заговор против империи, М.: Алгоритм, 2007.
199. Шамбаров В.Е. Оккультные корни Октябрьской революции. М.: Алгоритм, 2006.
200. Шамбаров В.Е. Правда о великой войне // Преобразование, № 5, 2004.
201. Шелленберг В. В паутине СД. Минск: Радиола-плюс, 1999.
202. Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. М., 1997.
203. Ширер У. Крах нацистской империи. Смоленск: Русич, 1998.
204. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1986.
205. Шошков Е.Н., Наморси А.М. Щастный. СПб.: Петровский фонд, 2000.
206. Шпеер А. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1992.
207. Штрик-Штрикфельд В. Против Сталина и Гитлера. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1970.
208. Шубин А.В. Вожди и заговорщики. М.: Вече, 2004.
209. Эйджи Ф. За кулисами ЦРУ. М.: Воениздат, 1979.
210. Эрнст Г. Профессиональный антикоммунизм. К истории возникновения. М., 1981.

СОДЕРЖАНИЕ.

Пролог	5
Что такое «план Хауса»?	7
Мир и «мировая закулиса»	12
Тайна сараевских выстрелов	23
Революция или удар в спину?	33
Скрытые механизмы Октября	44
Нашествие иноплеменных	54
Феномен Сталина	61
Почему не состоялось мировое господство США?	69
Россия в крови	76
Кто регулировал ход Гражданской войны?	88
Выброшенные на чужбину	96
Темная ночь над страной	105
Воры и государственники	114
От советских республик — к СССР	121
Кому править на Руси?	129
Запад и антисоветчина	137
«Веселый» нэп	145
«Похоронить троцкизм!»	155
Как родился ГУЛАГ	163
В одной отдельно взятой стране	172
Химеры «Хазарии»	180
Удары извне и изнутри	193
«Вторые эшелоны»	202
После «левых» — «правые»	210
Тайны «великого перелома»	219
Кто привел к власти Гитлера?	226
Было ли вредительство?	239
Кто учинил голодомор?	251

Под прикрытием «культа»	259
Как готовили Вторую мировую	268
Гренада, Гренада... ..	277
Охота на «оборотней»	285
«Большой террор» или «изгнание нечисти»?	295
Как возрождалась Россия	307
Закат Европы	318
Дипломатия — кто кого?	329
Почему война была «странной»?	334
Невозвращенцы и троцкисты	344
Загадки Сталина	349
Кто шел на Россию?	356
Священная война	367
Антигитлеровская коалиция — или новая Антанта?	376
Существовал ли «третий путь»?	390
Война с изнанки	401
Кое-что о «двойных стандартах»	409
Почему «план Хауса» провалился вторично?	418
Кое-что о воздаянии и о возмездии	427
Почему началась «холодная война»?	435
Антисоветчина меняет облик	445
В чем заключалась трагедия Сталина?	456
В паутинах интриг	466
Легенда о Берии и легенда о Хрущеве	477
Кто подогревал «оттепель»?	488
«Хрущевщина»	499
Скромное обаяние диссидентов	513
Кому был нужен «застой»?	522
Зигзаги и обманы разрядки	533
На пути к новой катастрофе	542
Демократическая революция — или «вихри враждебные»?	554
«Конец истории»... или Не тут-то было?	566
Заключение	577
Библиография	580

Массово-политическое издание

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Шамбаров Валерий Евгеньевич

АНТИСОВЕТЧИНА

Редактор В. Манягин
Художественный редактор А. Новиков
Компьютерная верстка А. Кувшинников
Корректор Н. Самойлова

В оформлении переплета использовано фото:
Макс Альперт / РИА Новости

ООО «Алгоритм-Издат»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>

Электронная почта: algoritm-izdat@mail.ru

Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

*По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*

E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*

international@eksmo-sale.ru

*По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118.*

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Подписано в печать 04.03.2011.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,08.

Тираж 3 000 экз. Заказ № 7928.

Отпечатано в ООО «Северо-Западный Печатный двор»,
188300, Ленинградская обл., г. Гатчина, ул. Железнодорожная, 45Б

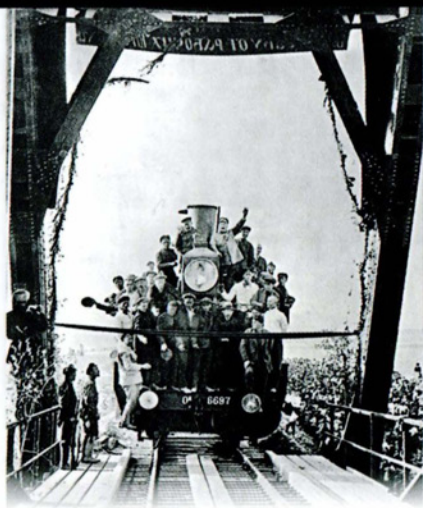
ISBN 978-5-899-48317-4

9 785699 483174 >

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Политику в белых перчатках не делают – это становится ясно после прочтения данной книги. Скрытые механизмы Октября, феномен Сталина, Большой террор, а главное, кто, как и зачем боролся против СССР – вот ее основные темы. Автор, вскрывая хитросплетения мировой политики, показывает читателю, что, какую бы форму ни принимала антисоветчина: вредителей, троцкистов, уклонистов или диссидентов, нити от этих марионеток всегда ведут на Запад.

ISBN 978-5-699-48317-4

9 785699 483174 >